

Зиливинская Эмма Давидовна, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук. Много лет занимается археологическим изучением золотоордынских городов. С 1977 по 2000 гг. работала на Селитренном городище (Сарай), с 1990 по 1998 гг. руководила раскопками Маджара, участвовала в раскопках Старого Орхея в Молдавии, городищ Жайык в Западном Казахстане и Сауран в Южном Казахстане. Является автором более 140 научных работ, среди которых монографии:
Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008.
Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет»,2011.
Архитектура Золотой Орды. Взаимодействие культурных традиций. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.

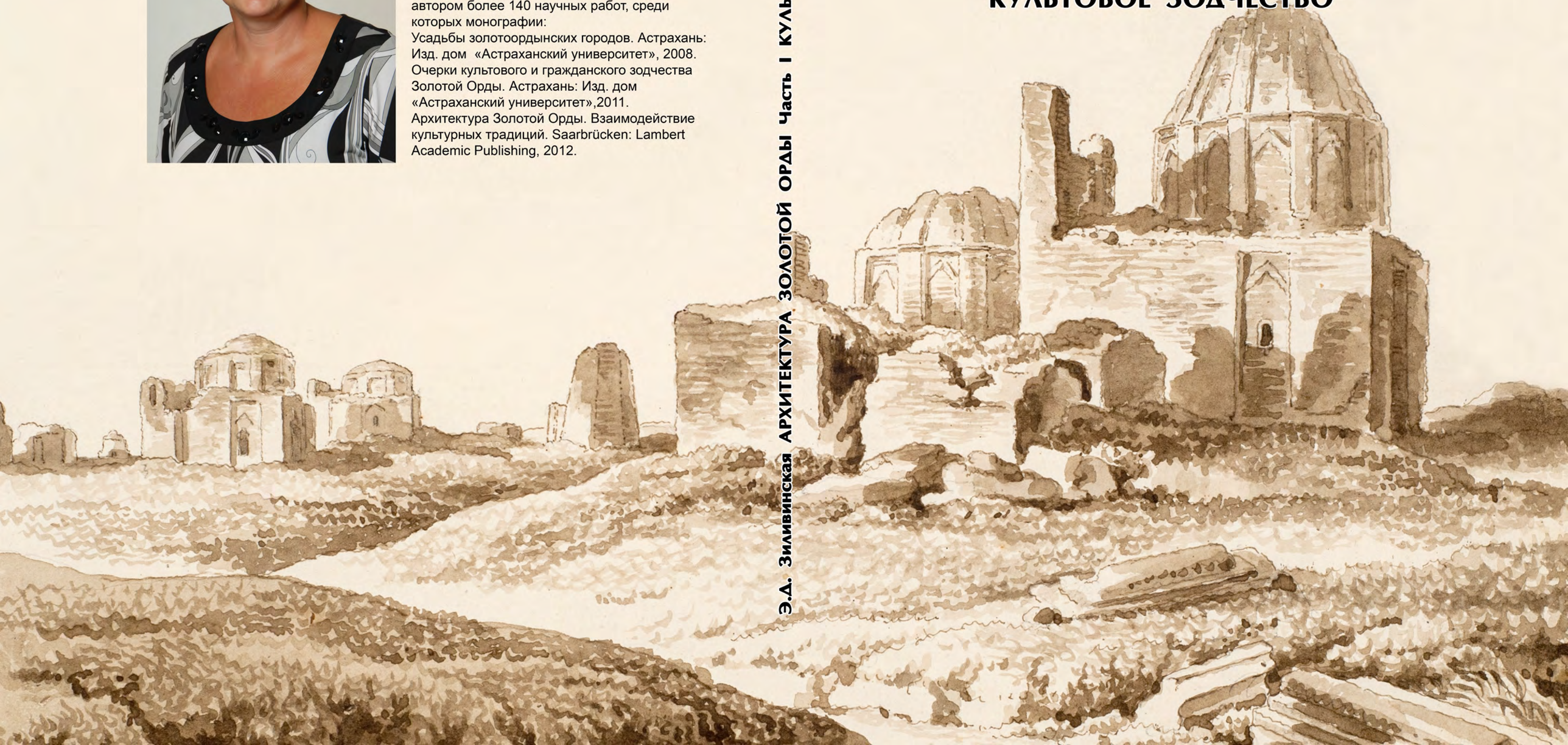
Э.Д. Зиливинская АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ Часть I КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

Э.Д. Зиливинская

АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Часть I

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ

Э.Д.ЗИЛИВИНСКАЯ

АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

ЧАСТЬ I

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

МОСКВА-КАЗАНЬ 2014

INSTITUTE OF ETNOLOGY AND ANTROPOLOGY
IM N.N. MIKLUCHO-MACLAY RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AS RT

E.D.ZILIVINSKAYA

THE GOLDEN HORDE ARCHITECTURE

PART I

CULT MONUMENTS

MOSCOW-KAZAN 2014

УДК 902 (094), 726

Рецензенты
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела Востока Государственного Эрмитажа
М. Г. Крамаровский
доктор исторических наук, профессор, член корр. АН РТ
Ф. Ш. Хузин
доктор исторических наук профессор,
ректор Пензенского института развития образования
Г.Н. Белорыбкин

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество: Монография.

Монография посвящена анализу архитектурных памятников золотоордынской эпохи. На примере объектов монументальной архитектуры прослеживается взаимодействие различных традиций в сложении полиэтничной культуры Золотой Орды. В книге рассматриваются такие категории зданий как мечети, минареты, медресе, христианские храмы мавзолеи и подземные склепы на огромной территории от Поднестровья и Крыма до Поволжья, Приуралья и Средней Азии.

Представляет интерес для историков, археологов, этнографов, студентов и всех, кто интересуется историей.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 3
ВВЕДЕНИЕ 5
КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ 13
Глава 1. Мечети 13
Происхождение, основные линии развития 13
Обзор по регионам Золотой Орды 16
Принципы планировки золотоордынских мечетей и их генезис 37
Глава 2. Минареты 42
Происхождение, основные линии развития 42
Обзор по регионам Золотой Орды 44
Архитектурная форма золотоордынских минаретов и их генезис 50
Глава 3. Заведения благочестия 53
Виды мусульманских учреждений и их происхождение 53
Сведения письменных источников о медресе и ханака в Золотой Орде 56
Археологические данные 57
Принципы планировки, атрибуция золотоордынских заведений благочестия 63
Глава 4. Христианские храмы 66
Возникновение, основные линии развития 66
Обзор по регионам Золотой Орды 68
Основные типы церквей и их генезис 88
МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ 93
Глава 5. Мавзолеи 93
Возникновение, основные линии развития 93
Обзор по регионам Золотой Орды 96
Классификация золотоордынских мавзолеев и их генезис 142
Глава 6. Склепы-мавзолеи 165
Обзор по регионам Золотой Орды 165
Датировка склепов-мавзолеев и проблема их генезиса 171
Глава 7. Подкурганные сырцовые оградки 176
Возникновение и распространение по регионам Золотой Орды 176
Классификация оградок и их генезис 177
Интерпретация погребальных сооружений 181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 185
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ 189
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 208
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 209
ABSTRACT 219

Светлой памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Любая научная монография в той или иной степени является плодом труда многих людей. Данная работа не является исключением. Она была бы невозможна, если бы в далеком 1959 году, когда я уже родилась, но даже еще не ходила в ясли или детский сад, два московских археолога А. П. Смирнов и Г. А. Федоров-Давыдов не организовали Поволжскую археологическую экспедицию, которая положила начало целенаправленному и широкомасштабному изучению золотоордынских городов. Именно работы ПАЭ в Нижнем Поволжье и публикация результатов этих работ стимулировали развитие золотоордынской археологии в других регионах, в результате чего возникло новое научное направление.

Мне в жизни несказанно повезло. Еще в школьные годы в результате счастливого стечения многих обстоятельств я попала на раскопки Водянского городища в Волгоградской области. Сначала, конечно, захватила экспедиционная романтика, которой в те годы в ПАЭ было с избытком. Но не меньше, чем петь ночью песни у костра, нравилось и «махать лопатой» на раскопе днем. И я страшно благодарна моему первому начальнику экспедиции В.Л. Егорову, который не только научил меня орудовать всеми раскопными инструментами, но и показал, как много интересного можно узнать, если делать это правильно. Кроме того, в экспедиции была повышенная концентрация интересных, ярких и просто хороших людей, что не могло не произвести впечатление на неокрепшую душу подростка. Во многом из-за той теплой, почти семейной обстановки, которая сложилась в довольно неустроенных в бытовом плане первых экспедициях, захотелось возвращаться в них снова и снова. Потом оказалось, что невозможно оторваться от тех задачек, которые ежедневно нужно решать на раскопе, как невозможно оторваться от увлекательной книги. В результате археология стала делом всей жизни.

И тут на долгие годы моим Учителем стал Г. А. Федоров-Давыдов. Обладающий широчайшими, почти энциклопедическими познаниями, глубоким, иногда парадоксальным умом и своеобразным чувством юмора, Герман Алексеевич оказал огромное влияние на сложение моей личности. Именно он научил думать, показал, как безумно интересно ставить перед собой и решать научные проблемы. При этом он учил, не уча специально. Если вдруг у меня возникала какая-то идея, непременно хотелось поделиться, и я мчалась к нему домой, чтобы рассказать о своих «научных открытиях». Сидя на маленькой кухне, за чаем, мы просто разговаривали, обсуждали, и это рождало новые мысли. При этом Герман Алексеевич никогда не «давил», не навязывал свое мнение и не давал готовых решений. Впоследствии мне очень не хватало этих разговоров, с его уходом возник какой-то вакуум, не с кем стало обсуждать крупные и мелкие проблемы золотоордынской археологии.

Если говорить о Поволжской экспедиции, то нужно вспомнить очень многих – это мои старшие товарищи и наставники, сверстники, работавшие со мной на раскопе, младшие члены экспедиции и ученики. Это люди из многих городов – Москвы, Нижнего Новгорода, Волгограда, Астрахани. Некоторые приезжали один или два раза, некоторые – из года в год, десятилетиями. Многие из них стали моими друзьями на всю жизнь. Без труда этих членов экспедиции, «простых раскопщиков», «носильников», «наложниц», «донов-выкидонов», «подметальщиц» и пр. невозможны были бы раскопки, и эта книга в частности. На их труде держится вся археология, поэтому большое им всем спасибо.

В дальнейшем география моих работ расширилась. Я побывала в Молдавии, на городище Старый Орхей, где, сраженный моей бьющей через край восторженностью, известный молдавский археолог П. П. Бырня дал мне для публикации самую большую в Золотой Орде баню. На Кавказе я несколько лет «терроризировала» И. М. Чеченова, пока он не разрешил мне опубликовать давние и лежавшие без дела материалы раскопок Нижнего Джулата.

И я благодарна этим людям за то, что они поверили в меня, тогда еще довольно молодого исследователя.

С очень теплым чувством я вспоминаю экспедицию в Маджарах, которую организовал А.Б. Белинский и пригласил меня вести раскопки этого крупнейшего на Северном Кавказе золотоордынского города. В первые годы моим заместителем и прекрасным помощником был В.А. Бабенко. Экспедиция начиналась как прилично обеспеченная «новостроечная», но потом деньги иссякли, и мы около пяти лет существовали на очень небольшие грантовские средства и пожертвования членов экспедиции. Работали тогда почти на чистом энтузиазме, но у всех участников остались самые светлые воспоминания об этом времени.

Особую благодарность я хочу выразить М.Г. Крамаровскому, который познакомил меня с золотоордынским Крымом и снабдил многими материалами. Некоторые сюжеты этой книги стали возможны благодаря его советам и совместному обсуждению золотоордынской проблематики. В Крыму мне также помогли со сбором материала сотрудники Бахчисарайского Историко-культурного заповедника В.Е. Науменко и Крымского филиала Института археологии НАН Украины В.В. Майко.

В последние годы я много работаю в Казахстане, и мне хотелось бы поблагодарить моих казахстанских коллег за постоянную помощь и поддержку. Прежде всего, это Е. А. Смагулов, который познакомил меня с многими интереснейшими памятниками Казахстана и в экспедиции которого я неоднократно работала. Также я благодарю К.М. Байпакова за приглашения на конференции и поддержку при защите диссертации. Плодотворное сотрудничество сложилось у меня также с Западно-Казахстанским центром истории и археологии, его руководителем М.Н. Сдыковым и сотрудниками М.Д. Калменовым и Д.В. Марыксиным.

В вопросах, связанных с археологией Средней Азии, мне помогали и консультировали сотрудники Государственного музея Востока Т.К. Мкртычев и С.Б. Болелов, за что им отдельное спасибо.

Постоянную помощь и поддержку во всех начинаниях мне оказывал и оказывает мой друг и коллега из Астраханского Государственного университета Д.В. Васильев. Хочу искренне поблагодарить за это его и всех сотрудников Археологической лаборатории АГУ.

Также я благодарна коллегам из Казани Ф.Ш. Хузину и А.Г. Ситдикову за предложение опубликовать эту книгу и предоставленные материалы.

Хорошо известно, что археология – это не столько наука, сколько образ жизни. Поэтому не могу не помянуть добрым словом всех членов моей семьи, которые терпели и терпят различные лишения, связанные с этим образом жизни. Многие из них ездили в экспедиции и были там моей опорой. Дети мои росли на раскопе почти с рождения, и одна дочь после всего этого даже работает в археологии. Я благодарю мою дочь А.В. Ульянову за помощь в подготовке иллюстративного материала к моим отчетам, статьям и монографиям.

ВВЕДЕНИЕ

В результате широких завоевательных походов монгольских войск под предводительством Бату и Субэдэя в середине XIII в. возникает государство Улус Джучи, получившее впоследствии название Золотой Орды. В состав этого государства вошли традиционно оседлые области, такие как Южный Казахстан, левобережный Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Волжская Болгария, мордовские земли, Поднестровье. Однако большую часть территории занимали пустынные, степные и лесостепные пространства Северного и Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья и Приднепровья (Дешт-и-Кипчак). Население их состояло из кочевых и полукочевых народов, и там почти не существовало городов непосредственно в домонгольский период (Егоров, 1985). В последней трети XIII в. в Золотой Орде возникает большое количество городов, необходимых для управления государством. В отличие от большинства городов Востока и Запада, они возникают не в результате длительного исторического развития, а возводятся по приказу ханов в короткие сроки. Наиболее интенсивное строительство разворачивается в степной зоне, где не было устойчивых традиций оседлости, и центром Золотой Орды становится Нижнее Поволжье. В тех регионах, где города существовали в домонгольский период, также строятся новые «ханские города», и именно они становятся административно-политическими центрами (рис. 1). В это же время заново отстраиваются и многие уже существовавшие города, завоеванные татаро-монголами и подвергшиеся разгрому (Федоров-Давыдов, 1973. С. 75-80; Федоров-Давыдов, 1994. С. 7-12).

Города Золотой Орды существенно отличались по своей структуре от средневековых городов, как на Востоке, так и на Западе. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов 1983; Федоров-Давыдов, 1994, С.14-15), они возникают как скопление аристократических усадеб, вокруг которых впоследствии строятся жилища зависимых людей (клиентов, вольноотпущенников, ремесленников, представителей администрации). Рядом с усадьбами аристократов могли располагаться и более мелкие усадьбы вассалов. Золотоордынские города имеют усадебно-уличную планировку, в них нет четкой структуры и не выделяется укрепленная цитадель, как в большинстве городов Востока, Руси и Запада. Внешние городские стены также отсутствовали, что позволяло вести свободную застройку и не ограничивать как площадь самих усадеб, так и площадь городов в целом. Площадь аристократических усадеб могла достигать 10000 кв. м. Городские кварталы постепенно переходили в пригород, и общая площадь такого города достигала значительных размеров (8-15 кв. км). В дальнейшем планировка городов приобретает несколько большую упорядоченность, и новые кварталы возникают вокруг квартальных центров, например, мечетей и связанных с ними общественных зданий (Zilivinskaja, 1997. P. 36; Зиливинская, Васильев, 2011). Исследованию возникновения городов в Золотой Орде, их структуре и своеобразию посвящена обширная литература (Федоров-Давыдов, 1964, 1965, 1973, 1983, 1994; Егоров, 1969, 1973, 1985, 2000).

Общеизвестным является тот факт, что для строительства своих городов кочевники-монголы использовали подневольный труд завоеванных народов, имевших многовековые строительные навыки. Новые города создавались руками строителей и ремесленников из Хорезма, Закавказья, Крыма, Волжской Болгарии, русских княжеств. В различных районах Золотой Орды города отличались друг от друга. В степной зоне строительство велось из сырцового и обожженного кирпича, подобного среднеазиатскому. В качестве декора широко применялись поливные изразцовые кирпичи, глазурованные майолики и мозаики, резные фигурные кирпичики, терракота. В Поднестровье, Крыму и Волжской Болгарии монументальные постройки возводились из камня, с добавлением кирпича. Архитектурный декор здесь представлен, в основном, резьбой по камню. Смешанная техника строительства применялась и на Северном Кавказе. В целом же города Золотой Орды, при всем их своеобразии, имели ярко выраженный восточный облик. Во многом это определялось доминированием ислама в среде городского населения. Поэтому основными и наиболее впечатляющими зданиями здесь были мечети,

медресе, мавзолеи, восточные бани. Именно эти монументальные постройки, характерные, прежде всего, для мусульманских стран, и определяли внешний вид городов.

В литературе, посвященной архитектуре и строительству в городах Золотой Орды, неоднократно повторяется тезис о превалировании влияния Ирана и Средней Азии (Баллод, 1923. С. 118-120; Якубовский, 1931; 1932; Греков, Якубовский, 1950. С. 160, 170-176; Айдаров, 1976. С. 139, 142; Смирнов, 1976. С. 3-7). Такая точка зрения является традиционной и вызвана, вероятно, тем эффектом, который производили на исследователей находки остатков кирпичных стен, декорированных поливными изразцами. Только в архитектуре золотоордынского Крыма признанным считается сельджукское влияние (Бороздин, 1927. С.20; Башкиров, 1926; Засыпкин, 1927. С. 114-115; Якобсон, 1964а. С. 107-108; Крамаровский, 1998. С. 70; 2005. С.115-116.). В Волжской Болгарии наряду с влиянием Средней Азии признавались элементы армянской и азербайджанской строительной техники (Смирнов, 1951. С. 143-144, Егерев, 1958. С. 371, 391), а также архитектуры сельджуков (Башкиров, 1928. С. 50-51). Надо, однако, отметить, что все исследования, посвященные архитектуре Золотой Орды, основывались на изучении отдельных памятников либо, в лучшем случае, комплекса памятников определенного региона. В последней четверти XX в., благодаря археологическим раскопкам, количество объектов монументальной архитектуры значительно увеличилось. Некоторые категории построек насчитываются десятками. Поэтому, без всякого сомнения, настало время рассмотреть архитектуру Золотой Орды как единое целое. Углубление наших знаний о городской культуре Золотой Орды, накопление значительного материала позволяет более детально вычленить те элементы, которые, будучи первоначально механически собраны воедино, способствовали возникновению и сложению нового золотоордынского стиля, который Г.А. Федоров-Давыдов назвал «патетическим» и «имперским» (Г.А. Федоров-Давыдов, 1994. С. 209). Этому может способствовать типологический анализ отдельных категорий зданий, а также стилистический анализ их элементов и архитектурных деталей.

Кроме того, многосоставная культура, возникшая в городах улуса Джучи в очень краткие сроки и столь же быстро погибшая вместе с распадом государства, оказала определенное влияние на дальнейшее развитие ряда народов нашей страны и тем самым явилась частью мирового культурного процесса. Архитектурные памятники Золотой Орды являются образцами зодчества мусульманской страны, занимавшей в XIII-XIV вв. площадь большую, нежели Турция или Иран. Тем не менее, даже в таких, казалось бы, всеобъемлющих изданиях как «Исламская архитектура» Роберта Хилленбранда, «Словарь исламской архитектуры» Эндрю Петерсена, «Ислам. Искусство и цивилизация» (Hillenbrand, 1994; Petersen, 1996; L'Islam..., 2004), включающих памятники мусульманской архитектуры от первых лет хиджры почти до наших дней во всем мире, Золотая Орда даже не упомянута. Такое положение вещей нельзя считать нормальным. Мне представляется, что создание обобщающих работ по архитектуре Улуса Джучи может способствовать тому, что она будет рассматриваться в контексте культуры других стран Востока и займет в ней свое, пусть и скромное, место.

Хронологические и территориальные рамки исследования

Общепризнанной датой оформления политического господства Великой монгольской империи над территориями, вошедшими в состав ее западной части – Улуса Джучи, является 1243г. Именно в этом году великий князь Ярослав впервые приехал в Орду за ярлыком на великое княжение (Егоров, 1985. С. 27). Окончательный распад Золотой Орды относится к середине XV в. (Федоров-Давыдов, 1973. С. 165-168). Таким образом, как и у остальных кочевых империй, период ее существования был небольшим (чуть больше 200 лет). Однако временной интервал, к которому относится большинство рассматриваемых в работе памятников, еще уже. В настоящее время существует очень немного золотоордынских городищ, на которых вообще прослеживается культурный слой XIII в. Но даже в этом случае в нем нет остатков капитальных построек. Это вполне объяснимо. В результате монгольских завоеваний города оседлых районов приходят в упадок, и строительство там возобновляется не сразу. А в новых «ханских» городах Нижнего Поволжья и других частей степной зоны не было устойчивых

строительных традиций, и здания, возведенные подневольными мастерами, вероятно, не отличались капитальностью. Большинство известных нам монументальных сооружений в Золотой Орде возникает не ранее конца XIII-начала XIV вв. Максимальный всплеск капитального строительства в городах относится ко времени правления Узбека (1312-1342 гг.). В 60-е гг. XIV вв. государство охватывает феодальная смута, которая значительно подрывает его экономику, поэтому в этот период активное строительство прекращается. Некоторые известные нам монументальные постройки относятся к концу XIV- началу XV вв. Таким образом, данная работа охватывает период чуть больше 100 лет, с конца XIII до начала XV вв. Частично в нее включены памятники середины XV в. в том случае, если они непосредственно являются продолжением традиций Золотой Орды или же, напротив, уточнение датировки позволяет исключить их из корпуса собственно золотоордынских построек.

Золотая Орда являлась огромным по размерам государственным образованием, которое простиралось с востока на запад от Западной Сибири до Дуная и с севера на юг от границы русских княжеств до нижнего течения Амударьи. Это была последняя в истории кочевая империя, в которую вошли значительные территории, как в Европе, так и в Азии. Золотая Орда включала области и государства, находившиеся на различном уровне экономического и культурного развития, поэтому все исследуемые памятники рассматриваются по регионам. Для европейской части это Волжская Болгария с примыкающими к ней мордовскими землями, Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и западные районы, объединяющие Крым, Подонье, Поднепровье и Пруто-Днестровское междуречье. Обширные азиатские территории Золотой Орды также можно разделить на несколько областей с различным культурно-историческим развитием. Это Волго-Уральское междуречье (Башкирия и Западный Казахстан), Северный Казахстан, Южный Казахстан и Хорезм. Памятники золотоордынского времени этих регионов объединены в один раздел, так как они изучены здесь достаточно фрагментарно. На протяжении всего периода существования Золотой Орды границы ее не были постоянны. Они сложились со времени образования государства (40-е гг. XIII в.) и оставались почти неизменными до конца 50-х гг. XIV в. (Егоров, 1985. С. 50). Начиная с 60-х гг. происходят крупные территориальные утраты, которые связаны ослаблением центральной власти и политической нестабильностью в государстве. Наиболее серьезными из них являются захват Пруто-Днестровского междуречья Молдавским княжеством и провозглашение независимости Хорезмом (Егоров, 1985. С. 51, 60). В данной работе территории Золотой Орды рассматриваются в полном объеме. Такой подход представляется обоснованным, так как большинство архитектурных памятников относится к первой половине XIV в., и лишь очень немногие относятся к рубежу XIV-XV вв., впрочем, на тех территориях, которые оставались в составе Золотой Орды.

Источники и историография исследования

Одним из наиболее развитых в культурном отношении районов Золотой Орды являлась Волжская Болгария. Здесь задолго до монгольского завоевания существовали крупные города с развитым строительством из камня, сырца и обожженного кирпича. В золотоордынский период города Волжской Болгарии быстро оправились от погрома, и строительство монументальных сооружений в них достигло еще большего размаха. Лучше всего сохранились постройки г. Болгара, многие из которых стояли практически нетронутыми еще в XVIII-XIX вв., а некоторые сохранились и до наших дней. Этому памятнику посвящена огромная литература. Достаточно отметить, что первое описание Болгара относится к 1720 г. (Невоструев, 1871. С. 528). Заметки о посещении развалин города есть у Палласа (Паллас, 1809. С. 188). Городище неоднократно исследовалось в XIX в., что нашло отражение в трудах П. Свиньина, А. Шмита, К.И. Невоструева, С.М. Шпилевского (Свиньин, 1824; Шмит, 1832; Невоструев, 1871; Шпилевский, 1877). Не иссякал интерес к Болгару и в советское время, когда были изданы работы В.Ф. Смолина и А.С. Башкирова (Смолин, 1926; Башкиров, 1928). Все эти работы содержат описания и рисунки не сохранившихся в настоящее время построек и являются важным источником. В настоящей работе также проводится исследование сохранившихся монументальных зданий Болгара.

Еще одним регионом, в котором золотоордынские постройки сохранялись длительное время, является Северный Кавказ. Наиболее значительными городскими центрами Северного Кавказа в золотоордынское время были города Маджар, Верхний Джулат и Нижний Джулат. Величественные развалины этих городищ привлекали внимание исследователей, любителей древностей и путешественников. В XVIII-XIX веках их посетили, оставили описания планы и рисунки С.Г. Гмелин, И.А. Гюльденштедт, Г.-Ю. Клапрот, П.С. Паллас, Я. Потоцкий, В.Ф. Миллер и многие другие (Güldenstädt, 1787; 1791; Klaproth,1812-1814; Pallas, 1799; Potocki, 1829; Bähr, 1839). Несколько мавзолеев сохранились целиком в Приуралье и Казахстане. Утраченные ныне памятники этого региона также были описаны и зарисованы В.С. Юматовым, Э.Ю. Петри, И.А. Кастанье, (Юматов, 1848; Петри, 1892; Кастанье, 1907; 1910; 1911). Графические материалы и описания исследователей XVIII-XIX вв. являются ценнейшим источником для изучения архитектурных памятников, тем более что в настоящее время постройки полностью разрушены.

Основным источником для написания данной работы явились результаты археологических раскопок, большая часть которых опубликована. Для Волжской Болгарии это, прежде всего, публикации многолетних раскопок на Болгарском городище, которые проводила Куйбышевская, а затем Поволжская экспедиция под руководством А.П. Смирнов, его учеников и последователей Т.А. Хлебниковой, М.Д. Полубояриновой и Р.Ф. Шарифуллина. Крупные монументальные здания домонгольского периода были вскрыты А.Х. Халиковым на Билярском городище. Городище Мохши в Мордовии в течение ряда лет исследовала А.Е. Алихова.

В Нижнем Поволжье широкомасштабные раскопки проводила Поволжская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Московского Государственного университета. Ее основатель и многолетний руководитель Г.А. Федоров-Давыдов, его ученики и соратники В.Л. Егоров, А.Г. Мухамадиев, Н.М. Булатов, Л.Т. Яблонский, Т.В. Гусева, Л.М. Носкова и др. сумели накопить огромный материал, отражающий все стороны жизни золотоордынского города, в том числе строительство и архитектуру. Работы Г.А. Федорова-Давыдова, в том числе посвященные архитектурным памятникам Золотой Орды, являются той основой, без которой изучение данной темы было бы невозможно.

Наиболее масштабные раскопки на Северном Кавказе на городище Верхний Джулат были проведены Северокавказской экспедицией ИА АН СССР под руководством Е.И. Крупнова при активном участии О.В. Милорадович и В.А. Кузнецова. На городище Нижний Джулат работала экспедиция Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института под руководством Г.И. Йоне, а впоследствии И.М. Чеченова.

Изучение Солхата, крупного золотоордынского центра в Крыму, было начато в 20-е гг. XX в. С 1978 г. по настоящее время здесь работает экспедиция Отдела Востока Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского. На левом берегу Днепра в 50-е гг. исследовалось Кучугурское городище, расположенное недалеко от г. Запорожье. Монументальные постройки этого памятника опубликованы В.Й. Довженком (Довженок, 1961). Самый западный город золотоордынского времени, городище Старый Орхей в Пруто-Днестровском междуречье, было открыто и исследовано в 40-60 гг. Г.Д. Смирновым. Впоследствии там вела раскопки экспедиция Академии наук Молдавской ССР под руководством П.П. Бырни.

В азиатской части Золотой Орды наиболее изученным памятником является город Отрар в Южном Казахстане. Здесь на протяжении многих лет работала Южно-Казахстанская комплексная экспедиция Института археологии АН КазССР под руководством К.А. Акишева. В последние годы активные раскопки ведутся на городище Сауран в Южном Казахстане и городище Жайык в Западном Казахстане. Некоторые объекты золотоордынского времени исследованы в Куня-Ургенче и Низовьях Сырдарьи Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С.П. Толстова. В Приуралье ряд архитектурных объектов раскопан и опубликован археологами Уфы и Челябинска.

Часть материалов получена из раскопок автора данной работы на Селитренном городище в Нижнем Поволжье и городища Маджары в Ставропольском крае. Остальные,

неопубликованные, данные взяты из отчетов об археологических раскопках, хранящихся в Архиве ИА РАН.

Литература, посвященная архитектурным памятникам Золотой Орды, весьма обширна. Это вполне естественно, так как количество исследованных объектов каждой категории построек в настоящее время исчисляется десятками, и большинство из них было неоднократно опубликовано. Весь библиографический массив можно разделить на несколько групп:

1. Публикация отдельных раскопанных архитектурных объектов без каких-либо выводов.
2. Публикация отдельных объектов с приведением аналогий и сравнительным анализом.
3. Публикация и анализ объектов архитектуры одного археологического памятника.
4. Анализ объектов архитектуры золотоордынских памятников отдельного региона.

Наиболее многочисленны работы, относящиеся к первым двум группам. Они составляют основную источниковедческую базу данной работы, но вряд ли стоит их разбирать здесь подробно. Все они, так или иначе, рассматриваются в соответствующих разделах, а выводы авторов публикаций либо принимаются, либо оспариваются.

Исследования, относящиеся к третьей группе, не столь многочисленны и посвящены наиболее изученным памятникам. Еще меньше работ, в которых содержится анализ архитектурных объектов определенного региона Золотой Орды. Так как работы этих двух групп взаимосвязаны и часто перекликаются, их можно охарактеризовать вместе.

Уникальным памятником, на котором прекрасно сохранились постройки золотоордынского времени, является Болгар. Рисунки и описания многих исследователей и путешественников XVIII–XIX вв. являются ценными источниками для изучения архитектуры Болгара, но исследований, в которых дан архитектурный анализ построек, не так много. К ним относится статья Башкирова «Памятники Булгаро-татарской культуры на Волге» (Башкиров, 1928), в которой впервые указывается на сходство построек Болгара с сельджукскими памятниками Крыма и Малой Азии. Тщательный и добротный анализ всех архитектурных сооружений содержится в статье В.В. Егерева «Архитектура города Болгара» (Егерев, 1958). Эта работа, на мой взгляд, до сих пор является лучшей по данной тематике. Описание монументальных построек Болгара и других городов Волжской Болгарии, а также исследование строительной техники в этом государстве содержится в работах А.П. Смирнова (Смирнов, 1951; 1976). Наиболее подробно описаны монументальные здания Болгара в серии статей С.С. Айдарова, руководившего их исследованием и реставрацией (Айдаров, 1970; 1976; 2001). В них содержится множество ценных мелких деталей, которые были выявлены в результате раскопок, обмеров и проведения реставрационных работ, однако с некоторыми выводами этого исследователя невозможно согласиться. Особенно фантастическими выглядят его реконструкции, но об этом подробно будет сказано ниже, в соответствующих разделах.

Исследовательница Мохши, центра мордовских земель, А.Е. Алихова опубликовала результаты своих раскопок в двух сводных статьях, которые посвящены мавзолеям и банным постройкам города (Алихова, 1973; 1976).

Несколько обобщающих работ имеется и по отдельным памятникам Нижнего Поволжья. Они основаны на результатах раскопок Поволжской археологической экспедиции. Классической работой, в которой впервые приводится классификация жилых построек золотоордынского города, является статья В.Л. Егорова «Жилища Нового Сарая» (Егоров, 1970). Некоторые выводы и наблюдения автора актуальны до сих пор, однако за более чем 40 лет со времени написания работы накоплен обширный материал, который позволяет во многом ее дополнить, а в чем-то и пересмотреть. Другая статья этого же исследователя посвящена вводу в оборот и анализу планировки мавзолеев Водянского городища (Егоров, 1970). Предварительная классификация мавзолеев, преимущественно с памятников Нижнего Поволжья была предложена в разные годы Л.Т. Яблонским и Д.В. Васильевым (Яблонский, 1975. С. 76; Васильев, 2009. С. 22-24, пр.7). Однако оба исследователя рассматривали ограниченное количество объектов и только с точки зрения их планиграфии.

Самым крупным золотоордынским памятником на Северном Кавказе является город Маджар. Э.В. Ртвеладзе, исследовавший его остатки в 60-70 гг. XX в., одну из статей посвятил анализу мавзолеев Маджара, которые известны исключительно по рисункам и описаниям XVIII в. (Ртвеладзе, 1973). В статье «О мавзолеях Северного Кавказа» Л.Г. Нечаева дополняет классификацию Э.В. Ртвеладзе, привлекая не рассмотренные им графические материалы и результаты раскопок мавзолеев близ Ессентуков (Нечаева, 1978). Во многом полемизируя с Л.Г. Нечаевой, Р.А. Даутова предложила свою версию классификации мавзолеев Северного Кавказа (Даутова, 1983). Подробно достоинства и недостатки всех вариантов рассматриваются в главе, посвященной мавзолеям. В книге В.А. Кузнецова «Эльхотовские ворота» собраны, опубликованы и проанализированы все раскопанные архитектурные сооружения другого значительного памятника Северного Кавказа – городища Верхний Джулат (Кузнецов, 2003).

В 20-е гг. XX в. активное изучение архитектурных и археологических памятников проводились в Крыму. В это время были начаты раскопки золотоордынского города Солхата и подробно опубликованы прекрасно сохранившиеся здесь остатки мечети и медресе «Узбека», а также руины «Свинцовой мечети» (Башкиров, 1926; 1927; Бороздин, 1926; 1927). Описанию памятников Чуфут-Кале, в том числе и золотоордынского периода, посвящены статьи О. Акчокраклы, У.А. Боданинского, Б.Н. Засыпкина (Акчокраклы, 1928; Боданинский, Засыпкин, 1929; Боданинский, Засыпкин, Акчокраклы, 1928). Сохранившиеся мавзолеи Крыма опубликованы У. Боданинским (Боданинский, 1927). Обобщает весь этот материал статья Б.Н. Засыпкина «Памятники архитектуры крымских татар» (Засыпкин, 1927). В дальнейшем исследование памятников Солхата и их публикация были продолжены М.Г. Крамаровским (Крамаровский, 1990, 1998, 2005).

В западной части Золотой Орды на Днепре находилось Кучугурское городище, монументальные постройки которого (мечеть, баня и дворцовое здание) собраны и опубликованы в сводной статье В.Й. Довженка (Довженок, 1961). Монументальные постройки крупного золотоордынского города Старого Орхея, расположенного у самых западных границ государства, также были опубликованы в нескольких обобщающих работах. Одна из них посвящена анализу планировки трех общественных бань (Бырня, Зиливинская, 1988). В статье «Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид» П.П. Бырни и Т.Ф. Рябой рассматриваются все каменные и кирпичные здания этого города (Бырня, Рябой, 1997). Относительно недавно вышла монография Т. Нестеровой, посвященная монументальной архитектуре Старого Орхея (Nesterov, 2003), но из-за того, что она издана на румынском языке, пользоваться ей можно весьма ограниченно.

Восточные районы Золотой Орды (Кок Орда) изучены значительно хуже. Среди памятников данного региона наиболее полно исследован Отрар, материалы раскопок которого, в том числе и объекты монументальной архитектуры, достаточно подробно опубликованы в многочисленных статьях и монографиях (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972; 1987; Байпаков, 1986; 1990; Байпаков, Ходжаев, 1999). Частично опубликованы материалы изучения городища Сауран (Байпаков, Смагулов, 2005). Результаты раскопок на городище Жайык в Западном Казахстане, где были вскрыты два мавзолея, несколько усадеб и общественная баня, также обобщены и изданы в виде монографии (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005).

Несмотря на наличие некоторого количества обобщающих работ, посвященных анализу архитектурных объектов отдельных памятников или группы памятников какого-либо региона, исследование монументальной архитектуры всей Золотой Орды до сих пор почти не проводилось. Единственной работой, в которой приводится обзор и дается анализ планировки большинства монументальных построек Золотой Орды, является классическая работа Г.А. Федорова-Давыдова «Золотоордынские города Нижнего Поволжья» (Федоров-Давыдов, 1994). Но эта монография посвящена различным аспектам возникновения и существования городов в Золотой Орде, а собственно архитектуре там посвящено всего 30 страниц текста. Остальные обобщающие работы, которые во многом развивают и продолжают идеи, высказанные Г.А. Федоровым-Давыдовым, написаны мной. Это серия статей о мечетях (1998;

2009а), минаретах (2010а), медресе (2011г), мавзолеях (2009б; 2010б) общественных банях (2001), усадебных домах (2006; 2010в; 2010г; 2011а; 2011б) в Золотой Орде, а также монографии «Усадьбы золотоордынских городов» (2008б) и «Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды» (2011в), «Архитектура Золотой Орды. Взаимодействие культурных традиций» (2012). Данная работа является продолжением этих публикаций на более широком материале.

Использованная литература

Зодчество Золотой Орды нельзя рассматривать вне контекста культурных традиций других стран Востока. Для того чтобы понять его генезис и вычленить составляющие, необходимо изучить архитектуру сопредельных территорий, прежде всего, Центральной Азии, Среднего Востока, Малой Азии. Невозможно дать здесь полную характеристику всей использованной при написании данной работы литературы. Следует выделить основополагающие работы.

Китайская архитектура представлена в работах Е.А. Ащепкова, Лоу Цынси и Хиао Мо (Ащепков, 1959; Лоу Цынси, 2002; Xiao Mo, 1999). Для характеристики монгольского зодчества были использованы ставшие классическими работы С.В. Киселева и его соавторов (Л.Р. Кызласова, Н.Я. Мерперта) о раскопках Каракорума и синхронных по времени памятников, а также данные современных исследований Немецкого археологического института (Бонн) в Каракоруме (Древнемонгольские…, 1965; Erdenebat, Pohl, 2005; Hüttel, 2005). Развитие монгольской архитектуры от кочевнических юрт к стационарным постройкам представлено в работах Н.М. Щепетильникова, Д. Майдара и Д. Пюрвеева (Щепетильников, 1960; Майдар, 1971; Майдар, Пюрвеев, 1980).

Литература, посвященная культуре, искусству и архитектуре мусульманских стран, поистине необъятна. Классическими трудами в этой области являются работы Е Нерцфельда, К. Кресвела, А. Годара, Р. Эттингаузена и О. Грабара, Г. Стирлина (Herzfeld, 1935; Creswell, 1958; Godard, 1962; Grabar, 1973; Ettinghausen, Grabar, 1987: Stierlin, 1996). Настоящей энциклопедией, в которой собраны все известные памятники архитектуры от Омейадов до Нового времени во всех мусульманских странах, является книга Р. Хилленбранда «Исламская архитектура» (Hillenbrand, 1994). Зодчество сельджукской Малой Азии представлено в публикациях Юнсала Бенсета и Г. Стирлина (Benset, 1973; Stierlin, 1998).

Особо следует выделить работы, посвященные архитектуре Средней Азии, территория которой непосредственно граничила с Золотой Ордой, а некоторые районы вошли в ее состав. Основополагающими здесь являются ставшие классическими труды В.Л. Ворониной, А.М. Прибытковой, Г.А. Пугаченковой, Л.И. Ремпеля, Л.Ю. Маньковской (Воронина, 1950; 1951а, б; 1953; 1959; 1963; 1969; 1972; 1977; 1982; 1983; 1985; Прибыткова, 1958; 1961; 1964; 1973; Пугаченкова, 1939; 1949; 1958; 1967; 1976; 1987; Пугаченкова, Ремпель, 1965; Маньковская, 1971; 1979; 1980; 1983). Многие археологические памятники были раскопаны и опубликованы Е.Е. Неразик (Неразик, 1966; 1968; 1976; 1982; 1998). Наиболее полно и систематизировано представлена архитектура Средней Азии с V по XIII вв. в семи томах трудов С.Г. Хмельницкого (Хмельницкий, 1992; 1996; 1997; 2000; 2001; 2004; 2006). И, хотя некоторые выводы этого исследователя подвергаются критике, лучшего издания по этой тематике на сегодняшний день не существует.

Еще одним регионом, тесно связанным с Золотой Ордой, было Закавказье. Здесь следует выделить труды Л.С. Бретаницкого (Бретаницкий, 1966; 1988а, б), посвященные архитектуре средневекового Азербайджана, и работы О.Х. Халпахчьяна и А.Л. Якобсона о зодчестве Армении (Халпахчьян, 1957; 1960; 1971; Якобсон, 1947; 1959). А.Л. Якобсон также большое внимание уделял архитектуре средневекового Крыма (Якобсон, 1946; 1950а, б; 1956; 1959а, б; 1964а, б).

Все эти исследования позволяют глубже проследить истоки золотоордынской архитектуры и определить ее место в качестве элемента сложной мозаики многосоставной культуры Востока.

Представленная работа является первой частью исследования, посвященного монументальной архитектуре Золотой Орды в полном объеме. В ней впервые собраны воедино и рассматриваются в комплексе памятники культового и мемориального зодчества

на всей территории золотоордынского государства. К первым относятся мечети, минареты, сооружения, связанные с мусульманской религией: медресе, ханака, аулия и христианские храмы. Мемориальные здания, а именно мавзолеи, исследованы во всех частях Золотой Орды и составляют наибольшее количество известных в настоящее время архитектурных объектов. Также большой интерес представляют полуподземные склепы-мавзолеи, в изучении которых пока остается множество вопросов. Представленный материал позволяет создать достаточно исчерпывающую типологию отдельных категорий построек и проследить их распространение.

Золотоордынские монументальные постройки рассматриваются в контексте архитектуры Среднего Востока, Закавказья, Малой Азии, что позволяет выделить различные культурные традиции в сложении архитектуры Золотой Орды.

Исследование различных строительных традиций позволяет также разделить золотордынское государство на несколько культурных провинций. В то же время, отмечается возникновение новых черт и приемов, свойственных только золотоордынскому зодчеству, что свидетельствует о творческой переработке привнесенных традиций и зарождению собственной оригинальной архитектуры.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

В книге использованы фотографии А.Г. Ситдикова, А.В. Ульяновой, Е.Ю. Гончарова, М.Д. Калменова, А.Ю. Казаряна, Л. Варламова, Н.В. Хохлова и автора.

КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ

Глава 1. Мечети

Происхождение, основные линии развития

Наиболее важной составляющей архитектурного ансамбля любого города являются культовые постройки. В городах Золотой Орды, связанных, прежде всего, с мусульманской религией, так же, как и в других городах средневекового Востока, такими постройками были мечети. Ко времени появления в городах Золотой Орды этот вид зданий имел уже многовековую историю, и в разных частях мусульманского мира существовали различные типы мечетей.

В отличие от христианства мечеть у мусульман не считается «домом Господа», так как Аллах является предельно абстрактным божеством, лишенным каких-либо антропоморфных черт. Это просто место для совершения совместной молитвы. Строго говоря, для совершения молитвы мусульманину и не нужно какое-либо помещение. Достаточно одной стены, обращенной на Мекку или даже просто соблюдения направления на Каабу (кибла). Пророк говорил: «Где вы молитесь, там и масджид (мечеть)». Тем не менее, уже в первые годы Ислама появляются места для проповеди и совместной молитвы. Первой такой мечетью был дом Пророка Мухаммеда в Медине (Рис.2). Это было простое прямоугольное (53 х 50 м) отгороженное пространство, включавшее комнаты для Пророка, его жен и затененное место в южной стороне двора, которое использовалось для проповедей и было обращено в направлении Мекки (Hillenbrand,1994. P.39-42; Petersen, 1996. P.195, 196) Это здание стало моделью для последующих мечетей, которые имели ту же основу: двор, оснащенный зоной для молитв возле стены, ориентированной на киблу (в направлении Мекки). Чуть позже с трех сторон двора также были сделаны навесы для обеспечения тенью молящихся. Крыша молитвенной зоны и боковых навесов поддерживалась колоннами, которые были сделаны из дерева. В дальнейшем для этого использовались колонны, взятые из других зданий домусульманского периода. Таким образом был сформирован основной план, который стал известен как арабский план мечетей (Hillenbrand,1994. P.66-92; Petersen, 1996. P.195, 196; Stierlin, 1996). В то же время многие исследователи (Creswell, 1958. P.7, 8; Grabar, 1973. P.53; Ettinghausen, Grabar, 1987. P. 35-37) отмечали, что многостолбовая система молитвенных залов мечетей сложилась под влиянием ападан Персии, гипостильных залов Египта и форумов Древнего Рима. Начиная с IX в. часть помещения, чаще всего перед михрабом, начинает перекрываться куполами, которые с тех пор являются неотъемлемым архитектурным компонентом мечети.

Некоторые элементы интерьера, ставшие обязательными для мечетей, появляются уже на ранней стадии. Первая из них – это наличие минбара, или кафедры, с которой Мухаммед читал свои проповеди. Более поздним нововведением был михраб, или молитвенная ниша, которая впервые была сооружена при халифе ал-Валиде в IX в. Неотъемлемыми чертами мечетей являются приспособления для омовений, такие как центральный водоем или фонтан и минареты, которые впервые появляются предположительно при Аббасидах. Во время этого периода становления форм была введена максура, специальная решетка, огораживающая место для молений правителя. Она должна была обеспечить правителям уединение и позволяла предаваться таинствам религии. Максура также служила для защиты, учитывая то, что двое из четырех правоверных халифов, Омар и Али, были убиты в мечети. Важным элементом интерьера молитвенного зала стал центральней неф в виде широкого прохода, ведущего от входа к михрабу. Широкий центральный неф (трансепт) способствовал лучшему освещению и обзору михраба, наряду с куполом он акцентировал на нем внимание молящихся и подчеркивал значение для литургии. Впервые этот прием был применен в Большой мечети Дамаска (начало VIII в.) и получил широкое распространение во многих постройках на Западе мусульманского мира. Самыми восточными мечетями с широким центральным нефом являются Улу Джами

Дьярбакра (конец XI в.), Ерзерума (XII в.) и Вана (конец XIV в.) в Анатолии (L'Art…, 1981. P. 121-122; Hillenbrand, 1994. P.52).

Часто в качестве мечетей использовались сооружения домусульманского периода. Так, Большая мечеть ал-Валида в Дамаске (VIII в.) и Большая мечеть Халеба (начало VIII в.) перестроены из христианских базилик.

Дворовый план мечети распространяется по всей территории Арабского халифата одновременно с его завоеванием (рис.3-5). В Египте строятся мечеть Амра (VII в.), мечети ибн Тулуна (IX в.), ал Азхар и ал Хакима (X-XI вв.). В аббасидское время была построена грандиозная мечеть Мутаваккиля в Самарре (IX в.), состоящая из обширного двора, обрамленного колонными портиками. Лучшими образцами построек этого типа в Магрибе являются мечеть Сиди Окба в Кайруане (VII-VIII вв.), Большие мечети Суса (IX в.), Сфакса (X в.) и Алжира (XI в.), Каравийон в Фесе (IX в.) и Кутубийа в Марракеше (XII в.). Настоящим шедевром мавританского зодчества стала Большая мечеть в Кордове, расположенная у западных границ халифата. Ядро этого огромного архитектурного комплекса, сгруппированное вокруг неизменного двора (саны), было построено в VIII веке по образцу мечети ал Валида в Дамаске. Планировка мечетей с композиционным центром в виде двора осталась главенствующей в западной части мусульманского мира и в последующее время.

Несколько иначе происходило сложение архитектурных форм в Иране и Средней Азии (рис. 6-8). Арабские наместники строили в городах Ирана мечети дворового плана, но иранцы брали за образец доисламские сооружения сасанидского времени. Так появляются местные типы мечетей – мечеть-киоск на западе (рис. 6.1-2) и мечеть-айван (рис. 6.3) на востоке. (Herzfeld, 1935; Godard, 1962. P.340-348). При сельджуках соединение арабского и местного планов породило четырехайванную планировку (рис. 6.4-5; 7.3), ставшую в XII веке главенствующей (Petersen, 1996. P.195-196). Некоторые исследователи видят истоки мечетей с обширным двором четырьмя айванами по осям и купольными перекрытиями в доисламских жилых постройках на территории Ирана и Ирака (Ettinghausen, Grabar, 1987. P. 264-266). Самым ранними памятниками этого типа являются соборные мечети в Исфахане (XI-XII вв.), Заваре (XII в.) и Симнане (XII в.). Впоследствии этот ставший стандартным план был применен при строительстве медресе.

В Средней Азии также был внедрен арабский дворовый план мечети (рис. 7.1-3), одним из примеров которого является мечеть Дандакана IX-X вв. (Прибыткова, 1964). С. Хмельницкий приводит всего шесть мечетей IX-X вв., имеющих дворовую планировку (С. Хмельницкий, 1992. С. 61-71), причем мечеть в Башане уже несет на себе влияние ирано-туранской архитектуры, так как на главной оси ее находится большой айван (С. Хмельницкий, 1992. С. 66). Остальные типы мечетей имеют местные корни. Мечети типа купольного зала (рис. 7.7-8; 8.1-2), так же как и мечеть-киоск в Иране, вероятно, построены по образу зороастрийских святилищ огня, называемых чортак (С. Хмельницкий, 1992. С. 86). Г.А. Пугаченкова отмечает, что мечеть-киоск возникает в Южном Туркменистане еще раньше, чем в Иране (Пугаченкова, 1958. С. 185). Местное происхождение имеют и столпные мечети с центральным куполом, окруженным меньшими куполами или сводами (рис. 7.4), или перекрытые несколькими куполами одинаковых размеров (рис. 7.5-6) (Прибыткова, 1958. С. 131-134; Прибыткова, 1973. С. 38-58; С. Хмельницкий, 1992. С. 71-86). Примерно те же типы продолжают существовать и в XI-XII вв. (С. Хмельницкий, 1996. С. 69-127). В последующие периоды слияние и дальнейшее развитие арабской и местных традиций дало все многообразие типов среднеазиатских мечетей (Маньковская, 1980. С. 102-121).

Своеобразное развитие получили мечети в Малой Азии (рис. 9-11) при сельджуках Рума (Benset, 1973; Hillenbrand,1994. P.92-100; Stierlin, 1998. P. 24-32). Так же как и в других частях мусульманского мира, здесь строились мечети арабского дворового плана, например, мечеть Дьярбакра (1091 г.). В то же время некоторые постройки, такие как мечети Маяфариджина (1155 г.), Данаисира (1204 г.) и Мардина (XII в.) следуют иранской схеме с ее акцентом на купол. Однако в этих мечетях двор уже значительно уменьшен. В XI-XII вв. в мечетях арабского плана

начал перекрываться внутренний двор. Первоначально это было плоское балочное перекрытие на деревянных колоннах. Таковы, например, мечеть Махмуд-бея в Касабе близ Кастамону и Улу Джами в Афьоне (1273 г.) (Benset, 1973. P. 16, fig. 39; L`art, 1981. P. 102, ill. 56), Эзрефоджлу Джами в Бейшехире (1296 г.) (Stierlin, 1998. P. 30-31).

Каменные колонны или столбы часто соединяли аркадами. Мечети были закрытые, темные, с плохой вентиляцией. Узкие колонны и низкие своды делали их похожими на крипты. Таковы мечеть Ала-ед-Дина в Нигде (1223 г.), Кале Джами в Дивриги (1180 г.). Над предмихрабной частью в мечетях возводили небольшой купол, который со временем приобретал все большее значение. В Большой мечети Эрзерума (1135 г.), Улу Джами в Кайсери (1140 г.) и Дивриги (1229 г.) пролет, перекрытый куполом, самый большой и расположен на оси михраба. В качестве пережитка двора в крыше оставляли световой люк по центру зала или ближе к выходу. Варианты этой планировки представлены в Улу Джами Сиваса и Кайсери (XI в.), мечети Ала-ед-Дина в Конье (XII в.), большой мечети в Сиврихисаре (XIII в.) (Benset, 1973. P. 17, fig. 31; L`art, 1981. P. 87, fig.21, 22, p. 100, ill. 52). Иногда этот люк разрастался до размеров небольшого внутреннего двора, который имел двойное назначение. С одной стороны, он использовался как внешний двор, и проповедники могли оттуда призывать к молитве, с другой стороны, это было световое окно, через которое мечеть освещалась. Также здесь находился бассейн или фонтан для омовений. Обычно этот дворик располагался на михрабной оси. Такую планировку имеют Улу Джами в Малатье (1237 г.), Харпуте (1165 г.), Хунат-хатун Джами в Кайсери (1237 г.).

Большинство исследователей объясняют полное или частичное перекрытие внутреннего двора в мечетях Малой Азии суровым холодным климатом этого региона. Интересная гипотеза была высказана в личной беседе Т.К. Мкртычевым. Он связывает подобную планировку анатолийских культовых построек с жилыми домами, ядром композиции которых являлся атриум – двор частично или полностью перекрытый крышей галерей, идущих по периметру. Такие дома были распространены на данной территории в римское время и сохранялись в средневековье, поэтому преемственность здесь вполне возможна.

Говоря о мечетях, следует остановиться на таких понятиях, как масджид и джами. Как уже упоминалось, молитва (салят, намаз) мусульманами может совершаться в любом месте. Обязательными условиями являются только соблюдение киблы и ритуальная чистота. В мусульманском мире существует много специальных мест для коллективных и индивидуальных молений. Это мечети квартальные, мечети при медресе, караван-сараях, банях, дворцах. Все эти мечети определяются термином масджид, и каждая категория здания имеет свойственную ей планировку. Джами (Джума-мечети) или мечети для пятничной службы – это большие здания, в которых все мусульмане собираются на полуденную молитву и слушают хутбу – особую пятничную проповедь муллы. По своему значению джами соответствуют христианским кафедральным соборам, поэтому их иногда называют «кафедральными» или «соборными» мечетями. Джами служат не только для совершения молитвы, но и способствуют пропаганде идей ислама, а также являются свидетельством благосостояния города, щедрости и благочестия его правителя. Поэтому они чаще всего расположены в центре города и богато украшены.

Особую категорию культовых сооружений составляют праздничные мечети, предназначенные для одновременного собрания большого количества народа. Чаще всего такие мечети находились за пределами городских стен и представляли собой большую площадь или поле, обнесенное стеной или оградой. В стене, обращенной на киблу, находились одна или несколько молитвенных ниш. Рядом ставился минбар. Или же для оформления михрабов строились специальные павильоны (рис. 12). Праздничные мечети назывались мусалла, намазгах или идгах. Мусалла использовались для отмечания праздника жертвоприношения (ид ал-курбан) и праздника разговения (ид ал-фитр). Также в них проводились моления по поводу засухи, чумы, голода и войны (Кочнев, 1976. С. 4-7).

В Золотой Орде, государстве, расположенном на самом краю мусульманского мира, первые мечети, вероятно, начали строиться во время правления Берке, который был мусульманином и способствовал городскому строительству. Но массовое возведение их, несомненно, относится

ко времени Узбека, с именем которого связано принятие мусульманства как государственной религии и расцвет городов. Именно в эти годы Ибн Баттута упоминает «тринадцать мечетей для соборной службы и… чрезвычайно много других мечетей» только в Сарае (Тизенгаузен, 1884. С. 306). К сожалению, число мечетей, исследованных на территории всей Золотой Орды, не многим больше упоминаемого Ибн Баттутой (рис. 13). Тем не менее, имеющийся материал дает представление о планировке этих зданий.

Большая часть известных в настоящее время мечетей Золотой Орды являются, скорее всего, пятничными. Поэтому сравнивать их планировку следует именно с джами других частей мусульманского мира. Рассмотрим мечети Золотой Орды по регионам.

Обзор по регионам Золотой Орды

Волжская Болгария.

Самым известным памятником мусульманского культового зодчества в Золотой Орде является мечеть города Болгара, столицы Волжской Болгарии, известная под названием «Четырехугольник» (рис. 14-15). Этот памятник был описан в многочисленных работах (Смолин, 1926; Башкиров, 1928; Смирнов, 1951; Воскресенский, Смирнов 1966; Айдаров, 1970). Подробная история изучения Четырехугольника, различные мнения по поводу его назначения и все возможные варианты реконструкции рассмотрены в статьях С.С. Айдарова и Г.Ф. Поляковой (Айдаров, 2001. С. 8-33; Полякова, 2001. С.150-175).

При археологическом исследовании здания мечети было выявлено четыре строительных горизонта (Айдаров, 2001. С. 30), однако существенно изменил облик Четырехугольник лишь при одной перестройке, поэтому можно говорить о двух периодах его существования как архитектурного объекта. Начало строительства здания исследователи относят к 30-40 гг. XIII в. В это время был заложен фундамент, и стены были возведены до уровня цокольной части. Для укладки фундамента был выкопан ленточный котлован глубиной 2,2-2,4 м. Дно его укреплено деревянными сваями. Фундамент сложен из крупных грубо оббитых глыб ракушечника и песчаника на известково-песчаном растворе. Цоколь, имевший несколько меньшую толщину, выполнен в той же технике, но из небольших камней. По мнению исследователей (Егерев, 1958. С. 376-380), стены Четырехугольника сложены в закавказской технике, которая сочетает кладку из рваного камня с использованием тесаных блоков для облицовки.

Дальнейшее строительство было продолжено только в 60-х гг. XIII в. В это время здание обрело свой первоначальный облик. В плане оно имело форму прямоугольника с небольшим расширением к югу (рис. 14.1). Длина его (внутри) составляла 32,6 м, ширина – 28,2 м по северной стене и 29,6 м – по южной. Стены толщиной 1,2-1,3 м сложены из кусков необработанного известняка на известковом растворе панцирной кладкой. Для увеличения прочности кладки в углах здания положены бревна, имевшие между собой связку. Снаружи стены укреплены прямоугольными в плане контрфорсами, кладка которых сложена в перевязку с кладкой стен. Южная стена имела три контрфорса, а восточная и западная – по два. Входной проем шириной 2,2 м в северной стене был обрамлен порталом, от которого сохранились два прямоугольных пилона. К западу от портала находился прямоугольный цоколь минарета, а к востоку – симметричный ему небольшой пилон прямоугольного очертания.

Внутри пространство мечети было разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн. В каждом ряду находилось по пять колонн. Ширина нефов была различной, она колебалась от 5,3 м (боковые нефы) до 6,4 м, причем проход, ведущий к михрабу, не был самым широким, ширина его составляла 5,7 м. Расстояние между колоннами в рядах тоже не одинаково. Первый ряд колонн отстоял от северной стены на 5,2 м, а расстояние между остальными колоннами колебалось от 5,1 до 6,15 м. Раскопками были выявлены фундаменты опор, сложенные из аккуратных, хорошо подтесанных камней на известково-песчаном растворе. Они были заглублены в землю на 2,6 м и имели размеры сторон 1,0-1,3 м. На некоторых фундаментах сохранились тщательно отесанные базы колонн прямоугольного (85 х 92 см) или квадратного

(92 х 92 см) сечения. Высота их составляла 35 и 45 см. Стены мечети были оштукатурены внутри и снаружи белой известью. Полы имели деревянный настил.

В начале XIV века, вероятно, в результате пожара мечеть была перестроена, но внешний вид ее значительно не изменился. Только внутри, вдоль западной стены были сделаны антресоли, которые опирались на дополнительные столбы. Их фундаменты имеют такое же строение, как и фундаменты несущих опор, а расположены они вплотную к западному ряду колонн и к западной стене здания (рис. 14.2). Вполне возможно, что эти колонны поддерживали галерею верхнего яруса, предназначенную для женщин. В других мечетях Золотой Орды подобные сооружения не известны.

Следующая перестройка, сделанная в 30 гг. XIV в., кардинально изменила облик здания как снаружи, так и внутри (рис. 14.3). Ко всем четырем углам здания были пристроены многогранные башни, которые уступами сужались кверху. Северные башни были несколько меньше южных. Диаметр их составлял 9,0 и 8,6 м, они имели по 10 граней и 5 уступов. Южные башни массивнее, их диаметр 9, 7 и 10, 8 м, они имеют 11 граней и 6 уступов. Снаружи башни облицованы тщательно подогнанными прямоугольными плитами из известняка, а внутри все пространство забутовано необработанным камнем, скрепленным известково-песчаным раствором. Кроме того, по центру восточной и западной стен были пробиты двери, а по бокам от них сделаны окна. Во всех трех дверных проемах сохранились каменные плиты порогов с углублениями для головки дверного блока. Это свидетельствует о том, что массивные двери мечети ставились без дверных коробок. Впоследствии изнутри ко всем трем дверям были пристроены тамбуры. Лучше всего сохранились стенки северного тамбура. Они имели длину 2,2-2,5 м, а расстояние между ними равнялось ширине дверного проема. От двух других тамбуров остались отпечатки стенок на известковом растворе.

Существенно изменился интерьер молитвенного зала и за счет полной замены колоннады. Восьмигранные каменные колонны на квадратных базах были поставлены шестью рядами по шесть колонн в каждом. Фундаменты под них сделаны довольно небрежно из мелких камней на известковом растворе. Базы колонн имели косо срезанные углы для перехода к восьмиграннику, а капители украшены резьбой в виде стилизованных пальметок, характерных для азербайджанского архитектурного декора (Бретаницкий, 1966. С. 378). Ширина нефов стала составлять 3,4 – 4, 7 м, а расстояние между колоннами в рядах колебалось от 4,37 до 4,8 м. Так же как и в первом периоде, колоннада отстояла на 5,2 м от северной стены и 5,08 м от южной. Трансепт отсутствовал, более того, проход, ведущий к михрабу, стал еще уже (3,4 м). Стены и колонны мечети, как и в первом периоде, были оштукатурены и побелены известковым раствором, а пол был сделан из дерева.

Сохранилось множество архитектурных деталей, которые могут лучше воссоздать облик Четырехугольника. Так, в культурном слое были найдены подоконные каменные блоки с боковыми углублениями, которые свидетельствуют о том, что в них крепились ставни, позволявшие закрывать окна изнутри (Айдаров, 2001. С.20). Профилированные каменные блоки с полосами резного геометрического и растительного орнамента обрамляли дверные и оконные проемы. Это оформление можно видеть на старых зарисовках и фотографиях. Резное стрельчато-арочное завершение ниши с вписанными в полукупол пальметками служило, возможно, для оформления ниш в боковых стенках портала и декоративных нишек, обнаруженных на западном фасаде здания. У южной стены, в том месте, где должен располагаться михраб, найден фрагмент профилированной арочной кривой, покрытый мелким резным декором. Эта деталь, а также анализ кладки южной стены позволили предположить, что по центру стены располагалась михрабная ниша, полукруглая или многогранная в плане (Айдаров, 2001. С. 22). Как сама планировка мечети, так и мотивы резного декора находят довольно близкие аналогии среди культовых построек Крыма, Малой Азии и Закавказья. Связь Четырехугольника с сельджукским зодчеством отмечали многие исследователи (Башкиров, 1928. С. 50-52, 63; Егерев, 1958. С. 376, 380-381; Айдаров, 2001. С. 31, 33). С.С. Айдаров

совершенно верно приводит в качестве ближайших аналогий мечеть Узбека в Крыму, а также мечеть Ала-ед-Дина в Конье (Айдаров, 2001. С. 31).

Сходство с этими и подобными им памятниками позволяет сделать предположение о перекрытии Четырехугольника. По мнению большинства исследователей, оно было плоским и опиралось на аркады. Крыша мечети могла быть скатной, что наиболее соответствует климатическим условиям. В.В. Егерев считал, что для лучшего освещения над боковыми нефами мечети могла быть сделана световая аркада за счет окон в стенках, соединяющих внутренние колонны (Егерев, 1958. С. 378-379). На реконструкции, приведенной в статье С.С. Айдарова, перед михрабом на крыше возвышается ажурная башенка с купольным покрытием (Айдаров, 2001. С. 94, рис.18). Однако подобные реконструкции весьма гипотетичны.

Наиболее ярким и интригующим архитектурным приемом, выделяющим Четырехугольник из остального ряда мечетей этого времени, является пристройка по углам массивных многогранных башен. Эти башни, всегда поражавшие воображение исследователей, до сих пор не могут быть достаточно точно интерпретированы. А.С. Башкиров считал их основаниями минаретов (Башкиров, 1928. С. 59-61). В.В. Егерев, отвергая эту гипотезу, отводил им роль контрфорсов (Егерев, 1958. С. 377). Прав, вероятно, скорее В.В. Егерев, так как в башнях нет никаких следов лестниц и непонятно, зачем при наличии Большого минарета возводить еще четыре. С.С. Айдаров высказывает мнение, что башни были пристроены в качестве оборонительных сооружений и должны были служить для защиты от неприятеля (Айдаров, 2001. С. 29-30). Он считает, что ступенчатое расширение низа башни могло служить для рикошетирования сбрасываемых сверху каменных ядер, что позволяет предполагать вверху башен под завершающими их зубцами наличие машикулей. В качестве аналогий он приводит Мечеть Мутаваккиля в Самарре IX в. и болгарские постройки – мечеть в Биляре X в. и мечеть-крепость XII в. на Чертовом городище возле Елабуги. В этом утверждении многое не логично. Прежде всего, от каких врагов должно было обороняться население Болгара в конце 30-начале 40 гг. XIV в.? Исследователями неоднократно отмечалось, что для Золотой Орды вообще характерно отсутствие каких-либо городских укреплений, а время Узбека являлось периодом наибольшего расцвета государства, когда почти не велись войны, и жизнь была спокойной и надежной. Вряд ли правители Болгара уже тогда могли предвидеть наступление смутного времени через каких-нибудь 20 лет.

Кроме того, наряду с сооружением башен, в это же время в мечети были сделаны дополнительные двери и окна, что значительно ослабляло здание в качестве объекта обороны. И, наконец, не совсем понятно, как нужно было доставлять ядра к машикулям, если башни внутри были монолитными. Вероятно, чтобы попасть на них, нужно было каким-то образом залезть на крышу, а уже с нее на верхушки оборонительных башен. Такой способ обороны является довольно нерациональным и мало эффективным. Мне представляется, что однозначный ответ на вопрос о назначении угловых башен найден быть не может. Ясно лишь одно, что ни о каком оборонительном значении их не может быть и речи. Рассматриваться могут лишь два назначения – декоративное и конструктивное. Возможно, что прообразом нового облика Четырехугольника действительно явились болгарские укрепленные мечети, построенные в более ранние и неспокойные времена. Что касается мечети Мутаваккиля, то ее укрепленные стены с башнями не типичны даже и для аббасидских мечетей, и уж вряд ли она может служить прототипом мечетей Волжской Болгарии.

Также не совсем понятно, почему на всех реконструкциях башни венчают шатровые покрытия. Ведь ни в одном из сооружений с угловыми башнями, приводимом в качестве аналогий, будь то среднеазиатские кешки или замки Азербайджана, таких покрытий нет. Если же считать, что многоугольные башни по углам здания мечети были пристроены под влиянием местной архитектуры, то не стоит сравнивать Четырехугольник с караван-сараями и кешками Средней Азии, построенными из сырца и обожженного кирпича, как это делает С.С. Айдаров (Айдаров, 2001. С. 33).

Вообще оформление углов массивными башнями в караван-сараях, медресе и замках характерно не только для Средней Азии, но и вообще для всех восточных стран. Здания караван-сараев, стоящих часто далеко от городов, в безлюдной местности, стремились превратить в крепость за счет угловых башен и полубашен, пристроенных к стенам. Такой план имеют караван-сараи Ирана, Аравии, Туниса, Сирии, Анатолии, Армении (Hillenbrand, 1994. P. 548-566). По такому же принципу, начиная с омейадсккого времени, укреплялись дворцы и замки в Сирии, Ираке, Аравии, Афганистане, Анатолии, Испании (Hillenbrand, 1994. P. 568-595). Здания медресе с угловыми башнями известны в Иране и Анатолии в домонгольский период (Hillenbrand, 1994. P. 508, 515).

Как уже упоминалось, болгарская мечеть и по планировке, и по строительной технике, и по резному архитектурному декору наиболее близка мечетям Крыма, Малой Азии и Закавказья. В этих регионах также известны архитектурные сооружения с угловыми башнями. Достаточно вспомнить укрепленные замки Апшерона и ханегу на р. Пирсагат (Бретаницкий, 1966. С. 74-78, 92-96), а также медресе Якутия в Эрзеруме и киоск Хызра Ильяса в Эркилете близ Кайсери (Hillenbrand, 1994. P. 515, 581). Поэтому утверждение, что угловые башни Четырехугольника построены именно под влиянием среднеазиатской архитектуры, представляется чересчур категоричным.

В Болгаре имеется еще один архитектурный комплекс, весьма вероятно, имеющий культовое назначение. Это так называемый Малый городок, расположенный у южной оконечности Болгарского городища за его пределами (Беляев, 2001). Малый городок опоясывают две линии укреплений, состоящие из рвов и валов (рис. 16.1). Внешняя линия имеет форму трапеции со сторонами 290, 300 и 330 м, которая вытянута по линии СЗ-ЮВ. Внутренний ров опоясывает площадку в виде неправильного прямоугольника, приблизительные размеры которого составляют 105 х 90 м. Северная и южная стороны внутреннего рва прерываются каменными сооружениями. С северной стороны располагаются двухбашенные проездные ворота (рис. 16.3; 17.1-2). Башни прямоугольные в плане, размерами 8 х 9 м. Внутри западной башни находилась винтовая лестница, от которой сохранились четыре нижние ступени. То есть западная башня была довольно высокой и, возможно, являлась минаретом. Внутри восточной башни расчищено обширное квадратное в плане (5,25 х 5,50 м) помещение, в стенах которого были сделаны широкие (2 м), неглубокие (40-50 см) ниши, которые, возможно, завершались стрельчатыми арками. Перекрытие этого помещения было купольным. Стены башен стоят на мощных ленточных фундаментах сложной структуры. Они сложены из тщательно подогнанных камней, как необработанных, так и бутовых, и покрыты внутри и снаружи белым алебастровым раствором. Между башнями находился проезд шириной около 4 м, в котором обнаружены остатки въездных ворот, открывающихся внутрь огороженной площади. Проходы в башни расположены со стороны проезда снаружи от ворот. Такое устройство входных узлов свидетельствует, по мнению исследователей, о том, что комплекс не имел фортификационного назначения (Беляев, 2001. С. 288).

С южной стороны в линию рва было встроено прямоугольное в плане (19 х 13 м) здание, вытянутое в широтном направлении (рис. 16.2). Оно сохранилось на уровне фундамента. Вход в здание находился посредине северной стены. Прямоугольное помещение было поделено двумя меридиональными стенами на три равные части. Пространство между воротами и южной постройкой, огороженное рвом, не несло на себе никаких следов обживания.

Еще одно каменное здание расположено снаружи огороженного четырехугольника, напротив его северо-восточного угла. Это квадратная в плане постройка (5,2 х 5,3 м) имела в восточной стене широкий (2,7 м) вход, возможно, оформленный порталом (рис. 16.4; 17.3). От входа вдоль боковых стен были сделаны суфы. У западной стены суфы расширялись и образовывали площадку, в центре которой находилась округло-плоская ниша. Перед нишей в полу сооружения было сделано прямоугольное (60 х 60 х 45 см) углубление, от которого отходил водоотводный канал. Суфы и пол были покрыты известковым раствором, а стенки и

дно резервуара и канала выложены алебастровыми плитками. Это здание интерпретируется как «здание для омовений» (Беляев, 2001. С. 281).

По поводу назначения ансамбля в настоящее время нет единого мнения. Его считали фортификационным узлом перед южными городскими воротами, загородным дворцом, таможней, караван-сараем. Л.А. Беляев убедительно доказал, что отсутствие отопительных сооружений и бытовых остатков противоречит интерпретации комплекса как жилого (дворец, караван-сарай), а устройство входа не характерно для фортификационных сооружений. Он предложил считать данный ансамбль загородной мечетью-намазгох (Беляев, 2001. С. 287-289).

Нижнее Поволжье.

Мечети Сарая (Селитренное городище), несмотря на свою многочисленность, не сохранились до наших дней. Ф. Баллод приводит выписки из дел Калмыцкого архива, из коих следует, что в начале XVIII в. среди развалин Сарая были видны остатки Белой мечети и Зеленой мечети (Баллод, 1998. С. 111). Исследователи XVIII в., И.П. Фальк, П.С. Паллас, К.Н. Малиновский в своих записках упоминают развалины мечети и ханского дворца. (Полное собрание ученых…, 1824. С.207; Паллас, 1788. С.145). Член Петровского общества исследователей Астраханского края К.Н.Малиновский пишет, что в начале XIX в. «у с. Селитренного находились остатки древнего ханского замка и татарской мечети» (Малиновский, 1892. С. 6).

Возможно, что одну из этих мечетей частично раскопал в 1931 г. П.С. Рыков в районе бугра Кучугуры. Этот исследователь описывает некий «двор» размерами 43 х 40 м, мощенный обожженным кирпичом, положенным на известковом растворе. По этому двору были равномерно рядами размещены квадратные базы колонн, сделанные из песчаника зеленого цвета. Расстояние между рядами колонн и колоннами в рядах составляло 4,0 м. Базы колонн имели сторону, равную 51-53 см, и в верхней части их был сделан скос для перехода к восьмиграннику. Сами колонны, вероятно, были деревянными (Рыков, 1931. С. 25). Хотя сам П.С. Рыков видел место Зеленой мечети совершенно в другом районе, в селе, описанный им «двор» более всего напоминает молитвенный зал мечети. Пол зала, вымощенный кирпичом, и базы колонн сохранились под культурным слоем, а стены были полностью разобраны. Такая же ситуация наблюдалась при раскопках другой мечети Селитренного городища, которая, кстати говоря, имела близкие размеры и пропорции. Условно мечеть, найденную П.С. Рыковым, можно назвать «Зеленой мечетью» по цвету каменных баз колонн.

Большая пятничная мечеть (рис. 18-20) была раскопана в аристократическом районе (между буграми Кучугуры и Красный) в 1983-1986 гг. (Федоров-Давыдов и др., 1983; 1985; 1986; Зиливинская, 1998. С. 22-26; 2009. С. 354-358 С. 22-26; Zilivinskaja, 1998). Стены мечети сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Впоследствии они были почти полностью разобраны: кладка сохранилась фрагментарно на высоту 1-2 слоев. Проследить планировку здания удалось по заглубленному в материк ложу стен и отпечаткам кирпичей в материке.

Мечеть состояла из двух помещений: большого молитвенного зала и пристройки к северной стене к западу от портала (рис. 18.1). Молитвенный зал был квадратным в плане. Внутренние размеры его составляли 35,5 м по оси З-В и 36,0-36,5 м по оси С-Ю. Северная, восточная и западная стены были сложены в четыре ряда кирпича и имели ширину 1,0 м. Из целого кирпича состояли только отдельные участки стен, основной же их массив сложен панцирной кладкой, в которой внешние ряды были из целых кирпичей или половинок, а середина заложена битым кирпичом. Южная стена была более мощной, ширина ее достигала 1,5 м, то есть шести рядов кладки. Это объясняется наличием в ней михрабной ниши, которая ослабила бы конструкцию при меньшей толщине стены. Главный вход в мечеть сделан посредине северной стены. Дверной проем шириной 2,7 м снаружи был оформлен массивным порталом, пилоны которого имели длину 4,9 м. Толщина пилонов различна – 3,0 м у восточного и 4,8 м у западного. Это объясняется тем, что к западному пилону, в перевязку с ним была пристроена стена дополнительного помещения. Расстояние между пилонами равнялось 3,45 м, а глубина

айвана составляла 5, 9 м. Панцирная кладка портала сложена в перевязку с северной стеной мечети. Снаружи портал был оштукатурен белым известковым раствором.

Такой же портал, но значительно меньших размеров сделан посредине восточной стены. Пилоны его были 1,3 м длиной и 1,4 м шириной. Между ними оставался проход шириной 1,8 м. Возможно, такой же входной проем имелся и в западной стене. Об этом свидетельствует сравнение с болгарским Четырехугольником и мечетью на Кучугурском городище, где кроме главного входа было еще два – с восточной и западной сторон. Правда, там они были лишены порталов. Наличие западного портала в селитренской мечети также логически вытекает из общего плана молитвенного зала, в котором все элементы симметричны относительно меридиональной оси. К сожалению, никакого фактического подтверждения этой гипотезе найдено не было, так как большая часть западной стены стояла на песчаном материке, в котором не прослеживалось ее ложе.

Внутреннее пространство молитвенного зала разделено на девять нефов восемью рядами колонн. Во всех рядах, кроме двух средних, было по восемь колонн. В средних рядах вторые и третьи колонны, считая с севера, отсутствовали, так как на их месте находился внутренний дворик размерами 9,0 х 9,3 м. По периметру его сделан бордюр из поставленных на ребро обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором. Остальная площадь двора выложена обожженными кирпичами, положенными плашмя. Кирпичи лежали рядами без смещения рядов относительно друг друга. Кирпичи вымостки и бордюра были полностью выбраны, и оформление дворика удалось восстановить по отпечаткам кирпичей и остаткам известкового раствора. В центре двора находился водоем в виде круглой в плане цистерны, выкопанной в материке (рис. 19.3). Стенки цистерны облицованы обожженным кирпичом, а дно было материковым. Диаметр ее составлял 3,7 м, глубина – 3,35 м. Никаких деталей внешнего оформления водоема найдено не было. Значительные размеры внутреннего двора говорят о том, что он не имел перекрытия или же был перекрыт частично.

От колонн, поддерживающих крышу мечети, сохранились только фундаменты, заглубленные в материк (рис. 19.2; 20.1). Над уровнем земляного пола они возвышались на 3-10 см. Фундаменты состояли из 6-9 слоев кирпичной кладки из целых кирпичей и обломков на глиняном растворе. Размеры фундаментов колебались от 1,1 х 1,2 м до 1,4 х 1,65 м в верхней части, к нижнему слою кладки размеры сокращаются на 30-40 см с каждой стороны. Фундаменты сложены довольно небрежно и образовывают ряды лишь приблизительно. В дальнейшем основания колонн перемещались по площадкам фундаментов до полного выравнивания по осям. Для более точной установки колонн на некоторых фундаментах сделаны двух-трехступенчатые квадратные площадки, каждая сторона которых сложена из четырех или трех кирпичей. Иногда эти площадки сдвинуты к одному из углов фундамента. Колонны были деревянными, квадратными в сечении. На нескольких фундаментах была найдена известковая обмазка с отпечатками столбов, основание которых имело размеры 36 х 36 см и 38 х 38 см. Обмазка заходила на вертикальную поверхность столбов и носила следы заглаживания пальцами. К сожалению, отпечатков столбов сохранилось немного, поэтому расстояние между колоннами можно вычислить с некоторой долей приближения. Западный и восточный ряды колонн удалены от стен на 4 м. Примерно такую же ширину (4,0-4,4 м) имеет проход, идущий по центру зала от входа к михрабу. Расстояние между остальными рядами, а также между колоннами в рядах около 3,4 м. В некоторых местах замечены отклонения от этой цифры, но они незначительны.

Колонны, расположенные перед михрабом, несколько отличались от остальных. Это прослеживается по строению их фундаментов, которые были сложены более тщательно (рис. 20.2). Они состояли из восьми слоев обожженных кирпичей, которые были положены таким образом, что образовывались восьмигранники, сечением 1,5 м. В верхней части этих фундаментов по центру были вмурованы деревянные кресты из брусьев шириной 30 см. Брусья соединены при помощи врубов «в обло» и положены плашмя на тростниковую циновку. На перекрестье у них сохранились остатки досок, положенных плоско. Столь необычное строение

фундаментов перед михрабом может иметь объяснение. Вероятнее всего, колонны, стоящие на них, были сделаны из камня. Деревянные столбы, поставленные на твердые кирпичные фундаменты, под давлением перекрытия неизбежно подвергаются некоторой деформации и усадке. Для того, чтобы не получилось перекоса, под каменные колонны, не подверженные деформации, были подложены конструкции из дерева. Аналогичное действие должна была оказать и тростниковая циновка, лежащая под брусьями и между слоями кирпичей фундаментов. Возможно, частью такой каменной колонны являлся обломок базы из серого песчаника в виде куба со скошенными углами, который был найден при расчистке молитвенного зала. Вообще, более пышное оформление колонн перед михрабом является довольно частым приемом в мусульманском культовом зодчестве. Наиболее близкий пример этого – мечеть Узбека в Крыму.

Для выделения пространства перед михрабом служила еще одна конструкция, точное строение которой неизвестно. От нее сохранились два столбика диаметром 20 и 24 см, которые были вкопаны на расстоянии примерно 3,0 м к северу от баз с деревянными перекрестьями вплотную к фундаментам колонн второго, считая с юга ряда. В этой же части зала был найден завал мелких фрагментов ганча с отпечатками прямоугольных в сечении палочек, которые образовывали каркас ганчевой решетки. Можно предположить, что при помощи столбиков крепилась ажурная обрешетка, отгораживающая пространство перед михрабом. Возможно, это была максура, хотя обычно максура находится сбоку от михраба. Между фундаментами, расположенными с восточной и западной сторон от колонн перед михрабом, и южной стеной здания найдены врезанные в глинобитный пол доски, вытянутые по оси С-Ю. Вероятно, они также являются остатками каких-то конструкций, отгораживающих пространство перед михрабом.

Сам михраб практически не сохранился. По одной его стенке, расположенной точно напротив центра крестообразной базы, можно вычислить, что ширина его составляла 4,4 м, а глубина 0,65 м. В плане михраб был прямоугольным. Невдалеке были найдены два известковых блока, которые, возможно, являлись частями его рамы. Один из них представлял собой плоскость с выступающей полуколонной, на другом полукруглый в разрезе выступ слегка изгибается.

Селитренская мечеть имела плоское, а именно балочное перекрытие, так как опиралось оно на деревянные столбы. Внутреннее убранство ее было просто. Найденные известковые блоки и известковая обмазка нижней части столбов позволяют предположить, что стены внутри также были оштукатурены. Порталы, вероятнее всего, были декорированы поливными монохромными изразцами и резными кирпичиками, обломки которых были найдены в яме у южной стены здания. Эти кирпичики вытачивались прямо на месте строительства и использовались по мере надобности. Однако такого декора найдено не очень много, то есть, скорее всего, здание было оформлено довольно скромно. Так как изнутри и снаружи мечеть была оштукатурена известковым раствором, ее условно можно назвать «Белой мечетью».

Интересные наблюдения, связанные с процессом строительства здания, были сделаны после снятия земляного пола мечети. Под ним была обнаружена серия ям с остатками сосновых столбов (рис. 18.1). Ямы имели различный диаметр и располагались вдоль стен и между фундаментами колонн. Несомненно, эти ямы являются остатками строительных лесов.

Отличительной особенностью мечети Сарая является наличие дополнительного помещения (рис. 18.1-2). Оно примыкает с севера к западному отрезку северной стены молитвенного зала. Помещение вытянуто с запада на восток. Внутренние размеры его 11,9 х 8,2 м. Стены сохранились фрагментарно. С юга помещение ограничивала стена молитвенного зала, причем угол ее выступает на 0,4 м к западу относительно фасада западной стены пристройки. Толщина западной стены составляла 0,6 м, то есть два с половиной ряда кирпичей, толщина северной стены – 1,3 м. Кладка восточной стены сделана в перевязку с кладкой западного пилона портала. К северу от пилона толщина стены составляла 1,3 м, и в ней был сделан дверной проем, от которого сохранился порог со следами ремонта. Ширина дверного проема равнялась 1,2 м.

Внутреннее убранство комнаты было довольно богатым. Пол выложен жженым кирпичом, а стены украшены полихромными изразцами с надглазурной росписью и позолотой. Несколько крупных мозаичных блоков, в том числе часть тимпана и архивольта арки, выложенных такими изразцами, найдены при раскопках комнаты (рис. 21). Вдоль западной стены была сооружена прямоугольная суфа шириной 1,8 м. Потолок поддерживали два столба, от которых остались базы из серого песчаника. Верхняя площадка их квадратная в плане (22 х 22 см и 20 х 20 см), книзу они слегка расширялись. Базы были вкопаны точно по центру помещения на расстоянии 3,25 м друг от друга. После снятия земляного пола под ним были найдены два кирпичных фундамента под базы колонн. Они были несколько смещены к западу, и каменные базы стояли не на них, а прямо на земляном полу. Круглые в плане, диаметром 1,2-1,35 м, фундаменты были сложены из слоя кирпичей, поставленных на ребро (рис. 20.3), на которые был положен слой плоско лежащих кирпичей. Вероятно, это основания первоначальных колонн, или же здесь мы имеем дело с ошибкой строителей, и эти фундаменты так и не были использованы. Это помещение, скорее всего, служило не культовым, а общественным целям. Возможно, здесь находился суд, библиотека или какое-то еще учреждение при мечети. Мечеть была построена в 40-е гг. и просуществовала до конца XIV в.

Еще одна пятничная мечеть раскопана на Водянском городище в Волгоградской области (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976). Она представляла собой прямоугольное здание размерами 26 х 35 м, вытянутое в меридиональном направлении и ориентированное михрабом на юго-юго-восток (рис. 22.1-2). Стены постройки имели толщину 1,2-1,3 м и были сложены из рваного камня на глиняном растворе. Изнутри стены оштукатурены белым известковым раствором; снаружи штукатурка покрывала северный и восточный фасады. Вход в мечеть сделан в северной стене. Ширина его составляла 1,32 м. Вход смещен к востоку относительно центральной оси здания и обрамлен порталом шириной 5 м. Пилоны портала сложены из больших тесаных плит и имеют ширину 1,0 м. В длину они сохранились более чем на 2,5 м.

Южная стена по центру снаружи имела прямоугольный выступ, в толще которого сделана михрабная ниша полукруглой формы (рис. 23.1). Стенки михраба были сложены из половинок обожженного кирпича и оштукатурены белым раствором. Ширина михраба 1,24 м. С правой и левой сторон михрабную нишу обрамляли два кирпичных уступа, украшенных профилированными пилонами из белого ганча. Также михраб был декорирован прямоугольной доской со штампованной надписью на арабском языке (рис. 24.4). Белая выпуклая надпись была сделана на синем фоне, обрамленном красным бордюром. Она гласила: «Царство единому Богу, всемогущему» (Федоров-Давыдов, Егоров, 1976. С. 125).

Перед михрабом находилась прямоугольная площадка, ограниченная стенками из обломков кирпичей высотой в три слоя (рис. 22.1; 23.2). Площадка вытянута в меридиональном направлении, размеры ее составляли 8,14 х 8, 4 м. В толще всех трех стенок находились грубо обтесанные в форме квадратов плоские камни, которые служили базами для деревянных колонн, поддерживавших крышу. В центре площадки была вкопана часть круглой мраморной колонны с канелюрами, которая возвышалась на 45 см над уровнем пола и служила подставкой для ляуха с кораном (рис. 23.1). Колонна была поставлена расширяющимся концом вверх, а в качестве упора под нее на дне ямы, в которую был вкопан ее нижний конец, положена мраморная ранневизантийская капитель (рис..24.3). Капитель и колонна были привезены, скорее всего, из Крыма и использовались столь оригинальным образом.

Остальное пространство мечети было разделено пятью рядами колонн на шесть нефов шириной по 4 м. Расстояние между колоннами в ряду также составляло в среднем 4 м. При раскопках найдены 24 базы колонн призматической формы из серого гранита (рис. 24.1). Они имели высоту 20 см, а сторона квадратного основания составляла 30 см. Углы баз были скошены для перехода к восьмиугольнику, а на поверхности имелась насечка для установки деревянных колонн. Пол мечети, скорее всего, был выстлан досками.

У северо-восточного угла мечети располагался минарет. Цоколь минарета, прямоугольный в плане (5,0 х 4,2 м), вплотную примыкал к восточной стене мечети. К югу от минарета

обнаружен глинобитный пол какого-то помещения, которое с севера и запада было ограничено стенами цоколей минарета и мечети, а с востока и юга – тонкими стенками из грубо отесанных камней. В стене мечети, которая примыкает к этому помещению, сделан проем шириной 3,4 м. Скорее всего, эта пристройка служила для соединения мечети с минаретом. Впоследствии этот проем был заложен кирпичом. Мечеть Водянского городища была построена во второй половине XIV века и просуществовала вплоть до разгрома Золотой Орды Тимуром.

Северный Кавказ.

На золотоордынских городищах Северного Кавказа исследовано три мечети. Две из них находились на городище Верхний Джулат в Северной Осетии, которое называется также Татартупом (Семенов, 1947) и отождествляется с известным по летописям ясским городом Дедяковым (Егоров, 1985. С. 121). Обе мечети были раскопаны и опубликованы О.В. Милорадович (Милорадович, 1963. С. 66-87) и впоследствии интерпретированы В.А. Кузнецовым (Кузнецов, 2003. С. 123-127).

Малая мечеть сохранилась в основном на уровне фундамента (рис. 25.1-2). Это небольшое, прямоугольное в плане здание ориентировано длинной осью в меридиональном направлении. Внешние размеры его 9, 8 х 6,6 м. Фундамент стен сложен из речного булыжника на известковом растворе и заглублен на 1,5 м. Ширина стен на уровне фундамента 0,8-1,0 м. Сами стены были из обожженного кирпича и почти не сохранились, но прослеженные при раскопках целые блоки кладки дали представление об их структуре. С внутренней стороны стены были оштукатурены. В южной стене мечети сделан михраб в виде квадратной, выступающей наружу ниши. Размеры его 1,15 х 1,15 м. Входной проем, лишенный каких-либо следов портала или другого оформления, находился в северной стене, напротив михраба. Пол мечети глинобитный. Внутри пространства здания находились остатки шести квадратных (0,8 х 0,8 м) устоев, которые расположены в углах помещения и посредине восточной и западной стен. Снаружи, у северо-восточного угла мечети, вплотную к стене был пристроен кубический фундамент минарета. Небольшие размеры мечети, ее скромное оформление, отсутствие архитектурного декора привело исследователей к выводу, что она, скорее всего, являлась квартальной (магальной) (Милорадович, 1963. С. 69; Кузнецов, 2003. С. 124). О.В. Милорадович считала, что Малая мечеть была построена в XIII в. (Милорадович, 1963. С. 69), однако скорее можно согласиться с В.А. Кузнецовым, который относит ее возведение к первой половине XIV в. (Кузнецов, 2003. С. 124).

Площадь Большой мечети Верхнего Джулата исследована на две трети, так как восточная ее часть разрушена дорогой. Сохранились фундамент, часть стен и вымостка пола мечети. Здание было трапециевидным, вытянутым с запада на восток (рис. 26.1-2). Ширина постройки 11,8 м, длина предположительно 22,8 м. Западная стена была не перпендикулярна: с северной она образует угол 89°, а с южной – 100°. Фундамент стен сложен из речного булыжника на известковом растворе, а сами стены – комбинированной кладкой из подтесанных камней, обожженных кирпичей и блоков песчаника также на известковом растворе. Ширина стен на уровне фундамента – 1,5 м, на уровне цоколя – 0,8 м. Упавшая стена позволяет определить приблизительную высоту здания. Предположительно она достигала 6 м. Кладка стен мечети состояла из рядов подтесанного булыжника и блоков туфогенного песчаника, которые расчленяются слоями кирпичной кладки. В южной стене была обнаружена прямоугольная (1,35 х 1,0 м) михрабная ниша, которая выступала наружу. Она несколько смещена к западу от центра и располагалась в 7,5 м от СЗ угла здания. Пол михраба, а возможно, и его стенки были украшены изразцами с бирюзовой поливой. Снаружи михрабный выступ был оштукатурен. Основной вход в мечеть находился напротив михраба: здесь обнаружен небольшой (0,7 х 0,25 м) наружный пилон, вероятно, являвшийся остатком портала. Дополнительный проем находился в западной стене, напротив минарета.

Пол мечети был фигурно выложен крупными (40 х 40 х 5 см) кирпичными плитами, часть которых покрыта бирюзовой поливой, обычными кирпичами и мелким булыжником. Кладка на известковом растворе. Стены оштукатурены и, возможно, расписаны красной краской.

Никаких следов устоев или колонн в мечети обнаружено не было, поэтому невозможно достоверно судить о ее перекрытии. Авторы раскопок считали, что плоское перекрытие с двускатной крышей поддерживали деревянные столбы, поставленные прямо на плиты пола (Милорадович, 1963. С.79). В.А. Кузнецов полагает, что на пол были поставлены деревянные базы, а на них уже сами колонны (Кузнецов, 2003. С. 126). В любом случае перекрытие, скорее всего, было плоским, стропильным. Покрытие крыши было сделано из плоской черепицы, обломки которой найдены при раскопках.

О.В. Милорадович считала Большую мечеть Джума-мечетью Верхнего Джулата (Милорадович, 1963. С. 86). В.А. Кузнецов полагает, что размеры ее недостаточны для проведения пятничных проповедей для всего населения города (Кузнецов, 2003. С. 127). Однако известно, что в больших городах могло быть несколько пятничных мечетей в разных районах. Оба исследователя датируют Большую мечеть первой половиной XIV в.

Самая большая соборная мечеть на Кавказе раскопана на городище Нижний Джулат в Кабардино-Балкарии (Чеченов, 1969. С. 46; Чеченов, Зиливинская, 1999). Она представляла собой прямоугольное, вытянутое в меридиональном направлении здание (рис. 27.1). Южная стена с михрабной нишей отсутствовала, поэтому внутренние размеры постройки можно вычислить приблизительно. Они равны 17,65 х 25,7 м. Стены мечети толщиной от 0,9 м до 1,2 м сложены из обожженного кирпича на известковом растворе. Кладка стен положена на фундамент, который был заглублен на 0,85 м и имел довольно сложное строение (рис. 27.2). Верхний слой кладки фундамента восточной стены состоял из отесанных прямоугольных каменных плит, установленных вертикально на торец и подогнанных вплотную друг к другу без связующего раствора. Размеры плит от 30 х 25 х 40 см до 40 х 55 х 65 см. Каменная кладка лежала на слое забутовки, состоявшем из беспорядочно положенных всухую необработанных камней такого же состава. Западная стена мечети имела фундамент несколько иного строения. Нижний слой его состоял из нетесаных каменных плит породы речного отложения. Выше следовало семь слоев кладки из булыжников разных размеров, уложенных кладкой «в елочку» на известковом растворе. Фундамент северной стены сложен из нетесаных каменных глыб, уложенных всухую вплотную друг к другу. Кирпичная кладка стен сохранилась фрагментарно на высоту до четырех слоев кладки. В отдельных местах на внутренней стороне кладки стен сохранился слой известковой обмазки толщиной около 2 см, покрытый несколькими тонкими слоями побелки.

В северной стене имелось два проема (рис. 27.1; 28.1). Первый проем начинался в 1,6 м от северо-восточного угла здания и имел ширину 80 см. Он служил для соединения помещений мечети и минарета. Второй проем начинался в 6,5 м от того же угла. Ширина его составляла около 1 м. Проход вел из зала мечети на улицу. В основании прохода положена плоская тесаная плита порога (85 х 42 х 27 см). Снаружи вход был оформлен порталом, от которого сохранились остатки прямоугольных пилонов. Ширина его составляла около 5 м, а длина – около 3 м. Возможно, именно портал имел в виду Ю. Клапрот, посетивший Нижний Джулат в 1807 г. и оставивший краткое описание мечети, когда говорил, что в стене мечети сохранилась «сводчатая входная дверь» (Klaproth J., 1812-1814, B.I, S. 430).

Пол мечети вымощен обожженными кирпичами, положенными рядами без смещения швов на известковом растворе. В мечети было 48 колонн, от которых сохранились заглубленные в землю фундаменты и частично – базы (рис. 27.1; 28.2). Они поставлены в 4 ряда по 12 колонн. Западный и восточный ряды отстояли от стен на 4,0 м, промежутки между рядами (по центрам колонн) составляли 3,2-3,25 м. В ряду центры колонн отстояли друг от друга на 2,0 м. От 28 из них были найдены базы из твердого белого камня (известняка). Базы имели форму усеченного конуса и цилиндра. Высота их 30 см, нижний диаметр 30 см, верхний – 25 и 30 см. Базы были поставлены на фундаменты, заглубленные ниже поверхности пола на 50-52 см. Фундаменты сложены из обожженных кирпичей, положенных плоско в 8-9 слоев на известковом растворе. В каждом слое было 16 целых или битых кирпичей, образующих кладку, равную 4 кирпичам в длину и 4 – в ширину (1,15-1,20 х 1,15-1,20 м). На верхней плоскости каждого основания

положен еще один квадрат из 9 кирпичей, уложенных по 3 кирпича в длину и ширину. На этот верхний слой кладки на известковом растворе крепились каменные базы. Такие мощные фундаменты колонн, так же как и сильно заглубленный фундамент стен, были необходимы, так как мечеть была поставлена на довольно рыхлый неоднородный культурный слой, толщина которого под полом достигала 2,0 м.

Колонны, скорее всего, были из дерева и, судя по каменным базам, на которые они были поставлены, имели круглую форму. Если предположить, что стволы колонн также были из камня, то непременно должны были быть найдены хоть какие-то их остатки. Мечеть, несомненно, имела плоское перекрытие, опиравшееся на колонны, но о ее крыше никаких, даже косвенных данных не имеется.

К восточному отрезку северной стены мечети был пристроен минарет. Восточная стена его цоколя смещена относительно края восточной стены мечети примерно на 50 см. Кладки северной стены основного здания и цоколя минарета сделаны не в перевязку: между ними прослеживалась щель 2-2,5 см шириной. В плане цоколь минарета имел форму прямоугольника, в северо-западном углу которого была сделана прямоугольная выемка.

В Краснодарском крае, на городище Ангелинский Ерик, которое авторы раскопок соотносят с провинциальным городом Шакраком, частично исследована мечеть, построенная в начале правления Узбека (Волков, Лопан, 2009. С. 62-64). Здание было прямоугольным в плане, шириной 12 м. Молитвенный зал разделен двумя рядами колонн на три нефа, причем центральный неф значительно шире боковых. Вход в северной стене смещен от центра к западу. Снаружи он обрамлен пилонами айвана, длина которых составляла 2,8 м, а ширина 1,6 м. Вдоль северной стены, снаружи, находилась крытая галерея, от которой сохранились базы колонн. Авторы раскопок отмечают сходство плана этой постройки с мечетью Узбека в Солхате (Волков, Лопан, 2009. С. 63).

Западные районы

Наиболее известным памятником монументального зодчества на западе Золотой Орды является комплекс мечети и медресе города Солхата (Крыма). Ему посвящены многочисленные исследования (Башкиров, 1926. С. 108-126; 1927. С. 122-145; Бороздин, 1926. С. 271-302; 1927. С. 256-265; Засыпкин, 1927. С. 113-169; Якобсон, 1964. С. 104-108). Комплекс состоит из обширной постройки медресе, к которой с южной стороны примыкает здание мечети. На портале мечети, которая полностью сохранилась до наших дней, отчетливо видна арабская надпись. В ней говорится, что мечеть построена по повелению Узбека в 1314 г. (Акчокраклы, 1927. С. 14). Поэтому на протяжении длительного времени мечеть «Узбека» приводилась в качестве ярчайшего примера золотоордынской архитектуры. Практически все исследователи единодушно считали, что мечеть и медресе построены в сельджукских традициях и сравнивали планировку этого архитектурного комплекса с караван-сараями Малой Азии.

В 1980-1983 гг. на памятнике были проведены раскопки экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского. Эти работы показали, что здания медресе и мечети не одновременны. Медресе было построено в первой трети XIV в., а мечеть была пристроена к нему на рубеже XV-XVI вв. (Крамаровский, 2005. С. 113-114). Тем не менее, мечеть Солхата вполне можно рассматривать как произведение золотоордынского зодчества, так как, по мнению М.Г. Крамаровского, в конце XV в. она не была отстроена заново, а только перенесена на новое место у северной стены медресе (Крамаровский, 2005. С. 114). Портал, михраб, колонны и другие архитектурные детали были взяты из мечети, которая действительно была построена во времена Узбека.

Здание мечети, как и остальные постройки Солхата, сложено из отесанных каменных блоков и рваного камня. Южной его стеной является северная стена медресе: восточная и западная стены не имеют с ней перевязки. Точно так же, без перевязки к северной стене мечети пристроен портал. В плане постройка прямоугольная, размерами 17,5 х 13,5 м (рис. 29.1). Мечеть представляет собой базилику, разделенную на три нефа двумя рядами колонн. В каждом ряду находится по три восьмигранных каменных колонны, которые соединены стрельчатыми

арками (рис. 30.3). Капители колонн украшены резьбой по камню в виде пальметок и растительных побегов, а две колонны перед михрабом стоят на богато украшенных базах. Колонны поддерживают стропильное перекрытие и двускатную черепичную крышу (рис. 29.2-3). М.Г. Крамаровский предполагает, что в первоначальном варианте аркада центрального нефа должна была поддерживать стропила высокого фонаря, перекрытого двускатной крышей, а после переноса здания конструкция его перекрытия упростилась (Крамаровский, 2005. С. 114). В северо-восточный угол встроено основание цилиндрического ствола минарета.

К южной стене мечети приставлен роскошный резной портал прямоугольной формы (рис. 30.1-3). Размеры его 4,01 х 6,03 м. Верхняя часть портала оформлена нишей подтреугольной формы, заполненной сталактитами из ганчевых элементов. По сторонам от входа на базах в виде ламп стоят полуколонны с двухъярусными капителями, украшенными растительными побегами. Портал обрамлен широким резным фризом, а над полуаркой входа расположена надпись, в которой кроме года постройки и прославления Узбека упоминается имя строителя или архитектора Ибрагима аль-Ирбили, выходца из Ирака (Крамаровский, 2005. С. 115).

Михраб мечети имеет ту же структуру, что и портал, но украшен еще богаче (рис. 30.4-5). Сталактитовая ниша, как бы поддерживаемая витыми полуколоннами с двухъярусными капителями и базами в виде ламп, повторяется здесь дважды. Пространство над нишей покрыто сложной резьбой, включающей зоны эпиграфического и растительного орнамента, а также выделенные медальоны. В эпиграфическом фризе присутствует кораническая надпись. Все это обрамлено широкой полосой резьбы, а на верхней полке рамы размещены три объемных резных медальона. Исследователи считают, что михраб мог быть подцвечен с использованием позолоты (Крамаровский, 2005. С. 116). Несмотря на то, что мечеть Узбека была построена архитектором из Ирака, ее планировка и орнаментальные мотивы резного декора свидетельствуют о влиянии Малой Азии сельджукского периода (Крамаровский, 2005. С. 115, 116).

Недалеко от мечети Узбека находятся руины еще одной мечети, которая получила название «мечети Бейбарса» (Бороздин, 1926. С.277-278; Крамаровский, 1980; 1986). По своей планировке она практически тождественна мечети Узбека (рис. 31.1). Мечеть Бейбарса также представляла собой трехнефную базилику с тремя парами колонн, поставленных на восьмигранные базы. Причем ее аркада имела тот же шаг колоннады (4,1 м), что и в мечети Узбека (Крамаровский, 2005. С. 116). Таким образом, внутренние размеры здания составляют 12,3 х 16,4 м. В южной стене прослеживалась полукруглая ниша михраба (рис. 31.2). Вход с мечеть сделан в северной стене, с востока и запада его обрамляют прямоугольные пилоны портала. Никаких, даже самых маленьких фрагментов архитектурного декора при раскопках не обнаружено. По нумизматическому материалу мечеть «Бейбарса» датируется временем Тохтамыша (Крамаровский, 2005. С. 116).

В бывшем имении художника Айвазовского расположена мечеть, носившая название Куршун-Джами, то есть «Свинцовая» (Башкиров, 1927 С. 132-133; Засыпкин, 1927. С. 132-134; Крамаровский, 1984; 2005. С. 116). Свое название она, вероятно, получила из-за материала, покрывавшего ее купол. Прямоугольное здание (12,5 х 17,7 м) построено из рваного камня на известковом растворе (рис. 32.1-4). Вход в мечеть обрамляют пилоны портала. Западная и восточная стены усилены парными контрфорсами. Южная стена имеет один контрфорс, который расположен позади михрабной ниши, сильно выдающейся в толщу стены. Михрабная ниша первоначально имела подпрямоугольные очертания, а впоследствии была облицована заново и стала многоугольной (Крамаровский, 2005. С. 116). В северо-восточном углу сохранились остатки основания минарета. Все здание разделено на две неравные части. Квадратное помещение (10,5 х 10,6 м) с михрабом в южной стене было увенчано куполом на пирамидальных парусах. Прямоугольная (10,5 х 4,5 м) северная комната имела перекрытие в виде трех полукруглых в сечении сводов (Башкиров, 1927. С.132.).

По сведениям Эвлии Челеби, Куршун-Джами первоначально являлась дервишской обителью (текие). Она была сооружена в 1396 г. по повелению Бай Буглы Хатун, внучки Кутлуг

Тимура. В 1398 году здание текие было обращено в квартальную мечеть (Григорьев, 1974. С. 27; Крамаровский, 2005. С. 116). Исследователи объясняли этим отличную от других мечетей Золотой Орды планировку Куршун Джами. Для зданий текие характерно наличие большого помещения для совместных молений. Чаще всего, это помещение перекрывалось куполом.

В то же время в Анатолии, оказавшей значительное влияние на сложение архитектурных форм в Крыму, при ранних Османах появляется новый тип мечети. Это небольшое здание, состоящее из одного или двух помещений. Квадратное помещение молельного зала, перекрытое куполом, могло предваряться прямоугольным тамбуром со сводчатым перекрытием. В углу здания встроен минарет. Такую планировку имеют мечеть Ала ал-Дина в Бурсе (1335 г.), Орхан Гази в Билесике, Зеленая мечеть в Изнике (1378 г.) (Hillenbrand, 1994. P. 116, 494-495; Stierlin, 1998. P. 84-86). Совершенно очевидно, что «Свинцовая» мечеть в Солхате практически идентична по плану этим постройкам (рис. 35.2,4,5-7). Скорее всего, она была построена или перестроена именно по образцу раннеосманских мечетей, так как у нее имелся минарет, встроенный в угол, что не характерно для зданий текие.

Очень близка к Куршун Джами по планировке и размерам мечеть в Судаке, которая сохранилась до наших дней. Здание называется также «храм с аркадой», так как его атрибуция вызывает ожесточенные споры. Наиболее подробное описание постройки, а также история ее изучения и различные версии о ее назначении приведены в работе А.В. Джанова (Джанов, 2005. С. 654-669). Здание расположено в восточной части Судакской крепости на крутом склоне, рядом с крепостной стеной (рис. 34. 1,3). Основная часть здания, прямоугольная в плане, имеет внешние размеры 14,65 х 8, 87 м. Толщина стен составляет чуть более 1 м. Внутри помещение разделено аркадой, опирающейся на два массивных квадратных устоя, на две части. Квадратный (8,9 х 8,9 м) молельный зал с михрабной нишей в южной стене перекрыт сферическим куполом. Переход к куполу осуществляется при помощи пирамидальных тромпов, сходных с тромпами в Куршун-Джами, но в мечети Судака они имели более сложное строение (так называемые гофрированные тромпы). Прямоугольный тамбур размерами 2,8 х 8,9 м перекрыт тремя коробовыми сводами, причем средний несколько выше боковых (рис. 34. 5). В северо-восточном углу встроен минарет, от которого сохранилось только основание.

Вход в мечеть находился в восточной стене, а не в северной. Этот отход от канонов объясняется тем, что здание стоит на крутом склоне, и с северной стороны уровень пола значительно выше уровня земли. Пространство перед входом перекрыто небольшим полусферическим куполом на парусах (рис. 34. 2). Купол опирается на стены основного помещения, пилон портика и квадратный столб. Изначально к восточной стене примыкала галерея, состоящая из трех арок. В результате реставрации XIX в. две арки были заложены, и в настоящее время за лоджией входа находится прямоугольное в плане помещение, в которое ведет еще одна дверь. Стены основного помещения прорезаны восемью оконными проемами. Окна в восточной стене имеют наличники, украшенные резьбой в виде сложной плетенки.

Резным орнаментом также украшены капители столбов в северной части основного помещения и обрамление михрабной ниши (рис. 34.3,6). Нижние ребра капителей украшены стилизованными лепестками лотоса. Орнамент на боковых гранях капителей полностью закончен только на одной из восьми. Михрабная ниша представляет собой сталактитовый полусвод. Прямоугольное обрамление ниши состоит из трех ступенчатых полос: внешняя и внутренняя представлены полуваликами, а в средней имеется резьба в виде переплетающихся стилизованных стеблей и листьев лотоса. Верхняя часть обрамления украшена нависающим сталактитовым карнизом.

Под карнизом на известняковых блоках вырезана строительная надпись, которая гласит: «Во имя Христа. Аминь. 1373, дня 4 января. Это сооружение повелел возвести, Господи, Г. Каталани. Христос сохрани» (Джанов 2005. С. 664). Кроме того, на стенах здания были обнаружены фрагменты росписи по штукатурке. На наиболее сохранившемся фрагменте изображена верхняя часть человеческой фигуры в монашеском одеянии и с нимбом над головой (Домбровский, 2005. С. 612-614). Наличие надписи и фресок заставило некоторых

исследователей усомниться в том, что данная постройка изначально являлась мечетью, и предположить, что она стала ею только в период Крымского ханства. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть существующие точки зрения.

Первым описал и зарисовал памятник Дюбуа де Монпере в 40-е гг. XIX в. Он совершенно верно определил здание как мечеть, построенную не позднее первой половины XIV в. и сходную по планировке с другими крымскими мечетями золотоордынского времени. Наличие латинской надписи он объяснял тем, что впоследствии здание использовалось генуэзцами в качестве христианского храма. Н.Н. Мурзакевич, изучавший здание в 60-е гг. XIX в., напротив, счел его католической церковью, перестроенной в мечеть Османами. В 80-х гг. XIX в. здание «храма с аркадой», использовавшееся как загон для скота, было освящено, а с 1926 г. здесь располагался армяно-католический собор. При этом постройка была значительно перестроена. Дальнейшие споры по поводу ее первоначальной атрибуции не прекратились. В 1918 г. А.Л. Бертье-Делагард высказал предположение, что здание было возведено по заказу золотоордынской администрации. Он указал на сходство его планировки с Зеленой мечетью в Изнике и близость орнаментальных мотивов архитектурного декора сельджукской каменной резьбе. По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, мечеть была построена, но внутри отделана не полностью, так как здание перешло в руки генуэзцев, которые использовали его по своему усмотрению и оставили строительную надпись (Джанов 2005. С. 654-656).

В качестве золотоордынской мечети «храм с аркадой» был исследован и опубликован Б.Н. Засыпкиным (Засыпкин, 1927. С.134-139). Однако в дальнейшем в краеведческой литературе появилась версия о том, что «храм с аркадой» представляет собой мечеть, перестроенную из православной греческой церкви* (Джанов 2005. С. 657). О.И. Домбровский, проанализировал случайно открывшуюся фреску и, прочитав заново строительную надпись, отнес и их, и саму постройку к XV в. (Домбровский, 2005. С. 618). По его мнению, здание было возведено как присутственное место («дом консульства»), а михраб и минарет к нему были пристроены позднее (Домбровский, 2005. С. 619-620). И.А. Баранов также атрибутировал «храм с аркадой» как здание ратуши. По его мнению, на месте михраба первоначально находился дверной или оконный проем. Отмечая, что купольное перекрытие не характерно для светских построек, он также считал его результатом поздней перестройки османского времени. В целом И.А. Баранов полагал, что данное здание является типичным произведением итальянского Возрождения в провинциальном крымском исполнении (Баранов, 2005. С. 632-253). При этом в поисках аналогий исследователь почему-то не выходил за пределы Крымского полуострова.

Раскопки, проведенные М.А. Фронжуло в 1969-75 гг., опровергли все эти гипотезы. Они показали, что под зданием мечети не было никакого предшествующего христианского храма, а все части постройки, такие как михраб, основание минарета и галерея возведены единовременно и в перевязку со стенами (Фронжуло, 2005. С. 621-631). Автор раскопок также приходит к выводу, что здание мечети было построено до прихода генуэзцев за пределами города. После возведения крепостных стен мечеть оказалась внутри генуэзской крепости и могла стать временным католическим храмом и использоваться как административное здание. После захвата Солдайи турками-османами здесь снова был устроен мусульманский храм (Фронжуло, 2005. С. 631). Таким образом, раскопки подтвердили первоначальные мнение Дюбуа де Монпере.

Вызывает удивление, что исследователи второй половины XX в., в отличие от А.Л. Бертье-Делагарда, не увидели (или не хотели видеть) прямых аналогий в архитектуре Малой Азии. Так, О.И. Домбровский писал о судакской мечети, что «Некоторое… архитектурное сходство ее с одной или двумя малоазийскими мечетями, несколько преувеличенное А.Л. Бертье-Делагардом, вовсе не доказывает ее первоначально мусульманского (как и вообще культового) назначения…План судакской постройки одинаково не подходит ни для мечети, ни для церкви» (Домбровский, 2005. С. 615). Между тем, так называемый «храм с аркадой» в Судаке

* Эту версию, озвученную экскурсоводом, я слышала в Судакской крепости осенью 2013 г.

представляет собой типичный образец небольшой купольной мечети постсельджукского и ранне-османского периодов. Таких мечетей в Малой Азии не одна или две, а несколько десятков (Blair, Bloom, 1994. P.134; Hillenbrand, 1994. P. 114-117, 405; Stierlin, 1998. P. 79-99). Кроме уже упоминавшейся Зеленой мечети в Изнике (рис. 35.3), можно привести в качестве аналогий мечети XIV в. Якуба Чеклеби в Изнике и Хаджи Феррух в Конье (рис. 35. 5-7, 10).

Еще одна крымская мечеть базиличного плана была исследована в 1927-29 гг. в Чуфут-Кале (Акчокраклы, 1928. С.166-168; Боданинский, Засыпкин, 1929. С. 170-178). Стены прямоугольного в плане здания были сложены из бутового камня на известковом растворе с песком (рис. 36). Толщина стен 0,65 м. Наружные размеры постройки – 13,8 х 10,65 м, внутренние – 12,0 х 8, 85 м. Северо-западный угол занимал цоколь минарета. При раскопках найдены четыре основания колонн в виде углублений, вырубленных в скале. Их форма свидетельствует о том, что колонны были круглыми в сечении диаметром около 55 см. Колонны делили пространство мечети на три нефа шириной около 2,4 м. Расстояние от северной и южной стен и между колоннами в ряду равнялось примерно 3,75 м.

Внутри мечети на северной стене сохранились две пилястры с капителями в виде карнизов, служившие пятами для подпружных арок. Еще две пилястры у восточной и западной стен были расположены напротив двух северных колонн. То есть аркатура, опиравшаяся на столбы, шла в двух направлениях. Блоки от кладки арок, найденные при раскопках, позволили исследователям рассчитать их ширину. У продольного ряда арок ширина была 0, 66 м, а у поперечного – 0, 56 м. Форма замковых камней свидетельствует о том, что арки имели стрельчатое очертание. Переход к прямоугольному основанию арок осуществлялся при помощи ранневизантийских капителей V-VI вв., у которых были стесаны две грани для придания квадратному сечению прямоугольной формы. На внутренней стороне северной стены сохранились следы примыкания коробовых сводов, причем средний неф имел более высокий свод. Крыша, скорее всего, была двускатной. При раскопках был найден резной замковый камень купола и фрагменты карниза, образующего окружность диаметром 2,5 м. Эти архитектурные детали позволили предположить, что центральная часть мечети имела купольное перекрытие. Однако этой гипотезе противоречит тот факт, что колонны образуют не квадратное, а прямоугольное основание, которое не может быть перекрыто куполом.

В южной стене находилась ниша михраба, которая в плане имела прямоугольную форму (рис. 36.2). С двух сторон от нее были сделаны две нишки пятиугольной формы. Вход в мечеть находился в северной части западной стены возле минарета. Обилие архитектурных деталей свидетельствует о том, что мечеть имела портал со сталактитовой нишей, обрамленный поясом геометрического орнамента, украшенный надписями и двумя розетками. В боковых стенах портала также имелись ниши, от которых найдены сталактитовые сводики с рельефными розетками на тимпанах. Вероятно, к порталу относится камень с высеченной датой 746 г.х. (1346 г.), которая точно указывает на время возведения мечети.

В Крыму имеется еще одна мечеть, которая традиционно датируется XIV в., как указано, в частности, на охранной табличке, висящей на здании. В большинстве изданий приводится лишь краткое описание этого памятника и датировка его золотоордынским временем без всякого обоснования (Засыпкин, 1927. С. 156; Асеев, Лебедев, 1961. Рис. 37, 38; Артеменко, 1985. С. 333 и др.). Только А.Л. Якобсон относил постройку здания к XVII–XVIII вв. (Якобсон 1964а. С. 147). Мечеть в селе Пионерском (Монетном) близ Бахчисарая. располагается в долине реки Салгир, где в XV–XVIII вв. находилась резиденция калги-султана, второго лица Крымского ханства после хана. Калги-султан управлял всей Салгирской долиной и по преданию здесь, помимо мечети, находился монетный двор, а также дворец. Поэтому раньше селение называлось Эски-Сарай, («старый дворец») (http://cidct.org.ua).

В 1991 г. здесь были проведены исследования Горно-Крымской археологической экспедицией КФ ИА НАНУ. Результаты архитектурного обследования и раскопок опубликованы в основательной статье В.П. Кирилко (Кирилко 2012б). В ней дан подробный

анализ архитектурных особенностей постройки и строительных приемов, примененных при ее возведении, а также приводятся результаты раскопок.

Мечеть представляет собой квадратное в плане здание с небольшой пристройкой с восточной стороны (рис. 37.1). Снаружи северо-западного угла прослеживаются остатки минарета, имевшего квадратный цоколь. Стены здания сложены из бута песчаника, конструктивные и декоративные элементы – из известняка. Основной объем перекрыт куполом на парусах, стены его имеют значительную высоту и освещаются окнами, расположенными в трех уровнях (рис. 37.2). Окна первого уровня имеют стрельчатое завершение, окна второго – полуциркульное, в третьем уровне в стенах имеется по одному круглому окну. Вход в здание сделан в северной стене. Портал отсутствует, но над прямоугольным входным проемом имеется стрельчатый тимпан, в котором когда-то была табличка с посвятительной надписью. Напротив входа, в южной стене находится полукруглая а плане ниша михраба, которая имеет треугольное завершение, заполненное резьбой в виде сталактитов.

Меньшее, восточное помещение, также имело купольное перекрытие на парусах. Оно несколько ниже, и окна расположены здесь в два яруса. В помещение вели два входа – с улицы через северную стену и из большого помещения – через восточную. В южной стене его имелась небольшая михрабная ниша, сдвинутая к востоку, относительно центральной оси. Предположительно это помещение предназначалось для женщин. Еще один, третий михраб, сделан в наружной стене, возле северо-восточного угла здания. Оформление всех трех михрабных ниш сходно, резные детали здесь значительно проще и грубее, чем в мечети Узбека в Солхате.

По архитектуре мечеть в Пионерском, без сомнения, относится, к эпохе Крымского ханства. Золотоордынские купольные мечети Крыма имеют несколько другую структуру: они значительно ниже, перекрыты куполами на треугольных тромпах и не имеют пристроек. Купольные мечети в виде высокого призматического здания с лишенными внешнего декора стенами, прорезанными окнами в несколько ярусов, и перекрытого куполом на парусах весьма типичны именно для османской архитектуры (рис. 37.3-4). Примером может служить мечеть султана Баязида II в Эдирне (1481-1512 гг.) (Stierlin, 1998. P.99-107). Да, и возникновение самого селения Эски-Сарай связано именно с этим временем.

К этому же выводу пришел и В.П. Кирилко, правде он сравнил мечеть в Пионерском с двумя османским мечетями Крыма – в селении Колечь (XVI–XVII вв.) и Валиде-Шериф в Симферополе (начало XX в.) (Кирилко, 2012б. С. 293-294). Времем возведения мечети в Пионерском исследователь считает XVIII в. Основанием к тому служит находка на строительном горизонте фрагмента фаянсовой кофейной чашки, относящейся к кютахьинской поливной керамике конца XVI–XVIII вв., а также фрагмента стекла «без видимых следов иризации» в фундаменте здания (Кирилко, 2012б. С. 292). По мнению автора, свидетельством того, что здание было построено именно в XVIII в., является и тот факт, что до предположительного разрушения купола от землетрясения в 1751 г. на полу не успел накопится культурный слой.

Соглашаясь в целом с атрибуцией В.П. Кирилко, я не была бы столь категоричной с узкой датировкой. Прежде всего, датировать археологический объект по одному, даже самому достоверному, артефакту нельзя. Да и сама кютахьинская керамика имеет широкую дату. Фрагмент стекла вообще ни о чем не говорит, так как степень иризации зачастую зависит не от возраста стекла, а от его химического состава. Что касается отсутствия мусора внутри здания – это абсолютно естественно: в мечети заходят босиком, полы там обычно застелены коврами, полы регулярно выметаются, а ковры вытряхиваются.

Недалеко от города Запорожье, на Кучугурском городище, были исследованы остатки большой соборной мечети, расположенной в самом его центре (Довженок, 1961. С 177-181). Прямоугольное здание мечети вытянуто с севера на юг, размеры его составляют 26,0 х 17,9м (рис. 38.1). С севера находился обширный (8,5 х 6,5 м) тамбур, также вытянутый в меридиональном направлении. Стены постройки сложены из обожженного кирпича на известковом растворе. Внутри помещение мечети вымощено жженым кирпичом. Три ряда

колонн разделяли молельный зал на четыре нефа. Количество колонн в рядах колебалось от 9 до 11. При раскопках найдены базы колонн размерами 50 х 50 см из серого песчаника. В верхней части баз углы срезаны для придания им формы восьмигранника. В центре южной стены находилась полукруглая ниша михраба шириной 80 см и глубиной 35 см.

Пол тамбура также вымощен кирпичом, а вдоль восточной и западной стен сооружены узкие суфы. У входа в мечеть обнаружены остатки деревянных дверей. Кроме того, посредине восточной и западной стен основного помещения были сделаны два дополнительных дверных проема шириной около 1,5 м. К западному входу изнутри пристроен тамбур. Вполне возможно, что такие тамбуры имелись и у других входов, как в болгарском Четырехугольнике. Мечеть Кучугурского городища имела минарет, который был встроен в западную стену в 6 м от северного ее конца. Цоколь минарета имел форму восьмигранника сечением 2,5 м. Мечеть, как и все городище, датируется XIV веком.

Самая западная в пределах Золотой Орды постройка, которую можно считать мечетью, находится на городище Старый Орхей. Изначально это сооружение считалось остатками «боярских хором» или караван-сарая (Смирнов, 1954. С.39), но впоследствии П.П. Бырня предложил трактовать его как здание пятничной мечети (Бырня, 1985; Бырня, Рябой, 1997. С.91-94). Это поистине грандиозное сооружение было прямоугольным в плане, ориентированным по оси север-юг с небольшим (10°) отклонением к востоку (рис. 38.2). Его внешние размеры 57,7 х 51,5 м. Стены здания сложены панцирной кладкой из слегка подтесанных крупных глыб известняка на известковом растворе и стоят на цоколе высотой 25-35 см. Толщина стен достигает 1,3 м, а цоколя – 1,7 м. В северной стене находился вход, который снаружи оформляли два прямоугольных пилона. Они имели длину 4,08 м и ширину 1,56 м, расстояние между ними составляло 3,8 м. Внешние ряды кладки пилонов сложены из тщательно отесанных прямоугольных блоков, толщиной 40 см и размерами 40-80 см. По мнению П.П. Бырни, пилоны являлись основанием портала, который имел ширину 7 м, а в высоту мог достигать 10 м (Бырня, 1985. С.29; Бырня, Рябой, 1997. С.92). При раскопках были найдены архитектурные детали, которые позволяют примерно реконструировать внешний вид портала. Он имел широкую раму, украшенную резьбой в виде чередующихся ромбов и шестиугольников. Ниша портала также, вероятно, была декорирована резными элементами. Сохранились блоки дверного проема, ведущего внутрь мечети. Высота его составляла 2,3 м, ширина – 1,5 м.

Восточная и западная стены в 18 м от их северного конца имели прямоугольные (2,0 х 0,6 м и 1,4 х 0, 7 м) контрфорсы, которые ввиду их незначительной величины являлись, скорее всего, декоративными. В середине южной стены снаружи сделан полукруглый выступ диаметром 2,6 м, который сложен в перевязку со стеной. В его основании находился цоколь, состоящий из двух ступеней. Нижняя выступает за пределы стены на 20 см, а верхняя на 15. Этот выступ, скорее всего, соответствует михрабной нише. Северо-восточный угол здания охвачен цоколем шестиугольного сооружения. Центр шестиугольника находился на пересечении внутренних контуров северной и восточной стен. Четыре стороны его имели длину 3,05 м, а остальные две – 3,4 м. Здесь была поставлена высокая башня, скорее всего, минарет.

Нет никаких данных о внутренней структуре этого здания. Как и остальные монументальные постройки Старого Орхея, оно не было достроено. Скорее всего, крышу его поддерживали колонны. Среди архитектурных деталей, найденных при раскопках, находилось несколько каменных баз колонн размерами 30 х 30 х 20 см со скошенными для перехода к восьмиугольнику углами. В центре пространства, ограниченного стенами, в 22,3 м от восточной стены и в 27,4 м от северной стены находилась прямоугольная в плане яма с ровными стенками и плоским дном. Она была вытянута вдоль меридиональной оси, размеры ее составляли 3,75 х 3, 3 м, глубина – 1,4 м. Стенки и дно ямы были покрыты толстым слоем известкового раствора. Вероятнее всего, она представляла собой емкость для воды.

Т. Нестерова предположила, что данная постройка является частью комплекса караван-сарая, вернее, одним из его зданий (Nesterov, 2003. P. 47-49, 96-100). Другое здание, которое

считается караван-сараем (II), расположено в 21 м к востоку от него (рис 38.3). Стены его, сложенные точно такой же кладкой, строго параллельны стенам мечети (Бырня, Рябой, 1997. С. 100-101). Здание прямоугольное в плане, ориентированное по оси север-юг с небольшим отклонением. Размеры его 57, 7 х 23, 7 м. В северной и южной стенах имеются порталы, аналогичные порталу мечети, внутренние конструкции не прослежены. Т. Нестерова сравнила эти две постройки с караван-сараями Малой Азии, которые состоят обычно из двух объемов. Большое квадратное или прямоугольное здания имеет в середине открытый двор, окруженный помещениями, в которых размещаются купцы и их товары. К нему примыкает более узкое помещение базиличной планировки, в котором с двух сторон от широкого прохода расположены стойла для животных. В центре двора находится цистерна для воды, а углы здания и фасады стен часто укреплены башнями (Hillenbrand, 1994. P.346-350, 552-553; Stierlin, 1998. P. 60-75).

Т. Нестерова считает, что два монументальных здания в Старом Орхее представляют собой караван-сарай сельджукского типа, в котором две части не примыкают друг к другу, а поставлены рядом. Это предположение не кажется логичным. Средневековые караван-сараи выполняли функции гостиницы, склада и крепости. Путешествующие купцы могли быть спокойны за свои товары и животных, которые находились под их непосредственным надзором за крепкими стенами. Поэтому не понятно, зачем нужно отделять конюшни или складские помещения от здания, где располагаются их хозяева. Кроме того, сооружение I имеет всего одну башню, а наличие полукруглого контрфорса в южной стене вообще не находит объяснения, в том случае, если это караван-сарай. Небольшая цистерна в центре его зала не может обеспечить водой большое количество людей и животных, но вполне может служить для ритуальных омовений. Довольно сложно предположить, чем являлась постройка II, так как внутренние конструкции ее не были возведены. Если здесь действительно был караван-сарай, то по своим пропорциям он более близок к караван-сараям Армении (Халпахчьян, 1957; Hillenbrand, 1994. P. 554). Но более вероятно, что здесь находился рынок, аналогичный раскопанному в сезоне 2013 г. в Болгаре недалеко от Четырехугольника. Здание I, на мой взгляд, однозначно является мечетью.

Так как колоннада мечети не была поставлена, то можно лишь строить гипотезы о ее внутреннем облике. Размеры здания говорят о том, что мечеть вполне могла быть дворовой. Однако сопоставление ее с другими пятничными мечетями Золотой Орды свидетельствует в пользу того, что она представляла собой зал, разделенный на нефы рядами колонн. В центре зала, как и в Белой мечети Сарая, находился водоем для омовений. Небольшой диаметр колонн и огромные размеры здания позволяют предположить, что мечеть должна была иметь плоское перекрытие. Некоторое представление о внешнем облике мечети дают сохранившиеся архитектурные детали (Nesterov, 2003. P. 138-139). Часть из них покрыта искусной резьбой, орнаментальные мотивы которой имеют аналогии в малоазийском зодчестве.

Отдельные исследователи высказывают сомнение в том, что в городе проживало достаточное количество населения, чтобы заполнить столь грандиозное здание, и поэтому оно не может быть мечетью. Действительно, мечеть Старого Орхея значительно больше по размерам всех остальных Джума-мечетей в Золотой Орде, известных в настоящее время. По мнению П.П. Бырни, она была главной и единственной мечетью города и могла вмещать одновременно 6000 человек (Бырня, Рябой, 1997. С. 93)*. В то же время прочие монументальные постройки этого города по величине превышают аналогичные здания в других частях государства. Так, например, баня II имеет размеры 37,4-40,0 х 23,0 м. Для сравнения можно сказать, что общественная баня Сарая, относящаяся к Белой мечети, имеет размеры 26,0 х 15, 0 м, а знаменитая Красная палата в Болгаре – 32,0 х 23,0 м. Закладка мечети и других монументальных зданий Старого Орхея относится ко времени Джанибека, то есть середине XIV в. Их огромные

* На самом деле мечеть была рассчитана на 3000 человек, так как на каждого молящегося в мечети должно приходиться не менее 1 кв. м. (http://turkey-info.ru/forum/viewtopic.php?f=16&t=3004521)

размеры свидетельствуют о значительном расцвете города и об амбициозности его правителя. Кстати говоря, большинство зданий так и не было достроено.

Азиатские территории

Азиатская часть Золотой Орды включала Восточное Приуралье, земли бассейна Сырдарьи и левобережный Хорезм, районы, отличающиеся в культурно-историческом развитии. Тем не менее, они будут рассматриваться одним блоком, так как золотоордынские памятники этой территории исследованы значительно менее полно, нежели в европейской части.

В Приуралье масштабные раскопки велись на золотоордынских городищах Сарайчик и Жайык. Материалы раскопок Сарайчика опубликованы частично. На городище были обнаружены остатки здания с колоннами, которое, скорее всего, являлось мечетью, однако, по мнению авторов раскопок, она относится к ногайско-казахскому периоду. (Самашев, Кожа, 2007. С. 243-244). На городище Жайык мечеть пока не найдена (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005).

На Средней Сырдарье наиболее полно исследованы городища Сауран и Отрар. Сауран расположен на границе Южно-Казахстанской и Кызылординской областей, недалеко от г. Туркестана. С этим средневековым городом, хорошо известным по письменным источникам, археологи связывают два археологических памятника. Остатками раннего Саурана VI-XII вв. является городище Каратобе (Смагулов, 2011а). В XIII в. город смещается на 3 км к северу, на этом месте возникает крепость с мощными стенами, которая продолжает существовать до XVIII в. (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 60-66).

На городище Сауран исследована центральная городская площадь с расположенными на ней монументальными зданиями Джума-мечети и медресе (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 68-69, 85-90; Смагулов, 2013. С. 109-126). В настоящее время ведутся раскопки еще одного здания, связанного с мечетью. Стратиграфические изыскания показали, что Джума-мечеть стоит непосредственно на материке, то есть возведение ее предположительно относится к золотоордынскому времени. Здание имело прямоугольную форму размерами 31 х 33, 5 м (рис. 39.1) и было ориентировано по оси юго-запад – северо-восток (Смагулов, Туякбаев, Ержигитова, 2007. С. 172, 173). Стены его сложены из обожженного кирпича, толщина их составляла 1,4 м. По типу планировки мечеть является дворовой: все помещения в ней располагаются по периметру обширного двора, размеры которого составляют 15, 3 х 17, 8 м.

Молельный зал с михрабной нишей находится в юго-западной части здания. Он представляет собой пятинефную двухрядную композицию с арочно-купольным перекрытием, которая обращена во двор входом, обрамленным арочным порталом. В юго-западной стене помещения прослежена ниша михраба сложного профиля, которая утоплена в толщу стены и оформлена с наружной стороны здания выступом трапециевидной формы. Строение устоев перед михрабом позволяет сделать заключение, что это пространство было перекрыто куполом большего размера (рис. 39.3).

Вход в мечеть находился не на продольной оси здания, а с юго-восточной стороны, причем он был несколько смещен относительно оси прямоугольника двора. Такое расположение его связано с тем, что мечеть замыкала северо-западную сторону центральной площади, куда и был обращен ее вход, а кибла находится на юго-западе. Вход в мечеть был оформлен порталом с массивными (1,8 х 2, 2 м) пилонами. Ширина входного айвана составляла 3, 6 м, а глубина – более 4 м. Внешний и внутренний пороги (дандана) портальной части оформлены рядом поставленных на ребро кирпичей. Через айван можно было попасть в небольшое купольное помещение, которое двумя дверями соединялось с внутренним двором. С левой стороны находился молитвенный зал мечети, напротив входа – анфилада из четырех небольших купольных помещений, открытых во двор арочными проемами. Вдоль северо-восточной стены сооружен айван в виде галереи шириной 16 м и глубиной 6 м. Пол его вымощен обожженным кирпичом и поднят над уровнем двора. Айван был перекрыт плоской кровлей, поддерживаемой тремя колоннами. Восточный угол здания занят обширным (5,2 х 5,6 м) помещением, которое,

скорее всего, было перекрыто куполом. В центре двора находился колодец, над которым, вероятно, был возведен киоск.

В окрестностях Саурана изучена праздничная мечеть намазгах XIV – начала XV вв., которая представляла собой квадратную в плане (95 х 95 м) площадь, обнесенную стеной из сырца (рис. 40.1) (Талеев, 1976. С. 178-179). К юго-западной стене было пристроено небольшое (11,5 х 12,5 м) здание, в котором находился михраб (рис. 40.2). Стены его сложены из сырцов с футляром из жженого кирпича. На северо-запад был обращен широкий (12,5 м) портал, айван которого имел ширину 6 м и глубину 2, 75 м. В северо-восточной и юго-западной стенах портала снаружи также были сделаны два небольших айвана, через которые можно было попасть на винтовые лестницы, ведущие на крышу. За порталом находилось основное помещение мусаллы с пятигранной михрабной нишей в юго-западной стене. Рядом с нишей расчищено прямоугольное основание минбара. Зал, несомненно, был перекрыт куполом. В боковых его стенах сделаны проходы, которые ведут в айваны шириной 3, 8 м и глубиной 2,0 м. Все входы имели пороги-дандана, сделанные из кирпичей, поставленных на ребро, полы были вымощены кирпичами.

Отрар, также расположенный в Южно-Казахстанской области, долгое время являлся наиболее исследованным золотоордынским городом на Средней Сырдарье. Раскопкам его посвящены многочисленные публикации (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987; Байпаков, 1986; Байпаков, 1990). В Отраре исследована большая соборная мечеть, построенная в конце XIV – начале XV вв.

Первоначально была раскопана юго-западная часть здания, в которой находился молитвенный зал, и считалось, что мечеть состоит только из него (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 103-109). Постройка имела размеры 60 х 22 м и была вытянута в широтном направлении (рис. 41.1). При ее возведении был выкопан сплошной котлован глубиной 1,1 м, который был заполнен ленточной пахсой с добавлением угольков для изоляции от почвенных солей. Стены здания сложены из обожженных кирпичей, целых и половинок, регулярной кладкой на известковом растворе. Толщина их 1,35 м. Снаружи и изнутри стены были оштукатурены ганчевым раствором. Вход в мечеть находился в середине северного фасада. Он был оформлен порталом, от которого остались прямоугольные в плане пилоны размерами 2,7 х 1,35 м. На углах портала поставлены цилиндрические минареты, диаметр которых составлял 2,0 м (рис. 41.5). В южной стене сделан михраб ступенчато прямоугольных очертаний, рядом с которым с восточной стороны находился еще один дверной проем, ведущий на улицу.

Внутри мечети находились 28 опор, расположенных в три ряда, перпендикулярно оси здания. Во всех рядах, кроме двух средних, было по три опоры. В восточной и западной частях зала опоры имели квадратную форму (1,35 х 1,35 см). Проемы между ними равнялись 3,7 м. От входа к михрабу вел трансепт шириной более 5 м. Колонны, образующие его, имели несколько иное строение. Две опоры в ряду возле входа были прямоугольными (3,3 х 1, 65 м), вытянутыми по меридиональной оси. Следующие две опоры имели сложное строение: к прямоугольным столбам были пристроены квадратные выступы с южной стороны. В следующем ряду колонны отсутствовали, но с двух сторон михраба, напротив опор среднего ряда, пристроены два квадратных пилона. Эти пилоны и массивные опоры среднего ряда служили основанием большого купола, перекрывавшего пространство перед михрабом. Остальное пространство центрального прохода также могло быть перекрыто одним или двумя куполами меньших размеров. На это дополнительно указывают небольшие пилоны, пристроенные к северной стене по сторонам от входа. Западная и восточная части мечети, скорее всего, имели плоское перекрытие на аркадах, но могли перекрываться и небольшими куполами.

Молельный зал был богато декорирован изразцами. При раскопках найдены цветные глазурованные кирпичи и изразцы синего и голубого цветов, полихромные майолики в виде квадратных и прямоугольных плиток, расписанные орнаментами и изображениями фантастических животных. Также обнаружены фрагменты керамических панджара. Большая

часть декора была сконцентрирована у стены с михрабной нишей (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 108).

Дальнейшие исследования показали, что данное сооружение является частью грандиозного архитектурного комплекса (Байпаков, Ходжаев, 1999. С. 157-164). Все здание имело размеры 60 х 72 м и было ориентировано по оси ЮЗ-СВ (рис. 41.2,3). В северо-восточном углу его были вскрыты помещения, примыкавшие к северной стене. Они представляли собой ряд сходных по планировке комнат-худжр размерами 4,5 х 4 м с суфами и тандырами в интерьере. Перекрытие их было плоским. Перед этим рядом находилась сквозная анфилада, состоящая из комнат, перекрытых куполами. Вдоль восточной и западной стен также располагались помещения, но они были вскрыты фрагментарно. В середине находился обширный внутренний двор, в котором напротив портала мечети был выкопан колодец. По поводу назначения данного комплекса существуют различные мнения. Согласно одному из них, северный блок помещений представляет собой дворцовое здание, которое являлось резиденцией Бердибека, правителя Отрара времени царствования Тимура (Байпаков, Ходжаев, 1999. С. 163-164). Более обоснованной представляется трактовка постройки как Джума-мечети дворового плана (Смагулов, Ерзакович, 1996. С. 97-98; Имажанов, Бейсенбаева, 2003. С. 247-253; Смагулов, 2013. С. 109-126).

Большая пятничная мечеть золотоордынского времени была исследована в Илийской долине на городище Антоновка (Байпаков, Воякин, 2007.С. 82-84). Городище Антоновка отождествляется со средневековым городом Каялыком, который в XI-XII вв. являлся столицей карлукских ханов, а затем, в XIII-XIV вв. – крупным политическим, экономическим и культурным центром государства Джагатаидов. Хотя эта территория не входила в состав Улуса Джучи, материалы раскопок Каялыка во многом сходны с материалами золотоордынских городов и свидетельствует об общности культуры.

Мечеть представляла собой прямоугольное в плане здание, вытянутое по оси ЮЗ-СВ. Внутренние размеры его 32,6 х 26,7 м (рис. 42). Стены мечети сложены из сырцового кирпича. Они сохранились на высоту до 2-х м. Сырцовые стены были поставлены на основание, сложенное из рваного камня и обожженного кирпича. Толщина стен колебалась от 1,3 до 2,6 м. Интересно, что наиболее мощной была не юго-западная стена, в которой находился михраб, а северо-восточная. Наибольшего утолщения она достигает в районе входного проема, который был сделан точно по ее центру и имел ширину около 3 м. Возможно, здесь находилось какое-то подобие портала. Внутреннее пространство разделено на девять нефов восемью рядами колонн. Всего было прослежено 52 основания колонн. Основания сложены из галечника и заглублены на 10-15 см ниже уровня пола. На гальку положены кладки из обломков обожженного кирпича, на которые, по всей видимости, были поставлены деревянные колонны.

Михрабная ниша находилась по центру юго-западной стены. Она имела прямоугольную в плане форму шириной 309 см и глубиной 90 см. Михраб был сложен из обожженного кирпича с использованием бревен. При помощи двух уступов ниша сужается до 138 см. Пространство перед михрабом было отгорожено. Кладка из обожженного кирпича, уложенного в один слой на каменном основании, обрамляла площадку размерами 10 х 6 м. Авторы раскопок предполагают, что на этой кладке стояла деревянная балюстрада, отгораживающая сакральное пространство перед михрабом (Байпаков, Воякин, 2007. С. 83). В центре площадки находились два основания колонн, образующих центральный неф зала. Эта отгороженная площадка напоминает аналогичную конструкцию в мечети Водянского городища. В мечети Селитренного городища пространство перед михрабом также было отгорожено легкой решеткой из ганча. Вблизи михраба обнаружен завал горелых бревен, которые авторы раскопок считают остатками минбара, хотя, возможно, это остатки рухнувшего перекрытия.

Судя по плану, в центре зала также находилось небольшое (примерно 6 х 6 м) пространство, лишенное колонн. С восточной стороны его окружает основание какой-то стенки. У юго-западного угла обнаружен фундамент угловой формы, имеющий продолжение к востоку и северу. Можно предположить, что здесь также находилось какое-то выделенное пространство,

сходное с внутренним двориком Селитренской мечети. Пол мечети Каялыка был глинобитным, стены оштукатурены. Внутри мечети найдены завалы белой штукатурки, а на стенах – остатки штукатурки, выкрашенной в коричневый цвет. Перекрытие мечети, несомненно, было плоским. О форме крыши никаких данных нет, авторы раскопок предполагают, что она была деревянно-камышитовой (Байпаков, Воякин, 2007. С. 83). Мечеть Каялыка построена в довольно примитивной технике, но по планировке она практически идентична большинству мечетей Золотой Орды.

Принципы планировки золотоордынских мечетей и их генезис

Таким образом, на основе приведенного обзора можно видеть, что большая часть известных в настоящее время мечетей Золотой Орды относится к одному типу. Это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад. Прямоугольные мечети чаще вытянуты в меридиональном направлении, но могут быть – и в широтном, как Большая мечеть Верхнего Джулата. Главный вход в здание расположен в северной стене, напротив михраба и обрамлен порталом. При значительной площади здание может иметь дополнительные боковые входы, как, например, в Болгаре, Сарае, на Кучугурском городище.

Совершенно очевидно, что столь единообразный, хорошо разработанный тип планировки не мог быть создан непосредственно в Золотой Орде. Скорее, он был принесен извне или заимствован у оседлых народов, населявших ее земли. Наиболее известные золотоордынские памятники, такие как «мечеть Узбека» и Четырехугольник, было принято связывать с сельджукским зодчеством. Об этом писал еще А.С. Башкиров, который сравнивал мечеть-медресе в Крыму с караван-сараями Ак-Хан и Султан-Хан в Конии (Башкиров, 1926. С. 110; 1927. С. 30-52). Разновременность постройки мечети и медресе доказала неправомерность такого сравнения. На мой взгляд, аналогии мечетям Золотой Орды следует искать не в караван-сараях, а в мечетях же Малой Азии. Как уже упоминалось, последние представляли собой прямоугольные залы, разделенные на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами, то есть базилики с плоским перекрытием (рис. 9-11). Характернейшей чертой сельджукских мечетей является наличие в крыше светового люка, под которым находится сильно редуцированный внутренний дворик с фонтаном. Над предмихрабной частью мог быть возведен небольшой купол. Так, одна из простейших построек сельджукско-анатолийского периода, мечеть Махмуд-бея близ Кастамону, представляет собой трехнефный зал с двумя рядами деревянных колонн, балочным перекрытием и двускатной крышей. Улу-Джами в Шивазе и Афьоне – это большие многонефные залы с трансептом, ведущим к михрабу, и плоским перекрытием на аркадах (Ünsal, 1973. P.16-17; L`art…, 1981. P.100-102).

Надо отметить, что мечети базиличного плана встречаются в виде исключения в более раннее время не только в Малой Азии. Обычно это бывает, если с приходом арабов в мечети перестраивались христианские базилики или другие здания, а для двора в городской застройке уже не оставалось места. Такова, например, мечеть ал-Акса в Иерусалиме VII века (Creswell, 1958. P.211). Однако, вряд ли эта омейадская мечеть, лишенная внутреннего двора, послужила образцом для культовых построек Золотой Орды.

Многие исследователи упорно ищут истоки планировки золотоордынских мечетей в Средней Азии. Так С.С. Айдаров, признавая, что по материалу кладки, техническим приемам, архитектурному декору и, наконец, планировке болгарский Четырехугольник ближе всего к мечетям Закавказья, Крыма и Малой Азии, тем не менее, видит и влияние Средней Азии, выразившееся в пристройке угловых башен (Айдаров, 1970. С. 56; Айдаров, 2001. С. 33).

В.Г. Блохин, рассмотрев две мечети Нижнего Поволжья отдельно от остальных, пришел к выводу об их среднеазиатском происхождении (Блохин, 2003). В качестве аналогий он приводит мечети XVIII в. в Хиве и Хазараспе (Маньковская, 1980. С. 109; Воронина, 1985).

Эти здания представляют собой огромные залы, плоское перекрытие которых поддерживают многочисленные колонны. Они относятся к типу столпных построек с плоским перекрытием (Маньковская, 1980, С. 108-112). По происхождению они близки к столпно-купольным, но проще их по исполнению. Площадь таких мечетей делится на стандартные квадраты со стороной, равной длине балочного перекрытия (3,5-4,5 м), и каждый квадрат перекрывается не куполом, а плоским потолком, так как эти постройки сделаны из дерева. Такое строение имеет в Средней Азии огромное количество небольших квартальных мечетей. При сильном разрастании здания получается тип мечети, названный Л.Ю. Маньковской «лес колонн».

Если же рассматривать мечеть Селитренного городища, то к ней никак не подходит подобное определение. Всю площадь ее нельзя разделить на квадраты. Нефы, идущие вдоль восточной и западной стен, несколько шире, чем остальные, а от входа к михрабу ведет центральный неф, ширина которого примерно на 1 м шире расстояния между рядами колонн и колоннами в рядах. Кстати говоря, во многих других мечетях Золотой Орды, которые, несомненно, гораздо ближе мечетям Нижнего Поволжья, чем среднеазиатские, также нет деления площади на квадраты, а имеется зал, разделенный на продольные нефы. То есть в этих постройках расстояние между продольными рядами колонн больше, чем расстояние между колоннами в рядах. Это хорошо прослеживается в Четырехугольнике в ранний период, в мечетях Кучугурского городища и Нижнего Джулата. В мечетях Солхата расстояние между колоннами в рядах и между рядами одинаково, но они являются типичными базиликами.

На мой взгляд, вообще некорректно приводить в качестве аналогий постройки XVIII в., даже основываясь на убеждении такого прекрасного специалиста, как Л.Ю. Маньковская, что таких мечетей было больше, но они не сохранились. Представляется вероятным, что эти гипотетические мечети не сохранились именно потому, что, как и мечети в Хиве и Хазараспе, они были сделаны целиком из дерева, что и определяет их плоское перекрытие. В Золотой Орде мы имеем дело с капитальными постройками из кирпича и камня. Кроме того, в Белой мечети присутствует такая важная деталь интерьера, как небольшой внутренний дворик с водоемом в центре. Подобные дворики, только с фонтанами, являются характерной чертой сельджукских мечетей и совершенно неизвестны в среднеазиатских. В.Г. Блохин приводит в качестве аналогий этого композиционного решения мечети Дандакана и Дахистана (Блохин, 2003. С. 109). Здесь явное недоразумение. Эти постройки, так же как и многие другие мечети Средней Азии, относятся к мечетям дворового плана (Хмельницкий, 1992. С. 62-71; Хмельницкий, 1996. С. 71-87), то есть в центре здания находится большой двор, окруженный колоннадой (см. выше). В Белой мечети Сарая дворик маленький, редуцированный, возможно, даже частично перекрытый.

В Средней Азии известны две зальные мечети, подобные золотоордынским, более раннего времени. Это мечеть Кедера X в. на Средней Сырдарье и мечеть XII в. на городище Кават-кала (Хмельницкий, 1992. С. 70,71; Хмельницкий, 1996. С. 84-85). Скорее уж тогда следовало искать корни золотоордынского культового зодчества в этих постройках. Однако, как неоднократно отмечал С.Г. Хмельницкий, базиличная планировка мечетей не характерна для Средней Азии и встречается крайне редко (Хмельницкий, 1992. С. 80; Хмельницкий, 1996. С. 84). Поэтому не совсем понятно, почему в качестве образцов были взяты редкие, не типичные постройки из городов Средней Азии, но ими не могли служить мечети, повсеместно строящиеся в Малой Азии.

Мечеть Водянского городища построена из камня, что не является среднеазиатской традицией. Базы колонн также сделаны из камня, а выступающий портал имеет не слишком мощные пилоны, что сближает его, скорее, с каменными сельджукскими порталами, а не с мощными среднеазиатскими пештаками, о чем будет сказано ниже. Мне представляется, что мечеть Водянского городища могла быть построена мастерами из Крыма, на что косвенно указывает использование мраморной колонны в качестве подставки под Коран. Сам В.Г. Блохин указывает на то, что в строительной технике мечети Водянского городища много общего с

Волжской Болгарией (Блохин, 2003. С. 110). Но именно в Волжской Болгарии каменное строительство находится под преимущественным влиянием Закавказья и Малой Азии.

Несколько иначе обстоит дело с мечетью Селитренного городища. По своей планиметрии она аналогична малоазийским сельджукским мечетям, но строительная техника, несомненно, среднеазиатская. Здание построено из обожженного кирпича, формат которого тождественен среднеазиатскому. В качестве архитектурного декора применяются изразцы, обточенные кирпичики, ганч. Характерным приемом среднеазиатского зодчества является оформление порогов рядом поставленных на ребро кирпичей (дандана). Этот прием также присутствует в Белой мечети. Как большинство мечетей Средней Азии, постройка в Сарае обладает развитым порталом с мощными пилонами. Следовательно, скорее всего, ее строили мастера, усвоившие традиции среднеазиатского зодчества, но по планировке сельджукского типа. Аналогичная ситуация достоверно прослежена в мечети Узбека, которая была построена мастером из Ирака, но по малоазийским образцам.

В.Г. Блохин также опровергает высказанное мной ранее утверждение, что для малоазийских мечетей XI-XII вв. типично также наличие купола, перекрывающего пространство перед михрабом для выделения его из всего объема здания (Зиливинская, 1998. С. 32-33), и приводит многочисленные примеры из среднеазиатской архитектуры (Блохин, 2003. С. 109). Действительно, выделение пространства перед михрабом посредством сооружения купола или фонаря характерно не только для Малой Азии, но и для всего мусульманского мира. Этот прием не является и чисто среднеазиатским. В Белой мечети Сарая площадь перед михрабом была отгорожена деревянными конструкциями и ганчевой решеткой, а в мечети Водянского городища имелась квадратная площадка, окруженная столбами. Конечно, здесь не было сферического купола из кирпичей или камня, так как он не мог опираться на деревянные столбы. В.Г. Блохин предполагает здесь широко распространенное в Средней Азии перекрытие типа «рузан», которое сводится к перекидыванию балок наискось для соединения середин стен (Блохин, 2003. С. 109). Эта гипотеза вполне правомерна, однако здесь мог находиться световой фонарь и другой конструкции. Ясно лишь то, что крыша в этом месте имела отличное строение, скорее всего, она была выше. Более того, подробно описанное В.Г. Блохиным центрично-венчатое перекрытие также не является чисто среднеазиатским изобретением, а применяется в различных регионах, связанных со строительством из дерева. Система эта была известна еще в античное время (Сумбадзе, 1958).

Отдельно следует остановиться на такой детали золотоордынских мечетей, как развитый, выступающий за пределы здания портал. Некоторые исследователи (Айдаров, 1970. С. 41; Бырня, 1985. С. 31) считают, что в мечетях Золотой Орды возводился мощный портал среднеазиатского типа (пештак) с входным проемом в виде стрельчато-арочной портальной ниши. С этим положением нельзя согласиться. В большинстве портальных сооружений мусульманского зодчества ниша пештака утоплена в толщу лицевой стены. В том случае, если она выступает за пределы основного объема здания, распор арки погашается контрфорсами в виде декоративных минаретов и боковыми пристройками. Наличие мощного портала со стрельчатой аркой можно предполагать только у мечети Сарая, в строительной технике которой вообще много среднеазиатских черт. Пилоны ее отличаются особой толщиной, а западный пилон укреплен стеной дополнительного помещения. Что касается всех остальных построек, то в них толщина пилонов портала не превышает толщины стен здания. Учитывая связь с архитектурой Малой Азии, в них, скорее, следует ожидать портал со сталактитовой нишей и резьбой по камню, подобный сохранившемуся порталу в мечети-медресе Крыма. Кстати, к этому выводу пришел С.С. Айдаров в более поздней работе (Айдаров, 2001. С. 21). В.Г. Блохин для мечети Водянского городища предлагает выдвинутый, но невысокий портал в виде айвана со сводчатым стрельчатым или балочным перекрытием среднеазиатского типа (Блохин, 2003. С. 110). Учитывая то, что пилоны портала сохранились на высоту 10-15 см, о его завершении можно лишь строить догадки. Оригинальное воплощение получила идея портала в мечети

Кучугурского городища. Портал здесь настолько увеличился, что превратился в обширное помещение в виде тамбура со скамьями вдоль стен.

Несколько необычна по своим пропорциям Большая мечеть Верхнего Джулата, здание которой вытянуто в широтном направлении. Скорее всего, это связано с местными традициями. Так, например, наиболее древняя на Кавказе Джума-мечеть Дербента, построенная в VIII в., представляет собой сильно вытянутое в широтном направлении прямоугольное здание с выступом в центральной части южного фасада (Артамонов, 1946. С. 141-143; Искусство…, 1949. С. 205; Хан-Магомедов, 1970; Кудрявцев, 1989. С. 110-112). Интерьер мечети состоит из двух основных частей – трехнефного зала и квадратного в плане выступающего подкупольного пространства (рис. 43.1-3). Нефы перекрыты полуцилиндрическими сводами, а купольный зал – стрельчатым куполом, опирающимся на восемь подпружных арок, выше которых устроен сталактитовый фриз. Над центральной секцией находится еще один купол меньших размеров стрельчатого очертания. В южной стене сделан михраб, напротив которого в северной стене находится главный вход, обрамленный порталом со стрельчатой нишей. Кроме главного, в северной стене имеются еще три входа.

Многие исследователи считают, что Джума-мечеть Дербента перестроена из христианской базилики. С.О. Хан-Магомедов, подробно исследовавший это здание, довольно убедительно опровергает это мнение (Хан-Магомедов, 1970). Так или иначе, исследователь считает, что по своей планировке Джума-мечеть Дербента напоминает раннехристианские базилики, но не кавказские, а сирийские, что совершенно не удивительно, так как по письменным источникам известно, что после захвата Дербента Масламой в 727-734 гг. туда переселили много мусульман из Сирии. По планировке Хан-Магомедов сравнивает Джума-мечеть Дербента с Большой мечетью Дамаска, которая была сооружена в результате перестройки трехнефной христианской базилики. Но между ними есть и существенное отличие. Мечеть ал-Валида в Дамаске – типичная мечеть дворового плана, а Джума-мечеть в Дербенте является чистой базиликой сильно вытянутой в широтном направлении.

Несмотря на малочисленность сохранившихся средневековых мечетей на Кавказе и в Закавказье, здесь можно проследить некоторые близкие по планировке памятники. Это мечеть в Кумухе (Дагестан), время постройки которой относится к VIII веку (Хан-Магомедов, 1970. С 217), мечети в Аркасе X-XI вв. (Атаев, Гаджиев, Сагитова, 1989. С. 114-123). Они представляют собой трехнефные базилики, вытянутые в широтном направлении. В Азербайджане Джума-мечеть XIII-XIV вв. в Урмие (Резайе) также имеет аналогичную планировку (Уссейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963 С. 172). Ее отличает некоторая ассиметричность плана, так как западная часть ее значительно длиннее восточной (рис. 43.4). Продолжают существовать мечети таких пропорций и в более позднее время, особенно в горных районах Дагестана (Хан-Магомедов, 1958). Таким образом, Большая мечеть Верхнего Джулата, хотя и является мечетью базиличной планировки, возможно, имеет местные, кавказские корни, в отличие от мечети Нижнего Джулата, планировка которой типична для всей Золотой Орды.

Кроме больших мечетей базиличного плана, в Золотой Орде существовали и другие. Мечеть Куршун-Джами в Крыму, по мнению большинства исследователей (Башкиров,1926. С. 124; Засыпкин,1927. С. 132), также несет в себе черты сельджукского зодчества. Малая мечеть Верхнего Джулата относится к столпно-купольным постройкам. По плану она более всего напоминает небольшие столпные сооружения Средней Азии, такие как мечети при мавзолеях Хаким-ат-Термези (XI в.) и Ходжа Иса (XI в.) (Бородина, 1974. С. 118). Разница состоит лишь в том, что эти здания вытянуты в широтном направлении, а нижнеджулатская мечеть – в меридиональном (рис. 44). Именно такую реконструкцию приводит в своей книге В.А. Кузнецов (Кузнецов, 2003. С. 124). Однако, возможен и другой вариант, а именно сводчатое перекрытие с подпружной аркой. Эта форма встречается в сельских мечетях Азербайджана, например, в ханеге на р. Пирсагат и в поселке Ханлар (XIII в.) (Бретаницкий, 1966. С. 93, рис. 27. С. 159, рис. 83). В пользу этой гипотезы свидетельствует сходство Татартупского минарета с минаретами Азербайджана.

Принципиально отличается планировка Джума-мечетей присырдарьинских городов. Обе исследованные здесь постройки относятся к сооружениям дворового типа, что объясняется близостью Среднего Востока и влиянием его архитектуры.

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что основной тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии. Сельджукская строительная традиция могла распространяться через Закавказье, где сохранились такие ее образцы, как мечеть Мануче в Ани (Арутюнян, Сафарян 1951. Таб.100), и через Крым. Мечети с залом, разделенным на нефы, были известны в домонгольское время в Волжской Болгарии (Халиков, Шарифуллин, 1979; Айдаров, Забирова, 1979), что тоже могло послужить образцом для подражания. Взяв за основу базиличную планировку с плоским перекрытием, золотоордынские мастера творчески переработали ее, сообразуясь с местными условиями и вкусами заказчиков. Более того, можно смело утверждать, что в ряде случаев была воспринята сама идея закрытого зала, с плоским перекрытием, опирающимся на колоннаду, но воплощение ее в разных частях государства было разнообразным и часто оригинальным. В результате возникли такие архитектурные решения, как башнеобразные контрфорсы Четырехугольника, административная пристройка в мечети Сарая, разросшийся тамбур мечети Кучугурского городища. В то же время нельзя полностью исключать влияние Средней Азии или местных традиций, как в Волжской Болгарии и на Кавказе.

Глава 2. Минареты

Происхождение, основные линии развития

Одним из важнейших градообразующих элементов мусульманских городов Востока и Запада являются минареты, встроенные в здания мечетей или стоящие рядом с ними. Именно минареты своими стройными башнями возвышаются над всей остальной застройкой и определяют неповторимый силуэт города.

Минареты, которые служат для призыва верующих к молитве, совершенно не обязательны для мусульманского ритуала. В одном из хадисов говорится о том, что после прихода в Медину мусульмане обсуждали, каким образом нужно собирать верующих. Одни предлагали при помощи колокола, как у христиан, другие – при помощи трубы, как у иудеев. Пророк же велел своему рабу пойти и позвать людей на молитву. Так был введен азан, голосовой призыв к молитве, но минарет был для него не нужен. До сих пор некоторые мусульманские общины ортодоксального толка от Судана до Кашмира не строят минаретов и считают их не желательными. Многие удовлетворяются так называемыми «ступенчатыми» минаретами, которые состоят из широких внешних ступеней, ведущих в миниатюрный киоск, который только слегка возвышается над крышей. Примерно так поступали и в первые века ислама. Поскольку такие сооружения достаточно функциональны, не совсем понятно, зачем нужны были минареты в 40-50 м высотой. Большинство исследователей считает, что они выполняли и другие функции.

Первый минарет был построен при халифе Муавии в 665 г. в Ираке. О нем известно лишь то, что это была каменная башня мечети в Басре (Hillenbrand, 1994. P. 129). Вскоре после этого, в 673 г., правитель Египта Амр построил в мечети Фустата четыре минарета, и с тех пор их стали возводить и в других мечетях Египта. То есть первые минареты появились еще при Омейадах, но широкого распространения они достигли в аббасидский период. Идея строительства высоких башен проникла в Ирак и Египет, центры правления Аббасидов, из Сирии, которая была изначально провинцией Омейадов. В Сирии минареты строились в противовес христианским колокольням как мусульманский эквивалент. Назначением этих башен было свидетельство могущества Аббасидов и приверженности их мусульманской религии. Азан кричать с них начали только при Муавии.

Исследователи рассматривают также этимологию слов, применяющихся для обозначения этих видов построек. Слово минарет происходит от арабского слова манар или манара. Корень этого слова – нар обозначает по-арабски свет или огонь (Hillenbrand, 1994. P. 132). Слово манара использовалось в доисламской Аравии для обозначения высоких мест, откуда подавались сигналы при помощи огня и дыма. Поэтому минареты часто приравнивают к «башням огня», которые использовались в военных целях в Византии, Северной Африке и Сирии как в доисламское время, так и позднее. Одной из таких башен был Фаросский маяк, считавшийся одним из семи чудес света и разрушенный арабами в 642 г.

С.Г. Хмельницкий также отмечал, что высокие минареты (40-50 м) не нужны для того, чтобы звать на молитву. Считается, что минареты выполняли и роль сторожевых башен, но и это побочное назначение не оправдывало расходов на их строительство и убранство, да и весть о приближении врага приходила в средневековый город обычно другим путем. Тем не менее, минареты возводились во всех странах ислама и нередко становились символом, опознавательным знаком города, над центром которого возвышались – подобно Калян в Бухаре и башне Хиральда в Севилье.

Главным назначением больших минаретов, по мнению исследователя, было «собирание» вокруг себя городской среды и ее художественная организация. «Без минаретов, вознесенных над плоскими кровлями и куполами города, он казался незавершенным, его структура выглядела хаотичной, какой она чаще всего действительно была. Вертикальные доминанты

башен придавали этому хаосу подобие порядка, и люди, в чьей власти было менять облик городов, должны были это чувствовать» (Хмельницкий, 1996. С. 128-129).

В различных странах минареты имели разную форму, причем формы эти весьма характерны. Сирийские минареты состоят из квадратных в плане башен, построенных из камня. Форма происходит от традиционных сирийских колоколен византийского периода (рис. 45.1,2). Башня, стоящая напротив михраба в Большой мечети Дамаска, – наиболее древний минарет Сирии, датирующийся ранним IX веком, хотя верхняя часть ее неоднократно перестраивалась (Petersen, 1996. P. 188). В оттоманский период квадратные башни были заменены на восьмиугольные и цилиндрические минареты. В Северной Африке строились такие же, как в Сирии квадратные башни, которые также происходят от христианских колоколен (рис. 45.3-6). Самый ранний минарет в Северной Африке относится к мечети Каравийон в Фесе, построенной в 836 г. Меньший минарет мечети Сфакса аналогичен ему. В восточной Африке и Испании минареты также имеют вид квадратных в плане башен, богато декорированных узорчатой кладкой из кирпичей и резным штуком (рис. 45.7,8). Наиболее известные минареты Испании – в Большой Кордовской мечети, Хиральда в Севилье, в комплексе Мадинат ас-Сахра (Hillenbrand, 1994. P. 139-144).

Интересное строение имели ранние аббасидские минареты Ирака (IX в). На квадратном невысоком основании сооружался круглый ствол с лестницей, находящейся снаружи (рис. 46.1). То есть здесь нашла своеобразное воплощение идея зиккурата. Наиболее известные минареты этого типа – находящиеся в Самарре аль Мальвия и Абу Дулаф. Эта же идея нашла свое воплощение в минарете мечети Ибн Тулуна в Каире (рис. 46.2). В более позднее время в Ираке стали строиться пришедшие из Ирана цилиндрические минареты (Hillenbrand, 1994. P. 139-144). Придя к власти в Египте, Фатимиды (X-XII вв.), в противовес Аббасидам, принципиально не возводили минареты. В пост-фатимидском Египте минареты развились в комплекс определенных форм. Каждая башня состояла из трех зон: квадратная секция в нижней части, восьмиугольная в середине и купол на вершине. Зоны перехода между каждой секцией покрыты поясом сталактитовых украшений (мукарнас). В более ранних постройках квадратный ствол был высоким, а купол богато украшен. Позже центральная восьмигранная секция становится длиннее, а квадратный ствол сокращается до цоколя на фундаменте. В течение XIV в. купол на вершине принимает форму луковицы (Petersen, 1996. P. 187-188).

Минареты Ирана имели цилиндрическую форму, сужающуюся кверху. Иногда ставились на квадратное или звездчатое основание, у некоторых имеется граненая база (рис. 46.3-5). Наиболее древний минарет в Иране мечети в Сирафе относится к IX в. Многие минареты были построены в X в., но сохранились только в Фарадже и Наине. Минарет в Фарадже цилиндрический с балконом. Минарет в Наине имеет восьмиугольную нижнюю часть и цилиндрическую верхнюю. Стволы иранских минаретов фигурно выложены кирпичами. Орнамент либо покрывает весь ствол, либо делится поясами разнообразных рисунков, перемежаемых кольцами надписей. Надписи и некоторые элементы выполнялись из фигурного (лекального) кирпича. В XI в. появляется поливной декор. Сперва голубые изразцы выделяли пояс надписи на минаретах, затем вводятся в декор стен. Первый датированный образец – минарет Дамгана (1106-1107 гг.). Наверху иранские минареты имеют карниз с деревянной крышей. Карниз поддерживает пояс из крупных сталактитов. Иногда под куполом делалась небольшая башенка. К концу XII в. появляется второй промежуточный сталактитовый балкончик. Большинство иранских минаретов имеют значительную высоту, до 50 м (Воронина, 1969. С. 154; Petersen, 1996. P. 187-189).

В Средней Азии минареты IX-X вв. достоверно не сохранились, но считается, что изначально они имели ту же форму, что и в более позднее время (Хмельницкий, 1996. С. 128). По мнению большинства исследователей, в истоке формы среднеазиатских минаретов лежат доисламские сооружения Средней Азии, такие как буддийские мемориальные столбы-стамбха, столбы-мили, служившие ориентирами у кочевых племен и сигнальные башни-бурджи, наверху которых горел огонь (Воронина, 1969. С. 154; Маньковская, 1980. С. 121).

Среднеазиатские минареты домонгольского времени состоят из круглого в сечении ствола, опирающегося на невысокий граненый цоколь и сужающегося кверху (рис. 46.6-7). Венчает минарет не открытый балкон, как в минаретах Ирана, а массивная ротонда с круговой аркадой и плоским перекрытием, поддерживаемая снизу сталактитовым поясом. Такие венчания сохранились у минаретов Калян в Бухаре и минарета в Вабкенте (Хмельницкий, 1996. С. 136-138). Наиболее общим приемом украшения среднеазиатских минаретов является членение их стволов орнаментальными поясами разной высоты, в которых чередовались различные мотивы и приемы кирпичных кладок. Так же как и в Иране, минареты Средней Азии достигают значительной высоты.

Цилиндрическая форма минаретов распространилась вместе с сельджукскими завоеваниями в Сирию, Анатолию, Ирак, Афганистан и Индию. В разных странах их отличают различные вариации формы и декора. В Малой Азии сельджукского периода, также как и мечети, минареты получили своеобразное развитие (рис. 47). Все они имеют трехчастное членение. Высокий квадратный в плане цоколь при помощи треугольных скосов переходит в восьмигранник, на котором стоит стройный цилиндрический ствол минарета, почти не сужающийся кверху. В верхней части ствола находится открытый балкончик, поддерживаемый несколькими рядами сталактитов. Венчает ствол коническая крыша. Минареты возводились из кирпича, но могли быть полностью облицованы камнем, как минарет мечети Алаеддина в Нигде (начало XIII в) (Stierlin, 1998. P. 26), или же имели каменный цоколь и ствол, сложенный из кирпича, как в таких мечетях, как Ивли Минар в Анталье и в Большой мечети Сиваса (XIII в) (Hillenbrand, 1994. P. 161; Stierlin, 1998. P. 43). Ствол минарета часто украшен фигурной кирпичной кладкой и голубыми изразцами. Довольно характерно для Малой Азии наличие в мечети минарета, встроенного в угол, или парных минаретов, обрамляющих с двух сторон ее портал. Эта же форма минаретов, возникшая в сельджукский период, развивалась при Османах. Получив в дальнейшем более стройный ствол, вытянутые пропорции, каменную облицовку и дополнительные балкончики, малоазийские минареты в целом не изменили своей структуры и стали своеобразным символом всей турецкой архитектуры.

Сходное с малоазийскими трехчастное деление имеют минареты Азербайджана, но существует и некоторые отличия (рис. 48). Прежде всего, ранние минареты более массивны и приземисты. Построенные из тщательно отесанного камня, они имеют квадратный в плане цоколь, переходящий в восьмигранник, и затем слегка сужающуюся кверху цилиндрическую башню. Завершение минарета составляет значительно выступающий балкончик (шарэфэ), поддерживаемый поясом сталактитов. Балкон обычно огражден невысоким каменным парапетом, украшенным резным геометрическим орнаментом. Над балконом возвышается камера с небольшим куполом, поверхность которого покрыта рубчатыми дольками (Бретаницкий, 1966. С. 88, 88-96, 156-160; Бретаницкий, 1988. С. 79, 65-66).

Многообразие форм минаретов в различных частях мусульманского мира лучше всего представлено на сравнительной таблице (рис. 49), приведенной в книге Р. Хилленбранда (Hillenbrand, 1994. P. 130-131).

В Золотой Орде большинство мечетей также имело минареты, однако очень немногие из них дожили до современности. Два минарета сохранились полностью, еще два известны по рисункам и фотографиям. От остальных построек остались только цокольные части. Рассмотрим известные в настоящее время минареты и их остатки по регионам.

Обзор по регионам Золотой Орды

Волжская Болгария.

Почти полностью сохранился до настоящего времени Малый минарет в Болгаре (Смирнов, 1951. С. 206-208; Егерев, 1958. С. 382-383; Айдаров, 2001. С. 51-54). Современная высота Малого минарета 16, 5 м, но, возможно, он был несколько выше. Постройка полностью выполнена из камня на известково-песчаном растворе (рис. 50.1,2; 51.1). Снаружи и внутри

стены облицованы тщательно отесанными блоками из известнякового туфа. Цоколь здания стоит на фундаменте, заглубленном в землю на 2 м. Цоколь практически квадратный в плане, ориентирован точно по сторонам света. Размеры его 4,73 х 4,83 м. Квадратное основание с помощью треугольных наружных скосов переходит в восьмигранный ярус. Выше находится цилиндрический, несколько сужающийся кверху ствол минарета. Переход к нему от восьмигранника осуществляется при помощи более мелких внешних скосов, которые украшены резьбой по камню в виде шестилепестковых пальметок (рис. 50.3). Нижний цилиндрический ярус заканчивается открытой обходной галереей, которая имела каменное или деревянное ограждение, в настоящее время утраченное. По краю нижнего яруса располагался карниз, сложенный из блоков с вырезами в виде арочной ниши и в виде сплошной вертикальной выемки (Айдаров, 2001. С. 53). Мне представляется, что такое оформление является упрощенной имитацией сталактитового карниза, характерного для большинства подобных минаретов. Над стволом располагается невысокий барабан верхнего яруса с конической железной кровлей. Исследователи предполагают, что изначально верхний цилиндрический ярус был несколько выше, а коническая крыша была выполнена из камня (Айдаров, 2001. С. 52). Недавно была выдвинута гипотеза, что Малый минарет имел еще один, третий ярус, предположительно сделанный из дерева (Халитов, 2009). На верхний ярус минарета ведет каменная винтовая лестница в 45 ступеней.

Вход в минарет с полукруглым арочным завершением расположен с северной стороны. Он находится выше уровня земли, и в него ведет лестница в пять ступеней. Дверной проем утоплен в нишу с прямоугольным завершением. Он обрамлен резьбой по камню в виде жгута (рис. 51. 2). Плоскость ниши также была покрыта резьбой, от которой сохранился лишь фрагмент сбоку от входа, состоящий из широкой полосы стилизованного растительного орнамента и бордюра в виде переплетенных волнистых лент. Поверх обрамления видна выемка, в которой, по мнению большинства исследователей, находилась резная кораническая надпись (Егерев, 1958. С. 382; Айдаров, 2001. С. 53). На западном фасаде на том же уровне находится впадина со стрельчатой аркой, в которой сделана полуциркульная ниша меньшего размера (рис. 50.3,4). Пространство между арками заполнено орнаментированной обводкой с двумя круглыми розетками, заполненными тонким резным орнаментом. Резное оформление Малого минарета исследователи связывают с традициями Закавказья, а именно с Азербайджаном (Егерев, 1958. С. 382-383) и с Арменией (Айдаров, 2001. С. 54). Несомненно, мотивы резного декора Болгар также находят множество аналогий и в Малой Азии. Точно такими же жгутами, как входной проем в Малом минарете, оформлены декоративные арки Тюрбе Хатуние в Эрзеруме 1255 г. (Stierlin, 1998. P, 42). Весьма характерен орнамент в виде двух переплетенных волнистых лент, который имеет византийские корни (Stierlin, 1998. P, 62), а украшение тимпана арки розетками является одним из наиболее распространенных приемов, который прослеживается в большинстве построек Малой Азии сельджукского и ранне-османского периодов. Исследование орнаментальных мотивов и композиций декоративных элементов Малого минарета и других построек Болгара должно стать темой отдельного исследования. Только полный стилистический анализ, вероятно, поможет определить, какими именно мастерами была выполнена эта резьба. В настоящее время однозначно можно лишь констатировать, что искать их нужно в Малой Азии или в Закавказье.

К комплексу Большой мечети Болгара относился и Большой минарет (рис. 51.1-3), известный по рисункам П.С. Палласа, художников Г.Г. и Н.Г. Чернецовых и архитектора А. Шмита (Смирнов, 1951. С. 206; Егерев, 1958. С. 371-382; Айдаров, 2001. С. 10-16). Он был пристроен к северной стене мечети к западу от портала. До последнего времени сохранился фундамент и основание цоколя минарета, сложенное из крупных известняковых блоков. Цоколь минарета был поставлен на фундамент, глубина которого составляла 2,7 м. Фундамент сложен в перевязку со стеной мечети. Цоколь в плане имел форму квадрата со стороной 5,3 м. Судя, по рисункам, Большой минарет имел такое же строение, как и Малый. Кубический цоколь переходил в восьмигранник, на котором стоял ствол в виде сужающегося кверху цилиндра

(рис. 52.4). Наверху была площадка для муэдзина. Верхний цилиндрический ярус также имел коническое покрытие. С двух сторон ствола минарета располагалось по три окна, середину ствола опоясывала арабская надпись. Высота Большого минарета достигала 24 м.

Нижнее Поволжье

В Сарае, где по свидетельству ибн Баттуты было тринадцать Джума мечетей (Тизенгаузен, 1884. С. 306), несомненно, было и множество минаретов, ни один из которых не сохранился. П.С. Рыков, посетивший Селитренное городище в 1931 г., передает рассказ местной жительницы об остатках башни, которая, скорее всего, являлась минаретом. Круглая в плане башня сохранилась в 1910 г. до высоты окон. Она имела дверь с северной стороны, а стены были выложены изразцовыми кирпичами и мозаиками в виде растительного орнамента и звезд (Рыков, 1931. С. 29). В настоящее время не только не сохранились остатки этого минарета, но и невозможно определить его былое местоположение.

Белая мечеть Сарая минарета не имела, однако на другом раскопе, примерно в 450 м к юго-востоку от нее были найдены остатки минарета, принадлежавшего еще одной мечети (Зиливинская, 2008в). От постройки сохранилась нижняя часть цоколя, сложенного из обожженного кирпича. Прямоугольный в плане цоколь размерами 4,2 х 2, 8 м был вытянут по оси СЗЗ-ЮВВ (рис. 52.1, 53.1). Под кирпичной кладкой цоколя находился фундамент глубиной 2,3 м, который имел интересное строение (рис. 53.2, 54.2). На дно ямы фундамента был уложен слой меловых камней толщиной 40 см. Далее шла прослойка битого кирпича, залитого известковым раствором общей толщиной 10 см, потом снова слой камней (40 см) и снова прослойка битого кирпича с известью (10 см). Такое чередование слоев повторяется в яме четыре раза. На последний, четвертый, слой извести уложен нижний слой кирпичной кладки. Учитывая то обстоятельство, что все, даже самые крупные постройки, в нижневолжских городах строились без фундамента, можно предположить, что столь мощное основание было сделано для постройки значительной высоты.

Рядом с этим фундаментом был обнаружен блок рухнувшей стены, имевший регулярную структуру (рис. 53.3, 54.3). Прослеженные размеры его 2,0 х 2,5 м. Толща стены была сложена из обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором с большим количеством толченого кашина. Нижняя часть упавшего блока состояла из обожженных кирпичей и прямоугольных (16 х 10 х 4,5 см) красноглиняных и кашинных изразцовых кирпичей, лежащих под прямым углом друг к другу. Она представляла собой внешнюю облицовку стены. Облицовка состояла из красных кирпичей, положенных слоями друг на друга со смещением примерно на 10 см. Каждый кирпич с двух сторон был окружен прямоугольными изразцами, поставленными вертикально. Изразцы также были смещены друг относительно друга, в результате чего они образовывали на плоскости стены ромбические фигуры. Изразцы были двух видов – бирюзовые и синие.

Также был найден блок стены круглой башни диаметром 2,8-3,0 м, внешний ряд кладки которой был сложен из лекальных кирпичей (рис. 53.4, 54.4). Все эти данные позволяют предположить, что здесь находился минарет с прямоугольным в плане цоколем, в облицовке стен которого были использованы изразцы. Что касается мечети, к которой относился данный минарет, то она была полностью разрушена при обвале обрывистого склона холма, на котором располагалась. Анализ остатков северной стены здания позволяет предположить, что минарет был встроен в восточный пилон портала.

Мечеть Водянского городища имела минарет, который был пристроен к восточной стене мечети у ее северо-восточного угла (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976. С. 125). Цоколь минарета в плане был прямоугольным, близким к квадрату (рис. 22.1). Размеры его 5,0 х 4,2 м. Минарет не имел фундамента, цоколь был заглублен в землю всего на 20-30 см. Яма была заполнена слоем мелких (10-20 см) и более крупных (40 см) камней. Кладка цоколя из крупных, хорошо отесанных камней сохранилась только в северо-восточном углу на высоту 35 см. У северо-восточного угла мечети был расчищен завал жженых кирпичей, в том числе и лекальных, поливных бирюзовых кирпичей и ганчевых деталей. На основе анализа этих

деталей авторами раскопок была сделана примерная реконструкция облика минарета (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976. С. 126). На кубическом каменном цоколе был поставлен кирпичный цилиндрический ствол, сужающийся кверху. Ствол был декорирован орнаментальными поясами, выложенными голубыми поливными кирпичами, перемежающимися с квадратными ганчевыми штампованными вставками. Вставки оттиснуты четырьмя штампами с куфическими надписями (рис. 24.5). Вдоль орнаментальных поясов были проложены узкие алебастровые полоски с меандровым орнаментом. Вход в минарет, скорее всего, находился с южной стороны. Здесь был найден глинобитный пол какого-то помещения с остатками каменных стен. В восточной стене мечети, возможно, был сделан проход с это помещение шириной 3,4 м, порог которого выложен жженным кирпичом.

Северный Кавказ

На Северном Кавказе, на городище Верхний Джулат или Татартуп находился известный Татартупский минарет, который неоднократно упоминался в записках путешественников, посещавших Кавказ (Семенов, 1947). Сохранились также рисунки его, наилучший из которых был сделан Дюбуа де Монпере во время его путешествия на Кавказ в 1833-1843 гг. (рис. 55). Минарет разрушился только в 1981 году в результате деятельности реставраторов. К счастью, до этого он был подробно обмерен, описан и опубликован О.В. Милорадович (Милорадович, 1963. С. 69-78). Высота минарета составляла 20,8 м. О.В. Милорадович считала, что это почти полная его высота, отсутствует лишь покрытие (Милорадович, 1963. С. 70), а В.А. Кузнецов предполагает, что он мог достигать 25 м (Кузнецов, 2003. С. 127).

Минарет состоял из двух частей (рис. 56, 57). Прямоугольный в плане цоколь был ориентирован строго по сторонам света. Размеры его – 3,55 по оси С-Ю и 4,25 м по оси З-В, высота составляла 2,35 м. Он сложен из обожженного кирпича и каменных блоков. Круглый в плане ствол минарета был сложен из обожженного кирпича. Он поставлен на восточный конец цоколя у самого края таким образом, что с западной стороны оставался выступ шириной 0, 65 м. То есть нижний диаметр его также был равен 4,25 м. Ствол минарета имел коническую форму и состоял из двух частей высотой 13,1 м и 5,35 м. Их расчленял двойной сталактитовый пояс, который раньше поддерживал балкончик для муэдзина. В цокольной части с восточной стороны находилась дверь с полукруглым окончанием. Такая же дверь выходила на балкон. В нижней части ствола минарета были сделаны два окошка, которые располагались точно под верхним дверным проемом. Внутри вокруг пятиугольного столба вилась кирпичная лестница, ступени которой были покрыты дубовыми досками. В 1960 г. ступеней насчитывалось 67 (Милорадович, 1963. С. 70), но Гюльденштедт, посетивший Татартуп в 1771 г., пишет о 72 ступенях (Güldenstädt, 1787. S. 505). Не известно, какое покрытие имел Татартупский минарет. В.А. Кузнецов приводит рисунки из различных карт Кавказа. На самой ранней из них, относящейся к 1782 г., верхушка ствола уже разрушена. (Кузнецов, 2003. С. 125, 128).

Ствол минарета был украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых является двойной сталактитовый (рис. 57.2). Сталактиты выполнены кирпичной кладкой. Плоскости арочек украшены круглыми поливными вставками бирюзового цвета, диаметр которых составлял 8 см. Прямо под ним шли две полосы, состоящие из круглых вставок с бирюзовой поливой, чередующихся с кирпичными ромбиками. Между ними располагался орнаментальный пояс, подражающий куфической надписи, выложенный резными кирпичами. Верх ствола также украшен фигурной кирпичной кладкой. Татартупский минарет относился к Большой мечети Верхнего Джулата, но стоял отдельно от нее.

Малая мечеть Верхнего Джулата (Милорадович, 1963. С. 66) также имела минарет, но цоколь его был встроен в северную стену здания у его северо-восточного угла (рис. 25.1). Минарет имел фундамент глубиной 2,8 м и размерами 2,6 х 2, 4 м. Яма фундамента была забутована крупным и мелким булыжником, обломками кирпича и залита известковым раствором. По предположению О.В. Милорадович, минарет, поставленный на такой фундамент, мог быть довольно высоким (Милорадович, 1963. С. 66). Сам минарет был кирпичным: сохранилось несколько рядов кирпичной кладки его цоколя. Кладка повторяет форму фундамента, то

есть, скорее всего, цоколь также был квадратным в плане, и Малый минарет имел такое же строение, как и Большой. Кстати говоря, на реконструкции Малой мечети, приведенной в книге В.А. Кузнецова (рис. 44.3), он изображен неправильно – в виде цилиндрической башни, стоящей на низком круглом основании (Кузнецов, 2003. С. 124)

Минарет мечети Нижнего Джулата был пристроен к восточному отрезку северной стены (Чеченов, Зиливинская, 1999. С. 138-160). Кладки северной стены основного здания и цоколя минарета сделаны не в перевязку, и восточная стена цоколя минарета смещена относительно края восточной стены мечети примерно на 50 см. В плане цоколь минарета имел форму прямоугольника, в северо-западном углу которого была сделана прямоугольная выемка (рис. 27.1). В результате противоположные стороны его имели разные размеры. Восточная сторона была 5,8 м длиной, западная – 4,25 м, южная – 4,75 м и северная – 4,55 м.

Цоколь минарета покоился на мощном фундаменте, который был заглублен почти на 2 м. Фундамент сложен из крупных необработанных камней на известковом растворе. Камни положены в 4 слоя. Сверху на них лежит кладка из обожженного кирпича. Основной массив кладки цоколя состоял из обожженных кирпичей, как целых, так и битых, на известковом растворе. Всего сохранилось 24-28 слоев кладки (над дневной поверхностью) высотой до 2,4-2,5 м.

Снаружи цоколь минарета имел декоративную облицовку, которая сохранилась только в нижней его части (рис. 58). На высоте двух слоев кирпичной кладки над дневной поверхностью виден ряд крупных прямоугольных (55-60 х 40-50 х 35-40 см) каменных блоков, поставленных на некотором расстоянии друг от друга. Пространство между ними было заполнено фигурной кирпичной кладкой: пять кирпичей были сложены вместе и поставлены на ребро, на них были положены плоско три слоя кирпичей. В следующем промежутке три слоя кирпичей, лежащих плоско, находились внизу, а на них была поставлена стопка из пяти кирпичей, стоящих на ребре. Такая система представляет собой усложненный вариант «ганджийской» кладки, при которой камни (чаще всего булыжники с плоской лицевой поверхностью или грубо отесанные квадры) отделяются друг от друга вертикально поставленными кирпичами. Ряды кладки подобного рода чередуются с ленточной кладкой из обожженного кирпича (Щеблыкин, Горчакова, 1947. С. 58). Схожее строение имел цоколь Татартупского минарета.

Внутри цоколя находилось почти круглое в плане помещение диаметром 1,6-1,7 м. В высоту стены комнаты сохранились на 1,8 м. В стенах были видны четыре гнезда, в которые вставлялись деревянные балки ступенек. Не совсем понятно, как была устроена лестница внутри минарета. В синхронном ему Татартупском минарете винтовая лестница вилась вокруг кирпичного пятиугольного столба, который проходил снизу доверху внутри постройки. Из-за этого столба ни на одном уровне помещение минарета не имеет в плане форму круга (Милорадович, 1963. С. 71). В Нижнем Джулате мы имеем совершенно пустое круглое помещение. Остается лишь предположить, что все части винтовой лестницы, включая столб, были сделаны из дерева.

К сожалению, по остаткам цоколя ничего нельзя сказать о внешнем виде минарета. Ю. Клапрот также дает довольно скудное описание. Ко времени посещения им Джулата, высота минарета составляла 40 футов (12,2 м). На четырехугольном пьедестале высотой 14 футов (4,3 м) стоял цилиндрический ствол, диаметр которого у основания составлял 10 футов (3,0 м). Минарет внутри был снабжен винтовой лестницей с 55 ступенями и имел выход, обращенный на юг (Klaproth, 1812-1814. S. 430). Вероятно, по своей конструкции он был близок к Татартупскому. Мощный фундамент и несколько большие размеры цоколя позволяют предположить, что минарет в Нижнем Джулате был выше и в начале XIX века уже частично обвалился.

Все три минарета схематически изображены на карте подполковника Штедера 1782 г. (рис. 59), хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 846. Оп. 16. Дело 25675. Л. 1). Но там цоколь нижнеджулатского минарета показан круглым в плане, что не соответствует действительности.

Западные районы

Все известные на нынешний момент золотоордынские мечети Крыма имели минареты, которые были встроены в угол здания с восточной или западной стороны от портала (рис. 29, 31-33, 36). До наших дней частично сохранился и был реконструирован только минарет в мечети Узбека (рис. 29.2). Он имеет высокий, треугольный в плане цоколь, который на уровне крыши при помощи скосов переходит в стройный цилиндрический ствол. Ствол имеет два яруса, разделенные открытым балкончиком с каменным парапетом. Балкончик-шарэфэ опирается на карниз, который в оригинале был образован сталактитами. Покрытие ствола минарета не сохранилось, но, поскольку весь памятник имеет ярко выраженный малоазийский облик, скорее всего, оно было коническим. Вероятно, сходное строение имели минареты мечети «Бейбарса», Куршун Джами и судакской мечети. В Чуфут-Кале минарет встроен в северо-западный угол здания (рис. 36.1). Ко времени исследования от него сохранилось круглое в плане помещение с несколькими ступенями винтовой лестницы. Также при обследовании мечети был найден большой фрагмент сталактитового фриза, поддерживающего шарэфэ (Акчокраклы, 1928. С. 167, 168).

При спасательных раскопках в Азове (золотоордынский Азак) был раскопан фундамент минарета (Масловский, 2006. С. 122-123). Мечеть, к которой относился этот минарет, в раскоп не вошла. По сообщению автора раскопок А.Н. Масловского, она, вероятно, имела каркасные стены, так как на ее месте был обнаружен мощный завал турлука. Фундамент минарета представляет собой монолит, заглубленный на 1 м ниже дневной поверхности. Он круглый в плане диаметром 3,8 м и сложен из сырцовых кирпичей со стороной 20 см и толщиной 6-8 см. То есть этот минарет по своей конструкции отличен от остальных подобных сооружений в Золотой Орде.

Мечеть Кучугурского городища имела минарет, который был встроен в западную стену в 6 м от северного ее конца (Довженок, 1961. С. 177-181). Цоколь минарета имел форму восьмигранника диаметром 2,5 м (рис. 38.1). В завале были найдены обломки круглого ствола минарета с остатками деревянной лестницы внутри. То есть минарет этой мечети имел два яруса – нижний восьмигранный и верхний – цилиндрический.

Минарет мечети Старого Орхея также был встроенным (Бырня, 1985. С.27-29). (рис. 38.2; 60). Шестиугольный цоколь минарета охватывал северо-восточный угол здания. Центр шестиугольника находился на пересечении внутренних контуров северной и восточной стен. Четыре стороны его имели длину 3,05м, а остальные две – 3,4 м. Цоколь покоился на мощном фундаменте, сделанном из раствора извести с песком и мелким камнем. Раствор заливался постепенно пятью слоями, общая толщина которых достигла 1,5 м. Фундамент имел форму шестиугольника со скругленными углами размерами 7,4 х 9,0 м. Столь мощный фундамент свидетельствует, что минарет должен был иметь значительную высоту. Стены цоколя сложены из трех слоев прямоугольных, тщательно отесанных и хорошо подогнанных блоков местного ракушечника. Он сохранился на высоту 0,9 м и имеет ступенчатое строение. Нижний слой блоков был утоплен в фундамент, второй уложен с отступом от границы нижнего ряда на 20 см, третий слой также имел отступ в 20 см от второго. Внутренняя часть цоколя забита щебенкой и залита известково-песчаным раствором. Так как здание мечети и, соответственно, минарет не были достроены, то никаких деталей ствола минарета найдено не было.

Азиатские территории

В Джума-мечети золотоордынского Отрара было два минарета (рис. 18.1), поставленных на углах портала (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 106). Как и вся мечеть, они были сложены из обожженного кирпича. Минареты имели цилиндрическое основание диаметром 2,0 м. Внутри сделаны винтовые лестницы, на которые можно было попасть через входные проемы с внутренней стороны портала. Входные проемы имели ширину 1,0 м. В западном минарете были прослежены первые четыре ступеньки винтовой лестницы (рис. 61). Строение этих минаретов обычно для Средней Азии.

Еще одним минаретом, который традиционно считался построенным в золотоордынское время, является минарет Кутлуг-Тимура в Куня-Ургенче. Это самый высокий минарет в Средней Азии. Он представляет собой коническую башню, резко сужающуюся кверху, высотой 59,9 м. Сохранился он почти полностью, не хватает только верхушки (рис. 62). Ствол минарета, сложенный из обожженного кирпича, расчленен 18 орнаментальными поясами, украшенными декоративной кладкой из резного кирпича разнообразных форм. Вход в минарет в виде арочного проема расположен с западной стороны на высоте 6,4 м. Он ведет на винтовую лестницу с 143 деревянными ступенями. На высоте 47 м находится коническое расширение, которое является основанием балкона, опиравшегося в прошлом на сталактитовый пояс. Верхняя цилиндрическая часть башни имеет высоту в два этажа. По мнению исследователей, здесь находился деревянный фонарь-ротонда, подобный кирпичным венчаниям минаретов Хивы и Вабкента.

На уровне входа ствол опоясывает рельефная арабская надпись, в которой говорится, что минарет построен наместником Золотой Орды Кутлуг-Тимуром, правившим здесь в 1321-1336 гг. (Якубовский, 1930. С. 36; Хмельницкий, 1996. С. 147-149). По своему строению это сооружение резко отличается от остальных минаретов Золотой Орды, так как построено по канонам, характерным для Средней Азии. Сходство минарета Кутлуг-Тимура со среднеазиатскими минаретами домонгольского периода замечали многие авторы, однако, лишь недавно было доказано, что надпись, служившая основой для датировки, была выбита позднее уже на готовом здании. Анализ же его архитектуры и строительной техники говорит о том, что здание было построено в XII в. (Хмельницкий, 1996. С. 147-149; Артемьев, Урманова, 1999. С. 126-127, 129-135), а при Кутлуг-Тимуре могло быть только слегка отремонтировано.

Архитектурная форма золотоордынских минаретов и их генезис

Таким образом, по своему положению относительно мечети минареты Золотой Орды делятся на три группы: 1) отдельно стоящие; 2) с пристроенным к стене мечети цоколем; 3) с цоколем, встроенным в объем стены.

Отдельно стоящие и пристроенные к мечети минареты в большинстве своем имеют кубический или призматический цоколь, который при помощи внешних скосов переходит в восьмигранную призму или непосредственно в цилиндрический слегка сужающийся кверху ствол. В основании встроенных минаретов лежит многогранник. Исключение составляют круглый в плане фундамент минарета в Азаке и минареты, фланкирующие портал мечети Отрара. Цоколь минаретов сложен из камня или обожженного кирпича. Ствол обычно кирпичный, но может быть и из камня. Каменные постройки были декорированы резьбой. Ствол кирпичных минаретов украшен орнаментальными поясами из резной терракоты, обточенных кирпичиков и поливных изразцов, ганчевых вставок. Под балкончиком для муэдзина находится сталактитовый пояс. Покрытие минаретов – шатровое.

До настоящего времени наиболее детальному анализу подвергались те постройки, которые сохранились полностью. Многие исследователи (Смирнов, 1951. С. 206; Егерев 1958. С. 282; Айдаров, 2001; С. 54) отмечают близость минаретов Болгара с азербайджанскими минаретами ширвано-апшеронской школы. Сходство этих построек действительно бросается в глаза (рис. 48). Трехчастное членение зданий, несколько приземистые их пропорции, приемы каменной кладки – все это является общим для болгарских и азербайджанских минаретов. Исследователи также отмечают сходство орнаментальных мотивов на резных панно Малого минарета с памятниками армянского и азербайджанского зодчества. То есть минареты Болгара тесно связаны с Закавказьем и, весьма вероятно, были построены руками армянских и азербайджанских мастеров. В то же время, те же исследователи в качестве аналогий приводят и минареты Средней Азии и Ирана, которые имеют совершенно другое строение. В конечном счете, все круглые башни имеют единые корни и чем-то похожи друг на друга. Тем не менее,

в строительстве минаретов, так же как и других архитектурных сооружений, существуют местные особенности. Поэтому, на мой взгляд, следует искать сооружения, наиболее близкие как по форме, так и по декору. Минареты Болгара, несомненно, близкие к ширванским, отличаются от них формой покрытия верхнего яруса. В Болгаре – это конические крыши, в Азербайджане – небольшие гофрированные купола. Коническое покрытие наиболее типично для сельджукской и оттоманской Малой Азии. Кстати говоря, мотивы малоазийской резьбы по камню довольно близки закавказским, и вряд ли можно четко отделить одни от других. Как упоминалось выше, минареты Малой Азии также имели трехчастную структуру, поэтому с такой же долей вероятности можно предположить, что минареты Болгара строились мастерами оттуда.

Татартупский минарет сходен с минаретами Болгара, но у него нет восьмигранного яруса, и он имеет несколько более стройные формы. Призматический цоколь его сложен комбинированной кладкой из камня и кирпича, а ствол целиком кирпичный. В.А. Кузнецов уделил большое внимание анализу «ганджийской» кладки цоколя Татартупского минарета и связал его с памятниками закавказского зодчества (Кузнецов, 2003. С. 129). Декоративное оформление минарета, использование в облицовке резных кирпичей и изразцов, создание орнаментальных и сталактитовых поясов стилистически сближают его с памятниками Нахичеванской школы Азербайджана. Наиболее близким аналогом ему является Минарет в Шамхоре, известный по рисункам XIX в., выполненными Дюбуа де Монпере и князем Г.Г. Гагариным (рис. 63.1,2). К этому же выводу пришел и В.А. Кузнецов (Кузнецов, 2003. С. 129). В то же время, существует и ряд отличий. Судя по описаниям Н. Флоровского (Бретаницкий, 1966. С. 90-91), «Шамхорский столп» представлял собой грандиозную постройку высотой около 60 м. На рисунке Г.Г. Гагарина хорошо видно, что он имеет четкую, ярко выраженную структуру. Кубический цоколь посредством треугольных скосов переходит в восьмигранник, на котором стоит круглый ствол несколько меньшего диаметра. То есть он построен по классической малоазийской схеме. В остальных известных азербайджанских минаретах ярусы не столь рельефно выражены, и переход от одного к другому не так заметен. Верхний ярус ствола шамхорского минарета отделяет карниз из очень крупных, далеко выступающих сталактитов, а завершает высокий верхний ярус круглый фонарь с легкой сквозной аркадой. Эти детали характерны скорее для иранского зодчества. Крупные сталактиты заставляют вспомнить минарет Серебан в Исфахане (рис. 46.3), а фонарь в виде ротонды – минарет Джам в Афганистане. То есть этот несохранившийся минарет, скорее всего, был построен под влиянием различных строительных школ, малоазийской и иранской. Татартупский минарет, хотя и имеет некоторое сходство, меньше по размерам и скромнее по исполнению.

Происхождение минарета мечети Узбека в Солхате не вызывает ни у кого из исследователей сомнений: он однозначно повторяет минареты Малой Азии сельджукского периода. Другие минареты Крыма, скорее всего, имели такую же форму.

Об остальных минаретах Золотой Орды можно судить лишь в общих чертах. Достоверно известно лишь то, что они имели призматический цоколь, который через восьмигранник или помимо него переходил в круглый в сечении ствол. Если рассмотреть таблицу, на которой представлены все многочисленные типы минаретов, распространенных по всему мусульманскому миру (рис. 49), то можно заметить, что подобные архитектурные формы (3, 11, 19) характерны только для Малой Азии и связанных с ней стран. Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют и в дальнейшем. Таковы, например, минарет Алаеддин Джами в Нигде постройки 1223 г., Ивли Минар в Анталье 1220 г., минареты Большой мечети и Гёк-медресе в Сивасе 1271 г., Зеленой мечети Изника 1378 г. и др. (рис. 47).

В странах, находящихся в сфере культурного влияния Малой Азии, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран, также получают распространение минареты подобного облика. Распространение их в Золотой Орде является еще одним свидетельством значительного

влияния культур Малой Азии и Закавказья на сложение всей культовой архитектуры в этом государстве, так как мечети и минареты при них обычно образуют единый ансамбль.

Цилиндрические минареты мечети Отрара построены по среднеазиатским образцам. Это вполне понятно, так как Кок Орда включала в себя области Хорезма, и, естественно, находилась в сфере влияния его развитой строительной культуры. Несколько неожиданной находкой является круглый в плане фундамент минарета в Азаке. Азак, расположенный в западной части Золотой Орды, должен находиться в сфере малоазийского влияния. Наличие здесь минарета среднеазиатского типа свидетельствует о том, что это влияние было не единственным. Кроме того, этот минарет, возведенный из сырца, весьма вероятно, принадлежал небольшой квартальной мечети, построенной из турлука. Единообразие плана Джума мечетей и минаретов при них в Золотой Орде свидетельствует, на мой взгляд, о наличии неких стандартов и регламентации при возведении этих зданий. Вероятнее всего, они строились по указанию правителей по четко определенным образцам. Планировка небольших квартальных мечетей, скорее всего, зависела от вкусов и привычек обитателей квартала и поэтому могла быть более разнообразной. К сожалению, такие постройки в золотоордынских городах пока почти не исследованы.

Глава 3. Заведения благочестия

Виды мусульманских учреждений и их происхождение

Главным культовым зданием в странах мусульманского Востока является мечеть, а встроенный в здание или стоящий с ней рядом минарет, устремленный вершиной в небо, стал своеобразным символом ислама. В то же время с религиозным культом в мусульманских странах связаны не только мечети, но и некоторые другие учреждения. Прежде всего, это медресе – высшие учебные заведения, в которых преподавали богословие (Коран и хадисы) и право (фикх). Часто наряду с этими предметами велось преподавание математики, риторики, языкознания, медицины. Медресе представляли собой опору религии, так как оттуда выходили теологи, законоведы, дипломаты, духовные наставники. В то же время многие медресе были центрами развития других наук: часто в них находились крупные библиотеки и работали известные ученые. Студенты и преподаватели жили в здании медресе постоянно, здесь имелись жилые помещения (худжры), аудитории, мечеть. Л.Ю. Маньковская приводит данные вакуфного документа самаркандского медресе Ибрагим-Тамгач-хана (1165-1166 г.). Среди помещений в нем упоминаются мечеть, аудитории (дастархана) различного назначения – для громкого чтения Корана, для изучения литературы, для занятий наукой, худжры вокруг двора и сад. В штате были предусмотрены управляющий, преподаватели Корана, фикха и литературы, чтец Корана, кассир, два дворника и библиотекарь. Медресе было рассчитано на обучение 50 человек (Маньковская, 1980. С. 84). Часто медресе существовали за счет вакфа, то есть приписанных к ним доходных заведений – рынков, бань и других.

С.Г. Хмельницкий пишет, что медресе как общественный институт и архитектурное сооружение не имеет параллелей за пределами мусульманского мира, так как первые средневековые университеты Европы не имели специально построенных зданий и общежития для студентов. Высшие школы при христианских монастырях также не были архитектурно выделены (Хмельницкий, 1996. С. 260). Первые здания медресе возникают в Восточном Иране и в Бухаре в конце IX – начале X вв. (Хмельницкий, 1992. С. 206; Hillenbrand, 1994. P. 173). До этого времени богословие изучалось непосредственно в мечетях или в доме наставника. Здание медресе часто пристраивалось к дому основателя, или его жилище включалось в постройку. Известны многочисленные примеры, когда основатель или руководитель учебного заведения похоронен в одном из помещений духовной школы. Строительство медресе и его материальное обеспечение считалось богоугодным делом и свидетельствовало о благочестии основателя. Поэтому эти учреждения часто основывались правителями, высшими чиновниками, представителями знати. Массовое распространение медресе на Ближнем и Среднем Востоке обычно связывают с сельджукским временем. Именно при Сельджуках из частных школ они превращаются в государственные учреждения. По письменным источникам в середине XI в. в Нишапуре их было уже тридцать восемь (Hillenbrand, 1994. P. 173-174).

Исследователи отмечают отличие медресе от других типов зданий мусульманского мира, таких как мечети, минареты и мавзолеи, в архитектуре которых нашли отражение вековые культурные традиции классической и восточной архитектуры, наиболее ярко представленные памятниками Византии и Сасанидского Ирана. Духовные школы ислама возникли уже в развитом мусульманском обществе и отвечали его специфическим нуждам. Здания их были предназначены для учреждений, не имеющих аналогий в современном им мире, поэтому пространственная структура средневековых медресе единообразна и легко узнаваема. Это монументальные прямоугольные в плане здания, с обширным внутренним двором, в который выходят все помещения. На осях постройки находятся два или четыре айвана, которые также открываются во двор. Вход, расположенный с фасадной стороны здания, выделен порталом. Большинство медресе имеют одно или несколько купольных помещений, в которых находятся

мечеть и аудитории. Этот тип зданий с небольшими вариациями распространился на всем пространстве, населенном приверженцами ислама.

Существует несколько точек зрения на истоки планировки медресе. История изучения этого вопроса подробно рассмотрена С.Г. Хмельницким (Хмельницкий, 1992. С.205-206). В.В. Бартольд, Э. Херцфельд, а вслед за ними Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль выводят планировку медресе из буддийского зодчества, а именно из монастырей (Бартольд, 1927. С. 53-55; 1964. С. 30-31; Bartold, 1933. P. 29-31; Herzfeld, 1943. P. 13-30; Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 52). Другая точка зрения – это соотнесение всех зданий четырехайванной планировки, таких как мечети, медресе и караван-сараи с гражданской архитектурой, а именно с дворцовыми зданиями и жилыми домами. Сторонниками этой теории являются А. Годар, Г.А. Пугаченкова, С.Г. Хмельницкий (Пугаченкова, 1958. С. 341; Godard, 1962. P. 358-361; Хмельницкий, 1992. С. 204-206; Hillenbrand, 1994. P. 175).

Ранние медресе Хорасана имели четырехайванную планировку: один из айванов служил входом, другой, расположенный напротив входа, являлся мечетью. В боковых айванах находились аудитории, а остальное пространство вокруг двора занимали худжры студентов и преподавателей. Таковы, например, медресе XI в. в Рее (рис. 64.1) и Харгираде (Hillenbrand, 1994. P. 180-181, 508). Медресе Ходжа Машад XI в. (рис. 64.2) в Таджикистане* и Шахи Машад XII в. в Афганистане (рис. 64.3) при всем сходстве плана имеют некоторые отличия. В Ходжа Машаде по сторонам южного портала расположены два больших купольных помещения, одно из которых является более ранним мавзолеем, а другое – мечетью. Здание имеет другой, северный портал, также обрамленный комнатами с купольными перекрытиями меньших размеров. В них, вероятно, находились аудитории. В медресе Шахи Машад четыре помещения с куполами расположены по углам здания, а еще два – по сторонам главного вестибюля (Хмельницкий, 1996. С. 261-273; Он же, 2001).

В Сирии медресе строятся с начала XII в. Здесь господствует местный тип, представленный такими памятниками, как медресе Нур ал-Дин и Адиллия в Дамаске (рис. 65.1,3). Ось здания с прямоугольным двором в них подчеркнута двумя небольшими, но глубоким айванами, в то время как боковые стороны асимметричны: с южной стороны расположен вытянутый зал мечети, а напротив нее большой айван с плоским перекрытием (Ettinghausen, Grabar, 1987, P. 304-306.). Египетские медресе Калауна (XII в.) и Насирия (нач. XIV) в. также имеют одну ось симметрии. Напротив входного айвана в них расположена мечеть базиличного плана, а по бокам двора – худжры. Знаменитая мечеть-медресе Хасана XIV в. возведена под явным влиянием иранского зодчества (рис. 64.4). Это классическая четырехайванная постройка. Самый большой айван служит мечетью, а по углам здания расположены медресе четырех толков ислама, каждое с собственным двором и кельями в четыре этажа (Hillenbrand, 1994. P.192-196, 512-513).

В Малой Азии известны различные типы планировки подобных заведений (рис. 67, 68). Так, медресе Сырчалы в Конье, Гёк-медресе в Токате и медресе мечети Хунад Хатун в Кайсери XIII в. имеют два айвана, один из которых является входным, а другой исполняет функции мечети. В некоторых постройках внутренний двор перекрыт куполом. К ним относятся медресе Бююк Каратай и Индже Минаре в Конье XIII в. (рис. 67.1,5) В областях, связанных с Ираном, господствует четырехайванная планировка: ряд худжр, опоясывающих внутренний двор, прерывается в середине айванами, которые имеют обычно сводчатое перекрытие. Перед худжрами расположены аркады на прямоугольных пилонах или колоннах круглого сечения, а в центре двора – фонтан (рис. 67.2-4,6). Такова в общих чертах планировка Чифте Минаре в Эрзеруме, Гёк-медресе и медресе Музаффара Бюрюджие в Сивасе XIII в. (Hillenbrand, 1994. P. 206-215, 515-517; Ettinghausen, Grabar, 1987. P. 314-323; Stierlin, 1998. P. 32-51).

---

* Н.Б. Немцева считает, что Ходжа Машад представляет собой комплекс мавзолея и ханака (Немцева, 1983. С. 158-164). Учитывая тот факт, что постройка расположена вдалеке от городов, ее, скорее, можно считать рибатом.

Еще одна категория зданий, связанных с мусульманской религией, – это рибаты, ханака, завия и текия. Все эти учреждения служили нуждам многочисленных дервишских орденов, которые получили в средние века огромное распространение. Рибаты, как обители «воинов, стоящих на пути Аллаха» появляются в период арабских завоеваний в первые века ислама. Это были укрепленные сооружения, в которых жили воины-аскеты, посвятившие себя делу защиты и расширения границ ислама. Архитектурный облик этих сооружений связан с их военно-религиозным характером. Они были окружены глухими крепостными стенами с башнями, обходными галереями, площадками для боя и единственным входом на центральной оси. Внутри к стенам по периметру пристраивались выходящие во внутренний двор помещения в 2-3 этажа. В рибатах имелась мечеть, служившая местом общих собраний, наблюдательная башня-минарет, источник питьевой воды. К XI в. военное назначение рибатов утрачивает свою актуальность, и во многих областях они превращаются в укрепленные сельские постоялые дворы, то есть в караван-сараи или рабаты (Стародуб, 2004. С. 89-94).

В отличие от рибатов, ханака, общежития для дервишей строились в городах и не имели оборонительных функций (Стародуб, 2004. С. 95). Возникновение их связано с распространением суфизма – мистического течения в исламе. Суфизм, возникший уже в VII в., сначала считался еретическим отклонением от ислама, но уже в XI в. был официально признан. Дервишские ордена суфиев имели строгую иерархическую организацию, во главе которой стоял шейх (пир), обладающий неограниченной властью. Члены общины суфиев жили в специально отведенных зданиях и совершали совместные обряды и мистические радения. Поэтому композиционным центром в большинстве ханака является большой купольный зал для коллективных ритуалов. Вокруг него группируются молельни, жилище основателя, худжры членов общины, кухня, кладовые. В больших ханака часть помещений может быть сгруппирована вокруг частично или полностью перекрытого двора (Стародуб, 1989. С. 272; 2004. С. 95-98). В отличие от ортодоксального ислама, для суфизма характерен культ святых могил, поэтому ханака обычно строятся при гробницах, в которых похоронены почитаемые члены суфийского ордена. Часто жилище основателя ханака превращается в гробницу после его смерти.

Кроме зданий, где дервиши проживали постоянно, существовали странноприимные дома для странствующих дервишей и паломников, совершающих хадж – завия. В завии паломники могли получить бесплатный кров и пропитание. Это менее масштабные здания. В состав их помещений входил зал для молитв и радений, несколько хозяйственных комнат и худжр (Стародуб, 1989. С. 273-274). Часто завии выполняли роль гостиниц для путешественников. Арабский путешественник Ибн Баттута подробно описывает завии разных стран, в которых он останавливался во время своих многолетних путешествий (Ибрагимов, 1988; Очерки…, 2002. С. 246-249).

Термин текия (текке) появляется несколько позже, в XIII-XIV вв. Текия строились как большие благотворительные комплексы, выполнявшие различные функции. В их состав входили отдельно стоящая мечеть, минарет, общественная столовая с кухней, жилые помещения для шейха и его семьи, купольная галерея с худжрами для паломников, общественные источники, сады, водоемы, мазары и кладбище. В архитектурном плане текия представляли собой не замкнутые вокруг двора или зала здания, а развернутые по продольной оси садово-парковые ансамбли (Стародуб, 1989. С. 276-277).

Функции этих учреждений не были четко разграничены, поэтому все три названия могут применяться к одним и тем же зданиям. Термины ханака и рибат употреблялись на всем Востоке, текке или текия – в Малой Азии, а завия – преимущественно в Магрибе. Существовали и другие местные названия (Hillenbrand, 1994. P. 219).

Строительство ханака, завий и текия считалось богоугодным делом, поэтому многие из этих заведений, наряду с мечетями и медресе, были построены по повелению верховных правителей или их наместников. Например, после землетрясения 1167 г. в Халебе Нураддин восстановил городскую стену и цитадель, заново выстроил соборную мечеть и соорудил

возле цитадели несколько ханака, причем одно из этих заведений предназначалось для женщин (Большаков, 1984. С. 116.). Здания ханака и текия часто внешне напоминали богато украшенные дворцы с множеством помещений для постоянных и временных жильцов (Hillenbrand, 1994. P. 220). Они строились не только в городах, но и вдоль пустынных дорог во всех мусульманских странах. По сведениям Истахри, в Средней Азии в домонгольское время насчитывалось 10000 таких заведений (Маньковская, 1980. С. 126). Несомненно, это число сильно преувеличено, как это часто бывает в описаниях восточных авторов, тем не менее, оно четко указывает на значительное распространение странноприимных домов, здания которых почти не сохранились до нашего времени.

Немногие постройки Ирана, Сирии и Египта, приведенные в книге Р. Хилленбранта, представляют собой постройки дворового плана, напоминающие медресе. Вокруг двора расположены жилые помещения, а к стене, обращенной на Мекку, пристроено большое помещение для совместных ритуалов и молений. В здании также может находиться гробница, дополнительная мечеть, баня-хаммам и кухня (Hillenbrand, 1994. P. 220-221, 510, 512). Зачастую эти постройки совмещали функции ханака и медресе (Стародуб, 2004. С. 95-98). Средневосточные ханака периода ильханов (1256-1353 г.) имели двор, перекрытый куполом (Стародуб, 2004. С. 98).

В Анатолии ханака не имеют открытого двора, они асимметричны: с одной стороны здания расположены жилые комнаты, с другой – большой зал, который имеет сводчатое перекрытие (Hillenbrand, 1994. P. 220-221, 510, 512).

Ханака Средней Азии домонгольского периода – это компактные постройки квадратной или прямоугольной формы с центральным купольным залом и худжрами в углах здания (рис. 69.1-2). С.Г. Хмельницкий считает, что в Средней Азии ни в домонгольское время, ни позднее ханака дворового плана не было (Хмельницкий, 1996. С. 277-278). Л.Ю. Маньковская придерживается противоположной точки зрения, правда в качестве примера приводит здания XVIII-XIX вв. (Маньковская, 1980. С. 131-134).

Известным памятником азербайджанского зодчества является ханега (ханака) на р. Пирсагат, построенная в XII-XIV вв. (рис. 69.3). Комплекс сооружений, сгруппированных вокруг открытого двора, окружают крепостные стены с круглыми башнями, расположенными по углам и по периметру. Вдоль одной из стен расположена мечеть со стрельчатым сводом. К ней пристроен минарет и усыпальница Пир-Хусейна Реванан. К остальным трем стенам пристроены помещения различного назначения, одно из которых считается караван-сараем (Бретаницкий, 1966. С. 92-96). По свидетельству Вассафа, в 1318 г. во время войны с ильханом Абу Са‘идом ханега была разграблена воинами Узбека, которые забрали 30 тыс. баранов, 20 тыс. коров и ослов и обратили в рабство многих людей, которые жили на вакфных землях. Узбек совершил паломничество к могиле Пир-Хуссейна и, выслушав жалобы населения на самоуправство войска, принял строгие меры. Имущество дервишей было возвращено, а пленники освобождены (Ашурбейли, 1985. С. 34; Буниятов, 1985. С. 64-65).

Сведения письменных источников о медресе и ханака в Золотой Орде

В Золотой Орде, как и в других государствах, где значительная часть населения исповедовала ислам, наряду с мечетями строились медресе и ханака. Тем не менее, письменных сведений о них почти не сохранилось. Согласно агиографической традиции, первым ханом Золотой Орды, принявшим ислам, был Берке (1257-1266). Джузджани сообщает, что уже при рождении его отец (Джучи) сказал: «Этого сына я делаю мусульманином, добудьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином». Впоследствии он обучался Корану в Ходженте (Тизенгаузен, 1941. С. 16). По сведениям Ибн-Халдуна, Берке принял ислам в Бухаре от ученика среднеазиатского суфийского шейха Надж-ад-Дин Кубра

Сейф ад-Дина ал-Бахарзи (Тизенгаузен, 1884. С. 379). Вероятно, со временем правления Берке, который был «в делах мусульманства… чрезвычайно тверд и усерден» (Тизенгаузен, 1941. С. 17), связано строительство зданий мечетей в Золотой Орде. По крайней мере, известно, что первая квартальная мечеть в Солхате появляется в 1263 г. (Крамаровский, 2009. С. 399). Можно предположить, что тогда же появляются и другие заведения благочестия. Другой хан-мусульманин, Туда-Менгу (1280-1287) оказывал активное покровительство распространению суфизма и так увлекся его мистической стороной, что подданные сочли его безумным (Тизенгаузен, 1884. С. 280, 360, 369, 371).

Прочные позиции занял ислам в Золотой Орде во время правления Узбека (1312-1342). Ряд исследователей считает, что при Узбеке ислам стал государственной религией (Васильев, 2007. С. 8; Измайлов, 2004. С. 99-100). Это утверждение основывается на многочисленных свидетельствах восточных авторов. Например, в «Анониме Искендера» об Узбеке сообщается, что «в его правление Дешт-и-Кипчак, который всегда был обиталищем неверия и ереси и местопребыванием смуты и нечестия, стал страной поклонения (аллаху), и там были основаны благотворительные учреждения и места поклонения» (Тизенгаузен, 1941. С. 128). Вместе с тем, существует ряд фактов, которые свидетельствуют о том, что мусульманизация правящей элиты Золотой Орды, и в том числе самого Узбека, была достаточно внешней (Юрченко, 2009).

Если же рассматривать все население государства, то приверженцами ислама преимущественно были жители городов, а в степи продолжали бытовать языческие верования. В частности, это хорошо видно на материалах погребального обряда (Васильев, 2007; 2009). Тем не менее, именно в первой четверти XIV в. ислам, по удачному выражению М.Г. Крамаровского, приобрел характер общекультурной доминанты, во многом определившей сущность Золотой Орды (Крамаровский, 2009. С. 407). Религиозную политику Узбека продолжил его сын Джанибек (1343-1357), который, согласно «Анониму Искендера», «Все свое внимание… обратил на благополучие людей ислама. Весь улус Узбека он обратил в ислам, разрушил все капища идолов, воздвиг и устроил много мечетей и медресе» (Тизенгаузен, 1941. С. 128).

Достаточно кратки и отрывочны сведения о других учреждениях, связанных с мусульманской религией. Известно, что благочестивый Узбек каждую пятницу посещал ханаку шейха Номан ад-дина ал-Хорезми в Сарае (Тизенгаузен, 1884. С. 307). Ибн Баттута описывает рибат «благочестивого, религиозного, престарелого шейха Мухаммеда Эль-батаихи, [родом] из Батаиха Иракского» в Маджаре, в котором проживали «70 факыров арабских, персидских, тюркских и румских, женатых и холостых» (Тизенгаузен, 1941. С. 287). Он же упоминает две завии при гробницах праведников – имамов и шейхов в Хорезме. Одна из них была построена Тюрабек Ханум, женой золотоордынского наместника Кутлуг-Тимура. В Хорезме Ибн Баттута посетил также два медресе – в Ургенче, построенное Кутлуг-Тимуром, и совсем новое, еще не действующее медресе в селении Замахшар (Тизенгаузен, 1941. С. 308-309).

Археологические данные

Основные данные о различных сторонах городской жизни в Золотой Орде, в том числе о религиозных учреждениях и культовых постройках, получены в результате археологических раскопок. В настоящее время исследовано около пятнадцати мечетей во всех регионах государства. Тем не менее, несмотря на значительную степень изученности золотоордынских городов, духовные школы и странноприимные дома в них археологически почти не выявлены.

Единственное здание, которое может быть однозначно атрибутировано – это медресе Узбека в Солхате. По мнению М.Г. Крамаровского, именно об этой постройке упоминает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби как о медресе, основанном женой правителя Солхата Инджибек-хатун (Крамаровский, 2005. С. 113; Григорьев, 1974. С. 27). На утраченной в настоящее время надписи имелась дата основания духовной школы – 1332-1333 гг.

Прекрасно сохранившийся памятник давно поражал воображение путешественников и привлекал внимание любителей древностей и исследователей (рис. 70, 71). В 20-е гг. XX в. была создана экспедиция, целью которой было изучение татарских древностей в Крыму. В нее вошли И.Н. Бороздин, П.И. Голландский, А.С. Башкиров, Б.Н. Засыпкин, У.А. Боданинский, О. Акчокраклы. Одним из объектов, исследованию которого были посвящены работы экспедиции, была «мечеть-медресе Узбека». Результаты раскопок этого памятника были опубликованы в серии статей в журналах «Крым» и «Новый Восток» (Башкиров, 1926; 1927; Бороздин, 1926; 1927). Краткое описание «мечети-медресе Узбека» приводит А.Л. Якобсон (Якобсон, 1964а. С. 106-108). В 1978-83 гг. исследования мечети и медресе в Солхате проводила экспедиция Отдела Востока Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского. Эти исследования доказали, что сначала, в первой трети XIV в., было построено медресе, а уже потом, в конце XV в., к нему было пристроено здание мечети (Крамаровский, 1990. С. 127). Раскопки охватили всю площадь постройки, что позволило уточнить планировку несохранившихся помещений и выявить многие детали. Основные результаты раскопок в настоящее время опубликованы автором (Крамаровский, 2005. С. 113-116), поэтому имеет смысл дать лишь краткое описание этого объекта.

Медресе представляет собой почти квадратное здание (со стороной около 28 м), ориентированное по сторонам света (рис. 70.1). Стены сложены панцирной кладкой, со стороны помещений оштукатурены. Восточная стена являлась портальной. В нижней части она была оформлена резным фризом, от которого сохранилась горизонтальная профилировка. В центре стены располагался портал шириной 7, 0 м и длиной 7, 6 м. В настоящее время от него сохранились только основания платформ под пилоны, а в 20-е годы XX в. была раскопана нижняя часть самих пилонов. Внешний облик портала восстанавливается по рисунку М.М. Иванова (рис. 70.2), сделанному в XVIII в. (Якобсон, 1964. Табл. XXVI). Монументальные пилоны портала поддерживали остроугольную, сильно вытянутую многолепестковую стрельчатую арку, образованную срезом сталактитового конха. Сами пилоны расчленены с лицевой стороны и боков перекрещивающимися тягами. Полосы между тягами украшены рельефными умбонами. Внутренние углы портальной ниши оформлены полуколонками с высокими резными капителями. Одна такая капитель была найдена экспедицией И.Н. Бороздина (Бороздин, 1926. С. 301). В боковых стенах портального углубления были сделаны небольшие ниши такой же формы со сталактитовыми полукуполами. Над ними находились панели с арабскими надписями. Портал медресе выполнен в тех же художественных традициях, что и портал пристроенной к нему мечети (Крамаровский, 2005. С. 114, 115).

Площадь перед порталом была вымощена плоскими плитами из песчаника. Внутрь медресе вели ступени, сложенные из хорошо отесанных квадров. За дверным проемом находился восточный айван и далее – закрытый внутренний двор, окруженный со всех сторон помещениями различного назначения. Площадь двора – 240 кв. м. Двор был вымощен хорошо обработанными плитами прямоугольной формы, в центре его находился фонтан, к которому подведен водопровод. По периметру двора была сделана колоннада, от которой сохранились базы колонн двух видов: кубической формы и в виде куба, переходящего в восьмигранник путем скосов, орнаментированных резными пальметками. Колонны соединялись между собой и с пилонами помещений арочными пролетами, образуя галерею. Ее колонны с массивными двухъярусными капителями изображены на рисунке М.М. Иванова (Башкиров, 1927. С. 127).

Напротив входа находился западный айван (пом. 15), размерами 7,0 х 5,0 м. Северная и южная стены его выступают к востоку относительно стен соседних с ним помещений, образуя пилоны, как бы повторяющие оформление портала. С юга и севера к западному айвану примыкали квадратные в плане комнаты, размеры которых составляли 5,0 х 5,0 м. По мнению М.Г. Крамаровского, эти значительные по площади помещения были предназначены для занятий учащихся в зимнее время (Крамаровский, 2005. С. 113).

С юга и севера аудитории отделены от других комнат узкими коридорами. Вдоль северной и южной сторон двора, начиная с запада, располагается по пять небольших помещений –

худжр (пом. 8-12 и 18-22). Площадь их колебалась от 5,5 до 8, 1 кв. м. В две западные комнаты в северном и южном блоках можно попасть через узкие коридоры, а в остальные – прямо со двора. Пол в худжрах приподнят над уровнем двора, а перед дверьми сделаны ступени. Некоторые комнаты имели в стенах ниши для книг и письменных принадлежностей. Ряды худжр прерываются обширными айванами (пом. 7 и 23), расположенными друг против друга и открытых во двор. Размеры их – 6,0 х 6,0 м. Айваны имели высоту до 7,0 м и были перекрыты сводами. В потолках этих помещений сохранились железные кольца, на которые на цепях привешивались стеклянные лампы. По мнению М.Г. Крамаровского, эти помещения предназначались для проведения занятий в летнее время. Южный айван, который имеет в стене большую нишу, мог использоваться в качестве мечети (Крамаровский, 2005. С. 113).

Северный и южный айваны также отделены от комнат, примыкающих к восточной стене коридорами. В юго-восточном секторе расположены четыре небольшие комнаты (пом. 2-4), аналогичные остальным худжрам. Помещения в северо-восточной части (пом. 24, 25) имели несколько большие размеры и, возможно, предназначались для проживания преподавателей.

Медресе Солхата представляет редкий по своей сохранности комплекс, который дает возможность судить не только о планиметрии здания, но и обо всем его объеме, так как перекрытия части помещений сохранились здесь до наших дней. Все четыре айвана были перекрыты монументальными полуциркульными арками из каменных плит. Сводчатое покрытие имели и худжры. Квадратные помещения в западной части здания, по мнению А.С. Башкирова, были увенчаны полусферическими куполами из кирпича (Башкиров, 1927. С. 125).

Экспедицией И.Н. Бороздина было установлено, что помещение 16 было перестроено в дюрбе – мавзолей со склепом в подземной части и двумя мраморными надгробиями – в наземной. Одно из них принадлежит Инджибек-хатун, основательнице медресе, и датируется 1371 г. Дата другого – 1428 г. Пол помещения был выложен бирюзовыми поливными плитками, а в северной части комнаты была сооружена суфа, облицованная кирпичами и изразцами. По описанию И.Н. Бороздина, мраморное надгробие 1371 г. стояло «на пьедестале из дерева и поливных плиток» бирюзового цвета с золотым орнаментом в виде звезд и лилий (Бороздин, 1926. С. 299). В склепе и у входа в мавзолей было обнаружено еще десять погребений в деревянных гробах. Медресе перестает функционировать в начале XV в., о чем свидетельствует состав клада серебряных монет, найденных в одной из худжр, превращенных в сторожку при гробнице (Крамаровский, 2005. С. 132-133).

Там же, в Солхате, в бывшем имении художника Айвазовского находятся развалины мечети, носившей название Куршун-Джами, то есть «Свинцовая» (Башкиров, 1927. С. 125; Засыпкин, 1927. С. 132-134; Крамаровский, 2005. С. 116). Свое название она, вероятно, получила из-за материала, покрывавшего ее купол. Прямоугольное здание (12,5 х 17,7 м) построено из рваного камня на известковом растворе (рис. 32). Вход в мечеть обрамляют пилоны портала. Западная и восточная стены усилены парными контрфорсами. Южная стена имеет один контрфорс, который расположен позади михрабной ниши сильно выдающейся в толщу стены. Михрабная ниша первоначально имела подпрямоугольные очертания, а впоследствии была облицована заново и стала многоугольной (Крамаровский, 2005. С. 116). В северо-восточном углу сохранились остатки основания минарета. Все здание разделено на две неравные части. Квадратное помещение (10,5 х 10,6 м) с михрабом в южной стене было увенчано куполом на парусах в виде парных треугольных выпусков. Прямоугольная (10,5 х 4,5 м) северная комната была перекрыта тремя полукруглыми в сечении сводами (Башкиров, 1927. С. 132). По сведениям Эвлии Челеби, Куршун-Джами первоначально являлась дервишской обителью (текие). Она была сооружена в 1396 г. по повелению Бай Буглы Хатун, внучки Кутлуг Тимура. В 1398 году здание текие было превращено в квартальную мечеть (Григорьев, 1974. С. 27; Крамаровский, 2005. С. 116). Куршун-Джами по своей планировке отличается от других мечетей Золотой Орды, представляющих собой квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад (Зиливинская, 1998. С. 16-38; 2009. С. 343-385). По

своей архитектуре ее компактное купольное здание более всего напоминает раннеосманские мечети, однако ее большой купольный зал мог и служить для радений. Или же эта мечеть не сама являлась пристанищем суфийских дервишей, а входила в состав комплекса текие, в котором могли быть и другие постройки.

Таким образом, в Солхате сохранились и были исследованы различные категории культовых зданий. Гораздо хуже обстоит дело в Нижнем Поволжье и других частях Золотой Орды, где достоверно выявлены только здания мечетей. Лишь на Селитренном городище (Сарай) была раскопана крупная постройка, местоположение и особенности планировки которой позволяют предположить, что она была предназначена для учреждения, связанного с мусульманской религией. Эта постройка находилась через улицу от большой мечети в Сарае, в 5,5 м от ее юго-восточной стены (Федоров-Давыдов и др., 1985; Zilivinskaya, 1997. P. 29-36). Она возникла несколько позже, чем мечеть, но какое-то время сосуществовала с ней.

Северная часть здания была разрушена, поэтому точную форму его и размеры установить невозможно. Исследованная часть имела Г-образную форму (рис. 72). Помещения располагались по двум перпендикулярным осям. По оси СВ-ЮЗ длина его составляла около 20 м, по оси СЗ-ЮВ – 9,7 м. Ширина постройки – 5,25 м. Стены здания были сложены из большеформатного (40 х 20 х 5 см) кирпича на глиняном растворе. Западная южная и восточная стены имели толщину 105 см. Кладка в три слоя – два ложком и между ними один – тычком или наоборот, два тычка и один ложок. Стены, обращенные во двор, и внутренние были 80 см толщиной. Каждый слой их кладки состоял из ряда кирпичей, положенных в тычок и двух рядов – в ложок. Положение рядов в слоях менялось. Юго-западный угол здания укреплен круглой в плане башней-контрфорсом. Она сложена из обожженных кирпичей, целых и обломков и имела радиус 2, 4 м.

В северо-западном крыле здания исследовано пять помещений. Четыре из них (пом. 1, 2, 3, 5) представляли собой обычные жилые комнаты одинаковой площади и стандартной планировки. Размеры их составляют 3,3 х 3,4-3,6 м. В помещения 1 и 2 можно было попасть из двора через скользящие проходы вдоль юго-западных стен. Помещения 3 и 5 соединялись при помощи скользящих проходов с распределительным тамбуром (юго-восточная часть помещения 4), и через него – с улицей. Северо-западная часть помещения 4 была отгорожена невысокой стенкой из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. Возможно, этот небольшой (1,3 х 1, 67 м) закуток использовался как кладовая. В отделяющей его стенке был сделан открытый очажок, сложенный из поставленных на ребро обожженных кирпичей и обращенный устьем к юго-востоку.

Помещения 1, 2 и 3 имели абсолютно одинаковый интерьер, состоящий из суфы, занимавшей северо-западную часть комнаты, кана, сложенного вдоль северо-восточной стены, и очага в восточном углу комнаты. В помещении 5 П-образная суфа занимала юго-западную часть комнаты, а кан был проложен вдоль северо-западной стены. Во всех комнатах в земляном полу были сооружены тошнау, а пол вокруг них был довольно небрежно вымощен обломками обожженных кирпичей. В этих помещениях почти не было бытовых предметов, отсутствовали следы хозяйственной активности. Также в них нет никаких перепланировок и перестроек, столь характерных для жилых домов в Золотой Орде. Этот факт наводит на мысль о казенном характере здания, в комнатах которого жили временные постояльцы, не занимавшиеся хозяйством.

В юго-западном крыле здания располагались три помещения. Помещение 6 имело несколько большие размеры (4,15 х 3,4 м), чем остальные комнаты (рис. 72.2). Вход в него находился посредине северо-восточной стены, в то время как во всех остальных помещениях проходы были скользящими. Точно напротив входного проема в юго-западной стене была сделана прямоугольная ниша шириной 65 см и глубиной 20 см. Она имеет точно такое же направление, как михрабная ниша соседней мечети. Внутри помещение было абсолютно пустым. Нежилой характер помещения и наличие ниши в стене, ориентированной по кыбле, позволяет предположить, что оно использовалось в качестве мечети.

Восточнее находилась еще одна жилая комната, квадратное в плане помещение 7 (3,65 х 3,65 м). Оно является как бы зеркальным отражением помещения 5. Скользящий проход в него сделан вдоль северо-западной стены, кан пристроен к юго-восточной стене, а большая П-образная суфа занимает юго-западную часть комнаты. Но жизнь здесь была гораздо более интенсивной. В комнате сделаны некоторые перестройки, которые должны были способствовать большему комфорту. Небольшой по площади пол вымощен целыми жженными кирпичами, на северо-восточном выступе суфы сооружен дополнительно открытый очаг. А для того, чтобы сквозняк из двери не задувал в нем огонь, на полу перед очагом была сложена стенка-экран, поднимавшаяся выше уровня суфы. Помещение 7 отличалось еще и тем, что оно соединялось с небольшой (3,5 х 1,4 м) комнаткой (пом.8), которая была пристроена позднее. Проход ведет с суфы помещения 7 на суфу помещения 8, что придает последнему несколько интимный характер. Убранство этой комнаты предельно просто: кроме суфы была сделана яма-погребок в полу, а в северо-восточной стене – очаг в виде открытой ниши.

Вдоль северо-восточной стены здания, перед помещениями 5 и 6 находился айван-галерея шириной 1.7 м. От его стенки сохранился желоб с отпечатком горизонтально положенного бревна, ограничивавшего пространство айвана с северо-востока. В некоторых местах желоба были расчищены кирпичи, которые служили опорой для столбов, поддерживавших крышу. С двух сторон от входа в помещение 7 в айване были сделаны хозяйственные клети, служившие, вероятнее всего, для хранения продуктов или какого-то инвентаря.

В этом здании, скорее всего, находилось учреждение, связанное с мусульманской религией. Об этом свидетельствует его близость с соборной мечетью, а также состав помещений, который включает стандартные худжры и небольшую мечеть. Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что в этом здании находился странноприимный дом – ханака (Федоров-Давыдов, 1994. С. 69). Такое предположение вполне правомерно, так как рядом находились не только пятничная мечеть, но и погребения в мавзолеях и без них, которые тоже могли стать предметами поклонения (Федоров-Давыдов, Егоров, 1986. С. 25-31). В этом случае помещения, расположенные в северо-западном крыле здания, являлись комнатами для паломников, а в двухкомнатных апартаментах мог жить смотритель или содержатель этого заведения.

Другое предположение, которое представляется мне более вероятным – постройка представляет собой медресе. Правда Г-образная планировка здания отличается от общепринятой в мусульманском мире, но, скорее всего, оно исследовано не полностью. Раскопки, проведенные к северу от вскрытой части, показали, что культурный слой там сильно нарушен поздними перекопами, территория к востоку не копалась. На аэрофотосъемке городища в этом месте прослеживается возвышение прямоугольной формы с более низкой серединой, так что, возможно, постройка имела характерную форму здания с внутренним двором. В этом случае въезд во двор осуществлялся через проход, идущий вдоль юго-восточной стены помещений 7 и 8, а само помещение 8, выступая из плоскости стены, образовывало своеобразный пилон портала. Жилые комнаты в северо-западном крыле являются худжрами учащихся; занятия могли происходить в помещении 6, которое одновременно являлось мечетью. В помещениях 7 и 8 находилось жилище духовного наставника.

Еще один культовый комплекс был раскопан в Нижнем Поволжье возле поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области (Плахов, 1989). Центром его являлся большой прямоугольный в плане (12,6 х 9,4 м) мавзолей, сложенный из обожженного кирпича (рис. 137). В мавзолее было два помещения – квадратная в плане погребальная комната и узкий прямоугольный тамбур. Постройка относилась, вероятно, к типу фасадных мавзолеев, так как не имела выступающих пилонов портала. В погребальном помещении находились два захоронения, перекрытые двойной мастабой. Погребенные мужчина и женщина лежали в деревянных гробах, которые были поставлены в сводчатые склепы из сырцового кирпича. Оба они имели богатый сопроводительный инвентарь. В мужском погребении находился железный нож с бронзовым перекрестьем, железный шишак, золотые серьги, золотые пластины, остатки кожаных сапог и одежды. Также там был найден золотой динар Мелика аз-Закыр Рукн-ад-

Дина Бейбарса (1260-1277 гг.) чекана Каира. Женщина также была в одеждах из льняной ткани и кожаных сапогах. В области черепа обнаружены остатки берестяной бокки и шесть золотых кружков, вероятно, имитирующих монеты. При ней лежал небольшой железный нож с бронзовым перекрестьем и серебряный дирхем. Эти погребения, которые, благодаря монетному материалу, достоверно датируются 60-70 гг. XIII в., совершены не по мусульманскому обряду.

Пространство возле мавзолея частично было вымощено обожженным кирпичом, а вокруг сооружена сырцовая ограда (рис. 73.1). В северо-западном углу к стенам ограды были пристроены еще две стены, которые образовывали помещение размерами 3,6 х 4,0 м. В южной стене его была сделана прямоугольная в плане михрабная ниша, которая была оштукатурена белым алебастровым раствором. Автор раскопок В.В. Плахов справедливо полагает, что это сооружение представляет собой небольшую мечеть или молельню (мусалла). Попасть в нее можно было как с улицы, так и из двора комплекса, через проходы в северной и восточной стенах. К северо-востоку от ограды располагались однокомнатные жилые постройки с суфами и канами в интерьере. По мнению Ю.А. Павленко, здесь находилась суфийская обитель – завия (Павленко, 2001. С. 76). С этим утверждением не согласен Д.В. Васильев, который отмечает отсутствие каких-либо планировочных признаков святой обители, а также тот факт, что погребенные «никак не могли являть собой образец мусульманской святости». Исследователь считает, что здесь были похоронены представители высшей золотоордынской знати, принявшие мусульманство (Васильев, 2009. С. 17-18). При этом он ошибочно отрицает наличие михраба в угловой постройке и трактует ее как сторожку смотрителя (Васильев, 2009. С. 170).

Несомненно, большой мавзолей с оградой и пристроенной небольшой мечетью представляют собой мусульманский культовый комплекс. То, что здесь погребены не шейхи и муфтии, а светские лица, вероятно, недавно принявшие мусульманство и не придерживающиеся всех его обрядов, не противоречит этому предположению. Скорее всего, комплекс построек вокруг мавзолея с языческими погребениями возник позже, в XIV в., когда ислам завоевал уже достаточно прочные позиции в государстве. Превращение домусульманских мемориальных построек или погребений мирских правителей в религиозные святыни, ставшие на многие века объектом поклонения, отмечается исследователями во всех частях мусульманского мира (Hillenbrand, 1994. P. 260-268). Особого размаха этот процесс достигает с распространением суфизма, в котором культ «святых могил» занимает значительное место. Тем не менее, нет никаких оснований утверждать, что здесь находилась именно завия или ханака. Скорее всего, этот комплекс представляет собой аулья («святое место» от арабского «вали» – «святой»). В отличие от ханака, в которых дервиши проживали постоянно или длительное время, аулья посещались паломниками спорадически, например, в праздники, и на короткое время. В связи с этим, они не имели какой-то определенной структуры и планировки. Обычно это самые простые постройки, в которых жил смотритель или сторож при могиле «святого» и могли останавливаться приехавшие на поклонение. Таковы, например, аулья Каракан-ата и Садуакас-ата (рис. 73.2-4) в окрестностях золотоордынского города Саурана в Кызылординской области Казахстана (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 69-70). В Нижнем Поволжье культ аулья достоверно прослеживается со времени Золотой Орды, причем, как отмечают исследователи, в число «святых мест» зачастую включены доисламские захоронения и памятные места (Сызранов, 2001. С. 110-113; 2007. С. 83-108).

Таким образом, как письменные источники, так и археологические материалы содержат мало данных о религиозных учреждениях в Золотой Орде. Постройки, которые могут считаться медресе и ханака, на ее территории представлены единичными зданиями. Столь малый объем материала не позволяет сделать какие-либо серьезные выводы. Пока можно говорить о том, что, как и в других мусульманских странах, они строились рядом с мечетями. Ханака или завия могли быть при мавзолеях.

Что же касается планировки и строительных традиций, то достоверно можно судить только о медресе Узбека в Солхате. Мнение исследователей о нем единодушно: этот памятник является характерным образцом малоазийского зодчества (Башкиров, 1926; 1927. С.130-132; Засыпкин, 1927. С. 139; Якобсон, 1964. С. 106-108; Крамаровский, 1990. С.127; 2005. С.113-114). Об этом свидетельствуют техника каменного строительства, планировка, архитектурные формы и декор. Открытые айваны с полуциркульными сводами, опоясанные галереей с аркадами на колоннах, фонтан в центре двора – все это напоминает памятники четырехайванной планировки в Малой Азии, такие как Гёк-медресе в Сивасе XIII в., Чифте Минаре в Эрзеруме XIII в. и Таш-медресе в Акшехире (Benset, 1973. P. 33, 35; Hillenbrand, 1994. P. 515; Stierlin, 1998. P. 46). Наиболее близки ему по планировке медресе Бюрюджийе в Сивасе XIII в. (рис. 67.4,6) и Ибрагим-бея в Аксарае (Sarre, 1986. S. 84; Stierlin, 1998. P. 46). Отличительной чертой медресе Узбека является смещение северного и южного айванов относительно центральной оси здания при сохранении общего принципа четырехайванной планировки.

Судя по рисункам, малоазийский облик имел и главный портал медресе (Крамаровский, 2005. С.114-115). Его резные панели, сталактитовые конхи, полуколонки с высокими капителями схожи с деталями оформления порталов Йылдыз-хатун медресе в Амасье, Гёк-медресе в Сивасе, Чифте Минаре в Эрзеруме (рис. 68.1,2) караван-сарая Султан-хан под Аксараем (Benset, 1973. P. 80-81; Sarre, 1986. T. XXXI-XXXIII; Stierlin, 1998. P. 43, 45, 64-68).

Здание в Сарае, которое предположительно можно считать медресе, не дает материала для столь же определенных выводов. Прежде всего, трудно судить о его планировке, пока не будет установлено, исследовано оно полностью или частично. Если считать, что оно и в древности имело Г-образную планировку, то это явно какая-то местная модификация. Мне представляется более вероятным, что помещения в этой постройке были сгруппированы вокруг двора, так как в большинстве монументальных зданий Золотой Орды выдерживается принцип симметрии. Это здание построено капитально, из большемерного сырцового кирпича, регулярной кладкой, система которой четко выдерживается. Структура и интерьеры отдельных помещений его либо повторяют друг друга, либо зеркально симметричны. Все это позволяет предположить, здесь присутствует наличие четко разработанного плана, имеющего общую ось симметрии. По технике кладки стен, строительным материалам, размерам и формату сырцов и кирпичей сооружение относится к среднеазиатской (скорее всего, хорезмийской) строительной традиции (Воронина, 1950. С. 3-36). Укрепление углов круглой башней типично для всех стран Востока. В Средней Азии в зданиях подобного типа этот прием известен в медресе Ходжа Машад (XI в.) и Шахи Машад (XII в.), ханаке Таш-рабат (XI в.), но в них угловые башни гораздо миниатюрнее (Хмельницкий, 1996. С. 294, 297).

Определенное сходство постройки Сарая можно наблюдать со зданием медресе, исследованным на городище Сауран в Казахстане, недалеко от г. Туркестана (рис. 74). Само городище возникает в золотоордынское время, в XIV в., но здание медресе было возведено во второй половине XV в., возможно, начале XVI в. (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 84, 90). Медресе Саурана представляло собой прямоугольную в плане (31,5 х 28 м) двухайванную постройку дворового плана (Байпаков, Акылбек 2008. С.59-69; Байпаков и др., 2008. С. 281-283). Вход находился с западной стороны и был оформлен порталом с двумя минаретами круглого сечения. За входом располагался вестибюль, к которому с двух сторон примыкали восьмигранные в плане помещения. Они имели выходы во двор и соединялись с угловыми комнатами значительного размера, которые, вероятнее всего, служили аудиториями. Напротив входной части, через двор, был сделан большой айван, который также мог использоваться для занятий. Двор окружали шестнадцать жилых комнат-худжр. Во всех комнатах перед входами находились углубленные площадки с тошнау. Отапливались помещения открытыми очагами-сандалами и печками, от которых отходили каны. Худжры северного и южного крыла

соединялись с двором через открытые айваны, в которых были сделаны суфы. Из угловых комнат восточного крыла во двор можно было попасть через тамбурные помещения 11 и 22. В помещении 11 северная часть, примыкающая к внешней стене, отгорожена стенкой из кирпичей, поставленных на ребро. То есть здесь сделан точно такой же хозяйственный закуток, как в тамбурном помещении 4 на Селитренном городище. Также практически идентичны в этих зданиях открытые очажки из поставленных на ребро кирпичей, то есть сандалы.

Трактовка селитренской постройки как ханака представляется менее вероятной. Ханака в сопредельных с Золотой Ордой странах являли собой компактные постройки с большим залом в центре и худжрами, расположенными в углах. Такое здание (рис. 74.1) было раскопано в Казахстане, на городище Антоновка, которое отождествляется с джагатайским городом Каялыком (Байпаков, Воякин, 2007. С. 85-86, 164-165). Ханака в Каялыке была построена при мавзолее. Материалы этого памятника особенно показательны, так как остальные монументальные сооружения на нем – мечеть, баня, мавзолеи – по планировке очень близки соответствующим постройкам в Золотой Орде. Еще одна загородная усадьба-ханака исследована в окрестностях Саурана (Байпаков, Смагулов, 2005. С. 93-95). За входным айваном, в центре здания находился большой, квадратный в плане, купольный зал с четырьмя большими нишами по сторонам (рис. 74.2-4). Через проходы в нишах он соединялся с остальными помещениями жилого и хозяйственного назначения, среди которых выделяется просторная кухня, рассчитанная на обслуживание значительного количества людей.

И, наконец, в качестве классического примера ханака южных территорий, входивших в состав Золотой Орды, следует упомянуть грандиозный комплекс Ходжа Ахмета Ясави в Туркестане, который считается вторым после Мекки и Медины священным местом мусульман (Массон, 1999; Рыскелдиев, 2003). Начало его строительства относится к концу XIV в., когда Туркестан стал частью державы Тимура, по повелению которого и было заложено здание. После смерти Тимура в 1405 г. строительство прекратилось, и достроена ханака была уже в конце XVI в. Тем не менее, памятник можно рассматривать в ряду аналогичных построек XIV в, так как именно тогда был разработан его общий план; более поздними являются только главный портал и элементы его внешнего оформления. Состав помещений и их взаимное расположение весьма типичны для суфийских обителей Среднего Востока домонгольского и золотоордынского времени. Ханака Ахмета Ясави представляет собой огромное портально-купольное сооружение продольно-осевой структуры (рис. 76). Грандиозный главный портал (1) ведет в большое купольное помещение (2), названное «Казанлык» из-за расположенного в центре гигантского бронзового котла. Зал открывается на запад и восток двумя большими айванами. С восточной стороны к нему примыкает гурхана, усыпальница пира Туркестана Ахмета Ясави (3), и находящийся за ней малый портал (9). В зал выходят также худжры дервишей. В юго-западной части ханаки расположены мечеть (4), библиотека – китапхана (7) и кухня (8). В северо-восточном крыле находятся Большой Аксарай (5) и Малый Аксарай (6) – залы для религиозных собраний и проведения занятий, а также кудукхана, помещение с колодцем, вода которого по преданию имеет целебные свойства. Таким образом, композиционным центром этого сложного архитектурного комплекса также является большой айванный зал, предназначенный для совместных радений членов суфийской общины и паломников.

Поиски аналогий ханака дворового плана уводят либо в отдаленные страны, такие как Иран, Сирия, Египет, Магриб, либо в более поздние времена, например, в XVIII-XIX вв. в Средней Азии. В XIV в. дворовая планировка присутствует в ханеге на р. Пирсагат в Азербайджане, но там нет единого здания: вокруг двора сгруппированы постройки различного назначения и, кстати говоря – разновременные. Кроме того, наличие укреплений и отдаленное от городских центров расположение позволяет предполагать, что ханега несла военно-сторожевые функции, то есть являлась, скорее, рибатом (Стародуб, 2004. С. 99). Поэтому, если предположить, что здание в Сарае имело дворовую планировку, оно, вероятно, являлось медресе.

Функции ханака, как места собраний дервишей, могли выполнять купольные залы крупных золотоордынских мавзолеев, таких как Черная палата в Болгаре, мавзолей № 1 в

Мохши и мавзолеи Наджмеддина Кубра и Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче. Однако, так как эта гипотеза не имеет четких доказательств, эти постройки рассматриваются в главе, посвященной мавзолеям.

Глава 4. Христианские храмы

Возникновение, основные линии развития

Золотую Орду принято воспринимать как мусульманское государство, в то же время современники всегда отмечали веротерпимость монголов. Будучи изначально язычниками или скорее шаманистами, монголы не отдавали предпочтения ни одной из мировых религий. Такая же ситуация наблюдалась и в Улусе Джучи в ранний период. Здесь мирно сосуществовали буддизм, различные ветви христианства (несторианство, православие, католицизм) и ислам. Ханы Золотой Орды до Узбека были приверженцами разных религий: Бату, Менгу-Тимур, Токта исповедовали традиционное тенгрианство, Сартак был христианином, скорее всего, несторианином, Берке, Туда-Менгу – мусульманами. Золотоордынские правители оказывали покровительство православной церкви, и духовенство было полностью освобождено от всех видов дани. В 1261 г., при мусульманине Берке, была учреждена православная епископия. Православная церковь должна была обеспечивать духовные потребности достаточно многочисленного русского населения Золотой Орды, а также влиять на политические отношения с одной стороны между ханской властью и русскими князьями, а с другой стороны – между Ордой и Византией. После провозглашения ислама государственной религией при Узбеке, христианская церковь не утратила своих привилегий.

Достаточно активными были и попытки распространения католичества в Золотой Орде. Они осуществлялись через многочисленных миссионеров, наиболее известными из которых являются Плано Карпини, Гильем Рубрук, Бенедикт Поляк и Юлиан, оставившие интереснейшие записки. В 1315 г. в Сарае было учреждено католическое епископство. Религиозной ситуации в Золотой Орде посвящены многочисленные исследования (Полубояринова, 1978. С. 22-34; Федоров-Давыдов, 1998. С. 28-39; Малов, Малышев, Ракушин, 1998; Белозеров, 2000; История…, 2009. С. 381-383; Крамаровский, 2009 и др.), поэтому не имеет смысла останавливаться на ней подробно.

Как следствие распространения христианства в Золотой Орде в ее городах должны были строиться христианские храмы. На присутствие в золотоордынских городах христианского населения указывают достаточно частые находки крестов и иконок (Полубояринова, 1978). Культовые церковные вещи, такие как фрагменты хоросов, косвенно свидетельствуют о наличии храмовых построек, но сами эти постройки в золотоордынских городах центральной части государства (Дешт-и-Кипчак) пока почти не исследованы. Тем не менее, на территории Золотой Орды, в регионах с традиционно оседлым населением, имеются христианские храмы золотоордынского периода (рис. 77). Эти здания, возведенные для христианского населения Улуса Джучи, также являются неотъемлемой частью его монументальной архитектуры.

Прежде чем перейти к анализу непосредственно храмовых построек в Золотой Орде, необходимо рассмотреть основные архитектурные формы христианских церквей, сложившиеся к XIII-XIV вв.

Христианская религия со времени своего возникновения предполагала наличие помещений, где могли собираться для молитвы члены общины. Во времена гонений на христиан это могли быть простые жилища или подземные катакомбы, скрывавшие верующих от властей. По мнению исследователей, до легализации христианства не существовало установленного типа церковных зданий (ВИА, 1966б. С. 19). После официального принятия христианства в Риме для нужд новой религии стали перестраиваться языческие храмы и массово возводиться новые. Так как христианство было народной религией, объединявшей широкие массы, для собраний молящихся нужны были большие просторные помещения. Этому требованию максимально соответствовал тип зданий в виде базилики, существовавшей в Риме в качестве гражданского общественного сооружения. Раннехристианские базилики представляли собой сильно вытянутые прямоугольные в плане здания, разделенные двумя или

четырьмя рядами колонн, на три иди пять нефов. Все это пространство (наос) было отдано молящимся. Входу мог предшествовать атриум, который впоследствии превратился в притвор (нартекс). В конце, противоположном входу, расположена полукруглая апсида, выступающая за пределы основного объема здания. Перед ней находится главный алтарь. Алтарной части часто предшествует поперечный неф или трансепт, предназначенный для духовенства. Ранние римские церкви были ориентированы алтарной частью на запад, впоследствии была принята восточная ориентировка (ВИА, 1966б. С. 27-29). Базилики (рис. 78.1-4) представляют собой наиболее многочисленную группу культовых христианских зданий в ранний период (ВИА, 1966б. С. 19-37). В дальнейшем базиличная планировка нашла свое развитие в культовой архитектуре Запада, представленной церквями романского и готического стилей.

Наряду с базиликами, которые были не столько культовыми сооружениями, сколько местом собрания верующих, в раннем христианстве существовали ритуальные постройки, связанные с культом памяти мучеников (мартирии) и крещальни (баптистерии). И те, и другие имели центрическую планировку, то есть в плане представляли восьмиугольник или восьмиугольник, вписанный в квадрат. По образу этих зданий строились церкви центрической планировки (ВИА, 1966а. С. 34-36, 73-75; 1966б, С. 33-38: Якобсон, 1985. С. 27-84), наиболее ранними из которых являются церкви Сергия и Вакха в Константинополе (527 г.) и Сан Витале в Равенне (547 г.) (рис. 78.5-6).

Желание соединить эти два типа культовых зданий привело к возникновению храма в виде купольной базилики (ВИА, 1966а. С. 66-72; Якобсон, 1985. С. 8-12), в которой перед алтарем был сделан купол, опирающийся на четыре колонны (рис. 78.7-8).

Наряду с крупными церковными зданиями, предназначенными для больших масс молящихся, уже в раннехристианский период начинают строиться и небольшие церкви, состоящие из прямоугольного наоса и алтарной части в виде апсиды (ВИА, 1966б. С. 23). Этот тип церковных зданий ввиду своей простоты оказался удивительно живучим. Как отмечает О.М. Ионесян, такие храмы «представляют собой наиболее распространенный… массовый образец культового здания на всех территориях христианского мира от Востока до Запада со времени распространения христианства до Позднего Средневековья» (Ионесян, 2013. С. 64). Постройки такого плана в виде поминальных или провинциальных приходских храмов возводились повсеместно (рис. 79.1-7). Такие церкви называют однонефными базиликами, зальными или одноапсидными. Первое определение в принципе неверно, так как базилика – это прямоугольное здание, разделенное на нефы рядами колонн (Шуази, 2008; ВИА, 1966а. С. 11; Якобсон, 1985. С. 148; Герман, Муронец, 2010. С. 32, 168). При отсутствии колонн не может быть ни базилики, ни нефа. Тем не менее, как отмечает О.М. Ионесян, подобная планировка не представляет собой отдельный тип, а равнозначна базилике, лишенной боковых нефов, поэтому может называться однонефной базиликой (Ионесян, 2013. С. 65). Так же как и в настоящих базиликах, центральная часть таких храмов могла перекрываться куполом (рис. 79.8-9), в результате чего возникали постройки типа «купольного зала» (Ионесян, 2013. С. 67).

В IX-X вв. в строительстве христианских храмов происходит изменение традиций. На смену базилике приходит здания крестово-купольного плана. Считается, что это связано и изменением идеологии христианства. Если базилики должны были вмещать как можно больше верующих, абсолютно равных перед богом, то крестово-купольный храм предназначен для избранных, и пространство его разделено на различные зоны (ВИА, 1966б. С. 70). Крестово-купольная система сложилась на основе необходимости подразделить интерьер на центральную часть, в середине которой помещался амвон, и на окружающее эту центральную часть пространство, вмещающее присутствующих на некотором от него расстоянии. Соответственно изменилась и литургия. Основной акцент был сделан не на алтарную часть, а на подкупольное пространство, в котором находился амвон и происходила служба.

Крестово-купольные здания разделяются на множество вариантов, но основа у них одна: стены основной части здания представляют собой квадрат, внутри которого стоят четыре опоры, делящие здание на девять ячеек. Самая большая, средняя, перекрывается куполом на

высоком барабане. Остальные части перекрыты сводами различного строения (рис. 79. 10-12). Такая система позволяет, не уменьшая размеров и интерьера здания, перекрывать его куполами и сводами небольшого диаметра.

Классическая крестово-купольная композиция возникла из зданий с вписанным крестом, в котором барабан с куполом поддерживают массивные устои стен крестовой части. Превращение устоев в опорные столбы привело к возникновению формы свободного креста, которая стала господствующей с X в. Простой вариант, когда все ветви креста имеют одинаковые размеры, принят в греко-восточном зодчестве – в Малой Азии, Греции, Болгарии, затем – Руси. Для столичной византийской школы характерен сложный вариант, при котором восточная ветвь креста с алтарем удлинена (ВИА, 1966а. С. 80-81 Якобсон, 1950. С. 229-230; 1964. С. 71).

Если рассматривать христианскую архитектуру в целом, то можно отметить, что для католического Запада характерно развитие различных типов и вариантов базилики. В восточном христианстве преобладающим типом становится крестово-купольное здание.

Таким образом, в христианском культовом строительстве можно выделить четыре основных направления. Это трехнефные или пятинефные базилики, связанные с ними зальные (однонефные) постройки, центрические здания и сооружения крестово-купольной планировки. Все остальное многообразие типов христианских храмов возникло на их основе в процессе дальнейшего развития планировочных и конструктивных решений, а также в результате комбинаций принципов планировки различных направлений.

Обзор по регионам Золотой Орды

Среднее и Нижнее Поволжье.

После образования Сарайской епархии в 1261 г. на территории Золотой Орды должна была быть построена постоянная резиденция епископа. Скорее всего, она находилась в столицах, Сарае, а потом Новом Сарае. М.Д. Полубояринова отмечает, что во всех русских летописях говорится о назначении епископа «в Сарай», а не «в Орду» (Полубояринова, 1978. С. 28). Следовательно, в обеих столицах должны находиться православные храмы. Подтверждением тому является найденная на Селитренном городище русская бронзовая иконка XIII в. с изображением Иоанна Предтечи, которая могла быть частью напрестольного креста (Полубояринова, 1978. С. 28). При раскопках богатой усадьбы в аристократическом районе Селитренного городища обнаружены фрагменты хороса (Зиливинская, 2008а. С. 165, рис.82).

Православные церкви строились и в других городах Поволжья. В рассказе о гибели князя Михаила Тверского в Орде в 1319 г. говорится о том, что его везли через Маджар в Бездеж, где была церковь и русские священники (ПСРЛ, 1851. С. 186). С городом Бельджаменом (летописным Бездежем) В.Л. Егоров соотносит Водянское городище (Егоров, 1985. С. 109-110). И, хотя данное предположение в настоящее время оспаривается (Волков, 2010. С. 34-35), археологические исследования показали, что русское население города было достаточно многочисленным (Мыськов, 2002). На Водянском городище найдены фрагменты паникадила, используемого для богослужения в храме (Полубояринова, 1978. С. 28; 100-101).

Достаточно многочисленным было христианское население Укека (Кубанкин, 2011; 2012). Возможно, в городе были даже две русские православные общины, проживавшие в разных частях города (Кубанкин, 2012. С. 177). Анализ археологических находок показал, что в состав русского населения входили не только рабы и простые ремесленники, но и богатые купцы и даже представители русской знати, которые могли останавливаться здесь перед поездкой в Орду (Кубанкин, 2012. С. 186). В последние годы на территории Укека ведутся раскопки монументального здания, которое, предположительно, являлось православным храмом (Кубанкин, 2011; 2012. С. 174-175). Здание почти полностью разобрано после пожара, частично сохранился только фундамент из песчаника. Крыша его была покрыта глиняной черепицей, стены украшала фресковая роспись византийской или русской школы рубежа XIII-

XIV вв. В подвале здания хранились различные дорогие вещи: поливные сосуды иранского и византийского производства, резная деревянная посуда и шкатулки, ткани, меха, стеклянные и кашинные бусы, разнообразные съестные припасы и сырье для металлообработки. Церковь возведена в начале 80-х гг. XIII в. К сожалению, планировка этой интереснейшей постройки пока не выявлена.

В 1315 г. в Сарае было учреждено католическое епископство. Согласно источникам, в начале XIV в. в Золотой Орде было 12 францисканских монастырей (Полубояринова, 1978. С. 26). Соответственно в городах, вероятно, строились и католические церкви. Однако в центре Золотой Орды, в Поволжье, католические храмы, также как и православные, пока не изучены.

Единственное церковное здание в Поволжье, которое было исследовано полностью, находится на Болгарском городище. Это так называемая «Греческая палата», традиционно считающаяся армянской церковью. Здание было исследовано Куйбышевской археологической экспедицией и опубликовано А.П. Смирновым (Смирнов, 1958. С. 330-359). Греческая палата являлась центром армянской колонии Болгара, которая проживала с западной стороны от города, сразу за городским валом. Уже в первом описании городища дьяком Михайловым в 1712 г. постройка определяется как христианская церковь. Такого же мнения придерживалось и большинство более поздних исследователей. Вокруг нее находилось кладбище с каменными надгробиями, на которых были сделаны надписи на армянском языке. Дальнейшие раскопки показали, что кладбище было христианским и большинство погребенных на нем относилось к арменоидному антропологическому типу (Смирнов, 1958. С. 343-349).

Ко времени раскопок от здания сохранился фундамент и фрагментарно – нижняя часть стен. Постройка была прямоугольной в плане, точно ориентированной по оси В-З (рис. 80.1). Внешние размеры ее 16, 4 х 12,6 м. Фундамент стен здания состоял из блоков известняка и песчаника, уложенных без связующего раствора в траншеи шириной 2,2 м. Стены толщиной около 2 м сложены панцирной кладкой. Внешняя сторона состояла из хорошо подогнанных отполированных плит туфа, внутренняя – сложена из грубо отесанных каменных блоков. Пространство между ними заложено полубутом. Вход в здание, вероятнее всего, находился с западной стороны. Внутреннее пространство имело размеры 12,4 х 8,3 м, и было разделено на три примерно равные части двумя парами пилястр. Ширина пилястр 0,6 м, из стены они выступают на 0,3 м. Пол был выложен каменными плитами, но ко времени раскопок непотревоженные участки вымостки не сохранились. Под полом находилось несколько погребений. Время постройки Греческой палаты датируется XIV в.

Здание не имеет выступающей апсиды, никаких следов ее внутри помещения также не заметно. А.П. Смирнов объясняет это тем, что храм, скорее всего, был двухэтажным, и раскопанная часть представляет собой крипту (Смирнов, 1958. С. 341-342). Основанием к тому исследователь считает небрежность внутренней отделки стен. По его мнению, помещение было перекрыто сводом на подпружных арках, опирающихся на пилястры и поддерживающих пол второго этажа. Сам молитвенный зал находился на втором этаже. Исследователь совершенно справедливо отмечает, что строительная техника, примененная в Греческой палате, в частности облицовка наружной поверхности стены каменными плитами, характерна для армянского зодчества (Смирнов, 1958. С. 341), поэтому аналогии болгарской постройке следует искать среди памятников Армении. В качестве таковых А.П. Смирнов приводит двухъярусные церкви-усыпальницы XIII-XIV вв., такие как церковь Богородицы в Егварде, церковь в Каптаваи, колокольня монастыря в Нор-Гетик и церковь Богородицы в монастыре Нораванк (рис. 80. 2-3).

В Армении действительно на рубеже XIII-XIV вв. появляется новый тип церковных зданий, для которых характерна «тенденция к повышению пропорций и стремление придать композиции столпообразность» (Якобсон, 1987. С. 168-170). К этому типу относятся упомянутые армянские церкви. Все они трехъярусные, состоят из нижнего массивного и глухого объема, над которым возвышается легкая крестообразная, богато украшенная снаружи церковь, увенчанная высокой ажурной ротондой. На мой взгляд, нет никаких оснований связывать скромную Греческую палату с этими шедеврами армянского зодчества. Трудно представить,

что небольшая армянская колония, живущая в далекой провинции (относительно Армении) у стен мусульманского города, была в состоянии возвести столь прекрасные постройки. Глухой прямоугольник стен Греческой палаты не несет в себе никаких указаний на наличие второго этажа. Трактовка разрыва в облицовке западной стены как основания внешней консольной лестницы также представляется сомнительной. И уже совершенно непонятно, почему близкими аналогиями к реконструируемому двухъярусному храму А.П. Смирнов считает церкви Крыма, такие как «старый храм в Феодосии XIV в.» (вероятно, церковь Иоанна Предтечи) и церковь монастыря Сурб-Хач в Старом Крыму (Смирнов, 1958. С. 342). Оба этих храма крестово-купольной планировки одноэтажны и имеют хорошо выраженную апсиду.

В настоящее время гипотеза о том, что найденные остатки Греческой палаты являются стенами первого этажа (усыпальницы), не может быть доказана (впрочем, как и опровергнута). Она лишь пытается объяснить отсутствие в христианском храме алтарной части в виде апсиды. Можно попытаться дать другое объяснение этому факту. Греческая палата представляла собой не роскошный многоярусный храм, а скромную приходскую церковь небольшой армянской колонии, живущей вдалеке от родины. Внутри она представляла собой зал, перекрытый сводом на подпружных арках. Небольшие размеры пилястр или, скорее, лопаток исключают наличие купола. Снаружи свод, скорее всего, был покрыт двускатной крышей, как в большинстве зальных церквей Крыма. В самой Армении в высокогорных труднодоступных селениях строились небольшие зальные церкви, также часто лишенные апсиды (Ионесян, 2013. С. 76). Перекрытые грубо сложенными цилиндрическими сводами, они могли иметь плоскую кровлю и, по мнению А.Л. Якобсона, внешне мало отличались от крестьянских домов (Якобсон, 1983. С. 49-51). Правда, эти церкви по времени значительно более ранние: они датируются V-VII вв. и принадлежат несторианским общинам.

По своему плану Греческая палата также близка небольшим провинциальным храмам Кавказа, которые представляют собой зальные постройки с прямоугольной внутри и снаружи алтарной частью (тип.IV.1.С по Д.В. Белецкому и А.Ю. Виноградову) (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 272-274). Такую планировку, то есть отсутствие выраженной алтарной части, исследователи объясняют отрывом изолированных горских общин от религиозных центров. Генетически Греческая палата никак не связана с этими северокавказскими постройками, но здесь возможен тот же процесс: удаленность от религиозного центра диктовала предельное упрощение интерьера храма.

Западные районы

Территорией Золотой Орды, на которой христианство имело наиболее длительные традиции, являлся Крымский полуостров. На протяжении многих веков Крым полностью или частично находился в сфере влияния сначала Римской империи, а затем – Византии. Первые христианские миссионеры появляются в Крыму при императоре Диоклетиане в самом начале IV в., а в 325 г. здесь была создана особая Херсонская епархия. В IV в. возникает христианская община на Боспоре, где проживали потомки пленных христиан, выведенных из Малой Азии во время готских походов (Якобсон, 1964а. С. 12). В V-VI вв. в результате политики пропаганды и насаждения христианства Византией в Крыму начинается массовое строительство храмов в виде базилик. Базилики строились не только в крупных городах, но и в поселениях. Остатки их обнаружены в Доросе, Эски-Кермене, на Чуфут-Кале, в Партенитах, Тиритаке. Крупным политическим и религиозным центром того времени был Херсонес, на территории которого открыто десять базилик V-VI вв. (Якобсон, 1959. С. 152-297). Исследователи подчеркивают однотипность этих построек, которая должна свидетельствовать о том, что строительство их осуществлялось по указанию и под руководством центральной власти (Якобсон, 1959. С. 30). Кроме базилик, в Херсонесе строились крестообразные поминальные храмы и центрические крещальни (баптистерии). А.Л. Якобсон подчеркивает, что в архитектурном плане все эти храмы не находят прямых аналогий в центре Византийской империи, то есть в Константинополе. Их архитектурные формы почерпнуты на Византийском Востоке, прежде всего, в Малой Азии (Якобсон, 1959. С. 30, 186, 207, 212; 1964а. С. 24).

Религиозно-политический кризис VIII-IX вв. в Византии, известный как иконоборчество, нашел свое отражение и в Крыму. В результате уничтожения монастырей, огромная масса монахов была вынуждена бежать из центральной Византии. Эта эмиграция шла в нескольких направлениях: на юг Италии, в Малую Азию, Сирию, Палестину и Северное Причерноморье, прежде всего, в Крым. Увеличение численности христианского населения привело к возникновению новых епархий. Наряду с уже существовавшими Херсонесской и Боспорской епархиями, появляются Готская и Сугдейская (Якобсон, 1964а. С. 33-34).

В IX-X вв. в строительстве христианских храмов происходит смена традиций: на смену базилике приходит здания крестово-купольного плана. Самым ранним памятником переходного типа является Храм Иоанна Предтечи в Керчи (рис. 79.13), возведенный в VIII в. (Якобсон, 1964а. С. 53).

XI – начало XIII вв. характеризуются в Крыму периодом феодальной раздробленности. Здесь существуют несколько феодальных княжеств. В это время происходит и усиление церковной организации, и Крымские епархии (Кроме Фулльской) превращаются в метрополии, подчиненные непосредственно константинопольскому патриарху. Метрополии соответствуют княжествам. На западе это Херсонесская, к северу от нее – Готская и Фулльская, а на востоке – Сугдейская и Боспорская (Якобсон, 1964а. С. 82).

Вторжение монголов в Восточную Европу и возникновение улуса Джучи в XIII в. мало повлияли на жизнь крымских городов. Формально Крым входил в состав Золотой Орды, но монголы занимали только его степную часть. Города горного Крыма и побережья находились в номинальной зависимости от монголов, и их правители выплачивали монголам дань (Егоров, 1985. С. 29, 46). В XIII в. в Крыму появляются итальянцы. В 60-е гг. генуэзцы основали в Каффе торговую факторию, несколько позже в Солдайе обосновались венецианцы. Победив в шестилетней войне, генуэзцы вытеснили венецианцев из Крыма. В 1365 г. они захватили Солдайю и посадили там свою администрацию, подчиненную Каффе. В XIV в. Крым продолжает считаться одним из улусов Золотой Орды, но фактически здесь существует только один золотоордынский город – Солхат, или Крым. Южный берег занят генуэзскими городами-колониями, подчиняющимися администрации Каффы. В 1380 и 1381 г. между представителями генуэзской и золотоордынской администраций были заключены договоры, по которым территории Южного берега Крыма перешли под власть Генуи. Однако вскоре, в 1385-86 гг., ордынские аристократы попытались вернуть власть над этими территориями. Разразился вооруженный конфликт, названный Солхатской войной, который закончился заключением нового договора, закреплявшего права Генуи (Бочаров, 2004. С. 187). В западной части полуострова также существует автономное княжество Феодоро со столицей на горе Мангуп (Егоров, 1985. С. 56; Мыц, 2009).

Значительную часть населения Крыма в XIII-XIV вв. составляют христиане – греки, армяне и итальянцы. В золотоордынское время здесь продолжают существовать православные митрополии, подчиненные Константинополю. Также возникают церковные и миссионерские католические организации. В 1286-1287 гг. была учреждена Северная Татарская Викария Францисканского ордена, которая делилась на две кустодии (округа). Кустодия Газария включала в себя Крым, Подунавье и Приднепровье. Центром ее являлась Каффа (Малышев, 2006. С. 183). В XI в. Крым начинают заселять армяне. Массовая эмиграция их связана с нашествием сельджуков, а также с захватом страны Византией. Следующие волны миграций приходятся на XIII-XIV вв. В это время Армения страдает от монгольских завоеваний и следующего за ними захвата страны персами и туркменскими племенами. В результате в Крыму возникают многочисленные армянские колонии (Микаэлян, 2004; Якобсон, 1956. С.166-169). Таким образом, в золотоордынское время в Крыму проживали христиане, относящиеся к трем церквям – восточной (православной), западной (католической) и армяно-григорианской. Каждая церковь имела свои храмы, и, хотя эти здания имеют мало отношения к собственно золотоордынской архитектуре, так как построены городах, обладающих достаточной автономией, без них взгляд на культуру Золотой Орды был бы неполон.

Собрать все христианские храмы Крыма золотоордынского периода и проанализировать их архитектурные особенности в рамках данного исследования вряд ли возможно. Тому имеется несколько причин. Прежде всего, этих построек очень много, степень исследованности их различна, далеко не все они подробно опубликованы, публикации разбросаны по различным сборникам, и в настоящее время нет ни одной обобщающей работы по этой теме. Кроме того, у многих памятников часто нет четких датировок; различные исследователи по-разному оценивают время их возведения, что также усложняет задачу. Тем не менее, даже такой неполный обзор может дать представление о тенденциях развития христианского культового зодчества Крыма времени Золотой Орды.

В золотоордынское время большее значение приобретают города юго-восточного Крыма. Тем не менее, строительство, в том числе и культовых зданий, продолжается и в Херсонесе. Здесь исследовано четыре церкви, которые можно датировать концом XIII в. (Якобсон, 1950а. С. 237-248; 1964а. С. 96-98). Две из них имели крестово-купольную композицию со свободно стоящими устоями. Храм № 21 (рис. 81.1) имел размеры 11,4 х 6,5 м. В западной части находился узкий нартекс, который был отделен от наоса стенками и соединялся с ним узким проходом. К центральному квадрату здания примыкают три граненые абсиды. Соединение с центральной абсидой оформлено в виде трех уступов, переходивших выше в перспективно сокращающиеся арки. Купол опирался на четыре крещатых столба. Стены центральной части имеют не только внутренние членения (опорные пилоны напротив столбов), но и внешние – пилястры трехступенчатого профиля. Таким образом, создается система архитектурного скелета, состоящая из 16 опорных столбов сложного профиля, поддерживающих купол и сводчатые перекрытия. Пространство между столбами во внешних стенах заполнено стенками небольшой толщины. Такая конструкция стен в сочетании с гранеными абсидами и ступенчатым переходом к ним, по мнению А.Л. Якобсона, характерна для столичной константинопольской школы и зодчества Болгарии и Сербии XIII-XIV вв., но не встречается в греческих провинциях (Якобсон, 1950а. С. 238; 1964а. С. 97).

Аналогичную структуру имела церковь № 6 в Херсонесе (рис. 81. 3). Это тоже небольшое крестово-купольное здание размерами 10 х 6 м. Нартекс отделялся не стенами, а двумя колоннами. Церковь имела подземную усыпальницу. Стены построек сложены из бутового камня, подтесанного с лицевой стороны, и облицованы гладко отесанными каменными плитами. Такая кладка с облицовкой совершенно не характерна для Византии и Балканских стран, зато, начиная с XII в., повсеместно применяется в Закавказье и Малой Азии (Якобсон, 1964. С. 97). Таким образом, в постройках Херсонеса сочетаются архитектурно-конструктивные решения константинопольской школы с закавказско-малоазийской строительной техникой.

К XIII в. относятся и две небольшие часовни в Херсонесе. Оба здания прямоугольные в плане с апсидой в восточной части. Одна часовня, расположенная возле башни Зинона, почти полностью разрушена. Сохранился только угол постройки и часть пятигранной апсиды, каждая грань которой украшена неглубокой филенкой (рис. 81. 4). Стены из бута были облицованы тщательно пригнанными отесанными плитами. Внутри стены покрыты штукатуркой с фресковыми росписями. Часовня возле «восточной» базилики была прямоугольной в плане размерами 9,2 х 6,4 м с одной сильно выступающей апсидой (рис. 81. 2). Апсида соединялась с основным помещением при помощи двух уступов, переходивших в верхней части в арки. Пол был вымощен мраморными плитами, стены внутри оштукатурены, а снаружи покрыты облицовочными плитами.

Крестово-купольные храмы Херсонеса стилистически близки с храмом Троицы в селе Лака возле Бахчисарая (Якобсон, 1950а. С. 248-252; 1964а. С. 98). Эта постройка датируется концом XIII-началом XIV вв. по датам на надгробиях. Небольшое (6,5 х 6,4 м) квадратное в плане здание внутри имеет четыре свободно стоящие восьмигранные колонны, поддерживавшие купол (рис. 81. 5). Ветви креста были, скорее всего, перекрыты цилиндрическими сводами, а пониженные угловые помещения – плоскими сферическими. С восточной стороны к основному объему здания примыкают три апсиды. Средняя имеет пятигранную форму, а боковые – полукруглые в

плане. Грани средней апсиды имеют филенчатые углубления. Стены здания внутри и снаружи расчленены выступающими пилястрами прямоугольного сечения, которые как бы образуют столбовой каркас стен. Техника кладки храма в Лаках аналогична херсонесским церквям: здесь также применена облицовка стен плитами. Анализ планировочных особенностей и строительной техники позволяет связать храм в Лаках с херсонесскими крестово-купольными церквями, построенными в византийских традициях с сильным влиянием зодчества Малой Азии.

На Гераклейском полуострове, на мысе Виноградный расположен монастырь, в котором имеются пещерная и наземная церкви. Небольшой одноапсидный храм был открыт в 1896 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Современные исследования позволили датировать монастырский комплекс XIII-XIV вв. (Яшаева, 1994. С. 250).

Восточнее Херсона, на берегу Балаклавской бухты, находится селение Чембало, возникшее во второй половине XIII-начале XIV вв. (Дьячков, 2004. С. 246). В 40-50 гг. XIV в. здесь была возведена крепость, в которой находилась резиденция генуэзского консула (Джанов, Майко, Фарбей., 2009. С. 151-152). В пределах крепости исследовано несколько христианских храмов. Небольшая зальная церковь расположена в северо-западной части крепости на искусственной террасе. Ее внешние размеры составляют 7,7 х 4,3 м, внутренние – 6,5 х 2,8 м. Стены ее сложены из грубо обработанных камней. Здание имеет сильно выступающую полукруглую апсиду с четко выраженными плечами. Вход в помещение храма находится в центре западной стены, к южной стене изнутри примыкает каменная скамья. Датируется храм первыми десятилетиями XIV в. (Адаксина, Мыц, Ушаков, 2010. С. 46-60).

К более позднему времени относится так называемая «консульская церковь», которая является частью комплекса сооружений консульского замка. Эта постройка зального типа представляет собой прямоугольное в плане здание с выступающей апсидой (рис. 82.1-3). Внутренние размеры храма составляют 11,5 х 6,1 м. Два пилона делят прямоугольный объем здания на притвор и наос. Стены сложены из грубо отесанного камня на известковом растворе, фасады стен изнутри и снаружи были оштукатурены. Интерьер украшали фресковые росписи. К северо-восточной стене здания снаружи примыкали два помещения – предположительно дарохранительница и костница (Дьячков, 2004. 247-251).

На южном берегу Крыма, недалеко от Ореанды, исследован небольшой однокамерный храм XIII-XIV вв. (Паршина, 1968. С. 65-70). Здание состояло из прямоугольного в плане помещения с апсидой с северо-северо восточной стороны (рис. 83.1.). Внутренние размеры храма: ширина – 2 м, длина – 4,5 м без апсиды и 4,9 м с апсидой. Диаметр апсиды – 1,3 м. Дверной проем шириной 75 см находился в южной стене храма. Стены постройки сложены из известняка и песчаника на известковом растворе, пол выложен плитами. Храм был перекрыт цилиндрическим сводом, сложенным из туфовых камней клинчатой формы. Крыша была черепичной. Вокруг постройки находились погребения, одна могила была внутри помещения храма.

Горный массив Аю-Даг также чрезвычайно богат археологическими памятниками (Лысенко, Тесленко, 2002. С. 59-89). Среди средневековых памятников значительное место занимают монастырские комплексы с храмами и отдельно стоящие церкви. Небольшой одноапсидный храм исследован в пределах поселения на северо-восточном «плече» Аю-дага (рис. 83.2). Длина постройки 7,4 м, ширина – 3,8 м. Апсида внутри и снаружи полукруглая, выступает за линию стены на 1 м. Ширина плеч апсиды – 0,7 и 0,6 м. Внутри по углам сохранились остатки пилястр, служивших основаниями подпружных арок. Вход в здание находился в западной части южной стены постройки. Стены сложены из необработанных камней на известковом растворе панцирной кладкой, пол церкви земляной.

Одноапсидная часовня находится в пределах укрепленного поселения в том же районе массива. Размеры основной части задания 6,0 х 3,3. Апсида снаружи и внутри полукруглая, выступает на 1 м за линию стен. Вход расположен в западной части южной стены. Стены постройки сложены из местного камня на известковом растворе, перекрытие было сводчатым,

сложенным из туфовых блоков. Оба храма датируются XIV в. (Лысенко, Тесленко, 2002. С. 79-80). В пределах Аю-Дага известно еще пять малых одноапсидных храмов, которые не имеют точной датировки, но, по мнению исследователей, по внешним характеристикам соответствуют постройкам XIV в. (Лысенко, Тесленко, 2002. С. 69).

Два храма конца XIV-начала XV вв. исследованы на склонах горы Ай-Тодор (Тесленко, Лысенко, 2004. С. 261-277). Первый храм находился на юго-восточном склоне одного из юго-восточных отрогов горы. Он представлял собой прямоугольную в плане постройку с апсидой, ориентированной на юго-восток (рис. 83.3). Ширина здания 4,25-4,5 м, длина – 7,25 м. Стены сложены панцирной кладкой из бута на известковом растворе с заполнением внутреннего пространства мелкими камнями. Полукруглая внутри и снаружи апсида выступает за линию стен на 1,7 м. Ширина плеч около 50 см. Вход находился в торцовой юго-западной стене. Крыша здания предположительно была деревянной. Храм был построен на кладбище и, по предположению исследователей, мог являться мемориальным сооружением, в котором похоронен один из священников (Тесленко, Лысенко, 2004. С. 262). На северном склоне горы Ай-Тодор раскопано основание одноапсидного храма, ориентированного алтарем на северо-восток. Размеры его – 4,5 х 6,9 м. Стены сложены из диабазовых глыб на известковом растворе. Притвор храма находился с южной стороны, вход – возле юго-западного угла. Вокруг храма находились могилы.

Для Сугдеи золотоордынский период был тяжелым временем. В конце XIII-начале XIV вв. город неоднократно захватывался монголами. В 1322 г., во время правления Узбека, здесь начались гонения на христиан, которые, впрочем, имели, скорее, политическую подоплеку. В это время были разрушены многие христианские храмы Сугдеи и разобраны крепостные стены (Джанов, Майко, Фарбей, 2009. С. 106-113). Тем не менее, некоторые церковные постройки возводились и в это время. В западном секторе портовой части Сугдеи исследован одноапсидный храм размерами 7,8 х 6,7 м. Стены его сложены из бута. Вход в помещение находился в западной стене. Вдоль северной стены была сделана лестница. Вокруг храма и внутри него находились захоронения. Постройка датируется предположительно XIII-XV вв. В восточном секторе портовой части найдена сильно разрушенная церковь такого же плана. В одном из погребений, сопутствующих храму, находилась монета первой половины XIV в. (Джанов, Майко, Фарбей, 2004. С. 87).

Недалеко от Судакской крепости, на одном из южных отрогов горы Перчем расположен монастырь XIV-XV вв. Центром его является зальный храм, сложенный из песчаниковых камней на глиняном растворе, что предполагает наличие стропильного перекрытия. Пол храма был выложен плинфой, а алтарная часть оштукатурена и расписана (Джанов, Майко, Фарбей, 2004. С. 89).

Воспользовавшись смутой 60-80-х гг. в Золотой Орде генуэзцы присоединяют Сугдею к своим владениям, строят крепость, получившую название Солдайя, восстанавливают старые храмы и строят новые. В генуэзский период в 60-е или 70-е гг. внутри крепости, на крутом склоне возводится двухапсидный «Храм на консолях» (Джанов, Майко, Фарбей, 2004. С. 86; Кирилко, 2012. С. 193). Храм представляет собой прямоугольное в плане здание с двумя полукруглыми апсидами разной величины (рис. 84.1-3). Северная апсида его, нависавшая над склоном, снаружи поддерживалась кронштейнами, что и дало храму его название. Размеры его 7,4 х 4,2 м. Вход расположен по центру западной стены, в северной стене сделано узкое окно. Пол храма выстлан каменными плитами, стенки апсид были оштукатурены и, вероятно, расписаны (Кирилко, 2012а. С. 191-194).

Важнейшим политическим и административным центром Крыма золотоордынского времени являлась Каффа. Каффа была крупнейшим городом и портом в Крыму, центром транзитной торговли между Востоком и Западом. Главенствующую роль в этой торговле играли генуэзцы, которые основали в Каффе торговую факторию еще в 60-х гг. XIII в. В течение XIV в. они окончательно вытеснили из Крыма греческих купцов и венецианцев, базировавшихся до

этого в Солдайе. Постепенно под властью генуэзской администрации оказалась большая часть городов, расположенных на побережье (Бочаров, 2004).

Ибн Баттута, посетивший Каффу в 1334 г., пишет о том, что «это большой город, который тянется вдоль берега морского», в котором есть «прекрасные базары». Также путешественник и его спутники «увидели чудную гавань: в ней (было) до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира» – отмечает автор. О населении Каффы Ибн Баттута говорит, что город «населяют христиане, большая часть которых генуэзцы» (Тизенгаузен, 1884. С. 280). В уставе Каффы 1449 г. упоминаются греки, армяне, евреи, русские купцы и ремесленники. Также было некоторое количество валахов, поляков, грузин, черкесов, мингрельцев (Якобсон, 1964а. С. 110).

Так как большая часть этого разноплеменного населения исповедовала христианство, в Каффе существовало большое количество различных храмов. Большинство из них были католическими. Список латинских храмов приведен в регистрах Массарии Каффы 1381 и 1386 г. Это две церкви, посвященные Деве Марии (Святой Марии у базара и Успения Девы Марии), два храма Св. Доминика, храм и часовня Св. Георгия, церкви Св. Лаврентия, Св. Анны флагеллантов, Св. Николая, Св. Катерины, Св. Даниила, Св. Антония, Св. Креста, Св. Иерихона, Св. Ангела, Св. Лазаря, Св. Симона, Св. Кириака, Св. Христа. За пределами города упоминаются церкви Св. Михаила, Св. Франциска, Св. Иоанна (Айбабина, 2001. С. 59).

В Уставе Каффы 1449 г. упоминаются 17 римско-католических церквей, кроме дворцовой. Кроме перечисленных там приводятся названия храмов Св. Агнессы, Св. Марии Магдалины, Св. Иакова, Св. Клары и Св. Марии de Coronato (Устав…, 1863. С. 704-706). До 1318 г. Каффа принадлежала Пекинской епархии, а после этого года была сделана папой Иоанном XI столицей особой епархии, простиравшейся от г. Верое в Болгарии до Сарая и от Черного моря до русских пределов. Этим же папой церковь св. Агнессы в Каффе переименована в кафедральную. В источниках отмечается, что кафедральная церковь отличалась особым богатством и великолепием, благодаря сбору с моряков и подношениям частных лиц. Также известны греческие и даже русские церкви. В городе находился греческий монастырь св. Георгия, а под городом – монастырь св. Петра. Армяне, жившие в Каффе еще до появления генуэзцев, имели своего епископа, а в армянском квартале было три церкви (Устав…, 1863. С. 827). Не удивительно, что Ибн Баттута и его спутники, находясь на молитве в мечети Каффы, «услышали со всех сторон звуки колоколов». Эти неслыханные доселе звуки сильно напугали мусульманского паломника, и он «приказал товарищам… взойти на башню, прочитать Коран, помянуть Аллаха и совершить призыв к молитве» (Тизенгаузен, 1884. С. 280).

Латинские храмы в настоящее время в Каффе не сохранились, существуют только предположения об их местонахождении (Бочаров, 2000). Наиболее хорошо изучены некоторые сохранившиеся армянские церкви (Якобсон, 1956; Якобсон, Таманян, 1992). Армянская церковь Иоанна Предтечи, построенная в 1348 г., расположена за стенами средневекового города, возможно, на территории старого армянского посада (рис. 85.1-5). Здание этой небольшой церкви, прямоугольное в плане, имеет внешние размеры 5,0 х 3,5 м. Стены возведены из бутового камня на известковом растворе. Интерьер разделен на две части прямоугольными пилонами, стоящими вплотную к северной и южной стенам. На эти выступы опираются четыре арки, идущие вдоль меридиональных стен. В западной части на них опирается цилиндрический свод, в следующей, центральной части – граненый барабан с куполом. К этой части через узкую бему примыкает полукруглая апсида, перекрытая конхой с окном. Апсида не выступает наружу, она вписана в прямоугольный план здания. Снаружи фасады стен никак не разработаны, в центральной части выделены невысокие щипцы, в одном из которых (северном) находится окно с полукруглым верхом (рис. 85.3). Над двускатной крышей возвышается стройный восьмигранный барабан, облицованный гладкими каменными плитами. Каждая грань его декорирована простой прямоугольной филенкой, внутри которых на половине граней (через одну) сделаны узкие оконца.

Интерьер церкви достаточно прост и аскетичен (рис. 85. 4-5). Капители пилонов украшены фризами из череды мелких сталактитов, такой же узкий сталактитовый пояс имеется в основании барабана. Восточная часть церкви декорирована интересными каменными рельефами. Алтарное полукружие фланкируют фигуры Иоанна Крестителя и св. Георгия с нимбами над головами. По верху апсиды над простым карнизом сделан рельеф, изображающий двенадцать апостолов с Христом посредине. А.Л. Якобсон подчеркивает, что передача евангельских сцен в резном рельефе не встречается ни в византийской, ни в древнерусской церковной традиции, зато достаточно типична для культовых памятников Армении (Якобсон, 1956. С. 183-185; Якобсон, Таманян, 1992. С. 21-23).

Западный вход, выходящий в гавит, имеет богато украшенный резьбой наличник. Вход обрамлен крупной выпуклой «сельджукской цепью», которую охватывает широкий пояс резного орнамента. Он включает в себя пальметки, соединенные между собой стебельками и широкими листьями с «глазком», чередующиеся с плетенкой. Этот орнамент стилистически близок мотивам резьбы на портале мечети Узбека в Солхате.

С западной стороны несколько позднее к церкви был пристроен прямоугольный в плане гавит*. Внутренние размеры его 4 х 3,5 м. Внутри его находятся два квадратных в сечении столба, на которые опираются две пары стрельчатых арок, перекинутых с запада на восток. В широтном направлении опоры соединяются со стенами и между собой короткими подпружными арками, которые поддерживают три цилиндрических свода, перекрывающих трехнефное помещение гавита. Планировка его тождественна планировке гавита в монастыре Сурб-Хач. А.Л. Якобсон указывает, что такой же план имеют многие аналогичные постройки в позднесредневековых монастырях Армении (Якобсон, 1956. С. 185; Якобсон, Таманян, 1992. С. 23).

Чрезвычайно интересно архитектурно-планировочное решение армянской церкви Михаила и Гавриила, расположенной возле городской стены, но внутри города (Якобсон, 1956. С. 185-191; Якобсон, Таманян, 1992. С. 24-27). Церковь построена в 1408 г., о чем говорится в строительной надписи. Здание почти квадратное (без выступающих апсид) в плане (рис. 86.1-4). Размеры его 13 х 12 м**. Здание состоит из двух объемов: просторного зала в западной части и трансепта с тремя апсидами – в восточной. Зал с юга и севера ограничен широкими арками слегка стрельчатого очертания, которые опираются на западную стену и выступы северной и южной стен, которые отделяют зал от трансепта. На эти арки опирается высокий цилиндрический свод с двумя подпружными арками также стрельчатого очертания. В восточной части находится узкий трансепт, высота которого значительно превышает высоту зала. Он отделен от остального объема здания аркой, также опирающейся на выступы широтных стен. Трансепт, в свою очередь, делится высоко поднятыми арками на три части. Две боковые (северная и южная) перекрыты крестовыми сводами с выраженными гуртами, над средней возвышается восьмигранный барабан с четырьмя узкими окнами. Венчает барабан купол на четырех гуртах. В основании барабана находится слегка нависающий карниз, состоящий из сильно профилированных кронштейнов, соединенных арочками трехлопастного очертания. По мнению А.Л. Якобсона, этот карниз имитирует пояс машикулей, которые венчают башни Каффы.

К трансепту примыкают три апсиды полукруглой формы. Средняя из них имеет больший диаметр и больше выдвинута на восток. Апсиды перекрыты конхами. Вход в церковь находится

---

* Притворы или гавиты появляются в монастырской архитектуре Армении а XII-XIII вв. Они представляют собой большое прямоугольное здание с четырьмя массивными столбами, которые поддерживают арки центрального квадрата, к которому сводятся полуциркульные своды боковых частей здания. Гавиты обычно пристроены к храму с запада. Они являлись церковными, полугражданскими постройками, так как во время богослужений в них находились верующие, не поместившиеся в церкви, а в другое время гавиты использовались для собраний и совещаний (Якобсон, 1950б).

** Размеры даны приблизительно по плану. В публикациях размеры в тексте и на плане не совпадают. В тексте они сильно уменьшены.

в западной стене. Проем окружен профилированной рамой, над которой сделан глухой, без проема люнет стрельчатого очертания. Интерьер церкви почти лишен декора. Только ниша в северной стене имеет наличник в виде «сельджукской цепи».

Здание выстроено из бутового камня на известковом растворе; углы кладки и своды выполнены из отесанных блоков. Фасады здания лишены какого-либо декора, однако объемная его композиция снаружи хорошо передает внутреннюю структуру (рис. 86.3). Свод западной части перекрыт двускатной крышей, которая возвышается над односкатными боковыми кровлями, перекрывающими пониженные боковые арки. Благодаря этому вся композиция получает трехчастную структуру, которая как бы имитирует снаружи форму трехнефной базилики.

Перекрытие трансепта сильно возвышается над всем объемом здания. Оно также трехчастно, причем средняя часть, увенчанная барабаном с куполом, несколько выше, чем боковые. С востока трансепт ограничивает глухая стена с одним окном. Перекрытие апсидальной части находится гораздо ниже. Полукружия апсид выступают за пределы массива здания. Средняя апсида снаружи также имеет полукруглые очертания. Боковые апсиды ограничены с востока прямой стеной, которая переходит в грани, соединяющую ее с широтными стенами.

Суровый лаконичный облик храма несколько оживляет миниатюрная ротонда-колокольня на четырех ажурных колоннах, поставленная над северо-западным углом здания (рис. 86.4). С южной стороны к церкви примыкает пристроенная позднее капелла в виде трапециевидной удлиненной камеры с апсидой с восточной стороны. Капелла перекрыта полуцилиндрическим сводом на трех подпружных арках, который покрыт односкатной крышей.

Церковь Михаила и Гавриила интересна, прежде всего, тем, что будучи построенной армянскими ктиторами, она не несет ни одной черты архитектуры армянских храмов. Напротив, как подчеркивают исследователи, здание построено в канонах западноевропейской, а именно итальянской архитектуры (Якобсон, 1956. С. 190-191; Якобсон, Таманян, 1992. С. 26-27). По мнению А.Л. Якобсона, смена архитектурных форм связана с новой политической ориентацией армянской денежной аристократии Кафы, с ее стремлением к объединению с генуэзцами. Стремление это привело к унии армянской и католической церквей, официально принятой в 1438 г.

К XIV в., вероятно, относится армянская церковь Св. Сергия (Саркиса), правда, существует и другая точка зрения, согласно которой церковь построена в XII в. (Якобсон, 1964а. С. 116; Якобсон, Таманян, 1992. С. 36-37). К сожалению, архитектура этого храма пока не стала предметом специального исследования. А между тем, она очень интересна. В настоящее время церковь состоит из двух пристроенных друг к другу зданий (рис. 87.1-2). Северная и, вероятно, более древняя ее часть состоит из небольшого прямоугольного в плане сводчатого зала с апсидой, смещенной к югу относительно центральной оси (рис. 88.1). Алтарная часть перекрыта крестовым сводом с выступающими нервюрами (рис. 88.3). Пяты свода опираются на граненые колонны с капителями, резьба которых выполнена в сельджукских традициях и состоит из нескольких рядов сталактитов (рис. 88.2). В северной стене находится ниша для крещения, обрамленная прямоугольной рамой (рис. 88.4). Ниша имеет треугольное завершение, заполненное сталактитами. Выполненная в сельджукских традициях, она напоминает завершение портала или михраба мечети.

Южная часть храма имеет большие размеры. Вход, расположенный по центру западной стены, ведет в просторное помещение гавита, перекрытое низким сводом. Наос имеет более высокое сводчатое перекрытие стрельчатого очертания на подпружных арках (рис. 87.3). В восточной части храма находится алтарная часть, состоящая из широкой полукруглой апсиды, которую с двух сторон окружают две малые апсиды. Крещальная ниша в южной части церкви имеет такое же строение, как и в северной.

Фасад здания украшен каменной резьбой, в основном разнообразными хачкарами, вставленными в кладку стены (Айбабина, 2001. С. 62-98). Среди них выделяется мраморная плита с гербом Генуи. Таким образом, в этом храме одновременно прослеживаются черты

армянской, западной романской и восточной сельджукской архитектурных традиций. Церковь св. Сергия известна также тем, что после пожара 1888 г. она была восстановлена на средства И.К. Айвазовского.

Остальные церкви Каффы и ее окрестностей имеют более простую планировку. Это зальные постройки с апсидой в восточной части. В некоторых случаях с западной стороны пристроен гавит. Такова, например, Церковь Иоанна Богослова (рис. 89.1-4), расположенная в крепости Каффы на Карантине (территории крепости). Она датируется XIV-XV вв. (Якобсон, Таманян, 1992. С. 37-38). Постройка прямоугольная в плане, размерами 4,5 х 4 м. Выступающая на востоке апсида имеет полукруглую форму. Здание перекрыто цилиндрическим сводом и двускатной крышей. В помещение ведут два входа, один из которых находится в северной стене, другой – в западной. Проем в западной стене имеет рельефную раму, на верхней перемычке которой вырезаны хачкары (рис. 89.2). Над перемычкой сделана глухая арка люнета стрельчатого очертания. Северный вход оформлен таким же образом, но несколько проще.

С западной стороны к церкви примыкает притвор, размеры которого составляют 5,8 х 5,2 м. Северо-западный угол притвора скошен. В притворе найдены базы четырех колонн, поддерживавших крышу. Так как стены здесь не имеют выступающих пилонов, перекрытие, скорее всего, было не сводчатым на арках, а плоским, балочным. Первоначально гавит имел два входа в южной стене, а в настоящее время проем сделан в северной стене. Здание сложено из плитняка на известковом растворе, наличники выполнены из известняка.

К востоку от церкви Иоанна Богослова, почти в центре Карантинного холма находится небольшая церковь простого плана, которая представляет собой зальную постройку с выступающей апсидой полукруглой формы (рис. 90.1-3). Некоторые исследователи считают, что это армянская церковь Св. Стефана XIII в., упоминающаяся в генуэзских нотариальных актах (Якобсон, Таманян, 1992. С. 38-39). Однако Е.А. Айбабина и С.Г. Бочаров атрибутируют ее как греческую церковь Св. Дмитрия Солунского (Айбабина, Бочаров. 2000). Размеры основного объема здания составляют 9 х 8,2 м. Здание перекрыто полуциркульным сводом, который защищает двускатная черепичная крыша. В церковь ведут два входа с западной и южной сторон. С западной стороны над входным проемом сделан глухой люнет стрельчатой формы. В интерьере церкви на стенах сохранились фрески восточновизантийского письма с греческими надписями, которые вызывают споры о принадлежности церкви.

К этому же типу построек относится греческий храм Святого Георгия Победоносца, расположенный к востоку от цитадели Каффы (рис. 91.1-2). Известно, что в XIV в. он был частью православного монастыря, который упоминается в грамоте Константинопольского патриарха 1395 г.

В юго-восточном участке города раскопана еще одна церковь простейшей планировки (рис. 91.3). Исследователи атрибутируют ее как армянский храм Св. Стефана (Айбабина, Бочаров, 1997). Это небольшая прямоугольная в плане постройка с выступающей апсидой в восточной стене. Размеры церкви 7,7 х 5,9 м, диаметр апсиды 4,7 м. Два входа в здание сделаны в южной стене. С запада был пристроен гавит, но он не сохранился. Стены храма сложены из блоков известняка с подтесанной лицевой стороной.

Внутри храм разделен алтарной преградой на основное помещение и полукруглую апсидальную часть. В обоих углах преграды были сделаны ступеньки, а в центре ее – небольшая ниша. Перед преградой сохранился участок пола из каменных плит. В северной стене находились две ниши для купелей, и еще одна – в южной. Купель в северной стене, вытесанная в известняковом блоке, имела дно в форме квадрифолия. Две другие – прямоугольные в плане.

При раскопках были найдены каменные резные архитектурные детали. Среди них – база и часть ствола колонны, резные фрагменты фронтонов кивория, рельеф с изображением крылатого льва, обломки хачкаров.

Княжество Феодоро или Готия, занимавшее горную часть Крымского полуострова, также формально находилось на территории Золотой Орды, но при этом сохраняло значительную автономию. Политическое значение его возросло в начале XV в. В это время правитель его

Алексей Старший занимаются активной строительной деятельностью. Наряду с возведением крепостей большое внимание уделяется восстановлению и реконструкции христианских храмов. В частности, восстанавливается культовый комплекс храма Константина и Елены (Большой базилики) в Мангупе, построенной в VI-IX вв. (Якобсон, 1964а. С. 126; Мыц, 2009. С. 141-142). Раннее здание храма представляло собой трехнефную базилику размерами 31,6 х 19,2 м с одной апсидой. Вход в молитвенный зал осуществлялся через нартекс. Впоследствии с двух сторон здания были пристроены две галереи. В начале XV в. на место утраченных мраморных колонн были поставлены колонны из известняка восьмигранного сечения. Наличник входа в базилику получил новую облицовку, украшенную резьбой в виде «сельджукской цепи» и сложного растительного орнамента (Айбабина, 2001. С. 162; Мыц, 2009. С. 142).

Восстановление храмов происходило не только в столице княжества. С деятельностью митрополита Дамиана В.Л. Мыц связывает реконструкцию базилики VIII в. в Партенитах (Мыц, 2009. С. 147).

По мнению В.Л. Мыца, в 1427 г. в Мангупе был построен центрический храм, так называемый «октагон» (Мыц, 2009. С. 134-140). В плане он представляет собой восьмигранник размерами 8,0 х 8,5 м (рис. 92.1). Вход в храм был сделан в западной стене. Внутреннее пространство здания представляло собой крестообразную фигуру (6,6 х 6,2 м): квадрат с открытыми на четыре стороны широкими лоджиями. Восточная лоджия заканчивалась апсидой. Размеры квадрата, перекрытого куполом, – 3,7 х 3,7 м. Стены храма сложены из тщательно отесанных известняковых блоков панцирной кладкой на известковом растворе. По мнению В.Л. Мыца и В.П. Кирилко, мангупский «октагон» построен армянскими мастерами и представляет собой здание, аналогичное центрическим церквям Армении (рис. 92.2) (Кирилко, Мыц, 2001. С. 354-375).

Небольшие церкви центрического плана составляют важную группу в церковной архитектуре Армении (ВИА, 1966а. С. 235-238). Такие постройки появляются там уже в VII в. и продолжают существовать до позднего средневековья. Обычно они состоят из двух ярусов. Нижний ярус может быть квадратным, многогранным или круглым в плане. Второй ярус представлен многогранным или круглым высоким барабаном с шатровым куполом. Часто такие храмы были двухэтажными и выполняли функции усыпальниц: на первом этаже находился семейный склеп, а на втором – церковь. К этой группе относятся церковь Григория рода Абугамренц X в., Спасителя XI в. в Ани, Церковь Саркиса в Цконхе XI в., Пастушья церковь в Ани XI в., а также церкви XIII в. – Рипсиме в Девичьем монастыре, Марине в Аштараке, Главная церковь в Ариче (Якобсон, 1950б. С. 67-74; 123-129; 1987. С. 169-181; ВИА, 1966а. С. 235-238; 255-260).

Однако исследователи «октагона» А.Г. Герцен и В.Е. Науменко не согласны с этой гипотезой (Герцен, Науменко, 2009. С. 424-466). Прежде всего, раскопки показали, что церковь имела притвор прямоугольной формы (3,4 х 4,0 м) с четырьмя колоннами, поддерживающими перекрытие (рис. 92.3). Таким образом, храм представлял собой вытянутый по оси восток-запад комплекс, состоящий из нартекса, наоса и алтарной части. Также они считают малообоснованной гипотезу В.Л. Мыца и В.П. Кирилко об армянском происхождении правителей Феодоро и армянских элементах в архитектурном облике церкви. По их мнению, композиционно «октагон» близок мусульманским дюрбе Бахчисарая Салачика и Чуфут-кале, построенных под явным влиянием Малой Азии, где, в свою очередь, происходила трансформация христианской архитектурной традиции при строительстве мусульманских культовых зданий. В связи с этим исследователи считают возможным связать мангупский «октагон» с византийским зодчеством и сравнивают его с крестово-купольными октагональными церквями Греции и Константинополя (Герцен, Науменко, 2009. С. 451-453).

Известно, что в Мангупе были и другие церкви, более скромные. Три церкви высечены в скале. Одна из них, относящаяся, вероятно, к XIII в., имела фресковую роспись, выполненную художником-греком (Якобсон, 1964а. С. 126).

В Феодоро строились церкви не только в столице. Алексей Старший построил небольшую крепость для защиты порта Каламиты. Внутри нее был храм, который не сохранился. В скале, на которой стоит крепость, имеется множество рукотворных пещер. Среди них есть пещерные церкви, украшенные фресками, остатки которых позволяют датировать их XIII-XIV вв. А на стене одной из них сохранилась надпись 1272 г. (Якобсон, 1964а. С. 121-122). Еще один скальный монастырь св. Софии находился в горной местности Уч Баш. По предположению исследователей, ктиторами этого монастыря были представитель правящей элиты Феодоро (Мыц, 2009. С. 215-216). Главный храм этого монастыря имел крестообразный план, не типичный для скальных построек.

Интересный по планировке двухапсидный храм (рис. 93.1) был раскопан Е.А. Айбабиной на территории могильника феодоритской крепости Фуна (Айбабина, 1987; 1991). Время постройки храма датируется XIV в. Размеры постройки 4 х 6 м, абсиды имели ширину 1,08 и 1,3 м. Храм ориентирован абсидами на юго-восток, вход с широким порогом находится в южной стене. Стены храма сложены из бутового камня с подтесанной лицевой поверхностью в два панциря с забутовкой на известковом растворе. На стенах внутри сохранилась штукатурка, в абсидах – со следами фресковой росписи. В завале найдено много архитектурных деталей из туфа от арочного перекрытия, наличника, оконного проема. Вокруг храма и внутри него находились погребения, совершенные по христианскому обряду. В то же время в могилах присутствовал погребальный инвентарь, в том числе сосуды с заупокойной пищей, что является пережитком язычества. Аналогичные погребения XIV-XV вв. известны на территории Адыгеи. Некрополь Фуны, а также подобные погребальные памятники на территории Мангупа, Сюйрени, Пампукая, Лусты и др. позволил исследователям сделать вывод о присутствии в горном Крыму групп адыгов (Мыц, 2009. С. 226).

Ранее на фунском некрополе была исследована небольшая одноапсидная часовня, построенная в XIII-XIV вв. (Кирилко, 2010. С. 311-321). Размеры основного объема здания 3,1 х 4,3 м, вынос апсиды – 0,8 м (рис. 93.2). Ширина плеч – 30-40 см. Стены здания сложены из камней на известковом растворе. Вход был сделан в южной стене, у юго-западного угла. Внутренняя поверхность апсиды была оштукатурена и расписана. В центре алтарного полукружия располагался престол. Часовня, скорее всего, была перекрыта сводом и могла иметь кровлю из сланца.

Солхат, возникший в золотоордынское время, являлся одним из крупнейших городов в Крыму и выполнял функции административного центра. По сведениям автора второй половины XIV в. ал-Калкашанди, здесь находилась ставка главы правого крыла Золотой Орды (Григорьев, Фролова, 2002. С. 269, 287). Население Солхата было полиэтничным и поликонфессиональным. Здесь жили христиане – греки, армяне, аланы, славяне, христианизированные кипчаки; мусульмане – тюрки и монголы, принявшие ислам, сельджуки, выходцы из Малой Азии; иудеи – караимы и евреи (Крамаровский, 2009. С. 395-431). Солхат известен, в основном, своими постройками, связанными с мусульманской религией. До наших дней здесь сохранились три мечети и медресе (См. соответствующие главы). Гораздо меньше археологических данных, характеризующих христианские общины Солхата. Различные артефакты позволяют проследить присутствие несториан, православных греков, армяно-григориан, латинян (Крамаровский, 2009. С. 420-427).

О существовании в Сохате католической церкви известно из отчета, посланного кустодием Каффы Ладиславом генеральному министру Ордена Францисканцев Маттео д'Акваспарта в 1287 г. В послании рассказывается о конфликте францисканцев с правителем Солхата, который не желал слушать звон колоколов и изгнал проповедников из города. Но, благодаря успешным переговорам брата Моисея с ханом Тула-бугой и Ногаем, францисканская церковь в Солхате была восстановлена и колокола возвращены на прежнее место. Значительную роль в разрешении конфликта сыграла жена Ногая по имени Яйлак, которая пожелала принять крещение от настоятеля францисканского монастыря Каффы брата Стефана (Хаутала, 2012. С. 37-38).

Без сомнения, в Солхате было несколько (возможно, несколько десятков) христианских храмов, но археологически исследован только один (рис. 94.1-4). Храм находился в северо-западной части города, в греческом квартале (Крамаровский, 2004. С. 68-76; 2005. С. 125). Здание имело нартекс размерами 4,1 х 5, 1 м. Основной объем представлял собой прямоугольник с внутренними размерами 4,6 х 6,7 м. С востока к нему примыкала полукруглая апсида, диаметр которой равен ширине здания. В южной стене были сделаны два аркосолия со стрельчатыми завершениями, в которых находились склепные ниши. Склепы использовались как фамильные усыпальницы. Храм был построен на кладбище и, вероятно, служил часовней.

Армянская община Солхата была довольно многочисленной, но армянские церкви на территории города не найдены. Зато известны два армянских монастыря золотоордынского времени в окрестностях Солхата. Самый известный и наиболее сохранившийся монастырь Сурб Хач (Святой крест) находится примерно в 5 км от Солхата в горах, поросших лесом (рис. 95-96.1-2). Он представляет собой комплекс разновременных построек, включающих церковь, двухэтажное жилое здание, трапезную с кухней и хозяйственные помещения (Якобсон, 1956. С. 173-181; Якобсон, Таманян, 1992. С. 12-19). Церковь с притвором (гавитом) построена в 1338 г., остальные здания относятся к XVIII в.

Храм Святого Креста имеет размеры 12 х 8 м. С западной стороны к нему пристоен обширный притвор (гавит) размерами 10,3 х 8,8 м (рис. 95.1). Храм представляет собой крестово-купольную постройку с удлиненной западной ветвью креста и укороченными северной и южной. К восточной ветви креста через бему* примыкает широкая полукруглая апсида, вписанная в объем здания. Четыре боковых помещения, приделы (хораны), также имеют апсиды с восточной стороны. Западные помещения удлиненные соответственно западной ветви креста. Они открываются в нее широкими пролетами высоких стрельчатых арок. Восточные помещения короткие с низкими проходами в бему и высокими до основания сводов проходами в северную и южную ветви креста. Устои, поддерживающие барабан с куполом, не являются свободно стоящими. Западная пара устоев соединяется с северной и южной стенами, а восточная пара является частью северной и южной стен восточной ветви креста. Ветви креста завершаются полуциркульными сводами слегка стрельчатого очертания. На них покоится круглый внутри и 12-гранный снаружи барабан с четырьмя узкими щелевидными окнами. Венчает барабан полусферический купол.

Внутренний декор храма достаточно скромен (рис. 96.1). Капители пилонов и пилястров украшены рядом мелких сталактитов. Узкий сталактитовый фриз опоясывает основание барабана. Практически идентичный поясок мелких сталактитов у основания барабана купола можно видеть в Анатолии, в караван-сарае Султан-хан в Кайсери, 1232 г. постройки (Stierlin, 1998. P. 75). В северной стене находится ниша для крещения, которая имеет треугольное завершение, заполненное сталактитами. Снаружи ниша окружена прямоугольной рамой, образованной двумя жгутами полукруглого сечения. Над рамой в центре помещен рельефный круг в виде венка с фигурой в центре и пальметкой наверху. По бокам от нее находятся две такие же полупальметки. Эта ниша выполнена совершенно в сельджукских традициях и представляет собой сильно упрощенный вариант сельджукского портала или михраба. В частности, исследователи отмечали ее сходство с михрабом мечети Узбека в Солхате (Якобсон, 1956. С. 177; Якобсон, Таманян, 1992. С. 16).

Наиболее богато декорирован западный портал храма, выходящий в гавит (рис. 96.2). Проем входа заключен в профилированный наличник, по бокам которого стоят полуколонны с двухъярусными капителями, украшенными тонкой резьбой в виде сплетенных цветов и побегов. Такие капители также весьма типичны для сельджукской резьбы по камню. В частности, они почти идентичны капителям портала мечети Узбека. Над рамой входа сделана глубокая ниша стрельчатого очертания, на плоскости которой находится фреска с изображением Богоматери. Нишу фланкируют с двух сторон прямоугольные резные панели, от которых по верху ниши

* Промежуточное пространство между подкупольным объемом и алтарным полукружием.

проходит резной фриз в виде выпуклой «сельджукской цепи». Над нишей помещен резной рельеф, изображающий агнца и знамя с крестом (лабарум). По сторонам от этого рельефа находятся две выпуклые шишки, украшенные мелкой резьбой. Такие резные детали также являются типичным элементом декора в сельджукском и закавказском зодчестве. Вся эта композиция заключена в широкую и высокую профилированную раму со стрельчатым верхом.

Снаружи сложенное из бутового камня здание представляет собой нерасчлененный массив (рис. 95.2) с тремя небольшими окнами с каждой стороны (кроме западной). Ветви креста завершаются слабо выделенными щипцами, боковые помещения не выделены и подведены под общую двускатную крышу. Над этим простым и аскетичным зданием возвышается изящный 12-гранный барабан, облицованный небольшими гладко отесанными плитами. На каждой грани барабана находятся две концентрически сужающиеся арки с полукруглым верхом. Контур их выделен жгутом – полуваликом в виде полукруглой арки, опирающейся на тонкие полуколонки. Над арочками барабан опоясывает карниз, также выделенный полуваликом. Над ним идет надпись, в которой, в частности, присутствует год возведения храма и приводится имя основателя монастыря инока Ованеса (Якобсон, 1956. С. 176; Якобсон, Таманян, 1992. С. 14). Над барабаном находится пирамидальное покрытие купола.

Пристроенный с западной стороны гавит представляет собой просторный трехнефный зал, перекрытый тремя продольно ориентированными полуциркульными сводами, разделенными арками. Арки опираются на прямоугольные столбы, стоящие посредине помещения и пилоны восточной и западной стен. Перекрытие помещения плоское, двускатное. Вход в придел находится в западной стене.

Церковь монастыря Сурб Хач построена в армянских архитектурных традициях. Связь устоев со стенами, а также вписанная в объем здания апсида – приемы, не встречающиеся в архитектуре Византии, но характерные для храмов Армении и Грузии. Также для армянской архитектуры типично размещение приделов не только по сторонам алтарной апсиды, но во всех угловых секциях (Якобсон, 1950б. С. 126). В то же время А.Л. Якобсон пишет о том, что филенчатая разработка граней барабана не встречается в Армении, но характерна для зодчества Византии (Якобсон, 1956. С. 180; Якобсон, Таманян, 1992. С. 18). С этим утверждением трудно согласиться. Абсолютно аналогичны по своему облику украшенные ложной аркатурой многогранные барабаны собора в Гегарде 1215 г. и церкви Тиграна Оненца в Ани 1215 г. (Якобсон, 1950б. С. 131, 142). Правда, А.Л. Якобсон замечает, что прием этот встречается в зодчестве Армении довольно редко (Якобсон, 1950б. С. 139). Зато в Малой Азии мы можем видеть многогранные башенные мавзолеи, удивительно напоминающие барабаны этих армянских церквей. Очень часто грани их разработаны в виде филенок с арочным завершением. Таковы, например, Хатуние тюрбе 1237 г. постройки и Дёнер-кюмбет 1275 г. в Кайсери (Stierlin, 1998. P. 42, 50). Таким образом, в архитектонике барабана храма монастыря Сурб Хач, скорее можно видеть влияние малоазийской архитектуры. Как уже отмечалось, это влияние отчетливо проступает также в оформлении крещальной ниши и западного портала, а также в сталактитовых деталях капителей и основания барабана.

В 3 км к югу от монастыря Сурб Хач находится еще один монастырь, который в армянских публикациях называется Сурб Стефанос, а в русских – монастырь св. Георгия (Домбровский, Сидоренко, 1978. С. 109-115; Бабаян, 1997. С. 36-37). Постройку монастыря можно отнести к концу XIII или началу XIV вв. На самом раннем хачкаре, вмонтированном в стену церкви, имеется надпись, датирующая его 1331 г. (Бабаян, 1997. С. 37). Постройки монастыря св. Георгия, сложенные из песчаника, сохранились гораздо хуже, нежели в монастыре Сурб–Хач. Здесь были проведены археологические раскопки в 1973 и 1994 гг., однако полностью храм вскрыт не был, и в трактовке его плана имеются разночтения. Основное помещение храма квадратной формы размерами 8,6 х 8,4 м (рис. 96. 3) С северо-восточной стороны его находятся три апсиды. Средняя апсида шириной 3,1 м, пятигранная в плане, облицованная отесанными плитами, выступает наружу, за пределы стены. Небольшие боковые апсиды вписаны в основной объем здания. О. Домбровский и В. Сидоренко считают, что храм имел крестово-

купольную планировку (Домбровский, Сидоренко, 1978. С. 110). Ф.С. Бабаян, напротив, пишет о трехнефной постройке со сводчатым перекрытием (Бабаян, 1997. С. 37). При раскопках 1994 г. был открыт пол церкви, выложенный плоскими булыжниками, и две прямоугольные в плане базы колонн, которые отстояли от южной и северной стен на 1,5 м и на 3,6 м от центральной апсиды. Таким образом, ширина центрального нефа составляла 4,2 м. Если колонны не были смещены в результате поздних перестроек, то еще две колонны, необходимые для поддержания купола, должны стоять непосредственно у западной стены. В то же время квадратная форма здания предполагает именно крестово-купольную композицию. Вероятно, для окончательного определения плана здания необходимы дальнейшие исследования.

В помещение церкви вели три входа. Центральный вход шириной 1,5 см находился в западной стене. Еще два были в северной и южной стенах. Возможно, эти проемы не одновременны. С юго-западной стороны к церкви примыкает обширное помещение, которое О. Домбровский и В. Сидоренко определяют как открытый внутренний дворик. В центре его находился небольшой прямоугольный колодец. К колодцу вели гончарные керамические трубы, по которым вода поступала из источника.

Еще один армянский монастырь Св. Ильи находится у с. Богатое к юго-востоку от Белогорска (Карасубазар) (Якобсон, 1964а. С. 116; Якобсон, 1964б; Якобсон, Таманян, 1992. С. 27-31). Из всех построек лучше всего сохранилась церковь (рис. 97). Она представляет собой удлиненное прямоугольное в плане здание (18,8 х 8,5 м). Стены его сложены из плитняка на известковом растворе, углы и другие конструктивно важные элементы выполнены из тесаных квадров, свод облицован гладкими плитками. Снаружи и внутри здание было оштукатурено. Перекрывала его двускатная крыша.

В церковь ведут три входа. Западный проем в плоскости стены имеет стрельчатое завершение, украшенное «сельджукской цепью» (рис. 97.2). По сторонам от проема сохранился наличник, декорированный сложными резными розетками в круге. Два других входа, расположенные в западной части северной и южной стен, обрамлены небольшими порталами. Арки порталов имеют стрельчатое завершение, а в боковых стенках имеются небольшие ниши с подтреугольным верхом, заполненным сталактитами. Такие порталы типичны для малоазийской сельджукской архитектуры и встречаются в Крыму в мусульманских постройках, таких как мечети и мавзолеи.

Внутреннее помещение размерами 6,15 х 11,9 м делится на три части подпружными арками. Узкие западная и восточная части перекрыты сводами стрельчатого контура, над средней частью возвышается крестовый свод, грани которого выделены широкими гуртами (рис. 97.4). Апсида с бемой, расположенная в восточной части, не выступает за пределы здания. Но она и не находится в массиве восточной стены, как это принято в армянских церквях. За апсидой сделан узкий (менее 1 м в ширину) проход, который ведет в небольшие помещения, расположенные по сторонам апсиды – жертвенник и дьяконник. Попасть в них можно было не из основного помещения церкви, а из пристройки, расположенной с восточной стороны. Проход за апсидой исследователи трактуют как упрощенную обходную галерею, характерную для романской культовой архитектуры (Якобсон, Таманян, 1992. С. 29).

Внутри помещения церкви находились многочисленные рельефы на евангельские сюжеты. В основном, они размещены в восточной части здания в нишах по сторонам апсиды. По мнению А.Л. Якобсона, рельефы эти характерны для армянской монументальной архитектуры XIII-XIV вв. В северной стене, над купелью, сделана сталактитовая ниша вполне сельджукского облика, над которой расположен фриз из трех кругов и херувимов между ними. Декор в виде «сельджукских» мелких сталактитов присутствует также на висячих капителях подпружных арок и на капителях угловых пилястр по сторонам апсиды.

Таким образом, архитектурный облик этой небольшой церкви отражает влияние различных культур народов, населявших Крымский полуостров. Вытянутый прямоугольный план с вписанной в объем здания апсидой, а также рельефное изображение евангельских сюжетов типичны для армянских церквей. Порталы со сталактитовыми нишами, ниша над купелью,

сталактитовое оформление капителей, рама входа в виде «сельджукской цепи» и наличники с розетками говорят о малоазийском влиянии. И, наконец, крестовый свод на гуртах, заменяющий купол и обходная галерея за апсидой напоминают о канонах романской архитектуры.

Кроме обычных «наземных» церквей, в Крыму в золотоордынский период было много пещерных церквей, как отдельных приходских, так и входящих в состав монастырей. Их возникновение и особенности архитектуры неоднократно рассматривались различными исследователями Крыма (Герцен, Могаричев, 1996; Могаричев, 1997; Могаричев 2010), поэтому в настоящей работе данная тема не затрагивается. Следует упомянуть лишь о том, что ранее массовое возникновение пещерных церквей связывалось с эпохой «иконоборчества», то есть с VIII-IX вв. (Якобсон, 1964а. С. 33-34). Согласно современным данным, большая часть из известных в настоящее время 60 скальных церквей относится к XIV-XV вв. (Могаричев 2010. С. 23), то есть к золотоордынскому периоду.

На западных территориях золотоордынского государства известна еще одна средневековая христианская церковь. Она находится у самой западной границы на городище Старый Орхей. Здание, исследованное в 1947 г., находилось в центральной части городища. К сожалению, опубликованные описания этого сооружения весьма лаконичны и не во всем понятны (Смирнов, 1954. С. 27-29). Фундамент и стены здания были сложены из грубо отесанного известняка на известковом растворе (рис. 98.1). Церковь перестраивалась: в первом периоде она состояла из небольшого наоса с апсидой, во втором периоде был пристроен нартекс. Толщина стен первоначального здания составляла около 95 см. Наос был квадратным, размерами 4,7 х 4, 7 м. С восточной стороны находилась глубокая апсида. Ширина ее составляла 3,3 м, а глубина – 3,9 м. Вход в церковь был сделан с южной стороны.

После перестройки длина здания достигла 18,7 м. Нартекс, пристроенный с западной стороны, был квадратным, со скошенными северо-западным и юго-западным углами. Внутренние размеры его 5,8 х 5.5 м. Толщина стен составляла 110 см. Восточная (стена апсиды) и западная стены были усилены, и толщина их достигла 2 м. Возможно, с южной стороны был сделан еще один вход, через который можно было попасть в нартекс. Никаких элементов внешнего и внутреннего оформления здания не сохранилось. При раскопках были найдены фрагменты кирпичей с бирюзовой поливой и мраморных плиток, а также каменные детали свода. Внутри церкви находились два погребения с хорошо сохранившимися остатками одежды (Нестерова, 2009).

Долгое время считалось, что церковь Старого Орхея была построена после выхода территории Пруто-Днестровского междуречья из состава Золотой Орды. Г.Д. Смирнов пишет, что в фундаменте I строительно периода найдена монета 1361 г. Почему-то на основании этого факта он датирует время постройки церкви началом XV в. (Смирнов, 1954. С. 27). Типичными для XV в. он считает и кирпичи с голубой поливой, хотя они использовались именно в золотоордынском зодчестве. Пик их распространения приходится на XIV в., и совершенно непонятно, кто мог производить изразцовые кирпичи на этой территории в более позднее время.

Другие исследователи также датировали церковь Старого Орхея постмонгольским временем, причем временной интервал достаточно велик – от XV в. (И.Г. Хынку) до XVII в. (П.П. Бырня). Подробно вопрос о датировках постройки рассмотрен в статье Т.П. Нестеровой (Нестерова, 2009. С. 192). Такой взгляд, полностью игнорирующий данные археологии, возник в результате неверного понимания сути золотоордынского государства. Исследователи считали невозможным строительство христианской церкви в самом центре мусульманского города. Т.П. Нестерова, рассмотрев детали одежды погребенных в церкви, пришла к выводу, что здание было построено в XIV в. Однако возведение его она связывает с именем эмира Димитрия, бывшего мусульманина, принявшего христианство, разрушившего мечеть и мавзолеи в Старом Орхее и построившего христианский храм (Нестерова, 2009. С. 195-196).

Вне всякого сомнения, строительство церкви нужно отнести к 60 гг. XIV в. В остальном выводы Т.П. Нестеровой не слишком убедительны. Можно предположить, что правителем

Старого Орхея действительно являлся некий Димитрий, принявший христианство и стремившийся к отделению от Золотой Орды. Сепаратистские тенденции – явление абсолютно типичное для периода «великой замятни», однако непонятно, зачем Димитрию нужно было разрушать мечеть. Судя по археологическим остаткам, мечеть Старого Орхея была не разрушена, а просто не достроена. Возможно, задержка в строительстве как раз и связана с изменением религиозной ориентации правителя, но, скорее всего, в смутные 60-е гг. просто не было средств для завершения столь грандиозного проекта (размеры мечети 57,7 х 51,5 м). Невозможно представить такой варварский акт, как разрушение мечети в городе, населенном большим количеством мусульман, даже при изменении религиозной ориентации. О том, что большинство населения города исповедовало именно ислам, свидетельствуют сами размеры зданий. Мечеть была рассчитана на 3000 молящихся*, а христианская церковь в первом периоде могла вместить около 30 человек**. Предположение о разрушении мечети возникло у Т.П. Нестеровой именно потому, что она, как и ее предшественники, не смогла представить мирное сосуществование различных конфессий в пределах золотоордынского государства.

Т.П. Нестерова предположила также, что каменная церковь была построена на месте старой, деревянной. Основанием к тому она считает наличие ямы от деревянного столба внутри церкви и христианские погребения, перекрытые золотоордынскими жилищами к западу от нее. (Нестерова, 2009. С. 196). Вне всякого сомнения, погребения свидетельствуют о наличии здесь христианского населения. Правда, не обязательно связывать этих христиан с поселением домонгольского периода. Насколько мне известно, никаких жилищ ранее золотоордынских на этой территории найдено не было. Погребения могли принадлежать рабам-христианам, согнанным для строительства города. Что касается одного (!) деревянного столба, то он вообще ни о чем не может свидетельствовать. Конечно, это не остатки деревянной церкви, так как при деревянном строительстве столбы не вкапываются. Скорее всего, это остатки строительных лесов. Такие столбы от лесов, вкопанные в землю, были найдены внутри мечети Селитренного городища и возле кирпичной стены усадебного здания (Зиливинская, 2008а, С. 35; 2008б. С. 74; 2009. С. 358; 2011. С. 19).

Таким образом, одноапсидная зальная церковь Старого Орхея, построенная в 60-е гг. XIV в., должна быть включена в корпус христианских построек Золотой Орды. Планировка ее, особенно в первом периоде, достаточно проста и универсальна. Нет никаких существенных деталей, которые позволили бы видеть здесь влияние той или иной архитектурной школы. Учитывая ее местоположение, можно предположить, что церковь Старого Орхея построена по образцу простейших построек южнославянских стран. Рассматривая план сооружения II периода, Т.П. Нестерова приводит многочисленные аналогии каменных и деревянных церквей Румынии, которые имеют сходную планировку (рис. 98.3-7), то есть состоят из наоса с сильно выступающей апсидой и нартекса, который в ряде случаев шире основного объема церкви и имеет скошенные углы (Nesterov, 2003. P. 415-417). На основании этих аналогий исследовательница предлагает вариант графической реконструкции церкви Старого Орхея (рис. 22.2).

Северный Кавказ

Еще одним регионом Золотой Орды, в котором христианство имело глубокие корни, был Северный Кавказ. Христианство здесь было принято в начале X в., тогда же была образована Аланская епархия (Кузнецов, 1977. С 12-28). Центром ее и, возможно, резиденцией аланского митрополита являлось Нижне-Архызское городище на р. Зеленчук, на котором находятся три наиболее крупных храма крестово-купольной планировки (один из них кафедральный) и 11

* На каждого молящегося в мечети должно приходиться не менее 1 кв. м. (http://turkey-info.ru/forum/viewtopic.php?f=16&t=3004521)

** Площадь части православного храма, где располагаются молящиеся, рекомендуется принимать из расчета минимум 0,25 м^2 на одного человека. Общую площадь храма рекомендуется принимать из расчета от 0,5 до 1 м^2 на единицу вместимости храма без учета солеи с клиросами и алтаря. (http://files.stroyinf.ru/Data1/6/6842/)

небольших зальных церквей (Кузнецов, 1977. С. 119). С этого же времени церкви возводились на Северном Кавказе повсеместно, причем архитектура их достаточно разнообразна (Кузнецов, 1977; Каминский, Каминская, 1996. С. 172-180). Наряду с наиболее крупными храмами крестово-купольной планировки здесь строились также крестообразные храмы и базилики, но наибольшую группу составляют небольшие зальные церкви, которые различаются формой алтарной части (с апсидой, выступающей или вписанной в план здания, а также прямоугольной формы) и наличием или отсутствием притвора. Подробная классификация храмов Алании приведена в книге Д.В. Белецкого и А.Ю. Виноградова (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 259-307).

После включения Северного Кавказа в состав Золотой Орды, Аланская епархия не только сохранилась, но и продолжала довольно активную деятельность (Кузнецов, 1977. С. 22-24). Соответственно здесь не только продолжали действовать старые храмы, но и строились новые. Так, например, известно, что как минимум одна христианская церковь была в городе Маджаре, который возник в золотоордынское время. Церковь эта упоминается в русских летописях в связи с гибелью в Орде тверского князя Михаила Ярославовича в 1319 г. Траурный кортеж с телом князя остановился на ночь в Маджаре, где находился православный храм. Татарские князья не разрешили внести тело князя в церковь, и его пришлось поставить в хлеву, где ночью над убиенным якобы появилось свечение (ПСРЛ, 1851. С. 213-215). И.В. Волков, исследовавший хачкар с маджарского городища, предположил, что эта церковь могла быть армянской, либо же храмов было два – аланский и армянский (Волков, 1996. С. 213-214). Возможно, один из этих храмов сохранился до XVIII в. (Кузнецов, 2003. С. 132), однако никаких сведений о его планировке не известно.

Уникальным по количеству исследованных на нем христианских церквей золотоордынского времени является городище Верхний Джулат или Татартуп в Северной Осетии. Четыре христианские церкви Верхнего Джулата являются именно золотоордынскими, так как город здесь возникает, хотя и на аланском поселении, но только во время Золотой Орды. Это обстоятельство отличает их от церквей Крыма, которые в большинстве своем можно считать золотоордынскими только по времени возникновения. В остальном (исключая церкви Солхата) они так же слабо связаны с Золотой Ордой, как сами крымские города, подчинявшиеся ей лишь номинально.

Церкви Верхнего Джулата были исследованы и достаточно подробно опубликованы В.А. Кузнецовым (Кузнецов, 2003. С. 131-157). Однако для полноты картины христианского зодчества в Золотой Орде следует привести их описание.

Церковь № 1 была раскопана О.В. Милорадович в 1959 г., а результаты раскопок опубликованы Е.И. Крупновым (Крупнов, 1963. С. 48-65). Здание находилось в центральной части городища примерно в 300 м от Большой мечети. Фундаменты стен постройки сложены из необработанных камней на известковом растворе, кладка стен была из обожженного кирпича также на известковом растворе. Основное здание церкви снаружи имело длину 7, 7 м и ширину 5,6 м (рис. 99). Объем его разделен на квадратный в плане наос и полукруглую, выступающую наружу апсиду. В углах небольшого (4.3 х 4,1 м) помещения имелись четыре квадратных угловых выступа. Размеры их составляли 1,4 х 1,4 м. Вероятнее всего, эти выступы представляли собой пилястры, на которые опирались подпружные арки, поддерживавшие барабан с куполом или просто купол.

Под апсидой находился подземный склеп (рис. 100). Квадратное в плане (2,45 х 2,45) помещение склепа имело купольное перекрытие. Высота его до зенита купола составляла 1,5 м. Вход в помещение склепа в виде небольшого коридорчика находился с восточной стороны. По мнению С.И. Крупнова, другой вход в виде люка должен был быть в зените купола (Крупнов, 1963. С. 56), однако, на мой взгляд, это маловероятно. Е.И. Крупнов назвал это сооружение криптой – подалтарной усыпальницей (Крупнов, 1963. С. 54). Но, как верно отмечает В.А. Кузнецов, настоящие крипты, характерные для католической архитектуры, – это обширные помещения, располагающиеся не только под алтарной частью, а зачастую под всем

зданием Исследователь предположил, что данный склеп представляет собой цеметерий*, а вся постройка над ним является мемориальной церковью над коллективной могилой христиан, возможно, принявших мученическую смерть (Кузнецов, 2003. С. 133-134).

Церковь окружала кирпичная галерея, стену которой Е.И. Крупнов называет оградой. Она была сложена несколько позже. Размеры ее 12,5 х 12 м. Одновременно с галереей, в перевязку с ее стеной, с южной стороны был сооружен еще один придел с апсидой. Размеры его 3,6 х 1.8 м.

Внутри церковь имела росписи, от которых сохранились лишь небольшие фрагменты. В.А. Кузнецов предполагает, что это та самая церковь, которую видел и описал И. А. Гюльденштедт, посетивший Верхний Джулат в 1773 г. (Кузнецов, 2003. С. 132). И. А. Гюльденштедт описывает кирпичное здание с цилиндрическим барабаном и остатками фресковых росписей. В то время на росписях были хорошо различимы голова Богоматери на черной подушке, фигура Иоанна Крестителя с черным ягненком на руках и в барабане фигуры святых в облачениях с белыми крестами и красными епитрахилями (Güldenstädt, 1787. С. 503-508).

Е.И. Крупнов и О.В. Милорадович датировали церковь № 1 домонгольским временем. Такая датировка никак не подтверждалась археологически и основывалась на мнении о том, что в золотоордынском городе не мог быть построен христианский храм. В.А. Кузнецов на основе анализа стратиграфии и строительных материалов убедительно доказал принадлежность здания к золотоордынскому периоду. Время возведения церкви № 1 он относит к началу XIV в. (Кузнецов, 2003. С. 135).

Церковь № 2 находилась в 1,2 км к югу от Татартупского минарета (рис. 101). В строительстве церкви № 2 различаются два периода. В первом периоде церковь состояла из наоса с примыкающей к нему апсидой, вероятно, полукруглой формы. Стены апсиды были почти полностью разрушены. Прямоугольный в плане наос имел размеры 7, 8 х 3, 9 в интерьере. Фундамент стен сложен из булыжника на известковом растворе, стены – из квадратного золотоордынского кирпича также на известковом растворе. Толщина стен – 90-100 см. Вход в церковь находился с западной стороны и имел ширину около 1 м. Пол помещения был покрыт толстым слоем известкового раствора, стены оштукатурены.

Под апсидой находился склеп такой же конструкции, как и склеп церкви № 1. Камера склепа в плане была близка к квадрату. Размеры ее в нижней части 1,9 х 1, 85 м, высота склепа – 1,4 м. Склеп имел купольное перекрытие на угловых парусах. Купол образован слоями кладки, которые имели наклон за счет утолщения слоя раствора. В зените купола было отверстие, которое, скорее всего, образовалось в результате разрушения. Вход в помещение склепа в виде узкого и низкого коридорчика со сводчатым перекрытием находился с восточной стороны. Внутри крипты лежали остатки шести скелетов. Вокруг церкви располагался христианский некрополь.

Во втором периоде с западной стороны было пристроено помещение притвора, и общая длина здания достигла 15,4 м. Стены нартекса сложены в другой технике, нежели стены основного здания, так называемой «ганджийской» кладкой, из тесаных блоков, булыжников и слоев кирпича. Нартекс был квадратным в плане, размеры его 4,55 х 4,55 м. В углах находились пилоны, благодаря которым помещение в плане имело вид вписанного креста. Такая планировка предполагает купольное перекрытие. Вход в притвор сделан с западной стороны.

Здание имело черепичное покрытие, причем на некоторых черепицах имелись надписи на грузинском языке, что указывает на присутствие в Верхнем Джулате строительных бригад из Грузии. По мнению В.А. Кузнецова, церковь № 2 была построена в одно время с церковью № 1, а перестроена она была после 20-х гг. XIV в. (Кузнецов, 2003. С. 140).

Церковь № 3 находилась в 700 м к юго-востоку от церкви № 2, недалеко от берега р. Терека. Церковь простейшего плана, состояла из молитвенного зала и апсиды (рис. 102). Она

* В античное время катакомбы, служившие для погребения христианских мучеников.

имела длину 9 м и ширину 5,6 м. Стены стояли на фундаменте из крупного булыжника. Они сложены из чередующихся слоев камней и кирпичей на толстом слое известкового раствора в технике так называемой «ганджийской кладки». Толщина стен около 80 см. В южной стене находился входной проем шириной 1 м.

Апсида церкви № 3 сильно разрушена, но с южной стороны сохранился выступ заплечика. Крыша здания была покрыта черепицей, аналогичной черепице церкви № 1.

Внутри стены церкви были оштукатурены и, возможно, расписаны. Пол выложен рядами обожженных кирпичей без смещения. Вдоль стен вымостка пола обрамлена бордюром из кирпичей, поставленных на ребро. Стенка из 13 кирпичей, поставленных на ребро и скрепленных известковым раствором, отделяла пол от алтарной ниши. К западной стене церкви пристроены погребальные сооружения – склеп и христианский мавзолей. В.А. Кузнецов датирует постройку церкви № 3 первой половиной XIV в. и считает, что она была построена несколько позже, чем церкви 1 и 2 (Кузнецов, 2003. С. 143).

Церковь № 4 находилась на противоположном, правом берегу р. Терека. Она имела такую же планировку, как и церковь № 3, то есть состояла из наоса и апсиды (рис. 103). Размеры ее 6,6 х 4.5 м. Стены сложены из кирпича и стоят на булыжном фундаменте. Вход в здание, вероятно, находился с западной стороны. Наос имел внутренние размеры 3,7 х 2.6 м. Стены внутри покрыты серой штукатуркой, пол обмазан известковым раствором. Вдоль северной, южной и западной стен на высоте 18 см была сделана скамья шириной в 1 кирпич (25 см), которая также была оштукатурена.

Апсида, расположенная с восточной стороны, имела заплечья шириной 65 см. В центре апсиды, вплотную к ее стене находился квадратный кирпичный престол, севернее и южнее него вдоль стены апсиды шла узкая низенькая ступенька. В северной части апсиды было сделано кирпичное сопрестолье.

Вокруг церкви находилось христианское кладбище. Среди грунтовых могил на нем был раскопан кирпичный склеп (см. главу «Склепы»), конструкция которого почти в точности повторяет «крипты» в церквях № 1 и 2. В.А. Кузнецов считает, что церковь № 4 была построена одновременно с этими церквями (Кузнецов, 2003. С. 145).

Основные типы церквей и их генезис

Приведенный обзор христианских храмов в Золотой Орде показывает, что исследованы они еще достаточно слабо. Нам практически ничего не известно об архитектуре церквей центральной части Золотой Орды, и изучение их является делом будущего. В настоящее время можно сделать некоторые выводы о генезисе и традициях церковного зодчества только для двух регионов – Крыма и Северного Кавказа

В Крыму в золотоордынское время существовало огромное количество храмов, возведенных для адептов различных ветвей христианской религии. Архитектура этих церквей является отражением полиэтничного состава населения Крыма. Среди греческих храмов есть небольшие крестово-купольные постройки (Херсонес, Лаки, Каффа). Но большинство церквей представлено зальными постройками или так называемыми «однонефными базиликами». Крестово-купольные и зальные храмы Крыма построены под влиянием не столько Византии, сколько Малой Азии и Балкан. Зальные одноапсидные церкви вообще не характерны для столичной византийской архитектуры и строились преимущественно в провинции (Ионесян, 2013. С. 71).

Довольно интересным типом культовых построек являются двухапсидные храмы, представленные в золотоордынский период «храмом на консолях» в Судаке и двухапсидной церковью Фуны. Появление построек этого типа некоторые исследователи склонны связывать с армянскими переселенцами (Мордвинцев, Кисиль, 2002. С. 189). Однако здания этого типа встречаются на огромной территории, причем наибольшее их количество известно в Армении,

Малой Азии, островной Греции и Италии (Кирилко, 2012а. С. 221). По поводу архитектурных особенностей этих храмов исследователи не пришли к единому мнению. По утверждению О. Халпахчъяна, двухапсидные церкви возникли в результате эволюции одноапсидных (Халпахчьян, 1954. С. 60). Ю.Г. Лосицкий считает этот тип сооружений «не вполне сформировавшимся с архитектурной точки зрения», так как «механическое соединение двух объемов однонефных часовен не привело к образованию качественно нового типа сооружений, поскольку в нем не выделился общий… центр композиции и отсутствует четкое соподчинение главных и второстепенных элементов» (Лосицкий, 2002. С. 132). Ряд исследователей связывают различные части храмов с определенными функциями. Так, большая часть могла служить для литургии евхаристии, а меньшая использоваться для крещения или поминания. Подробно различные точки зрения на этот интересный и относительно редкий тип храмов приводятся в работе В.П. Кирилко (Кирилко, 2012а. С. 219-223). О.М. Ионесян считает наиболее вероятным предположение П. Хезеринга о том, что возникновение таких храмов связано с особенностями общественного развития островных поселений, жители которых принадлежали к двум конгрегациям христианства – православной и римско-католической. По его мнению, такие храмы, объединяющие в себе культовые учреждения двух разных конфессий, возникают в условиях ограниченных возможностей небольших замкнутых общин. Именно такая ситуация наблюдается в поселках и крепостях Крыма (Ионесян, 2012. С. 98).

Среди сохранившихся зданий Крыма большой процент составляют армянские церкви, также представленные крестово-купольными композициями и простыми зальными церквями. Следует отметить, что многие армянские церкви Крыма имеют выступающую апсиду, в чем, вероятно, сказалось греческое влияние. В церквях Армении апсида снаружи обычно не выделена. Католические церкви до нашего времени почти не сохранились, однако в архитектуре некоторых армянских церквей (Михаила и Гавриила, св. Сергия в Каффе, Св. Ильи у с. Богатое) отчетливо прослеживается влияние латинского Запада.

Анализ архитектурного декора, который представлен в Крыму почти исключительно резным камнем, показывает, что наряду с западной и армянской традициями достаточно явно прослеживается и малоазийская (Айбабина, 2001). Так же, как и в мусульманских постройках, элементы малоазийского сельджукского стиля присутствуют почти во всех христианских храмах Крыма.

Как уже отмечалось, золотоордынский центр слабо влиял на внутреннюю жизнь городов Крыма. Тем не менее, приток населения из Армении и Малой Азии, а с ним и новых строительных традиций, во многом явился результатом монгольских завоеваний. Что касается тенденций в строительстве культовых христианских сооружений, то они были совершенно идентичны как на территориях, подвластных Генуе, так и на собственно золотоордынских землях.

Единственная церковь Старого Орхея не позволяет сделать каких-либо серьезных выводов. Можно отметить, что она построена в той же технике, что и остальные архитектурные сооружения этого города, а планировка ее находит аналогии среди христианских памятников соседних балканских стран.

Церкви Верхнего Джулата являются христианскими храмами северокавказского города, возникшего в золотоордынское время. По архитектурным формам их можно разделить на две группы. Первую группу представляют зальные храмы с полукруглой апсидой, выраженной снаружи (тип IV.1.А по Д.В. Белецкому и А.Ю. Виноградову). К нему относятся церкви № 2 (в первом периоде), 3 и 4. Церковь № 1 представляет собой пример простейшего крестообразного храма (тип IV.3 по Д.В. Белецкому и А.Ю. Виноградову). Такую же планировку имеет притвор храма № 2, пристроенный во втором периоде.

Происхождение архитектурных форм храмов Верхнего Джулата рассматривалось различными исследователями, но наиболее подробный и аргументированный анализ приведен в книге В.А. Кузнецова (Кузнецов, 2003. С. 146-151). Тем не менее, не со всеми выводами исследователя можно согласиться, а некоторые важные детали остались вне поля его зрения.

В первой публикации церкви № 1 Е.И. Крупнов датировал время ее постройки XII в. и связывал ее планировку с древнерусской архитектурной традицией (Крупнов, 1963. С. 63-65). Чертами, присущими архитектуре древнерусских церквей, он считал наличие выступающей апсиды, пропорции плана подкупольной части и наличие подземного склепа под алтарной частью. В.А. Кузнецов справедливо отметил, что церкви подобного плана не являются чисто древнерусскими. Они весьма типичны для христианской архитектуры и встречаются в широком ареале и значительном временном промежутке. Что касается подалтарных крипт, то они как раз практически не встречаются в русских храмах (Кузнецов, 2003. С.146-147).

В.Б. Виноградов и С.А. Голованова, рассматривая три церкви Верхнего Джулата, считали, что в них прослеживаются черты грузинской архитектуры (Виноградов, Голованова, 1981. С. 154). С этим мнением В.А. Кузнецов также категорически не согласен. Он пишет о том, что все татартупские церкви имеют выступающую апсиду, а отличительной чертой грузинских и армянских храмов является апсида, вписанная в объем здания (Кузнецов, 2003. С. 150).

В.А. Кузнецов рассматривает различные элементы строительной техники и планировки вехнеджулатских храмов. Большое внимание он уделяет декоративной «ганджийской» кладке, в которой сочетаются слои камня, гальки и кирпича. В этой технике сложены стены церкви № 3 и притвора церкви №2, а также основание татартупского минарета. И хотя такая кладка встречается не только в Азербайджане, но и в Грузии и вообще в Закавказье, В.А. Кузнецов считает, что эти объекты были возведены именно азербайджанскими строителями. Основанием для этой гипотезы является сходство Татартупского минарета с минаретом в Шамхоре, а также тот факт, что во время войны с хулагуидским Ираном за Азербайджан хан Узбек мог вывести строителей оттуда (Кузнецов, 2003. С. 147-148, 157-159). В то же время, наличие черепицы с грузинскими надписями не исключает участие в строительстве мастеров из Грузии.

Большое внимание исследователь уделяет анализу склепов в апсидах церквей № 1 и 2. Он отмечает, что традиция сооружения крипт под зданием храма присуща не православной, а католической архитектуре, и признает в то же время, что небольшие склепы Верхнего Джулата по своей форме и размерам отличаются от крипт католических церквей, которые зачастую занимают пространство под всем зданием. Тем не менее, саму идею возникновения таких склепов В.А. Кузнецов связывает с итальянской экспансией и влиянием католической религии (Кузнецов, 2003. С. 150-157). Что касается формы, то, как отмечает автор, «в деталях крипты повторяют обычные золотоордынские кирпичные склепы XIV-XV вв. (например, в Старом Сарае с монетами XV в.)» (Кузнецов, 2003. С. 150). Парадокс заключается в то, что такие склепы не так и обычны в Золотой Орде. В настоящее время они известны только на небольшой территории Нижнего Поволжья (в Сарае и его окрестностях) и в Сарайчике (см. главу Склепы). Происхождение этих погребальных сооружений неясно, и относятся они к позднему периоду, то есть к самому концу XIV в. и началу XV в. В то время как практически идентичные им склепы в Верхнем Джулате датируются началом XIV в., то есть почти на сто лет раньше. Следовательно, можно предположить, что в Нижнее Поволжье и Западный Казахстан подобные склепы попали с Северного Кавказа. Однако нужно понять, каким образом они появились в этом регионе.

«Католическую» версию происхождения склепов Нижнего Джулата отвергают Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 264-268). Они еще раз подчеркивают, что подалтарные усыпальницы не имеют никакого отношения к криптам под ранневизантийскими и католическими церквями, так как крипты представляют собой обширные помещения, в которых совершались обряды, связанные с почитанием мощей.

Склепы Верхнего Джулата исследователи сравнивают с подземными склепами Грузии и широкого региона Северного Кавказа. Также они отмечают, что сводчатые пространства, предназначенные для погребений, были достаточно распространены в средневековье как в католической, так и византийской церковной архитектуре, а склепы под апсидами известны в различных храмах Грузии, Абхазии и Северного Кавказа. Далее авторы приходят к выводу, что «описанные верхнеджулатские склепы вполне соответствуют общехристианской традиции.

Однако их возводили мастера, принадлежащие к одной из восточных строительных школ и повторившие привычные им формы, обычные для мусульманского зодчества. Но, вероятно, сказалось местное происхождение заказчиков: этим можно объяснить существование в этих погребальных сооружениях черт, присущих аланским катакомбам и более поздним горским склепам» (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 267).

Пожалуй, с этим выводом можно согласиться. В.А. Кузнецов пишет о том, что церкви Верхнего Джулата должны были обслуживать местное алано-асское население, принявшее христианство в начале X в. и продолжавшее исповедовать его в золотоордынский период (Кузнецов, 2003. С. 149). Церкви № 1 и 2, по его мнению, были мемориальными постройками над погребениями местной духовной и светской элиты, а церкви № 3 и 4 – небольшими приходскими капеллами, окруженными христианскими кладбищами (Кузнецов, 2003. С. 157). Склепы в церквях № 1 и 2 по своим размерам и устройству напоминают аланские катакомбы. Они имеют купольное перекрытие, высота их составляет около 1,5 м, а в их внутреннее помещение можно попасть через узкий и низкий коридор, подобный дромосу. Но строительная техника и форма этих склепов происходит из восточной архитектуры: они сложены из кирпича, а переход от квадратного основания к куполу осуществляется при помощи тромпов или парусов. Так же как и наземные части церквей, они были сложены, скорее всего, азербайджанскими или среднеазиатскими строителями. Таким образом, появились небольшие купольные склепы оригинальной формы, которые встраивались под апсиды церквей или могли быть самостоятельными сооружениями.

Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов высказали сомнение в том, что склеп возле церкви № 4, а также аналогичные склепы Селитренного городища не имели надземной части, то есть были самостоятельными постройками, а не подземными усыпальницами мавзолеев (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 264). Но ни в Сарайчике, ни в Нижнем Поволжье, где раскопано в общей сложности более ста таких сооружений, нет никаких следов наземной постройки над ними, поэтому их можно назвать склепами-мавзолеями (См. главу «Склепы»). Мне представляется, что именно склепы Верхнего Джулата, построенные восточными мастерами по образу и подобию аланских катакомб и предназначенные для погребения аланов-христиан, являются прародителями всех построек этого типа. В более позднее время вместе с асским компонентом, входившим в состав ногайцев, эти склепы, трансформировавшиеся в мусульманские погребальные сооружения, проникли в Западный Казахстан и Нижнее Поволжье.

Важным вопросом остается определение генезиса собственно архитектурных форм церквей Верхнего Джулата. В.А. Кузнецов связывает их с обширным кругом памятников провинциально-византийской архитектуры. Ссылаясь на многочисленные аналогии, он пишет о том, что для малых форм церковных построек, к которым принадлежат рассматриваемые церкви, характерна общность принципов планового решения. Подобные небольшие приходские церкви встречаются в Крыму, на Балканах, Руси, а также в Армении и провинциальных городах Византии, (Кузнецов, 2003. С. 149; Ионесян, 2013). Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов указывают на то, что план церкви № 1 в виде вписанного креста характерен для византийской архитектуры XII-XIII вв. (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 287, 260).

Интересную планировочную структуру получила церковь № 1 во II периоде, когда была со всех сторон окружена галереей. Церкви с обходом вдоль северной, южной и западной стен известны в Армении и Грузии. Наиболее близким примером является храм Тхаба-Ерды в Ингушетии. Как отмечают исследователи, «структура зальной церкви с трехсторонней галереей формируется в зодчестве Закавказья уже в раннесредневековый период» (Казарян, Белецкий, 2009. С. 53). Но в церкви № 1 галерея находится и с восточной стороны, что не характерно для церквей с обходом. Как это ни странно, по своей планировке она напоминает церкви Кипра из горного массива Троодоса. Эти храмы, как простые зальные, так и в виде купольного зала, и крестово-купольные, окружены дополнительным периметром каменных стен, перекрытых кровлей. Таким образом, церкви оказываются помещены в каменный футляр с прорезанными в нем окнами и входными проемами, перекрытый двускатной крышей, что делает их внешне не

отличимыми от обычных сельских домов. Такое строение объясняется суровыми погодными условиями, в которых необходима дополнительная защита от дождя и снега (Ионесян, 2013. С. 104-105). Планировка верхнеджулатской церкви № 1 вряд ли возникла под влиянием этой достаточно локальной группы храмов горного Кипра. Скорее здесь можно предполагать сходство природных условий (частые дожди и снег), которые послужили причиной заключения храма в дополнительный «футляр».

Зальные храмы с выступающей апсидой достаточно стандартной планировки (№ 2 в первом периоде, № 3 и № 4) Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов связывают с византийско-абхазской строительной традицией (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 287, 260).

Удивительно, что никто из исследователей не обратил внимание на план церкви № 2 во втором периоде. Первоначально она представляла собой совершенно обычную небольшую зальную постройку с апсидой. Перекрыта она была, скорее всего, как и большинство подобных построек, цилиндрическим сводом. Наос этой церкви имеет почти квадратную форму, и в принципе мог иметь купольное перекрытие, но отсутствие угловых пилонов в интерьере говорит о том, что купол здесь менее вероятен. Позже к церкви был пристроен квадратный придел с угловыми выступами. Такая планировка предполагает наличие купола, что совершенно не характерно для перекрытия притворов. Обычно купол возводится над основным помещением церкви. Здесь же получилась совершенно не типичная планировка с купольным нартексом, сводчатым наосом и выступающей апсидой.

Таким образом, архитектура церквей Верхнего Джулата является ярким воплощением синтетической культуры Золотой Орды. В их архитектурных формах и строительной технике прослеживается влияние Византии, Абхазии, Грузии, Азербайджана и местные аланские традиции.

Рассматривая христианскую архитектуру различных частей Золотой Орды в целом, следует отметить, что все известные нам храмы – это небольшие, довольно скромные постройки простого плана. Особенности планировки и оформления их связаны, прежде всего, с населением тех общин, для которых они были предназначены. Здесь нет такого единообразия плана, как в золотоордынских Джума мечетях, строительство которых, вероятно, велось в русле государственной политики. В остальном, так же как и другие категории зданий, они несут на себе печать смешения различных архитектурных и строительных традиций.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ

Глава 5. Мавзолеи

Возникновение, основные линии развития

Первым мемориальным сооружением, которое получило название «мавзолей», была гробница карийского правителя Мавсола, сооруженная в середине IV века до н. э. в Галикарнасе. Галикарнасский мавзолей считался одним из античных чудес света. Достаточно распространены были мавзолеи в римское время, особенно на Переднем Востоке. Большинство римских мавзолеев, известных в настоящее время, происходит из Сирии. Эти здания языческой архитектуры послужили моделью для христианских мемориальных построек Византии. Сооружения, в которых находились тела или останки святых или персонажей Старого и Нового Заветов, занимали почетное место в странах с классической христианской культурой и стали называться там «мартирии». Понятие же «мавзолей» в нашем сознании наиболее прочно связывается с мусульманской культурой. Это совершенно естественно, так как именно в мусульманских странах мавзолеи получили широчайшее распространение. Количество их огромно, и роль в создании архитектурного облика городов и других местностей весьма существенна. Правда, на Востоке мемориальные постройки не называли мавзолеями. Терминология для обозначения этих зданий достаточно разнообразна. Наиболее употребительное арабское название кубба (по-персидски гунбад) указывает на то, что мавзолеи всегда перекрывались куполами. Часто встречается термин тюрбе (дюрбе), отражающий назначение здания. Существовали и другие обозначения (Hillenbrand, 1994. P. 255-260).

Мавзолеи имели и имеют в мусульманских странах большое социальное и религиозное значение. Этот факт может показаться парадоксальным, так как классический ислам отвергает возведение каких-либо сооружений над могилой. Также ранние мусульмане выступали против каких-либо демонстраций, связанных со смертью, оплакиванием и погребением. Сурово порицались все возможные практики оплакивания, такие как вопли, разрывание одежд, посыпание тела золой и пылью. Вместо этого, как проповедал сам пророк, нужно быстро опустить умершего в могилу, чем скорее, тем лучше для правоверного. Сама могила должна быть в уровень земли, и никакое сооружение не должно ее обозначать. Это разравнивание могил должно было символизировать равенство всех живущих в смерти, если не в жизни. Оно является частью древнего исламского обычая забрасывания могилы землей, о котором говорится в Коране (сура XX:57 (55): «Из нее Мы вас сотворили, и в нее вас вернем, и из нее вас изведем в другой раз» (Коран, 1990. С. 260). В хадисах говорится, что Мухаммед предостерегал от обозначения могилы специальными сооружениями. Сам он был похоронен под полом одной из комнат собственного дома, но меньше чем через одно поколение над его могилой возвели специальную постройку, а через 70 лет после его смерти гробница была заново украшена и заняла почетное место в роскошной мечети Пророка, построенной при Омейадском халифе ал-Валиде I. Несмотря на взгляды суровых ортодоксов и строгость раннего Ислама, это место было провозглашено местом погребения и почитания Пророка (Hillenbrand, 1994. P. 253).

Тем не менее, это не значит, что мавзолеи начали немедленно появляться во всем мусульманском мире. В первые два века Ислама многие мусульмане, следуя примеру самих халифов, были погребены в простых могилах. В конце концов, роскошная погребальная архитектура победила косные взгляды ортодоксов. В конце IX в. Аббасидские халифы были похоронены в своих собственных гробницах, при этом большинство требований к скромности погребения не соблюдались. Это относится в частности к богатым шелковым саванам, вместо простых белых из хлопка, и искусно разукрашенным резным гробам из экзотических и дорогих сортов дерева вместо простых планок, сбитых вместе. Точно так же изменились и погребальные обряды. На погребении присутствовало большое число народа, а над могилой

возводили стелы с вырезанными надписями (Hillenbrand, 1994. P. 254). Богатые саваны, гробы и стелы были грубым нарушением строгих установок ортодоксов, но более всего они воплотились в возведении мавзолеев. Как это часто бывало в средневековом исламском мире, оппозиция ортодоксии выступала под видом религиозной манифестации. Так, самые ранние зафиксированные мусульманские мавзолеи были воздвигнуты над могилами выдающихся сподвижников Пророка, шиитских мучеников и важнейших фигур Старого и Нового Заветов. Ни один из этих мавзолеев VIII-IX вв., которые были сконцентрированы в Леванте, Аравии и Египте, не сохранился, однако память о них долго жила в устной традиции. Самый ранний доживший до настоящего времени мавзолей – это усыпальница халифа Мунтасира в Самарре. Здание, называемое Кубба аль Сулабийа, представляло собой открытую со всех сторон восьмигранную постройку с квадратным погребальным залом, перекрытым шестиметровым в сечении куполом (рис. 104.1). Мавзолей был построен в середине IX в. по повелению матери халифа, которая относилась к греческой ортодоксальной церкви и добилась разрешения на строительство усыпальницы над захоронением сына. Впоследствии в этом мавзолее были похоронены халифы ал Мутазз и ал Мухтади (Stierlin, 1996. P. 135).

С этого времени мавзолеи получили широчайшее распространение в мусульманском мире и заняли существенное место в сознании приверженцев ислама. Роль их была весьма своеобразна. С одной стороны, мавзолеи мало чем отличались от роскошных мемориальных построек в других культурах и должны были возвеличить погребенного. Первые мавзолеи были мирскими гробницами, так как каждый, у кого были деньги, мог построить мавзолей. В то же время в исламе часто довольно трудно отделить мирское от духовного. В частности это относится к сподвижникам Пророка, которые были знатными людьми, и в то же время имамами. Эта двойственность была перенесена и на мавзолеи, которые с одной стороны являлись мирскими поминальными памятниками, а с другой – должны были рождать религиозные ассоциации. Большое значение имели также могилы святых людей – имамзода. Например, некрополь Шах-и-Зинда в Самарканде был воздвигнут для членов правящей династии, но расположение его связано с местом погребения (скорее всего, ложным) Хуттама ал-Аббаса, двоюродного брата и ближайшего сподвижника Пророка (Немцева, Шваб, 1979. С. 27-31). Считалось почетным быть похороненным рядом со святыми мощами. Таким образом в мусульманских странах возникали многие крупные некрополи. Интересно, что со временем имена владельцев мирских мавзолеев забывались, и устная традиция связывала их с погребениями «святых» людей. То есть любой мавзолей мог стать объектом поклонения в «народном» или «популярном» исламе. Как остроумно замечает Р. Хилленбранд, «эта готовность превратить мирской мавзолей в возможный религиозный символ происходит от той ауры, которая окружает мавзолеи в мусульманском мире. Ирония заключается в том, что эта аура отличается от нарисованной в хадисах картины о владениях Пророка, в которых недвусмысленно говорится, что Пророк не любил роскошную архитектуру. Это может быть интерпретировано двояко: во-первых, как реакция народа на надоевшие запреты, а во-вторых, как безнадежная попытка одновременно выполнить религиозный долг и в то же время нарушить его» (Hillenbrand, 1994. P. 264). Особого размаха почитание мавзолеев достигло с распространением суфизма, который проповедовал культ святых могил (мазаров).

Рассматривая сложение архитектурных форм мавзолеев, исследователи выделяют две основные провинции, центры которых находились в Египте и Иране. Это связано с политическими границами того времени. Египет, Левант и Аравия образовывали единую политическую структуру под властью мамлюков. Аналогичным образом Анатолия, Ирак, Кавказ, Средняя Азия, Афганистан и Индия находились в сфере влияния Ирана. Интересно, что в западной части мусульманского мира, в Магрибе и Андалузии средневековые мавзолеи совершенно не известны. Это не означает, что усыпальницы здесь вообще не строились. Существенная разница между этим районом и остальным мусульманским миром заключается в том, что мавзолеи здесь были исключительно небольшими, непретенциозными постройками и не играли такой роли в общественной жизни.

Ранние мавзолеи Ирана (и связанных с ним регионов) делятся на две большие типологические группы: здания кубического объема, увенчанные куполом, и башенные постройки. Башенные мавзолеи строились для правителей и других светских лиц. Квадратные в плане купольные постройки служили местом погребения и почитания духовных лиц – имамзода. Кубические постройки, в свою очередь, разделяются на центрические и портальные. У центрических мавзолеев все фасады одинаковы, они имеют четыре входа с каждой стороны или два на одной оси. Такая форма предполагает, что здание стоит отдельно и подойти к нему можно с любой стороны. В портальных мавзолеях выделен один фасад, в котором находится вход. Входной проем оформлен в виде высокой арочной ниши в прямоугольной раме. Такой портал, называемый по-персидски пештак (передняя арка), может выступать из фасадной стены или быть выше самого здания. В композиции таких зданий основной акцент делается на портал, что предполагает подход к ним с одной стороны.

Наиболее ранним из сохранившихся центрических мавзолеев является мавзолей Саманидов в Бухаре, который датируется рубежом IX-X вв. Небольшой (со стороной 10, 75 м) кубический объем здания увенчан слегка заостренным куполом (рис. 104.2). Все четыре фасады его одинаковы, на осях фасадов лежат входы, обрамленные арочными нишами. Верхнюю часть кубического объема венчает арочная галерея, на углах его находятся маленькие декоративные купола. Здание целиком сложено из кирпича, причем внешняя облицовка, сделанная из кирпичей разного формата и специально выточенных декоративных элементов, представляет собой сплошной кирпичный узор. Долгое время считалось, что портальные мавзолеи произошли от центрических в результате закрывания трех входов и разрастания главного фасада. Однако открытие мавзолея Араб-ата в Тиме (Узбекистан) опровергло это мнение. Мавзолей имеет точную датировку: на его портале сохранилась дата – 977/978 г. Кубическое (8,0 х 8,7 м) здание мавзолея также перекрыто куполом, но отличает его наличие массивного пештака, украшенного сложной пластикой и богатым резным декором (рис. 104.3). По высоте пештак лишь немного не достигал высоты купола. Оба мавзолея имеют небольшие размеры, но им нет равных по сложности и красоте ганчевого и кирпичного декора.

Вопрос о происхождении кубических мавзолеев решается учеными неоднозначно. Их предшественниками считаются христианские мартирии, доисламские погребальные сооружения Ирана (дахмы и наусы), а также маздеистские павильоны для выставления покойников до погребения (кеды), которые в свою очередь ведут свое происхождение от жилых домов. Центрические мавзолеи также связывают с зороастрийскими храмами огня, центральная часть которых, чортак, представляет собой купольную постройку с четырьмя широкими арочными проходами по сторонам.

Другая линия развития представлена башенными мавзолеями. Самый известный из них – башня Гумбад-и Кабус. Мавзолей представляет собой круглую, слегка сужающуюся кверху башню под коническим куполом (рис. 104.4). Ствол расчленяют десять треугольных выступающих ребер, которые упираются внизу и вверху в покатый обрез. Здание опоясывают две надписи на высоте 8 м под крышей. На них изображено имя Кабуса и время постройки мавзолея – 1006-1007 гг. Башня Кабуса представляет собой грандиозную постройку, не имеющую аналогов в средневековом зодчестве. Диаметр ее составляет 14,6 м, высота около 51 м, еще на 10 м в глубину уходит фундамент.

Происхождение этого мавзолея еще более туманно. Считается, что он был построен как фамильная усыпальница семьи, перешедшей к исламу от зороастризма и тесно связанной с доисламскими традициями. Это подтверждается использованием как солнечного, так и лунного календаря в надписях на ней. Широко распространенной является гипотеза о трансформации в башенные постройки сооружений кочевников, таких как юрта. Г.А. Пугаченкова высказала предположение, что этот тип зданий происходит от сырцовых и курганообразных погребальных сооружений тюркских народов, которые в процессе развития соединились с среднеазиатским кирпичным минаретом и создали архитектурный образ башнеобразного мавзолея с шатровой крышей (Пугаченкова, 1949. С. 74).

Так или иначе, все многообразие мавзолеев последующих веков произошло от этих трех типов зданий. Все они представляют собой трансформацию или соединение отдельных элементов центрических, портальных или башенных мавзолеев. В рамках данной работы невозможно дать общую картину развития этой категории зданий в различных странах и регионах, поэтому они будут рассматриваться только в связи с золотоордынскими памятниками.

В Золотой Орде, как и в других странах этого времени, где мусульманская религия играла существенную роль, мавзолеи строились повсеместно. Тем более что в золотоордынских городах наибольшим влиянием пользовались проповедники суфизма (Галиахметова, 2007; Васильев, 2007. С. 20-39). Среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры мавзолеи составляют наибольшее количество (рис. 105). Отдельные постройки сохранились до наших дней, некоторые известны по рисункам и описаниям исследователей и путешественников предыдущих веков. Общее число золотоордынских мавзолеев, планировка которых может быть в той или иной степени проанализирована, приближается к сотне. Рассмотрим эту категорию зданий по регионам.

Обзор по регионам Золотой Орды

Волжская Болгария и мордовские земли

Среди сохранившихся монументальных построек Болгара видное место занимают мавзолеи. Самой крупной постройкой является памятник, носящий название Черная палата (рис. 106-108). Это квадратное в плане купольное здание, общая высота которого в настоящее время достигает 12 м. По вертикали здание разделено на четыре яруса.

Нижний, цокольный ярус имеет форму усеченной пирамиды, которая сужается от 11,5 до 10 м. Высота ее 1,8 м над современной дневной поверхностью. В северной стене цоколя сделан вход со стрельчатым верхом, который ведет в нижнее, полуподземное помещение. Вокруг цокольной части со всех сторон были пристроены небольшие камеры, остатки которых хорошо видны на изображениях, сделанных в XVIII-XIX вв. (Чернецовы, 1970. С. 98; Айдаров, 2001. Рис. 65.а, 66.в, г). Археологические раскопки выявили их планировку (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967). Дополнительные помещения опоясывали здание с западной, южной и восточной сторон на ширину 2 м и с северной стороны на 3 м. Самым большим было коридорообразное северное помещение размерами 12,2 х 2,2 м. С восточной стороны были сделаны три небольших комнатки (размеры 1,6 х 1,8 м; 3,0 х 1,9 м; 2,0 х 1,9 м), а с западной – одна, длинная и узкая (7,4 х 2,2 м). Перед южным фасадом с восточной и западной сторон находились два помещения размерами 4,4-4,2 х 1,6 м. Между ними перед южным входом был сделан широкий проем. Возможно, здесь находился айван шириной около 3 м. Западная стена у своего северного угла имела два выступа, которые можно рассматривать как пилоны входа. Длина их около 2 м, расстояние между ними чуть больше 3 м. Снаружи к этому «порталу» довольно небрежно и несколько криво пристроена трапециевидная конструкция длиной 4 м и шириной 1,76 м с западной стороны и 1,8 м – с восточной. Она была поставлена без фундамента, имела в верхней части переход к коробовому своду и представляла собой остатки более позднего мавзолея (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967. С. 284). В.В. Егерев считал, что все пристройки были сделаны позже и не имеют непосредственного отношения к первоначальному зданию, на что указывает, в частности, наклон стен цокольного яруса (Егерев, 1958. С. 366). С.С. Айдаров придерживается противоположного мнения и считает, что облицовка цокольной части сделана в XIX в., а помещения, окружавшие здание, составляют «органическое целое с первоначальным обликом Черной палаты» (Айдаров, 2001. С. 62-63).

Второй ярус имеет размеры 10 х 10 м и высоту 4,15 м. По центру всех его сторон сделаны дверные проемы стрельчатого очертания, на южной стене по сторонам от двери находятся два окна стрельчатой формы. Третий ярус также квадратный в плане, но несколько меньших размеров. Высота его – 1,6 м. В третьем ярусе каждая стена снабжена небольшим стрельчатым окошком. Четвертый ярус постройки представлен восьмигранной призмой со стороной около

5 м и высотой 2 м. Все восемь граней верхнего яруса имеют по одному окну, причем вокруг каждого сделано стрельчатое, а затем прямоугольное обрамление. Восьмигранник перекрыт несколько уплощенным куполом. Пологая форма купола, а также незначительная толщина его кладки позволила предположить, что он является внутренним. Обследование верхней части стен восьмерика показало, что изначально они были несколько выше, следовательно, на них опиралось внешнее покрытие (Айдаров, 2001. С. 58). В.В. Егерев считал, что оно было конической формы и, возможно, было выполнено из дерева (Егерев, 1958. С. 369).

Внутри мавзолей имел над цокольной частью балочное перекрытие и был разделен на два помещения. Стены нижнего полуподземного помещения были гладко оштукатурены, интерьер верхнего, расположенного выше уровня земли, более разнообразен (рис. 109). В верхних ярусах стены отделаны пилястрами и трехчетвертными колоннами, окна третьего и четвертого ярусов выделены стрельчатыми архивольтами. Переход к восьмерику осуществлен при помощи полусферических тромпов, декорированных сталактитами, а тимпаны арок украшены лепными розетками и шестиконечными звездами. Окна были забраны ганчевыми решетками «панджара» с вставленными в них круглыми оконными стеклами.

Здание построено из камня в типичной для Волжской Болгарии технике. Цокольный этаж и четверик второго яруса сложены панцирной кладкой, причем внешняя облицовка составлена из тщательно отесанных блоков, а внутренняя из грубо сколотых камней на растворе. Заполнение между ними сделано из мелкого бута со значительным добавлением известково-алебастрового раствора. Восьмигранный ярус и купол выполнены бутовой кладкой без облицовки на растворе большой прочности. Большинство исследователей считает, что кладка, примененная при строительстве Черной палаты, происходит из Закавказья (Смирнов, 1951. С. 144; Егерев, 1958. С. 367).

По своей планировке, размерам и количеству помещений Черная палата значительно отличается от остальных болгарских мавзолеев. Поэтому различные исследователи атрибутировали это здание по-разному. Так, А.П. Смирнов в разные годы описывал это здание как мечеть (Смирнов, 1951. С. 208), мавзолей (Булгары – Черная палата, 1951. С. 7), ханака (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967. С. 284). В.В. Егерев считал его центрально-купольным мавзолеем (Булгары…, 1951. С. 12; Егерев, 1958. С. 366). Ф.Х. Валеев придерживается мнения, что здание использовалось как ханака и по своей структуре близко к ханака в Евпатории (Валеев, 1975. С. 140). С.С. Айдаров, основываясь на бытующих в этих местах легендах, приписывает Черной палате функции судного места с тюрьмой в цокольной части (Айдаров, 1976. С. 142; 2001. С. 64-65). Исследователь совершенно справедливо отмечает, что данное сооружение не могло быть мечетью, так как в каждой его стене имеется проход и нет места для михраба. В то же время он отказывается видеть в нем мемориальное сооружение, так как в одной из стен, окружающих основной объем здания, был расчищен канал квадратного сечения, который прорезает восточную стену и входит внутрь цокольного помещения. По его мнению, в этом канале могла быть проложена керамическая водопроводная труба, что совершенно невозможно в мемориальном сооружении и абсолютно естественно в здании суда (Айдаров, 2001. С. 63-64).

С.С. Айдаров предлагает вариант реконструкции первоначального облика здания (Айдаров, 2001. Рис. 70). Он считает, что основной объем был окружен двухъярусными крытыми галереями с небольшими помещениями, которые чередовались с открытыми лоджиями. Здание имело мощный выступающий портал, расположенный у его северо-западного угла, а перекрыто было восьмидольным сомкнутым сводом, так как шатровое покрытие характерно только для мавзолеев (Айдаров, 2001. С. 65-66). Наиболее близким по архитектуре Черной палате С.С. Айдаров считает Здание Диван-хане в Баку (XV в.), которое тоже по преданиям считается «ханским судилищем». Между тем известный исследователь азербайджанского зодчества Л.С. Бретаницкий называл такую трактовку назначения Диван-хане «домыслами, сдобренными значительной долей романтической экзотики» и прямо указывал, что это сооружение мемориального назначения – мавзолей, о чем свидетельствует вся его объемно-

планировочная композиция (Бретаницкий, 1988а. С. 98). В Диван-хане, как и в Черной палате, имеется нижнее, полуподземное помещение склепа. Такая двухкамерная структура характерна для мавзолеев Азербайджана, Малой Азии, Среднего Востока.

Черная палата, в том виде, в котором она дошла до наших дней, без сомнения, представляет собой типичный пример центрического мавзолея, имеющего четыре входа и одинаковые фасады со всех сторон. Самой известной и одной из наиболее ранних построек этого типа является мавзолей Исмаила Самани X в. в Бухаре, которому посвящена огромная литература. Центрические мавзолеи были широко распространены на Среднем Востоке в домонгольское время (Хмельницкий, 1992. С. 122-156; 1996. С. 153-161). Наиболее близки Черной палате по объемно-пространственной композиции центрические мавзолеи Даваздах имама в Йезде (XI в.) и мавзолей султана Санджара в Мерве (XII в.), а также закрытые фасадные мавзолеи Фахраддина Рази (XII в.) в Куня Ургенче и Гунбад-е Сурх в Мараге (рис. 110.1-4) (Пугаченкова, 1958. С. 315-328; Якубовский, 1930. С. 39-48; Прибыткова, 1961. С. 166-169; Хмельницкий, 1996. С. 174-179; Hillenbrand, 1994. P. 291; Усейнов и др., 1963. С. 81-83). Все они состоят из одного или нескольких квадратных в плане ярусов, которые переходят в восьмигранную призму, увенчанную куполом или шатром. Такую структуру зданий исследователи связывают с сельджукской традицией (Воронина, 1977, С. 125; Хмельницкий, 1996. С. 176-177; Hillenbrand, 1994. P. 294). Известны подобные мавзолеи и в Анатолии, хотя большее распространение там получили башенные мавзолеи. Примером кубического мавзолея с шатровым покрытием является усыпальница Нур ал-Дина бей Сентимура (рис. 110.5) (Hillenbrand, 1994. P. 307). В дальнейшем эта традиция получила развитие в османское время, и турецкие мавзолеи, а также небольшие купольные мечети XV в., поразительным образом напоминают Черную палату. Это связано, естественно, не с тем, что зодчие Османов взяли за образец болгарский мавзолей, а с тем, что эти памятники имеют общие истоки.

С мавзолеями центрического плана сравнивал Черную палату и В.В. Егерев, который на основании архитектурного анализа относил время ее строительства к XII, самое позднее – началу XIII в. (Егерев, 1958, С. 369-371). Раскопки 1957 г. показали, что Черная палата была построена в золотоордынское время (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967. С. 285; Смирнов, 1976. С.11).

С.С. Айдаров также приводит многочисленные аналогии из среднеазиатского зодчества преимущественно из ансамбля Шах-и Зинда, однако все они относятся к совершенно иному типу портальных мавзолеев (Айдаров, 2001. С 65). Именно этот комплекс вдохновил исследователя в создании реконструкции внешнего облика Черной палаты (рис. 107.5). Однако многое в этой реконструкции кажется фантастичным. Прежде всего, непонятно, почему главный вход в комплекс с мощным порталом находился у северо-западного угла здания. Здание, обращенное входами на все четыре стороны, обычно не имеет развитого портала. Асимметричная планировка также не характерна для мемориальных построек простого плана, а в этом случае портал не только смещен относительно осей симметрии, но и не соединяется с входами в основной объем.

Исходя из общей планировки Черной палаты, я склонна принять точку зрения В.В. Егерева о том, что опоясывающие здание помещения были возведены позднее. Кстати говоря, археологические раскопки также показали, что не все стены пристройки одновременны (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967. С. 284). Изначально Черная палата представляла собой центрический мавзолей с одинаковыми фасадами со всех сторон, впоследствии нижняя часть здания была охвачена пристройкой. Если стены пристройки поднимались выше цокольного этажа, то три входа (западный, северный и восточный) перестали сообщаться с улицей. Южный вход стал главным, и с внешней стороны он, скорее всего, был оформлен порталом с айваном. Выступы западной стены, вероятно, также оформляли другой, боковой вход. Такая перепланировка мавзолея могла быть связана с изменением его назначения. Возможно, здесь был похоронен какой-то почитаемый человек, его усыпальница стала местом поклонения и стала использоваться как место религиозных собраний. Довольно

трудно представить, что боковые комнаты шириной около 2 м могли быть жилыми, поэтому в Черной палате вряд ли могла располагаться ханака. Но стремление сделать пространство более закрытым (и менее холодным), наличие двух входов и нескольких дополнительных помещений свидетельствуют о том, что в центральной части здания могли собираться люди для проведения каких-то религиозных обрядов. Возможен также другой вариант. В том случае, если пристройка не превышала высоты цокольного этажа (2,5 м), комнаты ее можно рассматривать как дополнительные погребальные камеры. Наличие пристроек, окружающих центральное здание мавзолея, сближает Черную палату с крупными мавзолеями Средней Азии, такими как мавзолей султана Санджара в Мерве и шейха Шерефа в Ургенче.

Возвращаясь к реконструкции С.С. Айдарова, следует также сказать, что возражения вызывает восьмидольная форма купола, перекрывающего восьмигранник. Если брать за образец архитектуру Средней Азии, то все рассматриваемые исследователем постройки имеют полусферический или сфероконический купол, дольчатый купол имеет только более позднее здание Диван-хане в Баку. Шатровое покрытие автор отметает как характерное только для мемориальных зданий. Мне представляется, что скорее прав В.В. Егерев, и Черная палата, как и остальные мавзолеи Болгара, была перекрыта шатровой крышей.

Черная палата отличается по планировке от остальных болгарских мавзолеев и превосходит их по размерам. Поэтому В.В. Егерев выделил его в отдельную группу (Егерев, 1958. С. 336). Прочие мавзолеи Болгара меньше по размерам и проще по архитектуре. Они построены в характерной для Волжской Болгарии строительной технике из рваного известняка и известкового туфа с применением блоков грубой отески на известковом растворе.

Лучше всего сохранился Восточный мавзолей, расположенный недалеко от мечети. В литературе он также известен под названием «церковь святого Николая» или «Никольская церковь». Такое название объясняется тем, что в конце XVII-начале XVIII в. здание было приспособлено под православный храм. Внутренний купол был перекрыт восьмискатной железной крышей и увенчан небольшой главкой с крестом. Благодаря этому перекрытию, мавзолей не подвергался дальнейшему разрушению. Мавзолей состоит из двух ярусов, завершающихся куполом (рис. 111). Нижний ярус квадратный в плане размерами 11 х 11 м (внутренние размеры 8,5 х 8,5 м). С западной стороны находился дверной проем, а во всех остальных стенах – стрельчато-арочные окна. Археологические исследования 1965-1966 гг. показали, что первоначально вход находился с южной стороны. Он был оформлен порталом шириной около 5 м, пилоны которого имели длину 2, 5 м (Айдаров, 2001. С. 35, 36). На высоте около 2 м при помощи срезки углов наклонными поверхностями четверик переходит в восьмигранник, который, в свою очередь, перекрывается куполом. Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи пирамидальных тромпов (рис. 112). На каждой стороне восьмигранника, кроме южной, снаружи имеется декор в виде уступчатых прямоугольных ниш, в которые вписаны нишки стрельчатого очертания, подобные окнам в восьмерике Черной палаты. Как показало архитектурное обследование, внутренний уплощенный полусферический купол мавзолея был перекрыт каменным шатровым покрытием. Внутри стены мавзолея были оштукатурены, в углах помещения обнаружены голосники в виде узкогорлых сосудов, утопленных в кладку. Возведение мавзолея исследователи связывают с рубежом XIII-XIV вв. (Хлебникова, 1970. С. 62).

Недалеко от мечети расположен Северный мавзолей, известный также как «Монастырский погреб». Название его также относится к тому времени, когда древние постройки использовались для нужд Успенского монастыря. По своей структуре этот мавзолей сходен с Восточным (рис. 113). Нижний ярус его, квадратный в плане, несколько больших размеров – 13 х 13 м. В.В. Егерев считал, что снаружи здание на всю высоту сохраняет кубическую форму, а переход к восьмиграннику при помощи пирамидальных (рис. 114) и полусферических тромпов прослеживался только изнутри (Егерев, 1958. С. 374). Однако архитектурные обследования подтвердили наличие восьмигранного яруса, который упоминается и в описаниях XVIII в. (Айдаров, 2001. С. 39-40). Восьмигранник перекрывал полусферический купол, который,

вероятно, был покрыт шатром. В южной стене сделана дверь стрельчатого очертания, в остальных стенах находились окна сходного абриса. Вход был несколько смещен к востоку относительно оси симметрии и оформлен порталом, который имел ширину 6,5 м и длину 4,5 м. В интерьере здания прослежены остатки штукатурки на стенах и голосники в углах. Археологические исследования показали, что Северный мавзолей датируется началом XIV в. (Воскресенский, Смирнов, Хлебникова, 1967. С. 278).

Комплекс из четырех мемориальных зданий исследован возле Малого минарета (Аксенова, 2001. С. 200-205). Здания, пристроенные друг к другу в разное время, вытянуты в одну линию по оси запад-восток (рис. 116.1). Наилучшую сохранность имеет мавзолей, носящий название «Ханская усыпальница» (рис. 115-117). Это здание, также как и мавзолеи у мечети, квадратное в плане, но меньших размеров (8,5 х 8,5 м). Стены его сложены панцирной кладкой и снаружи облицованы хорошо отесанными известняковыми блоками. До настоящего времени здание дошло в виде кубического объема, перекрытого полусферой внутреннего купола. В.В. Егерев считал, что снаружи углы куба были не просто срезаны, а имели двускатный скос, в чем сказалось влияние армянской архитектуры (Егерев, 1958. С. 374). Отсутствие четко выраженного восьмигранника с наружной стороны позволило С.С. Айдарову предположить, что здание состояло из куба, переходившего непосредственно в купол. Соответственно при такой структуре оно не могло иметь шатра и было перекрыто, по мнению исследователя, четырехдольным сомкнутым сводом (Айдаров, 2001. С. 46). Однако, скорее всего, Ханская усыпальница имела структуру, близкую Восточному и Северному мавзолеям. Возможно, снаружи восьмигранник был очень незначительной высоты (1-2 слоя кладки) и переход к нему осуществлялся при помощи наружных двускатных тромпов или треугольных скосов. С.С. Айдаров и сам пишет про невысокий восьмигранник, который сливается с плоскостью боковых стен (Айдаров, 2001. С. 45), однако далее настаивает на кубическом объеме здания с куполом. Покрытие мавзолея, скорее всего, также было шатровым, четырехдольная же крыша, описанная С.С. Айдаровым, совершенно не типична для мемориальных построек ни на Среднем, ни на Переднем Востоке. Внутри мавзолея переход от нижнего объема к куполу осуществлен при помощи сплошной полосы треугольных тромпов (рис. 117.2), которые образуют самостоятельный ярус, подчеркнутый снизу и сверху двумя линиями бордюра.

Вход в здание первоначально находился с северной стороны, но потом был заложен, а новый проход пробит по центру южной стены. Еще один проход прослежен в северной части западной стены возле угла. По мнению Н.Д. Аксеновой, он был сделан для соединения Ханской усыпальницы с Большим западным мавзолеем (Аксенова, 2001. С. 201-202). Окна в этой постройке небольшие, расположенные в верхней части стен. Внутри здание было оштукатурено и украшено лепными розетками. В завале строительного мусора возле здания найдены изразцы с растительным и геометрическим орнаментом и орнаментированные ганчевые плитки. Согласно описаниям памятника XVIII-XIX вв., изразцы окаймляли оконные проемы, а резной ганч украшал стены. Дверной проем в северной стене был обрамлен полосой резного камня.

Одновременно с Ханской усыпальницей была возведена небольшая пристройка к южной части ее восточной стены (рис. 116.1). Оба здания имеют единый фундамент, и восточной стеной пристройки является западная стена мавзолея. Пристройка, получившая название «Малый западный мавзолей», квадратная в плане размерами 3,4 х 3,3 м. Стены ее достаточно тонкие – 60 см толщиной. Раскопки этого сооружения не проводились, поэтому назначение его не понятно.

С восточной стороны к Ханской усыпальнице примыкает восточный мавзолей таких же размеров (рис. 116.1). Он был возведен несколько позже. Стены его сохранились только на уровне фундамента. Цокольная часть их сложена панцирной кладкой из известняка, но сами стены были кирпичными. С северной стороны квадратного в плане здания прослежены пилоны портала, оформлявшие вход. Портал был шириной около 4,7 м и глубиной 1,7 м. В завалах

найдены фрагменты арочного перекрытия входа и куски штукатурки, покрывавшей стены здания внутри и снаружи.

Здание Большого западного мавзолея, построенного позднее, также идентично по своему плану и размерам Ханской усыпальнице (рис. 116.1). У северо-восточного угла здания был расчищен пилон, выступающий к востоку и к северу относительно плоскости стен. Согласно описаниям комплекса, аналогичный пилон (на плане не обозначен) имелся и у северо-западного угла Ханской усыпальницы. Это обстоятельство позволило исследователям предположить, что здесь находился портальный вход, объединяющий здания в единый ансамбль (Аксенова, 2001. С. 203; Айдаров, 2001. С. 50). Для придания замкнутости этому промежуточному помещению была сложена стенка, соединявшая юго-восточный угол Большого западного мавзолея и западную стену Малого западного мавзолея. Вероятно, помещение также было перекрыто сверху, и именно в него был обращен входной проем Большого западного мавзолея. В это же время, вероятно, был сделан дополнительный проем в восточной стене Ханской усыпальницы.

Стены Большого западного мавзолея оштукатурены, пол покрыт известковым раствором толщиной 10 см. В северо-западном углу были найдены остатки большой круглой в плане печи с полусферическим сводом. Топочное отверстие печи находилось снаружи здания, возле него была устроена яма для истопника. Н.Д. Аксенова пишет, что эта печь являлась частью подпольной отопительной системы, правда, отмечает, что каналы подпольного отопления найдены не были. Они были разрушены впоследствии, когда здание было превращено в мавзолей. Исследовательница предполагает, что это здание «строилось как мечеть или странноприимный дом для паломников-мусульман, приходивших для поклонения святым могилам» (Аксенова, 2001. С. 204). С.С. Айдаров, в свою очередь, считает, что «западная усыпальница являлась отапливаемым помещением с круглой сводчатой печью… и развитой системой подпольных дымовых каналов, расположенных выше захоронений» (Айдаров, 2001. С. 50). Последнее утверждение совершенно абсурдно, так как погребальные памятники не отапливались нигде и никогда. Недостаточно обоснована, на мой взгляд, и гипотеза о том, что здесь находилась поминальная мечеть. Прежде всего, мечети, как и большинство храмов других религий, не имели отопительной системы. Кроме того, постройка ориентирована не на киблу, а по сторонам света, что характерно для мавзолеев, и ничто не говорит о том, что в ее южной стене был сделан михраб.

Здание с большой печью и подпольным отоплением, в принципе, могло служить для приюта паломников, однако здания ханака предназначены для постоянного или длительного проживания, они обычно больше и имеют иную планировку. Тогда уж это была аулья, сторожка для смотрителя и приезжающих на поклонение паломников (см. раздел «Заведения благочестия»). Мне представляется вероятной другая трактовка назначения данного помещения. Небольшая отапливаемая постройка могла быть тахорат-ханой, зданием для ритуальных омовений перед посещением мемориального комплекса. Об этом свидетельствует в первую очередь наличие подпольного отопления, типичного, прежде всего, для банных построек, хотя в Болгаре найдены жилые дома с канами, проходящими не в суфах, а под полом (Аксенова, 1973. С. 218-226; Полубояринова, 1987. С. 57-63; 2009. С. 436-437). Также для бань характерно покрытие пола толстым слоем водостойкого раствора, что мы наблюдаем в Большом западном мавзолее.

Н.Д. Аксенова совершенно обосновано предполагает, что постройка, не имевшая мемориального характера, сначала стояла отдельно от остальных мавзолеев. Впоследствии она была превращена в усыпальницу и соединена с ними в единый комплекс (Аксенова, 2001. С. 204). Ханская усыпальница и примыкающие к ней здания датируются серединой XIV – началом XV в. (Смирнов, 1951. С. 209; Аксенова, 2001. С. 205).

Еще пять мавзолеев было исследовано в восточной и юго-восточной частях городища (Аксенова, 1978. С. 214; Аксенова, 2001. С. 205-216). В 600 м к юго-востоку от Малого минарета был вскрыт фундамент квадратной в плане постройки (мавзолей № 1) размерами 6,6 х 7 м (рис. 118.1). Фундамент сложен из известняка и туфа на известковом растворе, толщина стен – 1 м.

С южной стороны здание имело пилоны входного портала, длиной 2,3 м и шириной 0,7-0,9 м. Ширина входа составляла 2 м. Внутри находилось одно погребение. При раскопках найдено множество фрагментов штукатурки и замковый камень полусферического свода.

Мавзолей № 2 находился в той же части городища недалеко от мавзолея № 1. Он имел сходную планировку (рис. 118.2). Стены его сильно разобраны, но по сохранившимся остаткам можно составить представление о системе кладки. Она состояла из хорошо отесанных квадров известняка, положенных по внутреннему и наружному краю. Промежуток между ними заполнен бутом с большим количеством известкового раствора. Здание имело план в виде квадрата со стороной 9,6 м и было ориентировано по сторонам света. Внутренние размеры помещения – 7,3 х 7,3 м. С северной стороны находился выступающий портал длиной 2,75 м и шириной более 5 м. Вокруг здания была сделана отмостка, залитая известковым раствором.

При раскопках найдены небольшие трапециевидные плитки туфа от купольного перекрытия и фрагменты резной известняковой плиты, служившей декором. Внутри помещения на полу прослеживались остатки деревянного пола. В мавзолее было 7 погребений. По мнению Н.Д. Аксеновой, значительные размеры здания, тщательность кладки стен и наличие в нем архитектурного декора могут свидетельствовать о том, что здесь находилась поминальная мечеть или часовня, в которой погребены знатные особы (Аксенова, 2001. С. 208). Это предположение не кажется обоснованным. Здесь так же, как и в Большом восточном мавзолее, отсутствуют какие-либо признаки мечети. Кроме того, мусульманская религия запрещает проведение поминальных ритуалов (зиорат) в том же помещении, где находятся погребения. Поэтому многие восточные мавзолеи состоят из двух помещений для погребения и поминаний – гур-ханы и зиорат-ханы.

Мавзолей № 3, расположенный в 200 м к северо-востоку от Малого минарета, сохранился в виде котлована ленточного фундамента. Постройка была почти квадратной в плане размерами 5,3 х 5,5 м с внутренними размерами 3,6 х 3,6 (рис. 118.3). Она ориентирована по сторонам света. С северной стороны находился вход, оформленный двумя пилонами портала. Ширина портала – 3,7 м, глубина – 2 м. Пол помещения земляной, в полу были обнаружены 4 погребения.

Восточнее мавзолея № 2, недалеко от него, находился мавзолей № 4. Он также прослежен по котловану ленточного фундамента. Котлован образует неправильный квадрат размерами 8,8 х 8,6 м, ориентированный по сторонам света (рис. 118.4). Толщина стен составляла 0,7-0,9 м. Вход в мавзолей предположительно находился с северной стороны, остатков портала не наблюдалось. Внутри постройки находилось 11 погребений.

Мавзолей № 5 расположен в южной части городища недалеко от южных ворот. Стены постройки также были разобраны, и планировка прослеживалась по котловану фундамента. По плану мавзолей № 5 отличается от остальных мемориальных построек Болгара. Это было прямоугольное здание, ориентированное по сторонам света и вытянутое в меридиональном направлении (рис. 118.5). Внешние размеры его 14 х 8,5 м. Вход находился с южной стороны и был выделен двумя пилонами портала, которые ограничивали пространство длиной 2 м и шириной 2,5 м. Внутреннее пространство мавзолея разделено поперечной стеной на два помещения. Южное помещение имело размеры 6 х 6 м, а северное – 6 х 5 м. Толщина стен составляла 1,2 – 1,3 м. В большем помещении находилось восемь погребений, в меньшем – четыре.

Как и Ханская усыпальница, все эти мавзолеи датируются концом XIV – началом XV вв. Н.Д. Аксенова отмечает, что характер погребений в мавзолеях свидетельствует о том, что это захоронения знатных лиц. Наличие среди них детских погребений может свидетельствовать о том, что это были семейные усыпальницы (Аксенова, 2001. С. 216).

В центральной части городища в 150 м к югу от комплекса мечети при раскопках были обнаружены остатки мавзолея (№ 6) (Баранов, Кавеев, 2001. С. 195-197). Фундамент мавзолея был полностью выбран и перерезан более поздними ямами, контуры котлована сохранились только в южной части. Однако авторы раскопок по скоплениям мусора от выборки стен сумели реконструировать его контуры. Это был прямоугольник, близкий к квадрату, размерами

4,0 х 4,12 м, ориентированный по сторонам света. С южной стороны прослежены два выступа, которые являлись остатками пилонов портала. Ширина их 1,2-1,25 м, расстояние между ними – 1,5 м. Мавзолей был построен в первой половине XIV в.

Таким образом, все известные в настоящий момент мемориальные постройки Болгара представлены четырьмя типами. К первому типу относится Черная палата, которая представляет собой многоярусную постройку центрического плана. Два ее средних яруса, квадратные в плане, покоятся на усеченно-пирамидальном цоколе и через восьмигранник переходят к куполу. Наиболее близкие по архитектурным формам аналогии находятся среди памятников Хорасана и Хорезма, которые исследователи связывают с сельджукской традицией. В то же время строительные приемы, примененные при возведении Черной палаты, характерны для зодчества Анатолии и близкого к ней Закавказья. На связь с малоазийским зодчеством указывает также декорировка тимпанов арок розетками и шестиконечными звездами, которая встречается во многих памятниках монументальной архитектуры Сельджуков Рума. Примерно к такому же выводу пришел в свое время В.В. Егерев, который писал о том, что форма здания среднеазиатская, но построено оно было армянскими мастерами (Егерев, 1958. С. 370-371).

Остальные мавзолеи имеют более простую планировку. Все они, кроме мавзолея № 5, квадратные в плане. Отличаются однокамерные мавзолеи только наличием или отсутствием портала, то есть одни из них являются портальными, а другие – фасадными.

Сохранившиеся постройки несколько различаются по пространственной структуре. Самые ранние мавзолеи – Восточный и Северный – имеют призматическое основание, углы которого довольно резко (на высоте около 1,5 м) срезаны для перехода к восьмиграннику. Мемориальные постройки такого облика не встречаются ни в одной из стран Среднего Востока, зато определенное сходство они имеют с мавзолеями Малой Азии сельджукского периода. Малоазийские мавзолеи представляют собой круглые или многогранные башни, перекрытые шатрами. Некоторые из них стоят на квадратном в плане цоколе, который посредством скоса углов переходит к следующему ярусу (рис. 119.1-4). В нижнем ярусе находится полуподземный склеп, а в верхнем – помещение для поминальных ритуалов. Таковы Улу Кюмбет в Ахлате, Дёнер Кюмбет в Кайсери, мавзолей Мелика Гази в Киршехире (Stierlin, 1998. P. 50; Hillenbrand, 1994. P. 306-309, 541). Идея башенного мавзолея была заимствована сельджуками Рума в Иране, где они строились из кирпича. В возведении каменных мавзолеев Анатолии, по мнению большинства исследователей, активное участие принимали армянские мастера (Hillenbrand, 1994. P. 307-310). Об этом свидетельствует удивительное сходство их с барабанами армянских церквей. И.А. Орбели рассматривал малоазийские мавзолеи как «прямой перенос на землю срезанного с кровли барабана армянского или грузинского храма» (Орбели, 1939. С. 152). В противовес ему Г.А. Пугаченкова считала, что в создании малоазийских мавзолеев зодчие руководствовались не механическим переносом на землю верхушек армянских церквей, а брали за основу образцы восточных башнеобразных сооружений. Но при этом общее объемное решение и элементы архитектурного декора действительно свидетельствуют о связи с армянским зодчеством (Пугаченкова, 1949. С. 68).

В целом сходны с малоазийскими и башенные мавзолеи Азербайджана. Мавзолей Гюлистан XII-XIII вв. в сел. Джуга (рис. 119.5) также имеет квадратный в плане цоколь, который клинообразными скосами переходит в двенадцатигранник (Бретаницкий, 1966. С. 124-127). Такую же структуру имеют и нижние части малоазийских и азербайджанских минаретов. Т.Т. Райс отмечает, что треугольные скосы квадратного основания появляются в мусульманских постройках Азербайджана даже раньше, чем в Малой Азии (в XI в.), но они настолько прочно ассоциируются с малоазийским зодчеством, что получили в литературе название «турецкий треугольник» (Райс, 2004. С. 145). Также типичны для сельджукской архитектуры и пирамидальные тромпы, служащие для перехода к восьмиграннику внутри помещения. Наиболее известным примером применения треугольных тромпов является медресе Бююк Каратай в Конье (1251 г.) (Stierlin, 1998. P. 33). Такие же тромпы, но несколько упрощенные и грубо выполненные, мы видим в мавзолеях Болгара.

Восточный и Северный мавзолеи Болгара во многом сходны с башенными мавзолеями Малой Азии и Азербайджана, но имеют свои особенности. У них та же объемная структура, но несколько иные пропорции: нижний ярус выше, и скосы начинаются на большей высоте, а верхний, восьмигранный ярус не превышает по высоте нижний (рис. 120). Болгарские мавзолеи кажутся более широкими и приземистыми, и их никак нельзя назвать башнями. У большинства башенных мавзолеев Азербайджана и Малой Азии нет развитого портала. Их вход, ведущий в верхнее, основное помещение мавзолея, расположен над цоколем, часто значительно выше уровня земли. Декоративное убранство его в виде арок и рамы, украшенных резьбой, не выступает за плоскость стены. В цокольной части находится скромно оформленный вход в нижнюю погребальную камеру. Мавзолеи Болгара имеют одно помещение с входом в нижнем ярусе. Снаружи вход оформляет сильно выдвинутый портал. В Малой Азии такую структуру имеет только Али Кафер дюрбе в Кайсери (Stierlin, 1998. P. 51). Возможно, существовали и другие, но они либо не сохранились, либо не так известны.

В Ханской усыпальнице основной объем кубический, скосы для перехода к восьмиграннику находятся в верхней его части. Восьмигранный ярус выражен довольно слабо, высота его, вероятнее всего, была незначительна. Мавзолеи в виде кубического объема, перекрытого куполом, распространены по всему мусульманскому миру. Тем не менее, аналогии Ханской усыпальнице нужно искать также в Анатолии. На это указывает применение такого приема, как пояс из пирамидальных тромпов для перехода к куполу (рис. 121.1). Эта конструкция типична только для малоазийских построек сельджукского и постсельджукского периода. Например, она известна в Зеленой мечети (рис. 121.2) и Зеленом мавзолее в Бурсе (Blair, Bloom, 1994. P. 142-143; Hillenbrand, 1994. P. 310-311). Мавзолей в виде куба, переходящего в восьмигранник с шатровым покрытием, в сельджукский период представлен в Анатолии единичными экземплярами. Дальнейшее развитие эта линия получила в османское время, когда наряду с многогранными мавзолеями и ротондами, происходящими от башенных мавзолеев, строятся усыпальницы кубического объема. Тогда же у мемориальных построек появляется развитый портал, выступающий за плоскость стены (L'Art…,1981. P.135-138). Каков был облик остальных мавзолеев Болгара, можно только догадываться. Предположительно, по своему строению они были схожи либо с Восточным и Северным мавзолеями, либо с Ханской усыпальницей.

Еще один тип мемориальных зданий представлен двухкамерным мавзолеем № 5. Сохранность его не позволяет сделать какие-либо достоверные выводы, однако можно предположить, что это была двухкупольная постройка, хотя северное помещение не квадратное, а прямоугольное в плане.

К западу от Волжской Болгарии находилась еще одна зона оседлости, связанная с мордовским населением. Самым крупным и наиболее изученным городом в мордовских землях был город Мохши, расположенный в Пензенской области. В русских летописях он известен под именем Наручадь. В 1959-1960 гг. здесь были проведены археологические раскопки, которые выявили здания различного назначения, часть из которых оказалась мавзолеями (Алихова, 1973. С. 226-237). Всего было исследовано пять мавзолеев различной конструкции.

Наиболее интересной по планировке и крупной по размерам постройкой являлся мавзолей № 1 (рис. 122). Стены его сохранились на уровне фундамента, который был сложен из бутового камня. В верхней части стены частично или полностью выполнены из жженого кирпича. Здание имело сложную конфигурацию и состояло из четырех помещений. Длина его по оси север-юг составляла 18,5 м, ширина точно не прослеживалась, но была близкой величины. Вход в здание находился с южной стороны. Он был оформлен порталом, массивные пилоны которого толщиной 3 м выступали за пределы южной стены на 1,15-1,4 м. Входной айван был утоплен в объем здания и имел глубину 3,5 м при ширине 4,5 м. К северу от портала находилось небольшое тамбурное помещение, шириной 4 м и длиной около 2 м. Восточная и западная стены его являлись продолжением пилонов портала и имели такую же толщину, северная и южная стены были несколько уже. С восточной и западной сторон к тамбуру пристроены еще две комнаты размерами 4,35 х 4,45 м. Стены их были более тонкими, 1,3-

1,5 м толщиной. Внешние южные углы этих комнат оформлены квадратными в плане (2,9 х 3,0 м) пилонами, которые, вероятно, являлись основаниями угловых башен. К внешним северным углам были пристроены трехчетвертные круглые башенки диаметром 2 м. В углах, образованных северными стенами боковых комнат и меридиональными стенами основного помещения мавзолея, прослеживались прямоугольные в плане (1,5 х 1,2 м) основания пилястр.

Северная часть мавзолея представляла собой обширное, почти квадратное в плане помещение размерами 7 х 6,8 м. Стены достигали толщины 2 м. Северные внешние углы его также были оформлены прямоугольными (2,5 х 2,7 м) пилонами. Внутри помещения найдены тщательно обработанные камни от облицовки стен и фрагменты желобчатого карниза.

Под этим помещением находился заглубленный в землю склеп (рис. 123, 124). Глубина его составляла около 2 м. Вход в склеп был сделан с восточной стороны здания и значительно выступал за его пределы. Северная стенка входа с наружной стороны имела утолщение, симметричная ей южная стенка в этом месте разрушена. А.Е. Алихова предполагала, что вход был оформлен снаружи двумя полуколоннами (Алихова, 1973. С. 230). Возможно и другое объяснение наличию этих выступов. Вход мог быть оформлен небольшим порталом, который был шире, нежели стенки входного коридора. Две высокие ступеньки вели в небольшое (2,1 х 1,8 м) помещение тамбура. Из тамбура можно было попасть в склеп через длинный (6,1 м) и узкий (80 см) проход. Вход в склеп закрывался дверью, о чем свидетельствуют вырубленные в углах прохода пазы и остатки деревянного порога.

Помещение склепа имело крестовидную планировку благодаря четырем широким (шириной по 2,86 и глубиной 1,4 м) нишам в стенах. Общие размеры помещения 5,4 х 5,8 м. Стены его были сложены из целого и битого квадратного кирпича и оштукатурены. Ниши имели сводчатые перекрытия, на высоте 80 см от пола в них были сделаны маленькие наклонные окошки. Их остатки прослежены в западной и южной стенах склепа. Пол помещения вымощен жженым кирпичом. Склеп был предназначен для погребения трех человек. В полу его были найдены интересные сооружения, которые А.Е. Алихова назвала погребальными местами (Алихова, 1973. С. 230). Всего в полу было три таких погребальных места одинакового строения. Лучше всего сохранилось центральное, северное было большей частью разобрано. Для сооружения погребальных мест в земле были выкопаны прямоугольные в плане ямы размерами 2,6 х 1,5 м и глубиной 47 см. По периметру края ямы выложены рядом обожженных кирпичей, положенных плашмя в три слоя. На них покоился ряд кирпичей, поставленных на ребро перпендикулярно краю ямы. В углах этой кладки кирпичи лежали горизонтально. Внутри этих стенок сделана кладка из четырех слоев горизонтально лежащих кирпичей, целых и фрагментов. Поверх этой кладки вся площадь внутри обрамления была заложена кирпичами, поставленными на ребро и ориентированными вдоль длинной оси могилы, то есть по линии запад-восток. На эти площадки предположительно ставились гробы с телами покойных.

Погребальная конструкция в южной части была перекрыта кирпичными плитами пола. Под ними найдена прямоугольная яма, заполненная песком. Она была нарушена грабительской ямой почти такого же размера, в заполнении которой находились обломки кирпичей. По предположению А.Е. Алиховой, южное погребальное место было разрушено во время функционирования кладбища и потом сверху перекрыто вымосткой пола (Алихова, 1973. С. 231-232). Исследовательница отмечает необычность погребальных конструкций мохшинского мавзолея, служащих для изоляции умершего от земли, и видит в этом пережитки зороастризма (Алихова, 1973. С. 232).

Таким образом, мавзолей № 1 в Мохши представлял собой крупную мемориальную постройку, состоящую из четырех помещений. Все внешние углы его были оформлены колоннами различного диаметра, наиболее массивные находились на фасаде здания. За высоким порталом с обширным айваном следовал небольшой тамбур, из которого можно было попасть в боковые комнаты и центральное помещение. Под последним находился склеп крестообразного плана, перекрытый куполом. Центральное помещение также имело купольное перекрытие. А.Е. Алихова предполагала, что здесь был сооружен купол на барабане (Алихова, 1973. С. 230-233),

что вполне возможно, учитывая значительную толщину стен. Боковые, квадратные в плане помещения также, скорее всего, были увенчаны куполами, но несколько меньших размеров и высоты. В мавзолее была найдена медная монета сарайского чекана времени Тохтамыша. Это позволяет датировать постройку концом XIV в.

Большие размеры здания, сложный план и наличие различных декоративных элементов привели исследовательницу памятника к выводу, что одновременно с мавзолеем здесь могла находиться мечеть (Алихова, 1973. С. 233). Однако это предположение в корне неверно. Данная постройка ориентирована не на киблу, как все мечети, а по сторонам света, как мавзолеи, и в южной стене ее нет места для михраба, так как здесь находится вход. Кроме того, как отмечал С.Г. Хмельницкий, мавзолей в мусульманских странах никогда не мог использоваться как мечеть, напротив, заброшенная мечеть могла быть использована как место погребения (Хмельницкий, 1992. С. 120; 1996. С. 152). Скорее всего, этот явно не рядовой мавзолей служил фамильной усыпальницей местного представителя знати.

Остальные четыре мавзолея имели более простую планировку. Мавзолей № 2 (рис. 125.1) представлял собой прямоугольное в плане здание размерами 12,2 х 7,1 м, вытянутое по оси запад-восток. Стены его, сложенные из обожженного кирпича, имели толщину 1,3-1,5 м. Внутри пространство мавзолея разделено поперечной стеной на два квадратных помещения размерами 4,0 х 4,0 м. В южной части разделительной стены сделан скользящий проход шириной 60 см. Здание имело с южной стороны портал, который был смещен к западу относительно центральной оси. Проход, вероятно, вел в западное помещение. От портала сохранились фундаменты пилонов длиной 1,5 и толщиной 1,1 м. В мавзолее исследовано одно погребение, которое находилось в восточной комнате. Вокруг здания найдено множество синих и голубых изразцов и фрагменты мозаики. По предположению А.Е. Алиховой, аналогичное здание размерами 13 х 7,2 м, возможно, ориентированное по оси север-юг, было раскопано А.А. Кротковым в 1926 году (Алихова, 1973. С. 234).

Мавзолей № 3 (рис. 125.2) был квадратным в плане и имел размеры 7,4 х 7,4 м. Стены его толщиной 1,6-1,8 м сложены из квадратного кирпича на глиняном растворе. С южной стороны находился портал, который был несколько уже основного объема здания, шириной 6,3 м. Пилоны его выступали за пределы стены на 2,6 м. Внутри мавзолея находились два погребения.

Мавзолей № 4 (рис. 125.3) имел иную планировку. Это было прямоугольное в плане здание, обращенное входом на ЮЮВ. Стены его стояли на материке и были почти полностью выбраны, сохранился лишь нижний слой щебня, поверх которого лежали отдельные камни. Толщина стен 2,0 м, а у входа – 1,4 м. Поперечной стеной мавзолей разделен на два помещения. В южной стене находился вход шириной 2,7 м, который вел в прямоугольную южную комнату. Размеры ее 6,0 х 2,3 м. Северное помещение было квадратным в плане размерами 6,0 х 6,0 м. В нем находились два погребения.

Мавзолей № 5 по планировке являлся точной копией мавзолея № 4 (рис. 125.4), но сложен он из обожженного кирпича на глиняном растворе. Размеры его составляли 12,4 х 9,0 м. Здание разделено на два помещения. Прямоугольное южное помещение (6,0 х 2,4 м) открывалось на улицу широким проходом в южной стене. В квадратном северном помещении размерами 6,0 х 6,0 м находилась усыпальница с двенадцатью могилами. При раскопках были найдены остатки декора в виде синих и голубых изразцов, а также остатки мозаики.

А.Е. Алихова выделяла три типа планировки мохшинских мавзолеев (Алихова, 1973. С. 228), между тем они относятся к четырем разным типам. Наиболее простую планировку имеет мавзолей № 3. Это здание кубической формы, перекрытое куполом с мощным порталом. Мавзолей № 2 является двухкамерной поперечноосевой постройкой с порталом во входной стене. Оба помещения его равнозначны. Без сомнения, оба они были перекрыты куполами. Мавзолеи №№ 4 и 5 также прямоугольные в плане, но вытянуты в меридиональном направлении, то есть они являются продольноосевыми. У них нет выступающего портала, следовательно – это фасадные мавзолеи. Здания состоят из прямоугольного в плане тамбурного помещения,

которое, с большой долей вероятности, было перекрыто коробовым сводом, и квадратной в плане купольной усыпальницы. Четвертый тип представлен многокамерным мавзолеем № 1 Т-образной планировки.

Среднее и Нижнее Поволжье.

Центром огромного золотоордынского государства являлось Среднее и Нижнее Поволжье. По обоим берегам Волги располагалось множество городов и поселков, которые создавали зону почти сплошного заселения (Егоров, 1985. С. 94,95, карта 2). Тем не менее, археологическая изученность этих памятников весьма неравномерна. В Среднем Поволжье небольшие раскопки в разные годы проводились только на городище Укек (Увек), которое находится на территории города Саратова. Значительно лучше изучены золотоордынские городища в Нижнем Поволжье. Оттуда и происходит достаточно выразительный материал по архитектуре погребальных памятников Золотой Орды. Описание их для большей упорядоченности имеет смысл начать сверху вниз по течению Волги.

В 1913 г. на городище Укек (Увек) был раскопан мавзолей с богатыми захоронениями. Чертеж, который был сделан А.А. Кротковым и впоследствии опубликован Ф.В. Баллодом, позволяет проследить его планировку (Кротков, 1915; Баллод, 1923. С. 107-108, рис. 35) Также недавно были опубликованы архивные материалы, в которых приводятся данные о деталях этой постройки и о погребениях внутри мавзолея (Кубанкин, 2006). Здание мавзолея было прямоугольным в плане размерами 21,3 х 12,5 м (рис. 126). Длинная ось его располагалась на линии СЗ-ЮВ. Стены, сложенные из обожженных кирпичей, имели толщину от 1,8 до 3,5 м. Интересно, что кирпич, который использовался для кладки стен, отличался от обычных золотоордынских стандартов. Он был не квадратным, а прямоугольным, большемерным (размерами 27,7 х 22,2 х 6,7 см). Кирпичные стены были поставлены на невысокий, слегка заглубленный относительно дневной поверхности цоколь. А.А. Кротков оставил подробное описание строения цоколя. В основании были положены бутовые камни из кварцита, которые заливались строительным раствором (кыром?). На этот раствор укладывались четыре слоя кирпичей таким образом, что два нижних слоя образовывали уступ, на котором лежало сосновое бревно. Эта часть также заливалась раствором, и далее следовала кирпичная кладка (Кубанкин, 2006. С. 191-192). Снаружи стены были украшены мозаичными кашинными плитками бирюзового и синего цветов, майоликами с подглазурной росписью в виде пересекающихся белых полос и растительным орнаментом, поливными кирпичами с бирюзовой и зеленой поливой. Внутри стены были оштукатурены, пол был земляным. Планировка мавзолея довольно интересна. Ее можно проследить только по плану, так как описание практически отсутствует. Размеры помещений приводятся приблизительно в пересчете с саженей на метры.

Мавзолей имел два погребальных помещения, в которые вели два входа с противоположных торцевых сторон. Вход с юго-восточной стороны имел массивный портал, между устоями которого находилась ниша айвана размерами 5,6 х 3,0 м. Проем шириной 3,6 м вел в прямоугольное помещение 1 (8,7 х 3,6 м), в котором вдоль северо-восточной и юго-западной стен были сделаны кирпичные вымостки (суфы?) и находились два погребения. Далее следовало помещение 2 больших размеров (8.7 х 6,6 м), в котором находились пять захоронений. Помещения 1 и 2 соединялись проемом шириной 3,9 м с порогом, от которого сохранились остатки дубовой доски. С северо-западной стороны в помещение 2 вел еще один проход шириной 3,6 м. Снаружи к нему примыкал портал, пространство между устоями которого составляло 5,6 х 3,4 м. В продольных стенах помещения 2 сделаны два проема шириной 1,1 м в северо-западной стене и 2.3 м – в юго-восточной. Вероятно, это были окна усыпальницы. В восточных и западных углах помещений 1 и 2 на плане показаны пилоны прямоугольной формы, которые, скорее всего, свидетельствуют о том, что с северо-западной стороны дверные проемы были обрамлены двумя концентрическими арками.

Все захоронения в мавзолее совершены не по мусульманскому обряду. Погребенные лежали в деревянных гробах, которые поставлены в кирпичные сводчатые склепы. Ориентированы погребенные головой на северо-восток, в одном случае зафиксирован костяк в полусидячем

положении. В могилах находились остатки шелковой и парчовой одежды, обуви, головных уборов, а также золотые и серебряные украшения, богатый сопроводительный инвентарь. Монеты, которые также были найдены в погребениях и в помещениях, позволяют датировать мемориальную постройку. Мавзолей был построен в начале XIV века и существовал до 1360-х гг. (Кубанкин, 2006. С. 200). Д.А. Кубанкин, опубликовавший результаты раскопок 1913 г., совершенно верно отмечает, что здание в Укеке, возведенное, вероятно, мастерами из Средней Азии по образцам мусульманских погребальных сооружений, являлось не мусульманским мавзолеем, а усыпальницей золотоордынской знати, еще не отказавшейся от языческих верований (Кубанкин, 2006. С. 200). Правда, непонятно, почему исследователь применяет при этом термины «гур-хана» и «зиорат-хана» для обозначения помещений здания. О каком зиорате может идти речь при языческом характере погребального обряда, и по каким признакам он определяет меньшее помещение 1 как гур-хану, а большее помещение 2 как зиорат-хану, остается только догадываться.

Планировка этой постройки также не совсем типична для мусульманского мавзолея. Это сильно вытянутое прямоугольное здание, которое имеет два портала с двух противоположных сторон и сквозной проход через помещения. В Средней Азии известны мавзолеи анфиладного типа (таш-куча – каменный коридор), состоящие из цепочки одинаковых квадратных помещений, соединенных между собой и перекрытых одинаковыми куполами (Маньковская, 1979. С. 97-98, 178; 1983. С. 41-42). Обычно они имеют либо один вход с торца, либо несколько входов в различные помещения с длинной стороны. В мавзолее Укека куполом могло быть перекрыто только северо-западное помещение 2, близкое по форме к квадрату. В помещении 1 ширина более чем в два раза меньше его длины и купольное перекрытие здесь мало вероятно, скорее, оно было сводчатым. Многокамерные мавзолеи продольно-осевой композиции могут состоять из помещений различного объема, но они обычно имеют один вход с короткой стороны (Маньковская, 1979. С. 97-98, 178; 1980. С. 134-141; 1983. С. 42-44). При наличии развитого портала в мавзолеях обоих типов, он оформляет только один, основной вход. В укекском мавзолее порталы равновелики, только юго-восточный имеет меньшую глубину. Такая планировочная структура здания свидетельствует о том, что мастера, построившие его, были знакомы с мемориальными постройками Среднего Востока, но в силу каких-то причин (возможно, требований заказчика) не следовали канонам.

В Саратовской области, у с. Царевщина, в 2000 и 2002 гг. были проведены исследования сильно разрушенного двухкамерного мавзолея (Моржерин, 2006. С. 162-163). Стены его, сложенные из обожженного кирпича, были разобраны еще в древности, а в 70-е гг. XX в. руины были разрушены бульдозером. Поэтому проведенные здесь археологические исследования позволили оценить планировку мавзолея лишь в самом общем виде. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым по оси ЮЗ-СВ. Размеры его составляли 14 х 9,1-9,3 м. Оно состояло из двух помещений – квадратной в плане усыпальницы, расположенной в северо-восточной части, и прямоугольного тамбура, примыкавшего к ней с юго-западной стороны. Вход в мавзолей находился в юго-западной стене. Постройка стояла на сплошном фундаменте, который был сложен из крупных блоков песчаника и битого кирпича, заполнявшего промежутки между камнями. Кладка на глиняном растворе имела различную толщину – 2-4 слоя под усыпальницей и 1-2 слоя под тамбурным помещением. Под фундаментом на материке был зафиксирован слой известкового раствора и чернозема, лежащего на нем. Стены, сложенные из обожженного кирпича, имели цоколь из щебня с глиняным раствором. Пол здания был залит слоем глины, а сверху покрыт известковым раствором. На полу усыпальницы были расчищены остатки четырех ступенчатых надгробий (мастаба). Найденные здесь остатки ганчевых парусов свидетельствуют о том, что помещение было перекрыто куполом. Стены его были оштукатурены известковым раствором.

Под полом усыпальницы, на глубине 1,4 м от уровня пола, находился подземный склеп крестообразной планировки. Стены его, толщиной 1,2 м, были сложены из обожженного кирпича. Внешние размеры склепа составляли 7,5 х 7,0 м. В восточной стене находился вход в

склеп в виде длинного узкого коридора, который заканчивался ступенями, ведущими наружу. В остальных стенах были сделаны широкие ниши с арочным перекрытием. Пол склепа был вымощен обожженным кирпичом. Найденные здесь остатки ганчевых парусов свидетельствуют о том, что помещение имело купольное перекрытие. Стены его были оштукатурены известковым раствором. В склепе были обнаружены остатки четырех погребений в деревянных гробах. Три из них были полностью разрушены грабителями. В четвертом, детском погребении находились остатки шерстяного савана с шитьем металлическими нитями и золотые нашивки в виде розеток. В переотложенном состоянии найдены и другие вещи, такие как золотая серьга, сердоликовые перстень и бусы, медная пряжка и др. Датируется мавзолей у с. Царевщина второй половиной XIV в.

Ф.В. Баллодом раскопан еще один мавзолей на Мечетном городище в Волгоградской области (Баллод, 1923. С. 23-27, рис. 4-6). Прямоугольное в плане здание имело внешние размеры 9,4 х 8,9 м и было вытянуто вдоль оси СВ-ЮЗ с незначительным отклонением к северу (рис. 127). Стены его сложены из обожженных кирпичей в 6 рядов на известковом растворе, толщина их составляла 3,5-3,6 м. Местами кладка сохранилась на высоту до 5 слоев, местами была полностью разобрана. Здание состояло из одного помещения размерами 5,9 х 5,3 м с глинобитным полом. По мнению Баллода, вход в помещение находился в западной стене, у ее северо-западного угла и ширина его составляла 1,25 м (Баллод, 1923. С. 24). Однако, вероятнее всего, в этом месте стена просто была разобрана. Судя по расположению погребений и столбовой конструкции вокруг них, вход должен был находиться по центру северной стены. Никаких следов оформления входа снаружи не найдено. Внутри мавзолея находились семь погребений. Два из них, расположенные рядом в южной части помещения, принадлежали мужчине и женщине. Погребенные были опущены в большие ямы в деревянных гробах. Ориентированы они были по мусульманскому обряду, но в ограбленных могилах были найдены обрывки шелковой парчи, остатки кожаной обуви, мелкие вещи. Остальные могилы в восточной части принадлежали детям и были безынвентарными. В развалах стен найдены фрагменты изразцов и фигурные кирпичи. Таким образом, мавзолей Мечетного городища представлял собой крупную, богато декорированную постройку. Он не имел портала, то есть был фасадным. Значительная толщина его стен свидетельствует о том, что он был перекрыт куполом, несмотря на несколько вытянутые пропорции.

Три мавзолея исследованы на Водянском городище в Волгоградской области Поволжской экспедицией. Они были подробно опубликованы В.Л. Егоровым (Егоров, 1980). Мавзолей № 1 был сильно разрушен: стены его, а также большая часть цоколя разобраны. Реконструкция плана здания была сделана по сохранившемуся участку пола и небольшому отрезку цокольной части стены. Постройка была квадратной в плане размерами 6,0 х 5,9 м (рис. 128.1, 129.1). Она ориентирована по сторонам света. Цоколь стен сложен из необработанных камней на глиняном растворе. По внешней его стороне положены крупные камни с подтесанной лицевой поверхностью. Толщина стен в цокольной части составляла 1 м. Сами стены были сложены из обожженного кирпича и оштукатурены алебастровой обмазкой. Внутри здания находилось помещение размерами 5,0 х 4,9 м, пол которого выложен кирпичом на глиняном растворе. В мавзолее обнаружено одно погребение, которое смещено от центра к северной стене. Сверху оно было перекрыто кирпичным надгробием – мастабой. Вход, вероятнее всего, располагался с южной стороны мавзолея.

Мавзолей № 2 прямоугольный в плане. Размеры его составляли 10,4 х 9,0 м. Здание ориентировано длинной осью по линии ЮВ-СЗ (рис. 128.2, 129.2). Стены цоколя мавзолея сложены из небольших необработанных камней на глиняном растворе. Толщина стен – 1,1-1,2 м. Они сохранились на высоту до 70 см. В I периоде пол мавзолея, вероятно, был дощатым, во II периоде – глинобитным. Вход не прослеживался, вероятнее всего, он был в южной стене. В мавзолее найдено шесть погребений, три детских и три взрослых. Они были перекрыты кирпичными надгробиями. Мавзолей № 2 так же, как и мавзолей № 1, был беспортальной

постройкой. Не совсем понятно, каково было его перекрытие, так как длина здания на 1,5 м больше ширины. Если он все же был перекрыт куполом, то тот мог иметь овальное сечение.

Мавзолей № 3 имел более сложную планировку. Прямоугольное здание было сильно вытянутым и ориентированным длинной стороной по меридиональной оси с небольшим отклонением к западу. Размеры его составляли 16,6 м с севера на юг и 10,5 м с запада на восток (рис. 128.3, 129.3). Стены сложены из необработанных камней на глиняном растворе. Внешнюю поверхность стен составляли крупные камни с подтесанной поверхностью. Толщина стен – 1,2 - 1,5 м. Вход в мавзолей находился с южной стороны. Он был оформлен в виде большого портала, пилоны которого являлись продолжением восточной и западной стен. Размеры пилонов – 4,0 х 3,2-3,3 м. С южной и северной сторон пилоны были соединены стенками, причем южная стенка заканчивалась на уровне пола. Северная стенка, вероятно, была сложена в полную высоту, и в ней находилась дверь. Таким образом, айван имел ширину 4,0 м и глубину 3,0 м. К северу от айвана находилось тамбурное помещение 1 размерами 7,3 х 3,2 м. Его кирпичный пол был полностью разобран. Вдоль восточной и западной стен находились суфы шириной 2,1-2,3 м. В каждой суфе было сделано по одному погребению. Еще севернее располагалось квадратное в плане помещение 2, в котором находилась основная усыпальница (гур-хана). Она соединялась с помещением 1 проемом шириной 1,3 м. Помещение 2 имело размеры 7,2 х 7,2 м. Вдоль всех стен его, на расстоянии 35 см от них шли деревянные брусья. Конструкция лежала на слое плотно утрамбованной глины, возвышаясь над полом на 30-35 см. Между брусьями и стенами пространство было забито строительным мусором. По мнению В.Л. Егорова, здесь были сделаны суфы (Егоров, 1980. С. 84). Внутри помещения 2 находилось семь могил. Над одной могилой была сделана майоликовая мастаба (рис. 129.4).

В завале над помещением 2 найдены остатки известковых парусов и обломки арочных конструкций, а также детали архитектурного декора в виде прямоугольных красноглиняных кирпичей с бирюзовой и синей поливой, лекальных кирпичей, квадратных (6 х 6 см) кирпичиков с бирюзовой поливой, фрагментов мозаики с растительным и эпиграфическим орнаментом. Мозаичные вставки были покрыты поливой бирюзового, синего, белого, желтого, темно-красного и черного цветов. Мавзолей № 3 был постройкой с хорошо развитым порталом. Массивные пилоны его свидетельствуют о том, что портальная арка была большой высоты. Северное помещение усыпальницы было купольным, а южное тамбурное помещение могло быть перекрыто коробовым сводом.

Мавзолеи Водянского городища датируются 50-60 гг. XIV века. В.Л. Егоров отмечает, что они относятся к трем разным типам, причем если два первых имеют широкое распространение, то мавзолей № 3, вероятно, является местной, золотоордынской модификацией, не имеющей, по мнению исследователя, аналогий в других мусульманских странах (Егоров, 1980. С. 87-88).

В Ленинском районе Волгоградской области, возле деревни Бахтияровка, раскопан мавзолей золотоордынского времени (Ким, 1993. С. 172-173). Кирпичная кладка его стен была полностью разобрана, и план здания фиксировался по траншеям выборки, глубина которых составляла 0,5 – 0,7 м. То есть стены имели фундамент. Основная часть мавзолея в плане имела форму квадрата, ориентированного по сторонам света (рис. 130.1). Внешние его размеры 9,6-10,3 х 9,3 м, внутренние – 6,5 х 6,3 м. Стены сложены в 6 рядов кладки, толщина их – 1,5-1,6 м. С южной стороны находился сильно выраженный портал, который был несколько уже здания. Пилоны его имели длину 2,8 м и ширину 2,0 м. Расстояние между ними было равно 3 м. Углы пилонов, обращенные внутрь айвана, оформлены полуколоннами диаметром 30 см. Пол помещения усыпальницы был покрыт слоем известкового раствора толщиной до 10 см, на нем лежали куски штукатурки, покрывавшие стены. В мавзолее находились шесть погребений. В завалах вокруг него найдено большое количество обломков известковой обмазки и кашинных изразцов, украшавших некогда внешнюю поверхность стен. Особенностью мавзолея №1 в Бахтияровке является то, что он был окружен оградой. Участки этой ограды шириной 0,5 м, сложенной из обожженных кирпичей, целых и обломков, вперемешку с сырцовыми кирпичами на глиняном растворе, были расчищены в 4 м от восточной и западной стен постройки.

В Волгоградской области при раскопках юго-западной окраины Царевского городища исследованы остатки многогранного в плане мавзолея (Блохин, 2008. С. 227-237). Постройка была полностью разобрана, и авторам раскопок пришлось прослеживать ее по траншеям выборки стен. Здание было шестигранным в плане (рис. 130.2). Длина его стен по внешнему контуру колебалась от 3,1 м до 4,7 м. Входной проем находился с восточной стороны. Стены мавзолея были сложены из обожженных кирпичей. От кладки сохранился небольшой фрагмент в 5,5 рядов кирпичей. Толщина стен составляла около 1,3 м. Размеры внутреннего помещения, шестиугольного в плане, составляли 6,6 м между противоположными углами и 5,8-6,0 м – от стены до стены. Пол помещения был земляным, следов погребения внутри не обнаружено. Возле траншеи выборки стен сооружения расчищен мощный завал из обломков обожженных кирпичей, в том числе и с обточенными поверхностями, кашинных изразцов с бирюзовой поливой и известкового раствора. Таким образом, кирпичные стены постройки снаружи имели облицовку, состоявшую из кирпичей с отшлифованной лицевой поверхностью, чередующихся с бирюзовыми изразцами. Кладка облицовки была сделана на известковом растворе. В завале также найдены пятиугольные кирпичи, которые могли использоваться в кладке углов здания и трапециевидные кирпичи, применяемые для кладки округлых конструкций – сводов, куполов, конических шатровых покрытий.

Восьмигранный мавзолей (№ 1) найден при изучении могильника Солодовка 1 в окрестностях Царевского городища (Глухов, 2005). Сложен он был из квадратного сырцового кирпича. Стены состояли из 6 рядов кладки и сохранились на высоту от 3 до 6 слоев кладки. Сооружение имело форму восьмиугольника с равными сторонами длиной 2,9 м. Расстояние между противоположными углами здания составляло 7,6 м. Внутреннее помещение было круглым в плане диаметром 4,2 м. Внутри мавзолея находилось одно погребение. При расчистке помещения были найдены две мозаичные плиты (целая и фрагмент). Они имели форму прямоугольника со срезанными верхними углами, то есть пятиугольника. Размеры их 23,5 х 26,5 см. По краю этих плит был сделан бордюр из прямоугольных вытянутых изразцов синего и бирюзового цветов. Внутреннее поле заполнено крупными восьмиугольными изразцами лилового цвета, которые по периметру окружены небольшими квадратными вставками голубого и синего цветов. Совершенно очевидно, что эти плиты являются торцевыми стенками надгробия типа «сагана». Само надгробие не сохранилось. Вероятнее всего, оно было глиняным, побеленным сверху, а торцы его украшали мозаичные плиты.

Небольшой сырцовый мавзолей исследован на том же памятнике (Глухов, 2005). Квадратное в плане (6,65 х 6,65 м) сооружение ориентировано стенами по сторонам света. Стены его, сложенные из сырцового кирпича в три ряда (два ряда в тычок, один – в ложок), имели толщину 1 м. Кладка сохранилась на высоту до 4 слоев. По центру южной стены сделан вход шириной 0,9 м с порогом. Внутри помещения стены были оштукатурены алебастровой обмазкой, пол земляной. В мавзолее было три погребения – одно взрослое и два детских.

В Волгоградской области на левом берегу Цимлянского водохранилища, недалеко от хутора Веселый при исследовании одиночного кургана наряду с захоронениями эпохи бронзы был раскопан очень небольшой мавзолей (рис. 130.3) восьмигранной формы (Демиденко, 2011. С. 108-116). Стены его сложены из сырцовых кирпичей в 5 слоев кладки. Толщина их 1,2-1,3 м. Кладка сохранилась на высоту 3-4-х слоев. Длина стен с внешней стороны составляла 1,6 м, расстояние между внешними углами – 4,6 м, между внутренними – 2,1 м. Внутри находилось одно погребение без могильной ямы. Рядом с этой постройкой в той же насыпи кургана были зафиксированы остатки сооружения из обожженного кирпича, которое было полностью уничтожено во время ограбления и последующих установок репера (Демиденко, 2011. С. 113). То есть в золотоордынское время здесь находились два мавзолея: кирпичный, вероятно, больших размеров и небольшой сырцовый.

Два многогранных мавзолея, построенных из сырцового кирпича, найдены при раскопках курганных групп Кривая Лука XVII и Кривая Лука XXIV в Черноярском районе Астраханской области (Дворниченко, Зиливинская, 2005; Зиливинская, 2009б). Мавзолей № 1 представлял

собой в плане восьмигранную постройку с мощными стенами, слегка наклонными кверху снаружи и четырехугольным внутренним помещением (рис. 131.1,3). Вход в него был сделан с южной стороны, порог находился на уровне верха четвертого кирпича в стене. Вся постройка сложена целиком из сырцового кирпича, пол внутреннего помещения выстлан одним слоем кирпичей, так же как и верхняя часть площадки пандуса, ведущая к входу. Максимальная высота хорошо сохранившейся части стен до 6 кирпичей (0,6 м). Выше, по крайней мере, 2 слоя кладки разрушены распашкой.

Внутреннее помещение ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением к востоку. Углы восьмигранника совпадают с углами помещения и с серединами его стен. Углы, соответствующие углам помещения, равны 117-120 градусам; углы, приходящиеся на середину стен, – 154-159 градусам. Расстояние между противоположными углами различно – от 6,9 м до 8,32 м. Длина стороны внешней линии стены составляет 2,7 – 3,1 м. Внешняя поверхность стен имела наклон, который составлял 15-20 см на высоту 6 кирпичей. Толщина стен в углах, ориентированных по сторонам света, соответствующих центрам стен внутреннего помещения, составляет 1,8 м. Внутреннее помещение представляло собой неправильный четырехугольник, ромб, направленный острыми углами на северо-запад и юго-восток. Расстояние от северо-западного до юго-восточного угла – 4,9 м, от северо-восточного до юго-западного – 4,5 м; длина стен – 2,3 м. Вход шириной 75-80 см находился в южной стене. Снаружи к нему вел пандус длиной около 3 м. В проходе были сделаны три ступени, которые опускались от верхнего уровня пандуса на уровень пола помещения. Пол внутреннего помещения выложен по всей площади кирпичами в один слой. Внутренняя поверхность стен носила следы глиняной обмазки. В помещении находилось одно погребение.

Мавзолей № 2 также был восьмигранным (рис. 131.2). Толщина его стен 1,4 - 1,45 м. Длина стен по фасаду от 2,75 до 3,40 м. Внутреннее помещение мавзолея представляло собой неправильный ромб со сторонами от 4,0 до 4,5 м. длиной. В углах были поставлены маленькие суфы из сырцового кирпича. В северо-восточном и юго-восточном углах они были прямоугольными и примыкали длинными сторонами к северной и южной стенам. В северо-западном и юго-западном углах суфы имели Г-образную форму. Пол сооружения был глинобитным. В помещении находилось одно погребение.

Все многогранные в плане постройки являются либо башенными, либо пирамидальными мавзолеями. Определить точно, к какой из двух категорий они относятся, при столь плохой сохранности не представляется возможным. Некоторые допущения можно сделать на основании отдельных деталей. Мавзолей Царевского городища, возможно, был башенным, так как там найдены лекальные кирпичи, из которых мог быть сложен купол. Кроме того, его внутренний контур повторяет внешний. Мавзолей в Солодовке имел круглое внутреннее помещение и, вероятно, также был башенным. Мавзолеи на Кривой Луке, скорее всего, были пирамидальными, так как стены мавзолея № 1 имели отчетливый наклон. Кроме того, как мне кажется, о пирамидальности объема может свидетельствовать большая толщина стен и четырехугольная форма внутреннего помещения.

На Селитренном городище среди множества вскрытых монументальных построек также было некоторое количество мавзолеев. В отдельных случаях стены их были разобраны до такого состояния, что планировку проследить не удалось. В данной работе они не рассматриваются, так как главной ее целью является анализ мавзолеев как архитектурных сооружений. В 1975-77 гг. на VIII раскопе был исследован обширный некрополь, часть погребений которого находилась в мавзолеях (Федоров-Давыдов и др., 1975. С. 62-68, таб. VIII; 1977. С. 52-58, рис. 31). Здания имели различную конструкцию, но все были ориентированы одинаково (по оси ССВ-ЮЮЗ), что свидетельствует о том, что какое-то время они сосуществовали.

Самую простую планировку имели мавзолеи № 1 и № 2. (рис. 132.1-2). Оба они были квадратными в плане и не имели портала. Размеры соответственно 5,76 х 5,55 м и 5,01 х 5, 01 м. Стены сложены из обожженных кирпичей и их обломков на глиняном растворе. Мавзолей № 1, который был больших размеров, имел стены толщиной 80 см, толщина стен мавзолея № 2

– всего 68 см. В обеих постройках полы вымощены обожженными кирпичами, а в мавзолее № 2 – прослеживалась белая штукатурка на стенах. В обоих зданиях могильные ямы располагались у северной стены имели по 2 погребения. Входы в здания, очевидно, были с южной стороны.

Мавзолей № 3 также был квадратным в плане (рис. 132.3), но несколько больших размеров (7,48 х 7,32 м). Стены толщиной 70-75 см сложены из большеформатного сырца. Вход в мавзолей сделан с южной стороны. Он был обрамлен двумя выступающими пилонами, уложенными в перевязку с южной стеной. Пилоны, толщина которых равна толщине стен, образовывали входной айван шириной 3,2 м и глубиной 2,5 м. Посредине южной стены находился проем шириной 0,8 м. Пол в мавзолее глинобитный. Снаружи и внутри стены покрыты глиняной обмазкой. В полу находились 3 погребения с надгробиями типа мастаба.

Мавзолей № 4 1977 года и мавзолей, раскопанный в 1975 году (№ 5) (здесь и далее нумерация мавзолеев Селитренного городища – моя), относятся к иному типу планировки. Обе постройки имели прямоугольную в плане форму и были вытянуты по оси ССВ-ЮЮЗ. Они состояли из квадратного в плане помещения усыпальницы и мощного портала с айваном. Стены их, сложенные из обожженного кирпича на глиняном растворе, были почти полностью выбраны и прослеживались по отпечаткам кирпичей. Мавзолей № 4 имел размеры 9,6 х 7,0 м (рис. 133.1). Толщина стен колебалась от 0,9 м до 1,4 м. С южной стороны находился айван, ширина которого была равна ширине здания. Его мощные пилоны по внешнему контуру являлись продолжением меридиональных стен, но толщина их составляла – 2,5 м. Пространство айвана между пилонами было небольшим, шириной 1,9 м и глубиной 1,7 м. В глубине айвана находился вход шириной 1 м, который вел в помещение усыпальницы. Размеры погребального зала – 5,2 х 5,2 м. В стенах его были сделаны широкие (2,4 м) и очень неглубокие (20-25 см глубиной) ниши, то есть зал имел неразвитую крестообразную планировку. Пол был выложен обломками обожженных кирпичей. В полу находились две могильные ямы, в одной из которых лежали четыре костяка, а в другой – один.

Мавзолей № 5 имел размеры 11,0-11,15 х 9,8 м (рис. 133.2). Вход в здание находился с южной стороны и был ограничен двумя массивными пилонами 2,8-3,1 м толщиной и 2,8 м длиной. Айван между пилонами портала имел ширину 4,2 м и глубину 2,6 м. Пол портала вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе. Айван соединялся с основным помещением мавзолея проемом шириной 1,2 м. Вдоль всех трех стен айвана были сооружены узкие суфы. Усыпальница мавзолея была квадратной формы размерами 7,2 х 7,2 м. Стены ее имели толщину от 0,8 м до 1,3 м и были изнутри оштукатурены ганчевым раствором. В завале стен найдены фрагменты парусов купола. Пол гур-ханы был вымощен кирпичом на известковом растворе. В центре пола было сделано возвышение размерами 5,2 х 4,8 м, которое имело такую же вымостку. В середине возвышения, с некоторым смещением к северу находился двухкамерный склеп со стенками из обожженных кирпичей.

Сходную планировку имел мавзолей (№6) на XI раскопе (Федоров-Давыдов и др., 1982. С. 672-68, рис. 4). От конструкций его сохранился только цоколь, сложенный из обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе (рис. 134). На основании западной стены цоколя прослежен небольшой отрезок кладки стены из целых обожженных кирпичей. Прямоугольная постройка была вытянута по оси ССВ-ЮЮЗ и имела размеры 13,6 х 8,0 м. Ширина цоколя стен составляла 1,6-2,0 м. С южной стороны здания находился массивный портал, пилоны которого являлись продолжением стен. Пилоны имели ширину 2,3 м и образовывали нишу глубиной 3,9 м и шириной 2,5 м. Усыпальница мавзолея была прямоугольной в плане размерами 6,45 х 4,2 м. Большая часть ее была занята могильной ямой. В яме находились остатки склепа со сводчатым перекрытием, в котором было найдено 5 погребений. Не совсем понятно, каким было перекрытие прямоугольного в плане здания. Возможно, стены на цоколе были несколько смещены таким образом, чтобы придать помещению форму, более близкую к квадрату. В этом случае оно могло перекрываться куполом несколько овального сечения.

Мавзолеи, вскрытые при раскопках к югу от мечети, на XIII раскопе, были в значительной степени разрушены (Федоров-Давыдов, 1986. С. 25-31). Мавзолей № 7, сложенный из обломков

обожженных кирпичей на глиняном растворе, был, скорее всего, квадратным в плане, без портала. Мавзолей № 8 имел стены из большеформатного сырца. Размеры его – 5,9 х 6,0 м. Был ли у него портал, неизвестно, так как южная стена его не сохранилась.

Большой и хорошо сохранившийся мавзолей (№ 1) XIV в. был исследован В.В. Плаховым у поселка Комсомольский в Красноярском районе Астраханской области (Плахов, 1987). Постройка была прослежена в двух уровнях: в верхнем находилось основное помещение, предположительно зиорат-хана, а в нижнем – погребальная камера (гур-хана). Великолепная сохранность мавзолея, множество деталей строительной техники и архитектурного декора требуют детального описания и отдельной публикации. Целью же данной работы является выявление общих закономерностей планировки золотоордынских мавзолеев, поэтому приводим лишь самое краткое описание этого здания.

Постройка была прямоугольной в плане, вытянутой по оси С-Ю и имела размеры 14,0 х 10,0 м (рис. 135). Стены сложены из обожженного кирпича на известковом растворе с применением в качестве арматуры бревен из лиственницы. В южной части здания находился вход с массивными пилонами портала, которые имели разную длину. Западный пилон был длиной 3,9 м при ширине 3,25-3,1 м. Размеры восточного пилона – 3,1 х 3,1 м. Внешние углы пилонов с наружной стороны фланкированы трехчетвертными пилястрами, которые выступают на 0,65 м к востоку и западу и на 0, 55 и 1,0 м к югу от плоскости стен. Айван имел ширину 2,7 м и глубину 2,2 м – 2,6 м.

Основное помещение мавзолея имело крестообразную форму, образованную четырьмя нишами в стенах помещения. Достоверно удалось проследить только его северную половину, южная реконструируется по аналогии с ней. Северная стена была наиболее мощной, толщиной 2,85 м. Ниша в ней имела глубину 1,6 м и ширину 4,2 м. Восточная и западная стены были толщиной 1,85-2,0 м с нишами глубиной 0,39 и 0,44 м. Предположительная ширина ниш – 3,85 м. По оси запад-восток помещение имело ширину 5,95 м, по оси С-Ю – предположительно 5,5 м. Пол был вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе.

Внешние размеры цокольного помещения – 10,0 х 10,0 м, внутренние размеры склепа составляли 3,7 х 4,3 м. Помещение было крестообразным в плане, так как во всех стенах находились глубокие ниши со стрельчатыми арками (рис. 136). Ширина ниш 2,50 м, глубина северной ниши 0,8 м, остальных – 0,5 м. Высота сохранившейся арки – 1,50 м. В восточной нише имелся проход наружу шириной 0,98 м. Стены склепа были оштукатурены, в углах сохранились тромпы в виде трех рядов кубических сталактитов. Декор мавзолея состоял из красноглиняных изразцов с бирюзовой поливой, мозаичных панно с вставками бирюзового, синего, белого, желтого и красного цветов.

В том же пос. Комсомольский исследован еще один мавзолей (№ 2), который являлся центром культового комплекса (см. главу «Заведения благочестия»). Он датируется XIII в. (Плахов,1989; Павленко, 2001. С. 74-76). Мавзолей представлял собой прямоугольное в плане здание, ориентированное длинной осью по линии север-юг (рис. 137). Внешние размеры его – 12,6 х 9,38 м. Стены сложены из обожженных кирпичей на известковом растворе. Толщина стен 1,8-1,9 м. Внутреннее пространство здания разделено на два помещения. Прямоугольное в плане южное помещение имело размеры 5,75 х 1,4 м. В южной стене его находился проем шириной 1 м. Пол помещения покрыт слоем известкового раствора, стены – алебастровой штукатуркой. Вдоль западной стены сделана суфа шириной 1,35 м. Основное помещение мавзолея имело размеры 5,5 х 5,4 м. Пол его выложен обожженными кирпичами на известковом растворе. В усыпальнице находились 2 погребения с надгробиями типа мастаба. При расчистке мавзолея найдены элементы архитектурного декора, представленные фасонными нарезными пятиугольными кирпичами и терракотовыми плитками с геометрическим нарезным орнаментом и бирюзовой поливой.

При исследованиях могильника «Маячный бугор», расположенном недалеко от районного центра Красный Яр в Астраханской области, было найдено надмогильное сооружение, которое в некоторых публикациях также определяется как мавзолей (Васильев, 1998. С. 101-

102). Оно имело прямоугольную форму, вытянутую по линии север-юг (рис. 138). Размеры сооружения 5,2 х 3,25 м. Стены из сырцового кирпича поставлены на древнюю дневную поверхность и сохранились на высоту 0,6 м. Постройка состояла из трех прямоугольных камер, ориентированных по меридиональному направлению. Размеры северной камеры – 145 х 85 см, центральной – 225 х 105 см и южной – 240 х 105 см. Камеры не одновременны, и стенки их не имеют перевязки друг с другом. Сначала была возведена северная камера, потом к ней пристроена центральная, а к той, в свою очередь, южная. Захоронение было обнаружено только в центральной камере, северная и южная были заполнены обломками сырца и залиты глиняным раствором. С восточной стороны к основному объему «мавзолея» была пристроена небольшая сырцовая конструкция. В ней находилось погребение ребенка, ориентированного головой на восток.

Центральная камера поставлена над подземным склепом, стенки и сводчатое перекрытие которого были сложены из обожженных кирпичей. В склепе стоял деревянный гроб, в котором находился скелет пожилой женщины, лежащей головой на восток, лицом вверх. Погребенная была одета в два халата и кожаные сапоги с матерчатой аппликацией. На голове у нее была бокка, а в ушах золотые серьги. В качестве сопроводительного инвентаря были положены деревянные миска и ложка и костяные палочки для еды. В матерчатом кошельке на груди погребенной лежали серебряные монеты, чеканенные при Менгу-Тимуре. Таким образом, погребение, найденное в данном сооружении, было совершено не по мусульманскому обряду. Само сооружение также нельзя считать полноценным мавзолеем. Мавзолей, будь то гробница Мавсола, мусульманский погребальный памятник или мемориал новейшего времени, представляет собой здание более или менее сложного плана, в котором есть стены, крыша и хотя бы одно внутреннее помещение, в котором тем или иным образом совершаются захоронения. Ни одному из этих признаков не соответствует сооружение на Маячном бугре. К этому же выводу пришел и исследователь этого объекта Д.В. Васильев в своей поздней работе (Васильев, 2009). Автор отмечает, что данная постройка не является мусульманским мавзолеем и ее можно назвать надземным склепом. Истоки формы этого надгробного сооружения следует искать у народов Дальнего Востока, на что указывает костюм и инвентарь погребенной (Васильев, 2009. С. 18-19). В данной работе гробница могильника Маячный бугор в силу своей единичности и уникальности рассматриваться не будет.

При раскопках курганной группы «301 км» в Ахтубинском районе Астраханской области Е.В. Шнадштейн был исследован мавзолей XIV в. (Шнадштейн, 1990. С. 14-16). Прямоугольное в плане здание мавзолея было вытянуто по оси С-Ю и имело размеры 15,8 х 10,0 м. (рис. 139). По всем четырем углам оно было фланкировано круглыми башнями. Башни с фасадной южной стороны имели диаметр 2,0 м, с северной стороны башни были диаметром 1,7 м. Стены здания, сложенные из обожженного кирпича на известковом растворе, были почти полностью разобраны, и планировка прослежена по канавкам ложа стен. Сохранился участок северной стены, который был выложен в 6 рядов кладки. Толщина стен составляла 1,45-1,5 м. Внутреннее пространство мавзолея было разделено на два помещения.

Южная часть здания была прямоугольной в плане. Ее внешние размеры 10 х 7,5 м. Южная стена была толщиной 0,8 м. Восточная и западная стены в южной части имели утолщение. Западная стена была 2,25 м толщиной, а восточная – 1,8 м. Такая толщина стен позволяет предположить, что здесь находился портал с высокой аркой. В этом случае передняя южная стена была возведена только до уровня пола айвана (1), размеры которого составляли 5,95 х 3,2 м. В северной части меридиональные стены имели толщину 1,45 м, то есть за айваном с аркой находилось небольшое (7,1 х 2,0 м) тамбурное помещение (2), через которое можно было попасть в усыпальницу. Уровень пола его был несколько ниже уровня пола айвана.

Помещение усыпальницы (3) было квадратным. Его внутренние размеры 7,0 х 7,0 м, внешние – 10,0 х 10,0 м. В центре находилась обширная могильная яма с остатками склепа из жженого кирпича на известковом растворе. В склепе было два захоронения. При раскопках

мавзолея найдено множество обломков изразцов бирюзового, синего, белого, желтого, зеленого и красного цветов, то есть мавзолей был богато декорирован.

Таким образом, в Среднем и Нижнем Поволжье строились мемориальные здания различного плана. Это квадратные в плане постройки без портала, с небольшим выступающим порталом или порталом на массивных пилонах типа среднеазиатского пештака. Существовали и прямоугольные в плане двухкамерные мавзолеи с пештаком или без него. Многогранные усыпальницы могли иметь форму пирамиды или являться башенными постройками.

Северный Кавказ

Крупнейшим золотоордынским городом Северного Кавказа являлся Маджар, располагавшийся на берегу р. Кумы, в том месте, где в нее впадает приток Буйвола. Площадь городища достигает 8 кв. км (Ртвеладзе, 1972. С. 159), однако исследовано оно довольно слабо. В настоящее время большая часть памятника, на левом берегу современного русла Кумы, застроена городом Буденновском; участок на правом берегу пересечен системой ирригационных каналов, а культурный слой его в значительной степени уничтожен глубокой вспашкой при посадке садов и виноградников.

Маджар был построен в XIV в. на пересечении торговых путей, соединяющих центр Золотой Орды с Кавказом и западными районами – Азаком и городами Крыма. Ибн Баттута, который посетил его в 1332 г., описывает Маджар как «город большой, один из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами» (Тизенгаузен, 1884. С. 287). Упоминается Маджар и в русских летописях в связи с трагической гибелью в Орде тверского князя Михаила Ярославовича в 1319 г. Траурный кортеж с телом князя остановился на ночь в Маджаре, где находился православный храм. Татарские князья не разрешили внести тело князя в церковь, и его пришлось поставить в хлеву, где ночью над убиенным якобы появился «огненный столп» (ПСРЛ, 1851. С. 213-215; 1856. С. 196-197; 1885. С. 186). После распада Золотой Орды город приходит в запустение, но развалины построек из обожженного кирпича сохранились до конца XVIII в. Эти великолепные руины привлекали внимание многочисленных исследователей и путешественников, большинство из которых оставили более или менее подробные их описания. В XVIII-XIX вв. развалины городища посетили И.-Г. Гербер, экспедиция, организованная В.Н. Татищевым, С.Г. Гмелин, И.А. Гюльденштедт, Г.-Ю. Клапрот, И.П. Фальк, П.С. Паллас, Я.И. Шмидт, Ш. Годе, П.И. Кеппен, Я.-Ш. де Бесс, К.Г. Кох, А.С. Фиркович, В.Ф. Миллер и др. В 40-50-е гг. XIX в. землемер А.П. Архипов произвел инструментальную съемку и составил генеральный план городища, который, к сожалению, в настоящее время утрачен. Следует отметить, что многие описания, а также сохранившиеся рисунки и чертежи являются ценнейшими источниками для изучения топографии города и архитектурного облика его построек. Более того, эти источники зачастую гораздо более информативны, нежели археологические.

Наиболее результативные раскопки маджарского городища были проведены в 1907 г. В.А. Городцовым, который вскрыл здесь несколько домов и серию погребений, а также составил план городища (Городцов, 1911). Дальнейшие исследования Маджара Г.Н. Прозрителевым в 1911 и 1925 гг., Ф. Маметхановым в 1927 г. и Т.М. Минаевой в 1940 г. сводились, в основном, к разведкам и сбору подъемного материала. В 60–70–е гг. XX в. Э.В. Ртвеладзе и А.П. Рунич проводили небольшие раскопки Маджара. Ими был составлен подробный план городища, исследован сохранившийся микрорельеф, стратиграфия памятника, собран богатый археологический и нумизматический материал. В 1989-1991 гг. на городище работала археологическая экспедиция Ставропольского пединститута под руководством А.Б. Белинского и Э.Д. Зиливинской. В 90–х гг. отряд кафедры археологии МГУ под руководством Э.Д. Зиливинской проводил раскопки на правом берегу р. Кумы (Зиливинская, 1994. С. 65-66;1995 С. 163; 1996. С. 78-80; 2001. С. 174-226). Все эти работы убедительно показали, что большая часть капитальных построек Маджара навеки утрачена и при продолжении раскопок в лучшем случае мы можем надеяться найти незначительные остатки нижней части стен или их отпечатки. Тем более важно тщательно проанализировать

рисунки маджарских построек, многие из которых сохранились в XVIII в. полностью, включая крышу, и описания этих зданий, оставленные очевидцами. Частично подобная работа уже была проделана. Так, Э.В. Ртвеладзе в статье «Мавзолеи Маджара» рассматривает три типа мавзолеев, приведенных на рисунке А.Ф. Бюшинга, подтверждая свои выводы данными С.Г. Гмелина, П.С. Палласа и Я. Потоцкого (Ртвеладзе, 1973. С. 271–277). Еще один тип маджарских мавзолеев выявлен Л.Г. Нечаевой (Нечаева, 1978. С. 85–96). Однако выводы исследователей основаны на разборе отдельных источников, некоторые из них недостаточно обоснованы и убедительны. Комплексный анализ имеющихся источников позволяет обозреть все многообразие мемориальных построек Маджара.

Впервые обратил внимание Российской Академии наук на Маджар в 20-х гг. XVIII в. полковник И.-Г. Гербер, но он дал лишь самое общее описание городища: «В местности, где река Кума принимает в себя речку Бируму… виднеются развалины большого города с прекрасными каменными дворцами и сводами, по которым, равно как и по лежащим под руинами тесаным камням, украшенным чистой резной работою, можно заключить, что в древности это был значительный и славный город». В это время еще можно было видеть «подвалы со сводами и развалины больших дворцов» (Шестаков, 1884. С. 5–6).

Выдающийся ученый и государственный деятель В.Н. Татищев в бытность астраханским губернатором не только описал Селитренное городище и другие золотоордынские памятники в Нижнем Поволжье (Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986. С. 232-239), но и отправил небольшую экспедицию для изучения Маджара (Пальмов Н.Н., 1925. С. 209-210; 1928. С. 334–338). Для зарисовки развалин В.Н. Татищев выписал из Петербурга «от Академии наук ученика живописного» Михаила Некрасова. Также он обратился к коменданту Кизлярской крепости с просьбой командировать «для снятия места и положения на карту из кондукторов (топографов) способного человека, да в конвой 30 или 40 человек». Экспедиция, в состав которой кроме М. Некрасова вошли чертежник Андрей Голохвостов и 20 казаков, состоялась в июле 1742 г. Отношения между художником и кондуктором не сложились, о чем М. Некрасов довольно эмоционально пожаловался в своем отчете В.Н. Татищеву: «Недоезжая до Маджара верст за 20, а от дороги с версту, видимы были за Кумою полаты, к которым я ево, кондуктора звал то оной с немалым в том нарекании не поехал и ждать меня не хотел, по которому я принужден был к тем полатам не заезжать. А как 31 числа в вечеру к Маджарам приехали, и 1 августа начали оное здание рисовать, тогда оной кондуктор, снявши то здание примером, стал меня спешить, чтобы ехать назад, но я ему говорил, что не можно в так короткое время то здание по моему искусству правильно снять, но оной кондуктор не только сам порядочно то здание на план с мерой положил, но с ругательством про оное говорил: «Что много смотреть сего?». И по многом со мной споря, от меня взяв лучших казаков, поехал в полудни, а меня с осмью человеки худоконными на оном месте оставил. И хотя было не мало от воровских людей, как оставшие со мной казаки объявляли, опасно, однако ж я, не хотя так без исправления ехать, пробыл тут до самого вечера; что возможно, того здания каждую полату особо и пришпект сделал. При том же видны были яко бы погреба, – то, за взятым оным кондуктором одной лопатки и топора, и наступившим поздним вечером боле изыскивать на том месте был опасен, – поехал возвратно. И едучи назад к видимым полатам, стоящим за Кумою, для снятия один ехать опасался, ибо и так трех человек, живущих в камышах, при переправе нашей видели, и за тем принужден был, оставя оные, поехать и ево, кондуктора, догнать. На другой день в верстах 25 нагнал и поехал вместе, который во всю дорогу меня всячески ругал и хотел сечь плетьми. И как стала подо мною лошадь, то оной кондуктор, своевольно возымев команду, запретил казакам, чтобы мне лошади в перемену из-под казаков не давать, но у одного казака уже с великой просьбою, дав деньги, переменил» (Пальмов, 1928. С. 335–336).

Отчет А. Голохвостова более деловит и лаконичен: в нем сообщается о выполнении задания и составлении карты, на которой нанесены не только остатки каменных строений на берегу Кумы, но и их расположение относительно Кизлярской крепости и крепости св. Анны на Дону (Пальмов, 1928. С. 336). В настоящее время рисунок М. Некрасова (рис. 140) и карта,

составленная А. Голохвостовым (рис. 141), хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 868 и № 760).

По рисунку М. Некрасова была сделана литография, которая опубликована в 1841 г. К. Бэром (Bähr, 1839. Tab. 1) (рис. 142.1). Впоследствии это изображение приводилось другими исследователями (Magazin…, 1771. S. 530; Волкова, 1972. С. 44–45; Аджимамедов, 1992. С. 143). На нем изображен берег р. Кумы, на котором видны остатки около 45 мавзолеев из обожженного кирпича. На плане А. Голохвостова в соответствующем месте можно насчитать 48 построек, причем расположение их и планировка соответствуют рисунку. Тем не менее, именно эти материалы практически не привлекались исследователями при рассмотрении архитектурных форм маджарских мавзолеев. Между тем, строения на рисунке изображены достаточно подробно, с большим количеством деталей. Все их можно разделить на четыре группы.

К первой группе (рис. 144) относятся здания кубического объема, который переходит в восьмигранный или двенадцатигранный барабан, увенчанный двойным куполом. В каждой грани барабана сделано по одному окну стрельчатой формы. Окна как сквозные, так и глухие. Внутренний полусферический купол сохранился у многих построек. Снаружи он имел шатровое покрытие, которое сохранилось у одного мавзолея (2). У остальных зданий видны внутренние сферические купола. Все здания этого типа имеют с одной стороны высокий развитый портал, в котором находится вход, обрамленный стрельчатой аркой и двумя П-образными рамами, выложенными кирпичами и, вероятно, изразцами. По форме портала можно выделить два подтипа (Маньковская, 1983. С. 32). У большинства мавзолеев (1-3, 4-6) портал вписан в общий призматический корпус здания. У одной постройки (5) портал сильно выдвинут вперед и сужен относительно общего объема. В боковых стенках большинства зданий также сделаны стрельчатые ниши, обведенные П-образными рамами. В некоторых зданиях (2-4) в этих нишах сделаны небольшие окошки, в других (5,6) находились сквозные проемы. Такое же строение имели и мавзолеи, изображенные в книгах П.С. Палласа (рис. 145-146). Паллас, посетивший Маджар дважды, в 1780 г. пишет о шести башнях и 32 сохранившихся зданиях. В 1793 году П.С. Паллас нашел только четыре неразрушенных мавзолея, которые и зарисовал (рис. 143, 145-146). От остальных остались лишь основания, которые располагались вдоль реки в три ряда (Pallas, 1799. S. 276-284). Рисунок последнего маджарского мавзолея, зарисованного П.С. Палласом, приведен в книге Я. Потоцкого, который посетил Маджары в 1798 году (Potocki, 1829, p. 188).

Э.В. Ртвеладзе, изучавший маджарские мавзолеи по рисункам Бюшинга (Magazin..., 1771. S. 530) и описаниям Гмелина, также выделяет тип портально-шатровых усыпальниц и даже приводит их примерные размеры. Это прямоугольные в плане здания (10 х 7 м) с одним квадратным в плане помещением (5 х 5 м) и сильно развитым порталом, лежащим на продолжении боковых стен. Портальная ниша перекрыта стрельчатой аркой и оформлена двумя П-образными рамами. На щековых стенах портала были сделаны неглубокие ниши, перекрытые стрельчатыми арками. Аналогичные ниши с дверями или окнами находились и по центрам трех стен мавзолея как внутри, так и снаружи. Стены мавзолеев толщиной 1,1-1,2 м сложены из золотоордынского кирпича стандартного формата. Снаружи здания были украшены изразцовыми кирпичами бирюзового цвета, мозаиками из поливных элементов различной формы бирюзового, синего, белого, зеленого и красного цветов, а также резной архитектурной керамикой с бирюзовой поливой. Внутри стены были оштукатурены (Ртвеладзе, 1973. С. 271–272).

Следующую группу составляют квадратные в плане постройки (7-10, д-р), не имеющие выступающего портала (рис. 147). Возможно, это объясняется их плохой сохранностью, а возможно, это здания, которые Э.В. Ртвеладзе определил как центрические мавзолеи, хотя правильнее их было бы назвать фасадными, так как фасад их выделен только с одной стороны (Маньковская, 1983. С. 32; Хмельницкий, 1996. С. 153). Центрические же мавзолеи имеют четыре осевых входа и равнозначные фасады со всех сторон. Такой фасадный мавзолей из места

под названием Дерсовата изображен на рисунке из альманаха А.Ф. Бюшинга (рис. 142.4). Он квадратный в плане, размерами примерно 7 х 7 м. На углах здания находятся трехчетвертные колонны. Портал отсутствует, но дверной проем, сделанный в одной из стен, оформлен стрельчатой аркой. Мавзолей имеет купольное перекрытие на высоком цилиндрическом барабане с восемью или двенадцатью прямоугольными окнами. Купол двойной, причем внутренний имел полусферическую форму, а внешний – шатрово-коническую. Общая высота здания составляла около 14 м (Ртвеладзе, 1973. С. 273–274).

К третьей группе относятся башенные мавзолеи (рис. 148). На рисунке Некрасова и на плане хорошо видно, что эти мавзолеи можно разделить на два подтипа – круглые (11-13) и многогранные в плане (14). Судя по рисунку и планам, некоторые из них (11-13, с, т) были беспортальными. У мавзолеев 14, у-ц виден выступающий портал. Восьмигранный в плане башенный мавзолей без портала, из селения Маслов Кут недалеко от Маджара приведен и на рисунке П.С. Палласа (рис. 149) (Pallas, 1799. S. 308, Tab. 12). Многогранный мавзолей с шатровым куполом изображен также на карте подполковника Штедера в конца XVIII в. (рис. 59). Правда, на ней не указано, в какой местности находится эта постройка.

Башенные мавзолеи, наряду с портальными, были подробно описаны С.-Г. Гмелиным, который побывал в Маджаре в 1772 году. Этот автор наиболее подробно отмечает архитектурные особенности сохранившихся построек: «Фигура сохранившихся еще зданий – четырехугольная, восьмиугольная и круглая. Все от 4 до 9 сажен высоты, четырехугольныя и восьмиугольныя оканчиваются остроконечной пирамидою или кверху суживаются пирамидально. К этой пирамиде или куполу ведут потаенныя винтовыя лестницы, сделанныя в боковых стенах, которыя узки и не шире 15 дюймов. Пирамиды или куполы освещаются отверстиями по сторонам наподобие окон. В крыше куполы со сводами. При каждом доме есть выстроенная из камней высокая и просторная галерея с двумя отверстиями – окнами, дверь из этой галереи ведет в главную нижнюю комнату. Вход в галерею низкий, выступом. И так каждое строение состоит только из одной главной нижней комнаты, галереи, купола или пирамиды. Главная комната освещается небольшими, довольно высоко расположенными узкими отверстиями, наподобие окон с каждой стороны… Постройка круглых домов еще более отличается от теперешней европейской и азиатской архитектуры. Эти дома также от 4 до 9 сажен высоты, не велики, кверху со сводами и закруглены, так похожи на персидския и другия сторожевые башни, что их можно было бы считать такими башнями, если бы они не стояли на ровном месте, и если бы вместо бойниц у них не было просто отверстий, заменяющих окна… Посредине главной комнаты находится круглое отверстие, ведущее в подвал и имеющее от 3-х до 4-х футов в поперечнике, закрывается оно хорошо прилаженным камнем. Этот подвал – горизонтальный коридор, часто не длиннее комнаты, но нередко он идет под фундаментом по прямой линии как раз в черте двора, где есть и закрытый вход в него» (Шестаков, 1884. С. 8 – 9). Подробно описывает С.-Г. Гмелин и материалы, из которых построены мавзолеи: «Кирпичи такие же, какие еще делают астраханские татары… Для кладки стен употреблены в некоторых строениях известь и песок, но преимущественно глина; почти все комнаты изнутри оштукатурены известью, сглажены и выкрашены. Фундаменты большей частию из кирпича, немногие из плитняка, но все очень прочные. Балки сосновыя… Украшения зданий состоят из глазированных камней синяго, зеленаго, краснаго, кирпичнаго и жемчужнаго цвета, которые весьма красиво и искусно вделаны между кирпичами во внутренния и внешния стены нижней комнаты, пирамиды или купола и галереи в форме трех- или четырехугольников, ромбов, крестов, сердец и различных фантастических фигур. Совершенно то же мы видим и в строениях в Селитренном городке». С.-Г. Гмелин считал все здания замками магнатов, а круглые башни магазинами, то есть складами (Шестаков, 1884. С. 8–9).

Большинство современных исследователей согласны в том, что четырехугольные и восьмиугольные в плане здания, описанные С.-Г. Гмелиным, являются мавзолеями (Минаева, 1953. С. 150; Ртвеладзе, 1973. С. 271–273). По поводу круглых в плане сооружений мнения расходятся. Э.В. Ртвеладзе считал их минаретами (Ртвеладзе, 1973. С. 273). Л.Г. Нечаева,

напротив, определяет их как особый тип «ульевидных» мавзолеев (Нечаева, 1978. С. 88). Возникновение таких мавзолеев исследовательница относит к домонгольскому времени и создателями их считает половцев. Свое мнение она основывает на сведениях Рубрука, который пишет, что половцы «не только насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую», но «строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома…» (Рубрук, 1997. С. 101). Доказательством мусульманизации половцев в домонгольское время Нечаева считает миниатюры Радзивилловской летописи, на которых половецкий стяг всегда имеет полумесяц. На этих же миниатюрах, по ее мнению, изображены мавзолеи в виде круглых в плане зданий, перекрытых куполами (Нечаева, 1978. С. 86).

С Л.Г. Нечаевой полемизирует Р.А. Даутова. Она считает, что до XIII в. половцы, скорее всего, в массе своей были язычниками, а что касается построек, о которых пишет Л.Г. Нечаева, то Г. Рубрук видел их в 1253 г., и нигде нет указаний, что они связаны с мусульманством. Миниатюры же Радзивилловской летописи вообще выполнены в XV в. и могут отражать современные им реалии (Даутова, 1983. С. 32–33). Рассматривает Р.А. Даутова и вопрос об «ульевидных» мавзолеях Маджара. Так как о круглых в плане мавзолеях нет археологических данных, считает исследовательница, то сооружения, изображенные на рисунке, являются своеобразными надгробными памятниками, небольшими по площади и глухими внутри, то есть имитациями больших мавзолеев. Аналогии этим сооружениям имеются в погребальных памятниках Средней Азии XVII-XX вв. (Даутова, 1983. С. 32–33).

Вопрос о мусульманизации половцев выходит за рамки данной работы, что же касается изображенных на рисунке мавзолеев, то с мнением Р.А. Даутовой трудно согласиться. Прежде всего, следует отметить, что отсутствие археологических данных не является убедительным доводом. Городище Маджары исследовалось довольно мало, и на нем вообще не найдено остатков мавзолеев. Кстати говоря, надежды найти их, скорее всего, и нет, так как та территория, на которой изображены маджарские мавзолеи, застроена городскими кварталами. В то же время башенные мавзолеи фасадного типа или с выступающим порталом хорошо известны. В плане они могут быть как многогранными, так и круглыми. Такие мавзолеи возникают в Иране (Hillenbrand, 1994. P. 282-287, 528-529) и распространяются на сопредельные территории – в Среднюю Азию (Пугаченкова, 1958. С. 292–298; Хмельницкий, 1996. С. 227-234), Азербайджан (Уссейнов и др., 1963. С. 145; Бретаницкий, 1966. С. 110-115), Малую Азию (Stierlin, 1998. P. 50; Hillenbrand, 1994. P. 306-308, 541-542). В этом контексте присутствие их на Северном Кавказе представляется абсолютно логичным.

Совершенно непонятной кажется трактовка построек как «небольших по площади и глухих внутри» (Даутова, 1983, с. 36). Если внимательно прочитать описания С.Г. Гмелина, то он, напротив, говорит о круглых в плане «башнях», аналогичных сторожевым, высотой 4-9 саженей (8,52-18,11 м) с внутренней комнатой. Считать эти здания минаретами также нет оснований, так как внутри минаретов должны находиться остатки винтовых лестниц, а не пустые помещения. В нижней части этих башен находились «погреба» со сводами и ведущими наружу коридорами. То есть по описанию они полностью соответствуют мавзолеям с подземными склепами. Кстати говоря, все башенные мавзолеи Азербайджана непременно имеют склепы. Наличие подземных погребальных камер в маджарских мавзолеях зафиксировано и на рисунках П.С. Палласа и А.Ф. Бюшинга. И, наконец, довольно странным может показаться скопление большого количества минаретов на ограниченной площади, так как минареты обычно строятся при мечетях. И.А. Гюльденштедт, который побывал в Маджаре в июле 1773 г., также описывает примерно 50 зданий из обожженного кирпича у слияния Кумы и Буйволы, то есть в том месте, где они изображены на плане А. Голохвостова. Он уверенно определяет эти здания как мемориальные памятники с подземными склепами. Мечеть с минаретом Гюльденштедт обнаружил в одной версте к западу от этих построек, еще западнее находилась вторая мечеть с минаретом (Güldenstädt, 1791. S. 26-27). Эту ситуацию он изобразил на плане (рис. 150).

Если вернуться к рисунку М. Некрасова, то на нем можно видеть еще одну группу построек сложных очертаний (рис. 151). Им соответствуют планы в виде сложных многоугольных фигур (15-18, ч-я). Это могут быть комплексы из нескольких пристроенных друг к другу однокамерных мавзолеев, например, как в ансамбле Шах-и Зинда (Немцева, Шваб, 1979. С. 17-25). Либо это многокамерные многофункциональные мавзолеи, которые Л.Ю. Маньковская разделяет на конгломераты без четкой организации структуры, и мавзолеи-комплексы продольно-осевой или поперечно-осевой структуры (Маньковская, 1979. С. 97; Маньковская, 1983. С. 40–41). В качестве примеров подобных сооружений можно привести комплексы Кусама Аббаса в Шах-и Зинда, Хусам-ата в Фудине, мазар Чашма-Аюб в Бухаре (Немцева, Шваб, 1979. С.17-25; Маньковская, 1979; 1983. С. 40–41; Хмельницкий, 1996. С. 255-257).

Э.В. Ртвеладзе выделяет еще один тип маджарских мавзолеев – пирамидальной формы. К нему относятся восьмигранные в плане здания, сужающиеся кверху. На одной из граней находился невысокий, слабо выдвинутый вперед портал. Вход был перекрыт стрельчатой аркой, которая выделена П-образной рамой. Э.В. Ртвеладзе приводит примерные размеры такого мавзолея. Внутреннее расстояние между стенами около 8 м, толщина стен – 1 м, ширина портала – 4 м, высота портала – 4,5м. Общая высота здания при этих размерах составляла более 12 м (Ртвеладзе, 1973. С. 273). На панораме Маджара такие здания не видны, однако довольно точный чертеж их приведен в публикации А.Ф. Бюшинга (рис. 142.2). Кроме того, С.-Г. Гмелин пишет о сужающихся пирамидально зданиях в самом Маджаре и о трех зданиях треугольной формы в 10 верстах ниже по течению Кумы (Шестаков, 1884. С. 8, 11). Пирамидальные мавзолеи представляют собой довольно редкий тип погребальных памятников, который достоверно не зафиксирован на золотоордынских городищах. Возможно, они действительно происходят от «остроконечных домиков», упоминаемых Г. Рубруком. Подобные надгробные сооружения в Центральном Казахстане впервые были описаны и зарисованы И.А. Кастанье (Кастанье, 1910. рис. 50-53). Их изучением занимался А.Х. Маргулан, который датировал их VIII-IX вв. и также считал памятниками кыпчаков (Мендикулов, 1950. С. 7). Пирамидальные мавзолеи, распространенные в VIII-XI в. в Центральном Казахстане, доживают в Арало-Каспийском регионе до современности (Ажигали, 2002. С. 222-223, 226-231). Известны они и в Нижнем Поволжье (Дворниченко, Зиливинская, 2005. С. 281–303; Зиливинская, 2009б. С. 119-140).

Недавно в Отделе рисунка Государственного Русского музея было найдено несколько акварелей известного пейзажиста второй половины XVIII века М.М. Иванова, на которых изображены мавзолеи маджарского некрополя. Рисунки эти до сих пор были известны лишь специалистам, занимающимся творчеством художника. Археологи знали лишь его рисунок с изображением портала медресе Узбека. В 80-х гг. XVIII в. М.М. Иванов состоял в военной службе при князе Г.А. Потемкине. В 1783 г. Художник находился в Георгиевской («Егорьевской») крепости, где был заключен договор о принятии Грузии под протекторат России. Тогда же он сделал несколько акварельных рисунков «Маджарских развалин».

На первой из них (Р-30009) изображена лесистая местность (рис. 152). На переднем плане два дерева, чуть поодаль, на поляне, в центре картины стоит заброшенная и начавшая уже разрушаться постройка, которая, без сомнения, представляет собой мавзолей. Нижняя часть здания призматическая, в передней стене угадывается дверной проем с арочным завершением. Никаких следов портала, даже разрушенного, на рисунке не видно. Над призмой возвышается круглый барабан, увенчанный коническим куполом. Барабан расчленен 18 узкими щелевидными оконными проемами, ложными или настоящими. В нижнем правом углу подпись: «От крепости Егорьевской в 45 верстах к Мажарам». Под рисунком еще одна подпись, возможно, также принадлежащая автору: «На Масловом Куте от Егорьевской крепости в 45 верстах к Мажарам». Из этой надписи следует, что мавзолей, изображенный на рисунке, находится возле селения Маслов Кут (совр. Стародубское).

Интересно, что этот мавзолей по своей архитектуре отличается от восьмигранного башенного мавзолея из Маслова Кута, приведенного в книге П.С. Палласа. На рисунке М.М. Иванова изображен призматический портальный мавзолей с круглым барабаном и шатровым

покрытием. Аналогичное здание из местности Дерсовата изображено на литографии из альманаха Бюшинга (142.4). Мавзолеи эти относятся к одному типу, разница заключается лишь в том, что барабан на рисунке Бюшинга не круглый, а восьмигранный. Интересен сам факт того, что в Масловом Куте зафиксированы два мавзолея различных типов. Вероятно, здесь также находился крупный некрополь золотоордынского времени. Можно также предположить, что именно его упоминает М. Некрасов в качестве «полат за Кумой, недоезжая Маджара», которые ему не дал зарисовать А. Голохвостов.

На второй акварели (Р-30010) изображены собственно развалины Маджара (рис. 143). Автор озаглавил ее «Мажарские остатки». На переднем плане мы видим грунтовую дорогу, которая вьется среди живописных развалин. С двух сторон от дороги в беспорядке раскиданы надгробия, сделанные, скорее всего, из камня. Надгробия ступенчатые, типа «мастаба». Чуть дальше за дорогой, с правой стороны, находятся развалины постройки кубической формы. За ней – два мавзолея.

Ближайший мавзолей обращен к зрителю боком. Призматический нижний ярус постройки в передней части имеет высокий портал, вписанный в объем здания. Портал почти вдвое превышает высоту нижнего яруса. В боковой стене видна узкая прямоугольная ниша, в которую вписана другая – такой же ширины, но со стрельчатым завершением. Ниша глухая, в ее стене примерно на середине высоты сделано маленькое прямоугольное окошко с закругленным верхом. Прямоугольная ниша имеется и в задней стене здания. По виду она напоминает дверной проем, но проем здесь маловероятен. Скорее всего, нижний ярус снаружи с трех сторон был оформлен одинаковыми нишами. Второй ярус мавзолея представлен 12-гранным барабаном, высота которого почти вдвое меньше основного объема. Грани разделены пилястрами, на плоскостях граней сделаны выступающие стрельчатые арочки. Завершает здание граненый шатровый купол. На поверхности его видны выступающие гурты, которые являются продолжением пилястр барабана. Такая деталь на других изображениях не встречалась. Слева от этого мавзолея, чуть далее находится еще один, точно такого же строения, но с несколько более поврежденным куполом.

Еще левее, с другой стороны дороги находится здание в виде восьмигранной башни. Спереди у него имеется выступающий прямоугольный портал, который, впрочем, плохо просматривается из-за неудачного ракурса. Это здание весьма напоминает восьмигранный башенный мавзолей, изображенный на рисунке М. Некрасова (рис. 148.14). Возможно, это одна и та же постройка. В то же время, следует отметить, что грани здания на рисунке М.М. Иванова сильно сужаются кверху, и вся постройка имеет скорее пирамидальную форму. Возможно, это такой же мавзолей, как на рисунке из альманаха А.Ф. Бюшинга (рис. 142.2). Слева от многогранной постройки стоят еще два портальных мавзолея. Архитектурные формы их в точности повторяют мавзолей на переднем плане. У обоих зданий полностью разрушено шатровое покрытие и барабан венчают уплощенные полусферические внутренние купола. О том, что маджарские мавзолеи имели двойные купола, также хорошо известно из рисунков в издании Бюшинга. У левого края картины М.М. Иванова видны очертания еще трех мавзолеев, у которых сохранились только нижние части.

Следующая картина (Р-30011) представляет собой, на мой взгляд, наиболее удачное изображение мавзолеев Маджара (рис. 154). В верхней части ее стоит подпись автора «Мажарские древности». На картине изображены пять мавзолеев, стоящие в ряд. По своей композиции она напоминает литографию из книги П.С. Палласа (рис. 143). Вполне вероятно, что это те же самые мавзолеи, но изображенные с другой стороны. Лучше всего проработан мавзолей у правого края рисунка. Это портальная постройка, увенчанная шатровым куполом. В сущности, это тот же самый мавзолей, что и на предыдущем рисунке, но запечатленный с другой точки. Здесь хорошо просматривается портал здания. Плоскость его расчленена двумя прямоугольными рамами, образованными выпуклыми и довольно узкими орнаментальными фризами. Внешний фриз образован переплетенными в виде косы жгутами. Внутренний – представляет собой череду выпуклых элементов полукруглой формы. Можно только

предполагать, что декоративные детали сложены из обточенных кирпичиков или резной терракоты. Внутри рамы находится стрельчатая арка с выступающим архивольтом. Над аркой, на тимпане – еще один орнаментальный фриз, состоящий из четырех горизонтальных рядов волнообразного орнамента. Внутри глубокой арки портала, на ее боковой стене, видна арка также стрельчатого очертания. Перед порталом изображены люди, которые могут служить своеобразным масштабом для определения примерной высоты здания. Если предположить, что средняя высота этих людей (мужчин) 1,8 м, то высота портала здания составит около 7-7,5 м, а общая высота – 10,5-11 м. Однако тот факт, что эти фигуры стаффажные, то есть врисованные позднее, делает эти вычисления не слишком достоверными.

Остальные три здания на данном рисунке практически идентичны первому мавзолею, у них лишь полностью или частично разрушены шатровые купола. У левого края картины находится сильно разрушенное здание, от которого остался мощный портал со стрельчатой аркой. Судя по размерам портала, это могла быть более крупная постройка.

Завершает серию маджарских зарисовок акварель (Р – 30012) с изображением вида долины реки Буйволы (рис. 155). Внизу и в верхней части она имеет одинаковую подпись: «Река Байвала вдали от Мажар». На этом пейзаже также видны остатки трех полуразрушенных строений без четких архитектурных деталей. Общий облик их позволяет предполагать, что это были такие же здания призматической формы с барабанами и куполами в верхней части.

Рисунки М.М. Иванова не содержат принципиально новой информации по архитектуре мемориальных построек Маджара. Здания, изображенные на них, уже известны по панораме М. Некрасова и литографиям из альманаха А.Ф. Бюшинга и сочинений П.С. Палласа. Тем не менее, на них видны некоторые архитектурные детали, которые не были отмечены другими художниками. Кроме того, эти мастерские рисунки, выполненные акварелью и сепией, лучше всего передают очарование «маджарских развалин», в них ощущается тайна прошедшей жизни величественного древнего города.

Серия золотоордынских мавзолеев обнаружена в Пятигорье, в районе г. Ессентуки. Два из них опубликованы Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1969. С. 260-265). Мавзолей № 1 (рис. 156.1) находился на правом берегу реки Подкумок, между железнодорожными станциями Скачки и Золотушка. Он представлял собой прямоугольное в плане здание размерами 7,7 х 5,7 м, ориентированное строго по оси север-юг. Сохранился фундамент и часть цоколя стен из обработанных плит мергеля и известняка на глиняном растворе. Толщина стен – 0,9 м. С южной стороны мавзолея находился портал, пилоны которого являлись продолжением восточной и западной стен. Длина пилонов портала 2,0 м, расстояние между ними – 3,9 м. Помещение мавзолея квадратное в плане размерами 3,9 х 3,97 м, в южной стене его сделан проем шириной около 1 м. Стены мавзолея сложены из кирпичей размерами 23,5–24 х 23,5–24 х 4–5 см, пол был глинобитным. Вокруг постройки найдены поливные бирюзовые кирпичи и майоликовые кирпичи с выпуклым растительным орнаментом (Ртвеладзе, 1969. С. 262).

На левом берегу р. Подкумок, недалеко от станции Белый Уголь находился мавзолей № 2 (рис. 156.2). Он представлял собой почти квадратное в плане однокомнатное здание с портальной частью. Общая длина по наружному обмеру вместе с порталом 7,1 м, ширина – 5,5 м. Стены, сложенные из квадратного жженого кирпича 24 х 24 х 5 см на известковом растворе, имели толщину 0,78–0,84 см. Они стояли на фундаменте из мергеля и известняка. С южной стороны здания находился портал, который был сужен относительно общего объема. Устои портала имели длину 1,95 м. С внутренней стороны в них имелись небольшие ниши. Входной проем шириной 1 м в южной стене вел в помещение мавзолея, которое имело почти квадратную форму (3,9 х 3,52 м). Посредине восточной, северной и западной стен были сделаны ниши глубиной 37 см и шириной от 0,8 до 1,5 м. На стенах внутри мавзолея сохранились следы белой штукатурки, пол был вымощен жженым кирпичом на известковом растворе. Декор составляли поливные бирюзовые кирпичи брусковидной формы (Ртвеладзе, 1969. С. 262).

Остатки еще шести мавзолеев, расположенных между станциями Ессентуки и Белый Уголь на правом берегу р. Подкумок, были исследованы Т.Б. Палимпсестовой и А.П. Руничем

(Палимпсестова, Рунич, 1974. С. 229–238). Мавзолеи стояли в ряд по линии запад-восток на гребне небольшой возвышенности. Стены трех мавзолеев были полностью разобраны, и планировка их не прослеживалась, удалось снять план только трех других зданий. Здание мавзолея №3 (рис. 156.3) имело форму прямоугольника, ориентированного длинной стороной по линии СВ-ЮЗ. Размеры его 7,9-7,95 х 5,75-5,86 м. Цоколь стен сложен из плит мергеля и облицован с внутренней и наружной сторон обожженными кирпичами (21 х 21 х 5 см). Внешние углы здания оформлены трехчетвертными башенками диаметром 0,87 м. Внутреннее пространство разделено поперечной стеной на прямоугольный тамбур (3,95 х 1,25 м) и квадратное помещение усыпальницы (3,95 х 3,95 м). Внутри находилось одно погребение. В развале стен постройки были найдены многочисленные фрагменты декора в виде поливных кирпичей бирюзового цвета различных размеров и форм для облицовки плоскостей стен, углов, башенок и купола, а также элементы мозаичных панно бирюзового, синего и белого цветов, составлявших геометрические и растительные орнаменты.

Мавзолей № 5 представлял собой небольшое квадратное в плане здание с узким, слегка (на 66 см) выступающим порталом (рис. 156.4). От его стен сохранился цоколь толщиной 0,62-0,75 м, сложенный из плит мергеля. Входной проем в южной стене вел в помещение размерами 2,65 х 2,70 м. Пол был вымощен обожженным кирпичом размерами 21 х 21 х 5 см. Декор здания составляли бирюзовые кирпичи. Здание мавзолея № 8 имело форму десятигранника (рис. 156.5). Расстояние между противоположными углами его составляло 6,3 м. Фундамент стен толщиной 0,9 м сложен из плит мергеля. Вход находился с южной стороны и имел ширину проема 1,15 м, портал не прослеживался. Стены здания были декорированы поливными кирпичами бирюзового цвета.

При раскопках одного из крупнейших городских центров на Северном Кавказе, Верхнего Джулата, В.А. Кузнецовым также было раскопано здание золотоордынского времени, которое считалось мавзолеем (Крупнов, 1960. С. 10-17; Кузнецов, 2003. С. 166-167). Здание имело в плане форму прямоугольника (рис. 157). Внешние размеры его 8,40 х 7,30 м. Ориентировано по сторонам света, длинной осью с востока на запад. Стены его сложены «ганджийской» кладкой из крупных каменных блоков, чередующихся с кирпичной кладкой и галькой. Толщина стен составляла 75-80 см. В южной стене посредине был сделан дверной проем шириной 1 м. Снаружи к западной стенке прохода примыкал участок кладки в 2 ряда, который выступал на 22 см от плоскости стены. Возможно, это был остаток портала, обрамлявшего вход. Перед входом снаружи была сделана булыжная вымостка шириной 1 м и длиной 2 м. Еще один проем, также шириной 1 м, находился в северной стене в 1 м от северо-восточного угла здания. Оба прохода имели пороги из поставленных на ребро кирпичей. Внутренние размеры единственного помещения мавзолея составляли 6,75 х 5,80 м. Внутри сохранились остатки глинобитного пола I периода. Над ним на расстоянии 25-35 см находился более поздний земляной пол. Несмотря на отсутствие четких указателей на назначение данной постройки, Г.А. Федоров-Давыдов считал ее мавзолеем, так как вокруг находились синхронные по времени мусульманские погребения. В.А. Кузнецов не согласен с этим мнением, так как никаких следов погребений внутри здания не обнаружено. Он предлагает считать его странноприимным домом (ханака), хотя это предположение ни на чем не основывается (Кузнецов, 2003. С. 167)

В Ингушетии, недалеко от деревни Плиево расположен хорошо известный на Кавказе мемориальный памятник, так называемый Брагунский мавзолей или мавзолей Борга-Хаш (рис. 158-159). Ему посвящена обширная литература (Щеблыкин, 1928. С. 295-296; Семенов, 1928. С. 217–232; 1956. С. 146–158; Лавров, 1966. С. 129–131, 200–203; Минаева, 1965. – С. 102-103; Виноградов, 1966. С. 143–149; 1980. С. 6–13). Мавзолей сложен из хорошо отесанного белого камня. Здание прямоугольное в плане, стены его гладкие, без какого-либо декора. Размеры 4,13 х 5,56 м, высота до купола – 3,18 м. Квадратное в плане помещение мавзолея перекрыто полусферическим куполом, в котором с восточной и западной сторон сделаны прямоугольные отверстия. Имеются сведения, что раньше купол был украшен «муравленой черепицей», т.е. поливными изразцами (Семенов, 1956. С. 203). Массивный портал с большой

стрельчатой аркой расположен с южной стороны. Он вписан в объем здания и никак от него не отделен. В глубине айвана находится прямоугольная дверь, ведущая внутрь наземной части мавзолея. Снаружи с обеих сторон от входа высечен рельефный орнамент, а над входом арабская надпись. Надпись была прочтена Л.И. Лавровым. Из нее следует, что мавзолей был построен в 808 г.х. (1405-1406 гг.), а похоронен в нем Бек-Султан, Худайнадов сын (Лавров, 1966. С. 23, 78, 182, 195). В каменном полу мавзолея сделано овальное отверстие, через которое можно проникнуть в подземный склеп. Подземная камера имеет прямоугольное основание и перекрыта сводом с четырьмя полукруглыми арками. Для притока воздуха в стенах проложены четыре канала, соединяющих подземную часть с надземной. В восточной стене склепа устроена глубокая прямоугольная ниша. В прошлом веке внутри склепа находили мумифицированных покойников, завернутых в белые и цветные шелковые ткани и, возможно, сопровождаемых богатым инвентарем.

Большинство исследователей склоняется к тому, что мавзолей Борга-Хаш был построен ногайцами – выходцами из Крыма, чем и объясняется его своеобразная планировка, не имеющая прямых аналогий среди золотоордынских мавзолеев Северного Кавказа (Семенов, 1956. С. 204; Виноградов, 1966. С. 146–147; 1980. С. 34-36).

В последние годы в степной зоне, в Ставропольском крае при раскопках курганных могильников были исследованы сооружения из сырцового кирпича, которые, вероятнее всего, являются мавзолеями*. В Ипатовском районе в пределах могильника Золотаревка 5 найдена прямоугольная в плане постройка из сырцового кирпича (Березин, 1998; Бабенко, 2012). Размеры ее 6,4 х 5,6 м, ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. 160.1). Стены имеют толщину 1,25 – 1,5 м, сохранились они на высоту от одного до трех слоев кладки. Стены окружают пространство размерами 4,3 х 2,6 м. Внутри сооружения находились два погребения, в одном из которых найдены пять серебряных золотоордынских монет. Авторы раскопок интерпретируют эту постройку как «мазар золотоордынского времени» (Белинский и др., 2008. С. 668).

В могильнике Шарахалсун 5 (курган 8) исследован мавзолей круглой в плане формы со стенами из сырцового кирпича (рис. 160.2, 161) (Яковлев, 2001; Бабенко, 2012). Внешний диаметр здания в нижней части составлял 7,4 м, внутренний – 4,1 – 4,2 м. Стены имели толщину до 1,8 м. Они были сложены из большеформатных сырцовых кирпичей трапециевидной формы в 6 рядов кладки. Сохранились стены на высоту от 3 до 8 слоев кирпичей. Кверху стены сужались так, что верхний диаметр сохранившейся части постройки составлял около 7,2 м. Существенный уклон стен позволяет предположить, что мавзолей в целом имел коническую форму. Об этом же свидетельствует их большая мощность. Пол внутреннего помещения был полностью замощен сырцами. В северной части находились 2 погребения с надгробиями в виде ступенчатых мастаба.

В могильнике Совруно 1 найдены два мавзолея из сырцового кирпича (Яковлев, 2000; Бабенко, 2009. С. 18-19; Бабенко, 2012). Мавзолей № 1 был прямоугольным в плане, ориентированным вдоль меридиональной оси (рис. 160.3, 162). Он состоял из основного объема, квадратного в плане, и хорошо развитого портала в южной части. Внешние размеры квадратной в плане погребальной камеры составляли 7,2 х 7,3 м, внутренние – 3,3 х 2,8 м. Стены сложены из большеформатных прямоугольных кирпичей (38-40,5 х 20-21 х 7-9 см) в 4-5 рядов кладки. В кладке чередуются ряды, лежащие в стык и в ложок. Толщина стен составляет 1,3 – 1,4 м, сохранились они на высоту до 6 слоев. Пилоны портала являлись продолжением меридиональных стен здания, но были несколько массивнее. Толщина их достигала 1,8 м. Пилоны образовывали нишу шириной около 2 м и глубиной 1,15 м. Внутри усыпальницы пол был вымощен сырцовым кирпичом, причем вымостка перекрывала яму погребения, которая

* В публикации сырцовых погребальных сооружений Ставрополья В.А.Бабенко по традиции называет их «оградками» (Бабенко, 2012). Однако потом приходит к выводу, что это мавзолеи с несохранившимися перекрытиями (Бабенко, 2012. С. 206). Об «оградках» см. главу 7 данной книги.

находилась у северной стены. Над ним было поставлено надгробие в виде ступенчатой мастабы, сложенной из 5 слоев сырцового кирпича.

В том же могильнике Совруно 1 рядом с первым мавзолеем находился мавзолей № 2, также сложенный из сырца такого же формата. Он представлял собой однокамерное сооружение, прямоугольное в плане, ориентированное по оси ССВ-ЮЮЗ (рис. 160.4). Размеры его 6 х 5,1 м. Стены, сложенные в 4-5 рядов кирпичей, имели толщину 1,3-1,4 м. В высоту они сохранились на 4-5 слоев. Погребальная камера имела размеры 3,1 х 2,4 м. В северной ее части находилось ограбленное погребение с остатками сырцового надгробия.

Сооружение, близкое по конструкции к мавзолею № 1 могильника Совруно, раскопано в Новопавловском могильнике (Нарожный, Охонько, 2007). Прямоугольная в плане постройка вытянута вдоль меридиональной оси (рис. 164). Размеры ее – 11 х 8,6 м. Сооружение состояло из квадратной в плане камеры и портала, расположенного с южной стороны. Помещение имело внешние размеры 8,6 х 7,9 м и внутренние – 6,5 х 6,1 м. Стены его, сложенные из сырцовых кирпичей, были 1,3 м толщиной. Пилоны являлись продолжением меридиональных стен здания, но были значительно мощнее. Их толщина достигала 2,5 м. Ниша айвана, ограниченного пилонами, была 3,6 м шириной и 3,1 м глубиной. Пол внутри сооружения вымощен сырцовым кирпичом. По своей планировке это здание является типичным портальным мавзолеем. Тем не менее, авторы публикации отказываются считать его таковым и относят к разряду подкурганных оградок, которые связаны с погребальными и поминальными обрядами тюрок. Такая интерпретация кажется более чем странной. Оградками можно считать замкнутые сооружения квадратной, прямоугольной или круглой формы. Именно таковы в большинстве своем поминальные памятники различных тюркоязычных народов. Сырцовые сооружения золотоордынского времени, имеющие сходную форму, по традиции также относят к оградкам. На мой взгляд, это вопрос спорный, требующий дальнейшей разработки. Вполне возможно, что большая часть сырцовых оградок имела перекрытие и являлась небольшими мавзолеями, подобными сырцовым мавзолеям на сельских кладбищах Средней Азии (Зиливинская, 2009б. С. 136-137). Что же касается сооружения в Новопавловке, то здесь все очевидно: оно представляет собой здание развитой планировки с входом, который оформлен порталом. Значительная толщина стен (более 1 м) не нужна для отгораживания пространства, но необходима для погашения распора купола, который перекрывал основное помещение. Еще более мощные пилоны входа явно служили опорой высокой портальной арки. Вымостка пола также свидетельствует о том, что постройка имела крышу.

Е.И. Нарожный и Н.А. Охонько пишут о том, что сооружение в Новопавловке нельзя считать мавзолеем, так как мавзолей возводился над землей, а не под курганной насыпью (Нарожный, Охонько, 2007. С. 27). Следует, однако, заметить, что при разрушении сырцовых построек образуются холмы, называемые в Средней Азии «тепе», а в России «курганами». При этом основание постройки остается внутри холма (тепе, кургана). Недаром археологи XIX в. писали о «разрытии курганов», даже в том случае, если исследовали поселенческие памятники. Под такими «курганами» в золотоордынских городах находятся остатки общественных и жилых зданий, а также мавзолеи, абсолютно идентичные по планировке новопавловской «подкурганной оградке».

Таким образом, несмотря на то, что количество известных в настоящее время северокавказских мавзолеев не слишком велико, их отличает разнообразие архитектурных и планировочных форм, на что указывали многие исследователи. Р.А. Даутова предложила вариант классификации мавзолеев Северного Кавказа золотоордынского времени (Даутова, 1983. С. 34-36). Она разделяет все памятники на три отдела:

I отдел представлен портально-шатровыми мавзолеями. Их основу составляет кубическое здание с одним или несколькими арочными порталами, над которыми возвышался многогранный барабан или купол. Этот отдел делится на три типа:

Тип А – многопортальные шатровые мавзолеи (порталов 2 или 3).

Тип Б – однопортальные мавзолеи.

Тип В – ложнопортальные шатрово-купольные мавзолеи.

II отдел представлен башенно-пирамидальными мавзолеями. Это многогранные усыпальницы с цилиндрическим стволом, пирамидально суживающимся и расчлененным 8-10 гранями.

III отдел выделяется условно. К нему относятся конусовидные и цилиндрические мавзолеи.

В данной классификации много терминологических неточностей. В I отделе Р.А. Даутова выделяет тип многопортальных мавзолеев и указывает, что такие известны только в Маджаре (Даутова, 1983. С. 35). Вероятно, она основывается на рисунках, приведенных в трудах Палласа и Потоцкого. Однако на этих рисунках отчетливо видно, что здания мавзолеев имеют несколько входов, два или три, и только один из них оформлен порталом. Однокамерные мавзолеи с несколькими порталами не встречаются ни в Средней Азии, ни в других частях мусульманского мира. Портальные мавзолеи с несколькими дверными проемами, напротив, широко распространены. Они сочетают в себе черты портальных построек, ориентированных на фронтальное восприятие здания и открытость центрических сооружений. Многогранные усыпальницы II отдела никак не могут иметь цилиндрический ствол, так как цилиндр в плане всегда круглый. Объемный же многогранник называется призмой. Кроме того, непонятно, как цилиндрический ствол может пирамидально сужаться. То ли исследовательница имеет в виду многогранные мавзолеи с многогранным же шатровым покрытием, то ли говорит о зданиях в виде многогранных пирамид. Не совсем понятен и III отдел, объединяющий конусовидные и цилиндрические здания. Таким образом, классификация, предложенная Р.А. Даутовой, требует существенной переработки.

Западные районы

В бассейне Дона, в Воронежской области, на правом берегу реки Мечетки (Мечети) находится городище Краснохуторское. В 1948 г. здесь при раскопках были найдены остатки большого мавзолея (Левашева, 1960. С. 179-185). К сожалению, здание не было исследовано полностью, поэтому планировка его осталась неизвестной. Стены были сложены из обожженных кирпичей размерами 25 х 25 х 4,3 см. Внутреннее помещение мавзолея имело кирпичный пол. Под полом находились мусульманские захоронения, три из которых были исследованы. В двух могилах погребенные лежали в кирпичных склепах. При раскопках найдено большое количество изразцов, украшавших стены. Изразцы были как плоские, так и рельефные: с полушарными выступами и оттисками растительного узора, плетенки и подражаниями арабским надписям. Большая часть изразцов была бирюзового цвета, встречались синие, белые и желтые. Автор публикации считает эту постройку мавзолеем-мечетью, принимая во внимание монументальность и богатую отделку здания (Левашева, 1960. С. 181). Однако термин мавзолей-мечеть является спорным, поэтому более корректно было бы говорить о большом богатом мавзолее.

В 2002 г. экспедицией Воронежского университета полностью был вскрыт еще один мавзолей, расположенный неподалеку у пос. Красный (Цыбин, 2004. С. 316-317; 2006. С. 194-195; Цыбин, Савицкий, 2009. С. 218-220). Здание было прямоугольным в плане, вытянутым по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 164). Стены его почти полностью разобраны, кое-где сохранились участки кладки нижнего слоя, в целом же план здания был прослежен по канавке фундамента, который был заглублен в материк на 40-45 см. Стены были сложены из квадратных кирпичей со стороной 23,5 – 24 см на глиняном растворе. Толщина их достигала 1,8 м. Общие размеры мавзолея составляли 21,5 х 10, 5 м. В северной части находилась квадратная в плане усыпальница, размерами 6,8 х 7,0 м. Под полом в ней был сделан большой квадратный (4,5 х 4,6 м) склеп глубиной 1,5 м. В склеп можно было попасть через вход в виде узкого коридора, который проложен под восточной стеной. С северной стороны к усыпальнице пристроено прямоугольное помещение с более тонкими стенами. Внутренние размеры его – 3,5 х 3,7 м. Возможно, это какая-то более поздняя пристройка, в которой также совершались захоронения. С южной стороны к усыпальнице примыкало прямоугольное в плане (3,5 х 7,0 м) помещение (зиорат-хана). Длинные стены с южной стороны оканчивались пилонами шириной 3,2 и 3,6 м,

поддерживающими арку портала. Портал был украшен мозаикой из кашина. При раскопках были найдены ее элементы, бирюзового, ультрамаринового, белого цветов, а также плитки, покрытые золотой фольгой по белому фону.

В Днепровском Левобережье, на правом берегу р. Ворсклы, притока Днепра, находилось поселение Правобережная Кишенька золотоордынского времени, которое сильно нарушено Днепродзержинским водохранилищем. Гораздо лучше сохранился его некрополь на урочище Мечеть, расположенный выше по течению (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004. С. 19-24.). Наряду с грунтовыми погребениями здесь исследованы фундаменты двух мавзолеев, сложенных из обожженного кирпича размерами 20-23 х 20-23 х 6-6,5 см на глиняном растворе. Обе постройки имели сходную планировку. Они состояли из квадратной в плане усыпальницы, к которой с южной стороны был пристроен обширный портал, несколько суженный относительно основного объема здания (рис. 165). Мавзолей № 1 имел размеры 7,4 х 7,4 м. Стены его были сложены в 6 рядов кладки, и толщина их достигала 1,3 м. Пилоны портала толщиной 1,2 м образовывали айван шириной 3,4 м и глубиной 3,0 м. На плане между пилонами у их южного окончания изображен деревянный брус, который, вероятно, является остатками порога. То есть айван был закрыт деревянной панелью с дверями. Размеры мавзолея № 2 составляли 9,5 х 9,5 м. Кирпичные стены и пилоны портала были 1,4 м толщиной (7-8 рядов кладки). Портал 2,9 м шириной и 3,4 м глубиной имел такое же строение и также был закрыт деревянной дверью. В мавзолее №1 было три кирпичных склепа в виде прямоугольных ящиков, а в мавзолее № 2 – один, такой же конструкции, но больших размеров. Обе постройки были почти полностью разобраны, от их архитектурного оформления остались только обломки майоликовых плиток с голубой и зеленоватой поливой, кашинных изразцов с подглазурной росписью белого, желтого и синего цветов, фрагменты терракотового декора, обломки известкового раствора и алебастровой штукатурки. Недалеко от этих зданий выявлены остатки еще двух мавзолеев, но об их плане сведений не сообщается.

На правом берегу р. Конки, в 60 верстах от Днепра находилось золотоордынское городище, упоминаемое в «Книге Большому Чертежу» 1627 г. Согласно описаниям, в этом месте сохранилось семь мавзолеев (Егоров, 1985. С. 86). На плане Конских Вод и р. Мечетной (Жеребца) 1774 г., хранящемся в Государственном военно-историческом архиве, изображены четыре мавзолея с сохранившимися порталами, шесть – обвалившихся и еще пять, входы в которые были завалены большими камнями (Ельников, 2013. С. 128). Следовательно, здесь находился крупный мусульманский могильник, возможно, относившийся к городищу «Конские Воды». В 1769 г. один из мавзолеев близ устья реки Мечетной был зарисован (рис. 166). План его и чертеж фасада также были найдены в Государственном военно-историческом архиве (Ельников, 2013. С. 128). Мавзолей башенный, восьмигранный, увенчанный шатровым куполом. Размеры его приблизительно 8 х 7 м, высота – около 7,5-8 м. Здание имело большой выступающий портал с нишей стрельчатого очертания. Во внешних углах его сделан квадратный вырез, в который вставлены колонки небольшого диаметра. Фасад портала украшен прямоугольной рамой в виде «сельджукской цепи», в боковых стенках имелись небольшие нишки. По плану, внешнему виду и пропорциям этот мавзолей наиболее близок известному мавзолею Джанике ханым в Чуфут-Кале.

Важнейшим районом Золотой Орды являлся Крым. Именно через Таврику осуществлялась торговля Золотой Орды со странами Черноморского бассейна и далее со всей Европой. В золотоордынское время здесь оживляются ремесло и торговля, происходит рост населения, расширяются старые и возникают новые города. Административным центром Крымского полуострова становится город Солхат или Крым. В Солхате находятся широко известные памятники золотоордынского зодчества, такие как мечеть-медресе Узбека, мечети «Бейбарса» и Куршун Джами. Также здесь исследованы два мавзолея золотоордынского времени.

Мавзолей № 1 находился на площади перед медресе (Крамаровский, 1985). Он представлял собой прямоугольное в плане сооружение, ориентированное по оси запад-восток (рис. 167.1). Размеры его 6,3 х 9,65 м. Стены сложены из известняка на известковом растворе. Толщина

стен 85-90 см, в высоту они сохранились на 0,7-1,25 м. Основную часть здания составляло прямоугольное в плане помещение усыпальницы, внешние размеры которого составляли 6,3 х 7,4 м, внутренние – 4,4 х 5,4 м. Северная и южная стены продолжались к западу примерно на 2,25 м, образуя пилоны портала. В центре помещения усыпальницы находилась известняковая плита размерами 2,0 х 0,76 м с выемками для крепления первоначально существовавшего надгробия. По монетному материалу мавзолей датируется концом XIV – началом XV вв.

Мавзолей № 2 расположен на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш, недалеко от крепостной стены Солхата (Крамаровский, 1991; 1992; 1993). Постройка прямоугольная в плане, вытянута вдоль меридиональной оси (рис. 167.2). Длина ее 15,7 м, ширина 10 м в северной части и 9 м – в южной. Стены сложены панцирной кладкой из крупных блоков известняка по внешним фасам с заполнением рваным бутом в середине. Кладка на известковом растворе. В высоту стены сохранились на высоту до 1,25 м. Здание состояло из двух объемов: квадратной в плане (10,7 х 10,0 м) усыпальницы в северной части и примыкающего к ней с юга портала длиной 5,0 м и шириной 9,0 м. То есть портал несколько сужен относительно основного объема. Западный пилон имел толщину 2,35 м, восточный – 2,15 м, они образовывали нишу айвана шириной 4,2 м и глубиной 5 м. Южные концы пилонов были соединены стенкой, которая имела толщину 1,1 м и была положена не в перевязку с ними. Полы в мавзолее находились выше уровня дневной поверхности, поэтому снаружи к входу вела каменная лестница из 5 ступеней общей высотой 1,45 м и шириной 2,85 м.

Толщина стен гур-ханы составляла 2,5 м. Они ограничивали пространство 5,7 х 6,0-6,4 м. В западной стене был сделан вентиляционный канал длиной 1,5 м и шириной 30 см. Под усыпальницей находился полуподземный склеп, перекрытый сводом. В него можно было попасть через специальный коридор, который начинался в 2,3 м к востоку от восточной стены и проходил через нее. Ширина коридора составляла 1,25 м, общая длина – 4,8 м. Пол склепа частично был выложен обожженным кирпичом. В склепе найдены останки 14 человек. Датируется мавзолей 50-60 гг. XIV.

В других частях Крымского полуострова известно довольно много мавзолеев, называемых по-тюркски дюрбе. Они имеют различную степень сохранности, но большей частью планировка их прослеживается достаточно полно. Все мавзолеи в Крыму возводились из тесаного камня, преимущественно известняка, на крепком известковом растворе. К сожалению, не все из них поддаются достоверной датировке, поэтому в настоящую работу включены те памятники, которые либо построены в золотоордынское время, либо соответствуют золотоордынским мавзолеям по планировке и внешнему облику.

Одним из самых известных мемориальных памятников Крыма является Эски-дюрбе в Бахчисарае (Боданинский, 1927. С. 196-197; Засыпкин, 1927. С. 120-124). Здание мавзолея представляет собой в плане квадрат 9,26 х 9,16 м (рис. 168-169). Толщина стен его 1,4 м. Верхняя часть постройки переходит путем среза углов под прямым углом в восьмигранный барабан, перекрытый полусферическим, несколько удлиненным куполом, диаметр которого в основании 6,4 м. Б.Н. Засыпкин указывает, что снаружи купол мог быть перекрыт шатром. Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи тромпов, поверхность которых представлена пятью треугольниками. Кладка купола сделана из тесаных блоков известняка, размеры которых уменьшаются по мере приближения к замку свода. С восточной стороны находится глубокий портал прямоугольной формы со стрельчатой аркой. Тимпан арки украшен тремя рельефными розетками, средняя из которых слегка наклонена книзу (рис. 169.1). В глубине портала сделан небольшой дверной проем с полукруглым верхом. Снаружи на плоскости стены проем обрамлен декоративной аркой с килевидным завершением (168.2). В северной стене дюрбе имеет два оконных проема, с западной – один, с южной – дверной и над ним оконный проемы. Эски-дюрбе отличает от подобных памятников наличие открытого дворика, который примыкает к основному объему здания с южной стороны во всю его ширину (рис. 169.3). Длина его стены 6, 2 м. В нижней части стены идет ряд узких отверстий-бойниц, имеющих чисто декоративное значение. В боковых стенах сделано по шесть бойниц, а в южной

– восемь. Верхняя часть состоит из стрельчатых арок-пролетов 1,9 м шириной. Всего их семь: по две в боковых стенах и три – в южной. Дата постройки этого сооружения неизвестна, устная традиция говорит о том, что оно было построено еще до Гиреев.

Характерный для XIV–начала XV вв. облик имеет дюрбе № 1 в Азисе (рис. 170-172), воздвигнутое, как следует из строительной надписи над порталом, Муххамед-Шах-беем, сыном Мухаммед-бея (Боданинский, 1927. С. 199-200; Засыпкин, 1927. С. 116-118; Кирилко, 2005-2009. С. 451-464). В нижней части здание представляет собой в плане квадрат 5,45 х 5,45 м. Купол держится на восьмигранном барабане, переход к которому осуществляется путем верхних треугольных срезов кубического основания под углом 45 градусов. Полусферический купол имеет радиус 2 м. Общая высота здания (до верха перекрытия) – 5,7 м. Вход в мавзолей находится с южной стороны. Перед входом был портал, от которого уцелел один пилон. С внутренней стороны пилона сделана полукруглая в сечении стрельчатая ниша со сталактитовым декором в верхней части. С двух сторон от нее находятся высеченные по камню семиконечные звезды. Над дверью сохранилась плита с арабской надписью с именем строителя. По бокам ее находятся два рельефных круга, в одном из которых видна семиконечная звезда (рис. 172.2). С западной и восточной сторон интерьер здания освещался через прямоугольные окна, забранные железными решетками. Внутри мавзолея находится подземный склеп с провалившимся сводом. Высота склепа – 1,75 м.

Точная дата постройки мавзолея неизвестна, но на основе анализа архитектурных форм памятника большинство исследователей относило его к концу XIV-началу XV вв. Б.Н. Засыпкин отмечал типично сельджукский облик портала и архитектурного декора здания (Засыпкин, 1927. С. 117-118У). Э. Боданинский относил арабскую надпись на портале по стилю письма к поздне-золотоордынскому времени (Боданинский, 1927. С. 199). А.Л. Якобсон также считал, что дюрбе Муххамед-Шах-бея является одним из наиболее древних памятников золотоордынской архитектуры Крыма. «Во всем облике этого маленького дюрбе сказывается полная зависимость раннетатарской архитектуры от сельджукского искусства, формы которого к тому же сильно упрощались» – писал исследователь (Якобсон, 1966. С. 129).

В 1991 г. В.П. Кирилко провел обследование, архитектурную фиксацию и раскопки внутри и снаружи мавзолея (Кирилко, 2005-2009. С. 451-464). В результате этих раскопок был получен материал, который позволил автору передатировать данный памятник. В отложениях толщиной 12-25 см, которые трактуются как слой строительного мусора (не слой разрушения), были найдены две медные монеты. Одна из них датируется временем правления Шахин-Гирая (1746-1787 гг.), вторая не определена (Кирилко, 2005-2009. С. 462). Этот слой лежит непосредственно на плотной дневной поверхности строительного горизонта, который представлен почвой, насыщенной золотоордынской керамикой. На основании такой стратиграфии и находки одной монеты В.П. Кирилко относит время строительства мавзолея к XVIII в. Мне представляется, что эти выводы несколько поспешны. Конечно, нумизматический материал дает наиболее достоверные даты, но одной монеты недостаточно, и контекст ее находки может быть определен не совсем верно. Судя по описанию, мавзолей стоит непосредственно на золотоордынском слое и в слое строительного мусора найден фрагмент золотоордынской керамики. Эти факты в комплексе с архитектурными особенностями здания могут свидетельствовать в пользу ранней даты. Что касается монеты XVIII в., то она могла попасть в слой случайным образом (например, закатилась в ямку или нору). На полу дюрбе были найдены фрагменты каменного надгробия, аналогии которому находятся на Ханском кладбище дворца в захоронениях XVII-начала XIX вв., что тоже, по мнению исследователя, подтверждает позднюю дату (Кирилко, 2005-2009. С. 459). Однако, возможно, мавзолей, построенный в XIV в., использовался и в более позднее время. В XVIII в. он мог быть обновлен, и в него совершены новые захоронения. В этом случае слой строительного мусора может относиться к ремонту здания. Тогда-то монета и была потеряна возле стен мавзолея. Или же этот слой все же является слоем разрушения.

Архитектоника здания является типично сельджукской и совершенно не соответствует XVIII в. В.П. Кирилко признает, что объемное решение постройки, ее портал, сопряжение

объемов посредством треугольных скосов, орнаментальные мотивы декора выполнены в сельджукских строительных традициях. При реконструкции внешнего купола мавзолея он также основывается на аналогиях из Малой Азии сельджукского периода (Кирилко, 2005-2009. С. 464). Таким образом, вопрос с датой строительства дюрбе Мухаммед-Шах-бея в настоящее время однозначно решен быть не может.

Два дюрбе известны в окрестностях Азиса (Боданинский, 1927. С. 200; Засыпкин, 1927). Дюрбе № 4 (рис. 173.1-2) аналогично Эски-дюрбе в Бахчисарае. Оно квадратное в плане, но не имеет портала и аркатуры. Сверху перекрыто полусферическим куполом. Дюрбе находится в ограде суфийского монастыря. Дюрбе «Малый восьмигранник» восьмигранное, внешние углы его декорированы трехчетвертными колонками, верх увенчан карнизом (рис. 173.3-4). Внутренний объем перекрыт полусферическим куполом на полуциркульных арках. Снаружи прослеживается сильно разрушенное перекрытие в виде восьмигранного шатра. Дата обеих построек неизвестна, но по своему внешнему облику они соответствуют крымским мавзолеям золотоордынского времени.

Достаточно известным памятником является дюрбе в Чуфут-Кале (Боданинский, 1927. С. 197-198; Засыпкин, 1927. С. 124-126). В плане оно представляет собой восьмиугольник, каждая грань которого имеет 3,5 м в длину, внутри расстояние от грани до грани – 5,2 м (рис. 174-175). На наружных углах восьмигранника сделаны полукруглые колонки, декорированные резьбой в виде рельефной геометрической плетенки (рис. 175.3). Высота нижней части здания до карниза – 5,4 м. Мавзолей перекрыт полукруглым куполом без барабана. С южной стороны к объему здания пристроен сильно выдвинутый портал в виде четырехугольника с полуциркульной аркой*. Ширина портала составляет 5,1 м, глубина – 4,15 м. Внутри с обеих сторон портала имеется по одной углубленной «сельджукской» нише полукруглого плана со сталактитовым завершением и круглыми трехчетвертными колонками по сторонам. В этом мавзолее найдена надгробная плита, из надписи на которой следует, что здесь находилась «гробница великой царицы Джанике ханым, дочери великого хана (Тохтамыша) скончалась в месяце Рамазана 841 г.х. (1437 г.) (Боданинский и др., 1929. С. 16-18). Однако по поводу датировки всего здания в целом существуют различные мнения. Например, У.А. Боданинский на основе архитектурного анализа здания относил его к началу XIV в. и считал, что захоронение было сделано позже в уже существующем мавзолее (Боданинский, 1927. С. 198). В то же время Б.Н. Засыпкин предполагал, что к золотоордынскому периоду относится только сам мавзолей, а портал, не имеющий аналогий в подобных памятниках, был пристроен позднее (Засыпкин, 1927. С. 126). Однако находка рисунка почти такого же мавзолея у Конских Вод позволяет предположить, что это был достаточно распространенный тип построек. Такое же строение имеет мавзолей Хаджи Герая в Салачике, но он построен позже. Тюрбе Хаджи Герая было открыто 21 марта 1501 г. в праздник Новруз (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010. С. 37). Остальные мавзолеи-дюрбе Крыма также относятся ко времени Крымского ханства.

У западных границ Золотой Орды на территории Поднестровья также исследованы мемориальные постройки золотоордынского времени. Два мавзолея раскопаны в 50-е гг. XX в. на городище Старый Орхей (Бырня, Рябой, 1997. С. 94-95; Nesterov, 2003. P. 64-65, 112-113). Мавзолей № 1 находился на высоком обрывистом берегу р. Реут. Он был прямоугольным в плане, ориентированным по сторонам света, вытянутым по оси запад-восток. Размеры его 5,4 х 4,4 м (рис. 176.1). Цокольная часть стен была сложена панцирной кладкой из обожженного кирпича и известняка. Из кирпичей состояли внешний и внутренний ряды кладки, а пространство между ними было забутовано необработанными камнями. Толщина стен цоколя составляла 1 м. В значительной степени сохранились северная и западная стены цоколя, южная и восточная были разобраны до основания. Рядом с постройкой был обнаружен упавший фрагмент стены надцокольной части, который полностью состоял из кирпичной

* Возможно, это результат реставрации. На рисунке XIX в. (рис. 174.2) арка имеет стрельчатое очертание.

кладки. Внутри мавзолея находилась выдолбленная в скале яма погребения. Погребение было разграблено, кости и фрагменты деревянного гроба перемешаны.

Мавзолей № 2 расположен недалеко от мавзолея № 1 также на берегу реки. Он был частично разрушен при строительстве более позднего дворцового здания, а основание его использовалось в качестве подземного бассейна (Бырня, Рябой, 1997. С. 95). Здание состояло из четырех помещений и имело сложную конфигурацию в виде неполного креста (рис. 176.2). В центре находилось прямоугольное помещение, вытянутое вдоль широтной оси. Размеры его 7,6 х 6,5 м. Стены его толщиной около 1 м сложены с наружной стороны из двух рядов обожженного кирпича на известковом растворе, а с внутренней стороны из двух рядов сырцового кирпича на глиняном растворе. К восточной, южной и западной стенам центрального помещения были пристроены три камеры прямоугольной формы, которые примыкали к нему длинной стороной. Размеры их соответственно 3,3 х 2,2 м, 4,0 х 2,5 м и 3,0 х 1,9 м. Стены были сложены из двух-трех слоев обожженного кирпича на известковом растворе. Судя по плану, (описание отсутствует) стены камер сложены в перевязку со стенами центрального помещения, но не сообщаются с ним. Здание имело один вход в центральное помещение, который был сделан в северной стене, но не по центру, а со смещением к западу. Ширина его 0,9 м. В материковом полу центральной камеры была прослежена яма полностью ограбленного погребения.

Мавзолей № 2 в Старом Орхее представляет собой довольно интересный образец мемориального сооружения. К сожалению, сохранившиеся материалы раскопок не дают возможности сделать однозначные выводы, так как описание и разрезы отсутствуют, а чертеж весьма схематичен. Если это мавзолей крестообразной планировки, то все части его должны соединяться между собой. Кроме того, в подобных зданиях зал с нишами обычно вписан в компактный квадратный или прямоугольный объем здания. Более всего постройка в Старом Орхее напоминает не сам мавзолей, а склеп под ним, который может иметь сложный внешний контур. Но и в этом случае боковые камеры должны быть соединены с центральной. Судя по публикации, вся постройка была наземной, в то же время в ней говорится о том, что уровень стен мавзолея находился на 4 м ниже развалин дворца XV в. и использовалась как подземный бассейн (Бырня, Рябой, 1997. С. 95). Поэтому мне кажется возможным предположить, что здесь мы имеем дело не с наземным сооружением, а с подземным склепом.

Еще две постройки раскопаны у села Бравичены в Оргеевском районе, недалеко от городища Старый Орхей (Чеботаренко, Бырня, 1960. С.45-47). Стены мавзолеев полностью разобраны, и планировка зданий прослеживалась по следам кладки стен в материке. Оба мавзолея были сложены из обожженных кирпичей размерами 21 х 21 х 5,5 см, 24 х 23 х 5,5 см и 25 х 24 х 5,5 см. Мавзолей № 1 был прямоугольным в плане, вытянутым по оси С-Ю. Внешние размеры его 8,2 х 6 м (рис. 177). Здание состояло из двух частей – близкой в плане к квадрату погребальной комнаты (4,10 х 3,75 м) и широкого, открытого на юг айвана. Стены основного помещения сложены в 4 ряда кладки и имели толщину 90-95 см. Стены айвана сложены в 6 рядов, толщина их составляла 1,5 м. Айван был 3 м глубиной и 3,55 м шириной. Внутри наземного сооружения находился склеп, также сложенный из кирпича. Кладка в 2 ряда кирпичей. Склеп прямоугольной в плане формы (3,35 х 3 м), восточная и западная стенки его, начиная с шестого слоя кладки, закруглялись, образуя свод. Общая высота склепа 1,75 м. В южной стене находился дверной проем шириной 70 см, от которого тянулся входной коридор длиной 2,45 м и шириной 90 см. Коридор был перекрыт кирпичным арочным сводом. В склепе находились остатки двух скелетов. При раскопках были найдены изразцовые кирпичи с бирюзовой поливой.

Мавзолей № 2 имел сходную планировку. Сам мавзолей также был прямоугольным в плане размерами 6,2 х 5,6 см. Стены его имели на всем протяжении одинаковую ширину – 90 см. Они были сложены из 4-х рядов обожженного кирпича на глиняном растворе. Южная стена отсутствовала, вероятно, здесь находился вход в айван. Айван никак не выделен, поскольку его стены не отличаются по толщине от стен основного помещения. Склеп имел форму квадрата со стороной 2, 5 м. Дно его находилось на глубине 1,1 м от дневной поверхности. Склеп был

перекрыт стрельчатым сводом. В южной стене был сделан проем шириной 50 см. Входного коридора не было, в помещение склепа вели 4 ступеньки. В нем были найдены остатки двух скелетов.

Интересное сооружение было обнаружено при раскопках у с. Новосельское Ренийского района Одесской области (Добролюбский, Кожокару, 1990. С. 156-168). Здесь был раскопан фундамент квадратного в плане каменного здания. Внешние размеры его примерно 7 х 7 м, внутренние – 5 х 5 м (рис. 178). Стены сложены из необработанных камней и бута на известковом растворе. Толщина их колебалась от 70 см до 1,1 м. Сооружение ориентировано по оси СЗ-ЮВ. Вход в здание находился по центру юго-западной стены. Снаружи он был оформлен двумя пилонами, которые образовывали айван шириной 1,5 м и глубиной 2,9 м. Пол основного помещения был ниже уровня дневной поверхности, к нему вели земляные ступеньки с отпечатками бута и досок. Пол был покрыт известковой обмазкой. Авторы публикации считали это сооружение жилой постройкой, которая свидетельствует о наличии оседлого населения в Буджакских степях в XV-XVI вв. (Добролюбский, Кожокару, 1990. С. 158). Непосредственно на известковом полу был найден довольно мощный слой золы с костями животных и керамикой начала XV в., затем следовала стерильная прослойка и вновь слой с пятнами очагов и следами жизнедеятельности. В нем была найдена турецкая монета султана Баязида II (1481-1512 г). На основании стратиграфии исследователи выделяют два жилых периода данной постройки: 10-80-е гг. XV в. и начало – 70-е гг. XVI в. (Добролюбский, Кожокару, 1990. С. 161). А между тем, это здание по своей планировке является типичным мавзолеем, которые известны в XIV-XV вв. практически во всех регионах Золотой Орды. В данном случае наличие слоя золы и кухонной керамики, относящейся к началу XV в., свидетельствует не о дате постройки, а о том, что в это время мавзолей уже был в запустении и не использовался по назначению. Действительно, в конце XIV в. Буджакские степи отошли к Молдавии, христианское население которой не почитало мусульманские святыни и могло использовать мавзолей как временное пристанище. Таким образом, в качестве мавзолея это здание использовалось раньше, то есть в золотоордынское время. Этот мавзолей является первой находкой такого рода зданий в северо-западном Причерноморье.

Приуралье, Казахстан, Хорезм.

Приуралье в средние века представляло собой полупустынные и степные районы, население которых занималось, в основном, скотоводством. Здесь не было зон сплошной оседлости, а города и поселки, возникшие в золотоордынский период, были весьма немногочисленны. Тем не менее, в этом регионе сохранилось довольно много мемориальных построек, которые были поставлены прямо в степи.

Одним из самых известных памятников золотоордынского времени на Южном Урале является мавзолей Хуссейн-бека, расположенный в 50 км от Уфы близ железнодорожной станции Чишмы (рис. 179). Он был неоднократно обследован, начиная с середины XIX века. Описания мавзолея, бывшего еще в хорошей сохранности, были составлены П. Павловским, В.С. Юматовым и В.В. Вельяминовым-Зерновым (Павловский, 1843. С. 235; Юматов, 1848. С. 3; Вельяминов-Зернов, 1859. С. 258-260). Все дальнейшие исследователи (Калимуллин, 1956. С. 5-6; Смирнов, 1957. С. 89-90) основываются именно на этих данных. Ко времени обследования сохранилась только нижняя часть здания, которая имела в плане форму квадрата со стороной 8,4 м. Стены были сложены из неотесанных камней на известковом растворе и оштукатурены с внутренней стороны. Толщина стен составляла 1,57 м. На высоте 2,1 м при помощи пирамидальных тромпов здание переходит в восьмигранник и затем, вероятно, в купол с пирамидальной крышей. В XIX в. ни перекрытие помещения, ни крыша не сохранились. Общая высота постройки составляла 4,2 м. Дверь в здание находилась с южной стороны и имела размеры 2,5 х 1,0 м. С двух сторон от нее были видны остатки пилонов портала. В остальных стенах было сделано по одному сводчатому окну (1 х 0,7 м). Внутри мавзолея находилось надгробие с надписью, из которой следовало, что здесь похоронен «Хаджи Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека» (Вельяминов-Зернов, 1859. С. 259). На камне была высечена дата

– 1339 г. (Юсупов, 1960. С. 116). В 1911 г. развалины мавзолея были подвергнуты реставрации, в результате чего полностью изменился облик здания (Калимуллин, 1956. С. 5,6). В настоящее время это беспортальная квадратная в плане постройка с невысоким куполом полусферического очертания. Общая высота ее 5,28 м. В 1985 г. в мавзолее были проведены раскопки, в результате которых было найдено 9 погребений (Гарустович, 1995).

Недалеко от станции Чишмы находятся еще два мавзолея. Один из них, носящий название «Кэшэнэ Тура-хана» или «Дом суда», также неоднократно упоминался в литературе (Юматов, 1848; Саков, 1901. С. 138; Калимуллин, 1956. С. 13,14; Смирнов, 1957. С. 91-92; Иванов, 1994. С. 99). В нижней части здание было квадратным в плане размерами 6,6 х 6,6 м (рис. 180-181). На высоте 1,8 м от земли здание имеет треугольные внешние скосы, которые служат для перехода к восьмиграннику, увенчанному крышей в виде восьмигранной пирамиды. Внутри помещение перекрыто полусферическим куполом, переход к которому осуществляется за счет пирамидальных тромпов. Высота помещения 5,4 м. Общая высота здания составляла около 8 м. Стены сложены из рваных и подтесанных камней и достигают толщины 1,5 м. Для кладки купола, а также обрамления дверей, окон и арки портала применен известковый туф. К южной стене пристроен айван со сводчатым перекрытием. Внутренние размеры его 2,30 х 2,10 м. В.С. Юматов писал о том, что в айване вдоль стен были сделаны каменные скамьи (Юматов, 1848). Ниша портала имела полукруглое завершение. Высота ее составляла 3 м, а ширина – 2,1 м. Входной проем в мавзолей имел размеры 2,25 х 1,5 м и повторял по форме портальную нишу. В проем была вставлена дубовая дверь. В остальных стенах мавзолея находилось по одному окну высотой примерно 1 м.

В 300 м к ЮЗ от мавзолея Тура-хана находился мавзолей «Малый кэшэнэ» (Калимуллин, 1956. С. 18). В настоящее время мавзолей полностью разрушен и мог быть исследован только археологически (Гарустович, 1995. С 172-173). Фундамент здания представляет собой квадрат со стороной 6 м, ориентированный по сторонам света (рис. 182). Стены сложены из необработанных камней и имеют толщину 58-62 см. Внутри мавзолея археологические раскопки выявили 4 погребения. Оба мавзолея находятся на соседних холмах и образовывали в древности архитектурный комплекс. Большинство исследователей датирует их XIV в.

На юге Челябинской области находится мавзолей Кесене, называемый также «Башней Тамерлана» (Сальников, 1952. С. 144-146), «Варнинским», по названию близлежащего поселка Варна (Загребин, 1989. С. 196-206), Кисене (Кастанье, 1911) и мавзолей на берегу оз. Кисяне (Смирнов, 1957. С. 92). Впервые этот памятник был упомянут П. Рычковым и П.С. Палласом (Рычков, 1762. С. 195; Паллас, 1908. С. 388). Наиболее подробное описание принадлежит Э.Ю. Петри, который провел раскопки в мавзолее и обнаружил погребение богатой женщины (Петри, 1892. С. 55). Довольно тщательные рисунки мавзолея в нескольких видах приводит И.А. Кастанье (Кастанье, 1910. С. 49-50; Кастанье, 1911. С. 62-63, рис.72). Мавзолей был выстроен из обожженных кирпичей квадратной формы. Описание его весьма приблизительное, но рисунки П.С. Палласа и И.А. Кастанье дают довольно четкое представление о планировке и внешнем облике здания (рис. 184-185). Их дополняет план (рис. 183.1), полученный в результате археологических исследований (Боталов, Маламуд, 2001. С. 162-165). Здание было прямоугольным в плане размерами 9 х 12 м. Оно вытянуто вдоль меридиональной оси, в северной части находилась гур-хана, в южной – пештак. В нижней трети усыпальница была квадратной в плане (9 х 9 м), далее происходит переход к двенадцатигранному барабану, увенчанному пирамидальной крышей с таким же количеством граней. Верхушка крыши была разрушена, и общая высота мавзолея составляла 16 м. Внутреннее помещение имело размеры 6 х 6 м и было перекрыто сферическим куполом. Переход к куполу осуществлялся при помощи тромпов со сталактитами. С южной стороны здания находился широкий, тщательно проработанный портал. Ширина его превышает ширину основной части здания, а завершение находится несколько выше перехода нижней части к барабану. Вход был оформлен стрельчатой аркой с выделенным кирпичным бордюром архивольтом. С западной и восточной сторон от арки плоскость портала расчленена слегка выступающими пилястрами. Судя по плану, в

щековых стенах портала находились прямоугольные в сечении ниши. В восточной и западной стенах основного помещения мавзолея были сделаны небольшие квадратные окна. Раскопки, проведенные в мавзолее в 1960 г., показали, что здание некогда было украшено поливными изразцами (Стоколос, 1962. С. 26; Боталов, Маламуд, 2001. С. 162-165). Мавзолей датируется второй половиной XIV в. (Смирнов, 1957. С. 94).

В Троицком районе Челябинской области К.В. Сальниковым был частично исследован мавзолей, получивший название Троицкого (Боталов, Гарустович, Яминов, 1995. С. 151-154). Здание раскапывалось траншеями, поэтому информация о его планировке получена весьма неполная. Мавзолей представлял собой прямоугольную в плане постройку шириной около 9 м и неизвестной длины. Стены шириной 1,75 м возведены без фундамента из кирпичей размерами 25-26 х 25-26 х 5-6 см. Южное помещение имело ширину 5,35 м. Пол его был выложен кирпичом, а вдоль восточной и западной стен, на расстоянии 1,75 м от них, проходили узкие сырцовые стенки. Скорее всего, это были суфы, сложенные вдоль стен. С северной стороны находилось еще одно помещение, вероятнее всего, усыпальница. П.И. Рычков, который в XVIII в. застал мавзолей у Троицка в еще не разрушенном состоянии, сравнивает его с мавзолеем у с. Варна (Боталов, Гарустович, Яминов, 1995. С. 148-150).

Сведения о мавзолее «Башня Болгасын» в Тургайской области Башкирии, приведенные И.А. Кастанье (Кастанье, 1907. С. 221-222; Кастанье, 1911. С. 52), также отличаются крайней скудостью. Сам Кастанье, посетивший памятник в 1907 г., уже не застал руин мавзолея, возвышающихся над поверхностью земли, и приводит описание его со слов г-на Матова. Здание было построено из красного обожженного кирпича и представляло собой в нижней части прямоугольник размерами 13 на 20 шагов, ориентированный по сторонам света. Высота здания равнялась приблизительно 21 м. Скорее всего, мавзолей состоял из погребального помещения и обширного айвана. Над гур-ханой возвышался цилиндрический барабан с гофрированной поверхностью (рис. 186). Барабан был перекрыт полусферическим куполом, гофрированная поверхность которого была выложена изразцами бирюзового цвета. Вход в мавзолей находился с южной стороны, в остальных стенах были сделаны небольшие окна. Внутри стены помещения были покрыты штукатуркой. А.П. Смирнов, также опубликовавший «Башню Болгасын», основываясь на трудах И.А. Кастанье, отмечал, что сплошная облицовка купола изразцами и появление гофрировки на поверхности купола характерны для памятников Средней Азии середины XIV-начала XV вв. (Смирнов, 1957. С. 96). Но более вероятной мне кажется датировка памятника тимуридским временем, так как ранее гофрированные купола, облицованные изразцами, не встречаются.

В 1968-69 гг. Н.А. Мажитовым был исследован мавзолей, расположенный у с. Максютово в Кургачинском районе Башкортостана (Мажитов, Яминов, 1990). Этот памятник получил название «Мавзолей Бэндэбикэ», по существующей легенде об умной и храброй женщине, героине башкирского народа. Мавзолей был сложен из обожженного кирпича на глиняном растворе. Стены его сохранились только в нижней части (рис. 187). Толщина основных стен составляла 1,2 м. Углы постройки со всех сторон имели небольшое утолщение. Здание было прямоугольным в плане, ориентированным строго по сторонам света (длинной стороной по оси С-Ю). Размеры его 8,5-8,7 х 6,9 м. С южной стороны находился массивный портал, ниша которого имела ширину 2,4 м и глубину 1,8 м, а размеры пилонов равнялись 2,25 х 1,8 м. Проход шириной 85 см соединял портальную нишу с основным помещением, размеры которого составляли 4,45 х 4,45 м. На высоте 1,75 м от пола в углах стен были вставлены деревянные брусья для поддержки тромпов. Стены были оштукатурены изнутри. Внутри помещения были найдены остатки полусферического купола. В мавзолее находилось одно погребение, принадлежавшее женщине. Тщательный анализ планировки мавзолея и остатков рухнувших конструкций позволил авторам раскопок сделать довольно аргументированную реконструкцию памятника (рис. 187.2). Вероятнее всего, он относится к портальным постройкам с полуциркульным куполом и шатровым покрытием на многогранном барабане.

Исследователи связывают его с кругом Северо-Туркестанских памятников (Мажитов, Яминов, 1990. С. 186).

Несколько мавзолеев было найдено в Оренбургской области. При раскопках курганной группы возле поселка Тептяри С.А. Попов исследовал три средневековых мавзолея (Попов, 1969; 1970; 1971 С. 141-143). Самым крупным и наиболее хорошо сохранившимся был мавзолей № 1 (нумерация моя) в кургане № 6. Стены его были сложены из сырцового кирпича с добавлением обожженного (рис. 188.1). Размеры кирпичей 25-27 х 25-27 х 5 см. Стены были очень сильно разрушены, во многих местах они сохранились не на всю ширину и поэтому, как мне кажется, были неправильно интерпретированы автором раскопок. В данной работе приводятся цифры, вычисленные мною по приведенным в отчетах чертежам. Здание имело в плане прямоугольную форму и размеры 12,3 х 7 м. Ориентировано длинной осью по линии север-юг с небольшим отклонением к востоку. Внешние стены сложены в 4 ряда кирпичей (толщина 1 м). Южная стена, в которой был сделан вход в здание, сложена в 6-6,5 кирпичей (1,75 м). Проход в южной стене находился по центру и предположительно был 1,85 м шириной. Он вел в прямоугольное в плане помещение размерами 5 х 3,2 м, которое было отгорожено стеной в 4 ряда кладки от северного помещения усыпальницы. Основное помещение было квадратным в плане (5 х 5 м). Полы в мавзолее были выложены обожженным кирпичом. В погребальном помещении (гур-хане) находилось 5 захоронений. В южном помещении было сделано 2 погребения.

Мавзолей № 2 в кургане № 7 имел еще худшую сохранность (рис. 188.2). Стены его, сложенные из обожженного кирпича (25 х 25 х 5 см) плохого качества, были почти полностью разобраны, поэтому контур здания восстанавливается приблизительно. Размеры его 9,0 х 5,4 м, ориентирован по линии ЮЗЗ-СВВ. Внешние стены 75 см толщиной сложены в 2,5 кирпича. Вход в здание находился с юго-восточной стороны и вел в прямоугольное в плане помещение, размеры которого вычисляются довольно точно (4,15 х 2,4 м), так как там сохранился кирпичный пол. Далее к северо-востоку располагалась усыпальница, размеры которой приблизительно 4,2 х 4,2 м. В ней находились 3 погребения, причем один погребенный был ориентирован правильно, головой на запад, а два других, в соответствии с ориентировкой помещения, головой на ССЗ. В одной могиле был кирпичный склеп. При раскопках этих двух мавзолеев были найдены остатки декора в виде изразцовых кирпичей с голубой и синей поливой.

Мавзолей № 3 в кургане № 8 сложен из кирпичей размера 27 х 27 х 5 см и так же сильно разрушен (рис. 188.3). Небольшое (7,3 х 6 м) прямоугольное здание ориентировано по оси ЮЗ-СВ. Стены толщиной 1,35 м сложены из целых кирпичей, половинок и обломков. В юго-западной части находилось узкое прямоугольное помещение размерами 3,2 х 0,9 м. Погребальное помещение, скорее всего, было квадратным в плане и имело в этом случае размеры 3,2 х 3,2 м. В нем были найдены остатки двух разрушенных погребений. Таким образом, все три мавзолея возле пос. Тептяри имеют сходное строение. Это прямоугольные в плане здания, состоящие из двух помещений зиарат-ханы и гур-ханы. Мавзолей № 1 отличает наличие утолщенной южной стены, что предполагает наличие высокого портала с большой нишей.

При раскопках курганов у с. Изобильное Соль-Илецкого района Оренбургской области был найден мавзолей восьмигранной формы (Турецкий, 1993. С. 10-12; Гарустович, Турецкий, 2011. С. 153-160) К несчастью, в процессе раскопок большая часть его была разрушена, поэтому форма здания реконструируется весьма приблизительно (рис. 189). Оно имело восьмигранную форму с длиной грани около 3,6 м. Четыре угла мавзолея ориентированы по сторонам света, остальные четыре соответственно обращены на СЗ, ЮЗ, СВ и ЮЗ. Расстояние между внешними углами равнялось 9,2 м. Стены были сложены из обожженного и сырцового кирпича. Три нижних слоя кладки полностью состояли из обожженных кирпичей, выше обожженными кирпичами были выложены только внешние ряды кладки, а пространство между ними было заполнено кладкой из сырца. Толщина стен 2,2 м. Сохранились стены на высоту до 1 м, то есть

около 10 слоев кирпича. Стены имели очень небольшой наклон кверху, то есть были почти вертикальными. Следовательно, постройка была скорее башенной, чем пирамидальной.

Помещение мавзолея круглое в плане, диаметром 4,2 м, вход в него предположительно находился с южной стороны. Пол помещения был вымощен жженым кирпичом. В северо-восточной части усыпальницы находилось ступенчатое надгробие (мастаба). К югу от него располагалась могильная яма с двумя костяками в деревянных гробах. Погребение мужчины было безынвентарным, при женском костяке были найдены остатки шелковой ткани, зеркало и мелкие украшения. Датируется мавзолей XIV в.

В Западном Казахстане на р. Урал расположено золотоордынское городище Жайык, возникшее и существовавшее здесь в течение XIV в. Среди монументальных построек, исследованных здесь в последние годы, находятся два мавзолея из обожженного кирпича (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 92-111).

Малый мавзолей (№ 1) был сложен из обожженных кирпичей размеров 25-26 х 25-26 х 5 см и половинного формата без фундамента. Стены были заглублены на три слоя кладки ниже дневной поверхности. Мавзолей был прямоугольным в плане размерами 9,0 х 12,0 м, он был вытянут вдоль оси СВ-ЮЗ (рис. 190.1). Стены постройки имели толщину 1,75 м, юго-западная стена была 2,25 м толщиной, что позволило исследователям предположить, что она служила основанием портала (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 92). Мавзолей был двухкамерным. С юго-западной стороны находилось прямоугольное в плане помещение 1 размерами 5,5 х 3,5 м. Пол помещения выложен квадратным обожженным кирпичом на известковом растворе. Вдоль меридиональных его стен сделаны суфы шириной 1,25 м и высотой 40 см. Проход в северо-восточной стене вел в помещение усыпальницы (№2). Оно было квадратным в плане размерами 5,5 х 5,5 м. Пол помещения выложен жженными кирпичами в два слоя. Нижний слой состоял из квадратных кирпичей. На него была положена вымостка из шестиугольных кирпичных плит в обрамлении из квадратных кирпичей. Вдоль южной, западной и восточной стен был уложен один ряд квадратных кирпичей, а вдоль северной – четыре. В северной части находилась яма единственного погребения с кирпичным склепом. Авторы раскопок совершенно верно интерпретируют эту постройку как фасадный, продольно-осевой двухкамерный мавзолей (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 95), однако трудно согласиться с утверждением, что он был перекрыт двумя разновеликими куполами (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 92). Несомненно, купол был сделан над квадратной в плане усыпальницей, прямоугольное южное помещение, вероятнее всего, имело сводчатое перекрытие.

На том же городище Жайык раскопан Большой мавзолей (№ 2). Стены его были сложены из сырца панцирной кладкой. Большеформатным сырцовым кирпичом (40 х 25 х 8-9 см, 30 х 25 х 8 см) в два ряда были выложены края стен, а внутреннее пространство было забутовано обломками сырцовых и обожженных кирпичей. Толщина стен достигала 2,5 м. Основной объем здания был прямоугольным в плане, вытянутым вдоль меридиональной оси (рис. 190.2). Размеры его 12,85 х 19,5 м. Южная стена его выступала на 2 м с восточной и западной сторон относительно плоскости меридиональных стен. Возможно, эти выступы служили основанием башен, оформляющих с боков портал здания. Обширный портал примыкал к основному объему с юга. Пилоны его имели длину 4 м и образовывали айван шириной 6,7 м. Портал был облицован глазурованными майоликовыми плитками с подглазурной росписью белым, голубым и бирюзовым цветами. Орнаменты – растительные и геометрические. К северу от портала располагалось прямоугольное в плане помещение зиорат-ханы. Размеры его 8,8 х 4,4 м. Вдоль меридиональных стен были сделаны суфы шириной 2,2 м и высотой 45-50 см. Среднюю часть помещения занимало возвышение, сложенное по краю из обожженного кирпича и забутованное в середине землей и строительным мусором. Его размеры 2,75 х 2,2 м. В высоту оно сохранилось на 5 слоев кладки (34 см). Пол помещения с двух сторон от подиума был выложен голубыми поливными плитками шестиугольной формы.

Гур-хана, расположенная в северной части, имела размеры 8,8 х 8,8 м. Пол вымощен кирпичом, но впоследствии вымостка была разобрана. Перед дверным проемом в 1 м от него

была обнаружена сложенная из обожженного кирпича на известковом растворе тумба размерами 65 х65 х 50 см. Эта тумба более всего напоминает базу колонны, но наличие ее в купольном помещении необъяснимо. Стены помещения были украшены панно из поливных изразцов синего и бирюзового цветов с надглазурной росписью и позолотой. Остальная их плоскость была оштукатурена и расписана полихромной росписью по белому фону. В центральной части гур-ханы находилась мастаба, под которой совершены два основных захоронения в мавзолее. Всего здесь было обнаружено 11 погребений, причем с правой (восточной) стороны находились взрослые погребения, а с левой (западной) – детские. Такой состав захоронений привел авторов раскопок к выводу, что этот мавзолей являлся фамильной усыпальницей представителей какого-то знатного рода (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 103-104).

Авторы раскопок неоднократно определяют эту постройку как «фасадный двухкамерный мавзолей» (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 102, 104, 111). Однако, судя по плану, этот мавзолей является портальным, так как в южной его части присутствуют мощные выступающие пилоны портала. Также вызывает сомнение наличие над зиорат-ханой купольного перекрытия (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 98, 103). Вероятнее, оно было сводчатым.

В Западном Казахстане, в Хобдинском районе Актюбинской области находится известный мавзолей Абат Байтак, сохранившийся почти полностью (рис. 191-192). Впервые он был упомянут П.И. Рычковым в «Топографии Оренбургской губернии» (Рычков, 1762), впоследствии был зарисован и описан И.А. Кастанье (Кастанье, 1911. С. 61-62, рис. 68). В советское время памятник был подвергнут архитектурному анализу М.М. Мендикуловым, который датировал его XIII в. (Мендикулов, 1950. С. 9-10). Долгое время мавзолей считался фасадным, и только в 1979-80 гг. было проведено его комплексное исследование и раскопки выявили остатки портала (Ажигали, 2002. С. 174-175; 2004). Проведенные архитектурные обмеры позволяют сделать точное и подробное описание. Основной объем здания представляет собой призму, подквадратную в основании размерами 9,52 х 9,8 м со слегка наклонными стенами. На ней установлен высокий одиннадцатигранный барабан, перекрытый коническим куполом. Грани барабана декорированы нишами с треугольным ступенчатым завершением, в которых находятся ложные оконные проемы такого же абриса. Общая высота здания достигала 16 м. Внутренний объем мавзолея, также имеющий в основании форму квадрата, при помощи тромпов стрельчатого очертания переходит в восьмигранник и затем – в шестнадцатигранник, который перекрыт сфероконическим куполом. В западной и восточной стенах были сделаны стрельчатые оконные проемы. Вход стрельчатого очертания находился с южной стороны. Раскопки выявили, что меридиональные стены здания имели продолжение к югу на 2,98 м и образовывали айван шириной 5,4 м. Постройка сложена из обожженного кирпича размерами 24 х 24 х 6 см., во внешней облицовке встречаются поливные кирпичи с зеленовато-бурой поливой плохого качества. По архитектурно-стилевым признакам и отчасти по легенде мавзолей датируется концом XIV- началом XV вв. (Ажигали, 2002. С. 174; 2004. С. 22).

В Уилском районе Актюбинской области возле пос. Саралжин исследован мавзолей, сложенный из сырцового и обожженного кирпича (Гарустович, 1993). Постройка, ориентированная углами по сторонам света, была почти квадратной в плане (рис. 193.1). Три стены ее имели длину 6,3 м, а юго-восточная была несколько больше – 7 м длиной. Стены шириной 1,25 м были сложены в основном из сырцового кирпича. Они сохранились на высоту 0,75-1, м. Четыре нижних слоя кладки стен снаружи были укреплены рядом обожженных кирпичей. Вход в мавзолей не имел портала и находился с юго-западной стороны. Ширина его 1,0 м. Пол внутри помещения был вымощен кирпичом. Внутри находились два погребения, оформленные сверху кирпичными надгробиями (мастаба). Погребенные были захоронены в деревянных гробах без вещей.

В 1985-1989 гг. С.Г. Боталовым было обследовано несколько мавзолеев на территории Центрального Казахстана (Боталов, Гарустович, Яминов, 1995). Мавзолей Атчергат, расположенный в Наурзумском районе Кустанайской области (Боталов, Гарустович, Яминов, 1995. С. 148-150), имел размеры 7,25 х 5,0 м и был ориентирован длинной осью по линии

ССВ-ЮЮЗ (рис. 193.2). Постройка сложена из сырцового кирпича размерами 45 х 25 х 8 см, скрепленного известковым раствором. Кладка стен прослеживалась на высоту 3-4-х слоев. Вход в здание находился с южной стороны. Он вел в айван шириной 3,1 м и глубиной 2,75 м. Стены айвана имели толщину 1 м и являлись продолжением восточной и западной стен усыпальницы, пол выложен кирпичом. Погребальное помещение мавзолея имело размеры 3,1 х 3,1 м. Пол помещения вымощен обожженным кирпичом, а стены несли следы штукатурки белого и желтого цветов. Внутри гур-ханы обнаружены остатки двух погребений.

Мавзолей Домолакер исследован в Тургайской области Казахстана (Боталов, Гарустович, Яминов, 1995. С. 150-151). Мавзолей был прямоугольным в плане (7,5 х 6,4 м), ориентированным по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 193.3). Стены сложены из обожженного кирпича размерами 28-29 х 28-29 х 5-6 см. Вход находился с южной стороны и был оформлен в виде портала с массивными пилонами. Длина пилонов 1,1 м, ширина 2,2 м. Между ними находилась портальная ниша шириной 2 м и глубиной 1,3 м. Проход вел в камеру усыпальницы, которая имела квадратную форму со стороной 4,5 м. Полы в портальной нише и в основном помещении выложены кирпичом, стены камеры оштукатурены. Портал украшен плитками с резьбой по ганчу в виде растительного орнамента.

В последнее десятилетие в связи со значительной регрессией Аральского моря на дне его были обнаружены поселения и некрополи. В Кызылординской области в 65 км от пос. Каратеген было обследовано поселение Арал-Асар XIV в. и расположенный недалеко от него мавзолей Кердери 2 (Байпаков и др. 2008. С. 238-247; 2009. С. 215-216; Воякин, 2008. С. 335-345). Мавзолей представлял собой прямоугольное в плане здание, ориентированное длинной осью по линии СВ-ЮЗ (рис. 193.4). Стены мавзолея покоились на фундаменте из массивных каменных плит. Фундамент залегает на глубину 1-1,2 м и состоит из шести слоев кладки. Такая глубина его была необходима, так как мавзолей стоит на рыхлых осадочных породах морского дна. Сами стены были сложены из квадратных (25 х 25 х 4 см) обожженных кирпичей. Толщина их превышала 1 м. Максимально сохранившаяся юго-западная стена имела высоту 6 слоев кладки. Вход в мавзолей находился в юго-западной части здания и был оформлен мощным порталом, пилоны которого являлись продолжением меридиональных стен здания. Толщина пилонов 3 м, они образуют нишу 3 м шириной и примерно такой же глубины. Портал был украшен майоликовыми плитками с растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментом. Найденные фрагменты декоративных лекальных кирпичей позволили предположить, что архивольт арки портала опирался на трехчетвертные колонны. К юго-западу от входа были расчищены остатки рухнувшей арки портала, что позволило реконструировать ее высоту (2,6 м).

Помещение усыпальницы квадратное в плане размерами 5,5 х 5,5 м. Предположительно, в стенах ее были сделаны четыре ниши глубиной около 1 м, то есть она имела крестообразную планировку. Пол помещения вымощен прямоугольными (44 х 27 х 6,5 см) обожженными плитами. В мавзолее было выявлено 7 погребений, причем юго-восточная часть гур-ханы была занята женскими и детскими погребениями, а северо-западная – мужскими. Авторы раскопок относят данное сооружение к фасадным мавзолеям, хотя и не отрицают наличие у него портала (Байпаков и др. 2008. С. 241; Воякин, 2008. С. 343). Здесь явно какая-то терминологическая путаница. Мавзолей Кердери 2 имеет ярко выраженный портал и, несомненно, относится к портальным усыпальницам.

В Кызылординской области, недалеко от городища Джан-кала расположен мавзолей Сарлытам Жанадарьинский (Толстов, 1962. С. 291-294). Здание построено из обожженного кирпича размерами 24 х 24 х 5 см. Оно прямоугольное в плане (10 х 15 м), ориентировано длинной осью по линии север-юг и состоит из квадратной в плане усыпальницы и массивного портала с южной стороны (рис. 194). Ширина портала равна ширине здания, пилоны его поддерживают высокую арку стрельчатого очертания. Арка сложена из чередующихся шлифованных кирпичей и кирпичей с бирюзовой поливой. Пилоны также были облицованы декоративными кирпичами клиновидной формы и украшены полосой из майоликовых плиток.

Пространство между пилонами было перекрыто полусферическим сводом на ячеистых тромпах. Помещение усыпальницы перекрыто двойным куполом. Переход к восьмиграннику и куполу осуществлялся при помощи тромпов стрельчатого абриса на углах и неглубоких стрельчатых ниш в плоскости стен. Внешний купол покоился на шестигранном барабане, в гранях которого просматривались остатки окон. Мавзолей Сарлытам Жанадарьинский датируется XIV-XV в. (Толстов, 1962. С. 291).

К золотоордынскому времени, возможно, относится и мавзолей Жаныбек-Шалкар, исследованный в Акмолинской области в Центральном Казахстане (Хабдулина и др., 2011). Постройка была сложена из обожженного кирпича и ориентирована по оси СВ-ЮЗ (рис. 195). Мавзолей двухкамерный: он состоял из основного помещения с порталом и пристройки к северо-восточной стене. Основная часть его имела размеры 9,2 х 7,5 м. Пристройка представляла собой небольшую камеру размерами 4,5 х 3 м. Высота здания могла составлять около 10 м.

Вход в мавзолей находился с юго-западной стороны. Он был оформлен в виде портала, пилоны которого являлись продолжением продольных стен. Пилоны массивные, их толщина – 2 м, длина также 2 м. Пространство между пилонами было вымощено пятиугольными кирпичами. В юго-западной стене основного помещения мавзолея был прослежен порог входа. Его ширина составляла 80 см. Стены гур-ханы имели толщину 0,9-1,2 м и ограничивали объем помещения размерами 5,2 х 5,2 м. Пол его был вымощен квадратным обожженным кирпичом, который был положен на 3 слоя ганчевого раствора. Малая камера мавзолея также имела стены толщиной 1,2 м. Пол ее был вымощен пятиугольным кирпичом. Наличие второй камеры меньших размеров, расположенной на оси здания, сближает мавзолей Жаныбек-Шалкар с мавзолеем у пос. Красный в Воронежской области. Больше такая планировка пока нигде не встречена. Интересно, что ни в основной камере, ни в пристройке не были зафиксированы погребения, они были обнаружены только за пределами мавзолея.

В завале кирпичных стен найдены глазурованные плитки с поливой зеленого и бирюзового цветов. В орнаментах сочетались растительные, геометрические и эпиграфические элементы. По расположению скоплений плиток на раскопе была предложена возможная реконструкция декора портала. Над портальной нишей могла располагаться полоса эпиграфического орнамента, выше – плитки со ступенчатым геометрическим орнаментом. Фасад пилонов был выложен полосами орнамента в виде парных восьмиконечных звезд с розетками и полосой плиток с геометрическим узором в виде прочерченных тонких линий.

Вокруг мавзолея с трех сторон, кроме передней, юго-западной, была сделана ограда. Кладка ее имела ширину 0,5-0,6 м. Кладка панцирная: по краям она была сложена из обломков обожженных кирпичей, а середина стены была забутована землей. Исследователи датируют мавзолей Жаныбек-Шалкар XIV-XV вв.

Обзор мавзолеев азиатской части Золотой Орды был бы не полон, если бы в него не вошли памятники Хорезма, который составлял пограничный юго-западный район Золотой Орды. В столице Хорезма Ургенче сохранились два мавзолея золотоордынского времени, которые являются выдающимися памятниками зодчества этого периода. Это мавзолей Наджмеддина Кубра и мавзолей Тюрабек-ханым. Анализу архитектурных форм и элементов декора этих памятников посвящена обширная литература (Якубовский, 1930. С. 48-59; Бачинский, 1939. С. 87-90; Засыпкин, 1948. С. 74-78; Пугаченкова, 1967; 1987. С. 153-157; Пилявский 1974. С. 44-45; Армарчук, 1998. С. 198-211; 2001. С. 188-210; Юсупов, 1998. С. 211-218; Gropp, 2009. S.141-149 и др.), поэтому здесь можно привести краткое описание.

Мавзолей Наджмеддина Кубра построен между 1321-1333 гг. над могилой известного шейха, главы и основателя дервишского ордена Кубави. Здание состоит из четырех подкупольных объемов, расположенных на взаимно перпендикулярных осях (рис. 196). Размеры его примерно 21 х 19,5 м. С южной стороны находится высокий, богато украшенный пештак со стрельчатым сводом. Плоскость его разделена несколькими П-образными рамами, а все поверхности в прошлом были облицованы майоликовыми плитками, которые большей частью утрачены. Орнаментация их состоит из цветочно-растительных орнаментов и арабской

вязи. В колористической гамме преобладают ультрамариновый, бирюзовый и белый цвета. Вход ведет в небольшой, квадратный в плане вестибюль, перекрытый сферическим куполом. С восточной и западной сторон к нему примыкают два равновеликих купольных помещения больших размеров. По мнению Г.А. Пугаченковой, они были предназначены для дервишских собраний (Пугаченкова, 1967. С. 154), по другим сведениям, в западной комнате находилась такхорат-хана, а в восточной – малая усыпальница (ВИА, 1969. С. 259-260). На главной (С-Ю) оси находится самое большое в комплексе помещение усыпальницы (гур-ханы) с майоликовым надгробием. Квадратное в плане снаружи, внутри оно имеет неразвитую крестообразную планировку за счет неглубоких ниш в стенах. Усыпальница также перекрыта высоким куполом, который завершает композицию.

Еще более известным является ургенчский памятник, носящий название мавзолея Тюрабек-ханым. Считается, что это здание было построено в 20 –х гг. XIV. в. в качестве ханака по повелению жены Кутлуг-Тимура Тюрабек-ханым, и впоследствии здесь же она была похоронена (Якубовский, 1930. С. 48-49; Засыпкин, 1948. С. 74). М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова считают, что это был фамильный мавзолей местной династии Суфи, и строительство его относят к 70 гг. XIV в. (Массон, 1952. С. 87; Пугаченкова, 1967. С. 154-155).

Мавзолей представляет собой довольно крупное монументальное здание длиной 28 м и шириной около 18 м (рис. 197-198). По плану он относится к сложным многокамерным постройкам продольноосевой композиции (Маньковская, 1980. С. 136). Глубокая сводчатая ниша портала ведет в вестибюль с двумя комнатами по сторонам. Далее следует главное помещение (зиорат-хана), двенадцатигранное снаружи и шестигранное внутри. Замыкает этот ряд небольшое квадратное в плане помещение гурханы с подземным склепом. Согласно мнению большинства исследователей, мавзолей является одной из лучших пространственных композиций, в которой удивительно гармонично сочетается традиционный портал с башнеобразной усыпальницей (Засыпкин, 1948. С. 74-75; Пугаченкова, 1967. С. 154-155). Портал здания необычайно высокий (23 м) и стройный, содержит в своей плоскости узкую стрельчатую арку в обрамлении трех П-образных рам. Через сводчатые вестибюльные помещения он соединяется с ядром здания в виде двенадцатигранной призмы, на которую поставлен круглый барабан, прорезанный 12 окнами и перекрытый несохранившимся коническим куполом. Сложную форму призматическому объему придают лопатки, разбивающие все его поверхности на дополнительные грани. С севера к одной из граней башенной части примыкает кубический, увенчанный куполом объем гурханы.

Мавзолей богато украшен изразцовыми облицовками как снаружи, так и внутри. Основным декоративным приемом является контрастное сочетание гладких кирпичных поверхностей с мозаичными поясами. Исследователи отмечают, что интенсивность цветового оформления нарастает снизу вверх от отдельных вкраплений цвета в обрамлениях портала и плоскостей стен к мозаичному оформлению тимпанов арок и софитов ниш, сложной сети узора с мозаичными вставками на барабане и сплошному бирюзовому покрытию шатра. Наиболее роскошно оформлен внутренний купол (198.3), который общепризнанно считается «шедевром архитектурно-декоративного искусства» (Пугаченкова, 1967. С. 155). Сложный геометрический узор, покрывающий вогнутую поверхность, создает непрерывное переплетение звезд и многогранников, заполненных растительно-цветочным орнаментом.

Мавзолеи Наджмеддина Кубра и Тюрабек-ханым, конечно, возникли на местной среднеазиатской почве, и в основе их архитектуры лежат хорезмийские традиции. Тем не менее, они также должны быть включены в корпус золотоордынских мемориальных построек.

Классификация золотоордынских мавзолеев и их генезис

Приведенный обзор мемориальных сооружений Золотой Орды показывает, что среди них прослеживается широкий спектр архитектурных форм и планировочных решений. Это разнообразие делает возможным и необходимым систематизацию всех имеющихся данных и создание развернутой классификации золотоордынских мавзолеев. Такая работа делается не впервые, в настоящее время существует несколько вариантов типологии этой категории построек.

Л.Т. Яблонский, изучая типы погребальных обрядов на мусульманских некрополях Золотой Орды, рассматривал мавзолеи как одну из групп надмогильных сооружений (Яблонский, 1975. С. 76). В основу его классификации положена форма плана зданий. Исследователь разделяет их на три отдела:

Отдел А – квадратные в плане. Состоит из трех типов: 1 – с порталом; 2 – без портала; 3 – с открытым двориком.

Отдел Б – прямоугольные в плане. Состоит из трех типов: 1 – двухкамерный с порталом; 2 – однокамерный без портала; 3 – двухкамерный без портала.

Отдел В – восьмиугольные в плане. Состоит из двух типов: 1 – с порталом; 2 – без портала.

Данная классификация включала 35 известных на тот момент зданий и учитывала три признака: форму постройки, количество помещений, наличие или отсутствие портала. Форма портала не рассматривалась. Здание с открытым двориком, выделенное в отдельный тип, является, на мой взгляд, не типом, а исключением, так как, кроме Эски-дюрбе в Бахчисарае, такие памятники на территории Золотой Орды не известны.

Еще один вариант классификации был предложен Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1994. С. 70-72). По этой классификации все мавзолеи Золотой Орды делятся на четыре группы:

1. Мавзолеи квадратные в плане.
2. Квадратные в плане с порталом в виде тамбура, с двумя длинными пилонами по бокам от входа.
3. Однокамерные мавзолеи с массивным порталом, аналогичным среднеазиатскому пештаку.
4. Мавзолеи с двумя камерами, усыпальницей (гур-хана) и местом оплакивания (зиорат-хана).

В этой классификации учитывались те же признаки, а также различные виды портала. Однако в нее не вошли некоторые типы, например, многогранные здания.

Наиболее полной является на данный момент классификация, созданная Д.В. Васильевым (Васильев, 2009. С. 22-24, пр.7) и включающая 48 мавзолеев. Исследователь разделяет их на две большие группы – однокамерные и многокамерные. По форме плана однокамерные подразделяются на квадратные в плане и многоугольные. Двухкамерные разделяются на прямоугольные и «с расположением помещений вдоль фасада». Здесь не выдерживается принцип типологии, так как в одном случае речь идет о форме здания, а в другом – о расположении помещений. Все постройки разделяются по форме портала: 1 – здания без портала; 2 – с узким порталом; 3 – с пештаком; 4 – с пештаком – зиаратханой. Вызывает сомнение термин «пештак–зиорат-хана». Автор совершенно верно отмечает, что в двухкамерных мавзолеях помещение зиорат-ханы произошло в результате трансформации обширного входного айвана в отдельное помещение (Васильев, 2009. С. 23). Однако, трансформировавшись, пештак перестает быть порталом, и однокамерный мавзолей превращается в двухкамерный, но уже без портала.

Таким образом, все имеющиеся на данный момент варианты типологии золотоордынских мавзолеев рассматривают только планиграфию зданий. Какие бы то ни было объемные характеристики не учитываются, хотя некоторые постройки сохранились целиком, а значительная часть их известна по изображениям. Кроме того, некоторые типы мавзолеев

оказались вне поля зрения исследователей. Мне представляется, что на основе имеющихся данных можно разработать более дробную типологию, включающую в себя большее количество признаков и рассматривающую мавзолеи, насколько это возможно, как архитектурные объекты.

Типология мавзолеев для большинства мусульманских стран достаточно хорошо разработана (Пугаченкова, 1958. С. 168-179, 185-186, 342-343; 1976; Пугаченкова, Рempель, 1965. С. 226-227; Бретаницкий, 1966. С. 96-130, 166-201; Ettinghausen, Grabar, 1987. P. 216-222; Hillenbrand, 1994. P. 253-331). Для Средней Азии наиболее стройная и подробная классификация была создана Л.Ю. Маньковской (Маньковская, 1979. С. 96–105; 1980. С. 134-145; 1983С. 30–49; Маньковская, Булатова, 1978). Впоследствии эта классификация с небольшими коррективами была принята С.Г. Хмельницким (Хмельницкий, 1992. С. 120,121; Хмельницкий, 1996. С. 153). Л.Ю. Маньковская по назначению и способу организации пространства выделяет три категории памятников: однокамерные, многокамерные и пространственные. Однокамерные делятся на: 1) центрические, квадратные в плане с полной центральноосевой симметрией, открытые на все четыре стороны; 2) фасадные, квадратные в плане с портальной разработкой входной фасадной стены; 3) портально-купольные с явно выделившимся входным порталом. Многокамерные представлены: 1) конгломератами без четкой организации структуры; 2) анфиладными композициями в виде цепочки одинаковых помещений; 3) зданиями прямоугольного плана продольноосевой композиции; 4) сходными зданиями поперечноосевой композиции. Пространственно организованные мемориалы состоят из различных зданий, связанных с собственно мавзолеем.

Взяв эту классификацию за основу, можно попытаться создать типологию золотоордынских мавзолеев. В ней используются следующие признаки: количество помещений; форма здания; отсутствие или наличие порталов; форма портала; форма покрытия; наличие или отсутствие подземного или полуподземного склепа-крипты.

Прежде всего, все постройки можно разделить на две большие группы – однокамерные (I) и многокамерные (II) мавзолеи. Большая часть золотоордынских мавзолеев представлена однокамерными зданиями. По форме основного помещения они делятся на три отдела: А) башнеобразные, Б) пирамидальные, В) кубические (призматические). Отдел башнеобразных мавзолеев состоит из двух подотделов, отличающихся формой плана: 1) круглые и 2) многоугольные. Пирамидальные мавзолеи также могут быть круглыми (1) и многоугольными (2) в плане, а в основе кубических зданий лежит квадрат или прямоугольник, близкий по пропорциям к квадрату (3). Следует отметить, что данная терминология описывает идеальную схему строения мавзолеев. Так, одна из основных линий развития этой категории зданий – куб (в плане основания лежит квадрат), увенчанный куполом. В реальности здания этого типа могут быть прямоугольными в плане или иметь несколько вытянутые пропорции (высота больше длины основания). Для позднесредневековых мавзолеев характерно наличие высокого барабана, стоящего на кубическом основании и увенчанного куполом. Тем не менее, типологически они относятся к именно к зданиям с кубическим основанием.

Многие исследователи, занимавшиеся мемориальными памятниками Золотой Орды, выделяют такую группу мавзолеев как «центрические». В нее обычно включают квадратные в плане здания без портала (Ртвеладзе, 1973. С. 273-274; Федоров-Давыдов, 1994. С. 70-71). С этим мнением трудно согласиться. Центрические мавзолеи возникают в IX в. в Иране и Средней Азии и представляют собой квадратные или граненые в плане постройки с одинаковыми фасадами. Обычно они имеют четыре входа, по одному с каждой стороны или два входа, лежащих на одной оси. Такая форма предполагает возможность подойти к зданию со всех сторон, то есть оно должно стоять отдельно от других строений. Предшественниками центрических мавзолеев, по мнению исследователей, являются среднеазиатские погребальные павильоны («дахмы» или «наусы») доисламского времени и иранский «чортак» – центральная часть зороастрийского храма, святилище огня (Ettinghausen, Grabar, 1987. P. 216-217; ВИА, 1969. С. 154-155; Хмельницкий, 1992. С. 121-122; 1996. С. 153 и др.). В дальнейшем происходит видоизменение этой формы здания, может закрываться часть входов, хотя это и не обязательно,

а одна из стен снаружи выделяется своей разработкой и становится как бы «портальной» при отсутствии портала как такового. При этом основной акцент делается на форму центрального, выделенного входа. Л.Ю. Маньковская назвала такие постройки «фасадными» мавзолеями (Маньковская, 1980. С. 140, Маньковская, Булатова, 1978. С. 73). Исследователи считают, что «изменение это принципиально по сути, так как выражает иную идею формы, рассчитанной на фронтальное восприятие» (Маньковская, Булатова, 1978. С. 74). Центрический тип мавзолея является наиболее ранним и уже в XI-XII вв. встречается в Средней Азии крайне редко (Хмельницкий, 1992. С. 123). В отличие от него, фасадные мавзолеи продолжают жить и развиваться параллельно с портальными и в более позднее время (Маньковская, Булатова, 1978. С. 74). Поэтому применение термина «центрический» к золотоордынским мавзолеям с одним входом абсолютно неправомерно. Единственным центрическим зданием в Золотой Орде может считаться Черная палата в Болгаре в том случае, если пристройки, окружающие ее цокольную часть, были сделаны позднее.

Таким образом, в типологии золотоордынских мавзолеев каждый отдел может быть разделен на два типа: а) фасадные, б) портальные. Фасадными являются мавзолеи без явно выраженного портала, но с выделенной стороной, в которой находится вход. К портальным относятся здания с явно выделившимся объемом входного портала. Учитывая первоначальную планировку Черной палаты, в отдел кубических мавзолеев следует добавить третий тип центрических зданий (в).

В литературе часто упоминается такой тип как «портально-купольные» мавзолеи. На мой взгляд, следует выделять не «портально-купольные», а просто портальные мавзолеи, так как мусульманский мавзолей всегда является купольной постройкой. Первые мавзолеи, возникшие в странах ислама в IX-X вв., были надгробными памятниками светских правителей и назывались по-арабски «кубба», а по-персидски – «гумбез», что, собственно, и означает «купол» (Хмельницкий, 1992. С. 119; Hillenbrand, 1994. P. 257). Такого же мнения придерживается и С.Г. Хмельницкий (Хмельницкий, 1992. С. 326). Существуют еще «портально-шатровые» мавзолеи, то есть здания, в которых над куполом появляется шатровое покрытие. Шатровое покрытие получает широкое распространение в монументальном мемориальном строительстве Среднего и Ближнего Востока в сельджукское время. Возникновение его связывают с влиянием тюркских народов (Пугаченкова, 1949. С. 57-77; 1958. С. 345). Покрытие, чаще всего, не связано с другими параметрами, в частности с планом основного объема здания и с формой его портала. Поэтому более корректно было бы говорить о портальных мавзолеях с купольным или шатровым покрытием.

Портальные мавзолеи могут иметь один вход, выделенный порталом, или же несколько входных проемов, один из которых сделан в сильно развитом портале. Наличие нескольких входных проемов является пережитком центрической формы мавзолеев, уже не существующей в золотоордынский период. Как уже было упомянуто выше, многопортальные мавзолеи, выделенные Р.А. Даутовой, являются результатом недоразумения и представляют собой портальные мавзолеи с несколькими входами.

Порталы бывают двух видов: либо они образованы выступающими из фасадной стены здания пилонами, и в этом случае портал значительно уже самого здания, либо он вписан в общий контур плана. В некоторых случаях портал может выходить за пределы контура постройки. В зависимости от формы портала меняется и все восприятие здания. В композиции зданий с выступающим порталом «определяющим является главенство купола над кубическим объемом, значение портала подчиненное» (Маньковская, Булатова, 1978. С. 74). Портал, вписанный в контур здания, обычно возвышается над призмой основного объема здания и заслоняет собой купол.

По форме портала здания можно разделить на подтипы: б*) выступающий вперед портал, б**) портал, вписанный в объем здания и опирающийся на массивные пилоны, толщина которых превышает толщину стен (пештак). Вообще слово «пештак» означает по-таджикски «передняя арка», поэтому в литературе, особенно посвященной памятникам Средней Азии,

пештаком называют порталы любой формы. В то же время, к небольшим выступающим порталам со сталактитовыми нишами сельджукского типа и некрупным тамбуровидным порталам этот термин не применяют. Поэтому в данной классификации я предлагаю называть пештаками только высокие порталы с большой аркой, опирающейся на массивные пилоны, которые вписаны в объем здания (или больше его по ширине). Для Золотой Орды можно выделить еще и третий подтип портала: б***) портал, вписанный в объем здания, но не имеющий массивных пилонов. Стенки его являются простым продолжением меридиональных стен здания и образуют перед погребальным помещением обширный айван, равный ему по ширине. Это разделение основано на планиграфии зданий, так как чаще всего именно она и бывает нам доступна. Вариантов объемного решения портальной части значительно больше. Так, например, выступающие порталы с пилонами небольшой толщины и существенно суженные относительно фасада здания не превышают высоту стен. А выступающие порталы, ширина которых незначительно уже ширины основной части здания, имеющие массивные пилоны, могли поддерживать арку большой высоты, близкую по размерам к арке классического пештака. Все три вида портала характерны для однокамерных кубических и многокамерных мавзолеев. Башенные и пирамидальные здания либо являются фасадными, либо имеют пристроенный снаружи выступающий портал.

И наконец, каждый подтип зданий делится на два вида по форме покрытия: Q) купольное, S) шатровое. Покрытие в археологических памятниках сохраняется редко, поэтому чаще всего определить вид его сложно, зато он хорошо определяется по рисункам. Башенные и кубические мавзолеи могут иметь крышу обоих видов, все пирамидальные мавзолеи по определению являются шатровыми.

Группа многокамерных мавзолеев разделена на три отдела: Г) призматические продольноосевые, Д) призматические поперечноосевые, Е) многокамерные сложного строения. В плане мавзолеи отделов Г и Д – прямоугольные. В большинстве случаев они двухкамерные. Планы многокамерных зданий сложного плана могут варьироваться, они зависят от количества помещений и их взаимного расположения. Мавзолеи отдела Е могут быть в плане квадратными (3), прямоугольными (4), Т-образными (5) и в виде сложных ступенчатых многоугольников (6). В подотдел 6 входят здания-конгломераты нерегулярной планировки. Деление на типы, подтипы и виды в группе многокамерных построек основано на тех же принципах, но оно применимо преимущественно к зданиям отделов Г и Д. Постройки сложного плана (Е), особенно здания-конгломераты, состоят из различных частей, которые могут отличаться оформлением входа и формой перекрытия.

Важным, но не определяющим признаком является наличие подземного или полуподземного склепа – усыпальницы. Вообще склепами называют самые разнообразные кирпичные (и сырцовые) конструкции в погребениях. Склепы в виде кирпичной обкладки стен ямы со сводчатым или иным перекрытием встречаются как в мавзолеях, так и в грунтовых могильниках. В данной классификации рассматриваются только те склепы, которые являются частью здания, то есть образуют помещения в нижнем уровне с отдельным входом. При наличии таких больших склепов, аналогичных криптам христианских храмов, все захоронения находятся в них. Наземное же помещение мавзолея может использоваться как зиорат-хана. В этом случае однокамерный мавзолей становится как бы двухкамерным, но по вертикали. Наличие или отсутствие склепа совершенно не зависит от формы мавзолея. Скорее, здесь просматриваются региональные различия. Например, судя по рисункам и описаниям, большинство мавзолеев Маджара имело подземные склепы. Есть подземное помещение и в мавзолее Борга-Хаш. В то же время, северокавказские мавзолеи, исследованные археологически, их не имели. На остальной территории Золотой Орды склепы в виде отдельных помещений встречаются в единичных постройках. Подземные или полуподземные усыпальницы есть в Черной палате Болгара, в мавзолее № 1 Мохши, мавзолее № 1 у пос. Комсомольский в Астраханской области, мавзолее № 2 у хутора Красный в Воронежской области, мавзолее № 2 в Солхате, № 1 в Азисе и в двух мавзолеях у с. Бравичены в Поднестровье. Так как наличие (с+) или отсутствие (с–)

склепа напрямую не связано с формой постройки, этот признак является дополнительным и не включается в общую таблицу, но при кодификации построек он должен учитываться.

В целом классификация может быть представлена в виде таблиц (Табл. 1, 2). Заранее оговорюсь, что данная таблица представляет собой как бы идеальную схему всего возможного многообразия мавзолеев. В действительности не все разряды данной классификации известны по реальным памятникам. Кроме того, не все детали строения рассматриваемых мавзолеев могут быть прослежены, особенно если постройки исследованы только археологически и плохо сохранились. С другой стороны, если будут получены новые данные, например, найдены мавзолеи существующего уже отдела, но неизвестного типа, то их всегда можно вставить в предложенную типологию, не меняя ее в целом. Мне представляется, что именно гибкость и открытость данной классификации является ее преимуществом. Кроме того, она позволяет описать все известные на данный момент золотоордынские мавзолеи с помощью кода (Таб. 3).

Рассмотрим все известные в Золотой Орде типы и виды мавзолеев.

Группа однокамерных мавзолеев.

IA1. Отдел башенные, подотдел круглые в плане.

Эти мавзолеи известны в Маджаре по описаниям С.Г. Гмелина, по рисунку М. Некрасова и плану А. Голохвостова (рис. 148, 1-13, о-п). И на рисунке, и в описаниях они не имеют портала и перекрыты полусферическими куполами. Скорее всего, эти купола внутренние и над ними было шатровое завершение (тип IA1aS). На плане А. Голохвостова изображены здания другого типа (IA1б*S), круглые в плане с выступающими порталами (рис. 148, у,х,ц). Башенные мавзолеи, круглые в плане, широко распространены в Азербайджане (Бретаницкий, Уссейнов, Саламзаде, 1963. С. 145; Бретаницкий, 1966. С. 110-115, 180-185) и Малой Азии (Stierlin, 1998. P. 50; Hillenbrand, 1994. P. 306-38, 541-542). Обычно они не имеют выступающего портала и перекрыты шатрами. В Средней Азии башенные мавзолеи круглого плана с выступающими порталами известны в Дахистане на кладбище Машад (Пугаченкова, 1958. С. 292-298).

IA2.Отдел башенные, подотдел многогранные.

Известно два типа таких мавзолеев: 1) фасадные и 2) портальные. К фасадным мавзолеям относятся мавзолеи на окраине Царевского городища, № 1 в Солодовке, у хутора Веселый, в селении Маслов Кут, № 8 возле Ессентуков, Малый восьмигранник в Азисе и у с. Изобильное в Оренбургской области. Данных о перекрытиях этих мавзолеев у нас нет, однако можно предположить, что они были шатровыми. Прежде всего это относится к постройкам Северного Кавказа. В поддержку этой гипотезы говорит тот факт, что большинство мавзолеев Маджара были шатровыми. Этот тип перекрытия вообще чрезвычайно характерен для всех башенных мавзолеев. В Азербайджане, для которого форма башенных мавзолеев является главенствующей, известно множество тому примеров (рис. 199). Это мавзолей Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани, Момине-хатун (XII в.), мавзолей в с. Ханега, мавзолей Гюлистан в с. Джуга (XII-XIII вв.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), Мир Али (XIV в.) и др. (Бретаницкий, Уссейнов, Саламзаде, 1963. С. 80-104, 127-162; Бретаницкий, 1966. С. 96-199). Только два азербайджанских мавзолея имеют купольное перекрытие без шатра. Это мавзолей шейха Бабалы в с. Бабы 1272 г. и мавзолей в с. Ахмедалыр (XII в.) (Бретаницкий, Уссейнов, Саламзаде, 1963. С. 154-155, 158). Исключительно шатровое покрытие имеют башенные мавзолеи Малой Азии, получившие там широчайшее распространение в сельджукское время. В качестве примера можно привести Денер Кюмбет в Кайзери (XIII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худавент Хатун тюрбе в Нигде (XIV в.) и др. (рис. 119.1-4; 200). (Stierlin, 1998. P. 50-53; Hillenbrand, 1994. P. 306-311, 540-542). Известны мавзолеи такого вида и в Иране (Hillenbrand, 1994. P.283-286, 527-529). Иранская башня Гумбеде Кабус, построенная в 1006 г., считается прародительницей всех башенных мавзолеев (рис. 104.4).

Другим типом башенных многогранных мавзолеев являются мавзолеи портальные с выступающим порталом (IA2б*). К ним относится постройка, изображенная на панораме и плане Маджара (рис. 148.14), мавзолей на р. Мечетной и дюрбе Джанике-ханым в Чуфут-Кале в Крыму. Маджарский мавзолей, скорее всего, был шатровым. Аналогии ему есть в Конии. Это

Али Кафер тюрбе в Кайзери (XV в.) (рис. 200.1) (Stierlin, 1998. P. 51). Дюрбе Джанике-ханым имеет купольное перекрытие без шатра. Башенные мавзолеи без шатрового перекрытия также известны, хотя это и не характерно для них, так как именно «шатровый купол гармонирует с устремленным вверх объемом башен» (ВИА, 1969. С. 155). К этому типу относится группа мавзолеев Дахистана, расположенных на кладбище Машад (Пугаченкова, 1958. С. 292-298). Все они имеют сильно выступающий портал со сводчатым перекрытием. Всего в этой группе 6 мавзолеев, три из которых многогранные в плане, а три – круглые.

IIБ. Отдел пирамидальные мавзолеи.

Он также разделяется на два подотдела по форме плана. К круглым в плане пирамидальным (или, скорее, коническим) мавзолеям без портала (IБ1aS) можно условно отнести сырцовый мавзолей в могильнике Шарахалсун 5. Верхняя часть постройки не сохранилась, поэтому данное предположение достаточно гипотетично, однако существенный наклон стен сооружения говорит в его пользу. Сырцовые мавзолеи конической формы строились в присырдарьинских степях с раннего средневековья и продолжают существовать в наше время (Пугаченкова, 1949. С. 61-67; Ажигали, 2002. С. 222-223).

Подотдел пирамидальных многогранных в плане мавзолеев (IБ2) можно разделить на два типа: а) фасадные и б) портальные. К пирамидальным фасадным (IБ2aS) можно отнести два мавзолея, раскопанных в Черноярском районе Астраханской области. Похожий мавзолей, но с выступающим порталом (IБ2б*S) известен в Маджаре по рисунку Ф. Бюшинга.

Пирамидальные мавзолеи представляют собой довольно редкий, архаичный тип надгробных сооружений, которые были распространены в Фергане, Семиречье, Центральном, Юго-Западном и Западном Казахстане. Они датируются различными исследователями в широком временном диапазоне – от раннего средневековья до начала XX в. (Пугаченкова, 1949. С. 61-67; Кожа, 2011. С. 260). Большая часть этих построек сложена из сырца и пахсы (рис. 201), но есть и каменные. Наиболее известны мавзолеи Козы-Корпеч – Баян-сулу и Дынгек в Восточном Казахстане (рис. 202) (Кастанье, 1911, рис. 50-53). Они выстроены из плитняка на глиняном растворе. Квадратное в плане помещение этих сооружений перекрыто очень высоким коническим куполом, сложенным в технике «ложного свода». Дынгек достигает 8 м высоты, Козы-Корпеч – еще выше, 12 м высотой. Никаких следов захоронений в этих постройках не было найдено, но внутри или рядом с ними находились каменные изваяния. Поэтому пирамидальные сооружения являются не погребальными, а скорее поминальными памятниками. Подобные памятники были распространены и в Центральном Казахстане. В 1947 г. А.Х. Маргулан обследовал и описал шесть каменных пирамидальных сооружений (Кожа, 2011. С. 262). Он считал их памятниками кыпчаков VIII-IX вв. (Мендикулов, 1950. С. 7). На основе анализа каменных скульптур Я.А. Шер датировал пирамидальные сооружения X-XII вв. (Шер, 1966). Остальные исследователи – М.М. Мендикулов, Г.Г. Герасимов, Т.К. Басенов – относили их к позднему средневековью (XIII-XV вв.) или Новому времени (XVII-XVIII вв.) (Кожа, 2011. С. 260). Наиболее полно изучил все данные, относящиеся к этой категории памятников, М. Кожа. На основе изучения описаний, рисунков и фотографий построек и каменных скульптур, а также анализа легенд и преданий, связанных с этими памятниками, он пришел к выводу, что каменные пирамидальные постройки являются поминальными храмами древнетюркского периода (IX-XI вв.). Большинство их них находятся на землях Кимекского каганата, в составе которого главными племенами считались кимеки и кыпчаки (Кожа, 2011).

Г.А. Пугаченкова высказывала предположение, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрок, восходит к курганам и древним курганообразным надмогильным сооружениям (Пугаченкова, 1949. С 57-77). Одним из видов таких сооружений могли быть известные по описаниям Рубрука пирамидки, водружаемые на курганах половцами (Рубрук, 1997. С. 101). По мнению Г.А. Пугаченковой, дальнейшее развитие пирамидальных построек и соединение их типом среднеазиатского кирпичного минарета привело к формированию архитектурного образа башнеобразного мавзолея с шатровым перекрытием (Пугаченкова, 1949. С 69-74). Одним из примеров таких мемориальных построек достаточно

архаического облика являются башни Бегим-ана (Бегим-мунара) и Сараман-коса в Низовьях Сырдарьи (рис. 203). Эти башни легенды связывают с правителем города Джанкента, столицы огузов в X в. (Кожа, 2011. С. 262-263). Анализируя особенности строительной техники этих зданий, Г.А. Пугаченкова также датирует их X- самым началом XI вв. (Пугаченкова, 1949. С. 66-67). В башнях не было захоронений, следовательно, так же как и пирамидальные постройки, они не являются собственно мавзолеями. Однако в дальнейшем пирамидальные и башенные поминальные памятники тюрок (кыпчаков и огузов) трансформируются в мусульманские мавзолеи подобных форм. Мавзолеи этих типов, относящиеся к XIX-началу XX в., встречаются на современных кладбищах в различных частях Казахстана (рис. 204-206) (Ажигали, 2002. С. 222-223; Самашев и др., 2011. Рис. 179).

IВ. Отдел мавзолеи с кубическим (призматическим) помещением усыпальницы.

Основной объем мавзолеев этого отдела имеет в основании плана квадрат (или близкий к квадрату прямоугольник). Но если мавзолей имеет портал в виде пештака или стены портала являются продолжением стен усыпальницы, то все здание вместе с порталом приобретает в плане форму прямоугольника. Данный отдел самый многочисленный и разнообразный. В нем выделяются два типа: а) фасадные и б) портальные. Портальные мавзолеи, в свою очередь, разделяются на три подтипа по форме портала.

IВ3а. Тип фасадные мавзолеи. К этому типу относятся мавзолеи комплекса Ханской усыпальницы и №№ 4, 6 в Болгаре; мавзолей на Мечетном городище, мавзолеи №№ 1, 2 на Водянском городище, №№ 1, 2 на Селитренном городище, №2 могильника Солодовка в Поволжье; мавзолеи Маджара, селения Дерсовата, мавзолей Верхнего Джулата, могильника Золотаревка 5, мавзолей № 2 могильника Совруно 1 на Северном Кавказе; дюрбе № 4 в Азисе в Крыму, мавзолей Хусейнбека и Малый кешене на Урале, мавзолей Саралжин в Актюбинской области. Перекрытие большинства мавзолеев не сохранилось, однако на основании аналогий можно достаточно уверенно утверждать, что у построек Болгара, Северного Кавказа, Крыма и Южного Урала оно было шатровым.

Фасадные мавзолеи квадратного плана широко распространены в Средней Азии. К этому типу относятся мавзолей дочери Исхак-ата в Фудине под Карши (XI в.), Мир Сеид Бахром в Кермине (Маньковская, 1971. С. 40-41; Нильсен, 1956. С. 38-40), Ярты-гумбез возле городища Серахс (XIII в.), Худай-Назар-овлия возле Байрам Али (X-XII вв.) (Пугаченкова, 1958. С. 286, 310-313), Халифа Ерехен в Миздархане (IX-X вв.), мавзолей Фахраддина Рази в Куня Ургенче, Средний мавзолей в Узгенте (Якубовский, 1930. С. 45, Засыпкин, 1948. С. 45). Почти все эти мавзолеи перекрыты одинарными куполами, только мавзолей Фахраддина Рази имеет шатровое покрытие. Фасадные мавзолеи квадратного плана встречаются и в Азербайджане, но там эта форма не характерна. В качестве примера можно назвать, пожалуй, Кырмызы Гумбез в Мараге, построенный в 1148 г. (ВИА, 1969. С. 381).

IВ3б*. Тип портальные мавзолеи с узким выступающим порталом.

Подобных мавзолеев в Золотой Орде довольно много. К ним относятся Церковь святого Николая, Монастырский погреб Ханская усыпальница, а также мавзолеи №№ 1-3 в Болгаре, мавзолей № 3 в Мохше; в Бахтияровке, мавзолей № 3 Селитренного городища; мавзолеи в Маджарах, известные по рисункам, мавзолеи №№ 2, 5 возле Ессентуков; мавзолей № 2 в Солхате, Эски-дюрбе и дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Крыму, мавзолей в Новосельском в Одесской области; мавзолей Турахана в Башкирии.

Несмотря на простоту и единообразие плана, постройки эти различаются в деталях. Тамбур, образованный пилонами портала, может быть неглубоким (мавзолеи Болгара, мавзолей № 5 у Ессентуков), а может приближаться к длине усыпальницы (мавзолеи Башкирии). Внутри в стенках портала иногда устраивают ниши (мавзолеи Крыма и Кавказа). Порталы мавзолеев у с. Бахтияровка и мавзолея № 2 в Солхате представляют собой переходную форму. С одной стороны, пилоны их очень массивны (толщина около 2 м) и могут служить основаниями арки большого пролета и высоты. С другой стороны, весь портал несколько уже основного помещения, поэтому по формальным признакам они относятся к зданиям с выступающим

порталом. Интересен портал мавзолея у Бахтияровки и тем, что он оформлен полуколоннами, обрамляющими вход.

Большая часть зданий этого типа имела шатровое покрытие. Это все сохранившиеся полностью мавзолеи Болгара, Южного Урала, мавзолеи в Маджаре. Купольное перекрытие без шатра прослеживается только у крымских усыпальниц, хотя их сходство с анатолийскими и азербайджанскими башенными мавзолеями позволяет сделать предположение, что в прошлом они также были перекрыты шатрами.

Мемориальные постройки с выступающим порталом также характерны для зодчества Средней Азии. Такую планировку имеют мавзолеи Исхак-Ата в Фудине (X в.) (Маньковская, 1971. С. 41), Астана-баба, Серахс-баба, Абу-Саида, Парау-ата, Чугундор-баба (все XI-XII вв.), мавзолей № 3 на урочище Гек-Гумбез (XIV в.) (Пугаченкова, 1958. С. 275-276, 278-286, 299-303, 375), мавзолей Рухабад в Самарканде (XIV в.). Среднеазиатские мавзолеи этого типа отличаются от золотоордынских. Во-первых, у них обычно портал лишь слегка выступает за пределы фасадной стены. Сильно выступающий портал имеют только Парау-ата, Чугундор-баба и мавзолей № 3 на урочище Гек Гумбез. Во-вторых, в подавляющем большинстве они имеют только купол. Шатровое покрытие есть только у мавзолея Чугундор-баба. В Закавказье мавзолеи этого типа в домонгольское и монгольское время неизвестны. Они появляются в Азербайджане только в XV в. (Уссейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963. С. 228).

IВ3б**. Тип портальные мавзолеи с массивным порталом, вписанным в контур здания (пештаком).

Пилоны портала в зданиях этого типа значительно толще стен. На них опирается высокая арка портала, которая зачастую заслоняет собой большую часть не только основного объема здания, но и его перекрытия. В некоторых случаях портал несколько шире основного помещения. Площадь портальной ниши в таких мавзолеях обычно невелика. Мавзолеи этого типа также получили широкое распространение. В Волжской Болгарии рассматриваемый тип зданий не встречается, в Нижнем Поволжье к нему относятся мавзолеи №№ 3, 5, 6 на Селитренном городище, мавзолей № 1 у пос. Комсомольский. Пештаки имела большая часть мавзолеев Маджара, мавзолеи в могильнике Совруно 1 и Новопавловка на Северном Кавказе; мавзолеи №№ 1,2 на урочище Мечеть в Поднепровье и №№ 1,2 у с. Бравичены в Поднестровье. К этому же тпу относится большинство построек в Башкирии, Северном, Центральном и Южном Казахстане. Это мавзолеи Кесене, Бэндэбикэ, Домолакер, возможно, башня Болгасын, Троицкий, Абат Байтак, Кердери 2, Сарлытам Жаныдарьинский, Жаныбек-Шалкар. В Оренбургской области к этому типу принадлежит мавзолей № 1 возле с. Тептяри.

Довольно интересно решена планировочная структура мавзолеев у с. Бравичены в Поднестровье. Планировка их не совсем обычна. Пилоны портала вписаны в объем здания и значительно превышают по толщине стены основного помещения. В то же время, портальная часть равна по длине основному помещению, то есть между пилонами располагается длинное узкое помещение вроде коридора. Именно в этом коридоре находится вход в сводчатый узкий проход, ведущий в погребальную камеру склепа. То есть склеп повторяет планировку наземной части мавзолея.

Портальные мавзолеи с пештаком могут иметь шатровое перекрытие и купольное. Достоверно известно, что шатрами были перекрыты большая часть маджарских мавзолеев, большинство мавзолеев Башкирии, Абат Байтак и Сарлытам. Башня Болгасын имела гофрированный купол, выложенный бирюзовыми изразцами, но, возможно, этот памятник относится к более позднему времени.

Портал в виде пештака является своеобразной «визитной карточкой» архитектуры Среднего Востока. Типичен он и для мемориальных построек Средней Азии. В качестве примера можно привести мавзолей Араб-Ата в селении Тим (X в.), южный и северный мавзолеи Узгента (XII в.) (Засыпкин, 1948. С. 78), мазар Зенги-баба (XIII-XIV вв.), мавзолеи № 1 и 2 на урочище Гек-гумбез (XIII-XIV вв.) (Пугаченкова, 1958 С. 371-375). К этому же типу относятся все

основные мавзолеи некрополя Шахи-Зинда (Пугаченкова, 1961. С. 21-51; Немцева, Шваб, 1979). В Закавказье и Малой Азии постройки с пештаками не встречаются.

IВ3б***. Портальные мавзолеи с порталом, вписанным в объем здания, но не имеющим массивных пилонов.

Пилоны портала являются продолжением продольных стен здания, не превышая их при этом по ширине. Трудно судить о том, как был оформлен вход в мавзолеи подобного типа. Очевидно лишь, что здесь не было мощной пештачной арки, так как стены толщиной около 1 м не выдержали бы ее распора. Портал образует широко открытый айван, перекрытый невысоким сводом. Это хорошо видно на примере мавзолея Борга-Хаш в Ингушетии, который сохранился полностью. Отличительной чертой его является то, что при наличии входного айвана портал совершенно не выражен. Практически у всех построек, имеющих портал типа пештака, он значительно возвышается над объемом здания. Для акцентирования внимания на фасадной стороне здания портал стараются выделить богатым декором. В мавзолее Борга-хаш портал равен по высоте стенам и никак не оформлен.

Мавзолеев этого типа известно немного. Это мавзолей №1 возле Ессентуков, Борга-Хаш, мавзолей № 1 в Солхате и Атчергат в Центральном Казахстане. Точные аналогии этому типу планировки мне не известны. Скорее всего, это упрощенная модификация пештака в небольших скромных зданиях.

IВ3в. Центрические мавзолеи.

Как уже неоднократно упоминалось, центрические мавзолеи состоят из кубического объема, открытого на все четыре стороны и увенчанного куполом. Этот тип мавзолеев возникает уже в IX в. и происходит от доисламских построек. Центрические мавзолеи были широко распространены на Среднем Востоке в домонгольское время (Хмельницкий, 1992. С. 122-156; 1996. С. 153-161), для XIV в. они не характерны. Единственным мавзолеем центрического плана в Золотой Орде можно считать Черную палату в Болгаре. Наиболее близки к ней по объемно-пространственной структуре центрические мавзолеи Даваздах имама в Йезде (XI в.) и султана Санджара в Мерве (XII в.), а также закрытые фасадные мавзолеи Фахреддина Рази (XII в.) в Куня Ургенче и Гунбад-е Сурх в Мараге (рис. 110.1-4) (Пугаченкова, 1958. С. 315-328; Якубовский, 1930. С. 63-64; Прибыткова, 1961. С. 189-199; Хмельницкий, 1996. С. 174-179; Hillenbrand, 1994. P. 291; Усейнов и др., 1963. С. 81-83). Но по строительной технике и деталям внешнего и внутреннего оформления Черная палата существенно отличается от этих памятников.

Группа многокамерные мавзолеи.

IIГ4. Отдел призматические продольноосевые.

Многокамерные продольноосевые мавзолеи обычно состоят из двух помещений. Это основное помещение, где совершаются захоронения и комната для оплакивания. По персидски они называются «гур-хана» и «зиорат-хана». В этом отделе выделяется два типа мавзолеев: а) фасадные и б) портальные.

IIГ4а. Тип фасадные мавзолеи.

К фасадным постройкам относятся мавзолеи №№ 4, 5 в Мохше; мавзолей у с. Царевщина; № 2 у пос. Комсомольский, мавзолей могильника «301 км» в Астраханской области; мавзолей № 3 у Ессентуков; мавзолеи №№ 2, 3 у поселка Тептяри в Оренбургской области. Мавзолеи у Ессентуков и «301 км» имели по углам трехчетвертные колонны.

IIГ4б*. Тип портальные мавзолеи с выступающим порталом.

В настоящее время известен только один продольноосевой мавзолей с выступающим порталом. Это мавзолей № 5 на городище Болгары.

IIГ4б**. Тип портальные мавзолеи с порталом типа пештака.

К продольноосевым мавзолеям с пештаком относятся мавзолей № 3 на Водянском городище, № 2 у пос. Красный в Воронежской области, № 1 у поселка Тептяри в Оренбургской области, № 2 на городище Жайык в Западном Казахстане, Жаныбек-Шалкар в Акмолинской области.

К этому же типу относится мавзолей в Укеке, но у него было два портала в форме пештаков, расположенные с противоположных сторон здания. Аналогий такому типу здания мне неизвестно.

IIД4. Отдел призматические поперечноосевые.

К ним относится один единственный мавзолей № 2 в Мохши. Он имеет небольшой выступающий портал, который смещен относительно одной из сторон.

Большая часть продольноосевых мавзолеев Золотой Орды состоит из двух помещений – прямоугольного в плане тамбурного, следующего за входом, и квадратной в плане усыпальницы. По-видимому, прямоугольное помещение возникает в результате возведения сплошной стены между пилонами портала и «закрывания» входного айвана. Стены этого помещения обычно не отличаются большой толщиной, поэтому такие здания, скорее всего, не имеют высокого портала и являются фасадными. Стремление сделать акцент на фасадную часть привело к возникновению построек такого же плана, но с входом, оформленным пештаком. Традиционно считается, что меньшие помещения в двухкамерных мавзолеях служили для проведения поминальных обрядов (зиорат), то есть являлись зиорат-ханой. Мавзолеи, состоящие из гур-ханы и зиорат-ханы, довольно часто встречаются в Средней Азии. К ним относятся, например, мавзолеи Сеида Алауддина и Юнус-хане в Хиве, Джан-Хорас-ших-бобо в Ургенчском районе (Маньковская, Булатова, 1978. С. 75). Тем не менее, между среднеазиатскими и золотоордынскими мавзолеями есть существенное различие. В Средней Азии зиорат-хана больше гур-ханы или равна ей по площади, а в Золотой Орде она представляет собой что-то вроде небольшого тамбура. Часто в этом помещении вдоль стен делаются суфы, что еще больше сближает зиорат-хану с тамбурными помещениями жилых домов. Как верно отмечал В.Л. Егоров, такой тип планировки неизвестен в Средней Азии и Иране (Егоров, 1980. С. 88). Скорее всего, он является местной, золотоордынской модификацией двухкамерных мавзолеев. Часто, когда гур-хана уже была заполнена, погребения в таких мавзолеях совершались в зиорат-хане. Таким образом, последняя меняла свое назначение и превращалась в усыпальницу, так как проводить зиорат в том же помещении, где находятся захоронения, запрещено.

Продольноосевой мавзолей № 5 в Болгаре и поперечноосевой мавзолей № 2 в Мохши состоят из двух практически равновеликих помещений. Такие анфиладные мавзолеи, состоящие из одинаковых отсеков, перекрытых куполами, в пределах единого вытянутого призматического объема с одним входом либо с торца, либо через одно из помещений по длинной стороне, хорошо известны в Средней Азии. Там они называются «таш-куча» («каменная улица»). Примерами таких построек домонгольского периода являются мавзолеи XI-XII вв. близ Шаартуза, в Гузаре, мавзолей-мечеть Ходжа Иса (рис. 207) (Маньковская, 1979. С. 97, рис. 49; 1983. С. 41-42). Известны они и в более поздние периоды.

IIE. Отдел многокамерные мавзолеи сложного строения. Он имеет два подотдела, которые отражают композицию здания.

IIE5. Здания Т – образного плана. Помещения их располагаются по двум взаимно перпендикулярным осям. К этому отделу относятся мавзолей № 1 в Мохши (рис. 208) и мавзолей Наджмеддина Кубра в Ургенче (рис. 196). Оба они имеют почти одинаковую планировку. На продольной оси расположен мощный портал, тамбурное помещение и гурхана. К тамбуру с двух сторон примыкают два купольных помещения. В мавзолее Наджмеддина Кубра тамбур квадратный в плане и перекрыт небольшим куполом. В Мохши это помещение прямоугольное и, скорее всего, оно было перекрыто сводом. Также отличает мавзолей Мохши наличие трехчетвертных колонок по углам здания.

Условно к этому отделу отнесен мавзолей № 2 в Старом Орхее, но сведения о нем достаточно скудные, поэтому невозможно достоверно представить его планировку и устройство.

IIE6. Здания сложного плана, в том числе конгломераты, состоящие из различных пристроенных друг к другу разновеликих частей без четкой структуры. К зданиям сложного плана, но с четкой композицией относится мавзолей Тюрабек-ханым в Ургенче. Он представляет

собой соединение высокого, архитектурно развитого пештака, многогранного башенного здания с шатровым перекрытием и кубического мавзолея с полусферическим куполом.

Конгломераты нерегулярного плана, состоящие из нескольких пристроенных друг к другу мавзолеев, изображены на рисунке Маджара М. Некрасова и плане А. Голохвостова.

Таким образом, в Золотой Орде существовала довольно развитая архитектура мемориальных построек. Многообразие типов мавзолеев свидетельствует о том, что они были принесены из разных стран мусульманского мира, причем в различных частях огромного золотоордынского государства могут превалировать те или иные заимствования. Некоторые постройки вполне оригинальны и являются результатом творческой переработки уже известных типов планировки. Материал, имеющийся у нас в настоящее время, позволяет более точно определить не только генезис отдельных типов мавзолеев, но и проследить распределение сфер влияния различных архитектурных школ в разных частях Золотой Орды. Для этого нужно не только рассмотреть планировку мемориальных сооружений, но и проанализировать их строительную технику, а также детали внешнего и внутреннего оформления зданий.

Большое значение имеет материал, из которого построены здания. Исследователи неоднократно отмечали, что именно материал определяет не только строительные приемы и конструктивные решения, но и своеобразие архитектурных форм и характер архитектурного убранства (Бретаницкий, 1988 б. С. 73). Б.Н. Засыпкин писал, что «архитектура, какие бы социальные законы она не выполняла, базируется, прежде всего, на индустрии местных строительных материалов. Зависимость от природных условий порождает две главные архитектурные школы: кирпичную и каменную» (Засыпкин, 1934. С. 21).

В пределах Золотой Орды также можно выделить два направления зодчества – строительство из камня и строительство из кирпича (обожженного и сырцового). Существует также смешанная техника, когда отдельные части здания строятся из различных материалов.

Традицию каменного строительства на Переднем Востоке связывают обычно с Закавказьем, а также с Малой Азией. Самыми известными строителями в Закавказье считались армяне. Используя многовековые традиции каменного зодчества, армянские мастера внесли существенный вклад в формирование так называемого «сельджукского» стиля, который оказал влияние на архитектуру областей, вошедших в государство Сельджуков Рума и сопредельных с ней территорий. Некоторые исследователи даже склонны абсолютизировать армянское влияние. Так, например, И.А. Орбели писал о том, что малоазийские башенные мавзолеи представляют собой поставленные на землю барабаны с шатрами христианских храмов Закавказья (Орбели, 1939. С. 152). Эту же мысль высказывал и А.Л. Якобсон, говоря о дюрбе Крыма (Якобсон, 1964. С. 129). В действительности пути развития архитектуры в этом регионе были значительно сложнее. Сама форма башенных мавзолеев с шатровой кровлей появляется в Иране, причем там первоначально они строились исключительно как гробницы светских правителей, а усыпальницы духовных лиц представляли собой кубические постройки под куполом (ВИА, 1969. С. 154). В Анатолии при Сельджуках была воспринята идея башенного мавзолея, но воплощение ее в камне действительно более всего напоминает произведения армянского зодчества. Однако декоративное оформление, особенно элементы богатой резьбы по камню, были выработаны уже в самой сельджукской Малой Азии и, в свою очередь, оказали существенное влияние, как на страны Закавказья, так и на другие территории. Анатолийские мавзолеи представляют собой круглые или многогранные в плане постройки, увенчанные шатровым покрытием (рис. 200). Они сложены из тщательно обработанных каменных блоков и зачастую богато декорированы тонкой резьбой по камню. В некоторых случаях ствол постройки поставлен на квадратный цоколь, который практически сразу переходит в барабан при помощи внешних треугольных скосов (рис. 119. 1-4). Большинство башенных мавзолеев Малой Азии не имеют выделенных порталов, вход оформлен слегка заглубленной сталактитовой нишей. Но в отдельных случаях портал выступает вперед и образует небольшой вытянутый тамбур (Stierlin, 1998. P. 50-53; Hillenbrand, 1994. P. 306-311, 540-542).

Не следует забывать и о яркой и самобытной архитектуре Азербайджана, которая тоже внесла свой вклад в сложение сельджукского искусства (ВИА, 1969. С. 386). После освобождения Азербайджана из-под власти Сельджуков здесь возникают две архитектурные школы – нахичеванская и ширвано-апшеронская, в которых явственно прослеживается влияние Закавказья, Малой Азии и Хорасана (ВИА, 1969. С. 381). В мемориальном строительстве Азербайджана основной формой также является башенный мавзолей. Некоторые из азербайджанских мавзолеев, построенные из камня, очень близки анатолийским (199. 1-5), но в целом здесь наблюдается значительно большее многообразие форм. Для нахичеванской школы характерно активное применение кладки из кирпича с богатой декорировкой плоскостей стен резным кирпичом, терракотой и изразцами. Таковы мавзолеи Юсуфа ибн Кусейра (XII в.), Момине-хатун (XII в.), Гунбад-е Кабуд в Мараге (XII в.) и более поздние усыпальницы XIV в., такие как мавзолеи в с. Барда, в с. Карабаглар и др. (рис. 199.6-7) (Бретаницкий, Уссейнов, Саламзаде, 1963. С. 80-104, 127-162; Бретаницкий, 1966. С. 96-199). Для мавзолеев Азербайджана, построенных из кирпича, характерной чертой является наличие каменного цоколя. Способ перехода от квадратного цоколя к многограннику при помощи внешних скосов такой же, как и в сельджукских памятниках. Примером тому является мавзолей Гюлистан XII-XIII вв. в с. Джуга (рис. 119.5). Таким образом, рассматривая традиции каменного зодчества, необходимо учитывать армянскую, малоазийскую и азербайджанскую школы.

В Золотой Орде мемориальное строительство из камня характерно для Волжской Болгарии и Крыма. Интересно, что ни один из мавзолеев, исследованных при раскопках Болгара, не был построен из кирпича, при том, что в монументальных зданиях другого назначения, например, банях, кирпич использовался довольно активно. Исключительно из камня построены и другие культовые постройки Болгара, мечеть Четырехугольник и два минарета, Большой и Малый. На мой взгляд, это обстоятельство свидетельствует о том, что именно каменное строительство считалось наиболее парадным и престижным, а также, вероятно, имело давние и прочные традиции. Обожженный кирпич, производство которого не могло составлять трудность в столь развитой стране, как Волжская Болгария, применялся в строительстве менее значимых сооружений. О традициях каменного строительства в Болгаре неоднократно писали многие авторитетные исследователи. А.С. Башкиров связывал памятники Болгара с Крымом, а через него с сельджукской Малой Азией (Башкиров, 1929. С. 116-117). А.П. Смирнов и В.В. Егерев отмечали явное армянско-сельджукское влияние на архитектуру Болгара (Смирнов, 1951. С. 143-144; Егерев, 1958. С. 371, 389-391). Это положение подтверждалось и наличием обширной армянской колонии на территории Болгара. Однако исследователи видели влияние Закавказья и Малой Азии преимущественно в строительной технике, а именно в возведении стен из подтесанных блоков известняка панцирной кладкой и применении местных пород туфа для кладки куполов. Что касается собственно архитектурных форм, мемориальных сооружений, то их связывали с памятниками Средней Азии (Смирнов, 1951. С. 142-144; Егерев, 1958. С. 371, 389-391). Исключение здесь составляют лишь минареты Болгара, сходство которых по формам и пропорциям с подобными постройками Азербайджана просто очевидно. На основе архитектурных особенностей болгарских минаретов и анализа резьбы по камню В.В. Егерев проследил еще один компонент в сложении культуры Болгара – азербайджанский (Егерев, 1958. С. 381- 383). Менее последователен в своих построениях С.С. Айдаров, который, с одной стороны, сравнивает болгарские мавзолеи с азербайджанскими, армянским и крымскими, с другой стороны, все же склоняется к их среднеазиатскому происхождению (Айдаров, 1976. С. 139-141). На архитектурных реконструкциях, сделанных исследователем, мавзолеи Болгара предстают копиями шатровых усыпальниц с выносным порталом и мощным пештаком, подобным Тюрабек-Ханым в Ургенче, или мавзолея Манаса в Киргизстане.

Нет оснований оспаривать тот факт, что в сложение зодчества Волжской Болгарии в золотоордынское время, а также, возможно, и более раннее, могли внести свой вклад мастера из Средней Азии и Ирана. Однако мне кажется, что мемориальные постройки Болгара более всего связаны с закавказско-сельджукским кругом как по технике строительства, так и по

архитектурным формам. Неверно считать, что здания, состоящие из квадратного цоколя, восьмигранного барабана и купола с шатровым покрытием, характерны только для Средней Азии. В том или ином виде они встречаются почти во всех странах мусульманского мира. Здесь более важно рассмотреть детали. В малых мавзолеях Болгара переход от невысокого квадратного в плане помещения к восьмигранному барабану осуществляется за счет наружных треугольных скосов и внутренних пирамидальных тромпов. Такой прием повсеместно применяется в Закавказье и Анатолии, причем не только в мемориальных постройках. В Средней Азии переход к барабану снаружи обычно не прослеживается, а внутри оформляется арочными тромпами различного строения. Портал, выступающий наружу в виде двух нешироких пилонов, образующих тамбур, встречается в Анатолии и Азербайджане, правда, не столько в мавзолеях, сколько в мечетях и других постройках, в то время как в Волжской Болгарии этот элемент является непременным атрибутом любого мавзолея. По своей пространственной структуре мавзолеи Болгара также имеют определенное сходство с башенными мавзолеями Малой Азии и Азербайджана.

Вообще по всем выделенным признакам, строительной технике, типу планировки, наличию пирамидальных тромпов, наружных скосов и выступающего портала, малые мавзолеи Болгара более всего напоминают мавзолеи Крыма, особенно такие, как Эски-дюрбе и дюрбе Мухаммед-Шах-бея. В свою очередь, непосредственная связь крымских дюрбе золотоордынского и более позднего времени с сельджукскими и ранне-османскими памятниками, участие в их строительстве армянских переселенцев из Малой Азии неоднократно подчеркивалась многими исследователями (Боданинский, 1927; Бороздин, 1927;1927; Башкиров, 1926; 1927; Якобсон, 1964; Крамаровский, 1998).

Существует даже мнение, что данный тип построек был создан в Волжской Болгарии, а затем был принесен оттуда в Крым (Засыпкин, 1927. С. 133). Это предположение кажется маловероятным, так как строительная техника Крыма, в частности использование тщательно обработанных блоков, кажется более совершенной, а архитектурный декор зданий содержит откровенно сельджукские мотивы. Кроме того, об участии армянских мастеров в сложении средневековой культуры Крыма известно документально (Микаэлян, 1964). Скорее всего, все было наоборот: мастера из Закавказья и, возможно, из Малой Азии через Крым (а также другими путями) попадали на Среднюю Волгу. Этим и объясняется сходство архитектурных форм.

Выдающимся памятником мемориального зодчества не только Волжской Болгарии, но и всей Золотой Орды является памятник, носящий название Черная палата. В.В. Егерев сравнивал его с мавзолеями Исмаила Самани (X в.), султана Санджара (XII в.), Фахраддина Рази (XII в.), шейха Шерефа (XII в.) и пришел к однозначному выводу о принадлежности его к среднеазиатской группе мавзолеев раннего периода. Черты явного отличия этот исследователь приписывал влиянию закавказской строительной техники и приспособлению к местным условиям (Егерев, 1958. С. 369-371). Примерно такой же точки зрения придерживается С.С. Айдаров (Айдаров, 1976. С. 142). Эта точка зрения не бесспорна, а объединение среднеазиатских мавзолеев в одну группу несколько искусственно. Достаточно отметить, что они относятся к различным типам. Мавзолей Исмаила Самани – кубическое здание центрического плана, увенчанное полусферическим куполом. Центрический мавзолей Санджара отличается от него наличием высокого барабана. Мавзолеи Фахраддина Рази и шейха Шерефа относятся к группе шатровых мавзолеев, причем один из них является фасадным, а другой портальным. Эти памятники, выстроенные из кирпича в среднеазиатской технике, можно связывать с Черной палатой только в самом общем виде, например, по пространственной композиции или по центричности плана. Более правомерным представляется мнение Ф.Х. Валеева, который считает, что «внешнее объемное решение Черной палаты в стилевом отношении обнаруживает связь с памятниками Малой Азии, Крыма, Азербайджана» (Валеев, 1975. С. 141).

Кстати говоря, по предположению С.Г. Хмельницкого, в возведении ургенчских мавзолеев могли принимать непосредственное участие строители из Малой Азии. На это указывает

близкое сходство сталактитовых парусов мавзолея Фахраддина Рази и пятничной мечети в Нигде, а также оформление портала мавзолея шейха Шерефа в виде треугольной, заполненной сталактитами ниши, форма которой характерна для малоазийского зодчества и совершенно не встречается на Среднем Востоке (Хмельницкий, 1997. С. 76). Исследователь отмечает также, что эти постройки – «первые образцы залов с двойными куполами, у которых эта особенность стала... художественным, а не только техническим фактором, определила их вертикальные пропорции и едва ли не главную роль наружного барабана во внешнем облике» (Хмельницкий, 1997. С. 75). Массивный барабан и конический шатер в этих постройках выглядят не венчанием здания, а самостоятельным архитектурным объемом вроде башенных мавзолеев Азербайджана, Ирана и Малой Азии, но поставленным на высокое основание. Возможно, именно малоазийское влияние предопределило некоторое сходство мавзолеев Ургенча и Черной палаты в Болгаре.

По своему внешнему облику Черная палата более всего напоминает простейшие турецкие мечети постсельджукского и раннеосманского периодов. Эти здания, построенные также из камня, имели кубическое основание, переходящее в невысокий многогранный или круглый барабан, перекрытый полусферическим, чуть уплощенным куполом. На глухой плоскости стен выделялись только небольшие окна стрельчатого очертания. Такие же окошки еще меньшего размера находились на гранях барабана. Очень близки к мечетям по внешнему виду и раннеосманские мавзолеи (Stierlin, 1998. P. 82, 90-95; Hillenbrand, 1994. P. 495). По сравнению с ними здание Черной палаты выглядит более изысканно, так как его объем расчленен на четыре постепенно сужающиеся яруса, но в целом стилистическое единство этих построек бросается в глаза (рис. 209).

Определенное сходство с турецкими мавзолеями наблюдается и в интерьере Черной палаты. Ее гладкие оштукатуренные стены лишены какого-либо декора. В верхней части, при переходе к восьмерику, по углам сделаны сферические тромпы стрельчатого очертания, внутренняя поверхность которых оформлена белыми ганчевыми сталактитами. Плоскости стен между тромпами также украшены стрельчатыми арочками (рис. 109). Точно так же выглядит верхний ярус гробницы Мурада II в Бурсе (XV в.). Еще один ряд стрельчатых арочек обрамляет изнутри маленькие окошки в гранях восьмигранного барабана Черной палаты. Тимпаны арок первого яруса украшены лепными розетками, второго – звездами. Различные розетки, пальметки и другие выпуклые мелкие резные детали, выделяющиеся на ровной плоскости стен, являются характернейшей чертой сельджукского декоративного стиля. В качестве простейшего примера достаточно вспомнить портал Эски-дюрбе в Бахчисарае, украшенный резными каменными розетками. Семиконечные звезды расположены над входом в дюрбе Мухаммед-Шах-бея. Эти факты позволяют отнести Черную палату к памятникам, возникшим под влиянием закавказско-сельджукской школы. Несмотря на отсутствие точных аналогий, как отдельные черты ее, так и весь облик в целом более всего напоминает малоазийское постройки XIV-XV вв. Естественно, этот факт никак не может свидетельствовать о том, что турецкие мечети и мавзолеи османского времени происходят из Волжской Болгарии. Скорее всего, это сходство говорит о единстве происхождения этих памятников и принадлежности их к одной архитектурной школе.

Еще одним регионом Золотой Орды, где было распространено каменное строительство, является территория современной Башкирии. Здесь сохранились до наших дней каменные мавзолеи XIV в., такие как мавзолей Хуссейн-бека и Тура-хана. Сходство архитектурных форм и строительной техники этих построек с малыми мавзолеями Болгара отмечали многие исследователи (Вельяминов-Зернов, 1859, С. 280; Смирнов, 1957. С. 89-90; Сальников, 1952. С. 136; Айдаров, 1976. С. 139; Валеев, 1975. С. 135). Исследования эпиграфики подтвердили принадлежность эпитафии Хуссейн-бека к болгарским эпиграфическим памятникам (Юсупов, 1960. С. 116). Г.Н. Гарустович провел раскопки погребений в трех каменных мавзолеях Башкирии и также пришел к выводу о несомненном сходстве погребального обряда захоронений приуральских мавзолеев и некрополей болгарского городища (Гарустович, 1995. С. 177-178). Таким образом, постройки, закавказско-малоазийской школы опосредованно, через Волжскую Болгарию, проникли в Приуралье.

В то же время в Приуралье и Казахстане известно много мавзолеев, построенных из кирпича, иногда с применением поливных изразцов. Некоторые из них, такие как Кесене, башня Болгасын, Абат Байтак, Сарлытам сохранились до наших дней или известны по рисункам. Их форма и декоративное оформление указывает на явную связь с памятниками Средней Азии (Хорезма). Вероятно, подобный облик имели и другие кирпичные мавзолеи, известные только по раскопкам. По планировке мавзолеи Бэндэбикэ, Домолакер и Кердери 2 представляют собой типичные для Средней Азии квадратные в плане постройки с пештаком. Довольно убедительной выглядит реконструкция мавзолея Бэндэбикэ, приведенная Н.А. Мажитовым. Мавзолей Атчергат отличает от них наличие перед усыпальницей широко открытого айвана, что, возможно, является чисто золотоордынской формой.

Отличны по планировке и три мавзолея у пос. Тептяри в Оренбургской области. Это прямоугольные в плане постройки из кирпича, состоящие из двух разновеликих помещений – квадратной усыпальницы и небольшого тамбурного помещения, которое обычно трактуется как комната для оплакивания (зиорат-хана). Такую же структуру имеют и мавзолеи на городище Жайык в Западном Казахстане. Как уже говорилось, данный тип планировки не имеет прямых аналогий и является, скорее всего, местной, золотоордынской формой. К сожалению, нет никаких данных о внешнем оформлении этих мавзолеев. Применение в их постройке кирпича и поливных изразцов позволяет предполагать внешнее сходство со среднеазиатскими постройками.

Район Нижнего Поволжья, вероятнее всего, был зоной преобладающего влияния Средней Азии. Строительство здесь велось преимущественно из обожженного и сырцового кирпича, в качестве наружного архитектурного декора применялись обточенные облицовочные кирпичи, поливные кирпичи, резная и штампованная терракота, майоликовые плитки, мозаики на кашине. К сожалению, нельзя сказать ничего определенного о внешнем облике мавзолеев Поволжья, так как все они известны по археологическим раскопкам и сохранились в большинстве своем на уровне цокольной части. Квадратные в плане фасадные мавзолеи без выраженного портала распространены повсеместно. Мавзолеи с узким выступающим порталом, как уже упоминалось, встречаются как в Средней Азии, так и в странах Закавказья и Малой Азии. Чисто среднеазиатской следует считать только форму мавзолея с квадратной в плане усыпальницей и порталом типа пештака. Такую планировку имеет большинство мавзолеев Нижнего Поволжья.

Оформление углов здания трехчетвертными колоннами – архитектурный прием, известный в большинстве стран Среднего и Переднего Востока с глубокой древности. Башнеобразные угловые выступы крепостей и кешков в позднем средневековье продолжают существовать в караван-сараях, медресе, ханака. В сильно редуцированном, декоративном виде они широко встречаются в культовых и мемориальных постройках Средней Азии. Достаточно вспомнить мавзолей Исмаила Самани в Бухаре или гумбез Манаса в Таласской долине. Такие колонны, даже, скорее, миниатюрные башенки, были пристроены к внешним углам мавзолея в группе «301 км» в Поволжье. По плану это здание почти идентично мавзолею XI-XII вв. в Гузаре, который отличается только тем, что оба его помещения имеют в плане квадрат, перекрытый куполом (Мантковская, 1979. Рис. 49. б). В.Л. Егоров, исследовавший усыпальницы Водянского городища, по скоплению лекальных кирпичей предположил, что внешние углы пилонов портала мавзолея № 3 также были оформлены подобными колоннами (Егоров, 1980. С. 83). Полукруглые колонны оформляли вход в портальную нишу мавзолея в Бахтияровке.

Неизвестно, какими были покрытия поволжских мавзолеев. При раскопках часто находили фрагменты тромпов и парусов, сталактиты и даже детали внутренней оболочки куполов. Однако никаких данных о наличии шатров над куполами у нас не имеется. Исходя исключительно из аналогий, можно предполагать, что в Нижнем Поволжье, так же как и в Средней Азии, одни постройки имели шатровое покрытие, а другие были перекрыты куполами.

Влияние зодчества Средней Азии в Нижнем Поволжье было преобладающим, но не единственным. Это можно проследить на примере мемориальных построек Водянского городища. Здания там имели кирпичные стены, которые были поставлены на каменные

фундаменты. Фундаменты мавзолеев № 1 и 3 были сложены панцирной кладкой, причем камни, образующие внешнюю поверхность стены, были подтесаны. Стены мавзолея № 2 были построены из необработанных камней, скрепленных обильным глиняным раствором. В.Л. Егоров совершенно верно связал строительную технику первых двух построек с Азербайджаном, большинство кирпичных мавзолеев которого покоится на каменных цоколях. Систему кладки мавзолея № 2 исследователь связывает с Волжской Болгарией (Егоров, 1980. С. 87). Таким образом, в Нижнем Поволжье также прослеживается влияние Закавказья, как непосредственное, так и опосредованное, через Волжскую Болгарию.

Еще одним компонентом золотоордынского зодчества в Нижнем Поволжье являлся домонгольский, кочевнический. Он представлен многогранными постройками, раскопанными на урочище Кривая Лука и в окрестностях Царевского городища. Как уже упоминалось выше, их можно связать с пирамидальными надгробными памятниками кыпчаков и башенными мавзолеями, возникшими в результате их развития.

Столь же пеструю картину дает нам обзор мавзолеев Северного Кавказа, внешний облик которых хорошо известен по рисункам и описаниям. В Маджаре, как и в Нижнем Поволжье, преобладающим, вероятно, было среднеазиатское влияние. В этом степном городе строительство также велось исключительно из жженного кирпича и сырца с применением изразцовых кирпичей. Правда, архитектурный декор здесь был значительно беднее, чем в городах Нижнего Поволжья. В частности, в Маджаре не производились и соответственно не применялись изразцовые мозаики на кашине. Образцы построек среднеазиатского облика отчетливо видны на всех изображениях. Подробный стилистический анализ маджарских мавзолеев был сделан Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1973. С. 274-276). Он отмечал сходство портальных мавзолеев с шатровым покрытием с памятниками Хорезма и Южного Туркменистана. Не подлежит сомнению, что квадратные в плане фасадные мавзолеи с шатровым покрытием также имеют среднеазиатское происхождения. Мавзолей этого типа на рисунке А.Ф. Бюшинга являет собой несколько упрощенную копию мавзолея Фахраддина Рази в Хорезме. С памятниками Азербайджана Э.В. Ртвеладзе связывает пирамидальные мавзолеи, признавая при этом оригинальность их архитектуры, которую приписывает местным кочевническим влияниям. Мне представляется, что с Закавказьем можно связать башенные мавзолеи, а пирамидальные представляют собой именно кочевническую традицию. Влиянием развитой архитектуры башенных и шатровых построек Ирана, Азербайджана и Малой Азии можно объяснить лишь тщательное исполнение маджарского пирамидального мавзолея и появление на нем портала.

Мавзолеи Ессентуков отличаются по своей строительной технике. В них кирпичные стены поставлены на фундаменты, сложенные панцирной кладкой из плит мергеля на известковом растворе. Кстати говоря, этот строительный прием применяется и в других золотоордынских городах Северного Кавказа, например в Верхнем Джулате и Нижнем Джулате (Милорадович, 1963; Чеченов, Зиливинская, 1999). Происходит он, вероятнее всего, из Азербайджана, где кирпичные здания на каменных цоколях строились еще в домонгольское время. Ессентукийские мавзолеи дают два примера квадратных в плане усыпальниц с выступающим порталом. В данном случае, учитывая применение жженого кирпича и изразцов, их можно связывать со среднеазиатской традицией. Мавзолей № 1 имеет портал в виде широкого айвана, а мавзолей № 5 является по планировке и оформлению углов колоннами почти полной копией мавзолея в курганной группе «301 км».

Таким образом, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье прослеживаются одни и те же компоненты в сложении мемориального зодчества. Это закавказское, кыпчакское и среднеазиатское влияния, при явном преобладании последнего. Архитектурные формы, характерные только для Золотой Орды, в этих регионах также идентичны.

Э.В. Ртвеладзе подметил еще одну черту сходства среднеазиатских и маджарских мавзолеев. На рисунках Маджара отчетливо видно, что мавзолеи расположены в ряд вдоль улицы, то есть возведение их производилось по принципу ансамблевой застройки (Ртвеладзе, 1973. С. 275). Многочисленные примеры такой застройки известны и в Средней Азии. Это ансамбль Шахи-

Зинда в Самарканде, группа мавзолеев в урочище Кек-Гумбаз и некоторые другие. Такие же ансамбли существовали на некрополях Нижнего Поволжья. Археологические исследования в Астраханской области позволили обнаружить возле поселка Лапас аллею из выстроенных в два ряда четырех крупных и нескольких мелких мавзолеев (Дворничено, Узянов, 1996. С. 84).

Еще один памятник, на котором хотелось бы остановиться, – это большой мавзолей (№ 1) в Мохши. Из всех известных к настоящему времени золотоордынских усыпальниц он имеет самую сложную планировку. На примере этого здания можно проследить смешение разнообразных стилей и влияний. Многие детали этого здания, такие как пештак, оформление углов колоннами и пилястрами, сводчатые ниши в стенах, указывают на его среднеазиатское происхождение. Более того, планировка этого здания почти полностью повторяет планировку мавзолея Наджмеддина Кубра в Хорезме. При этом здание построено в смешанной технике, его кирпичные стены поставлены на цоколь из бутового камня. Камнем же отделаны стены основного помещения.

Еще один интересный пример переработки известных архитектурных форм являют собой молдавские мавзолеи, в которых портал сильно вытянут и равен по длине основному помещению. Не совсем обычно и строение склепов в этих мавзолеях. К сожалению, слабая изученность мемориальных построек этого региона не позволяет охарактеризовать их более подробно.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что в сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Это армяно-малоазийское влияние, которое отчетливо присутствует в памятниках, выполненных в технике каменного строительства. Азербайджанское влияние выражено в строительстве из камня и смешанной каменно-кирпичной кладке. Очень существенным было влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. И, наконец, в архитектурных формах встречаются пережитки кочевнических (кипчакских) традиций. В настоящее время можно выделить несколько областей, где превалировала та или иная школа. Волжская Болгария и Крым являлись зонами армяно-малоазийского влияния, а Нижнее Поволжье и степные районы Северного Кавказа – среднеазиатского. В то же время в некоторых частях Нижнего Поволжья (Водянское городище) и Северного Кавказа (Пятигорье, Верхний Джулат, Нижний Джулат) отчетливо прослеживаются традиции азербайджанского зодчества, представленного нахичеванской школой, для которой характерно сочетание камня и кирпича, активное применение в качестве декора изразцов. В Волжской Болгарии также фиксируется присутствие азербайджанского элемента, а именно ширвано-апшеронской школы.

В то же время в городах Золотой Орды происходит не прямое заимствование принесенных извне традиций, а их творческая переработка. В Волжской Болгарии широко используется кладка из грубо отесанных камней на известковом растворе или глине, применяемая впоследствии и в Нижнем Поволжье. Здесь вырабатывается удивительно единообразный тип усыпальниц, который распространяется и на другие районы. Так, в Приуралье, наряду с мавзолеями среднеазиатского облика, строятся здания, почти идентичные болгарским мавзолеям. Возникают и новые типы планировки мемориальных построек, которые также распространяются в различных частях государства. Кроме того, вполне характерным для Золотой Орды является применение строительной техники одной традиции для возведения здания другой архитектурной школы. То есть происходит активная и очень быстрая (учитывая весь период существования Золотой Орды) творческая переработка заимствованных навыков, которая неминуемо должна была привести к возникновению оригинального стиля.

И, наконец, следует заметить, что наши знания о мемориальных постройках в Золотой Орде далеко не исчерпывающи. Большинство исследованных зданий являются небольшими и довольно ординарными усыпальницами. В то же время известны места, где располагались некрополи высшей золотоордынской знати, в которых зафиксированы огромные мавзолеи, имеющие размеры от 45 х 45 м до 25 х 25 м. Такой некрополь находится у с. Лапас в Астраханской области. Известны большие мавзолеи и в окрестностях Селитренного и Царевского городищ.

Исследование этих памятников может внести существенный вклад в изучение мемориальной архитектуры Золотой Орды и, может быть, в чем-то изменить сложившиеся представления.

Таблица 1.
Однокамерные мавзолеи

Группа однокамерные мавзолеи I				
Отдел	**Подотдел**	**Тип**	**Подтип**	**Вид**
Башенные А	**Круглые 1** *Изобильное*	**Фасадные а**		**Купольные Q**
				Шатровые S *Маджар 11-34, с-т (по Некрасовуи Голохвостову)*
		Портальные б	**Выступающий портал б*** *Маджар у,х, ц (по Голохвостову)*	**Купольные Q**
				Шатровые S
	Многогранные 2	**Фасадные а**	*Царевское, Солодовка № 1, Есентуки №8(?)*	**Купольные Q**
				Шатровые S *Маслов Кут, Малый восьмигранник в Азисе*
		Портальные б	**Выступающий портал б***	**Купольные Q** *Чуфут-кале*
				Шатровые S *Маджар 14, (по Некрасовуи Голохвостову), Конские Воды*
Пирамидальные (конические) Б	**Круглые 1**	**Фасадные а**	Шарахалсун 5	**Шатровые S**
		Портальные б	**Выступающий портал б***	**Шатровые S**
	Многогранные 2	**Фасадные а**		**Шатровые S** *№ 1, 2 Кривая Лука*
		Портальные б	**Выступающий портал б***	**Шатровые S** *Маджар (по Бюшингу),*

Кубические (призматические) в основании В	**Квадратные (прямоугольные, близкие к квадрату) З**	**Фасадные а**	*Мечетное, №1.2 Водянское, №2Солодовка, № 1,2 Селитренное, Маджар 7-10, д-р (по Некрасову и Голохвостову, Верхний Джулат, Золотаревка 5, Совруно 1 № 2. № 4 в Азисе*	**Купольные Q**
				Шатровые S *Малый и большой восточный, западный, №№ 4, 6 в Болгаре, ДерсоватаС+, Хусейнбека, Малый кешене*
		Портальные б	**Выступающий портал б*** *Мохши № 3, Бахтияровка, № 3 Селитренное, №№2,5 Ессентуки, Солхат № 2**С**+, Новосельское*	**Купольные Q** *Маджар 4 (по Некрасову),*
				Шатровые S *Никольская церковь, Монастырский погреб, Ханская усыпальница, №№ 1-3 в Болгаре, Маджар 5 (по Некрасову), Эски-дюрбе в Бахчисарае, № 1 в Азисе **С**+, Турахана*
			Пештак б** *№ 4,5,6 Селитренное, № 1Комсомольский **С**+,Совруно 1 № 1; Новопавловка; № 1,2 Мечеть, № 1 Бравичены **С**+, Домолакер, Кердери 2, № 1 Тептяри*	**Купольные Q** *Маджарб(?) (по Некрасову), башня Болгасын (?),*
				Шатровые S *Маджар (по Бюшингку), Маджар, 1-4 (по Палласу), Маджар 1-4, 6, , а-г (по Некрасову), Кесене, Троицкий, Бэндебэкэ, Абат Байтак, Сарлытам Жаныдарьинский..*
			В виде продолжения стен б*** *Ессентуки №1, Солхат № 1, № ,2 Бравичены **С**+ ,Атчергат*	**Купольные Q** *Борга-Хаш*
				Шатровые S
		Центрические в		**Купольные Q**
				Шатровые S *Черная палата **С**+*

Таблица 2
Многокамерные мавзолеи

Группа многокамерные мавзолеи II				
Отдел	**Подотдел**	**Тип**	**Подтип**	**Вид**
Призматические продольно осевые Г	**Прямоугольные 4**	**Фасадные а**	*№ 4,5 в Мохши, № 3 Ессентуки, №2 Комсомольский, 301 км, № 2,3 Тептяри, № 1 Жайык*	**Купольные Q**
				Шатровые S
		Портальные б	**Выступающий портал б*** *№5 Болгар*	**Купольные Q**
				Шатровые S
			Пештак б** *Укек (2 портала), №3Водянское, № 2 пос. Красный* ***С+*** *№ 1 Тептяри, № 2 Жайык, Жаныбек Шалкар*	**Купольные Q**
				Шатровые S
Призматические поперечно осевые Д	**Прямоугольные 4**	**Фасадные а**		**Купольные Q**
				Шатровые S
		Портальные б	**Выступающий портал б*** *№2 Мохши*	**Купольные Q**
				Шатровые S
			Пештак б**	**Купольные Q**
				Шатровые S
Сложного строения Е	**Квадратные 3**	**Фасадные а**		**Купольные Q**
				Шатровые S
		Портальные б	**Выступающий портал б***	**Купольные Q**
				Шатровые S
			Пештак б**	**Купольные Q**
				Шатровые S
	Прямоугольные 4	**Фасадные а**		**Купольные Q**
				Шатровые S
		Портальные б	**Выступающий портал б***	**Купольные Q**
				Шатровые S
			Пештак б**	**Купольные Q**
				Шатровые S
	Т-образного плана 5	**Фасадные а**	*№ 2 Старый Орхей*	**Купольные Q**
				Шатровые S
		Портальные б	**Выступающий портал б***	**Купольные Q**
				Шатровые S
			Пештак б** *№ 1 Мохша* ***С+,*** *Наджмеддин Кубра*	**Купольные Q**
				Шатровые S
	Сложного плана, в том числе конгломераты *Маджар 115-18, ч-я (по Некрасову и Голохвостову)*	**Портальные б**	**Выступающий портал б***	**Купольные Q**
				Шатровые S
			Пештак б**	**Купольные Q**
				Шатровые S *Тюрабек-ханым*

Таблица 3
Список мавзолеев и их кодировка

Регион	№	Название	Код описания
Волжская Болгария и мордовские земли	1.	Болгар, Черная палата	IВ3вSС+
	2.	Болгар, Церковь святого Николая	IВ3б*S
	3.	Болгар, Монастырский погреб	IВ3б*S
	4.	Болгар, Ханская усыпальница	IВ3б*S
	5.	Болгар, Малый восточный	IВ3а
	6.	Болгар, Большой восточный	IВ3а
	7.	Болгар, Западный	IВ3а
	8.	Болгар, № 1	IВ3б*
	9.	Болгар, № 2	IВ3б*
	10.	Болгар, № 3	IВ3б*
	11.	Болгар, № 4	IВ3а
	12.	Болгар, № 5	IIГ4б*
	13.	Болгар, № 6	IВ3
	14.	Мохши, № 1	IIЕ5б**С+
	15.	Мохши, № 2	IIД4б*
	16.	Мохши, № 3	IВ3б*
	17.	Мохши, № 4	IIГ4а
	18.	Мохши, № 5	IIГ4а
Нижнее Поволжье	19.	Укек	IIГ4б** (2 портала)
	20.	Мечетное городище	IВ3а
	21.	Царевщина	IIГ4а
	22.	Водянское городище № 1	IВ3а
	23.	Водянское городище № 2	IВ3а
	24.	Водянское городище № 3	IIГ4б**
	25.	Бахтияровка	IВ3б*
	26.	Царев	IА2aS
	27.	Солодовка, № 1	IА2aS
	28.	Солодовка, № 2	IВ3а
	29.	Веселый	IА2а
	30.	Кривая Лука № 1	IБ2aS
	31..	Кривая Лука № 2	IБ2aS
	32.	Селитренное № 1	IВ3а
	33.	Селитренное № 2	IВ3а
	34.	Селитренное № 3	IВ3б*
	35.	Селитренное № 4	IВ3б**
	36.	Селитренное № 5	IВ3б**
	37.	Селитренное № 6	IВ3б***
	38.	Комсомольский № 1	IВ3б**С+
	39.	Комсомольский № 2	IIГ4а
	40.	«301 км»	IIГ4а

Северный Кавказ	41.	Маджар №№ 1-4 (по Некрасову), а-г (по Голохвостову), №№ 1-4 (по Палалсу)	IВ3б**S
	42.	Маджар № 5 (по Некрасову)	IВ3б*S
	43.	Маджар № 6 (по Некрасову)	IВ3б**Q
	44.	Маджар №№ 7-10 (по Некрасову), д-р (по Голохвостову)	IВ3а
	45.	Маджар №№ 11-13 (по Некрасову), с, т (по Голохвостову)	IА1аS
	46.	Маджар №№ у, х, ц (по Голохвостову)	IА1б
	47.	Маджар №№ 14 (по Некрасову), ф (по Голохвостову)	IА2б*S
	48.	Маджар №№ 15-18 (по Некрасову), ч-я (по Голохвостову)	IIЕ6
	49.	Маджар № 2 (по Бюшингу)	IБ2б*S
	50.	Дерсовата	IВ3а S С+
	51.	Маслов Кут	IА2аS
	52.	Белый уголь № 1	IВ3б***
	53.	Белый уголь № 2	IВ3б*
	54.	Ессентуки № 1	IIГ4а
	55.	Ессентуки № 2	IВ3б*
	56.	Ессентуки № 3	IА2а
	57.	Верхний Джулат	IВ3а
	58.	Борга-Хаш	IВ3б***Q
	59.	Золотаревка 5	IВ3а
	60.	Шарахалсун 5	IБ1а S
	61.	Совруно 1 № 1	IВ3б**
	62.	Совруно 1 № 2	IВ3а
	63.	Новопавловка	IВ3б**
Западные районы	64.	Краснохуторское № 2	IIГ4б**С+
	65.	Мечеть № 1	IВ3б*
	66.	Мечеть № 2	IВ3б*
	67	Конские Воды	IА2б*S
	68.	Солхат № 1	IВ3б***
	69.	Солхат № 2	IВ3б*С+
	70.	Бахчисарай, Эски-дюрбе	IВ3б*
	71.	Азис № 1	IВ3б*С+
	72.	Азис № 4	IВ3а
	73.	Азис, Малый восьмигранник	IА2а
	74.	Чуфут-кале	IА2б*Q
	75.	Старый Орхей № 1	IВ3а
	76.	Старый Орхей № 2	IIЕ5а
	77.	Бравичены № 1	IВ3б**С+
	78.	Бравичены № 2	IВ3б***С+
	79.	Новосельское	IВ3б*

Азиатские территории	80.	Хусейнбека	IB3aS
	81.	Кешене Турахана	IB3б*S
	82.	Малый кешене	IB3a
	83.	Кесене	IB3б**S
	84.	Троицкий	IB3б**S
	85.	Башня Болгасын	IB3б**Q
	86.	Мавзолей Бэндэбикэ	IB3б**S
	87.	Тептяри № 1	IIГ4б**
	88.	Тептяри № 2	IIГ4a
	89.	Тептяри № 3	IIГ4a
	90.	Изобильное	IA1
	91.	Жайык № 1	IIГ4a
	92.	Жайык № 2	IIГ4б**
	93	Абат Байтак	IB3б**S
	94	Саралжин	IB2a
	95.	Атчергат	IB3б***
	96.	Домолакер	IB3б**
	97.	Кердери 2	IB3б**
	98.	Сарлытам Жаныдарьинский	IB3б**S
	99	Жаныбек-Шалкар	IIГ4б**C
	100.	Наджмеддина Кубра	IIE5б**Q
	101.	Тюрабек-ханым	IIE6** S

Глава 6. Склепы-мавзолеи

Кроме наземных мемориальных построек, на золотоордынских некрополях встречаются подземные и полуподземные погребальные сооружения – склепы. Вообще склепом называется любая сводчатая гробница, чаще всего, заглубленная в землю (Герман, Муронец, 2010. С. 257) Сводчатые сооружения из сырцового и обожженного кирпича довольно часто встречаются в индивидуальных грунтовых захоронениях. Конструкция их различна – от ложного свода из кирпичей, поставленных на ребро, до настоящих сводчатых перекрытий полуцилиндрического или стрельчатого в разрезе очертания. Такие индивидуальные склепы не являются монументальными сооружениями, поэтому не относятся к теме данной работы. Кроме того, они неоднократно рассматривались при исследовании погребального обряда в Золотой Орде (Яблонский, 1975; Васильев, 2007. С. 76-79 и др.). Погребальные камеры в виде склепов различной конструкции, например в виде простых кирпичных ящиков или крестообразных в плане сводчатых помещений, часто встречаются в мавзолеях. В этом случае они неразрывно связаны с наземной постройкой и рассматриваются в комплексе с ней. Кроме этих склепов, известно некоторое количество достаточно монументальных подземных или полуподземных сооружений, рассчитанных на коллективные захоронения. Наиболее точно их сущность, на мой взгляд, отражает название склепы-мавзолеи.

Обзор по регионам Золотой Орды

Нижнее Поволжье.

При раскопках курганной группы у х. Шляховской в Волгоградской области был найден подземный склеп, состоящий из погребальной камеры и ведущего в нее входа-коридора (Круглов, Клепиков, 1993. С. 138-150). Камера имела подквадратную форму (2,65 х 2,7 м) и была ориентирована по сторонам света (рис. 210). Дно ее, расположенное на 1,8 м ниже дневной поверхности, было вымощено квадратным кирпичом в один слой. Стенки также были обложены кирпичами. Кладка частично разобрана, лучше всего, на высоту 11 слоев, она сохранилась в южной части восточной стенки. В юго-восточном углу сохранился парус, служивший для перехода к куполу. Он сложен из половинок кирпичей, причем каждый слой несколько выступает вперед относительно предыдущего. В камеру с восточной стороны вел ступенчатый коридор длиной 2,5 м и шириной 1,5 м. В склепе найдено погребение молодой женщины и ребенка. Данный склеп не являлся самостоятельным сооружением, а относился к кирпичному мавзолею. Ко времени раскопок мавзолей был полностью разрушен, а остатки битых кирпичей от его кладок растащены при распашке, поэтому никаких данных о планировке его получить не удалось.

Склепы-мавзолеи известны, в основном, в Нижнем Поволжье. Купольные полуподземные склепы в большом количестве встречаются на территории Селитренного городища, а также в его округе. Эти склепы представляют собой постройки, сложенные из обожженного кирпича вторичного использования. Нижняя их часть, обычно квадратная или прямоугольная в плане, находилась в специально вырытом котловане. Стены постепенно переходили в полусферический купол, который полностью или частично возвышался над землей. В прошлые времена эти купола жители называли «каменными кибитками» или «выходами» (Малиновский, 1892. С. 14; Спицын, 1893. С. 83-86; Баллод, 1923. С. 31, 32, 45, 46, табл. 16). В конце XIX в. К.Н. Малиновским был осмотрен склеп, который один из местных жителей приспособил под погреб. Подобное сооружение находилось и в другом сельском дворе (Малиновский, 1892. С. 14).

Многие из этих построек дожили до наших дней. Во время археологических разведок 2002 года были зафиксированы остатки одного полуподземного склепа, разбитого дорогой, на юго-восточном склоне Больничного бугра, двух подобных же усыпальниц в северо-западной

части села рядом с Больничным бугром и еще одного склепа на северо-западном склоне Маячного бугра (Рудаков, 2002 г. С. 9, 11, 15, рис. 23, 33, 34, 54; Гончаров, Рудаков, 2004. С. 287). Подробное обследование местности показало, что Больничный бугор и северная окраина села Селитренного представляют собой некрополь площадью около 4 га, на котором склепы расположены через каждые 30-40 м. Всего было выявлено более 10 склепов, выходящих на дневную поверхность (Скисов, 2011. С. 266).

Исследователи прошлого отмечали также, что крестьяне откапывали погребения в склепах на Каменном бугре (в 5 км к востоку от села) и на бугре «Татарское кладбище» (в 8 км к востоку от села) (Малиновский, 1892. С. 11-12; Спицын, 1893. С. 84-86; Баллод, 1923. С. 39, 45- 46, табл. 16).

Несколько склепов-мавзолеев было изучено при археологических раскопках Селитренного городища. Один из них (№ 1) был раскопан Поволжской археологической экспедицией в 1969 г. на Больничном бугре (рис. 153-154). Строение было поставлено в специально вырытую материковую яму глубиной 1,2 м и в плане представляло собой квадрат с длиной сторон, равной 3,6 м. Углы его срезаны и образуют короткие стенки. На высоте 65 см стены склепа переходят в купол полусферической формы. Внешняя поверхность нижней части свода неровная, образованная сколами обломков кирпичей, а внешняя поверхность верха купола – ровная, так как выложена из целых кирпичей. То есть, вероятнее всего, верхняя часть купола выступала над землей (Мухамадиев, Фёдоров-Давыдов, 1972. С. 308-309, рис. 1-3; Федоров-Давыдов, Мухамадиев, 1970. С. 4-5, 46, 54-55, рис. 30-41). В склепе было захоронено пять человек. Трое из них были положены в деревянные гробы без могильных ям. В восточном углу здания был найден клад из 23 серебряных джучидских монет чеканки первой половины XV в. Самая поздняя монета датируется 1457/1458 гг. (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972. С. 313-316, рис. 4; Федоров-Давыдов, Мухамадиев, 1969. С. 4-5, 55-57).

Склеп (№ 2), исследованный ПАЭ в 1986 г., находился в пределах некрополя, расположенного к югу от Белой мечети Сарая. Здесь были найдены остатки четырех небольших мавзолеев из сырцового и обожженного кирпича, серия грунтовых погребений и склеп, кирпичные стенки которого были почти разобраны. Квадратная в плане постройка с закругленными углами (рис. 213) была поставлена в яму размерами 3,18 х 3,02 м. Вертикальные стенки сохранились на высоту 4-6 слоев кладки. Переход к куполу начинался с четвертого слоя. Купол, скорее всего, был сложен в технике ложного свода, так как каждый следующий слой кирпичей нависает над предыдущим. Посредине южной стены был сделан вход шириной 96 см со ступенчатым дном. На грунтовом полу лежали разбросанные кости скелета человека без вещевого инвентаря (Федоров-Давыдов, Егоров, 1986. С. 31-33, рис. 42-45).

Один из склепов (№ 3), сохранившийся почти полностью, находится в настоящее время под жилым домом в селе Селитренном, в северо-западной его части, на юго-восточном склоне Больничного бугра, близко к реке Ахтубе. Эта постройка была исследована еще в 1922 г. Ф. В. Баллодом, который составил схематический ее план (рис. 214). К тому времени погребальное сооружение было переоборудовано в хозяйственный погреб, расположенный под домом (Баллод, 1923. С. 31, 45, табл. 16). В качестве погреба оно используется и в настоящее время, благодаря чему и сохранилось.

В 2002 г. отрядом Нижневолжской экспедиции было проведено обследование сохранившегося объекта, сделано его подробное описание, выполнены архитектурные обмеры, на основании которых вычерчен план и разрезы здания (Рудаков, Мазур, 2011). Полностью дошли до наших дней стены и нижняя часть купола на большую высоту (рис. 215, 216). Древний входной проем заложен крупными цементными блоками. Современный вход в погреб осуществляется из комнаты через разрушившуюся (или же разобранную) верхнюю часть свода.

Постройка сложена из обожженных кирпичей на связующем глиняном растворе с вкраплениями известки. Кладка в полтора ряда кирпичей. В плане склеп четырехугольный, почти квадратный. Длина стен колеблется от 4,09 до 4,27 м. Четверик стен посредством

тромпов переходит в полусферический купол. Тромпы в виде четырёх ниш со стрельчатыми притупленными арками расположены по углам и ориентированы на ССЗ, СВВ, ЮЮВ, ЮЗЗ. Арки выложены в один кирпич, ширина их колеблется от 1,63 до 1,78 м, высота – 87-89 см. Глубина ниш составляет 74-90 см. Свод на различных участках выложен неодинаково: где-то он пологий, скошенный по прямой линии, а где-то в той или иной степени выпуклый, приближающийся по очертанию к циркульной линии. Высота от существующего уровня пола до нижней грани отверстия в куполе колеблется в основном в пределах 156-162 см. Полная высота склепа неизвестна, так как верхняя часть купола разрушена.

Вход расположен в середине западной стены и завершен полуциркульной аркой. Ширина входного проема колеблется в пределах 65-75 см, высота составляет 1,22 м от современной поверхности пола. Верхняя часть входа прорезает свод, в связи с чем его полуциркульная арка имеет соответствующий наклон внутрь сооружения. Никаких следов погребений в склепе найдено не было.

В 2004 г. были проведены исследования сильно разрушенного склепа (№ 4) в западной части села (Пигарев, 2008. С. 503-504). Он стоял в яме размерами 4 х 4 м. Стены и купол были сложены из обожженных кирпичей вторичного использования на глиняном растворе. Толщина кладки в один ряд кирпичей. Обломки кирпичей были обращены торцами вовнутрь помещения. Стены склепа по углам были скошены и образовывали в плане восьмиугольник. Длинные стороны его имели длину 2,2-2,4 м, короткие – 0,8-0,9 м. Купол формировался путем постепенного сдвига и наклона кладки кирпичей внутрь помещения. В угловых сторонах кирпичи начинали выдвигаться с седьмого слоя на 1,5 – 2 см. С одиннадцатого ряда кирпичи выдвинуты по всему периметру. Внутренняя поверхность стен склепа была покрыта слоем глиняной обмазки и оштукатурена известковой штукатуркой. Вход в склеп находился по центру южной стены (с отклонением к З) и, вероятно, имел арочное завершение. В полу входа были сделаны ступени. В склепе обнаружено два погребения: взрослого мужчины и ребенка 1–1,5 лет. Рядом с детским скелетом найдены кости собаки.

В 2005 г. было раскопано одно из сооружений, найденных при разведках (Пигарев, 2008. С. 504). Склеп (№ 5) на юго-восточном склоне Больничного бугра возведен в котловане размерами 4,56 х 4,62 м. Стены и купол сложены из обожженных кирпичей вторичного использования, целых и обломков, на глиняном растворе. Постройка хорошо сохранилась на высоту до 30 слоев кирпичей (рис. 217). В плане она квадратная, длина внутренних стен 2,5 м. В углах находятся тромпы, формирующие восьмиугольник, переходящий в полусферический свод. Ниши тромпов оформлены стрельчатыми арками. Вход находился в южной стене и был оформлен аркой стрельчатого очертания. Внутренняя поверхность склепа была покрыта глиняной обмазкой, но без известковой штукатурки. На полу обнаружен костяк мужчины, а под сводом входа – скелет собаки.

На Каменном бугре, в 5 км к востоку от с. Селитренного сотрудниками Астраханского музея-заповедника в 1952 г. был исследован подземный склеп (Филипченко, 1952). Он был обнаружен благодаря обвалу центральной части купола, который не выдержал тяжести упряжки волов, случайно проходивших над ним. В отчете приведены краткое описание и схематический чертеж сооружения (рис. 218). Склеп представлял собой купольное сооружение, сложенное из кирпичей размерами 25х25х5 см. Судя по чертежу, кладка сохранилась на высоту 35 слоев кирпича. Провалившаяся часть купола имела диаметр 1 м. Нижняя часть склепа образована четырьмя арочными кладками, ориентированными по сторонам света. Длина их основания 195 см, высота – 65 см. Арки соединены друг с другом парусами, верхний край которых является основанием для купола. Над южной арочной кладкой в куполе располагается вход высотой 75 см и шириной 65 см. Начиная с высоты 48 см, входной проем закруглялся, образуя полукруглую арку. Вход, ведущий к дневной поверхности, имел форму туннеля. В верхней части его длина составляла 85 см, в нижней 55 см. Верхняя часть входа на расстоянии 30 см от внутренней арки была перекрыта елочной кладкой. Внутри склепа были обнаружены остатки двух скелетов, перемешанных с досками гроба и кирпичами. Костяки лежали вытянуто на

спине, головой на ЮЗ. Таким образом, судя по описанию, склеп на Каменном бугре имеет такую же конструкцию, как и некоторые склепы Селитренного городища. Отличает его конструкция входного проема, который был сделан не в стенке, а непосредственно в купольной части. Возможно, это свидетельствует о том, что склеп находился под землей полностью, или же над поверхностью возвышался самый верх купола.

Еще три склепа сходной конструкции были исследованы В.В. Плаховым на Ахтубинском городище, расположенном ниже по течению Ахтубы у пос. Комсомольский (Плахов, 1991). Склеп № 1 (нумерация моя) находился в яме-котловане подпрямоугольной формы с закругленными углами (рис. 219, 220). Размеры ее 3,25 х 3,0 м, глубина – 1.3 м. В яму было поставлено купольное кирпичное сооружение, внутренние размеры которого 2,35 х 2,37 м. Кладка стен в один ряд на известковом растворе. В высоту сохранилось до 20 слоев кладки, свод обрушился вовнутрь камеры. Переход к своду начинался с третьего слоя кладки и осуществлялся при помощи ступенчато-консольных парусов (рис. 219.3, 220.2), образованных слоями выступающих кирпичей. Внутри поверхность стен была покрыта слоем известкового раствора. По центру восточной стены находился вход, соединявшийся с поверхностью при помощи ступенчатого дромоса длиной 2,2 м и шириной 0,75 м. В склепе находились два захоронения в деревянных гробах.

Два других склепа сохранились гораздо хуже. Склеп № 2 находился в яме размерами 2,8 х 2,9 м и глубиной 50 см (рис. 221.1-2). Вдоль стен ее сохранились остатки кладки (от 1 до 4–х слоев) из кирпичей вторичного использования. В углах прослеживался переход к куполу в виде напуска кирпичей, начиная со второго слоя кладки. В восточной стене находился входной проем шириной 75 см. На полу обнаружены два погребения в деревянных гробах.

Склеп № 3 находился в яме размерами 3,75 х 3,45 см и глубиной 60 см (рис. 221.3-4). Кладка стен сохранилась фрагментарно на высоту 1 слоя. Пол и стены сооружения изнутри были покрыты глиняной обмазкой. С восточной стороны находился дромос шириной 85 см и длиной 1,15 м. Внутри расчищены четыре погребения в гробах.

Еще один склеп был обнаружен при разведках на Соляном бугре недалеко от Красноярского городища (Скисов, 2011. С. 266).

Западный Казахстан.

В большом количестве купольные склепы-мавзолеи (рис. 222) исследованы при раскопках городища Сарайчик в Западном Казахстане (Бисембаев, 2010. С. 202-215). По некоторым данным на небольшой площади находилось около 130 подобных сооружений (Скисов, 2011. С. 269). К сожалению, материалы этих исследований полностью не введены в научный оборот. В настоящее время имеется публикация двух объектов (Самашев, Кожа, 2007).

Склеп 1 представлял собой прямоугольную конструкцию, ориентированную по линии СЗ-ЮВ (рис. 223-224). Кирпичные стены его были опущены в прямоугольную яму несколько больших размеров, чем сама конструкция. Внутренние размеры помещения склепа составляли 3,1 х 3,17 м. Склеп сложен из целых обожженных кирпичей размерами 21-22 х 21-22 х 5 см на глиняном растворе. По центру стен были сделаны стрельчатые ниши высотой в 107 см и шириной в нижней части 150 см. В углах сооружения стены вертикальны до 6 слоя кладки, а выше начинался переход на парус. На высоте 17 слоя кладки находился свод, сохранившийся на высоту 150 см. По всему периметру на уровне 5-6 слоя кладки находился декоративный фриз в виде ребристой кладки в 2 слоя кирпичей, уложенных углом во внутрь помещения и выступающих на 5 см от плоскости стен. Вход в помещение был сделан в северо-западной стене. Он имел ширину и высоту в 95 см. Верхняя часть его была перекрыта приостренной стрельчатой аркой. На полу лежал потревоженный костяк мужчины в деревянном гробу и кости женщины.

Вплотную к юго-западной стенке склепа 1 несколько позднее был пристроен склеп 2 (рис. 223). Он также сложен из целого и крупных фрагментов обожженного кирпича (22-23 х 22-23 х 5 см) на глиняном растворе. Кладка довольно небрежная, поэтому склеп 2 сохранился хуже, чем склеп 1. Северо-восточный угол имел высоту 19 слоев кладки, южная и западная стены

сохранились на высоту всего четырех слоев. Внутренние размеры прямоугольной камеры 3,19 х 3,08 м. Переход от прямоугольного основания к своду осуществлялся посредством арочных тромпов. К моменту вскрытия полностью прослеживалась лишь северо-восточная арка, остальные сохранились фрагментарно. Арочный вход шириной 77 см и высотой 60 см находился в середине северо-западной стены. С внешней стороны он имел заклад в 6 слоев кирпича. На полу склепа были найдены 9 погребенных, положенных вытянуто на спине, головой на северо-запад.

Авторы исследований относят эти склепы к ногайско-казахскому периоду, то есть к XV-XVI вв. При этом они считают, что над склепом 1 был возведен мавзолей (Самашев, Кожа. С. 243-245). Вероятно, такое предположение имеет под собой основания, однако архитектурные особенности склепа 1, многочисленные аналогии, а также расположение рядом с ним еще серии подобных построек позволяют рассматривать их как самостоятельные погребальные постройки.

Северный Кавказ.

На Северном Кавказе на городище Верхний Джулат исследовано несколько склепов сходной конструкции.

Один из склепов находился на христианском кладбище недалеко от церкви № 4. Он состоял из погребальной камеры и дромоса (рис. 225, 226). Камера квадратная в плане размерами 2,0 х 2,0 м и высотой 1,4 м. Стены ее сложены из кирпича и оштукатурены. При помощи арочных тромпов квадрат переходил в круг и перекрывался полусферическим куполом. Входной проем высотой 0,93 м имел оформление в виде стрельчатой арки (Кузнецов, 2003. С. 145-146).

Еще два склепа находились внутри христианских храмов под алтарями. В церкви № 1, раскопанной О.В. Милорадович в 1959 г., в апсиде, под алтарем находился купольный склеп (Крупнов, 1963. С. 54-56, рис. 8-9; Кузнецов, 2003. С. 133-134). Склеп был сложен из обожженного кирпича на известковом растворе. Он имел квадратное в плане помещение размерами 2,45 х 2,45 и высотой 1,5 м (рис. 100). При помощи угловых парусов основание переходило к полусферическому куполу. В зените купола при раскопках было расчищено отверстие, которое Е.И. Крупнов счел входом, который представлял собой люк в алтаре. Помещение имело внешний выход наружу в виде кирпичного коридорчика длиной 1,6 м и шириной 0,65 м. Внутри помещения находились перемешанные кости.

В церкви № 2 в алтарной части также находился склеп (рис. 101), вписанный в полукружие апсиды (Кузнецов, 2003. С. 138-139). Он был сложен из кирпича на толстом слое прочного известкового раствора. Прямоугольная в плане камера имела размеры 1,93 х 1,85 м. На высоте 55 см начинается переход от квадрата к кругу свода посредством угловых парусов и постепенного наклона кирпичей с утолщением слоя раствора. Свод завершался круглым отверстием диаметром 75 см. С восточной стороны склеп имел выход наружу, оформленный стрельчатой аркой. Ширина его 63 см. На поверхность вел трехступенчатый коридор шириной 75 см. На полу склепа расчищены остатки не менее шести перемешанных скелетов.

Таким образом, по своей структуре склепы внутри христианских церквей и на христианском кладбище в Верхнем Джулате практически идентичны мусульманским склепам-мавзолеям Нижнего Поволжья и Западного Казахстана. Склеп в церкви № 1 был назван Е.И. Крупновым криптой – подалтарной усыпальницей (Крупнов, 1963. С. 54). Однако В.А. Кузнецов отмечает, что крипты подобной конструкции в христианских церквях не известны и в европейской католической архитектуре крипты располагаются не только под алтарем, но и под всем зданием. Исследователь видит в архитектурных формах этих сооружений восточные корни (Кузнецов, 2003. С. 133). Сходство мусульманских и христианских погребальных сооружений является, по мнению В.А. Кузнецова, свидетельством синкретизма золотоордынской культуры и интеграции различных этнокультурных элементов в пределах золотоордынского общества (Кузнецов, 2003. С. 146).

На городище Нижний Джулат в пределах мечети в 1963 г. был раскопан склеп довольно сложной конструкции (Йоне, 1963; Чеченов, Зиливинская, 2004). В полу мечети была выявлена

грунтовая яма подпрямоугольной формы. Она была вытянута по меридиональной оси и имела длину более 2 м и ширину около 2 м. От восточного борта ямы вниз шли земляные ступени. На глубине около 1,5 м ступени упирались в проем высотой 108 см и шириной 71 см, который был прикрыт массивной приставной деревянной дверью высотой 1,15 м и шириной 95 см. Дверь вела в подземный склеп.

Помещение склепа было квадратным в плане размерами примерно 2 х 2 м (длина стен от 2,06 до 2,25 м). Высота помещения – 1,95-1,98 м (рис. 227-230). Стены помещения на высоте 35 см от пола начинают сужаться кверху и образуют арки приземисто-стрельчатого очертания. Две последовательно сокращающиеся арки открываются в ниши, расположенные по всем четырем сторонам помещения. Северная, западная и восточная ниши прямоугольные в плане и имеют глубину 28-35,5 см. Пол их находится на 35 см выше уровня пола основного помещения. Высота от уровня пола до вершины стрельчатого свода – 1,12-1,35 м.

Южная ниша имела в плане форму параллелограмма. Ее восточная и западная стены имеют отклонение 20 градусов к востоку от оси север-юг. Длина западной стены 1,15 м; южной – 1,75 м; восточной – 1,17 м. Пол южной ниши находился на уровне пола основного помещения, но отделен от него порогом высотой 35 см и шириной 60 см. Большие размеры южной ниши и наличие в ней погребений позволили Г.И. Йоне, а вслед за ним и другим исследователям, рассматривать ее как отдельное помещение и считать склеп двухкамерным (Йоне, 1963. С. 30; Чеченов, 1969. С.46).

В восточной стене восточной ниши находился входной проем. В соответствующих стенах западной, северной и южной ниш были сделаны небольшие нишки или ложные оконца, которые были заглублены в плоскость стены на 22-25 см. Они были образованы тремя перспективно сокращающимися арочками. Первые, внешние ниши имели прямоугольную форму, а внутренние, вторые и третьи были образованы арками стрельчатого и сглажено фестончатого очертания.

На высоте 1,2 м от пола были расположены щитовые паруса, поддерживающие восьмигранный, так называемый вальмовый свод. Длина сторон его восточного сектора 62 см и 56 см; северного – 58 см и 63 см; западного – 53 см и 58 см; южного 61см и 53 см. Вершина свода не совпадает с центром пересечения осей, а сдвинута к северной стене на 20-25 см. Длина основных осей восьмиугольника свода по линии С-Ю – 1,4 м; по линии З-В – 1,52м.

Стены и свод склепа были сложены из кирпича, оштукатурены глиняным раствором и покрыты слоем известковой обмазки. Во многих местах, особенно в нижней части стен, штукатурка отстала и осыпалась.

Пол склепа был земляным, ровным. Внутри склепа на полу лежало в ряд шесть скелетов (на рисунке изображено пять). Погребенные лежали вытянуто на спине, головами на запад, черепа обращены лицом на юг, руки вытянуты по бокам. Судя по рисунку, один погребенный находился в южной нише на полу, другой был положен на порог ниши, остальные находились в центральной части склепа. Погребение 6, расположенное у северной стены, отличалось от остальных наличием деревянной колоды, которая опиралась на железные подставки.

Еще один склеп был обнаружен у южной границы городища Нижний Джулат (Батчаев, 1985). Склеп квадратный в плане, размерами 2,1 х 2,1 м. Высота его 1, 55 м (рис. 232). Стены его сложены из кирпича на глиняном растворе и обмазаны внутри слоем глины. Северная и южная стены его соединяются в верхней части и образуют цилиндрический свод. К восточному торцу примыкает сводчатый коридор высотой 70 см, шириной 75 см и длиной 2 м. Снаружи он заложен кирпичом. Дальше на 3,4 м продолжается земляной дромос.

Сверху склеп был перекрыт вымосткой из квадратного кирпича в три слоя (рис. 231). По периметру вымостки прослеживались остатки стен. Следовательно, здесь находился большой мавзолей с подземной погребальной камерой и данный склеп не является самостоятельным погребальным сооружением.

Датировка склепов-мавзолеев и проблема их генезиса.

Купольные склепы-мавзолеи представляют собой довольно интересные архитектурные сооружения. Подобные склепы в качестве подземных или полуподземных погребальных камер под мавзолеями хорошо известны в различных частях мусульманского Востока. Распространение их столь широко, что не имеет смысла приводить аналогии. Но в качестве самостоятельных погребальных построек они известны пока только в Западном Казахстане и на Нижней Волге.

По поводу появления склепов-мавзолеев на Нижней Волге и их датировки у исследователей нет единого мнения. Все они сходятся только в том, что эти сооружения относятся к самому позднему строительному горизонту, то есть к тому времени, когда город прекратил свое существование и на его месте возникли некрополи. Е.М. Пигарев, анализируя обряд захоронения собак рядом с людьми в купольных склепах, считает, что данный ритуал появился в XV в. с приходом на Нижнюю Волгу кочевников-ногайцев с территории степного Предкавказья. В качестве основного аргумента этой гипотезы служит тот факт, что большое количество таких склепов XV в. обнаружено на городище Сарайчик, которое считается столичным городом ногайцев. Датирует Е.М. Пигарев склепы – «курхана»* 30 гг. XV в. (Пигарёв, 2008. С. 503-505). Наиболее полный и подробный разбор всех аспектов, связанных с подобными склепами на Нижней Волге, содержится в работе С.Ю. Скисова (Скисов, 2011. С. 266-270). В ней рассматриваются расположение склепов, их конструктивные особенности, стратиграфическое положение, погребальный обряд, возможная культурная принадлежность и данные о датировке. В результате автор приходит к выводу, что обряд захоронения в склепах появляется на Нижней Волге во второй половине XV в. в связи с переселением части населения Мангытского Юрта из окрестностей Сарайчика, где такие погребальные сооружения существовали и до этого. Сам обряд семейного захоронения автор выводит из Средней Азии (Скисов, 2011. С. 270).

Несмотря на достаточную аргументированность выводов С.Ю. Скисова, с ними нельзя согласиться полностью. В.Г. Рудаков считает, что купольные полуподземные склепы появились в Поволжье, возможно, ещё в конце XIV в. и в любом случае существовали уже в начале XV в. (Рудаков, Мазур, 2011. С.148). Не совсем понятно, почему нижневолжские склепы С.Ю. Скисов считает центрическими портально-купольными мавзолеями, заглубленными под землю (Скисов, 2011. С. 268). Скорее уж тут следовало проводить аналогии не с наземной, а с подземной частью этих мавзолеев. Нижневолжские и западноказахстанские погребальные постройки можно определить не как мавзолеи, опущенные под землю, а склепы, лишенные наземной постройки.

С.Ю. Скисов отмечает, что обряд захоронения в склепах-мавзолеях не имеет на Нижней Волге преемственности и появляется в «готовом виде». Он связывает его с пришлым населением Мангытского Юрта с нижнего течения р. Урал. При этом исследователь считает, что это население хорошо владело строительными навыками и являлось оседлым или полуоседлым (Скисов, 2011. С. 268). Здесь присутствует явное противоречие. Мангыты, а впоследствии ногайцы, вели преимущественно кочевой образ жизни и никогда не были искусными строителями. Ареал расселения мангытов в XIV-XV вв. достаточно велик, по крайней мере, в него входит весь Западный Казахстан от Урала до Эмбы (Трепавлов, 2002. С. 54-55), однако склепы-мавзолеи этого времени встречаются только в Сарайчике и на Нижней Волге (в окрестностях Сарая). Объяснить этот факт вполне возможно: именно здесь, в крупных

---

* Термин «курхана» устойчиво закрепился в качестве названия поволжских склепов-мавзолеев. Никто из исследователей не объясняет его происхождение. Вероятно, это ногайский вариант слова «гур-хана». С.Ю.Скисов пишет, что этот термин он использует, чтобы не было путаницы с термином «гур-хана», который обозначает подземную погребальную камеру среднеазиатских мавзолеев (Скисов, 2011. С. 266). Здесь автор не совсем прав, так как «гур-ханой» называется любая усыпальница, а не только подземная. Мне представляется, что наиболее отражающим суть данных построек является понятие «склеп-мавзолей», которое широко применяется для определения подземных погребальных конструкций сложной планировки, не имеющих наземной части.

городах, но уже пришедших в запустение, было много строительного материала и оставалось население, сохранившее навыки строительства монументальных зданий. Все известные нам подземные склепы возведены из кирпичей вторичного использования, но при строительстве применяются относительно сложные приемы, такие как использование парусов и тромпов. В то же время единообразные по своей архитектуре погребальные сооружения отличаются в деталях. В частности, переход к куполу может быть осуществлен при помощи ложного свода, простых или консольных парусов, арочных тромпов с полуциркульным или стрельчатым завершением. Вероятнее всего, мангыты или ногаи были только заказчиками строительства купольных погребальных сооружений. Непосредственными исполнителями были местные мастера, возводившие их несколько по-разному, в зависимости от размеров постройки и собственного умения.

Также необходимо объяснить присутствие склепов подобной конструкции на Северном Кавказе. Здесь они появляются гораздо раньше. Е.И. Крупнов датировал церковь № 1 Верхнего Джулата с подземной «криптой» концом XII – началом XIII вв. (Крупнов, 1963. С. 65). Однако, несомненно, более верна датировка В.А. Кузнецова, который относит все кирпичные постройки Верхнего Джулата к XIV в., а именно к его первой четверти (Кузнецов, 2003. С. 135). Весьма интересно и то, что здесь склепы, идентичные нижневолжским и западноказахстанским, известны пока только в христианских памятниках, но они также имеют восточное происхождение.

Суммируя все факты, можно высказать гипотезу о генезисе погребальных сооружений данного типа. По мнению В.А. Кузнецова, церкви Верхнего Джулата должны были обслуживать местное алано-асское население, принявшее христианство в начале X в. и продолжавшее исповедовать его в золотоордынский период (Кузнецов, 2003. С. 149). Церкви, в которых находились склепы, были мемориальными постройками над погребениями аланской духовной и светской элиты (Кузнецов, 2003. С. 157). Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов обратили внимание на то, что по своим размерам и устройству верхнеджулатские склепы напоминают аланские катакомбы и более поздние горские склепы (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 267). Размеры их невелики, высота не превышает 1,5 м, то есть внутри них можно находиться только согнувшись. Во внутреннее помещение ведет лаз, который соединен с узким и низким коридором, передвигаться по которому можно только ползком. То есть этот коридор подобен дромосу. Но сложены склепы из обожженного кирпича в восточных строительных традициях: они перекрыты настоящими куполами, переход к которым осуществляется при помощи арочных тромпов или парусов. Конструктивно христианские склепы Верхнего Джулата близки погребальным камерам под мусульманскими мавзолеями. Таким образом, можно предположить, что они были созданы по заказу аланских ктиторов руками азербайджанских или среднеазиатских мастеров, строивших склепы по образу и подобию аланских катакомб.

Мангыты, входившие в вилайет Мамая, после его разгрома переселились на Кубань и в долину Терека. Существуют различные письменные свидетельства, легенды и предания, которые повествуют о пребывании «крымцев» в долине Терека в конце XIV-начале XV вв. В частности, ряд исследователей связывает второе название Верхнего Джулата – Татартуп – именно с этими группами татар (Трепавлов, 2002. С. 58-62). Также ряд исследователей считает, что известный на Кавказе Брагунский мавзолей или Бокрга-Хаш был построен ногайцами – выходцами из Крыма (Семенов, 1956. С. 204; Виноградов, 1966. С. 146–147; 1980. С. 34-36). Таким образом, погребальные постройки в виде подземных склепов могли быть принесены и внедрены в ногайскую среду асами, вошедшими в состав ногайского объединения. В дальнейшем они трансформировались в мусульманские мавзолеи и распространились в Западный Казахстан и Нижнее Поволжье.

Косвенным подтверждением последнего предположения может служить антропологическое исследование черепов из склепа Нижнего Джулата. В этом склепе, построенном позже, но также, вероятно, среднеазиатскими строителями (см. ниже), были найдены европеоидные (аланские) черепа и черепа южносибирского типа, принадлежащие

ногайцам или их предкам (Алексеев, 1967. С. 177-182), а вокруг этого места вплоть до XVIII в. существовал обширный некрополь с ногайскими погребениями (Klaproth J., 1812-1814, B.I, S.430, 539, B.II, S.359).

Конечно, пока предложенная гипотеза о генезисе склепов-мавзолеев этого типа не может быть достоверно доказана. Можно согласиться с В.Г. Рудаковым, который считает, что вопрос истоков данной строительной традиции еще далеко не решен и требует дополнительных материалов (Рудаков, Мазур, 2011. С. 148).

Проблема датировки существует и для склепа Нижнего Джулата, который относится к другой строительной традиции. Г.И. Йоне предполагал, что мечеть существовала со второй половины XIII в. по конец XIV в., а склеп относился к ней (Йоне, 1963. С. 37). И.М. Чеченов считает временем возникновения мечети начало XIV в. (Чеченов И.М., 1969. С. 46). Эта дата представляется более верной, если вспомнить, что государственной религией ислам стал только при Узбеке. Что касается склепа, то он не может быть одновременен мечети, так как в мечетях обычно не совершали погребений. Тем не менее, существует такое понятие, как мавзолей-мечеть. Обычно это небольшие купольные здания, в которых имеются одновременно михраб и захоронение и сочетающие в себе функции гур-ханы (погребальной камеры) и зиарат-ханы (молитвенного зала), или же мавзолеи-конгломераты, в состав помещений которых входит и поминальная мечеть (Маньковская, 1983. С. 35-36,40-41). С.Г. Хмельницкий вообще считает, что понятие мавзолей-мечеть неправомерно, так как Коран запрещает совершение религиозных церемоний в помещении, где находится могила человека. По мнению исследователя, мавзолей не может служить мечетью (если только в нем нет отдельного помещения для поминания), а заброшенная, переставшая функционировать мечеть может использоваться как место погребения (Хмельницкий, 1992. С. 120). В любом случае, в Нижнем Джулате мы имеем не «мавзолей-мечеть», а большую пятничную мечеть базиличной планировки. В такой мечети не могли совершаться погребения ни при каких условиях.

Склеп, найденный в мечети, может быть или более ранним, или более поздним. Наиболее вероятным представляется второе предположение. До прихода монголов мусульманство на Северном Кавказе было распространено только в Дагестане. Аланы же исповедовали христианство или оставались язычниками, поэтому в домонгольский период погребения по мусульманскому обряду на этой территории не совершались. Если предположить, что склеп был построен во второй половине XIII в., то ко времени строительства мечети (начало XIV в.) он должен был быть не только заброшен, но и место погребения должно было стереться из памяти населения, а это маловероятно, так как мусульманские святыни обычно сохраняются и оберегаются веками. Такая же ситуация наблюдалась и на самом Нижнем Джулате. Академик Ю. Клапрот, посетивший Нижний Джулат в начале XIX в., видел остатки мечети с минаретом и многочисленные погребения более позднего времени вокруг них (Klaproth, 1812-1814. S. 359-362).

В пользу ранней датировки склепа может свидетельствовать тот факт, что вход в склеп находился под погребением. Но Нижний Джулат прекратил свое существование в результате разгрома Золотой Орды Тимуром в 1395 году. Первые захоронения на месте разрушенной мечети могли возникнуть уже в начале XV в., а самые поздние погребения, которые видел Клапрот, относятся к 1717 и 1721 гг. (Klaproth, 1812-1814. S. 362). То есть кладбище на этом месте могло существовать около 300 лет, и могилы вполне могли перекрывать друг друга. По сведениям Клапрота, могилы, виденные им, принадлежали ногайцам, что вполне подтверждается данными антропологии (Алексеев, 1967. С. 177-182).

Особо следует рассмотреть архитектуру склепа в Нижнем Джулате. В отчете Г.И. Йоне этот склеп определен как уникальный, единственный в своем роде, не имеющий аналогий, по крайней мере, на Северном Кавказе (Йоне, 1963. С. 37). Уникальность склепа, в частности, определялась наличием в нем двух погребальных камер. Однако если внимательно посмотреть на план сооружения, то видно, что он представляет собой квадратное в плане помещение, в каждой стене которого сделана большая ниша. Это так называемая крестовидная планировка,

широко распространенная в средневековье как в мавзолеях, так и в склепах. Отличительной чертой склепа в Нижнем Джулате является разрастание южной ниши и неправильная ее форма.

Склеп крестового плана (рис. 123, 124) был исследован А.Е. Алиховой при раскопках большого многокамерного мавзолея в Мохше (Алихова, 1960. С. 3-7; Алихова, 1973. С. 230-233). Крестообразную форму имел склеп мавзолея XIV в. у поселка Комсомольский (рис. 135, 136) в Красноярском районе Астраханской области (Плахов, 1987).

Известны склепы крестообразной планировки и в других мусульманских странах. Так, например, они встречаются в средневековых могильниках Туркмении, причем склепы крестового плана всегда находятся под мазарами и курганами (Поляков, 1973. С. 63). Склепы сложены из обожженного кирпича (25 х 25 х 4-5 см) или мягкого камня и перекрыты куполами (рис. 233). Правда, эти склепы несколько отличаются по планировке и пропорциям. Они имеют сильно разросшиеся лучи креста, в каждом из которых расположено несколько погребений. С.П. Поляков датирует крестообразные склепы широко – XII-XIV вв. (Поляков, 1973. С. 105).

В башенных мавзолеях Азербайджана всегда присутствуют подземные склепы различной планировки. В XIV в. подавляющее большинство склепов принимает крестообразную форму. Склепы крестового плана известны в мавзолеях в с. Карабаглар, в с. Барда (1322 г.) (рис. 159.5), в Хиове, в селении Ашеги-Вейсели (Мир Али), в Мараге (1319-1335), в селении Хачин-Дорбатлы (Уссейнов и др., 1963. С. 127-162; Бретаницкий, 1966. С. 167-199). Склепы сложены из камня или обожженного кирпича и перекрыты крестовыми сводами, крепящимися на парусах.

Наиболее близки к склепу в Нижнем Джулате крестовидные склепы знаменитого некрополя Шах-и Зинда в Самарканде. Всего там найдено четыре таких склепа. В мавзолее Ширинбек-ака (1385-1386 гг.) склеп крестовидного плана перекрыт вальмовым куполом и зеркальными сводами в нишах (Немцева, Шваб, 1979. С. 73-74). Размеры его 5,3 х 6,1 м, вход расположен с северной стороны (рис. 234.2). Н.Б. Немцева и Ю.З. Шваб отмечают, что это наиболее ранняя в Средней Азии постройка с таким перекрытием (Немцева, Шваб, 1979. С. 74). Крестовидный склеп мавзолея Эмира Бурундука (90-е г. XIV в.) отличается большими размерами (8,9 х 7,8 м) и несколько иными пропорциями (рис. 234.3). Ниши в нем увеличены настолько, что площадь их примерно равно площади центрального квадрата помещения (Немцева, Шваб, 1979. С. 123). Еще один склеп, практически повторяющий планировку склепа в мавзолее Ширинбек-ака, – склеп в двухкупольном мавзолее (рис. 234.1). Общие размеры его 4,6 х 4,7 м, ширина ниш – 2,48-2,35 м, глубина – 94-107 см, высота – 2,8 м. Входной лаз расположен с западной стороны. Ниши по осям склепа перекрыты стрельчатыми арками, центральная часть – вальмовым куполом. По углам центрального квадрата расположены переходные к куполу щитовидные паруса, верхний угол которых подчеркнут ганчевыми тягами (Немцева, Шваб, 1979. С. 83). Самым большим в этой группе является склеп мавзолея «Безымянный 2» (рис. 235.1). Камера его представлена крупным крестовидным в плане помещением с общими размерами 8,1 х 7,6 м. Северная ниша полувосьмигранна в плане и крупнее трех других, прямоугольных (Немцева, Шваб, 1979. С. 79).

Известны склепы крестового плана и в других мавзолеях Средней Азии (рис. 235. 2,3,4), таких как Биби-ханым и Гур-Эмир в Самарканде, мавзолеях Шахрисябса (Пугаченкова, 1976. С. 81). В конце XIV- XV вв. они получают распространение и на территории Ирана и Афганистана в таких памятниках, как мавзолей Гаухаршад в Кухсоне, мечеть Абу-Наср-Парса в Балхе и др. (Немцева, Шваб, 1979. С. 79).

Таким образом, склеп Нижнего Джулата может занять свое место в ряду склепов крестовидной планировки. Наиболее близок он по архитектурным формам склепу двухкупольного мавзолея в Самарканде. В обеих постройках центральная часть перекрыта восьмигранным вальмовым куполом, опирающимся на щитовидные паруса, причем размеры центральных квадратов помещений почти идентичны. Некоторое различие наблюдается в пропорциях: в самаркандском мавзолее стрельчатые арки имеют более вытянутое очертание, потолок выше, и все четыре ниши имеют близкую по размерам глубину (94-117 см). Склеп Нижнего Джулата более приземист, южная ниша его имеет такую же глубину (117 см),

остальные же лишь слегка (28-35,5 см) выдаются за пределы основного четверика. Что касается оформления интерьера, то в Нижнем Джулате он даже более затейлив: проходы в большие ниши оформлены не одной, а двумя последовательно убывающими нишами, а плоскости стен – перспективно сокращающимися ложными оконцами сложного абриса. Наличие одной ниши большего объема присутствует в склепе другого мавзолея некрополя Шах- и Зинда – «Безымянный 2». Но там ниша больших размеров находится с северной стороны, напротив входа, и имеет полувосьмигранное очертание в плане.

Вход в склеп Нижнего Джулата находится с восточной стороны. Таково же расположение входных коридоров в золотоордынских склепах в Мохши и у пос. Комсомольский, а также в склепе двухкупольного мавзолея. Однако в других склепах входные проемы располагались с северной, западной и южной сторон. Следовательно, место расположения входа значения не имеет и зависит часто от взаиморасположения мавзолея или склепа с другими постройками.

Анализ архитектурных особенностей склепа в Нижнем Джулате и сравнение его с другими склепами подобной планировки не позволяет говорить о его уникальности. Тем не менее, можно отметить некоторое своеобразие. Оно заключается в наличии поднятых над уровнем пола ступеней в нишах (порога в южной нише), трапециевидной форме южной ниши и наличию сложных ниш в стенах. Отсюда же можно сделать выводы о его датировке. Большинство исследователей относят распространение склепов крестового плана к XIV-XV вв. Использование в строительстве щитовидных парусов и вальмовых сводов Г.А. Пугаченкова уверенно относит к концу XIV-XV вв. (Пугаченкова, 1976. С. 19). Учитывая, что мечеть Нижнего Джулата, скорее всего, была разрушена в 1395 г., склеп на месте ее развалин мог быть сооружен не ранее рубежа XIV и XV вв. или же в XV в.

Так как склепы крестового плана почти всегда связаны с наземными мавзолеями, ранее было высказано предположение, что и в Верхнем Джулате над склепом мог располагаться мавзолей (Чеченов, Зиливинская, 2004. С. 148). Однако в Таджикистане в местности Сари Тал был обнаружен подземный склеп-мавзолей XI-XII вв. почти таких же размеров и сходной планировки (Хмельницкий, 1996. С. 240-241). Склеп-мавзолей, ориентированный по сторонам света, представляет собой квадрат (стороны 2,1-2,2 м) с четырьмя осевыми нишами (рис. 236). Ширина их, как и в Нижнем Джулате, лишь немного меньше сторон квадрата. Лицевые стороны ниш перекрыты стрельчатыми арками. Южная ниша открыта в длинный (3,5 м) сводчатый коридор, ведущий в тамбурное помещение без крыши. Внутренние части остальных ниш перекрыты своеобразными конхами. Центральную часть венчает свод «балхи», опирающийся на конструктивные стрельчатые арки. По мнению С.Г. Хмельницкого, склеп-мавзолей в Сари Тале является не единственным, а единственно исследованным памятником подобного рода, так как многочисленные подземные и полуподземные усыпальницы Южного Таджикистана еще не изучены (Хмельницкий, 1996. С. 242-243). Следовательно, склеп Нижнего Джулата вполне может быть самостоятельным погребальным сооружением. Присутствие его на памятнике может считаться еще одним примером влияния архитектуры Средней Азии на монументальное зодчество Северного Кавказа золотоордынского периода.

Несмотря на более сложную архитектурную форму, склеп-мавзолей Нижнего Джулата связывает с памятниками Нижнего Поволжья сходство погребального обряда. В нем, как и в других подобных сооружениях, погребения находились непосредственно на полу, без могильных ям. Один костяк лежал в деревянной колоде, которая опиралась на железные подставки. Захоронения в склепах в основном соответствует мусульманскому погребальному обряду, но с отклонениями от канона, в частности нарушением киблы. В полуподземных склепах наблюдается реминисценции языческих обрядов: там часто встречаются вещи, заупокойная пища, древесные угли, кости собаки, следы разрушения костяка человека. Это обстоятельство позволяет говорить о значительных пережитках доисламских погребальных традиций и о том, что данные усыпальницы, скорее всего, принадлежат слабо мусульманизированным кочевникам (Васильев, 2009. С. 72). В целом следует отметить, что в изучении золотоордынских склепов-мавзолеев имеется много проблем, решение которых – дело будущего.

Глава 7. Подкурганные сырцовые оградки

Возникновение и распространение по регионам Золотой Орды

Довольно многочисленную группу погребальных сооружений золотордынского времени составляют так называемые подкурганные сырцовые оградки. Погребения с оградками широко известны в Поволжье, Заволжье, на Южном Урале и Западном Казахстане. Встречаются они обычно в могильниках, расположенных вблизи от крупных золотоордынских городов, но могут быть и далеко в степи в составе курганных групп с типично кочевническими погребениями XIII-XIV вв. Чаще всего погребения с оградками находили при раскопках курганов, поэтому связывают их именно с курганным погребальным обрядом.

Впервые в качестве отдельного типа погребальных сооружений (насыпь типа VII) они были выделены Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1966. С. 131). Работа «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», изданная в 1966 г. на самой заре массированного изучения золотоордынских древностей, на долгие годы стала классической. В то время погребения с оградками были представлены единичными экземплярами, и только в Поволжье. Г.А. Федоров-Давыдов отмечает по одному такому погребению в курганных группах Скатовка 19, Подстепное 2, Калиновка 2, Калиновка 30, Старица 1, Максютово 4 (Федоров-Давыдов, 1966. С. 131). В настоящее время погребальные комплексы с сырцовыми оградками насчитываются десятками, если не сотнями, и ареал их распространения значительно расширился. Прежде всего, это район Нижнего Поволжья, в частности могильники вокруг Царевского городища, такие как некрополь Царев, Зубовский, Маляевка, Бахтияровка, Ленинск I (Яворская, 1999. С. 250-251; Мыськов, 1992), Абганерово (Дьяченко, Блохин, Шинкарь, 1995). В Астраханской области раскопан могильник 301 км, в котором оградки представлены большим разнообразием типов (рис. 237-239) (Шнадштейн, 1983; 1984; 1985; 1990). Известны такие памятники в Заволжье и Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 62; Кригер, 1986. С. 121).

В последние годы большой массив погребений с сырцовыми оградками был исследован в Западном Казахстане в могильниках Караултобе I (рис. 240), Мокринский I (рис. 241), Жалпактал (Кригер, Марыксин, 2008; Марыксин, 2009а; 2009б; 2010; 2012). В степном Предкавказье также выделяются погребальные сооружения из сырца, близкие по планировке оградкам Нижнего Поволжья. Наиболее полный обзор их приводится в работах Е.И. Нарожного, Н.А. Охонько и В.А. Бабенко (Нарожный, Охонько, 2007.С. 31; В.А. Бабенко, 2012. С. 193). Судя по описаниям, сырцовые оградки были найдены А. Фирковичем в середине XIX в. на территории Пятигорья, Г.Н. Прозрителевым в начале XX в. у с. Кугульта, П.С. Рыковым в 1929 г. в Яшкульском районе Калмыкии и Е.И. Крупновым в 1948 г. в Нижне-Акташском курганном могильнике в Кабардино-Балкарии. Примечательно, что сами исследователи называли эти сооружения «сырцовыми склепами» и «кирпичными постройками» (В.А. Бабенко, 2012. С. 193). Оградками они стали в интерпретации Е.И. Нарожного и Н.А. Охонько (Нарожный, Охонько, 2007.С. 31). При работе с отчетами В.Н. Чхаидзе обнаружил в профиле бровки одного из курганов могильника Балабинский I, раскопанного в Ростовской области в 1976 г., остатки сырцового сооружения. Так как курган копался техникой и никаких регулярных построек там не ожидалось, большая часть сооружения была разрушена (Чхаидзе, 2010).

Сырцовые оградки довольно многочисленны, но подробно описывать их не имеет смысла, так как конструкция их довольно однотипна. Чаще всего это квадратные или круглые в плане сооружения, стенки которых сложены из сырцов различного формата в 2-5 рядов (толщина – 50-80 см). В высоту стенки сохраняются на 2-8 слоев кладки. Бывают оградки и более сложной формы, в виде прямоугольника, разделенного поперечной стеной на два отсека, в виде двух

пристроенных друг к другу квадратов, круглые или квадратные с пристроем прямоугольной формы меньшего размера. Подробно типы планировки будут рассмотрены ниже.

Классификация оградок и их генезис

Большинство исследователей, изучая подкурганные оградки, не анализировали их как архитектурные сооружения, а рассматривали их только с точки зрения погребального обряда. Только А.И. Ракушин попытался создать классификацию оградок (рис. 242), выделив 12 типов (Ракушин, 1993).

Тип А – круглые в плане:

Тип А1 – конструкция представлена оградкой, прерывающейся с юга и перекрытая сходящимися к центру жердями (юртообразная конструкция);

Тип А2 – оградка из с накидкой из сырцовых кирпичей и плит внутри;

Тип А3 – оградка с глиняной обмазкой внутри;

Тип А4 – простая оградка;

Тип А5 – оградка с квадратным в плане пристроем.

Тип Б – квадратные и прямоугольные в плане:

Тип Б1 – выкладка из крупных сырцовых плит над погребением;

Тип Б2 – оградка с закладом из более мелкого кирпича внутри нее;

Тип. Б3 – оградка с глиняной обмазкой внутри;

Тип Б4 – простая оградка;

Тип Б4а – две простых оградки под одной насыпью;

Тип Б5 – оградка с квадратным в плане пристроем;

Тип Б5а – оградка с незамкнутым пристроем.

В свою очередь, среди этих типов автор выделяет три этапа генезиса погребальных сооружений, которые, по его мнению, свидетельствуют о распространении ислама среди кочевнического населения. Классификация А.И. Ракушина, а еще более его генетические разработки были подвергнуты критике Е.П. Мыськовым (Мыськов, 2003. С. 224-225). Этот исследователь считает, что оградки являются погребальными памятниками оседлого населения Золотой Орды, а типы сооружений, относимые А.И. Ракушиным к различным этапам, сосуществовали во времени.

Кроме соображений, высказанных Е.П. Мыськовым, следует также отметить, что классификация А.И. Ракушина, созданная им «по формально-архитектурным признакам», представляется плохо разработанной и чересчур громоздкой, а выделение признаков не всегда обоснованным. Все таксоны в этой классификации названы типами, что не верно. Следуя общей форме плана сооружения, можно было выделить две группы построек – круглые в плане и квадратные (прямоугольные) в плане, а уже внутри них выделять типы. Также, на мой взгляд, неправомерно смешение деревянных «юртообразных» сооружений и собственно сырцовых. Сырцовые сооружения могут иметь различную конструкцию – это плоские «площадки», полностью вымощенные сырцами, и «оградки» – сооружения имеющие стенки, возвышающиеся над уровнем древнего горизонта. Внутри оградок могла быть сделана вымостка из сырца или глины, но уровень стенок все равно должен быть выше. Одним из признаков выделения типов для А.И. Ракушина является материал, которым вымощено пространство внутри оградки. На мой взгляд, этот признак не является определяющим с точки зрения архитектурно-конструктивных особенностей. Точно так же по материалу вымостки пола обычно не выделяется типы жилищ. И, наконец, представляется неверным выделение в отдельный тип двух независимых оградок, найденных в одном кургане. Наличие двух оградок, скорее всего, свидетельствует о разновременности их возведения.

Нами был предложен другой вариант классификации (Дворниченко, Зиливинская, 2006; Зиливинская, 2009в). Так как в курганах встречаются и конструкции из дерева, они также

были включены в эту классификацию. Были выделены группы сооружений, выполненных из различного материала – сырца и дерева. Каменные сооружения, распространенные в золотоордынское время на Южном Урале, не рассматривались, однако в принципе их включение не нарушит предложенную классификацию, а только продолжит ее. Сырцовые сооружения делятся на два отдела – площадки и оградки. Основными признаками, по которым выделяются типы, являются форма сооружения в плане. При наличии пристроек к основному объему сооружения выделяются подтипы.

Деревянные сооружения.

Тип. 1. Сооружения из жердей, сходящихся к центру кургана и образовывавших, вероятно, легкую юртообразную конструкцию. Остатки таких сооружений были найдены в Самарской области (Васильева, 1979. С. 224) и в Саратовском Поволжье (Хреков, 1986).

Тип. 2. Сооружения в виде многогранника из бревен. К этому типу относится сооружение на Кривой Луке (Дворниченко, Зиливинская, 2006; Зиливинская, 2009в), «дубовый сруб… устроенный из брусьев, частью поставленных стоймя, частью положенных» и «деревянный сруб на восемь замков», раскопанные Д.И. Эварницким в Екатеринославской губернии (Эварницкий 1907, С. 127-129), а также шестиугольный сруб, найденный А.А. Спицыным в Киевской губернии (Спицын, 1904. С. 121).

Незначительное количество деревянных сооружений объясняется, вероятно, как отсутствием дерева в степной зоне, так и плохой его сохранностью.

Сырцовые сооружения.

Отдел площадки.

Тип 1 - круглые в плане. В качестве круглой площадки, вымощенной сырцовыми кирпичами или их обломками, вероятно, можно рассматривать «круглую сырцовую крепиду», найденную в курганном могильнике Зауморье в Саратовской области (Якубовский, 1988; Ляхов, Якубовский, 1993).

Тип 2 - квадратные в плане. Квадратная в плане площадка была найдена в могильнике у с. Березовка в Саратовской области (Дремов, 1988). Данное сооружение являлось промежуточной формой между «площадками» и «оградками», так как по периметру площадки был выложен бордюр из сырцов, а середина была заложена дерновыми кирпичами, в результате чего получилась ровная площадка.

Тип 3 - прямоугольные в плане. Прямоугольные площадки встречаются достаточно часто. Они известны в могильнике Зауморье в Саратовской области (Якубовский, 1988; Ляхов, Якубовский, 1993), в могильнике Зубовка в Волгоградской области (Мамонтов, 1992).

Отдел оградки.

Этот отдел представлен наибольшим многообразием типов памятников. Они довольно широко распространены в Поволжье, Заволжье, на Южном Урале. Оградки обычно складывались из сырцовых кирпичей различного формата. Толщина кладки составляла от 2-х до 5 рядов кирпичей. Прослеженная высота кладки оградок в некоторых случаях достигала 6-8 слоев кладки. Пространство внутри оградки могло быть обмазано глиной или выложено сырцовым кирпичом. Внутри оградки часто находят надгробия типа «мастаба» или «сагона», но может быть и простое погребение в яме.

Тип 1 – круглая в плане. Известны в могильниках Зубовка, Бахтияровка, Царев, Маляевка VI в Волгоградской области (Мамонтов, 1992; Кригер, 1983; Мыськов, 1989; 2003), в могильнике 301 км в Астраханской области (Шнадштейн 1990), на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 46), в Западном Казахстане (Кригер, Марыксин, 2008).

Подтип 1А – круглая в плане с квадратным пристроем. Такая оградка была найдена в могильнике 301 км (Шнадштейн, 1983). Погребение находилось внутри круглой оградки, а квадратное сооружение было пустым.

Тип 2 – восьмиугольная (многоугольная) в плане. Первоначально такими оградками считались два сооружения из могильника Кривая Лука (Дворниченко, Зиливинская, 2006; Зиливинская, 2009). Анализ их планировки и совершенной строительной техники привел

к выводу, что они являются пирамидальными мавзолеями. Эти постройки рассмотрены в соответствующей главе.

Тип 3 – квадратная (прямоугольная, близкая к квадрату) в плане. Наиболее часто встречающийся тип известен в могильниках Зубовка, Абганерово, Царев, Маляевка VI в Волгоградской области (Мамонтов, 1992; Дьяченко и др., 1993; Мыськов, 1989; 1990; 2003), в могильнике 301 км в Астраханской области (Шнадштейн, 1990), на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 46).

Подтип 3А - квадратная в плане с квадратным пристроем меньшего объема. Известны на Южном Урале, в Западном Казахстане (Иванов, Кригер, 1988. С. 46; Кригер, Марыксин, 2008).

Подтип 3Б - квадратная в плане с пристроенными выступающими стенками, то есть как бы с квадратным пристроем без передней стенки. Известны в Западном Казахстане (Марыксин, 2010, 2012).

Тип 4 – прямоугольная в плане. Также встречается в могильниках Зубовка, Абганерово, Царев (Мамонтов 1992; Дьяченко и др. 1993; Мыськов 1990), Мокринский I в Западном Казахстане (Марыксин, 2010, 2012).

Подтип 4А – прямоугольная в плане, разделенная поперечной стенкой на две части – большую, квадратную в плане и меньшую, прямоугольную. Погребение располагается в большей части, а меньшая остается пустой. Подтип 4А возник, скорее, не из типа 4, а из типа 3, то есть к квадратной оградке было пристроено еще одно «помещение». Такой план имеет, например, сооружение в могильнике 301 км (Шнадштейн, 1990. С. 25-27).

Подтип 4Б – такого же плана, как 4А, но меньшее «помещение» не имеет передней стенки (Ракушин, 1993. С. 170).

Как уже упоминалось, в настоящее время нет единого мнения о происхождении погребальных сооружений в виде сырцовых площадок и оградок золотоордынского времени.

Традиция сакрализации пространства вокруг захоронения путем сооружения оградок памятников уходит корнями в глубокую древность. В Центральной Азии оградки вокруг погребений возникают еще в эпоху бронзы. В скифское время они приобретают функции чисто поминальных сооружений, то есть сакральным становится пространство не вокруг могилы предков, а посвященное их памяти (Овчинникова, 2000. С. 15). Широкое распространение получают оградки в погребально-поминальных обрядах тюрок. Для погребального обряда алтайских тюрок VI-VII вв. характерны захоронения под плоскими каменными выкладками и внутри каменных колец (Могильников, 1981. С. 32, 33). В это же время в Туве известны округлые каменные выкладки и поминальные сооружения типа курганов и каменных оградок. Тюрки-тугю также сооружали округлые каменные выкладки и квадратные и прямоугольные оградки. Памятники такого рода известны на огромной территории, включающей Алтай, Монголию, Северный Китай, Киргизию, Северный и Восточный Казахстан. (Кызласов, 1969. С. 23; Могильников, 1981. С. 34). Эти оградки носили чисто поминальный характер и не содержали погребений. Интересно, что в Туве был открыт поминальный деревянный храм в виде восьмигранной юрты (Кызласов, 1969. С. 33; Могильников 1981: 35). В курганах кимаков по периметру сооружались прямоугольные или круглые каменные оградки (Могильников 1981, С. 43, рис. 26,2). Очень ярко представлена традиция сооружения оградок вокруг погребений в Туве. Погребальные памятники культуры чаатас VI-X вв. представляют собой квадратные или шестиугольные в плане мавзолеи, стенки которых уложены из плоских каменных плит. Само погребение перекрыто площадкой из плитняка. Снаружи эти сооружения окружены менгирами. Погребальные памятники рядового населения имеют сходную конструкцию, но без менгиров (Кызласов, 1981. С. 47, рис. 28). Курганы с круглыми плоскими вымостками и оградками, но уже круглой формы продолжают существовать в тюхтякской (IX-X вв.) и аскизской (X-XIV вв.) культурах (Кызласов, 1981. С. 55, рис.33, 191). На Южном Урале в XII-XIV вв. выделяются две группы курганов. В восточную группу входят курганы с каменными насыпями и кольцевыми выкладками, а в западную земляные курганы, в которых часто присутствуют оградки из сырцового кирпича (Иванов, Кригер, 1988. С. 45-54).

Вполне логичным кажется предположение об общетюркском влиянии на сложение золотоордынских погребальных памятников. В первую очередь это относится к деревянным юртообразным сооружениям и, возможно, сырцовым площадкам. Что касается так называемых оградок, здесь ситуация несколько иная. Необходимо отметить, что планировка большинства типов оградок (кроме типа 4) имеет аналогии среди синхронных им по времени мавзолеев, исследованных в городах Золотой Орды и вообще в мусульманских странах (рис. 243). Подробно типология золотоордынских мавзолеев рассмотрена в главе 5, поэтому здесь можно ее лишь кратко напомнить.

Тип 1. В городах Золотой Орды также существовали круглые в плане мавзолеи, например, среди построек Маджара. Круглые в плане постройки широко распространены среди башенных мавзолеев Азербайджана (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963. С. 145; Бретаницкий, 1966 С. 110-115, 180-185) и Малой Азии (Stierlin, 1998. P 50; Hillenbrand, 1994. P. 306-38, 541-542). Подтип 1А представлен теми же круглыми в плане мавзолеями, но с выступающим за пределы основного объема порталом. Такие мавзолеи есть в Иране (Hillenbrand, 1994. P. 529) и Средней Азии (Пугаченкова, 1958 С. 292-298).

Тип 2. В пределах Золотой Орды многогранные мавзолеи известны на Северном Кавказе, в Маджаре, Масловом Куте, между станциями Ессентуки и Белый Уголь, а также в Западных районах Золотой Орды – в Крыму и Поднепровье (Палимпсестова, Рунич, 1974. С. 229–238; Засыпкин, 1927. С. 124-126;).

Многогранные в плане башенные мавзолеи имели широкое распространение в различных мусульманских странах. Наиболее известными зданиями этого типа в Азербайджане являются мавзолей Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани, Момине-хатун (XII в.), мавзолей в с. Ханега, мавзолей Гюлистан в с. Джуга (XII-XIII в.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.) и др. (Усейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963. С. 80-104, 127-162; Бретаницкий, 1966. С. 96-199). Широчайшее распространение получили башенные мавзолеи в Малой Азии в сельджукское время. В качестве примера можно привести Денер Кюмбет в Кайзери (XIII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худавент Хатун Тюрбези в Нигде (XIV в.) и др. (Stierlin, 1998. P. 50-53; Hillenbrand, 1994. С. 306-311, 540-542). Происходят мавзолеи этого типа из Ирана (Hillenbrand, 1994. P. 283-286, 527-529).

Круглыми или многоугольными в плане могут быть и пирамидальные (конические) мавзолеи, широко распространенные в Западном и Центральном Казахстане с VIII-IX вв. вплоть до современности (Пугаченкова, 1949; Ажигали, 2002. С. 226-231; Кожа, 2011). Д.В. Марыксиным была найдена «подкурганная оградка» нового типа. Сырцовые стенки ее ступенчато сужаются кверху (Марыксин, 2011. С. 221-226). Вполне возможно, что это сооружение представляет собой квадратный в плане пирамидальный мавзолей.

Тип 3. Квадратные в плане мавзолеи с одним помещением найдены в городах Золотой Орды. К этому типу относятся мавзолей на Мечетном городище, (Баллод, 1923. С. 23-27), мавзолеи № 1 и 2 на Водянском городище (Егоров, 1980), мавзолеи № 1 и 2 на VIII раскопе Селитренного городища (Федоров-Давыдов и др., 1976. С. 62-68), мавзолей Малый Кешене на Урале (Боталов, Гарустович, Яминов,1995).

Мавзолеи квадратного плана широко распространены в Средней Азии. К этому типу относятся мавзолей дочери Исхак-ата в Фудине под Карши (XI в.), Мир Сеид Бахром в Кермине (Маньковская, 1971. С. 40-41; Нильсен 1956: 38-40), Ярты-гумбез возле городища Серахс (XIII в.), Худай-Назар-овлия возле Байрам Али (X-XII вв.) (Пугаченкова, 1958. С. 286, 310-313), Араб-Ата в селении Тим (X в.) (Пугаченкова, 1963), Халифа Ерехен в Миздархане (IX-X вв.), мавзолей Фахраддина Рази в Куня Ургенче, Средний мавзолей Узгента (Якубовский, 1930. С. 45, Засыпкин, 1948. С. 45).

Подтипы 3А и 3Б по планиметрии напоминают квадратные в плане мавзолеи с выступающим порталом. Подобных мавзолеев довольно много в Золотой Орде. К ним относятся мавзолей № 4 на VIII раскопе Селитренного городища (Федоров-Давыдов и др., 1977. С. 52-58, рис. 31), мавзолеи Монастырский погреб, Церковь святого Николая и Ханская усыпальница, а также

мавзолеи №№ 1-4 в Болгаре (Аксенова, 2001), мавзолей № 3 в Мохше (Алихова, 1973. С. 234-235) мавзолеи Хусейн бека и Тура хана в Башкирии (Калимуллин, 1956. 5-6,13-14; Смирнов, 1957. С. 89-92), мавзолеи в Маджарах, известные по рисункам, мавзолеи № 2 и № 5 возле Ессентуков (Ртвеладзе, 1969. С. 263,264; Палимпсестова, Рунич. 1974. С. 229-238) и др.

Тип 4 не типичен для планировки мавзолеев, так как мавзолеи всегда имеют купольное перекрытие, которое требует квадратного или близкого к квадрату плана. Однако мавзолей № 2 на Водянском городище имел довольно вытянутые пропорции (Егоров, 1980).

Подтип 4А. На сходство планировки оградок типа 4А с двухкамерными мавзолеями указывал А.И. Ракушин (Ракушин, 1993. С. 173). Такие мавзолеи обычно состоят из двух помещений. Это основное помещение, где совершаются захоронения, и комната для оплакивания. По персидски они называются «гур-хана» и «зиорат-хана». Подобную планировку имеют Мавзолей № 3 на Водянском городище (Егоров, 1980), мавзолеи у пос. Комсомольский (Плахов, 1989), в Ахтубинском районе Астраханской области (Шнадштейн, 1990. С. 14-17, рис. 10), мавзолеи № 4 и 5 в Мохше (Алихова, 1973. С. 234-236), мавзолеи № 2 и 3 у поселка Тептяри в Оренбургской области (Попов, 1971. С. 141-143), мавзолей № 1 на городище Жайык (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005) и мавзолей № 3 у Ессентуков (Палимпсестова, Рунич, 1974. С. 229-238). Мавзолеи в Ахтубинском районе и у Ессентуков имели по углам трехчетвертные колонны.

Мавзолеи, напоминающие по планировке оградки типа 4Б, также известны в Золотой Орде. Это мавзолей Атчергат в Казахстане (Боталов, Гарустович, Яминов, 1995. С. 148-150), мавзолей № 1 возле Ессентуков (Палимпсестова, Рунич, 1974 С. 229-238) и мавзолей № 1 в Солхате (Крамаровский, 1985). Точные аналогии этому типу планировки в других регионах не известны. Вероятно, он является какой-то местной, золотоордынской модификацией. Здания этого типа напоминают двухкамерные беспортальные мавзолеи, только у них отсутствует фасадная стена. Возможно, широкий айван также мог служить своеобразным помещением для оплакивания (зиорат-ханой).

Таким образом, так называемые подкурганные сырцовые оградки по своей планиграфии идентичны мусульманским мавзолеям, как в городах Золотой Орды, так и в других странах мусульманского Востока. Мне представляется, что сходство это отнюдь не случайно. На связь сырцовых оградок с городской мусульманской культурой указывали многие исследователи. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что оградки появляются в кочевнической среде как результат влияния золотоордынских погребальных обрядов, принятых в городах (Федоров-Давыдов, 1966. С. 202). Исследуя могильники окрестностей Царевского городища, Е.П. Мыськов пришел к выводу, что большая часть памятников с оградками оставлена представителями оседлого населения Золотой Орды, а не группами кочевников, связанных с традициями городской культуры (Мыськов, 2003. С. 223). Исследователь считает, что сама идея возведения построек из кирпича могла зародиться только в умах людей, связанных с городским строительством.

Пытаясь примирить различные точки зрения и не решаясь полностью отвергнуть авторитетное и уже устоявшееся мнение Г.А. Федорова-Давыдова, ранее я пыталась связать золотоордынские сырцовые оградки одновременно с погребальными и поминальными оградками тюркских народов и мусульманскими мавзолеями (Дворниченко, Зиливинская, 2006. С 289; Зиливинская, 2009в. С. 136). В процессе дальнейшего изучения этих сооружений взгляд на них несколько изменился. Рассмотрим, что же представляют собой «подкурганные сырцовые оградки».

Интерпретация погребальных сооружений

Прежде всего, необходимо выяснить, имели ли эти сооружения курганную насыпь*. Впервые оградки были обнаружены при раскопках курганных могильников, часто

* Понятие курган рассматривается в археологическом значении, то есть как специально сооруженная насыпь над одним или несколькими погребениями (Брей, Трамп, 1990. С. 128-129).

расположенных в степи, далеко от поселений. Поэтому они рассматривались как курганы, содержащие в насыпи сырцовые конструкции.

При раскопках многих оградок в насыпи «курганов» часто находят обломки обожженных кирпичей, известкового раствора, алебастровой обмазки и изразцов. Присутствие их в кургане с трудом поддается объяснению, но вполне естественно на месте разрушенных мавзолеев. Противники гипотезы о наличии перекрытий у данных погребальных памятников говорят о том, что внутри оградок и вокруг них нет мощных завалов сырцового кирпича. Но при раскопках небольших сырцовых мавзолеев в городах Золотой Орды также часто не наблюдалось явно выраженных завалов (например, на XIII раскопе Селитренного городища). «Курганы», в которых были найдены «оградки», являются не курганами, а просто расплывшимися сырцовыми постройками. Большое количество таких холмиков, оставшихся от самопроизвольно разрушившихся сырцовых мазаров и разобранных кирпичных мавзолеев, было исследовано в окрестностях Селитренного городища и на его самой его территории (Гончаров, Рудаков, 2004). Высота их обычно не превышает 0,3-0,5 м. Кстати, публикуя «оградки» могильника Маляевка VI в северо-западном пригороде Царевского городища, Е.П. Мыськов также не называет раскапываемые возвышенности курганами, а именует их холмами (Мыськов, 1989). Процесс постепенного превращения сырцовых построек в небольшие холмики можно наблюдать на некрополях XVIII-XIX вв., например, в Западном Казахстане (рис. 244).

К аналогичным выводам на совершенно ином материале пришел Е.А.Смагулов. Рассматривая результаты раскопок раннесредневекового Борижарского могильника в Южном Казахстане, он убедительно доказал, что многочисленные «курганы», часто содержащие сырцовые или пахсовые «оградки», являются холмами от разрушившихся наземных склепов (Байпаков, Смагулов, Ержигитова, 2005. С. 139-148; Смагулов, 2011б. С. 124-125).

Следует также отметить, что все «впускные» погребения, найденные в «курганах с оградками», прослеживались только с уровня материка. То есть это были грунтовые могилы, которые не были впущены в «насыпь», а оказались под ней после разрушения построек. Это отмечает, в частности, Е.В. Шнадштейн (Шнадштейн, 1990. С. 12, 14, 17, 19), пребывая при этом в полной уверенности, что исследованный ею памятник представляет собой курганную группу. В 2013 г. мне пришлось быть свидетелем раскопок «кургана» с круглой оградкой на могильнике Жалпактал в Западном Казахстане. После полного снятия «насыпи кургана» и расчистки сооружения на уровне материка раскопщики обнаружили большое количество «впускных погребений». Естественно, у меня возник вопрос, куда именно были впущены эти погребения. Судя по стратиграфии, это были грунтовые погребения, окружавшие круглую в плане конструкцию. Под «насыпь» они попали гораздо позднее.

Наличие оградки в курганной насыпи можно объяснить общетюркскими традициями. Но тогда непонятно, зачем в сооружении, перекрытом насыпью, нужно мостить пол сырцом или обмазывать глиной. В могильнике Мокринский I одна из оградок была снаружи покрыта слоем известкового раствора, т. е оштукатурена (Марыксин, 2011. С. 221). Трудно объяснить также возведение внутри оградок надгробий типа мастаба или сагона, кстати говоря, чисто мусульманских. Наружная и внутренняя отделка, надгробия более естественны для сооружений, имеющих перекрытие, а не предназначенных для засыпки землей.

Пытаясь ликвидировать это противоречие, ряд исследователей выдвигал гипотезу о том, что оградки некоторое время стояли открыто, посещались родственниками, которые могли совершать там какие-то обряды (вероятно, зиорат), а потом их перекрывали насыпью (Дворниченко, 1978; Васильев, 2006. С. 212). Этнографически такие погребальные обряды никак не прослеживаются, и логичнее, на мой взгляд, было бы предположить образование «кургана» естественным путем.

Курганной версии также противоречит отсутствие вокруг «курганов с оградками» кольцевых ровиков. Ровиков или нет вообще, или, как в большинстве «курганов» могильника «301 км», они представляют собой ямы подовальной формы с одной стороны «насыпи»

(Шнадштейн, 1990). Эти ямы не являлись ровиками, а, скорее, служили для добычи глины, из которой изготавливались сырцовые кирпичи.

Вообще, раскопки могильника «301 км» – это пример того, насколько сильны бывают стереотипы в сознании исследователей. Весь могильник воспринимался как курганная группа и копался по методике, принятой для раскопки курганов. В результате в курганах были найдены погребения под насыпями и сырцовые «оградки» самых разных форм. В одном «кургане» находились остатки кирпичного двухкамерного мавзолея, декорированного изразцами, а еще в нескольких «курганах» – горн для обжига кирпичей, печь для отжига извести, землянки и хозяйственные ямы (Шнадштейн, 1983; 1984; 1985; 1990). Д.В. Марыксин также пишет о том, что «один из курганов [могильника Мокринский I] представлял собой кирпичеобжигательную печь» (Марыксин, 2010). Воистину, иногда вспоминается XIX в., когда курганом назывался любой холм и археологи занимались «разрытием курганов». «Курганный стереотип», то есть склонностью видеть в любом холме простую грунтовую «курганную насыпь» отмечает также Е.А.Смагулов. Именно этот стереотип приводит, по его мнению, к неадекватности методики раскопок и неправильной интерпретации их результатов (Смагулов, 2011б. С. 125).

Совершенно очевидно, что «курганная группа 301 км» представляла собой некрополь, центром которого являлся большой кирпичный мавзолей. Кирпичи для его возведения изготавливались на месте, здесь же отжигалась известь для изготовления раствора. Строители мавзолея временно проживали в землянках. На некрополе вокруг большого мавзолея были построены маленькие, сырцовые. Некоторое количество захоронений действительно было совершено в курганах и грунтовых могилах.

Далее рассмотрим, что же представляли собой сами сырцовые оградки. Л.В. Яворской было высказано осторожное предположение, что оградки вообще могли служить основаниями не дошедших до нас купольных сооружений типа «тюрбе» или «гумбез» (Яворская, 1999. С. 251). Удивительно, что эта гипотеза долгое время не получала никакого развития. При изучении оградок бросается в глаза довольно значительная толщина их стен. Стены всегда сложены с несколько рядов кирпичей (от 2-х до 5), и толщина их может достигать 1 м. Совершенно не понятно, зачем нужны столь мощные стены в постройке, которая предназначена для того, чтобы быть засыпанной землей. В то же время возведение купола требует достаточной толщины стен. Остатками перекрытия, на мой взгляд, является «накидка из сырцовых кирпичей и плит» внутри круглых оградок типа А2 по А.Н. Ракушину (Ракушин, 1993. С. 170-171). Именно так обычно выглядит купол, провалившийся вовнутрь помещения.

В пользу того, что оградки являются небольшими сырцовыми мавзолеями, свидетельствует, прежде всего, полная идентичность их планировки с большинством типов мавзолеев. Если не принимать это обстоятельство во внимание, создается двойственная ситуация. Сооружения одного и того же плана, раскопанные в городах, считаются мавзолеями, а исследованные в степи – подкурганными оградками.

Этой версии противоречит отсутствие входных проемов у большинства круглых или квадратных в плане сооружений. Можно было бы предположить, что это бескурганные погребения в оградках типа «торткулак», хорошо известных в Западном Казахстане (Ажигали, 2002. С 280-292). Но торткулаки всегда четырехугольные (прямоугольные и квадратные), что сразу исключает из их числа все круглые оградки. Круглыми в плане на казахстанских некрополях бывают только сырцовые мавзолеи (рис. 245, 246). Кроме того, при разрушении оградок без перекрытия в центре образовавшегося холмика должно быть понижение, также, как и по краям. А в золотордынских погребальных сооружениях мы имеем «курган» в бытовом значении этого слова, то есть холм без понижения в центре.

Отсутствие «входов» в сырцовые мавзолеи, от которых остались только замкнутые периметры стен, можно легко объяснить, если обратиться к данным этнографии. Многие небольшие мавзолеи степных некрополей Западного Казахстана имеют не вход, а небольшой лаз, расположенный достаточно высоко от земли (рис. 204, 247). Так как мы имеем дело только с нижней частью стен, лаз этот оказывается уже разрушенным.

Как уже упоминалось, отделка стен и полов, а также наличие надгробий также характерны для мавзолеев, как архитектурных сооружений, и не находит объяснения при сооружении курганной насыпи. Тем не менее, зачастую исследователи трактуют остатки мавзолеев со всеми присущими им признаками как «подкурганные оградки». Ярким примером такого странного восприятия является публикация мавзолея в Новопавловском могильнике (Нарожный, Охонько, 2007). Подробно эта постройка разбирается в главе, посвященной мавзолеям. Можно только напомнить, что здание представляло собой большой (11 х 8,6 м) мавзолей с хорошо выраженным мощным порталом и входом, который вел в усыпальницу (рис. 163). Пол помещения был вымощен сырцовым кирпичом. Не совсем понятно, как сооружение такого плана вообще можно называть оградкой, так как оно ничего не огораживает. Е.И. Нарожный и Н.А. Охонько пишут о том, что сооружение в Новопавловке нельзя считать мавзолеем, так как мавзолей возводился над землей, а не под курганной насыпью (Нарожный, Охонько, 2007. С. 27). Это довольно странный вывод, так как большинство исследуемых архитектурных объектов археологи вынуждены выкапывать из земли. Если следовать этой логике, то все они находятся под курганами.

Публикуя погребальные сооружения из могильников Ставрополья (рис. 160-162), В.А. Бабенко по традиции, на всякий случай, называет их оградками, хотя потом приходит к выводу, что они имели перекрытие и, следовательно, являлись мавзолеями (Бабенко, 2013. С. 205-206). Одна из этих построек также представляет собой типичный мавзолей с массивным пештаком, мощеным полом и надгробием-мастаба в помещении усыпальницы.

Таким образом, «подкурганные сырцовые оградки» – это археологический миф, от которого следует отказаться. Если рассматривать большую часть «оградок» как мавзолеи, то количество мемориальных памятников Золотой Орды удвоится. Конечно, существует ряд конструкций, которые мы не можем однозначно интерпретировать как мавзолеи. К ним относятся сырцовые площадки, прямоугольные в плане оградки, довольно тонкие (2 ряда кирпичей) стенки, огораживающие большое пространство в могильниках 301 км и Мокринский I (Шнадштейн, 1985; 1990; Марыксин, 2010), и некоторые другие. Однако искать пути к пониманию назначения этих сооружений нужно в золотоордынских городах и городских некрополях, а не в кочевнических курганах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи, занимавшиеся историей и культурой Золотой Орды, неоднократно отмечали своеобразие этого государства, включавшего в себя два мира – мир кочевников-скотоводов, населявших бескрайние степные пространства, и мир восточных городов, многочисленных, густо населенных, прекрасно благоустроенных для своего времени. Высокий уровень развития золотоордынской городской цивилизации отражает и монументальное зодчество, которому посвящена представленная работа. Состав монументальных построек, дошедших до наших дней, подтверждает тезис о доминировании ислама в городской жизни. С мусульманской религией связаны наиболее крупные и значимые городские постройки, такие как мечети, минареты, медресе, мавзолеи, общественные бани-хаммам. Но что представляли собой эти здания, архитектура которых определяла внешний облик города?

Анализ планировки мечетей, главных сооружений мусульманского города, показал, что все известные на данный момент Джума-мечети Золотой Орды имели базиличную планировку, то есть представляли собой прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено на нефы рядами колонн. В центре зала мог быть сделан небольшой внутренний дворик с водоемом. Колонны были каменными или деревянными, они опирались на каменные базы или кирпичные основания, заглубленные ниже уровня пола, и поддерживали плоское перекрытие. Крыши были, скорее всего, двускатными или плоскими и могли иметь световой фонарь над внутренним двориком. Такая планировка, без сомнения, была заимствована в Малой Азии, а именно в Анатолии, где подобные мечети получили распространение в сельджукский период. Небольшие купольные мечети, известные в основном в Крыму, также копируют аналогичные постройки сельджукского и раннеосманского периодов.

Малоазийский облик имели и минареты, связанные с мечетями и соответственно образующие с ними единый архитектурный ансамбль. В Золотой Орде, как и в Малой Азии, они имели трехчастную структуру, состоящую из квадратного (прямоугольного) в плане цоколя, переходящего в восьмигранную призму, на которую опирался ствол минарета.

Характерной чертой анатолийского зодчества является объединение мечети и связанных с ней учреждений в единый объем. Ярким примером этому является куллие Хванд Хатун, в котором объединены мечеть, медресе, баня и мавзолей. Тот же принцип использован в мечети-медресе Солхата, памятника, в котором наиболее явственно прослеживается малоазийское влияние. Этот же принцип положен в основу плана Белой мечети Сарая, в которой к основному объему молельного зала пристроено небольшое помещение явно общественного характера. Возможно, здесь проводились занятия для студентов построенного рядом медресе или же оно служило для каких-то иных целей. К комплексу мечети относится расположенная рядом с ней баня-хаммам.

На связь с Анатолией вполне определенно указывают также каменные архитектурные детали, украшенные искусной резьбой. Такие детали присутствуют в мечетях и минаретах Болгара, Крыма, Старого Орхея. В орнаментальных мотивах этой резьбы отчетливо прослеживается сельджукское влияние. Остается лишь сожалеть, что до сих пор каменный архитектурный декор этих памятников не стал предметом специального исследования.

Как уже отмечалось, восприняв анатолийский тип мечетей в общем и целом, золотоордынские зодчие внесли много нового в его воплощение. Наиболее ярким примером этого является укрепление углов Болгарской мечети мощными многогранными башнями-контрфорсами. Для мечетей Нижнего Поволжья характерной чертой стало выделение площадки перед михрабом. В мечети Водянского городища она окружена деревянными столбиками, а в центре ее находится подставка под коран. Возможно, в этом месте крыша была выше, и в ней находился световой фонарь. В Белой мечети Сарая пространство перед михрабом обнесено ганчевой решеткой. Мощный портал здания также отличает его от остальных золотоордынских мечетей. В мечети Кучугурского городища портал превращается в дополнительное тамбурное помещение с

суфами вдоль стен. Выбивается из общего ряда Большая мечеть Верхнего Джулата, сильно вытянутая в широтном направлении. Такие пропорции характерны для мечетей Кавказа и Закавказья.

О планировочных принципах других учреждений, связанных с мусульманской религией, таких как медресе и ханака, в пределах всей Золотой Орды говорить еще рано, так как они известны только в единичных экземплярах. Возможно, этот вопрос прояснят будущие раскопки.

На основной территории Золотой Орды (Дешт-и-Кипчак) христианские храмы известны пока только по письменным источникам. Единичные находки христианских культовых зданий в Болгаре, Укеке и Старом Орхее не позволяют сделать какие-либо существенные выводы об их архитектуре. В то же время в традиционно оседлых областях, население которых длительное время исповедовало христианство, существует значительное количество церквей золотоордынского периода. Прежде всего, таким регионом является Крым.

В Крыму в золотоордынское время существовало огромное количество храмов, возведенных для адептов различных ветвей христианской религии. Архитектура этих церквей является отражением полиэтничного состава населения Крыма. Здесь возводятся греческие храмы, которые продолжают многовековые традиции, сложившиеся на Крымском полуострове. Среди греческих храмов есть крестово-купольные постройки и небольшие зальные церкви. В большинстве своем они построены под влиянием не столько Византии, сколько Малой Азии и Балкан. Значительную часть населения Крыма в золотоордынское время составляли армяне, поэтому большой процент среди сохранившихся зданий составляют армянские церкви. Планировка их также разнообразна и находит аналогии на территории Армении. Многие армянские церкви Крыма имеют выступающую апсиду, что не характерно для церковной архитектуры Армении. В этом, вероятно, сказалось греческое влияние.

Существенную роль в золотоордынское время в Крыму играли итальянцы (прежде всего генуэзцы), исповедовавшие католицизм. Католические церкви до нашего времени почти не сохранились, однако архитектурные формы романского стиля прослеживаются в некоторых армянских церквях В архитектурном декоре христианских церквей, представленном в значительной степени резным камнем, наряду с западной и армянской традициями достаточно явно присутствуют элементы малоазийского сельджукского стиля.

Четыре христианских церкви Кавказа также представляют собой образец синтеза различных традиций. В их архитектурных формах и строительной технике прослеживается влияние Византии, Абхазии, Грузии, Азербайджана и местные аланские корни.

В отличие от мечетей все известные христианские церкви представляют собой небольшие скромные постройки. При этом планировка их и оформление значительно более разнообразны. Этот факт можно объяснить тем, что строились церкви на средства и по заказу различных христианских общин, населявших золотоордынские города. Строительство же Джума мечетей, вероятно, было делом государственным, поэтому планировка их могла быть регламентирована верховной властью.

Мемориальные памятники, представленные мавзолеями, составляют наиболее многочисленную группу монументальных построек. Они известны, и не в единичном числе, во всех крупных городах и регионах Золотой Орды. Планировка мемориальных построек достаточно разнообразна. Это многогранные и круглые в плане башенные мавзолеи с порталами и без них, здания с квадратной усыпальницей, перекрытой куполом, фасадные или с порталами различной формы, достаточно редкие пирамидальные постройки. Среди мавзолеев простого плана есть даже один центрический (Черная палата), хотя такая форма не характерна для XIV в. Многокамерные здания бывают вытянутыми – продольноосевыми и поперечноосевыми, Т-образной планировки, то есть развивающиеся в обоих направлениях, и конгломераты нерегулярного плана. Перекрывались золотоордынские мавзолеи в большинстве случаев шатровыми куполами. По крайней мере, такой вариант покрытия во многих случаях подтверждается документально. Однако можно предположить, что существовали здания с полусферическими куполами.

Многочисленность мемориальных памятников является причиной того, что именно они наиболее показательны для определения влияний различных архитектурных школ и выделения архитектурных провинций внутри Золотой Орды. Так, в Волжской Болгарии и Крыму наиболее выраженным было армяно-малоазийское влияние. В Болгаре также заметно присутствие элементов ширвано-апшеронской школы Азербайджана. В то же время в близких к Волжской Болгарии мордовских землях известен памятник, практически идентичный хорезмийскому мавзолею Наджмеддина Кубра. Среднеазиатские традиции превалировали в Нижнем Поволжье и степной части Северного Кавказа. В этих же регионах среди мемориальных построек присутствуют формы, характерные для кочевнических (кипчакских) надгробных памятников. На некоторых памятниках Поволжья и в предгорьях Северного Кавказа отчетливо прослеживаются традиции азербайджанского зодчества, представленного нахичеванской школой.

На примере мавзолеев хорошо видно, что в Золотой Орде происходит не прямое заимствование принесенных извне традиций, а их творческая переработка. Так, например, в Волжской Болгарии в результате некоторой трансформации форм малоазийских башенных мавзолеев появляется достаточно единообразный тип усыпальниц, который распространяется и в других районах (в Приуралье). Непосредственно в Золотой Орде возникает оригинальная форма двухкамерного фасадного мавзолея, состоящего из квадратной в плане усыпальницы (гур-ханы) и небольшого прямоугольного в плане тамбурного помещения, используемого как комната для обрядов (зиорат-хана). Такая планировка получается в результате «закрывания» айвана и превращения его в дополнительное помещение. В некоторых случаях такие двухкамерные мавзолеи имеют пештак и становятся портальными. Интересно, что здания этой планировки фиксируются и в Западном Казахстане, где достаточно сильно было влияние хорезмийской строительной школы.

Весьма своеобразными погребальными сооружениями, которые появляются в последний период существования Золотой Орды, являются купольные полуподземные склепы. Происхождение их пока еще не ясно, но, скорее всего, возникновение склепов-мавзолеев можно связать с какой-то группой слабо мусульманизированных кочевников. Присутствие склепов такой же конструкции в христианских церквях Северного Кавказа является еще одним свидетельством синкретизма золотоордынской культуры и интеграции различных этнокультурных элементов. Сложный по своей архитектуре склеп-мавзолей Нижнего Джулата можно связать со среднеазиатской строительной традицией.

Сооружения в виде «подкурганных сырцовых оградок» составляют довольно большую группу погребальных памятников. Ранее их связывали с кочевниками, перешедшими к оседлости и подвергшимися влиянию оседлого населения золотоордынских городов. Подробное рассмотрение этой категории сооружений позволяет утверждать, что в ее трактовке было много ошибочного. Прежде всего, эти конструкции никак не связаны с кочевническими курганами, а представляют собой холмики от разрушенных и расплывшихся сырцовых построек. Сопоставление различных типов «оградок» с планировкой мавзолеев приводит к выводу, что они являются небольшими сырцовыми мавзолеями, расположенными в некрополях на окраинах городов и в степи.

Анализ архитектуры общественных зданий указывает на значительную роль выходцев из Малой Азии в формировании золотоордынской культуры. Этот факт требует объяснения. Мне представляется, что истоки общегосударственной золотоордынской архитектуры следует искать не только за пределами государства, но и в наиболее развитых в культурном отношении его областях. Такими областями были Крым и Волжская Болгария. Тесную связь Крыма с Малой Азией отмечали многие исследователи (Башкиров, 1926, С. 110; 1927, С. 30-52; Якобсон, 1964. С. 106-108; Крамаровский, 1990; 2005. С. 112-116). В домонгольское время эти связи были обусловлены прежде всего торговыми отношениями между соседними государствами, расположенными на противоположных берегах Черного моря. В золотоордынский период они получили новый импульс. Известно, что в 1265 г. выходцы из Анатолии во главе с

потерявшем власть султаном Изз ад-Дином Кейкавусом II переселись в Крым (Райс, 2004. С. 67, 77; Крамаровский, 2009. С. 403). Часть их осела в Добрудже, что объясняет присутствие резьбы сельджукского стиля в постройках Старого Орхея. Вероятно, были и другие волны миграций из разоренной вторжениями внешних врагов и междуусобными войнами Малой Азии в Золотую Орду, жизнь в которой была спокойной и стабильной, а рост городов постоянно требовал притока искусных строителей и ремесленников. В зодчестве Волжской Болгарии также отчетливо заметно малоазийское влияние. Представляется вероятным, что корни его уходят в домонгольский период. Так, например, самая ранняя соборная мечеть Волжской Болгарии, раскопанная в Биляре, представляла собой большой колонный зал и не имела внутреннего двора. Сопоставление всего комплекса билярской мечети с аналогичным комплексом в Конье указывает на их типологическое сходство (Саттарова, 2002. С. 479, 480). Имеются также данные о наличии как в Крыму, так и в Болгаре значительных по численности армянских колоний (Смирнов, 1951. С. 185-191; Крамаровский, 2005. С. 118-120; 2009. С. 421-423). Вполне возможно, что определенный вклад в развитие каменной резьбы в Золотой Орде внесли и мастера из Армении.

И наконец, не последнюю роль в выборе в качестве эталона мечетей именно анатолийского образца сыграло, вероятно, сходство климатических условий. Как уже упоминалось, исследователи объясняют перекрытие внутреннего двора в мечетях Малой Азии суровыми зимами, характерными для данного региона. Однако на большей части территории Золотой Орды зимние температуры еще ниже, что неизбежно влечет за собой строительство зданий закрытого типа.

Золотая Орда, включавшая в свой состав области с различным историческим прошлым и многочисленные народы, не была едина в своем культурном развитии. Это хорошо видно и на примере монументального зодчества. В Крыму, Волжской Болгарии, Поднестровье были сильны традиции каменного строительства. Архитектурный декор здесь представлен резьбой по камню. В городах степной зоны (города Нижнего Поволжья, Маджар) применялась среднеазиатская строительная техника. Здания здесь возводились из сырцового и обожженного кирпича, а в качестве архитектурного декора применялись изразцовые кирпичи, мозаики и майолики, терракота и детали, выточенные из кирпича. В интерьере присутствовали элементы декора из резного и штампованного ганча, а также изразцы с полихромной надглазурной росписью и позолотой. В Бельджамене, Мохше, Азове, на Кучугурском городище применялась смешанная техника строительства из кирпича и камня. На Северном Кавказе были сильны местные традиции. Здесь распространена «ганджийская» система кладки, в которой определенным образом чередовались булыжники или грубо отесанные квадры, кирпичи, поставленные на ребро, и ленточная кирпичная кладка. Особую архитектурную провинцию Золотой Орды составляли присырдарьинские города Южного Казахстана. Здесь наиболее ощутимым было влияние среднеазиатского зодчества. Особенно очевидно это проявилось в строительстве культовых зданий, представленных мечетями дворового плана, цилиндрическими минаретами и мавзолеями, сходными с хорезмийскими. Однако вполне вероятно, что здесь также строились и здания «золотоордынского» типа, о чем косвенно может свидетельствовать мечеть Каялыка, крупного центра Джагатаидского государства, расположенного в Семиречье. Планировка ее вплоть до мелких деталей напоминает мечети Нижнего Поволжья.

Таким образом, несмотря на присутствие различных строительных традиций и творческие новации, принципы планировки общественных зданий были общими для всей Золотой Орды, что свидетельствует о выработке единого, пусть и эклектичного в деталях, архитектурного стиля.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008-2009 гг. СПб.– Симферополь, 2010.

Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1993.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Ғылым», 2002.

Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Абат Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004.

Айбабина Е.А. Двухабсидный храм средневековой Фуны // АО, 1985. М.: «Наука», 1987.

Айбабина Е.А. Двухабсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. Киев: «Наукова думка», 1991.

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV-XVIII вв. Симферополь, 2001.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // Византийский временник. Т. 57. 1997.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Об атрибуции одной из средневековых церквей Феодосии // Stratum Plus. 2000. №5.

Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Болгарах // Поволжье в Средние века. М., 1970.

Айдаров С.С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Архитектурное наследство, XXIV. М., 1976.

Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Айдаров С.С., Забирова Ф.М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.

Аксенова Н.Д. К итогам археологических работ 1970-1972 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. , 1978. 2001.

Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев Юго-восточной и южной частей города Болгара // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII-XV вв. Симферополь, 1927.

Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II (59). Симферополь, 1928.

Алексеев В.П. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. Т.XXV. Нальчик, 1967.

Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА, 1973. № 2.

Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши-Наровчата // СА, № 4. 1976.

Армарчук Е.А. Изучение памятников Куня-Ургенча: старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и средневековье. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1998.

Армарчук Е. Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма, функция и возраст // Татарская археология. № 1-2 (8-9). Казань, 2001.

Артамонов М.И. Древний Дербент // СА, VIII, 1946.

Артемьев В.И., Урманова А.М. Минареты Куня-Ургенча // Культурные ценности. СПб., 1999.

Артеменко А.А. Крымская область // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т.2. (Ред. Игнаткин И.А.). Киев, 1985.

Арутюнян В.М., Сафарян С.А. Памятники армянского зодчества. М., 1951.

Асеев Ю.С., Лебедев Г.А. Архитектура Крыма. Киев, 1961.

Атаев Д.М., Гаджиев М.С., Сагитова М.Д. Культовые сооружения Аркаса // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989.

Ашурбейли С. Б. Ханака на реке Пирсагат и Ширваншахи // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. (Бартольдовские чтения, 1982). М., 1985.

Ащепков Е.А. Архитектура Китая. М., 1959.

Бабаян Ф.С. Об археологических исследованиях средневековых монастырей Сурб Хач и Сурб Стефанос // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.

Бабенко В.А. Сырцовые погребальные сооружения эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и Калмыкии // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. 30 сентября- 3 октября 2008 г. Донские древности. Вып. 10. Азов: изд-во Азовского музея-заповедника, 2009.

Бабенко В.А. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 11. Донецк, 2012.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990.

Байпаков К.М., Ходжаев М.Б. Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV – начала XVIII вв. на Отраре // Города Туркестана. Алматы, 1999.

Байпаков К.М., Смағұлов Е.А., Ахатов Ғ.А. Ортағасалық Жайық қала жұрты. Средневековое городище Жайык. The Medieval Jaiyk Site. Алматы: «Credo», 2005.

Байпақов К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый город Сауран. The medieval town Sauran. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.

Байпақов К.М., Воякин Д.А. Ортағасырлық Қиялық шаһары.

Средневековый город Каялык. The medieval town Kayalyk. Алматы, 2007.

Байпаков К.М., Акылбек С.Ш. Медресе средневекового Саурана // Археология степной Евразии. Кемерово, Алматы, 2008

Байпаков К.М., Акылбек С., Есжан Е., Шохаев К. Медресе Саурана // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Отчет об археологических исследованиях. Алматы, 2008.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Айдосов А.Х., Нургазаринов А., Баштанник С., Сорокин Д. Археологические исследования памятников на дне Аральского моря // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Отчет об археологических исследованиях. Алматы, 2008.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Фофонов К.А., Кудабаев Ч.А., Амиров Е.Ш., Сорокин Д.В. Краткий отчет о полевых работах ЮККАЭ в 2008 г. на поселении Арал-Асар, в мавзолее Кердери 2 // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Отчет об археологических исследованиях. Алматы, 2009.

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.-Петроград, 1923.

Баллод Ф. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология, № 2 (3). Казань, 1998.

Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 200-217.

Баранов И.А. Зальное купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

Бачинский Н.М. Архитектурные памятники Туркмении. Москва-Ашхабад, 1939.

Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым, 1926, № 2.

Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым, 1927. № 1.

Башкиров А.С. Памятники Булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. М.: Индрик, 2011.

Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А. Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М.: Памятники исторической мысли, 2008.

Белозеров И.В. К вопросу о восприятии чужих религий монголами времен империи (XIII в.) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Уде, 2000.

Беляев Л.А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе, 2010.

Блохин В.Г. Нижневолжские мечети Золотой Орды: к проблеме формирования архитектурных традиций // Нижневолжский археологический вестник, вып. 6. Волгоград, 2003.

Блохин В.Г. Исследование мемориального комплекса на юго-западной окраине Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. Вып. 9.

Боданинский У. Татарские «Дурбе» – мавзолеи в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т.II (58). Симферополь, 1927.

Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Ачокраклы О.А. Чуфут-Кале по материалам раскопок 1928-29 гг. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т.II (58). Симферополь, 1929.

Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III (60). Симферополь, 1929.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.

Бородина И.Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X-XV вв. // Архитектурное наследство, 1974, № 22.

Бороздин И.Н. Солхат // Новый восток. № 13-14.1926,

Бороздин И.Н. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму // Новый восток. № 16-17. 1927.

Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков, вып. 1. Уфа, 1995. .

Боталов С.Г., Маламуд Г.Я. Погребальный комплекс Кесене // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. № 3.

Бочаров С.Г. Историческая топография Кафы (конец XIII -1774 г.) Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев: «Стилос», 2004.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: «Прогресс», 1990.

Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М., 1966.

Бретаницкий Л.С. Диван-хане в Баку и вопросы типологизации архитектурного наследия Переднего Востока // Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988а. С. 95-104.

Бретаницкий Л.С. Архитектурно-художественные школы Азербайджана XII – XV веков // Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988б. С. 72-95.

Булгары – Черная палата. Казань, 1951.

Буниятов З. М. Попечительство мамлюкских султанов Египта над суфийскими обителями // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. (Бартольдовские чтения, 1982). М., 1985.

Бырня П.П. Каменное сооружение 1 в Старом Орхее // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985.

Бырня П.П., Зиливинская Э.Д. Бани Старого Орхея // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988.

Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // СА, №2. 1997.

Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.

Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань, 2009.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды Куйбышевского государственного пединститута им. В.В. Куйбышева. Т. 230. Куйбышев, 1979.

Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // ЗРАО, т.XIII. СПб., 1859.

Виноградов В.Б. Тайны минувших времен. М., 1966.

Виноградов В.Б. Мавзолей Борга-Хаш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск,1980.

Виноградов В.Б., Голованова С.А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джулата (Дедякова). Мацне. Тбилиси, 1981.

Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 2. Армавир-Москва, 1996.

Волков И.В. Путешествие по Волге Амброджио Контарини в 1476 году и епископа Дионисия в 1379 году (историко-географический очерк) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.8. Донецк, 2010.

Волков И.В., Лопан О.В. Мечеть золотоордынского города Шакрака: некоторые наблюдения об истоках культовой архитектуры Золотой Орды // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009.

Волкова Н.Г. Маджары. Из истории городов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып.V. М.: Наука, 1972.

Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии// Архитектурное наследство, 1950. № 3.

Воронина В.Л. Об узбекских банях // СЭ, 1951а. № 1.

Воронина В.Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951б.

Воронина В.Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана// СЭ, 1953. № 3.

Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959.

Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ, 1963. № 6.

Воронина В.Л. Архитектура средневекового Ирана // ВИА. Т.8. М., 1969.

Воронина В.Л. Народное жилище арабских стран. М., 1972.

Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока М., 1977.

Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Воронина В.Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство, 1983. № 31.

Воронина В.Л. Колонны соборной мечети в Хиве // Архитектурное наследство. 1985, № 11.

Воскресенский А.С. Смирнов А.П. Археологическое исследование соборной мечети «Четырехугольника» в Великих Болгарах // СА, 1966, № 1.

Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре волжских булгар // СА, 1967. № 4. .

Воякин Д.А. Поселение Арал-Асар и мавзолей Кердери 2 // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летнему юбилею г. Астана. 2 июля 2008 г.

Всеобщая история архитектуры. (ред. Ю.С. Яралов). Т.3. Л.-М., 1966а.

Всеобщая история архитектуры.(ред. А.А. Губер). Т.4. Л-М., 1966б.

Всеобщая история архитектуры. (ред. А.М. Прибыткова) Т. 8. М, 1969.

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая. По материалам исследований 2003-2008 гг. Киев-Запорожье, 2010.

Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань, 2007.

Гарустович Г.Н. Могильник Саралжин I (к вопросу об исламизации Джучиева Улуса) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Вып. 1. Уфа, 1995.

Гарустович Г.Н., Турецкий М.А. Новый тип мусульманских мавзолеев золотоордынского времени на Южном Урале // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2-6 октября 2011 г. Казань, Астрахань, 2011.

Герман Ю.В., Муронец И.И. Архитектура, иллюстрированный толковый словарь. М.: Астрель, 2010.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Кырк-Ор Чуфут-Кале. Симферополь: «Таврия», 1993.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: «Таврия», 1996.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь // Античная древность и средние века. Вып. 39. Екатеринбург, 2009.

Гончаров Е.Ю. Рудаков В.Г. Некрополи Селитренного городища и его округи (предварительные итоги исследований) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция (1–5 ноября 2004 г.): Тезисы докладов. Волгоград, 2004.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 // Труды XIV археологического съезда. М., 1911.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

Григорьев А.П. «Книга путешествий» Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XII-XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии. Л., 1974, вып. III.

Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Кашканди // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.

Даутова Р.А. О ранней группе мавзолеев Северного Кавказа // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград, 2006.

Дворниченко В.В., Узянов А.А. Некрополь золотоордынской знати у с. Лапас // Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам археологических исследований и новых поступлений в 1991-95 гг. М., 1996.

Джанов А.В. «Храм с аркадой» в Судаке // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Джанов А., Майко В., Фарбей А. Христианские храмы Сугдеи // Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення. Матеріали Другої міждународної науково-практичної конференції «Софійски читання». Київ, 2004.

Джанов А., Майко В., Фарбей А. Генуэзцы в Крыму. Исторический путеводитель. Киев: «Горобец», 2009.

Демиденко С.В. Охранные раскопки на левобережье Цимлянского водохранилища // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир-Краснодар-Москва, 2011.

Добролюбский А.О., Кожокару В.М. Молдавский средневековый поселок Рошкань на Нижнем Дунае // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Вестник Черноморской ассоциации археологови любителей древности (выпуск 1). Одесса-Запорожье, 1990.

Довженок В.Й. Татарське місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього Середньовіччя // Археологичні памятки УРСР, т. 10. Киев, 1961.

Домбровский О.И. Средневековое купольное здание Судакской крепости // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: «Таврия», 1978.

Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995.

Дьячков С.В. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV-XV вв.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев: «Стилос», 2004.

Егерев В.В. Архитектура города Болгара // МИА, 1958, № 61. С. 360-392.

Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII-XIV вв. // История СССР, 1969. № 4.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая// Поволжье в средние века. М., 1970.

Егоров В.Л. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство). Автореферат дис. … канд. истор. наук. М., 1973.

Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища // СА, 1980. № 1.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985.

Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII-XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П. Смирнов и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Егоров В.Л., Юхт А.И., В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА, № 1. 1986.

Ельников М.В. Охоронні дослідження золотоордынского міста «Кінські Води» // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ-Полтава, 2013.

Загребин С.И. Мавзолей Кесене // Рифей. Челябинск, 1989.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым, 1927. № 2.

Засыпкин Б.Н. Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. М.-Л., 1934.

Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948.

Зиливинская Э.Д. Раскопки на городище Маджары // АО в 1994 году. М., 1995б.

Зиливинская Э.Д. Работы на городище Маджары в Ставропольском крае // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения». М., 1996. Тез. докл.

Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998.

Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.

Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008а.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань, 2008б.

Зиливинская Э.Д. Раскопки башни на Селитренном городище // Древности юга России. М., 2008в.

Зиливинская Э.Д. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // Archeologia abrahamica. M, 2009а.

Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009 б. № 2.

Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения городов Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. История. № 2.2009в.

Зиливинская Э.Д. Минареты Золотой Орды. РА. № 2. 2010а.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010б. Вып. 3.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011.

Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2011г. № 2.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Взаимодействие культурных традиций. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Раскопки общественного центра в аристократическом районе Сарая // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.: ТОО «Грань – УНЦ РАН, 1994.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988.

Измайлов И.Л. Ислам и язычество в улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань, 2004.

Имажанов Н., Бейсембаева Л. Соборная мечеть средневекового Отрара (опыт графической реконструкции) // Харабалары известия. Серия общественных наук. № 1. 2003.

Иоанесян О.М. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа LXIX. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013.

Искусство Азербайджана. Т. VIII. Баку, 1949.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгари и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Волжская Булгари и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2009.

Казарян А.Ю., Белецкий Д.В. Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // Вестник археологического центра. Вып. III. Назрань, 2009.

Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии, вып. 1. Уфа, 1956.

Каминский В.Н., Каминская И.В. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Вып. 2. Армавир-Москва, 1996.

Кастанье И.А. Развалины Болгасын и Челкарская степь // Труды ОУАК, вып. XIX. Оренбург, 1907.

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края// Труды ОУАК, вып. XXII. Оренбург, 1910.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей// Труды ОУАК, вып. XXVI. Оренбург, 1911.

Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка. // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993.

Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum plus. № 6. 2005-2009.

Кирилко В.П. Фунская часовня № 1 // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах № 22.Сборник статей, посвященный юбилею О.А. Махневой. Донецк: «Донбасс», 2010.

Кирилко В.П. Двухапсидные храмы Таврики // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах № 28.Сборник статей, посвященный 1800-летию Судака. Донецк: «Донбасс», 2012а.

Кирилко В.П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское). Stratum plus. №6. 2012б.

Кирилко В.П., Мыц В.Л. Октогональный храм Мангупа //Античная древность и средние века. Сборник научных трудов. Вып. 32. Екатеринбург, 2001.

Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы-Актобе, 2011.

Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.

Кочнев Б.Д. Средневековые культовые сооружения Средней Азии. Ташкент, 1976.

Крамаровский М.Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры. Тез. докл. Всесоюзной конференции. Суздаль 1991 г. М., 1990.

Крамаровский М.Г. Крым в XIII- XIV веках: Тюрко-монгольский Восток и латинский Запад // Славяне и кочевой мир. Тез. докл. М., 1998.

Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды: хронология и проблемы культургенеза // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб, 2004.

Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.

Крамаровский М.Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII-XIV вв. // Archeologia Abrahamica. M, 2009.

Кригер В.А. Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1930 г. // Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32.

Круглов У.В., Клепиков В.М. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград: «Перемена», 1993.

Крупнов Е.И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА № 114. М., 1963.

Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, 2006.

Кубанкин Д.А. Христианское население золотоордынского города Укек // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань, Астрахань, 2011.

Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. № 1.

Кудрявцев А.А. К изучению архитектуры средневекового Дербента (VIII-XIII вв.) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала, 1989.

Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: «Ир», 1977.

Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI-IX вв. Тюхтякская культура древних хакасов (IX-X вв.). Аскизская культура (средневековые хакасы X-IV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Севеверного Кавказа. Ч. 1. М., 1966.

Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды ГИМ, вып. 37. М.: ГИМ, 1960.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971.

Лосицкий Ю.Г. Реконструкция храма в Сотере //Алушта и Алуштинский регион с древних времен и до наших дней. Киев: «Стилос», 2002.

Лоу Цинси Традиционная архитектура Китая. Пекин, 2002.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древних времен и до наших дней. Киев: «Стилос», 2002.

Ляхов С.В., Якубовский Г.А. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. Саратов, 1993.

Мажитов Н.А., Яминов А.Ф. Раннемусульманские надгробные памятники-мавзолеи Башкирии золотоордынского времени // Башкирский край и его народы. Уфа, 1990.

Майдар Д. Архитектура и градостроительство в Монголии. М., 1971.

Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.

Малиновский К.Н. Отчет о поездке в с. Селитренное (Княжевской волости, Енотаевского уезда) летом 1888 года члена Общества К.Н. Малиновского // Сборник трудов членов ПОИАК. Астрахань, 1892.

Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религии в Золотой Орде. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998.

Малышев А.Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. //Археология восточно-европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2007.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992.

Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашка-дарьи. Ташкент, 1971.

Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи Фудины и Касби. // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. IX-начало XX в. – Ташкент, 1980.

Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.

Маньковская Л., Булатова Л. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.

Масловский А.М. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов, 2006.

Массон М.Е. О датировке так называемого мавзолея Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче // Известия АН ТССР. Ашхабад, 1952. № 4.

Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви // Города Туркестана. Алматы, 1999.

Мендикулов М. Некоторые данные об истории архитектуры Казахстана // Известия АН Каз. СССР, № 80, вып. 2. Алма-Ата, 1950.

Микаэлян В.А. История армянской колонии в Крыму. Ереван, 1964.

Микаэлян Э.В. История крымских армян. Киев: ООО Энегрия плюс, 2004.

Милорадович О. В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА, 1963, № 114.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 5. Ставрополь, 1953.

Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополья. – Ставрополь, 1965.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: «Таврия», 1997.

Могаричев Ю. Крым. «Пещерные города». Киев: «Вища школа – XXI», 2010.

Могильников В.А. Тюрки. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Мордвинцев В.Л., Кисиль И.А. Двухапсидные храмы Крыма // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции. Киев-Судак: «Академпериодика», 2002.

Моржерин К.Ю. Мавзолей у с. Царевщины Саратовской области // Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне. Тез. Докл. М., 2006.

Мухамадиев А.Г., Фёдоров-Давыдов Г.А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. М., 1972.

Мыськов Е.П. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002.

Мыськов Е.П. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник, вып. 6. Волгоград, 2003.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7. Ред. С.Н. Савенко. Армавир-Ставрополь, 2007.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанского ханств // Труды I Археологического съезда, Т.II. М., 1871.

Немцева Н.Б. К вопросу о периодизации, датировке и функции Ходжа Машад в Саёте // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. Ташкент, 1979.

Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.

Неразик Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (X-XIV вв.). М., 1976.

Неразик Е.Е. Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с проблемами формирования некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982..

Неразик Е.Е. Усадьба в Якке-Парсанском оазисе// Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Нестерова Т.П. Золотоордынское парное захоронение из каменной церкви в Старом Орхее // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань: Фэн, 2009.

Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.

Овчинникова Б.Б. Культурные трансляции в центрально-азиатском регионе расселения древних тюрков в I тысячелетии нашей эры. // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000.

Орбели И.А. Проблемы сельджукского искусства // Иранское искусство и археология. III-й Международный конгресс. Доклады. М.-Л., 1939.

Павленко Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Павловский П. Мечеть Хуссейн-бека // Москвитянин № 3, ч. II. М., 1843.

Паллас. П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 2. СПб., 1788.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768-1769 гг. Ч.1. СПб, 1908.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О Ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА 1974, № 2.

Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Росссийской Акад. наук. М. 1925. № 6–8 ; 1928. № 1–10.

Паршина Е.А. Средневековый храм в Ореанде // Археологические исследования на Украинев 1967 г. Киев: Наукова думка, 1968.

Петри Э.Ю. Раскопки в Оренбургской губернии в Тургайской области // ОАК за 1889. СПб., 1892.

Пигарев Е.М. Погребения в склепах гурхана Селитренного городища (по материалам раскопок 2004-2005 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

Пилявский В.И. Куня-Ургенч. Л., 1974.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. 5: Псковская вторая и Софийская первая летописи.

Полное собрание ученых путешествий по России. T.VI (Записки путешествия академика И.П. Фалька) СПб., 1824.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.

Полубояринова М.Д. Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре // КСИА, № 190. М.: Наука, 1987.

Полубояринова М.Д. Дома монгольского типа в Болгаре. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. 30 сентября- 3 октября 2008 г. Донские древности, вып. 10. Азов: изд-во Азовского музея-заповедника, 2009.

Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973.

Полякова Г.Ф. Археологическое исследование соборной мечети // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Попов С.А. Тайны Пятимаров. Челябинск, 1971.

Прибыткова А.М. О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии в IX-X вв. // Архитектурное наследство, 1958, № 11.

Прибыткова А.М. Мавзолей Фахр-ар-дин-Рази в Куня-Ургенче // Архитектурное наследство.1961. № 12.

Прибыткова А.М. О «красивой мечети» Дандакана // Архитектурное наследство.1964. № 17.

Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии IX-X вв. М., 1973.

Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ. т.I. Ашхабад, 1939.

Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ, вып. 1 (ред. М.Е. Массон). Ашхабад, 1949.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.

Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967.

Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976.

Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.

Райс. Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М., 2004.

Ракушин А.И. Подкурганные кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье // Археологические вести. Саратов, 1993.

Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА, 1969. № 4.

Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА, 1973. № 1.

Рубрук Г. Путешествия в восточные страны// Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга марко Поло. М., 1997.

Рудаков В.Г., Мазур Л.Д. Полуподземный купольный склеп под жилым домом в селе Селитренном // От палеолита до средневековья. Сборник научных трудов памяти Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2011.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.

Рыскелдиев Т. Әзірет Сұлтан Мемлеттік тарихи-мәдени қорық музейі. Алматы, 2003.

Рычков П. Топография Оренбургской губернии, ч.II. Оренбург, 1762.

Саков С.Е. Доклад реферата Шаленкова о Мавзолеях Башкирии // Древности восточные. Труды восточной комиссии московского археологического общества, т.II, вып.2. М., 1901.

Сальников К.В. Древние памятники Урала. Свердловск, 1952.

Самашев З., Кожа М. Элитный культовый комплекс Сарайчика // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2007.

Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище Кызылуийк. Астана, 2011.

Саттарова Л.И. Сельджукское искусство // Очерки истории распространения исламской цивилизации. От рождения исламской цивилизации до Монгольского завоевания. Т.1. М., 2002.

Свиньин П. Развалины города Болгар // Отечественные записки, 1824. № 48.

Семенов Л.П. 1928. Мавзолей Борга-хаш // Известия Ингушского НИИ краеведения вып. 1. Владикавказ, 1928.

Семенов Л.П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.

Семенов Л.П. Брагунский мавзолей // Известия СОНИИ, т.XVII. Орджоникидзе, 1956.

Скисов С.Ю. Курхана на Нижней Волге // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2-6 октября 2011 г. Казань, Астрахань, 2011.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы, 2011а.

Смагулов Е.А. Наземные склепы Борижарского могильника // Вопросы археологии Казахстана. Вып.3. Сб.науч.статей. Алматы, 2011б,

Смагулов Е.А. Жума мечети Отрара и Саурана: общее и особенное // Известия национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2013. № 3.

Смагулов Е.А., Ерзакович Л.Б. Исследование джума мечети эпохи Тимура в Отраре // Амир Тимур ва дуниё тарихидаги урни. Самарканд, 1996.

Смагулов Е.А., Туякбаев М.К., Ержигитова А.А. Жума мечеть на Регистане Саурана // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2007.

Смирнов А.П. Волжские Булгары // Труды ГИМ. Вып.XIX. М, 1951.

Смирнов А.П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА № 42. М.-Л.,1954.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // МИА, 58. М.-Л., 1957.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара //Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. МИА 61. М., 1958.

Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле Волжских Болгар // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976

Смирнов Г.Д. Археологические исследования Старого Орхея // КСИИМК, 1954. вып. 56.

Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926.

Спицын А.А. Отчёт о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 г. на Жарёный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895.

Спицын А.А. Раскопки курганов близ с. Колодистого Киевской губернии // ИАК, вып. 12. СПб., 1904.

Стародуб Т.Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989.

Стародуб Т.Х. Рибат и ханака: термин и архитектурный тип // Культурные ценности. СПб, 2004.

Стоколос В.С. Археологические исследования Челябинского областного музея // Вопросы археологии Урала, вып. 2. Свердловск, 1962.

Сумбадзе Л.З. Колхидское жилище по Витрувию //АН, № 11, 1958.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординского часу Дніпровского лісостепового Лівобережжя. Київ-Полтава: «Археологія», 2004. 81

Сызранов А.В. Культ мусульманских «святых мест» – «аулья» в Астраханском крае // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Сызранов А.В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007.

Талеев Д.А. Результаты раскопок на Айт мечети // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2007.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев: «Стилус», 2004.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. Арабские источники. СПб, 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. Персидские источники. М.-Л., 1941.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. литературы, 1962.

Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2002.

Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.

Устав для генуэзских владений в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Перевод и комментарий В. Юргевича // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863.

Федоров-Давыдов Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. // Труды VII МКАЭН. М., 1964.

Федоров-Давыдов Г.А. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в. // Вестник МГУ, 1965. № 6.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая Археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли, 1998.

Фронжуло М.А. Раскопки «Храма с аркадой» Судакской крепости (1969-1975 гг.) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А., Калдырбаев М.С., Сакенов С.К., Свиридов А.Н. Культовые памятники Тенгиз-Коргалжинской впадины. Астана, 2011.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.

Халитов Н.Х. К реконструкции первоначального облика Малого минарета в Болгарах // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». Вып. 1. Казань, 2009.

Халпахчьян О. Двухапсидные базилики Армении // Известия АН АрмССР, 1954. № 8.

Халпахчьян О.Х. Караван-сараи Армении // АН, т.11, 1957.

Хан-Магомедов С.О. Джума-мечеть в Дербенте // СА, № 1, 1970.

Хан-Магомедов С.О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана // АН, т 11, 1958.

Хаутала Р. Исламизация татар, согласно латинским источникам конца XIII- 1-ой пол. XIVв. // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012.

Хлебникова Т.А. Археологические исследования мавзолеев города Великие Болгары в 1966 г. // Поволжье в Средние века. М., 1970.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин-Рига, 1992.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI-начала XIII вв. Часть I. Берлин-Рига, 1996.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть II. Берлин-Рига, 1997.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига, 2000.

Хмельницкий С. Ходжа Машад. Берлин-Рига, 2001.

Хмельницкий С. Архитектура средневековых дворцов Центральной Азии// Transoxiana. Ташкент, 2004.

Хмельницкий С. Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX-XII веков. Берлин, 2006.

Хреков А.А. Исследования в лесостепном Прихоперье. // АО, 1986.

Цыбин М.В. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская конференция. г. Волгоград, 1-5 ноября, 2004 г. Тез. докл. Волгоград, 2004.

Цыбин М.В. Русско-ордынское пограничье в Подонье (по данным археологических исследований) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). Тез.докл. М., 2006.

Цыбин М.В., Савицкий Н.М. Планировка мавзолея у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Воронеж, 2009.

Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 4 (70). Кишинев, 1960.

Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М., 1970.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы Древней истории и культуры Северного Кавказа. (ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский). М., 2004.

Чхаидзе В.Н. Погребальное сооружение XIV в. с сырцовой оградкой в Ростовской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Магас, 2010.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966.

Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды IV археологического съезда, т. 1. Казань, 1884.

Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Булгар. М., 1832.

Шнадштейн Е.В. Археологические памятники Астраханской области. Астрахань, 1990.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Шуази О. Всеобщая история архитектуры. М., 2008.

Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928.

Щеблыкин И.П., Горчакова Н.Г. Гянджа в XII в. //Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М.-Баку, 1947.

Щепетильников Н.М. Архитектура Монголии. М., 1960.

Эварницкий Д.И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле в 1905 г. Т.1. М., 1907.

Юматов В.С. Древние памятники на земле башкирцев Чубилинской волости // Оренбургские губернские ведомости, № 5. 1848.

Юрченко А. Г. Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология, краеведение. Ставрополь, 2009.

Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960.

Юсупов Х. Выдающиеся архитектурные памятники древнего Гурганджа // Приаралье в древности и средневековье. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1998.

Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия IX история. 1975. № 2.

Яворская Л.В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999.

Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму // СА, 1946. № VIII.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА СССР. № 17, 1950а.

Якобсон А.Л. Очерк истории зодчества Армении V-XVII веков. М.-Л.: Гос. изд-во градостроительства и архитектуры, 1950б.

Якобсон А.Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму. В.В., 1956. Т. VIII.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА СССР. № 63. М. – Л.: Изд.-во АН СССР, 1959.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л. Наука, 1964а.

Якобсон А.Л. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму // Историко-филологический журнал. Ереван, 1964б. № 4.

Якобсон А.Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л.: Наука, 1983.

Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л.: Наука, 1985.

Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX-XV вв. Л.: Наука, 1987.

Якобсон А.Л., Таманян Ю.А. Армянская архитектура в Крыму. Изд. «Айстан», 1992.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия ГАИМК. Т.6, вып. 2. Л., 1930.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия ГАИМК, VIII. Вып. 2-3. Л., 1931.

Якубовский А.Ю. Феодализм на Востоке: Столица Золотой Орды Сарай Берке. Л., 1932.

Яшаева Т.Ю. Средневековый монастырь на мысе Виноградный // Крымский музей. № 4. Симферополь: «Таврия», 1994.

Bähr K. Beitrage zur Kenntnise des Russischen Reiches, IV. SPb., 1839.

Blair S.S., Bloom J.M. The Art and Architecture of Islam 1250-1800. Yale University Press, 1994.

Bartold V. Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islam // Oriental studies in honour of C.E. Pavry. London, 1933.

Creswell K.A.C. A short account of early muslim Architecture. Middlesex, 1958.

Erdenebat U., Pohl E. Aus der Mitte der Hauptstadt – Die Ausgrabungen der Universität Bonn im Zentrum von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, München, 2005.

Ettinghausen R., Grabar O. The Art and Architecture of Islam: 650-1250. New Haven and London, 1987.

Godard A. L'Art de Iran. Paris, 1962.

Grabar O. The formation of Islamic Art. New Haven and London, 1973.

Gropp G. Das Mausoleum der Turabek Khanom in Urganj – eine osteuropäisch-mittelasiatische Kulturbegegnung im 14 Jahrhundert // Kotobuki Festschrift zu Ehren von Ursula Lienert / Deutsche Ostasienstudien 4. Berlin: Ostasien Verlag, 2009.

Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im caukasischen Gebirge. B.I. SPb., 1787.

Güldenstadt I. Reisen durch Russland und im caukasischen Gebirge. B. II S.-Pb., 1791.

Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1935.

Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994.

Hüttel H.-G. Der Palast des Ögedei Khan – Die Ausgrabungen des Deutschen Archaologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, München, 2005.

Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. B.II. Berlin u. Halle, 1812-1814.

L'Islam. Arts et Civilisations (Dir. M. Hattstein, P. Delius). Könemann, 2004.

Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Berlin u. Halle, 1812-1814.

Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Büsching. – Hamburg, 1771.

Nesterov T. Situl Orheiul Vechi. Monumente de arhitektura. Moldova, Epigraf, 2003.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793-1794. B. I. Leipzig, 1799.

Petersen A. Dictionary of Islamic Architecture. London and New York, 1996.

Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et die Caucase. 2. Paris, 1829.

Sarre Tr. Rheise in Kleinasien. Berlin, 1986.

Stierlin H. Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba. Vol.1. Köln, 1996.

Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln, 1998.

Ünsal Benset. Turkish Islamik Architecture. Seldjuk to Ottoman. New York, 1973.

Xiao Mo. Chinese Architecture. Beijing, 1999.

Zilivinskaya E. Main Principles of Planning of the Golden Horde Mosques // Toward an Archaeology of Buildings Contexts and concepts. Ten papers on the analysis of standing buildings and concepts of building reconstruction. BAR International Series 1186. Oxford, 2003.

Архивные материалы

Алихова А.Е. Отчет о раскопках Мордовской наровчатской экспедиции в с. Наровчат Пензенской области в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2102.

Батчаев В.М. Отчет об археологических разведках экспедиции КБНИИ в 1985 г. // Архив ИА РАН, № Р-1 13969, 13970.

Березин Я.Б. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка 5» Ипатовского района Ставропольского края в 1998 г. // Архив ИА РАН Р-1, № 22352, 22353.

Гарустович Г.Н. Отчет об археологических раскопках в Чишминском, Дуванском, Уфимском, Иглинском районах Башкирской АССР в 1985 г. // Архив ИА РАН, № Р-1 10972, 10972а.

Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Ленинского района Волгоградской области в 2005.г. // Архив ИА РАН, Р-1 № 25967. Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1980 год // Архив ИА Украины, № 1980/69.

Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 году. // Архив ИА РАН, № Р-1 6719, 6719г.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., Малиновская Н.В., Паромов Я.М. Отчет о раскопках курганов в Черноярском и Енотаевском районах Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН, № Р-1 8538, 8538б.

Дремов И.И. Отчет о раскопках могильников у сел Березовка, Новопривольное и Белогорское в Саратовской области в 1988 г. // Архив ИА РАН № Р-1 13782.

Йоне Г.И. Отчет о полевых археологических работах сектора археологии КБНИИ в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1 N 3395.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1980 году // Архив ИА Украины. № 1980/69.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1984 году // Архив ИА Украины. № 1984/165.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив ИА Украины. № 1985/94.

Крамаровский М.Г. Исследования на городище Солхат. Отчет экспедиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа за 1986 год // Архив ИА Украины, № 1986/95.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив ИА Украины. № 1991/

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив ИА Украины. № 1992/

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив ИА Украины. № 1993/

Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г. // Архив ИА РАН № Р-1 10342, 10342а.

Крупнов В.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Милорадович О.В., Мунчаев Р.М. Полный научный отчет объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1960 г. //Архив ИА РАН № 2183.

Мажитов Н.А., Салихов Р.Т., Халиуллин Р.И. Отчет о раскопках средневекового мавзолея Бэндэбикэ в Кугаринском районе БАССР в 1969 г. // ИА РАН. Р-1, № 4009.

Мыськов Е.П. Отчет о раскопках могильника Царев, проведенного Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1989 г. // Архив ИА РАН №№ Р-1 14226, 14227.

Мыськов Е.П. Отчет о раскопках могильника Царев, проведенного Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1989 г. // Архив ИА РАН №№ Р-1 15669.

Плахов В.В. Отчет о раскопках мавзолея XIV в. и могильника у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1987 году.Архив ИА РАН. Р-1, № 12519, 12519а.

Плахов В.В. Отчет о раскопках культового комплекса XIII века у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1989 году // Архив ИА РАН, 1989. Р-1, № 14194, 14195.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII-XIV вв., расположенного у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области, в 1991 г. // Архив ИА РАН, 1989. Р-1, № 116333.

Попов А.С. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН, 1969. Р-1, № 3956, 3956а.

Попов А.С. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН, 1970. Р-1, № 5438, 5438а.

Рудаков В. Г. Отчёт об археологических разведках на территории Селитренного городища и его окрестностей в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р.–1. №№ 22894,22895.

Рыков П.С. Дневник археологических раскопок в Калмыцкой области и близ с. Селитренного Харабалинского района Нижне-Волжского края летом 1931. Архив ИИМК. Оп.1, арх № 845. 1931.

Турецкий М.А. Отчет о раскопках курганных могильников у с. Изобильное Соль-Илецкого района Оренбургской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 18708.

Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г. Отчёт о раскопках золотоордынского городища у с. Селитренного Астраханской области Харабалинского района (Сарай-Бату) в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р–1. №№ 3909, 3909а.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Астраханской области в 1975 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 5846.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Гусева Т.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1977 году. Архив ИА РАН. Р-1, № 6687, 6687а.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М., Скоробогатова Т.В. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1982 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 9792.

Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Булатов Н.М. Отчет о раскопках Селитренного городища Астраханской области в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9275.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10766.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 11755, 11755а-в.

Филипченко В.В. Отчет о археологических разведках в 1952 г. Астраханским областным краеведческим музеем на территории Каспийского, Лиманского, Красноярского, Харабалинского районов Астраханской области. // Архив ИА РАН.Р-1, № 1265.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1986 г. по раскопкам у с. Шацкино Лучканского района Тамбовской области и с. Ключи Балашовского р-на Саратовской области. // Архив ИА РАН № Р-1 11672.

Шнадштейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Астраханской области в 1983 году. // Архив ИА РАН № Р-1 14852, 14852а.

Шнадштейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Астраханской области в 1984 году. // Архив ИА РАН № Р-1 а.

Шнадштейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Астраханской области в 1985 году. // Архив ИА РАН № Р-1 10756, 10756а.

Яковлев А.В. Отчет о раскопках курганных могильников «Совруно 1» и «Совруно 2» у совхоза Советское руно Ипатовского р-на Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 23835, 23836.

Яковлев А.В. Отчет о раскопках курганных могильников Шарахалсун 5 на территории Апанасенского р-на Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН, (без номера).

Якубовский Г.Л. Отчет об охранных раскопках в Саратовской области в 1988 г. // Архив ИА РАН № Р-1 12766.

Визуальные материалы

Рисунок развалин старого города Маджара, находящегося при впадении р. Буйволы в Куму. Автор Мих. Некрасов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760).

План остатков г. Маджара с ситуацией. Автор А. Голохвостов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 868).

Иванов М.М. Дорога от Егорьевской крепости к Мафарам. Отдел рисунка ГРМ. Р-30009.

Иванов М.М. Мажарские древности. Отдел рисунка ГРМ. Р-30010.

Иванов М.М. Древние развалины. Отдел рисунка ГРМ. Р-30011.

Иванов М.М. Река Байвал. Отдел рисунка ГРМ. Р-30012.

Карта Российской империи между Каспийским и Азовским морями и земле близ линий лежащей. Составлена дивизионным квартирмейстером капитан лейтенантом фон Штедером в 1782 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Дело 25675. Л. 1.

Интернет-порталы

http://discover.crimea.ua/panoramy-po-kategoriyam/istoriya
http://www.archiportal.crimea.ua/simferopol
http://cidct.org.ua
http://turkey-info.ru/forum/viewtopic.php?f=16&t=3004521
(http://files.stroyinf.ru/Data1/6/6842/)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Архитектурное наследство, М.
АО – Археологические открытия, М.
АН Каз ССР – Академия наук Казахской ССР
ВДИ – Вестник Древней истории, М.
ВИА – Всеобщая история архитектуры, М.-Л.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры,
ГРМ – Государственный Русский музей
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КБ НИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры, Л.
МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, М.-Л.
ОР БАН – Отдел рукописей Библиотеки Академии наук
ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
ПОИАК – Петровское общество исследователей Астраханского края,
СА – Советская археология. М
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
СЭ – Советская этнография. М.
ЮККАЭ – Южно-Казахстанская комплексная экспедиция
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Emma Zilivinskaya

The Golden Horde Architecture: Cult Monuments

ABSTRACT

INTRODUCTION

The multicultural character of the Golden Horde has been repeatedly intimated. It is believed that its culture displayed a syncretism and/or a synthesis of different traditions. This is scarcely surprising since Jochi's, Genghis Khan's son's, ulus, i.e. apanage, later called the Golden Horde, emerged in the mid-13th century as a result of Mongol conquests. It encompassed the traditionally sedentary areas such as Southern and Eastern Kazakhstan, the left-bank Khorezm, the North Caucasus, the Crimea, the Volga Bulgaria, Mordvinian lands, and the Dniester region. Yet for the most part its territory consisted of the desert, steppe and forest-steppe regions of northern and western Kazakhstan, the Volga-Ural interfluve, and the Volga, Don and Dnieper drainages, known under the blanket term Desht-i Kipchak, the Persian for the 'Kipchak steppe', populated by nomadic and semi-nomadic peoples. There had been hardly any towns there in pre-Mongol times but the late 13th century saw a vigorous founding of cities just on the steppes, and the Lower Volga basin became the centre of the Golden Horde. The nomadic Mongols used the forced labour of skilled craftsmen recruited from conquered peoples to build their settlements. Multiethnicity and the resulting multiculturalism of the Golden Horde society was most prominent in its cities inhabited by builders, artisans, and merchants from all countries affected by Mongol expansion while the steppe population was much more homogenous. Monumental structures determining the outlook of cities are the most graphic examples of urban culture. Moreover, buildings are open to archaeological investigation. Therefore the study of monumental architecture enables us to trace the interaction of various traditions in the course of formation of urban culture of the Golden Horde fairly adequately.

The thesis of prevailing Iranian and Central Asian influence on the Golden Horde architecture has been constantly evoked in historiography. The influence of Asia Minor is only recognized with regard to the Crimea. As to the Volga Bulgaria, elements of Armenian and Azerbaijani building technique and those of Seljuk architecture of Rum have been identified. It is worth noting, however, that all the studies of the Golden Horde architecture have dealt with either individual sites or, at the very best, site complexes of a certain region. Since the last quarter of the 20th century archaeological excavations have uncovered a large number of monumental structures. Some kinds of buildings number in the tens. It is high time therefore to scrutinize the architecture of the Golden Horde as a whole. The accumulation of evidence and refinement of our understanding of the Golden Horde urban culture enable us to distinguish in more detail the elements which were first brought together mechanically and then gave an impetus to the formation of a new Golden Horde style called 'high-flown' and 'imperial' by G. Fyodorov-Davydov. Additional insights can be provided by a typological analysis of certain kinds of buildings as well as by a stylistic analysis of their elements and architectural details.

It should also be taken into account that the composite culture, which emerged overnight in the cities of Djochi's Ulus and perished just as unexpectedly with the fall of the state, had a certain impact on some peoples of this country and consequently became a part of the world cultural process. Architectural monuments of the Golden Horde are samples of architecture of a Muslim state whose area in the 13th – 14th centuries exceeded those of Turkey and Iran. Nevertheless even the most comprehensive foreign editions encompassing monuments of Islamic architecture dating from the first years A.H. (Anno Hegirae) to modern times all over the world do not mention the Golden Horde. It

appears that the emergence of general works devoted to the architecture of Jochi's Ulus would help to contextualize it and allow it to occupy its proper, if a modest place in world culture.

Chronological framework of this book ranges from the foundation of Jochi's Ulus, i.e. from the 1240s up to the ultimate split of the Golden Horde in the mid-15th century. The Golden Horde, like all the nomadic empires, was short-lived; it existed a little over 200 years. Yet the timespan of structures under study is even narrower since the majority of monumental buildings of the Golden Horde did not emerge before the late 13th – early 14th centuries. Thus, this work covers the period from the late 13th to the mid-15th centuries.

The Golden Horde was an enormous polity stretching from Western Siberia to the Danube and from the frontier of Russian principalities to the lower Amu-Darya basin. It was the last nomadic empire embracing vast territories both in Europe and Asia. Since the Golden Horde encompassed areas and states of varying economic and cultural development all the monuments are analyzed by regions. For its European part these are the Volga Bulgaria with the neighbouring Mordvinian lands, the Middle and Lower Volga drainage, the North Caucasus and the westerly areas including the Crimea, the Don and Dnieper basins, and the Prut-Dniester interfluve. The Asian part of the Golden Horde can also be divided into several areas of uneven cultural-historical development. These are the Volga-Ural interfluve, i.e. Bashkiria and Western Kazakhstan, Northern Kazakhstan, Southern Kazakhstan, and Khorezm. The Golden Horde monuments from these regions are pooled since they have not been adequately explored.

The archaeological record

Some monumental structures in such regions of the Golden Horde as the Volga Bulgaria, the Crimea, the North Caucasus, Western Kazakhstan, and Khorezm have survived either completely or for the most part. These buildings are priceless historical sources enabling us to reconstruct the less lucky monuments. Drawings and descriptions of structures now fallen into ruin made by scholars and travellers of the 18th – 19th centuries are nearly as informative. Some now collapsed buildings were photographed in the early 20th century.

The main source of this work is the published archaeological record. For the Volga Bulgaria it is represented by the results of the long-term excavations carried out at the Bulgar site by the expedition under A.P. Smirnov and his pupils and followers: T.A. Khlebnikova, M.D. Poluboyarinova and R.F. Sharifullin. Monumental structures of the Golden Horde time were uncovered by A.Kh. Khalikov at the Bilyar site. The Mokhshi site in Mordovia was investigated by A.E. Alikhova.

Large-scale excavations were conducted in the Lower Volga area by the joint Povolzhye expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and Moscow State University. Its founder and long-time head G.A. Fyodorov-Davydov and his pupils and collaborators V.L. Egorov, A.G. Mukhamadiev, N.M. Bulatov, L.T. Yablonsky, T.V. Guseva, L.M. Noskova et al. collected enormous evidence on all the aspects of the Golden Horde urban life including building and architecture. The works of G.A. Fyodorov-Davydov are indispensable for the study of architectural monuments of the Golden Horde.

Large-scale excavations were carried out by the North Caucasian expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences headed by E.I. Krupnov aided by O.V. Miloradovich and V.A. Kuznetsov at the Upper Julat habitation site in the North Caucasus. The Lower Julat site was investigated by an expedition of the Kabardian-Balkarian Reserarch Institute headed by G.I. Jone and later by I.M. Chechenov.

The study of Solkhat, an important Golden Horde centre in the Crimea, was initiated in the 1920s. An expedition of the Oriental Department of the State Hermitage headed by M.G. Kramarovsky has excavated it since 1978. The Kuchugury habitation site situated near the city of Zaporozhye on the left bank of the Dnieper was investigated in the 1950s. Its monumental structures were published by V.I. Dovzhenok. The westernmost city of the Golden Horde time, the Old Orkhey settlement in the Prut-Dniester interfluve, was studied by G.D. Smirnov and P.P. Bîrnea.

The best studied site in the Asiatic part of the Golden Horde is the city of Otrar in Southern Kazakhstan investigated for many years by the Otrar Expedition of the Institute of Archaeology of the

Kazakh Academy of Sciences headed by K.A. Akishev. In recent years vigorous excavations are carried out at the sites of Sauran in Southern Kazakhstan and Zhaiyk in Western Kazakhstan. Some sites of the Golden Horde time were investigated at Kunia-Urgench and in the lower Syr-Darya basin by the Khorezm Expedition under S.P. Tolstov. A number of archaeological objects have been excavated and published by archaeologists from Ufa and Chelyabinsk.

Certain evidence was yielded by the excavations carried out by the present author at the Selitrennoe site in the Lower Volga area and the Majary site in the Stavropol Region. Unpublished data from reports of excavations kept at the Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences were also used.

In this work cult and memorial buildings from the entire territory of the Golden Horde are pooled and studied integrally for the first time. The former include both Islamic institutions such as mosques, minarets, madrasah's, khāneqāh's, auliya's, etc., and Christian churches. Sepulchral structures, i.e. mausoleums, have been investigated in all parts of the Golden Horde and constitute the majority of extant architectural monuments. There are also such interesting and poorly explored objects as hypogea having served as mausoleums. The currently available evidence enables us to elaborate a fairly sophisticated typology of distinct categories of buildings and trace their spread.

Monumental buildings of the Golden Horde are viewed in the context of architecture of the Middle East, Transcaucasia and Asia Minor which enables us to distinguish the role of various cultural traditions in the genesis of the Golden Horde architecture. The study of building traditions also implies the division of the Golden Horde into several cultural provinces.

At the same time the emergence of new traits and techniques unique to the Golden Horde archirecture can be noted. It is indicative of the recasting of absorbed traditions and formation of original architecture.

CULT STRUCTURES

Chapter 1. Mosques

Mosques are the most important religious buildings in all Islamic countries. They had had a long history by the time of their emergence in the Golden Horde cities and different types of mosques were typical of different parts of the Muslim world.

It is believed that early mosques were modelled on the open courtyard of the Prophet's house where there was a praying zone under an awning in front of the qiblah, i.e. Mecca-oriented wall and awnings along the other walls. Thus the standard pattern known as the Arab mosque was formed (Hillenbrand,1994; Petersen,1996; Stierlin, 1996). At the same time it has been noted (Creswell, 1958; Grabar, 1973; Ettinghausen, Grabar, 1987) that the polystyle pattern of praying rooms of mosques took shape under the influence of Persian apadana's, Egyptian hypostyle halls and Roman forums. Since the 9th century a part of the structure, usually in front of the mihrab, has been covered with domes becoming an indispensable architectural element of the mosque.

The courtyard pattern spread over Arab caliphate has prevailed in the westerly part of the Islamic world ever since.

The formation of architectural patterns in Iran and Central Asia was different. Arab governors built mosques of courtyard pattern in the cities of Iran but Iranians patterned their mosques on pre-Islamic structures of the Sassanid epoch. Thus appear local types of mosques: the kiosk mosque in the west and the iwan mosque in the east (Herzfeld, 1935; Godard, 1962). Under the Seljuks a combination of the Arab and local patterns produced the quadriwanal pattern prevailing since the 12th century (Petersen, 1996). Some scholars trace the origins of mosques with a large courtyard, four iwans along the axes and domed ceilings to pre-Islamic dwelling houses of Iran and Iraq (Ettinghausen, Grabar, 1987). The Arab courtyard mosque pattern was also introduced in Central Asia yet there existed structures of local origin as well. Mosques of the dome-hall type just as the kiosk

mosque in Iran are modelled on Zoroastrian fire sanctuaries, the chortak's (Пугаченкова, 1958; С. Хмельницкий, 1992). Polystyle multi-domed mosques are also of local origin (Прибыткова, 1958; 1973; С. Хмельницкий, 1992). In later periods the merging of the Arab and local traditions produced the multivariety of types of Central Asian mosques (Маньковская, 1980).

The evolution of mosques in Asia Minor under the Seljuks of Rum was quite original (Benset, 1973; Hillenbrand, 1994; Stierlin, 1998). Initially either Arab mosques of the courtyard pattern or domed structures of Iranian origin were built there. The inner courtyard in Arab mosques became roofed in the 11th – 12th centuries AD and the majority of mosques of that period are structures of basilican pattern, i.e. polystyle halls with a flat ceiling supported by beams or arcades. The antemihrab part was often domed, and there could be a skylight being a survival of the courtyard either at the centre of ceiling or nearer the exit. The first mosques of the Golden Horde, a state situated on the edge of the Islamic world, were probably built under Berke who was a Muslim and favoured urban construction. Yet their mass erection took place under Uzbek who made Islam official religion and saw the flourishing of cities. It is in the time of his reign that Ibn Battuta mentioned thirteen congregational and many other mosques at Saray only (Тизенгаузен, 1884: 306). Unfortunately, the number of mosques investigated on the territory of the entire Golden Horde is only a trifle higher than that mentioned by Ibn Battuta. Nevertheless, the available evidence gives us an insight into their planning.

Mosques have been studied in different parts of the Golden Horde – in the Volga Bulgaria, the LowerVolga basin, the North Caucasus, the Crimea, the Dnieper and Dniester valleys and Southern Kazakhstan. The majority of these structures belong to one and the same type; they are either square- or rectangular-planned and their inner space is divided by rows of columns supporting a flat ceiling of beams or arcades. Rectangular mosques are usually elongated meridionally but sometimes latitudinally, as is the case with the Great Mosque of the Upper Julat. The main entrance in the north wall facing the mihrab is framed with a portal. A larger building may have additional side entrances as at Bolgar, Saray and Kuchugury. The mosque of Saray has a small inner courtyard with a pool at the centre. The space in front of the mihrab in the mosque at the Vodianskoe site is partitioned off and it seems likely that the roof over it was heightened.

This type of mosques prevailing in the Golden Horde was formed under the influence of Asia Minor. As mentioned above, Anatolian mosques of the Seljuk period were basilicas, i.e. rectangular halls partitioned into aisles by rows of pillars connected by beams or arcades. The most typical trait of Seljuk mosques is the skylight under which there is a highly reduced inner courtyard with a fountain. The anremihrab part could have been covered with a small dome. Thus, one of the simplest structures of the Seljuk-Anatolian period, the Mahmud-bey mosque near Kastamonu, is a three-nave hall with two rows of wooden pillars, a beam ceiling and a gable roof. Ulu-Cami's at Sivas and Afyon are large multi-nave halls with a transcept leading to the mihrab and a flat ceiling resting on arcades (Ünsal, 1973: 16–17; L`art…, 1981: 100–102).

The Great Mosque at the Upper Julat is of somewhat unortodox proportions; its building is elongated latitudinally. It is probably due to local traditions. Thus, the oldest mosque in the Caucasus, the Juma Mosque at Derbent built in the 8th century, is a rectangular building heavily elongated latitudinally with a protrusion in the central part of the south façade. Other mosques of similar proportions are also known (Артамонов, 1946: 141–143; Искусство…, 1949: 205; Хан-Магомедов, 1970; Кудрявцев, 1989: 110–112).

Besides large mosques of basilican plan there were mosques of different patterns in the Golden Horde. Domed mosques of the Crimea are small buildings consisting of one or two rooms. A domed square prayer hall is preceded by a rectangular antechamber with a vaulted ceiling. There may be a built-in minaret at a corner of the building. Small Anatolian mosques of the Seljuk and Early Ottoman periods such as Ala-al-Din's mosque at Bursa (AD 1335), Orkhan Gazi's mosque at Bilesik and the Green Mosque at Iznik (AD 1378) (Hillenbrand, 1994; Stierlin, 1998).

The Lesser Mosque of the Upper Julat belongs to pillar-dome structures and resembles small pillar structures of Central Asia such as mosques attached to mausoleums of Khakim al-Termezi and Khoja Isa dating to the 11th century. (Бородина, 1974). The only difference is that the latter are elon-

gated latitudinally while the former meridionally. Another pattern, however, is also possible, namely a vaulted ceiling with a strainer arch. This form can be encountered in village mosques of Azerbaijan, e.g. at a khanege, i.e. khāneqāh, on the river of Pirsagat and at Khanlar where it dates to the 13th century (Бретаницкий, 1966).

The planning of congregational mosques in the cities of the Syr-Darya valley is of a radically different kind. Both structures investigated there are of the courtyard type, which can be accounted for by the influence of the nearby Middle East.

Thus, the influence of Asia Minor prevails in the layout of the Golden Horde mosques. The Seljuk building tradition could have spread through Transcaucasia where such its examples as the Manuche mosque at Ani have survived (Арутюнян, 1951) and through the Crimea. Mosques with a hall partitioned into naves known in the Volga Bulgaria in pre-Mongol times (Халиков, Шарифуллин, 1979; Айдаров, Забирова, 1979) could also have served as an example. Starting from basilican planning with its flat ceiling Golden Horde architects reworked it in accordance with local conditions and customers' tastes. Moreover, in a number of cases the very idea of the covered hall with a flat ceiling resting on pillars was adopted yet its embodiment in different parts of the empire was varying and often original. At the same time the influence of Central Asia or local traditions, as in the Volga Bulgaria and the North Caucasus, cannot be excluded.

Chapter 2. Minarets

Minarets, either built in mosques or erected near them, are among the most important city-forming elements of the Muslim world.

Minarets in different countries differed significantly. Those of Syria, Maghreb and Spain are square-planned stone towers. Their shape derives from traditional Syrian bell-towers of the Byzantine period (Petersen, 1996; Hillenbrand, 1994). Early Abbasid minarets of Iraq consisted of a square base and a circular shaft with an external stairway. In the post-Fatimid Egypt towers of minarets included three zones, i.e. a square section in the low part, an octagonal section in the middle, and a crowning dome. Transitional zones between these sections were covered with a belt of stalactite ornaments or muqarnas (Petersen, 1996).

Minarets of Iran and Central Asia had a circular tapering form. Occasionally they were set on a square or star-shaped base; the latter could also have been faceted. Their shafts were ornamented with decorative brickwork either covering the entire shaft or divided by belts of various designs alternating with inscriptions. The 11th century saw the appearance of glazed decoration. Iranian minarets have a balcony with a wooden roof while in Central Asia they are crowned with a massive rotunda with a circular arcade and a flat ceiling. The cornice of the balcony rests on a belt of big stalactites. A second intermediate stalactite balcony appears by the late 12th century. The majority of minarets in these regions are fairly high, up to 50 metres (Воронина, 1969; Petersen, 1996).

The evolution of both mosques and minarets in Asia Minor under the Seljuks was highly original. Minarets are invariably tripartite: a high square in plan socle changes by means of triangular bevels into an octagonal prism supporting an almost imperceptibly tapering cylindrical shaft. In the upper part of the shaft there is an open balcony resting on several rows of stalactites. The shaft is crowned by a conical roof (Hillenbrand, 1994; Stierlin, 1998) and often decorated with ornamental brickwork and blue tiles. Minarets of Azerbaijan are also tripartite but squatter and the chamber above the balcony is covered with a coved dome (Бретаницкий, 1966, 1988).

Most of the Golden Horde mosques also had minarets but only two of them are extant and two more known from drawings and photographs. Only basements of other minarets have survived.

The square base of the extant Lesser Minaret at the Bolgary site changes into an octahedral tier through triangular outer bevels supporting a cylindrical, somewhat tapering shaft. The latter is crowned with a low drum of the upper tier with a conical roof. The walls are faced with thoroughly cut limestone and tuff blocks and partially plastered both on the inside and outside. Individual ele-

ments of the building are decorated with stone carvings. The Greater Minaret known from drawings had approximately the same structure.

The Tatartup minaret at the Upper Dzhulat site collapsed as late as in 1985 and consequently was well studied. Its rectangular base is built of brick and stone blocks. The brick shaft of the minaret had a conical shape and consisted of two parts. They were connected with a double belt of muqarnas supporting the balcony for the muezzin. The shaft was decorated with several ornamental bands.

The minaret of the mosque of Uzbek at Solkhat has partially survived and was renovated. It has a high, triangular-planned base, which at the roof level changes into a slender cylindrical shaft through bevels. The shaft has two tiers separated by an open balcony with a stone parapet. The sharefe balcony rests on a ledge, which was originally formed by muqarnas. The roof of the shaft has not survived, but since the whole monument has a distinct Asia Minor appearance, it seems likely that the minaret was tapering.

Only basements of minarets have survived at other sites in the Volga region, the North Caucasus, the Crimea, the Dnieper and Transnistria. In some cases, the remains of fallen shafts and some architectural details were found. It only enables one to reconstruct their general structure. It is safe to say that they had a prismatic basement changing into a ciruclar in section shaft either through an octagonal part or directly.

Minarets of the Golden Horde are divided into three groups according to their position with regard to the mosque: 1) set apart from it; 2) with the base annexed to the mosque wall; 3) with the base built in the wall volume. Both detached and attached to mosques minarets have either a cubic or prismatic base, which changes into either an octagonal prism or directly into a cylindrical slightly tapering shaft by means of external bevels. Only the minarets of the mosque at Otrar flanking its portal did not have such a socle and were cylindrical from the very basement. Built-in minarets have a polyhedron base made either of stone or burnt bricks. The shaft is usually made of brick but sometimes of stone. Stone structures were decorated with carvings. Shafts of brick minarets are decorated with ornamental bands of carved terracotta, shaped bricks, stucco and glazed tile inserts. Under the little balcony for the muezzin there is a belt of muqarnas. The roof of minarets is conical.

The surviving structures have been analyzed most extensively. The similarity of the minarets of Bolgar and those of Shirvan-Apsheron Azerbaijani school is universally recognized. Tripartite buildings of squat proportions and masonry techniques link the Bolgar and Azerbaijani Bolgar minarets. The resemblance of decorative motifs on carved panels of the Lesser Minaret and those of Armenian and Anatolian monuments have also been noticed. Thus, the minarets of Bolgar are closely related to Transcaucasia and were probably erected by Armenian and Azerbaijani builders.

The Tatartup minaret in the North Caucasus shows the same design but a more slender form. It was made of a combination of brick and stone. Its decoration, the use of carved bricks and tiles for facing and the making of ornamental and stalactite belts relate it to the monuments of the Nakhichevan Azerbaijani school. Similar design is also typical of minarets of Asia Minor of the Seljuk and early Ottoman periods.

We can only sketch the broad outline of the rest of the Golden Horde minarets. It is known with assurance that they had a prismatic socle changing into a circular in section shaft either through an octahedron or directly. Such forms are characteristic solely of Asia Minor and countries related to it. They appear there in the Seljuk time and continue to exist later with slight modifications. One may cite in this connection the minaret of the Ala-el-Din Cami at Nigde (AD 1223), Ivli Minar at Antalya (AD 1220), the minarets of the Great Mosque and Gök Madrasah at Sivas (AD 1271) and that of the Green Mosque at Iznik (AD 1378).

Similar minarets were also common in the countries under Asia Minor's sphere of influence, i.e. Azerbaijan, the Crimea and partially Northern Iran. Their spread to the Golden Horde is yet another testimony to the impact of Anatolian and Transcaucasian cultures on the formation of its religious architecture since mosques and minarets usually form a single ensemble. The sole exception are cylindrical minarets of the Otrar mosque built after Central Asian patterns. It is quite understandable since the Kok Horde included Khorezm and was influenced by its well-developed building culture.

Chapter 3. Pious Institutions

Not only mosques but some other institutions as well are related to religion in Islamic countries. Among them are madrasah's, high schools where primarily theology and law and often also mathematics, rhetoric, linguistics and medicine were taught. Madrasah's were pillars of religion and at the same time scientific centres: they often housed large libraries and renowned scholars. The madrasah as a public institution and architectural structure has no parallels outside the Muslim world since early European universities had neither specially erected buildings nor hostels (Хмельницкий, 1996). The first buildings of madrasah's appear in Eastern Iran and Bukhara in the late 9th – early 10th centuries. They were designed for institutions having no analogies in the contemporary world that is why the madrasah pattern is uniform and easily recognizable. Madrasah's are monumental rectangular buildings with a large inner courtyard which all the rooms give on to. Either two or four iwans are situated on the axes of the structure; they also give on to the courtyard. The entrance on the façade side of the building is emphasized with a portal. The majority of madrasah's have either one or several domed rooms used as a mosque and lecture-halls. This type of building has spread over the entire Islamic world with slight modifications.

Yet another category of buildings pertaining to religion consists of ribat's, khāneqāh's, takiyyah's, and zāwiyah's. These institutions served the needs of numerous dervish communities. Ribat's as abodes of 'warriors following the God's path' emerged during Arab conquests and were enclosures with blind fortification walls, towers, rampart walks, battle platforms and the single main gate on the central axis. Two- or three-storeyed structures and a mosque serving as a place of meeting were located against the inner perimeter of the walls. The military function of ribat's loses its significance by the 11th century and in many areas they become fortified inns, i.e. caravansaries or rabat's (Стародуб, 2004).

In contrast, khāneqāh's, i.e. dervish hostels, were built in the cities and had no defensive functions. Their appearance is related to the spread of Sufism, a mystic trend of Islam. Members of the Sufi community lived in separate buildings allotted to them where they performed their mystic rites. Therefore a large domed hall for collective rituals is the compositional centre of the majority of khāneqāh's. Prayer halls, the living quarters of the institution's founder, khujrah's of the community members, kitchen and storerooms are grouped round it. Zāwiyah's, hostels for itinerant dervishes and pilgrims had a similar layout but were less impressive. Takiyyah's emerged in the 13th – 14th centuries were designed as large charitable complexes performing various functions. They included a separate mosque, a minaret, a canteen with a kitchen, living quarters of the sheikh and his family, a domed gallery with khujrah's for pilgrims, public springs, orchards, mazar's and a cemetery. In layout they were not structures closed around a courtyard or a hall but landscape-gardening ensembles spread along the longitudinal axis. The functions of these institutions were not clearly differentiated and consequently different names can be applied to one and the same building.

In the Golden Horde like in any state where a substantial part of the population were Muslims, madrasah's and khāneqāh's were built alongside mosques. These institutions are mentioned in written sources, e.g. in the works of Juzjani, Ibn-Khaldun and the so-called 'Iskander's Anonymous' devoted to biographies of Muslim khans Berke, Uzbek and Janibek (Тизенгаузен, 1884; 1941). The Arab traveller Ibn Battuta noted madrasah's, zāwiyah's and ribat's he visited in the Golden Horde (Тизенгаузен, 1941).

Regrettably, these data have not been substantiated so far by the archaeological record. The only building which can be safely attributed as a pious institution is Uzbek's madrasah at Solkhat.

It is an almost square structure with a large richly decorated portal. Inside it there was a big inner courtyard surrounded on all sides by rooms of various purposes and a colonnade. On every side of the courtyard there was a big iwan and a fountain was located at the centre. The Solkhat madrasah is a rare surviving complex which enables us to evaluate not only the planimetry of the building but its entire volume as well since ceilings of some rooms have survived. All four iwans were covered with

monumental semicircular archs and khujrah's also had vaulted ceilings. Square rooms in the western part of the building were crowned with semispherical brick archs.

The domed mosque of Kurshun-Jami at Solkhat in the Crimea was originally, according to Evliya Çelebi, a takiyyah, i.e. the dervish abode (Григорьев, 1974; Крамаровский, 2005). Thus, various categories of cult buildings of various kinds have survived and have been investigated at Solkhat.

A part of a structure probably having had an inner courtyard along whose perimeter were located standard rooms (khujrah's) was excavated in the Lower Volga area at the Selitrennoe site. One of the rooms was the household mosque. Specific traits of layout of th

e building and its location near the congregational mosque allows us to presume that it housed an institution pertaining to Muslim religion, either madrasah or khāneqāh. A cult complex in the Lower Volga area consisting of a mausoleum, a small mosque and living quarters seems likely to be an auliyya, a place of adoration of a saint, litearally 'saints'.

The Uzbek madrasah at Solkhat is, judging by its layout and building techniques, a characteristic example of Anatolian architecture. Open iwans with semicircular vaults encircled by a gallery with arcades resting on columns and a fountain at the centre of a courtyard are reminiscent of such quadriwanal structures of Asia Minor as Gök madrasah at Sivas (the 13th century AD), Çifte Minare at Erzerum (the 13th century), Taş madrasah at Akşehir, Bürüciye madrasah at Sivas (the 13th century) and Ibrahim-bey's madrasah at Aksaray (Benset, 1973; Hillenbrand, 1994.; Stierlin, 1998). A building at Saray which can be tentatively identified as madrasah cannot be attributed as safely. The technique of brick-laying, building materials, the size and shape of mud- and baked bricks are indicative of the influence of Central Asian, most probably Khorezmian, building tradition. The Saray structure bears certain similarities to the madrasah building investigated at the site of Sauran in Southern Kazakhstan. The small number of pious institutions excavated in the Golden Horde cities precludes any far-fetching assumptions.

Chapter 4. Christian churches

The Golden Horde has been regarded as an Islamic state yet contemporaries always noted the religious tolerance of the Mongols. Being pagans or rather shamanists the Mongols did not initially prefer any world religion. It was also the case with the Jochi Ulus in its early period. Buddhism, various branches of Christianity, i.e. Nestorianism, the Greek Ortodoxy and Catholicism, and Islam peacefully coexisted there. Uzbek's predecessors were adherents of different religions: Batu, Mengu-Timur and Tokta professed the traditional Tengrianism, Sartak was a Christian, probably a Nestorian, Berke and Tuda-Mengu were Muslims. The rulers of the Golden Horde protected the Ortodox Church and the clergy was exempted from any tribute. A Greek Ortodox bishopric was established in 1261, under Berke the Muslim. The Ortodox Church had to provide spiritual guidance to the fairly numerous Russian population of the Golden Horde and to participate in political relations between the Khan power and Russian princes, on the one hand, and between the Golden Horde and Byzantium, on the other. The Ortodox Church did not lose its privileges even when Islam was proclaimed official religion under Uzbek.

Many a missionary tried to spread Catholicism to the Golden Horde. Among them Plano Carpini, Guillaume Ruysbroek, Benedict the Pole and Julian were the most renowned. They wrote very interesting accounts of their missions. A Catholic bishopric was founded in Saray in 1315. Consequently Christian churches had to be built in the Golden Horde cities. They form an integral part of monumental architecture of Jochi's Ulus.

Four main trends had formed in Christian religious architecture by the 13th – 14th centuries. Those are either three- or five-nave basilicas, one-nave structures related to them, centric and cross-domed churches. All the other varieties were based on these types.

Unfortunately, a survey of Christian churches of the Golden Horde shows that cult structures in its central part, the Desht-i Kipchak, have not been investigated properly. The genesis and traditions

of religious architecture can be traced for two regions only, i.e. the Crimea and the North Caucasus with their traditionally sedentary population.

A large number of churches erected for the adherents of different Christian doctrines existed in the Crimea in the Golden Horde time. Their architecture reflects the polyethnic character of the Crimean population. Among Greek churches there are small cruciform structures, e.g. at Chersonesos, Laki and Caffa. Most of churches, however, are hall structures or the so-called one-nave basilicas. Cruciform hall churches of the Crimea were built under Anatolian and Balkan rather than Byzantine influence. One-nave hall basilicas were not typical of metropolitan Byzantine architecture and were built mostly in the provinces.

A fairly interesting type of cult structures is represented by biapsidal churches such as the 'temple on cantilevers' at Sudak and the biapsidal church of Funa. Structures of this design are spread over an enormous territory but most of them are recorded in Armenia, Asia Minor, insular Greece and Italy. There is no agreement regarding architectural peculiarities of these churches. Some scholars relate different parts of churches with different functions. Thus, the larger part could serve to celebrate the Eucharist while the smaller one could be used for baptism or praying for the dead.

There are many Armenian churches being both cruciform and simple hall structures among the surviving buildings of the Crimea. They often have a protruding apse probably due to Greek influence; the exterior apse is not usually characteristic of churches in Armenia. Catholic churches have not survived in the Crimea yet the design of some Armenian churches, e.g. those of St. Michael and Gabriel and St. Sergius at Caffa and St. Elias' church near the village of Bogatoe, show the impact of the Roman West.

The analysis of architectural decoration represented in the Crimea almost solely by carved stone enables us to trace, besides western and Armenian traditions, Anatolian influence as well. Nearly all Christian churches of the Crimea, like their Islamic counterparts, display elements of Anatolian Seljuk style.

The centre of the Golden Horde did not have much impact on the life of Crimean cities. Nevertheless, the influx of the population from Armenia and Asia Minor bringing with them new building traditions was due to a large extent to Mongol conquests. As to tendencies in the building of Christian religious structures, they were identical on the territories in subjection to Genoa and those under direct control of the Golden Horde.

The only church of the Old Orkhey does not allow of any definite conclusions. It may be noted that its building technique is akin to that of other buildings of this city and its layout shows analogies with Christian monuments of neighbouring Balkan countries.

Churches of the Upper Julat are Christian temples of a North Caucasian city founded in the Golden Horde time. They can be divided into two groups by architectural forms. The first group is represented by hall churches with a pronounced semicircular apse on the outside. Church 1 is a typical simple cruciform structure.

A comprehensive analysis of the origin of architectural forms of the Upper Julat churches was made by V.A. Kuznetsov (Кузнецов, 2003). Nevetheless, some of his conclusions cannot be accepted and some important details escaped his notice.

Kuznetsov investigates various elements of building technique and layout of the Upper Julat churches. He pays much attention to the decorative 'Ganja' masonry combining ashlar, pebble and brick courses and holds that the churches were erected by Azerbaijani builders. At the same time the presence of tiles bearing Georgian inscriptions implies the participation of Georgian craftsmen as well.

While analyzing burial vaults in the aisles of Churches 1 and 2 Kuznetsov notes that the tradition of building crypts under the floor of a church is typical of Catholic rather than Greek Orthodox architecture yet admits at the same time that the small crypts of the Upper Julat differ from those of Catholic churches both in form and size. Nevertheless he relates the idea of such crypts with Italian expansion and Catholic influence though mentions that their form imitates that of common Golden Horde brick burial vaults of the 14th – 15th centuries. It is a paradox, however, that such burial vaults

are by no means common in the Golden Horde. They have been encountered in a small area of the Lower Volga basin, i.e. at Saray and its vicinity, and at Saraychik (cf. Chapter 6). Their origin is not clear and they date to the late 14th – early 15th centuries while similar structures at the Upper Julat date to the early 14th century, nearly a hundred years earlier. It seems likely therefore that such burial vaults spread to the Lower Volga area and Western Kazakhstan from the North Caucasus.

The 'Catholic' version of the origin of the Upper Julat crypts has been rejected by D.V. Beletsky and A.Yu. Vinogradov (Белецкий, Виноградов, 2011). They compare the crypts of the Upper Julat to those of Georgia and the North Caucasus. They also note that crypts under aisles are known in various Georgian, Abkhaz and North Caucasian churches. According to them the crypts were built by oriental craftsmen on an order of Alan churchwardens, which seems plausible enough. The Upper Julat crypts might well have been prototypes of all such structures in the Golden Horde. They could have been brought by Alans/Asses assimilated by the Nogays to Western Kazakhstan and the Lower Volga area.

Architectural forms and building techniques of the Upper Julat churches embody the synthetic culture of the Golden Horde. They reflect the influence of Byzantium, Abkhazia, Georgia, Azerbaijan and local Alan traditions.

To summarise, all the churches recorded so far are small, fairly modest structures of a simple pattern. Their specific traits were primarily determined by tastes of the communities they were designed for. There is no uniform pattern as it was the case with congregational mosques probably built by central administration. Otherwise they, like other categories of buildings, bear traces of merging of different architectural and building traditions.

MEMORIAL STRUCTURES

Chapter 5. Mausoleums

Mausoleums as burial and funeral structures were widespread in Islamic countries. Their number is enormous and their role in the formation of architectural outlook of cities and other territories considerable. Mausoleums have been of prime social and religious import in the Muslim world. These structures reflect the duality of Islam where secular and religious matters can hardly be separated. They are, on the one hand, mundane funeral monuments and, on the other, are intended to provoke religious associations.

Two main provinces of formation of architectural forms of mausoleums can be distinguished. Their centres were located in Egypt and Iran respectively in accordance with the then political frontiers. Egypt, Levant and Arabia formed a single polity under the Mamelukes while Anatolia, Iraq, the Caucasus, Central Asia, Afghanistan and India were under Iran's sphere of influence.

Early mausoleums of Iran and the related areas are divided into two typological groups: domed buildings of cubic volume and tower structures. Tower mausoleums were built for rulers and other lay persons while square domed structures served as burial and adoration places of religious authorities, the imamzoda's. Cubic structures, in its turn, are divided into centric and portal. All the façades of centric mausoleums were similar and had either four entrances, one on each side, or two entrances on the same axis. This form presupposes an isolated building which can be approached from any side. Portal mausoleums have a single façade with an entrance shaped into a high arched niche in a rectangular frame. This portal called peshtak, i.e. the front arch, in Persian may either protrude from the façade wall or be higher than the building itself. The layout of such structures is focused on the portal which means that they can be approached from one side only.

The origin of cubic mausoleums is debated. It is believed that they were preceded by Christian martyria, pre-Islamic burial structures of Iran, i.e. dakhmas and naus's, as well as keda's, Zoroastrian pavillions for exposure of the dead prior to burial originating, in their turn, from habitable houses. Centric mausoleums are also connected to Zoroastrian fire temples whose central part, the chortak, is a domed structure with four wide arched passages on all sides.

Another line of evolution is represented by tower mausoleums. The Gumbad-i Kabus tower (AD 1006–1007) is the best known of them. Its origin is rather obscure. It is believed that it was built as a burial place of a Zoroastrian family converted to Islam and closely linked to pre-Islamic traditions. There is also a widespread hypothesis that the nomadic yurt was transformed into tower structures (Hillenbrand, 1994). It is also suggested that this type of buildings originates from mudbrick and barrow-shaped burial structures of Turkic peoples. These structures were combined with the Central Asian brick minaret and formed the tower mausoleum with a hip roof (Пугаченкова, 1949). Anyway, all the varieties of later mausoleums go back to these three types of buildings being either a transformation or a combination of some elements of centric, portal or tower mausoleums.

In the Golden Horde, like in other countries where Islam played a significant role, mausoleums were built everywhere. The influence of Sufism with its cult of 'holy tombs' was also a contributory factor for this process. Mausoleums constitute the major portion of excavated objects of monumental architecture. Some of them have survived and some are known from drawings and descriptions of travellers and scholars of earlier times. The number of the Golden Horde mausoleums whose pattern may be analyzed approximates a hundred.

A survey of memorial structures of the Golden Horde shows a wide spectrum of architectural forms and planning patterns. This diversity calls for a systematization of evidence and elaboration of a comprehensive typology of the Golden Horde mausoleums. The classification proposed in this paper uses the following traits: the number of rooms; the shape of the building; the presence or absence of portals; the shape of the portal; the shape of the covering; and the presence or absence of a subterranean or semisubterranean crypt.

First, all structures can be divided into two large groups – unichamber (I) and multicameral (II) mausoleums. The majority of the Golden Horde mausoleums are unichamber buildings. By the shape of the main chamber they can be divided into three sections: (A) towerlike; (B) pyramidal; (C) cubic (prismatic). Section A comprises two subsections differing in plan: (1) circular and (2) polygonal. Pyramidal mausoleums can also be circular (1) and polygonal (2) while cubic structures are either square- or rectangular-planned with the rectangular having near-square shape (3). It should be noted that this terminology describes merely an ideal pattern. Thus, one of the main lines of evolution of this category of buildings is the square-planned domed cube. In reality buildings of this type can be rectangular in plan and have somewhat elongated proportions when their height exceeds the length of their base. Late medieval mausoleums are characterized by a high drum resting on a cubic base and crowned with a dome. Nevetheless, typologically they belong to structures with a cubic base.

Every typological section of mausoleums can be divided into (a) façade and (b) portal types. Façade mausoleums have no pronounced portals but a marked side where the entrance is located. Portal mausoleums are those with a pronounced volume of the entrance portal. Given the original pattern of the Black Chamber at Bolgar, the third type of centric structures (c) should be added to the section of cubic mausoleums.

Mausoleums can be divided into subtypes by the shape of the portal: (b*) a protruding portal; (b**) a portal in line with the volume of the building resting on massive pylons whose thickness exceeds that of the walls (peshtak). The third portal subtype can be distinguished specially for the Golden Horde: (b***) a portal in line with the volume of the building without massive pylons. Its sides are mere prolongations of meridional walls of the building forming a large iwan in front of the burial chamber equalling the latter in width. This division is based on the planigraphy since it is often the only available evidence. The spatial arrangement of the portal unit is far more variable. Thus, protruding portals with moderately thick pylons, which are significantly narrower than the façade, do not exceed the height of the walls. Protruding portals whose width approximates that pf the main part of the structure which have massive pylons could support a fairly high arch approximating in size that of a classic peshtak. All three portal types are characteristic of unicameral cubic and multicameral mausoleums. Tower and pyramidal structures are either of façade layout or have a protruding portal added on the outside.

Finally, every subtype of buildings is divided into two kinds by the shape of its roof: (Q) domed; (S) hip. The roof of archaeological monuments but rarely survives and its shape is therefore hard to identify yet it is easily identifiable from drawings. Tower and cubic mausoleums can have the roof of both kinds while all pyramidal mausoleums are hip-roofed by definition.

The group of multicameral mausoleums is divided into three sections: (D) prismatic longitudinal-axis; (E) prismatic cross-axis; (F) multicameral of complex layout. Those of sections D and E are square-planned and mostly bicameral. Plans of multicameral buildings of complex layout may vary depending on the number of chambers and their relative position. The mausoleums of section F may be square-planned (3); rectangular-planned (4); T-shaped (5); and form complex stepped polygons (6). Subsection 6 comprises conglomerate irregular-planned buildings. The division into types, subtypes and kinds in the group of multicameral structures is based on similar principles yet it is applicable primarily to the structures of sections D and E. Complex-planned structures (F), especially conglomerate buildings, consist of different parts which can differ with regard to the treatment of entrance and the shape of the roof.

The presence of a subterranean or semisubterranean burial vault or crypt is an important but by no means crucial marker. A great diversity of burial structures have been called so. This classification considers only those forming a part of the building, i.e. underground structures with a separate entrance. With such big crypts akin to those of Christian churches all burials are located there while the surface chamber may be used as ziyārat-khāna, i.e. ‘adoration chamber’. In this case the unicameral mausoleum becomes quasi bicameral, however vertically. Presence or absence of a crypt has nothing to do with the form of the mausoleum. These are rather local traits.

The classification of the Golden Horde mausoleums is indicative of a fairly well-developed architecture of memorial structures. The variety of types implies that they were brought from anywhere in the Near- and Middle-Eastern Muslim world and different borrowings could have prevailed in different parts of this enormous country. Some buildings are quite original being the result of reworking of the known types of planning. Available evidence enables us not only to define more precisely the genesis of types of mausoleums but to trace the distribution of spheres of influence of different architectural schools in different parts of the Golden Horde. With this in mind we analyze plans, building techniques and details of interior and exterior design of these buildings.

Two lines of architecture, i.e. building out of ashlar and either mud- or burnt-brick, can be distinguished within the bounds of the Golden Horde. There existed also a mixed technique when distinct parts of a structure were built out of different materials.

The analysis of planning, building techniques and architectural details of mausoleums enable us to detect several components of the Golden Horde monumental architecture. Armenian-Anatolian influence is prominent in the monuments built in the ashlar masonry technique. That of Central Asian school of mud- and burnt-brick building was also fundamental. And, finally, there were survivals of nomadic Kipchak traditions in architectural forms. Several zones of prevalence of certain schools can be distinguished. The Volga Bulgaria and the Crimea were under Armenian-Anatolian influence while the Lower Volga area and the steppes of the North Caucasus under that of Central Asia. At the same time the traditions of Azerbaijani architecture represented by the Nakhichevan school characterized by combination of ashlar and brick masonry and the extensive use of decorative tiles can be traced in some parts of the Lower Volga area (the Vodianskoe site) and the North Caucasus (the Pyatigorsk region, the Upper and Lower Julat). The Azerbaijani element, namely that of the Shirvan-Apsheron school, has also been recorded in the Volga Bulgaria. Rare mausoleum forms which can be derived from Turkic funeral structures have been encountered in the Lower Volga basin and in the North Caucasus.

At the same time the imported traditions were adapted to local conditions. Bastard ashlar on the lime mortar or clay was widely used in the Volga Bulgaria and later in the Lower Volga area as well. An amazingly uniform type of tombs was formed there and later spread to other regions. Thus, buildings akin to Bulgarian mausoleums were being built in the Ural region besides those of Central Asian outlook. New types of layout of funerary structures also emerge and spread to various parts of

the empire. Moreover, the Golden Horde architecture is characterized by application of building techniques of a certain tradition to the erection of a structure belonging to another tradition. Such a vigorous and prompt, given the short life period of the Golden Horde, reworking of adapted techniques led inevitably to the formation of an original style.

Chapter 6. Crypts-mausoleums

Besides surface memorial structures there are underground and semi-underground burial vaults or crypts in the Golden Horde cemeteries. Burial vault is any vaulted, usually underground, tomb. Such vaulted constructions out of mud- and burnt-brick can be often encountered in individual ground burials but, not being monumental structures, they are not dealt with here. Burial chambers in the form of vaults of different design are often present in mausoleums. In this case they are inseparable from the surface structure and both are regarded as a complex. Besides these crypts there are some fairly monumental underground or semi-underground structures intended for collective burials which can be called crypt-mausoleums.

The majority of crypts are built out of burnt brick. Their underground part, usually square- or rectangular-planned, was located in a specially dug foundation pit. The walls changed into a semispheric dome either wholly or partially rising above the ground through pendentives or trompes. The entrance marked by either a semicircular or lancet arch was located in one of the walls. A vaulted passage led from it to the surface.

Crypts-mausoleums are mostly known in the Lower Volga area and in Western Kazakhstan, at the Saraychik site. Three burial vaults of a similar construction have been investigated at the Upper Julat site in the North Caucasus. Interestingly, they served as crypts in Christian churches and as burial vaults in a Christian cemetery.

An underground crypt-mausoleum at the Lower Julat habitation site had a more complex layout. It was square-planned and all four walls had niches marked with low lancet arches. The north, west and east niches were shallow, the south was deeper and parallelogram-planned. The size of the latter and the presence of burials there enabled some scholars to regard it as a distinct chamber and consider the crypt as bicameral. The entrance to the crypt is in the east niche. The central part of the crypt was covered with a hip roof resting on shield pendentives.

Domed crypt-mausoleums of a simple planning are fairly interesting structures. Such vaults in the shape of subterranean or semi-subterranean burial chambers under mausoleums are widespread all over the Muslim Orient. As separate burial structures, however, they have been encountered so far only in Western Kazakhstan and in the Lower Volga area.

The formation and dating of crypt-mausoleums in the Lower Volga area remain controversial. It is universally agreed that these structures belong to the latest building horizons when cities ceased to exist and were superceded by cemeteries. They are dated to the period from the late 14th to the late 15th centuries and linked to the coming of the Nogays to the Lower Volga (Пигарёв, 2008; Скисов, 2011). These conclusions, though well-founded, are by no means definitive. In particular they do not account for the presence of such crypts in the North Caucasus as early as in the first half of the 14th century. It is also worth noting that there crypts akin to Muslim burial vaults of the Lower Volga basin have been encountered only at Christian sites. These facts call for further investigation and evaluation.

The date of the Lower Julat burial vault belonging to another building tradition is still an open question. G.J. Jone regarded this vault as unique and having no analogies (Йоне, 1963) owing to, inter alia, the presence of two burial chamber. It appears, however, that the vault is square-planned with a big niche in each wall. It is the so-called cross or cruciform planning widely spread in both mausoleums and crypts in the Middle Ages. The distinctive trait of the Lower Julat vault is the augmentation of the south niche and its irregular shape. Cross-planned burial vaults are known from the Golden Horde mausoleums at Mokhshi and near the village of Komsomolskiy in the Astrakhan region. In

the majority of the fourteenth-century tower mausoleums of Azerbaijan vaults are cross-planned (Уссейнов и др., 1963; Бретаницкий, 1966). The burial vault at the Lower Julat most closely corresponds to cruciform vaults of the famous cemetery of Shah-i Zinda at Samarkand (Немцева, Шваб, 1979). Thus, the Lower Julat burial vault holds its position among cross-planned vaults. Its originality consists in the presence of above-ground steps in the niches and the trapeziform south niche. The analysis of planning enables us to evaluate the dating of the vault. Most researchers date the spread of cross-planned burial vaults to the 14th – 15th centuries and the use of shield pendentives and hip roofs to the late 14th – 15th centuries.

Since cross-planned burial vaults are almost invariably connected to surface mausoleums, it was suggested that there could have been a mausoleum above the burial vault at the Lower Julat (Чеченов, Зиливинская, 2004). However, crypt-mausoleums of a similar layout are known in Tajikistan (Хмельницкий, 1996). Consequently the Lower Julat burial vault may well be a distinct funeral structure erected in the Central Asian building tradition.

In spite of its more complex design the crypt-mausoleum of the Lower Julat is linked to those of the Low Volga area by similar mortuary practices. All underground burial vaults are reminiscent of pagan rites: they often contain grave goods, funerary food, charcoal, dog bones and traces of skeleton mutilation. It implies considerable survivals of pre-Islamic funerary rites and the belonging of these tombs to only superficially Islamized nomads (Васильев, 2009). It should be noted that the solution of many issues pertaining to the study of the Golden Horde crypt-mausoleums is still a good distance in the future.

Chapter 7. Underbarrow mudbrick enclosures

The so-called underbarrow mudbrick enclosures make up a fairly large body of funeral structures of the Golden Horde time. Burials thus enclosed are well known in the Volga basin, the Trans-Volga area, in the South Urals and Western Kazakhstan. They are usually encountered in cemeteries located near big cities yet can be also located far on the steppes in barrow groups containing typical nomadic burials of the 13th – 14th centuries. They have been usually found while excavating barrows and therefore linked to the barrow funerary rite. G.A. Fyodorov-Davydov was the first to distinguish them as a distinct type of funeral structures (Федоров-Давыдов, 1966).

Mudbrick enclosures are fairly numerous yet of a quite uniform design. They are mostly either square- or circular-planned structures whose walls made out of mudbricks of different size are 2–5 rows (50–80 cm) thick. The surviving walls are 2–8 courses high. There are also more complex enclosures: a rectangular-planned structure divided by a cross wall into two compartments, two square-planned compartments attached to each other, and either circular or square structure with a smaller rectangular annex.

A thorough analysis of this category of structures leads to the conclusion that they had no barrow mound but were heavily shrunk mudbrick structures. By layout all types of enclosures are akin to mausoleums. It seems likely that they had a roof, i.e. were mausoleums. Such small mausoleums are well known from Kazakh ethnographic materials.

If we regard the majority of ‘enclosures’ as mausoleums, the number of memorial monuments of the Golden Horde would double. True, there are some structures which cannot be safely interpreted as mausoleums. Yet the key to understanding these structures lies in the Golden Horde cities and urban cemeteries rather than beneath barrows of the nomads.

CONCLUSION

Thus, objects of monumental architecture reflect the role of different traditions in the formation of the multicomponent urban culture of the Golden Horde. Our analysis has shown that all congregational mosques of the Golden Horde known so far were of basilican planning, i.e. were

rectangular-planned structures whose interior was divided into naves and aisles by rows of columns. This planning was undoubtly borrowed from Asia Minor where such mosques became widespread in the Seljuk period. Small domed mosques known mostly in the Crimea also imitate similar structures of the Seljuk and Early Ottoman periods. Minarets attached to mosques and thus forming a single architectural ensemble with the latter were also of Anatolian outlook.

Stone architectural details decorated with expert carving are also indicative of relations with Anatolia. Such details are present in mosques and minarets of Bolgar, the Crimea and the Old Orkhey. Ornamental motifs of this carving show a clear Seljuk influence. Nevertheless, having adopted the Anatolian type of mosques, architects of the Golden Horde significantly modified its embodiment.

It seems premature to discuss planning principles of other Islamic institutions of the Golden Horde, such as madrasah's and khāneqāh's, since only a few have been excavated.

In contrast to mosques, all known Christian churches are modest small structures but their planning and design are far more diverse. This fact can be accounted for by their building at the expense and to order of various Christian communities inhabiting the Golden Horde cities while that of congregational mosques could have been regulated by the supreme power.

Memorial monuments represented by mausoleums form the most numerous group of monumental structures. Their planning is fairly diverse and owing to their abundance they are most useful for detection of the influence of various architectural schools and demarcation of architectural provinces within the Golden Horde. Armenian-Anatolian influence is more pronounced in the Volga Bulgaria and the Crimea. Elements of the Azerbaijani Shirvan-Apsheron school can be seen at Bolgar. At the same time in the nearby Mordovia there is a monument practically identical to the Khorezmian mausoleum of Najmeddin Kubra. Central Asian traditions prevailed in the Low Volga area and on the steppes of the North Caucasus. And, finally, there were survivals of nomadic Kipchak traditions in architectural forms. Several zones of prevalence of certain schools can be distinguished. The Volga Bulgaria and the Crimea were under Armenian-Anatolian influence while the Low Volga area and the steppes of the North Caucasus under that of Central Asia. Among memorial structures of these regions there are forms characteristic of nomadic Kipchak gravestones. The traditions of Azerbaijani architecture represented by the Nakhichevan school can be traced at some sites of the Volga basin and the piedmont zone of the North Caucasus.

Reworking of imported traditions in the Golden Horde can be illustrated by the transformation of the design of Anatolian tower minarets in the Volga Bulgaria and the emergence of the bicameral mausoleum consisting of a square-planned burial chamber (gur-khāna) and a small rectangular-planned anteroom used as a ritual chamber (ziyārat-khāna).

Domed semisubterranean burial vaults appearing in the latest period of existence of the Golden Horde are quite original burial structures. Their origin is controversial but it seems likely that it was due to the appearance of a certain group of only superficially Islamized nomads. The presence of similar vaults in Christian churches of the North Caucasus is yet another testimony to the syncretic character of the Golden Horde culture having integrated various ethnocultural elements. The complex crypt-mausoleum of the Lower Julat can be linked to the Central Asian building tradition.

The so-called 'underbarrow mudbrick enclosures' have been traditionally ascribed to settled nomads influenced by the sedentary urban population. They, however, have nothing to do with barrows of the nomads being mounds of demolished and shrunk mudbrick structures. A comparison of various types of 'enclosures' with mausoleums enables us to assume that they are small mudbrick mausoleums located in cemeteries on the boundaries of cities and on the steppe.

The analysis of the architecture of public buildings is indicative of an important role of immigrants from Asia Minor in the formation of the Golden Horde culture. It seems, however, that the origins of the state architecture of the Golden Horde should be looked for not only abroad but in its most developed culturally regions, such as the Crimea and the Volga Bulgaria, as well. The Crimea's close relationship with Asia Minor in the pre-Mongol period was due to trade relations. The Golden Horde period saw the immigration led by the deposed sultan Izz al-Din Keikavus II from Anatolia to the peninsula (Райс, 2004; Крамаровский, 2009). Probably there were other waves of migration

from Asia Minor ruined by invasions of external enemies and internecine wars to the Golden Horde where life was quiet and stable and the growth of cities constantly demanded an influx of skilled builders and craftsmen.

The influence of Asia Minor is also prominent in the architecture of the Volga Bulgaria. It seems likely that its roots stretch back into the pre-Mongol period. It is also quite possible that craftsmen from Armenia contributed to the development of stone carving in the Golden Horde.

The Golden Horde which had amalgamated regions from different historical and ethnic backgrounds did not follow a uniform line of cultural evolution. This is apparent from monumental architecture. The traditions of ashlar building were strong in the Crimea, the Volga Bulgaria and the Dniester basin. Architectural decoration was represented there by stone carving. Central Asian building techniques were used in the cities of the steppe zone of the Lower Volga valley and the North Caucasus. Structures were built out of mud- and burnt brick while tiles, mosaics, majolicas, terracottas and carved bricks were used for decoration. Carved and stamped stucco details as well as tiles with polychrome overglaze painting and gilt made up the principal components of interior design. A mixed technique of brick and ashlar masonry was used at Beljamen, Mokhshi, Azov and Kuchugury. Local traditions were strong in the North Caucasus. A distinct architectural province of the Golden Horde was formed by the cities of the Syr-Darya basin in Southern Kazakhstan where Central Asian influence prevailed. Thus, in spite of the presence of various building traditions and innovations, principles of public institutions' planning were uniform all over the Golden Horde which implies the elaboration of a single, though eclectic in details, architectural style.

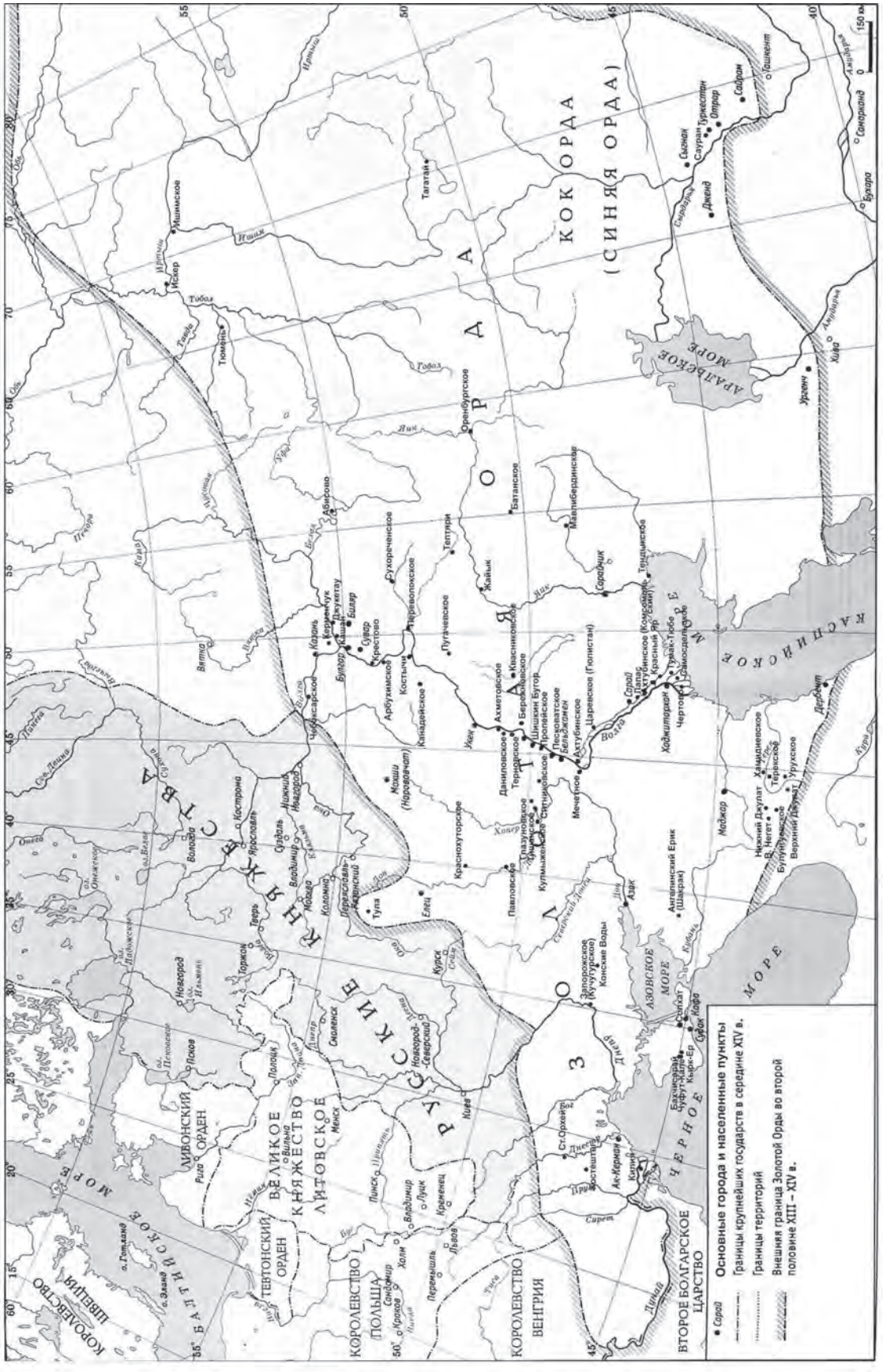

Рис. 1. Золотая Орда в XIV в. (по В.Л.Егорову с коррективами).

Fig. 1. The Golden Horde in the 14th century (after V.L. Egorov, with corrections).

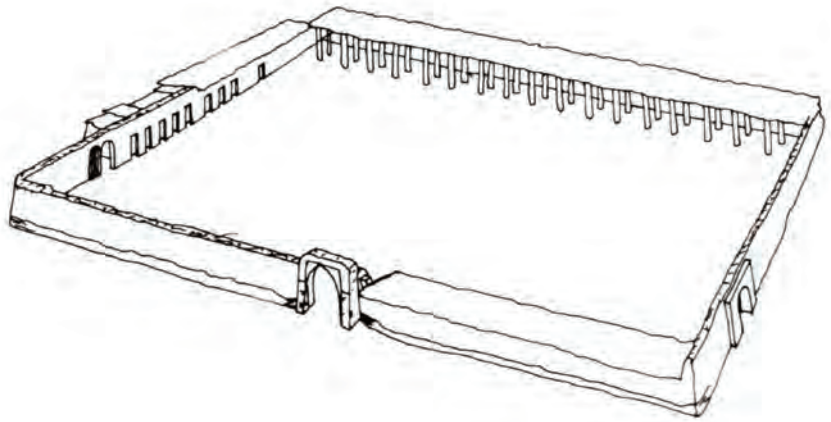

Рис. 2. Дом Пророка в Медине (по Р. Хилленбранду).
Fig. 2. The Prophet's House at Medina (after R. Hillenbrand).

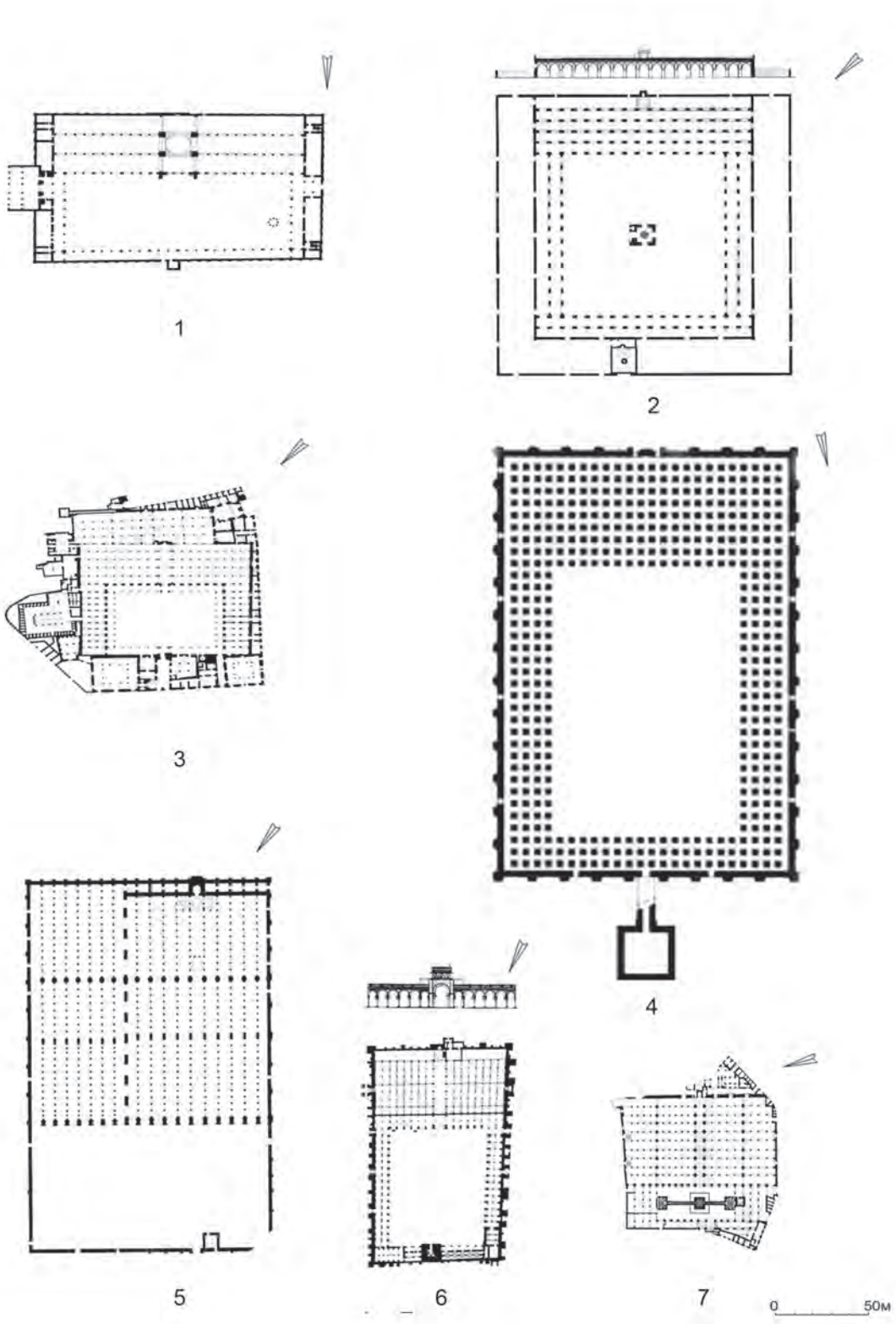

Рис. 3. Мечети дворового плана: 1 – Большая мечеть Дамаска VIII в.; 2 – мечеть Ибн Тулуна IX в.; 3 – ал Азгар X в.; 4 – мечеть Муттавакиля в Самарре IX в.; 5 – Большая мечеть Кордовы VIII-X в.; 6 – Большая мечеть Суса IX в.; 7 – Каравийон IX в.(по Р.Хилленбранду и Г.Стирлину).

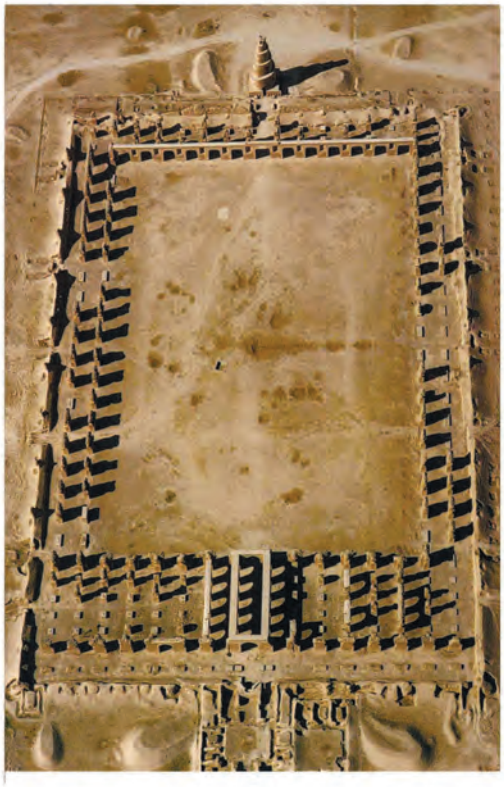
Fig. 3. Mosques of the courtyard plan: 1 – The Great Mosque of Damascus (8th century); 2 – Mosque of Ibn Tulun (9th century); 3 – al-Azghar (10th century); 4 – Mosque of Muttawakil at Samarra (9th century); 5 – The Great Mosque of Córdova (8th – 10th centuries); 6 – The Great Mosque of Sus (9th century); 7 – Karawiyyon (9th century) (after R. Hillenbrand and H. Stierlin).

1

2

3

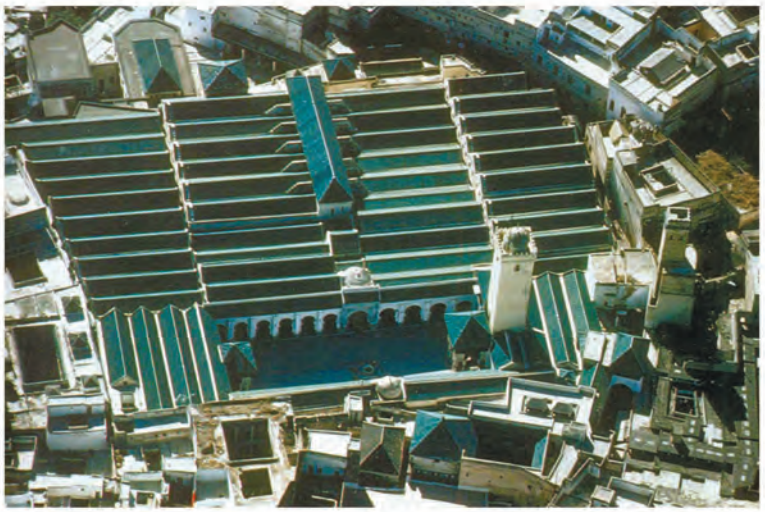
4

Рис. 4. Мечети дворового плана: 1 – Большая мечеть Дамаска VIII в.; 2 – ал Хакима в Каире X-XI вв.; 3 – Муттавакиля в Самарре IX в.; 4 – Ибн Тулуна в Фустате IX в.(по Г.Стирлину и L'Art…).

Fig. 4. Mosques of the courtyard plan: 1 – the Great Mosque of Damascus (8th century); 2 – Mosque of al-Hakim in Cairo (10th – 11th centuries); 3 – Mosque of Muttawakil at Samarra (9th century); 4 – Mosque of Ibn Tulun at Fustat (9th century) (after H. Stierlin and L'Art…).

1

2

3

Рис. 5. Мечети дворового плана: 1 – Большая мечеть Кайруана IX-X вв.; 2 – Каравийон в Фесе IX в.; 3 – Большая мечеть Кордовы VIII-X в. (по Г.Стирлину и L'Art…).
Fig. 5. Mosques of the courtyard plan: 1 – The Great Mosque of Kairuan (9th – 10th centuries); 2 – Karawiyyon at Fez (9th century); 3 – The Great Mosque of Córdova (8th – 9th centuries) (after H. Stierlin and L'Art…).

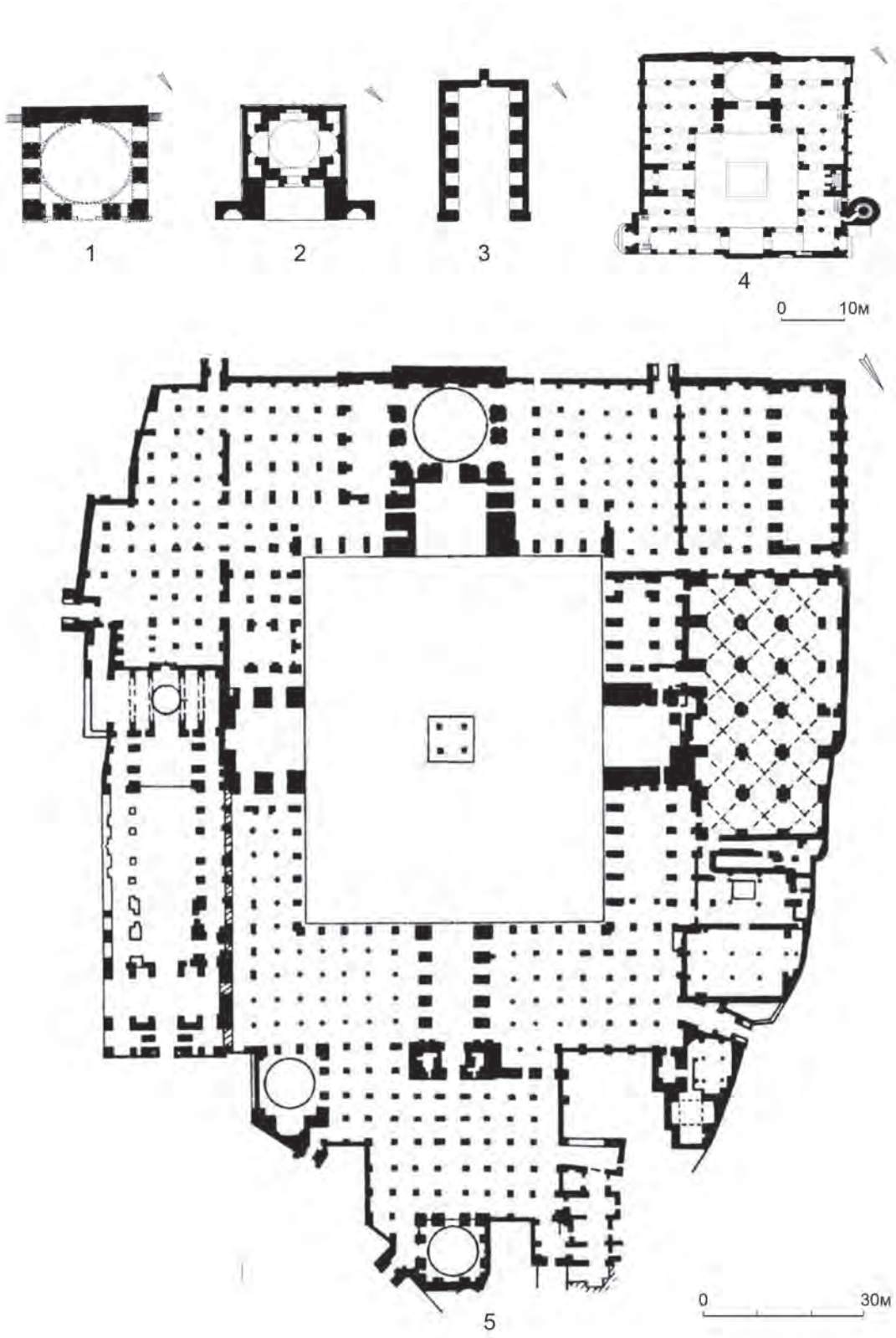

Рис. 6. Мечети Ирана: 1 – Малик шах X в.; 2 – мусалла де Турук X в.;
3 – Джума в Ниризе X в.; 4 – Джума в Заваре XII в.; 5 – Джума в Исфахане XI-XII вв.
1, 2 – мечети-киоски; 3 – мечеть-айван;
4, 5 – мечети четырехайванной планировки (по Р.Эттингхаузену и О.Грабару).

Fig. 6. Mosques of Iran: 1 – Mosque of Malik-shah (10th century); 2 – Musalla de Turuk (10th century); 3 – Juma (Congregational) Mosque at Niriz (10th century) 4 – Juma Mosque at Zavar (12th century); 5 – Juma Mosque in Isfahan (11th – 12th centuries); 1, 2 – Mosques-kiosks; 3 – mosque-iwan; 4, 5 – quadriwan-planned mosques (after R. Ettinghausen and O. Grabar).

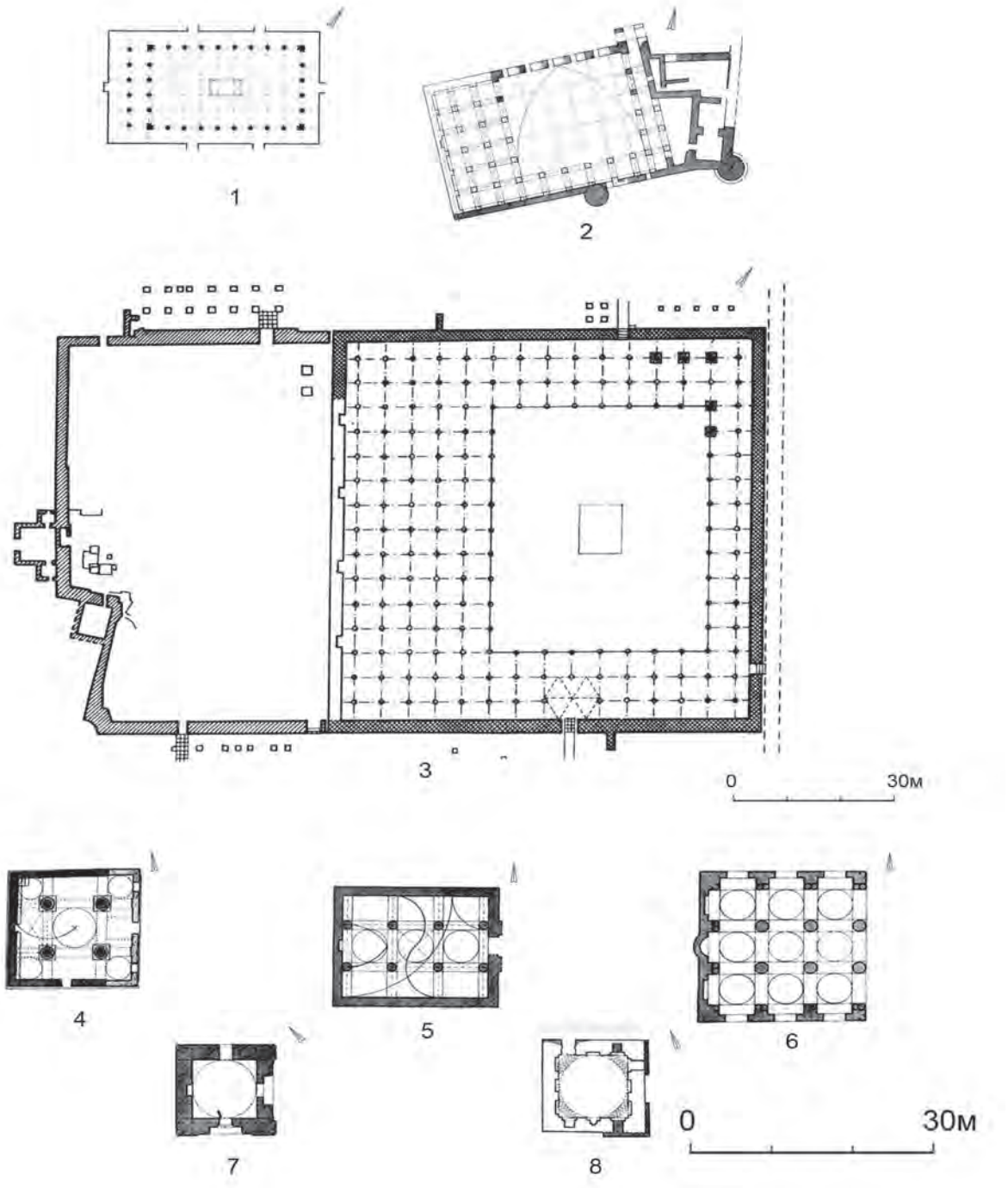

Рис. 7. Мечети Средней Азии: 1 – Дандакан X-XI вв.; 2 – Мерв VII-X вв.; 3 – Самарканд IX-XI вв.; 4 – Дегаррон IX-X вв.; 5 – Магоки Аттори XII в.; 6 – Ну Гумбад IX-X вв.; 7 – Средний мавзолей в Узгене X в.; 8 – Шир Кабир IX в. 1-3 – дворовые; 4-6 – столпно-купольные; 7-8 – типа купольного зала (по С.Г.Хмельницкому).

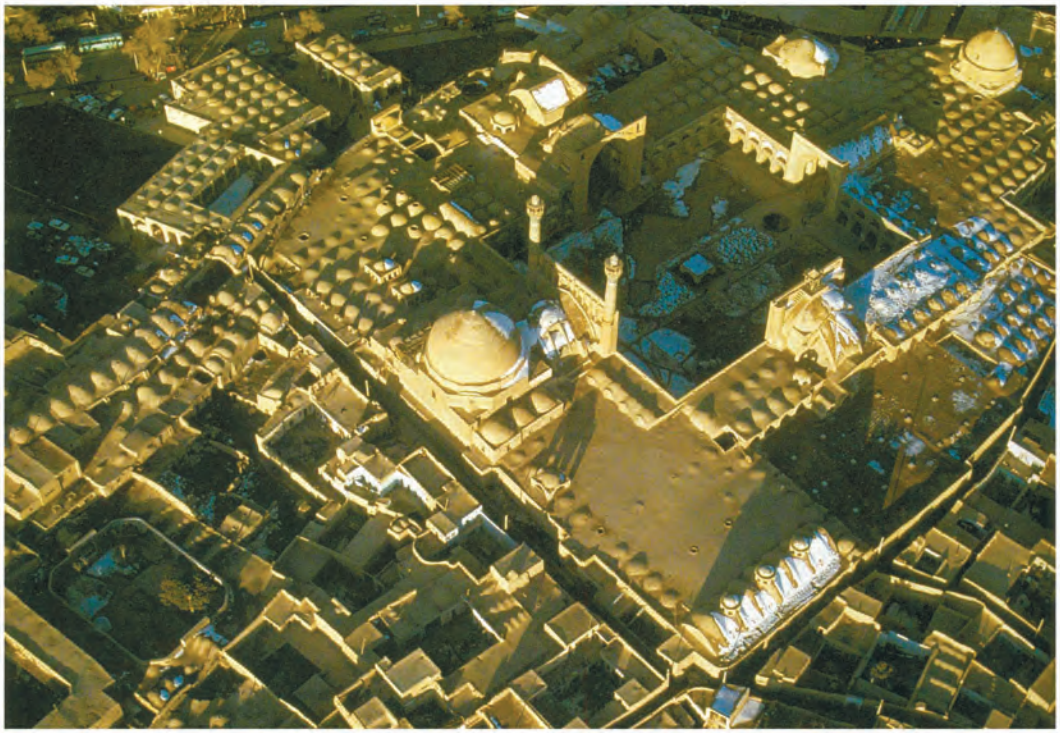
Fig. 7. Mosques of Central Asia: 1 – Dandakan (10th–11th centuries); 2 – Merv (7th – 10th centuries); 3 – Samarkand (9th – 11th centuries); 4 – Degarron (9th – 10th centuries); 5 – Magoki Attori (12th century); 6 – Nu Gumbad (9th – 10th centuries); 7 – Middle Mausoleum at Uzgen (10th century); 8 – Shir Kabir (9th century). 1-3 – courtyard-planned; 4–6 – pillar-domed; 7-8 – domed hall type (after S.G. Khmel'nitsky).

1

2

3

Рис. 8. Мечети Средней Азии и Ирана: 1 – Шир Кабир IX-XI вв.; Талхатан-баба XI в.; Джума в Исфахане XI-XII вв. 1-2 – типа купольного зала; 3 – четырехайванной планировки (по L'Art…).

Fig. 8. Mosques of Central Asia and Iran: 1 – Shir Kabir (9th – 11th centuries); Talkhatan-baba (11th century); Juma Mosque in Isfahan (11th – 12th centuries) 1-2 – domed hall type; 3 – quadriwanal planning (after L'Art…).

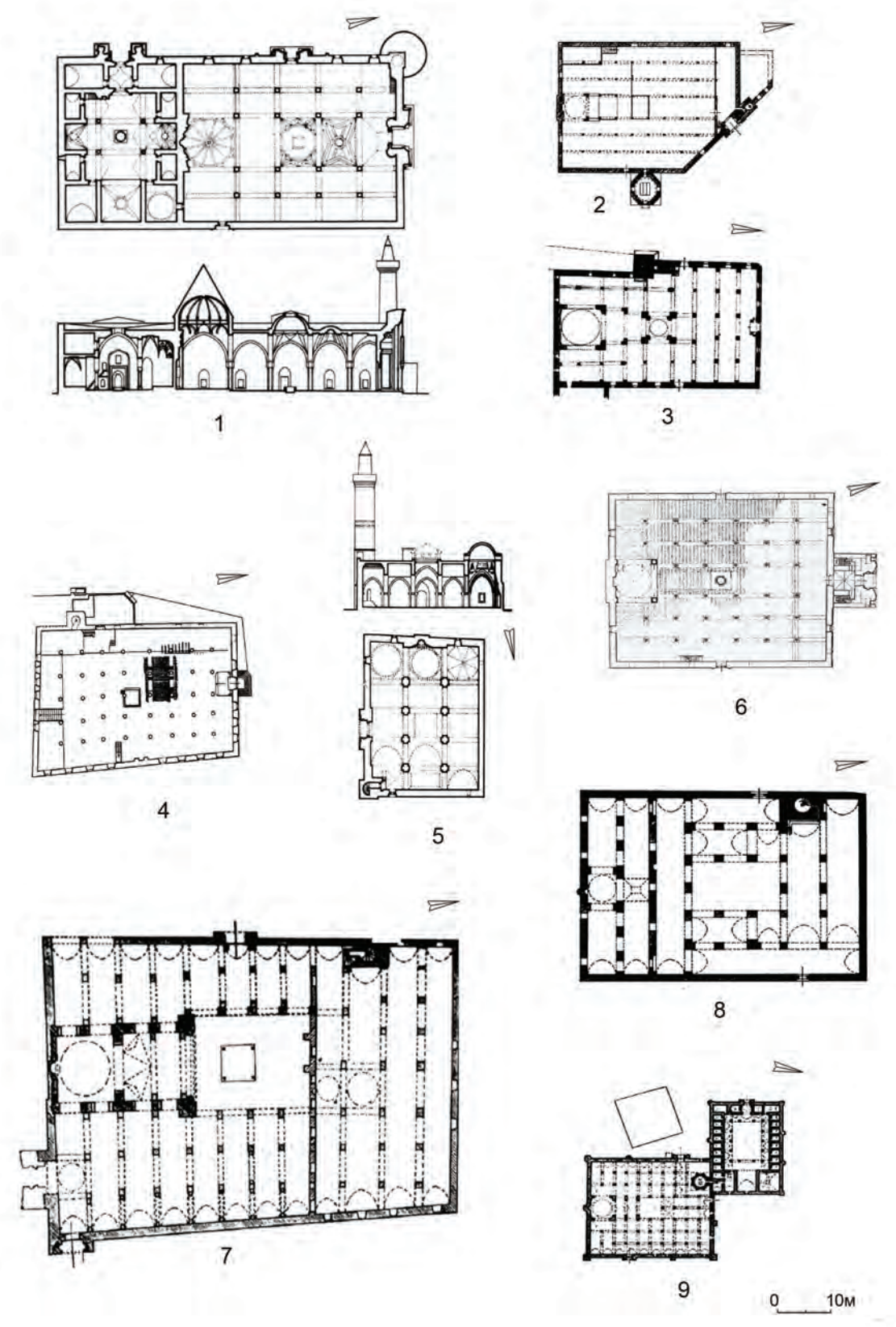

Рис. 9. Мечети Малой Азии сельджукского периода (XII-XIII вв.): 1 – в Дивриги; 2 – в Бейшехире; 3 – в Кайзери; 4 – в Афьоне Карахиссаре; 5 – в Нигде; 6 – Сахиб Ата в Конье;7 – в Малатье; 8 – в Харпуте; 9 – мечеть-медресе Хунат-Хатун в Кайсери (по Р.Хилленбранду).

Fig. 9. Mosques of Asia Minor of the Seljuk period (12th–13th centuries): 1 – at Divrigi; 2 – at Beyşehir; 3 – at Kayseri; 4 – at Afyon Karahissar; 5 – at Nigda; 6 – Sahib Ata at Konya; 7 – at Malatya; 8 – at Harput; 9 – mosque-madrasah Hunat-Hatun at Kayseri (after R. Hillenbrand).

1

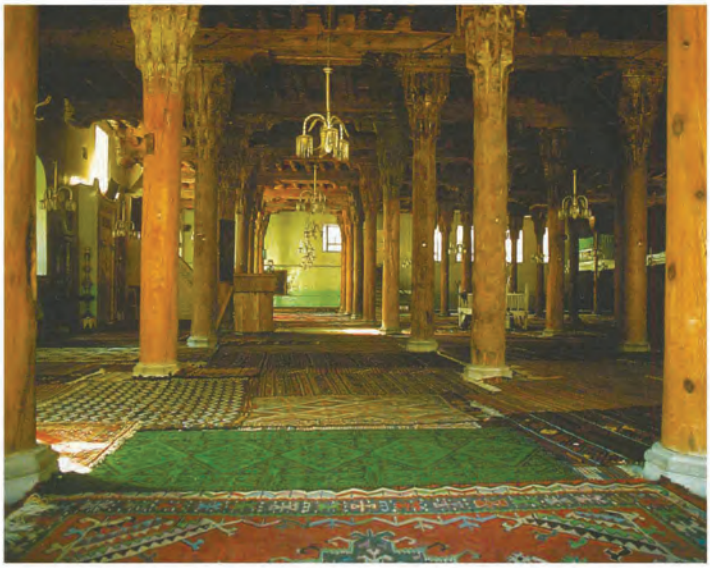

2

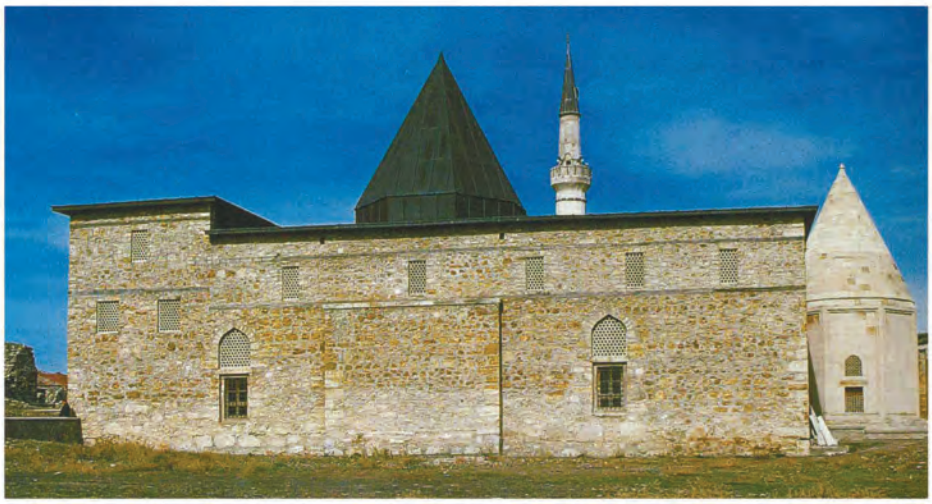

3

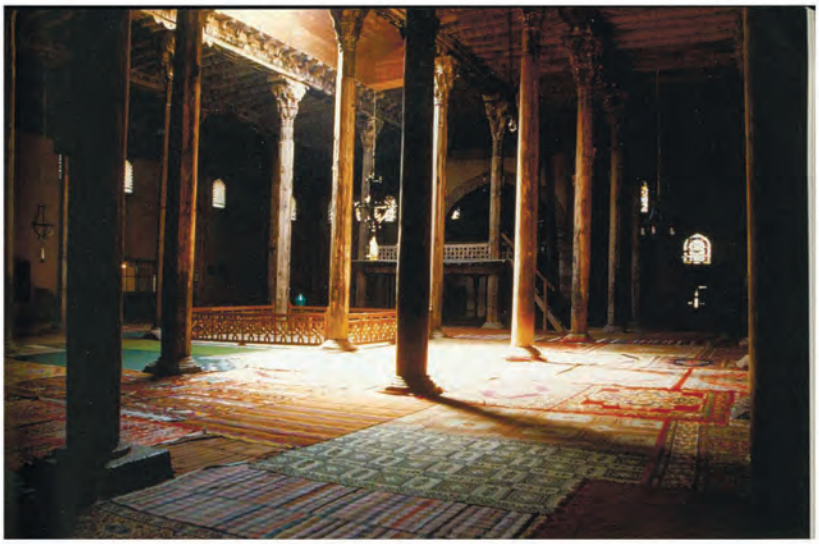
Рис. 10. Мечети Малой Азии сельджукского периода (XII-XIII вв.): 1 – в Дивриги; 2– Алаэддин Джами в Нигде; 3 – Алаэддин Джами в Нигде, интерьер (по Г.Стирлину и L'Art…).
Fig. 10. Mosques of Asia Minor of the Seljuk period (12th–13th centuries): 1 – at Divrigi; 2– Mosque of Alaeddin Cami at Nigda; 3 – Mosque of Alaeddin Cami at Nigda, interior (after H. Stierlin and L'Art…).

1

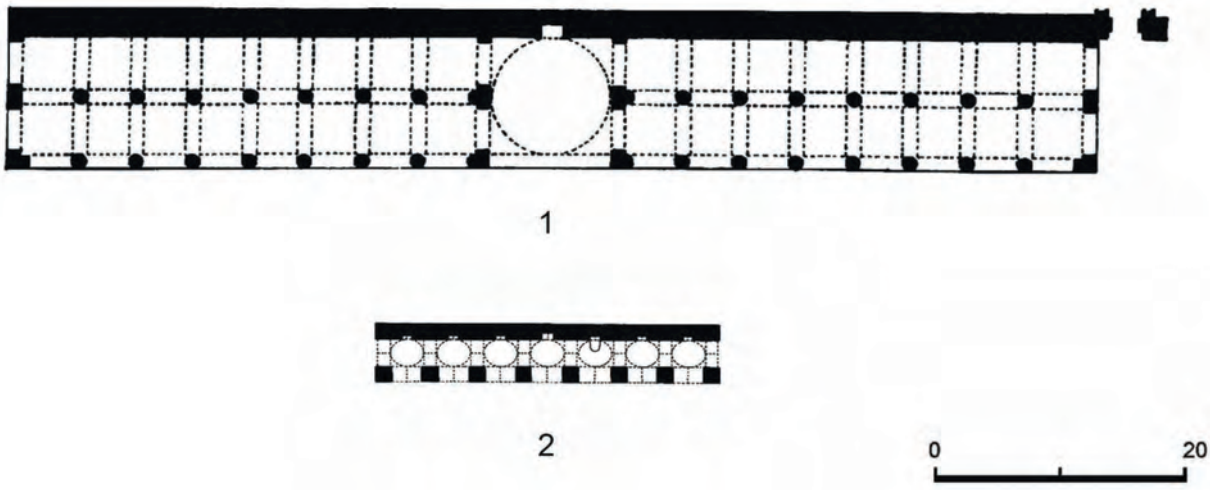

2

3

Рис. 11. Мечети Малой Азии сельджукского периода (XII-XIII вв.):
1 – Большая мечеть в Афьоне, интерьер 2 – Эшрефоглу в Бейшехире;
3 – Эшрефоглу в Бейшехире, интерьер; (по Г.Стирлину и L'Art…).
Fig. 11. Mosques of Asia Minor of the Seljuk period (12th–13th centuries):
1 – The Great Mosque at Afyon, interior; 2 – Eşrefoglu at Beyşehir;
3 – Eşrefoglu at Beyşehir, interior (after H. Stierlin and L'Art…).

3

Рис.12. Мечети намазгах: 1 – в Лашкари Базаре; 2 – в Бешкенте (по С.Г.Хмельницкому); 3 – в Бухаре.
Fig.12. Namazgah mosques: 1 – at Lashkari Bazar; 2 – at Beshkent (after S.G. Khmel'nitsky); 3 – at Bukhara.

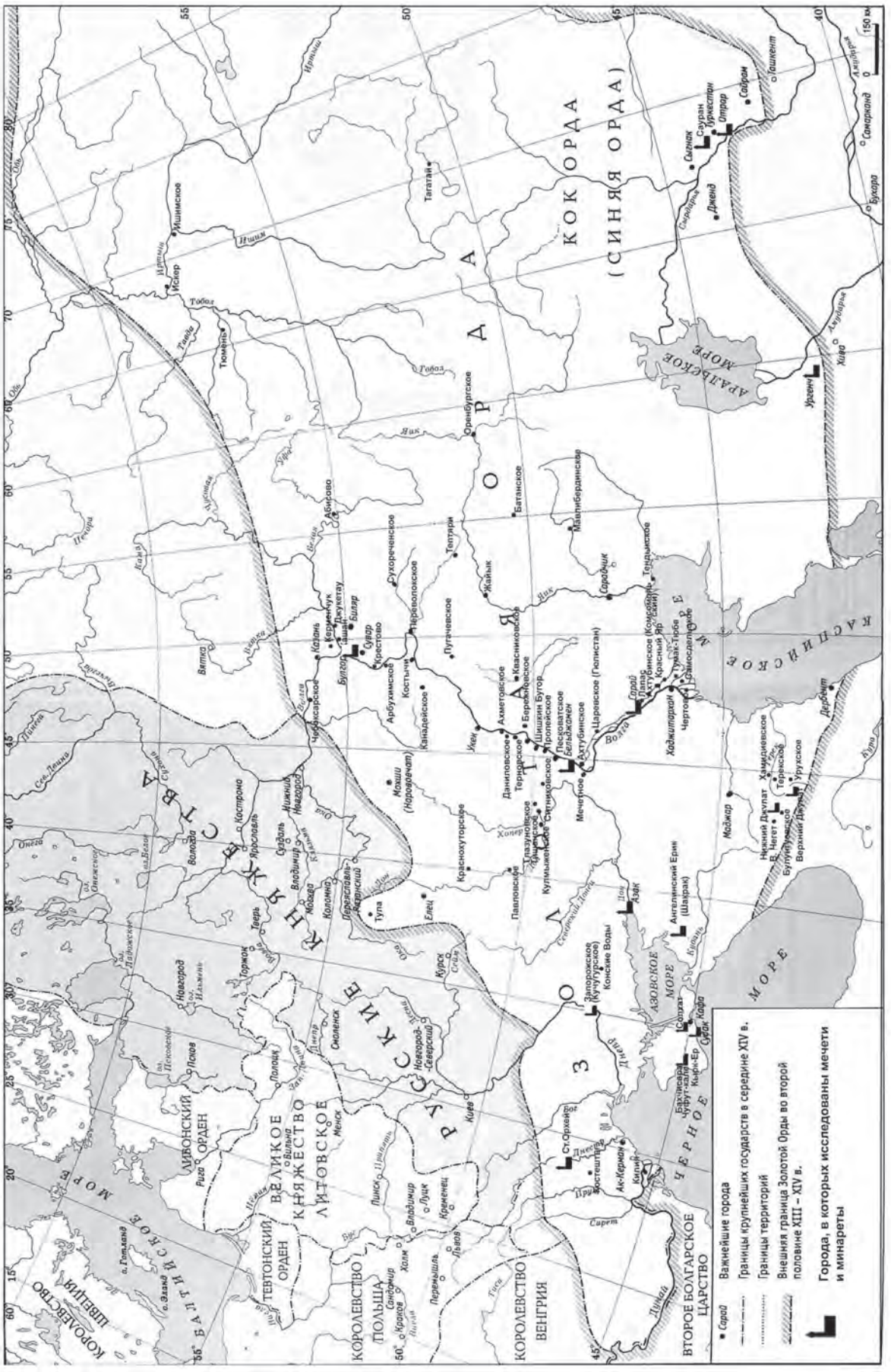

Рис. 13. Города Золотой Орды, в которых исследованы мечети и минареты.
Fig. 13. Cities of the Golden Horde where mosques and minarets have been investigated.

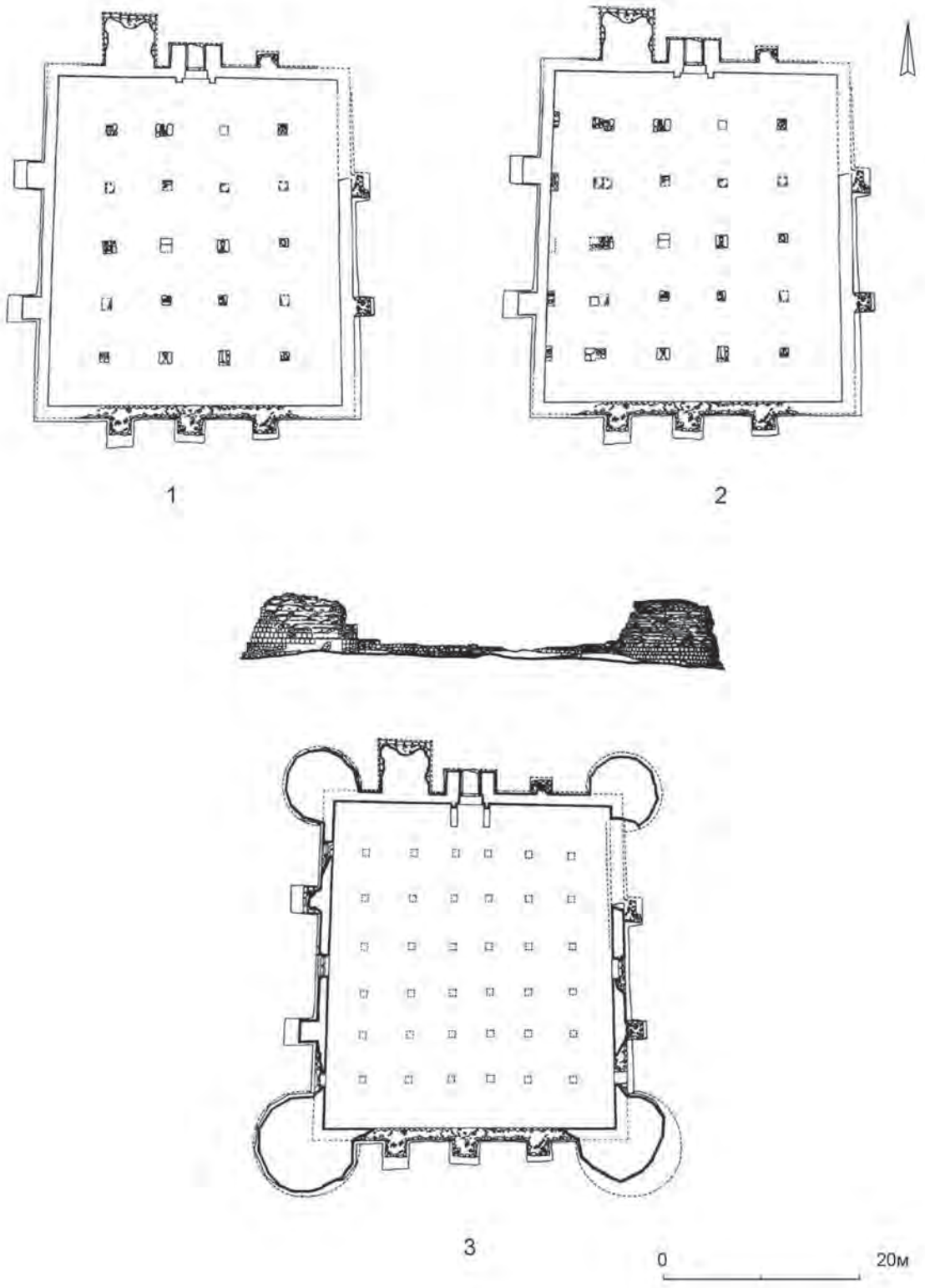

Рис. 14. Четырехугольник в Болгаре: 1 – I период; 2 – I период с перестройкой; 3 – II период (по С.С.Айдарову).
Fig. 14. Quadrangle at Bolgar: 1 – 1st period; 2 – 1st period after rebuilding; 3 – 2nd period (after S.S. Aidarov).

1

2

3

4

5

Рис. 15. Четырехугольник в Болгаре: 1 – контрфорс; 2 – реставрация контрфорса (фото 60-х гг.); 3 – комплекс мечети после реставрации; 4 – контрфорс после реставрации; 5 – колонна мечети.

Fig. 15. Quadrangle at Bolgar: 1 – buttress; 2 – restoration of buttress (photograph taken in the 1960s); 3 – complex of the mosque after restoration; 4 – buttress after restoration; 5 – pillar of the mosque.

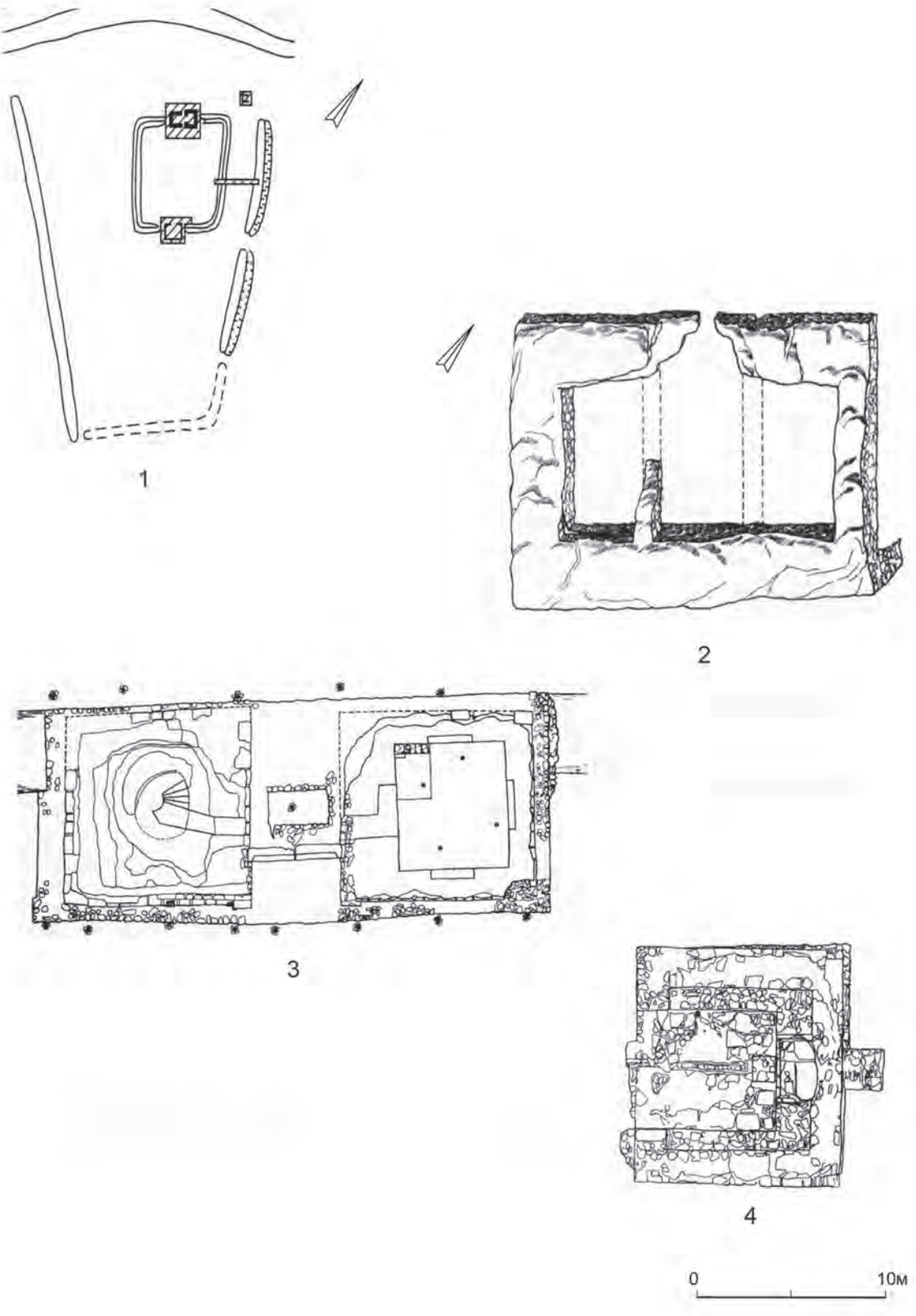

Рис. 16. Малый городок в Болгаре: 1 – схема плана; 2 – южное здание, аксонометрия; 3 – въездные ворота, план; 4 – здание для омовений, план (по Л.А.Беляеву).
Fig. 16. Lesser Town at Bolgar: 1 – general layout; 2 – south building, axonometry; 3 – gate, plan; 4 – building for ablutions, plan (after L.A. Belyaev).

1

2

3

Рис. 17. Малый городок в Болгаре: 1 – въездные ворота; 2 – башня ворот; 3 – здание для омовений.
Fig. 17. Lesser Town at Bolgar: 1 – gate; 2 – gate tower; 3 – building for ablutions.

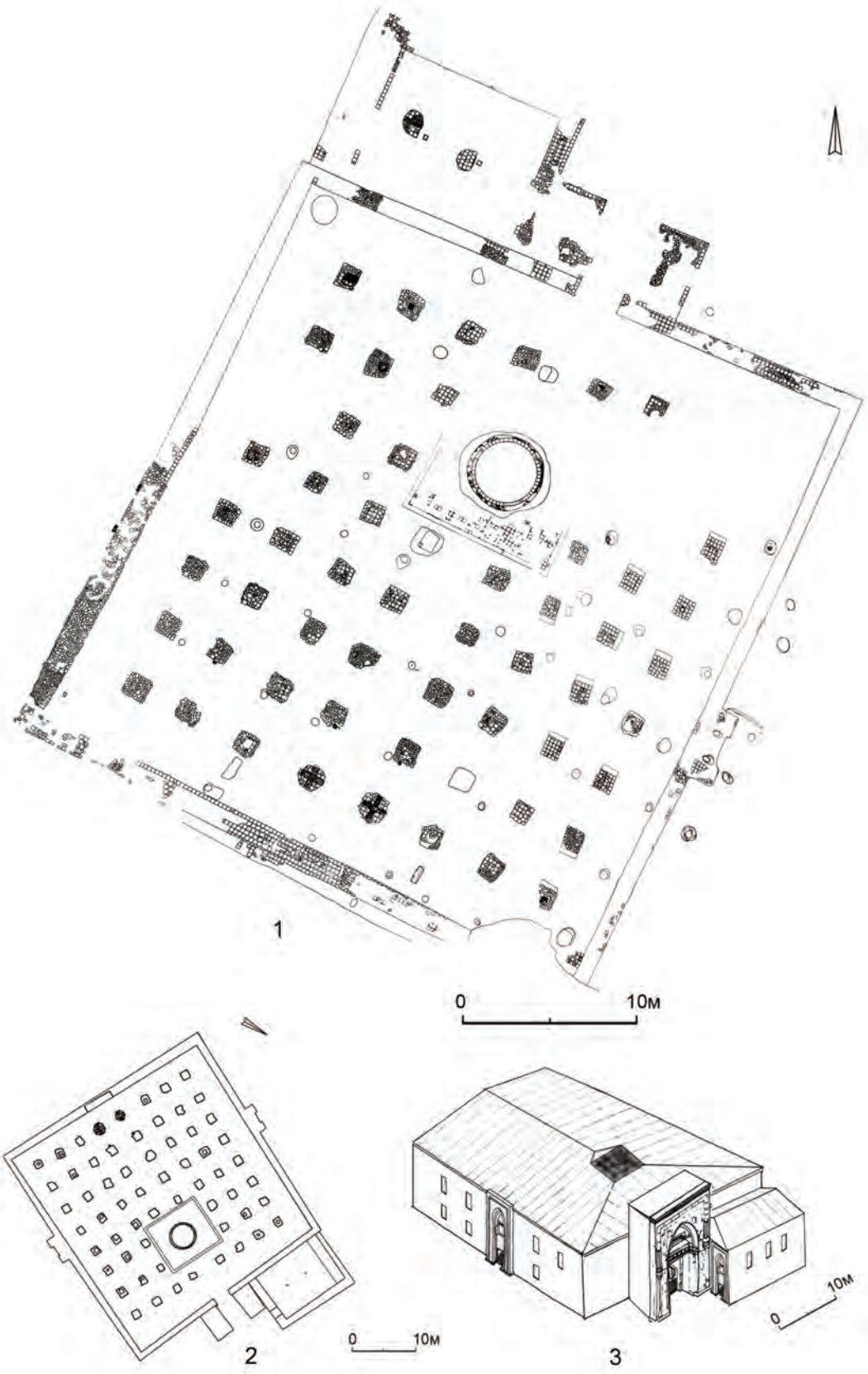

Рис. 18. «Белая» мечеть Сарая: 1 – общий план (по Г.А. Федорову-Давыдову); 2 – схема плана; 3 – вариант реконструкции.
Fig. 18. 'White' mosque at Saray: 1 – general layout (after G.A. Fyodorov-Davydov); 2 – schematic plan; 3 – variant of reconstruction.

1

2

3

Рис. 19. «Белая» мечеть Сарая: 1 – вход и помещение 2; 2 – колонный зал; 3 – цистерна.
Fig. 19. ‘White’ mosque at Saray: 1 – entrance and chamber 2; 2 – pillar hall; 3 – cistern.

1

2

3

Рис. 20. «Белая» мечеть Сарая: 1 – колонный зал; 2 – основания колонн перед михрабом; 3 – основание колонны под полом помещения 2.

Fig. 20. 'White' mosque at Saray: 1 – pillar hall; 2 – bases of pillars in front of the mihrab; 3 – pillar base under the floor of Chamber 2.

Рис. 21. Архитектурный декор помещения 2: 1-2 фрагменты тимпана и архивольта арки (ГИМ 111016 оп. В 2677/142; оп. В 2680/136).

Fig. 21. Architectural decoration of Chamber 2: 1-2 – fragments of tympanum and archivolt of the arch (State Historical Museum registration number 111016, inventory B 2677/142; inventory B 2680/136).

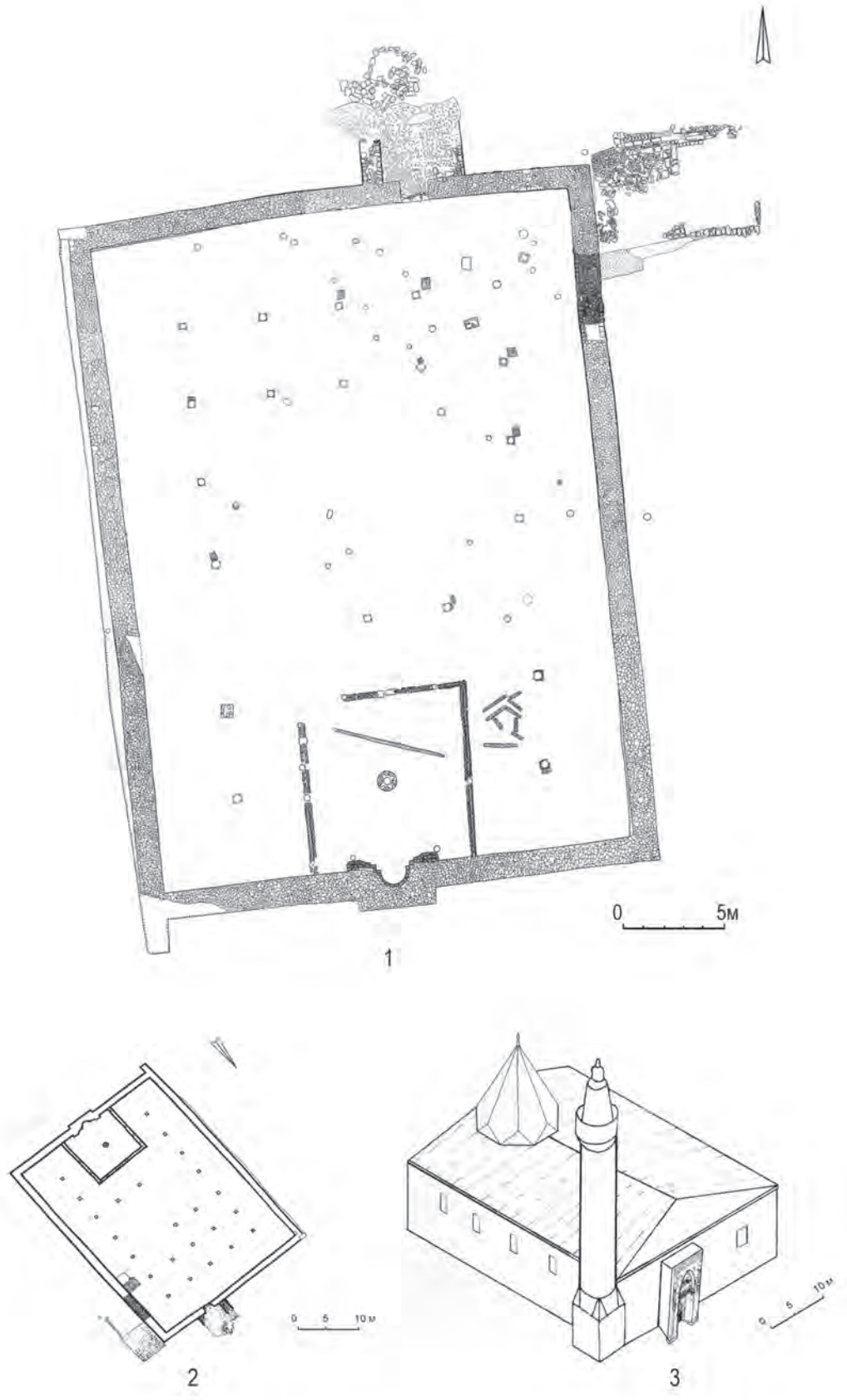

Рис. 22. Мечеть Водянского городища: 1 – общий план;
2 – схема плана (по В.Л. Егорову); 3 – вариант реконструкции.
Fig. 22. Mosque at the Vodianskoe site: 1 – general layout;
2 – schematic plan (after V.L. Egorov); 3 – variant of reconstruction.

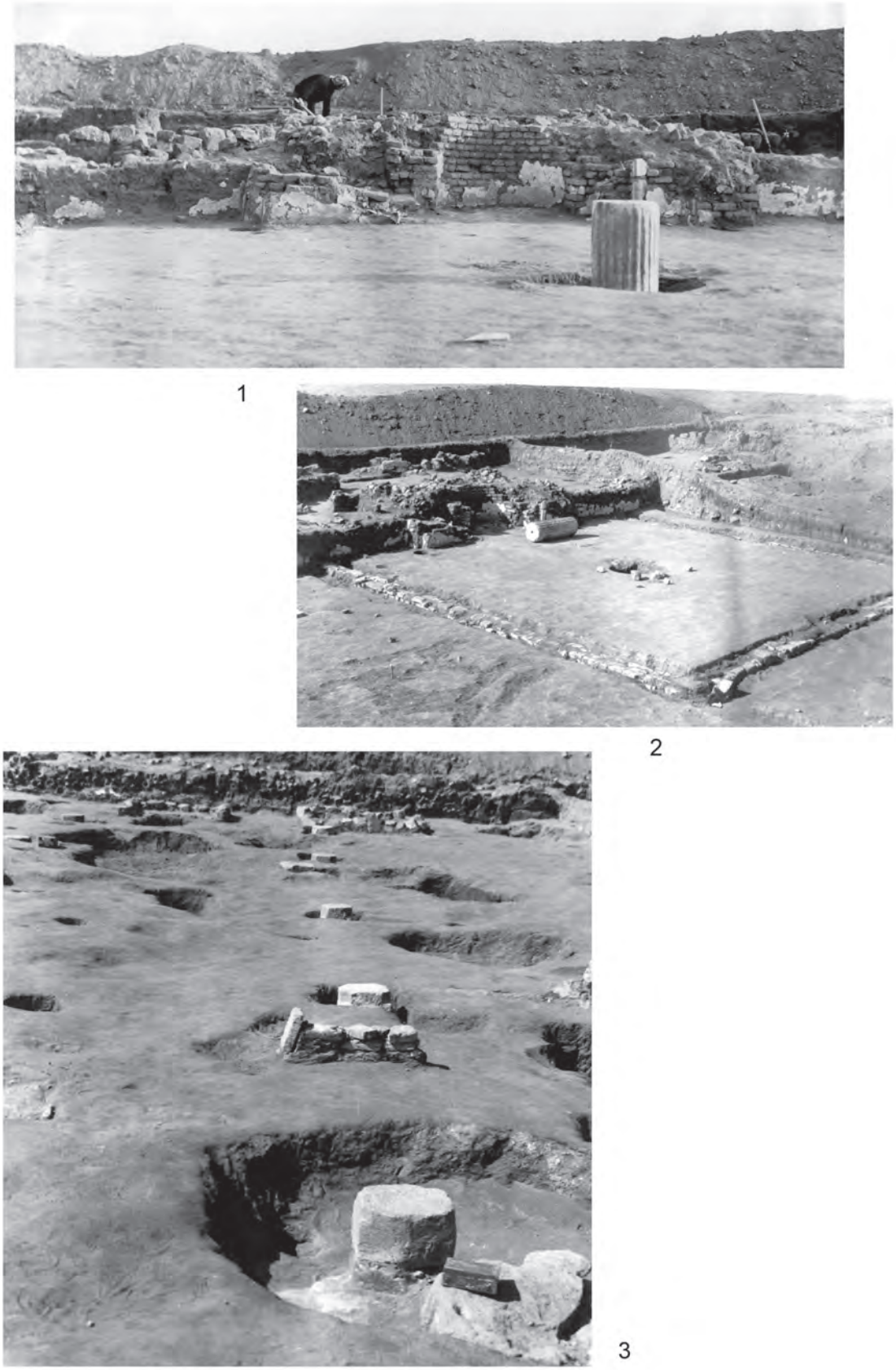

Рис. 23. Детали интерьера мечети Водянского городища: 1 – михраб; 2 – площадка перед михрабом; 3 – общий вид зала.
Fig. 23. Interior details of mosques at the Vodianskoe site: 1 – mihrab; 2 – ground in front of the mihrab; 3 – general view of the hall.

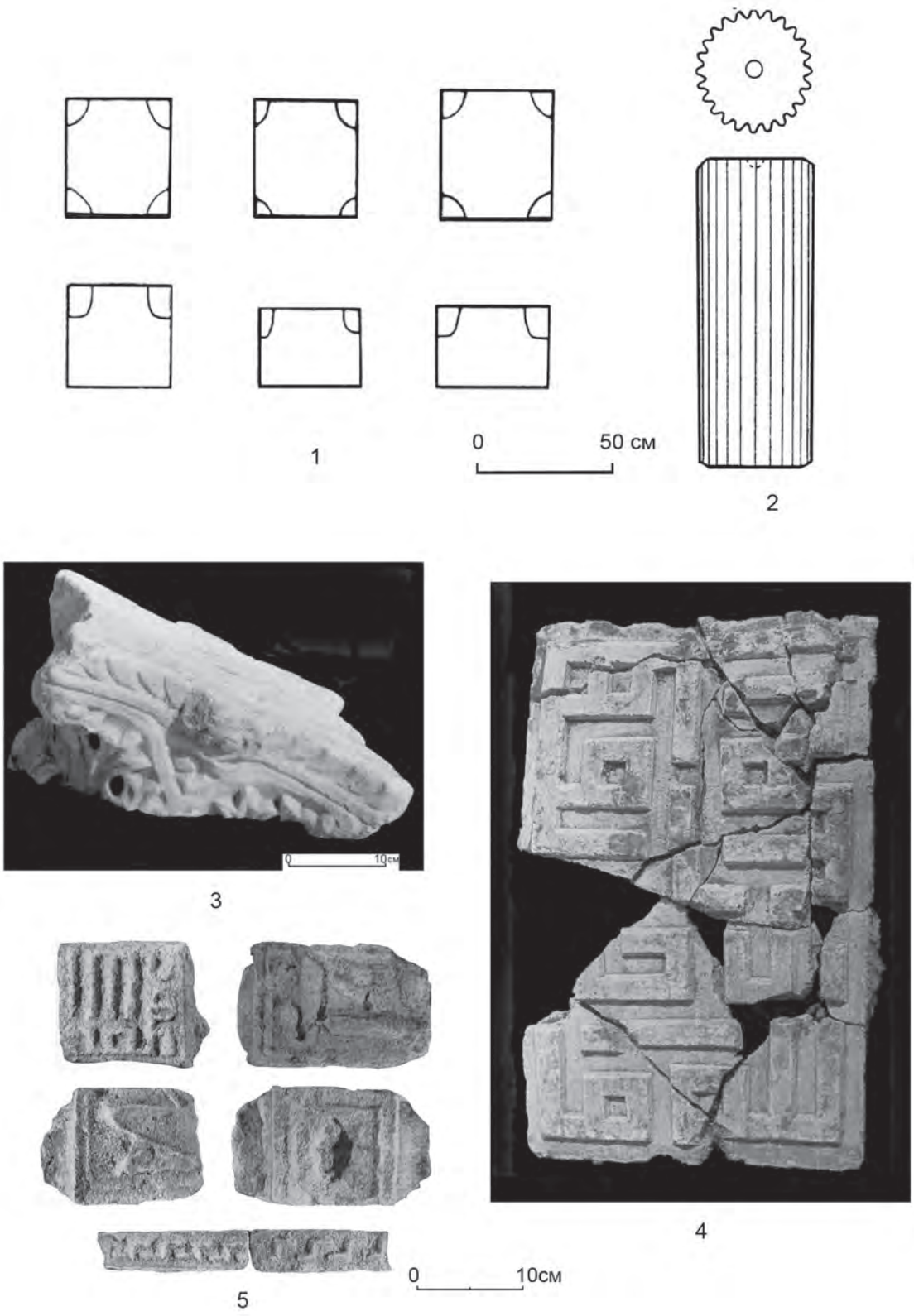

Рис. 24. Архитектурные детали мечети Водянского городища: 1 – базы колонн; 2 – колонна перед михрабом; 3 – капитель колонны; 4 – ганчевая плита над михрабом; 5 – ганчевые детали оформления минарета.

Fig. 24. Architectural details of mosques at the Vodianskoe site: 1 – pillar bases; 2 – pillar in front of the mihrab; 3 – pillar capital; 4 – plaster plate above mihrab; 5 – plaster decorative details of the minaret.

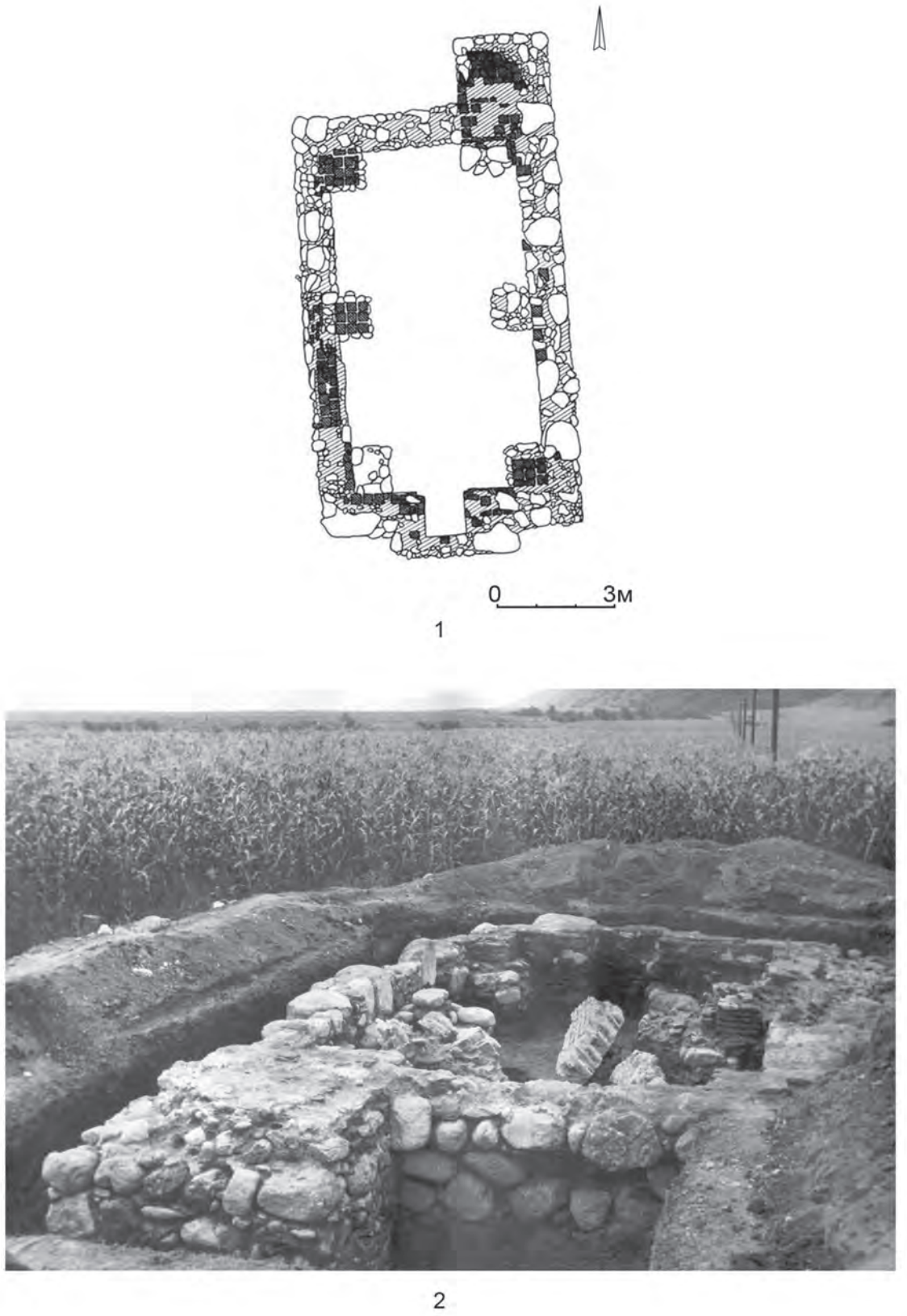

Рис. 25. Малая мечеть Верхнего Джулата:
1 – общий план; 2 – фото (по О.В.Милорадович).
Fig. 25. The Lesser Mosque of the Upper Julat:
1 – general layout; 2 – photograph (after O.V. Miloradovich).

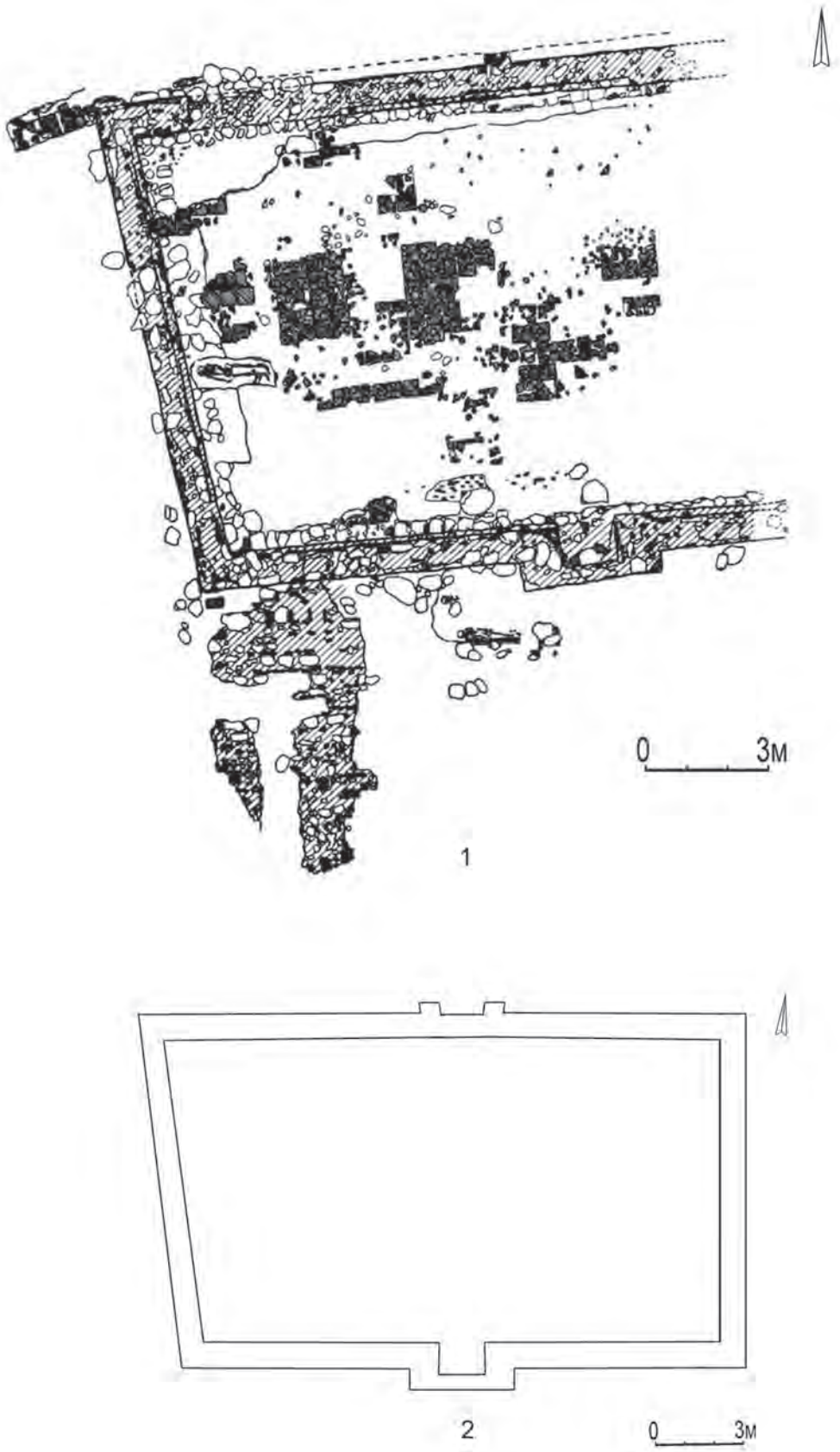
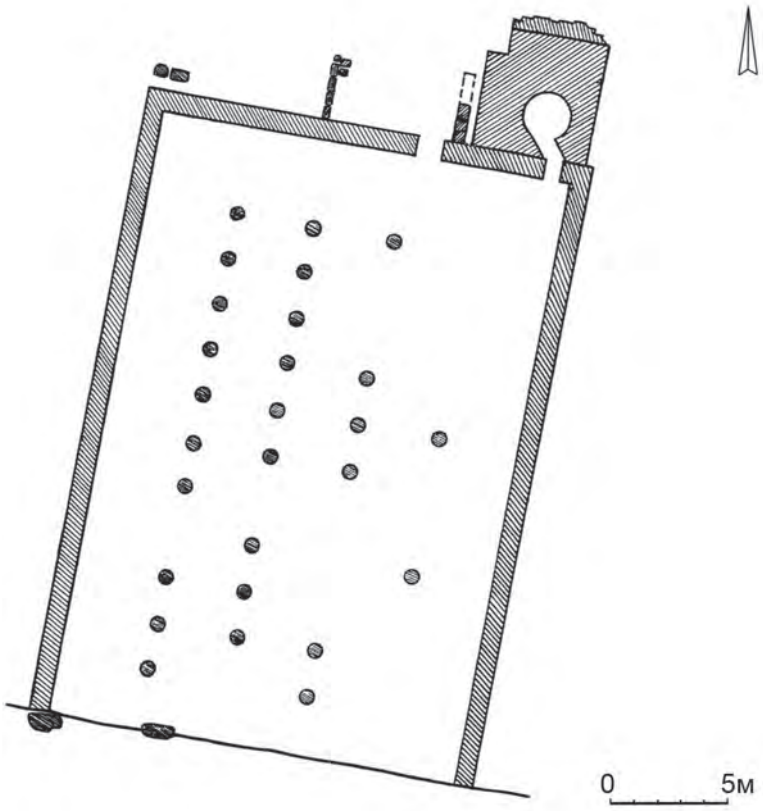

Рис. 26. Большая мечеть Верхнего Джулата:
1 – план раскопанной части (по О.В.Милорадович); 2 – схема плана.
Fig. 26. The Great Mosque at the Upper Julat:
1 – plan of excavated part (after O.V. Miloradovich); 2 – schematic plan.

1

2

Рис. 27. Мечеть Нижнего Джулата:
1 – общий план (по И.М.Чеченову и Э.Д.Зиливинской); 2 – фундамент стены.
Fig. 27. The mosque at the Lower Julat:
1 – general layout (after I.M. Chechenov and E.D. Zilivinskaya); 2 – wall foundations.

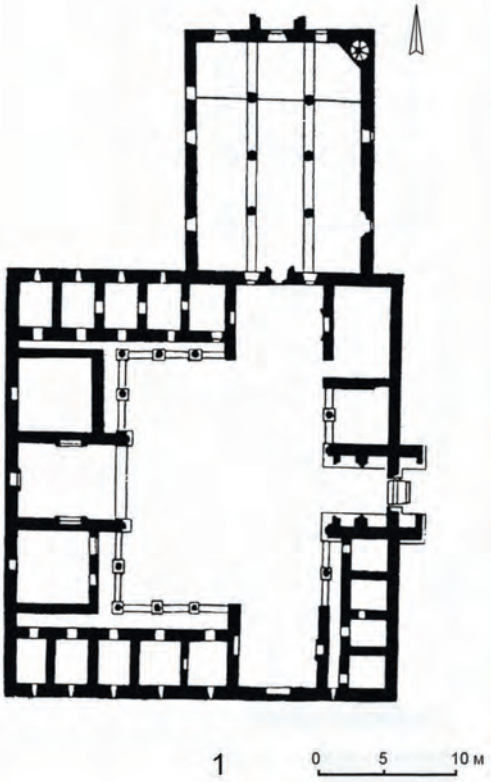

1

2

Рис. 28. Мечеть Нижнего Джулата:
1 – северная часть с порталом и основанием минарета; 2 – колонный зал.
Fig. 28. The mosque at the Lower Julat:
1 – north part with the portal and foundation of the minaret; 2 – pillar hall.

1

2

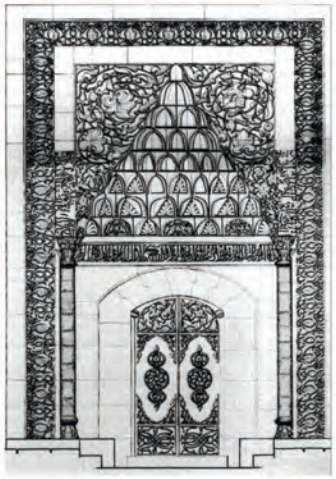

3

Рис. 29. Мечеть Узбека в Солхате: 1 – план комплекса мечети-медресе (по М.Г. Крамаровскому); 2 – мечеть, вид с севера: 3 – мечеть, вид с востока.
Fig. 29. The Mosque of Uzbek at Solkhat: 1 – plan of the mosque-madrasah complex (after M.G. Kramarovsky); 2 – mosque, view from the north; 3 – mosque, view from the east.

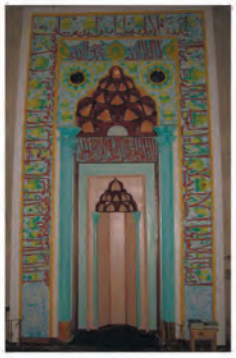
1

2

3

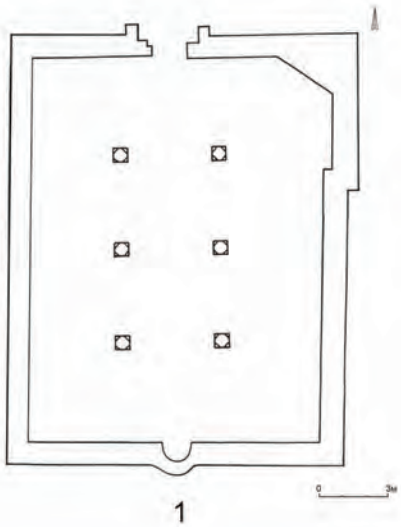
4

5

Рис. 30. Мечеть Узбека в Солхате: 1 – портал; 2 – графическая реконструкция портала (по М.Г. Крамаровскому); 3 – интерьер; 4 – михраб; 5 – графическая реконструкция михраба (по М.Г. Крамаровскому).

Fig. 30. The Mosque of Uzbek at Solkhat: 1 – portal; 2 – graphic reconstruction of the portal (after M.G. Kramarovsky); 3 – interior; 4 – mihrab; 5 – graphic reconstruction of the mihrab (after M.G. Kramarovsky).

1

2

3

4

Рис.31. Мечеть «Бейбарса» в Солхате: 1 – план (по М.Г. Крамаровскому); 2 – михрабный выступ; 3 – вид снаружи; 4 - интерьер.
Fig.31. The Mosque of 'Beybars' at Solkhat: 1 – plan (after M.G. Kramarovsky); 2 – the mihrab protrusion; 3 – view from the outside; 4 - interior.

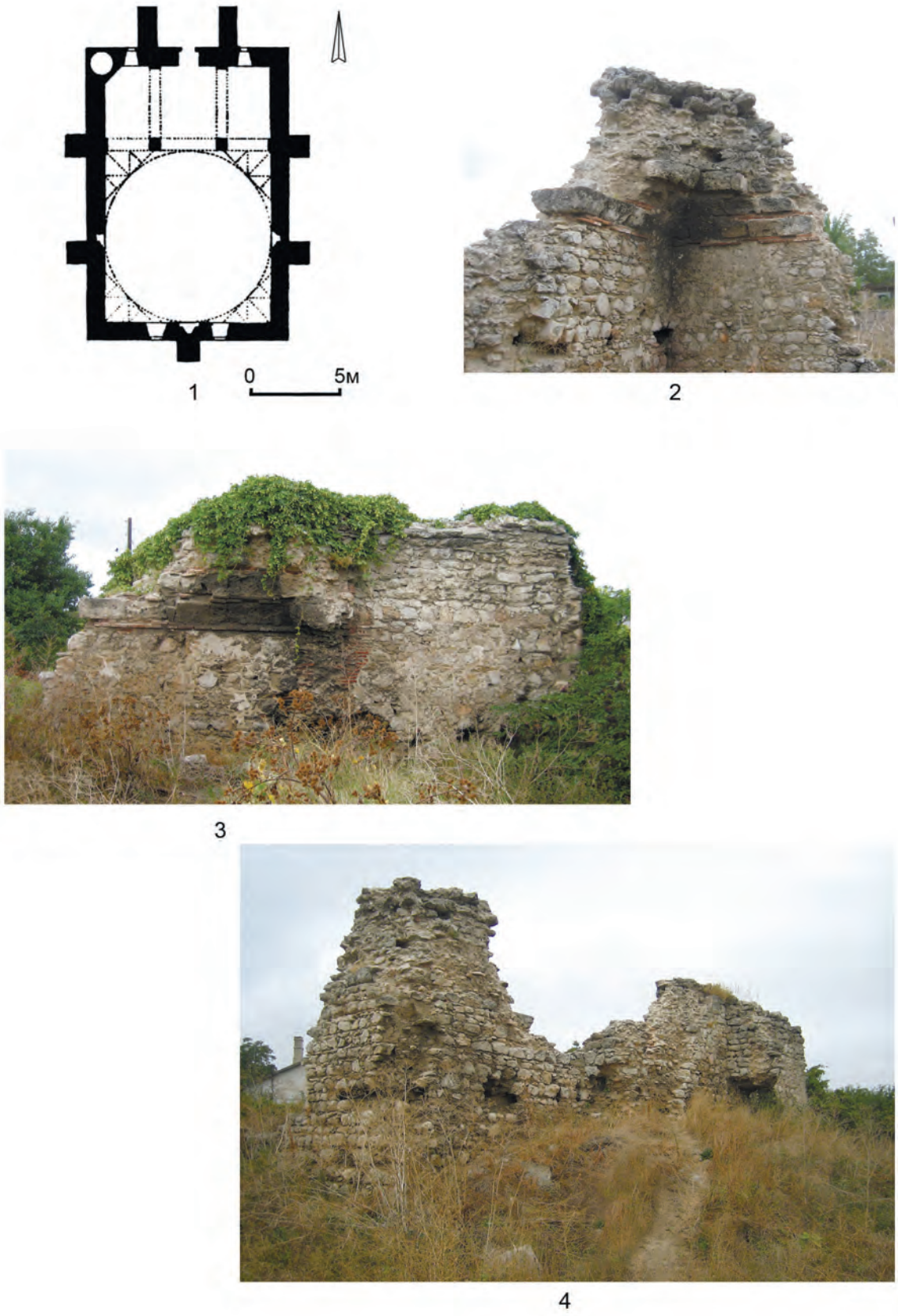

Рис. 32. Мечеть Куршун Джами в Солхате: 1 – план (по А.С.Башкирову); 2, 3 – остатки купола; 4 – общий вид.
Fig. 32. The Kurshun Jami Mosque at Solkhat: 1 – layout (after A.S. Bashkirov); 2, 3 – dome remains; 4 – general view.

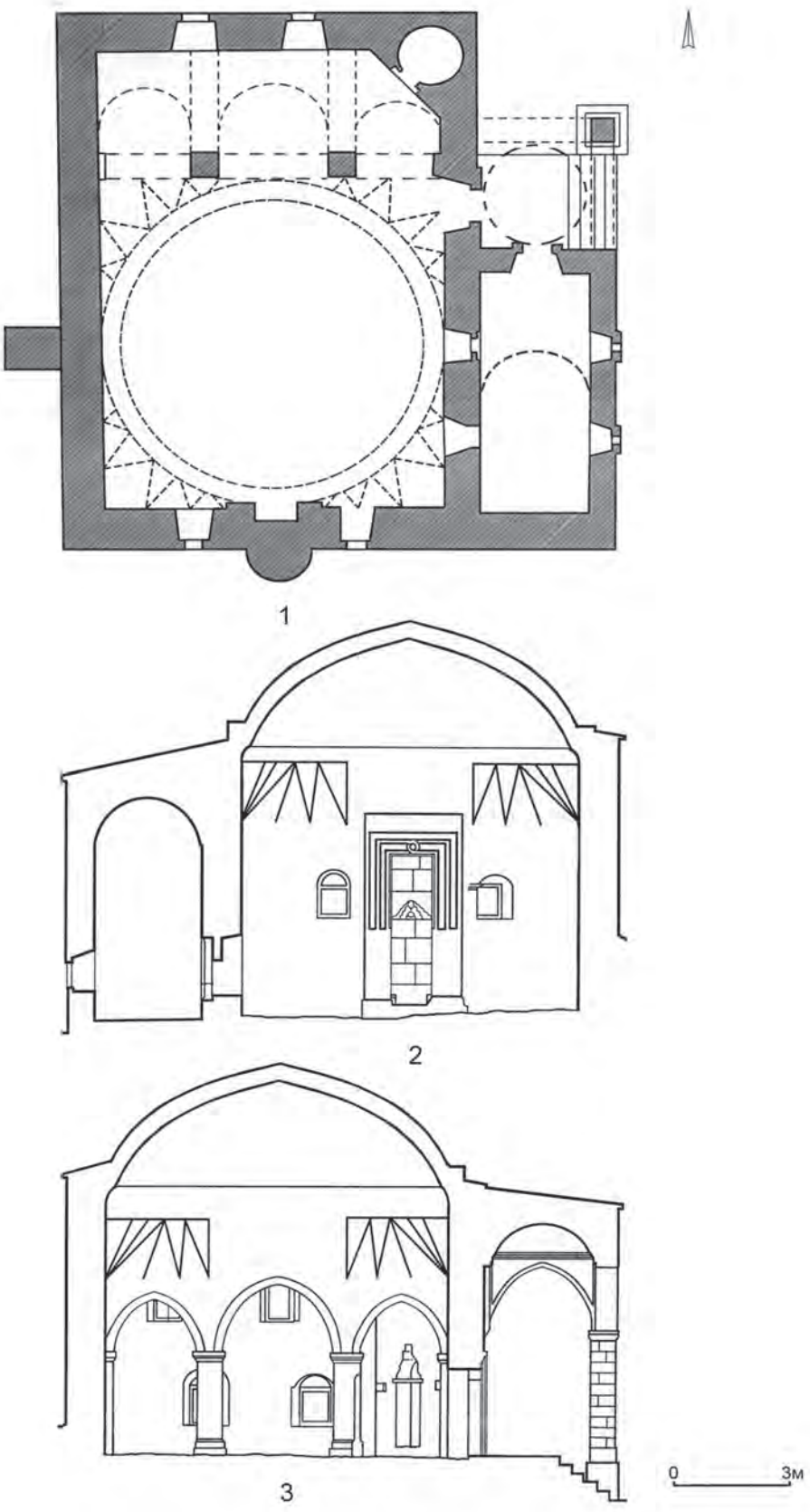

Рис. 33. Мечеть в Судаке: 1 – план; 2 – разрез, вид на южную стену; 3 – разрез, вид на северную стену (по И.А.Баранову и М.А.Фронжуло).
Fig. 33. Mosque at Sudak, the Crimea: 1 – plan; 2 – section, view of the south wall; 3 – section, view of the north wall (after I.A. Baranov and M.A. Fronzhulo).

1

2

3

4

5

6

Рис. 34. Мечеть в Судаке: 1 – вид с севера; 2 – входная лоджия; 3 – михраб; 4 – вид с северо-запада; 5 – интерьер, вид с юга; 6 – капитель колонны.
Fig. 34. Mosque at Sudak, the Crimea: 1 – view from the north; 2 – entrance loggia; 3 – the mihrab; 4 – view from the northwest; 5 – interior, view from the south; 6 – pillar capital.

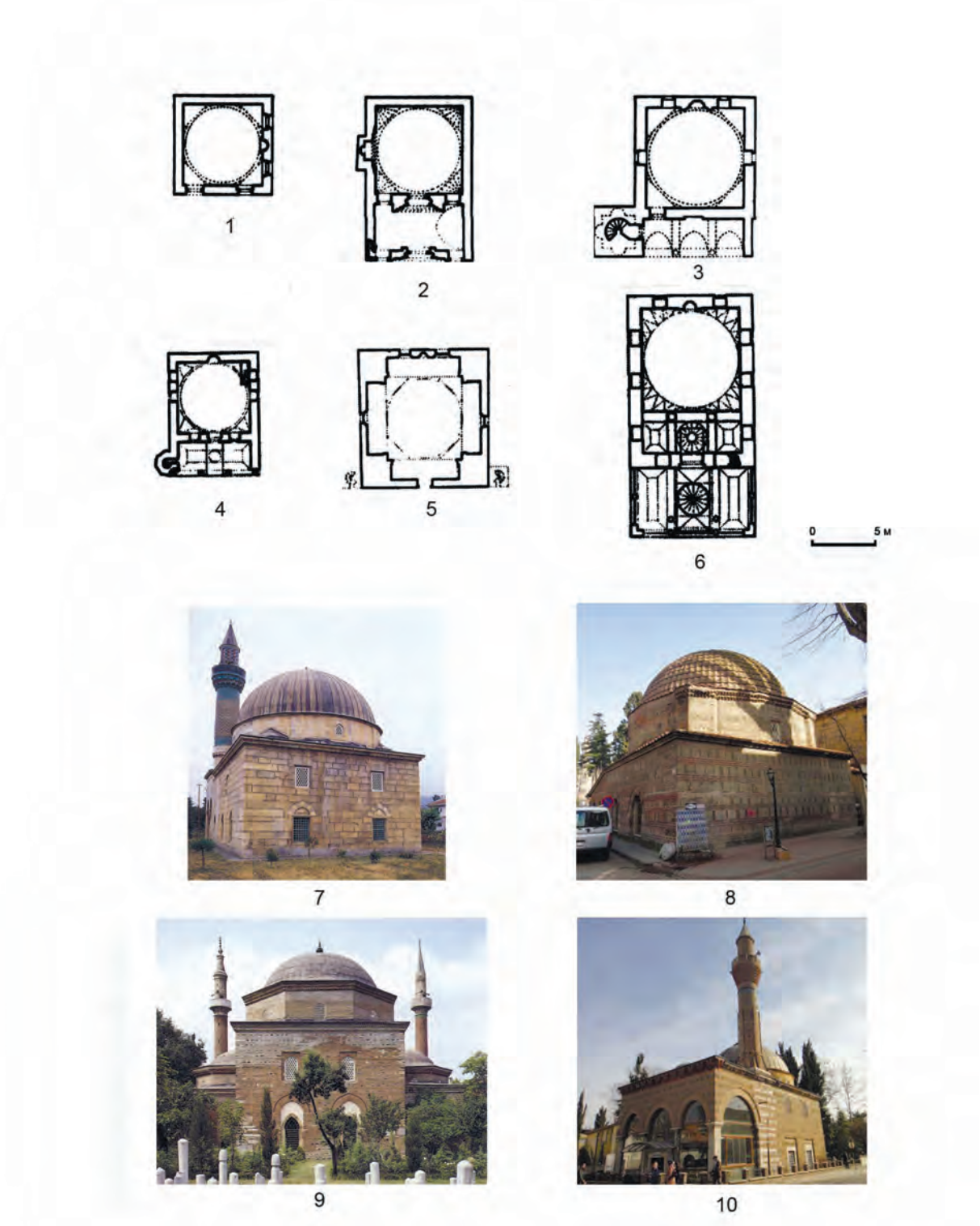
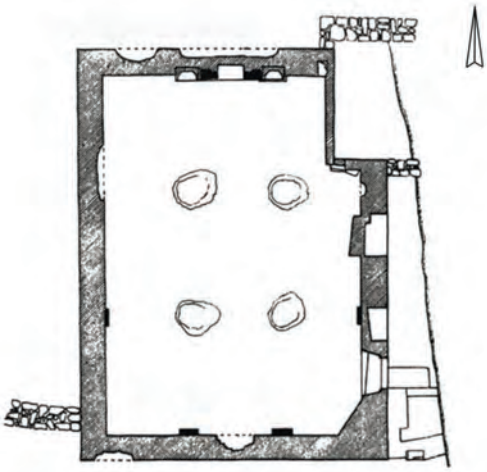

Рис. 35. Анатолийские купольные мечети сельджукского (1-3) и раннеосманского периодов (4-10): 1 – Феррух Шах в Акшехире; 2 – Хаджи Феррух в Конье; 3 – Хока Хасан в Конье; 4 – Ала ал Дина в Бурсе; 5 – Орхан Гази в Билесике; 6, 7 – Зеленая мечеть в Изнике (конец XIV в.); 8 – Хаджи Ёзбек в Изнике; 9 – Мурад Паша Джами в Бурсе (1378 г.); 10 – мечеть (текие) Якуба Челекби в Изнике (конец XIV в.) (по Р.Хилленбранду, Г. Стирлину).

Fig. 35. Anatolian domed mosques of the Seljuk (1-3) and Early Ottoman (4-10) periods: 1 – Ferruh Shah at Akşehir; 2 – Haci Ferruh at Konya; 3 – Hoka Hasan at Konya; 4 – Ala al-Din at Bursa; 5 – Orhan Gazi at Bilesik; 6, 7 – the Green Mosque at Iznik (late 14th century); 8 – Haci Özbek at Iznik; 9 – Murad Paşa Cami at Bursa (1378); 10 – Mosque (takiyyah) of Yakub Çelekbi at Iznik (late 14th century) (after R. Hillenbrand and H. Stierlin).

1

2

3

4

Рис. 36. Мечеть в Чуфут-Кале: 1 – план по (У.А.Боданинскому); 2 – михраб; 3 – общий вид; 4 – интерьер.
Fig. 36. Mosque at Chufut-Kale: 1 – plan (after U.A. Bodaninsky); 2 – mihrab; 3 – general view; 4 – interior.

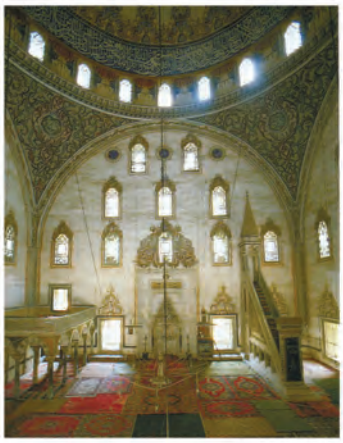
1

2

3

4

Рис. 37. Мечеть в с. Пионерском близ Симферополя и ее аналогии: 1 – вид с востока; 2 – интерьер; 3 – мечеть султана Баязида II в Эдирне (1484-1488); 4 – интерьер мечети Баязида II (3-4 по Г.Стирлину).

Fig. 37. Mosque at the Pionerskoe village near Simferopol and its analogies: 1 – view from the east; 2 – interior; 3 – Mosque of sultan Bayazid II at Edirne (1484-1488); 4 – interior of mosque of Bayazid II (3-4 after H. Stierlin).

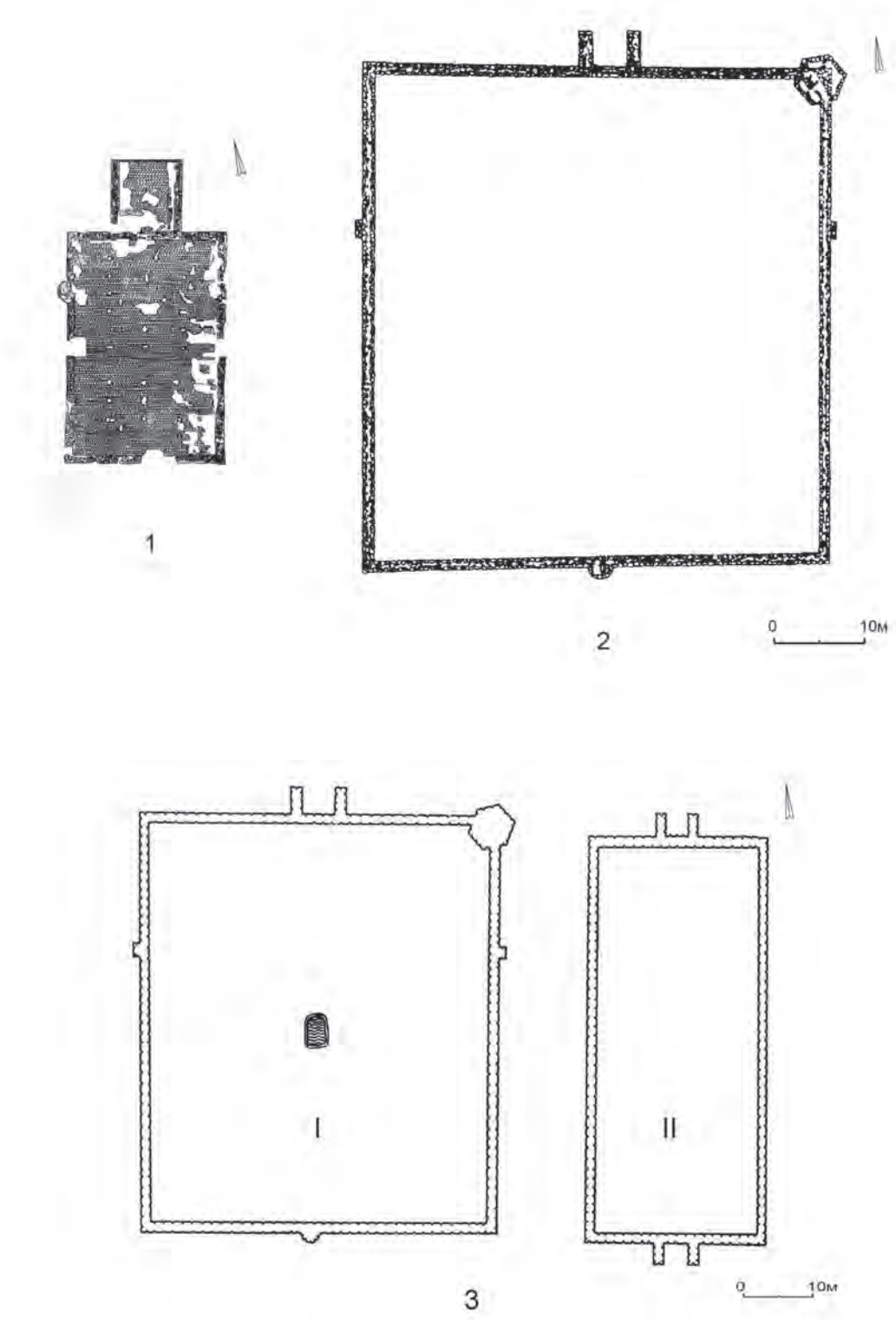

Рис. 38. Мечети западных районов: 1 – мечеть Кучугурского городища;
2 – мечеть Старого Орхея; 3 – комплекс караван-сараев I и II
(по В.Й. Довженку, П.П. Бырне, Т. Нестеровой).
Fig. 38. Mosques of western regions of the Golden Horde: 1 – mosque at the Kuchugury site;
2 – mosque at the Old Orkhey; 3 – complex of caravansaries I and II
(after V.I. Dovzhenok, P.P. Bîrnea and T. Nesterova).

Рис. 39. Мечеть Саурана: 1 – план (по Е.А.Смагулову); 2 – внутренний двор, вид с северо-северо-запада; 3 – северная часть, завал купола; 4 – общий вид с северо-запада.
Fig. 39. Mosque at Sauran: 1 – plan (after E.A. Smagulov); 2 – inner courtyard, view from the north-northwest; 3 – northern part, débris of dome; 4 – general view from the northwest.

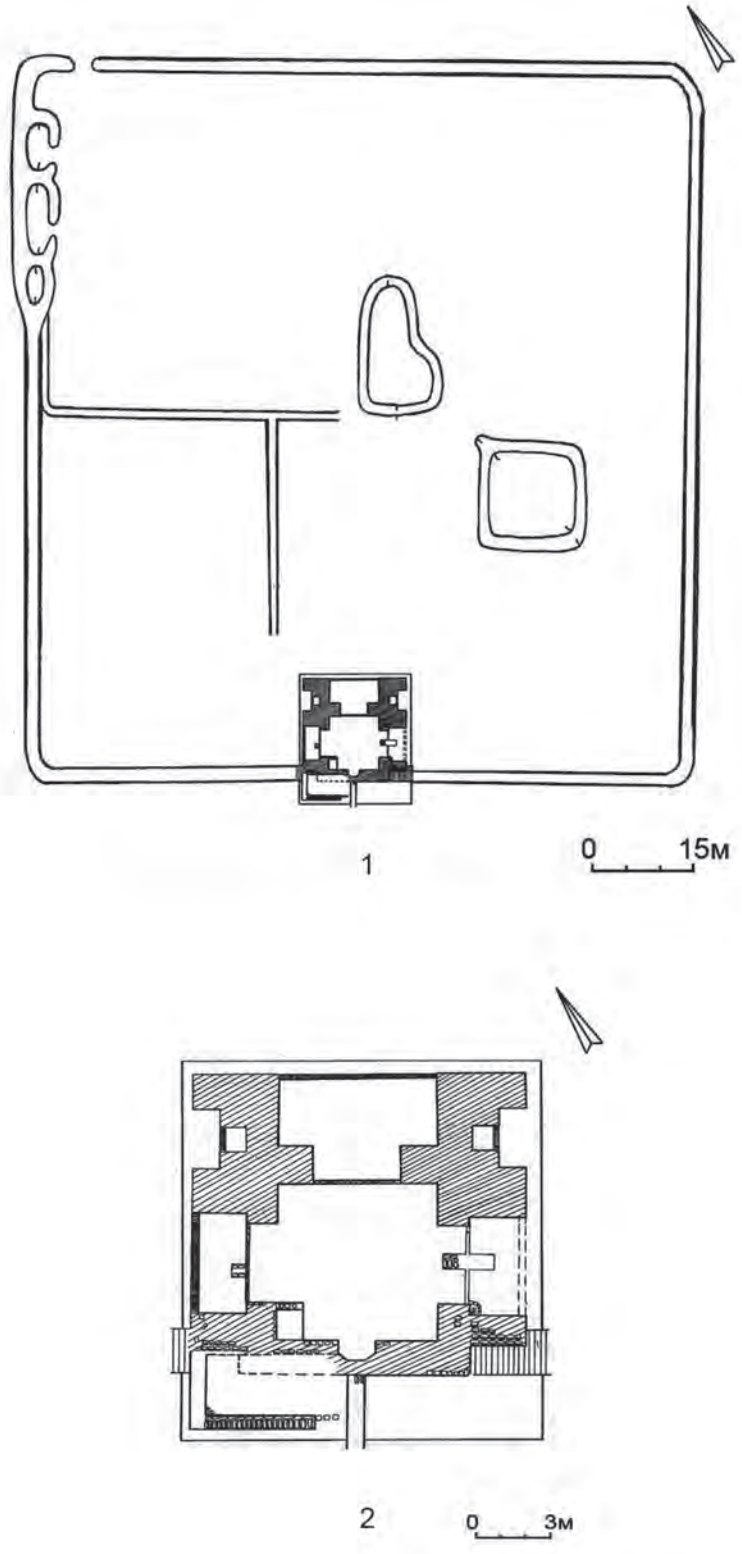

Рис. 40. Мечеть-намазгах Саурана: 1 – общий план;
2 – здание с михрабом (по Д. Талееву).
Fig. 40. Mosque-namazgah at Sauran: 1 – general view;
2 – building with a mihrab (after D. Taleev).

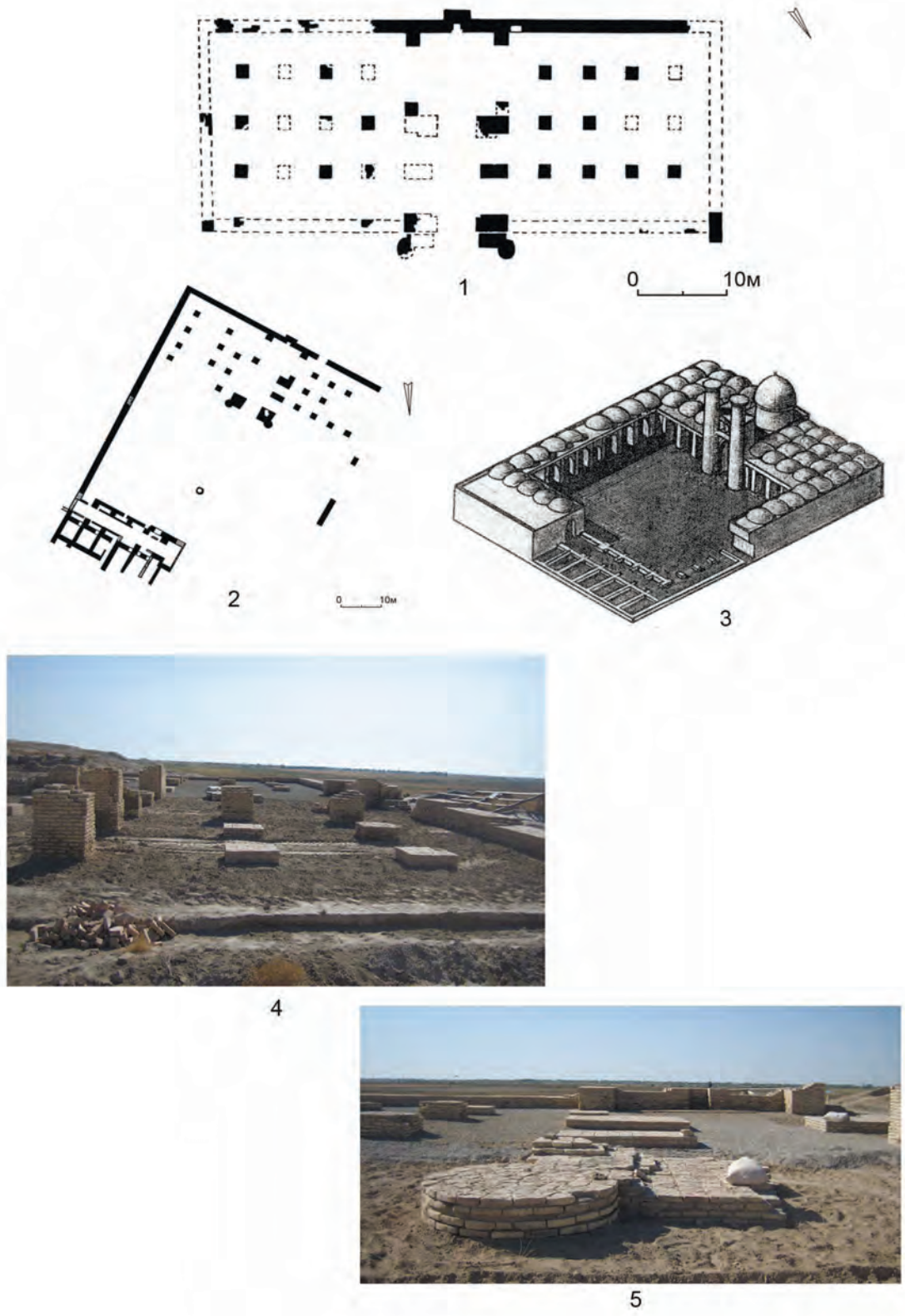
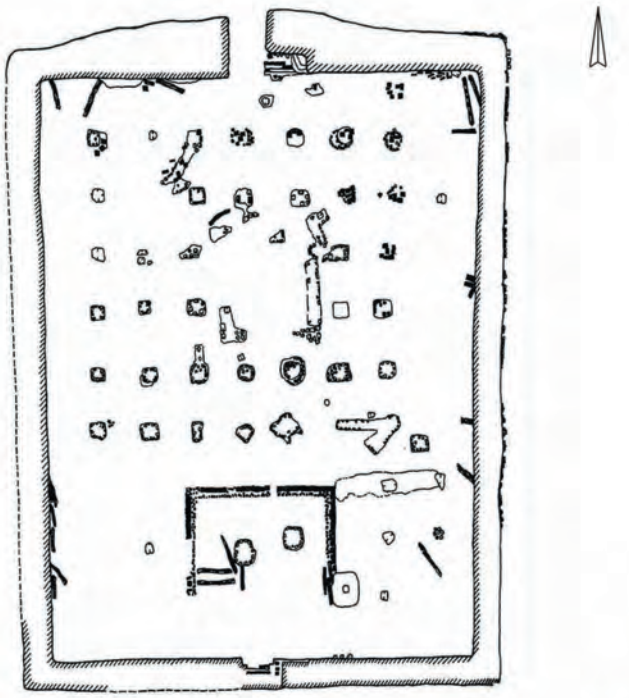

Рис. 41. Мечеть Отрара: 1 – южная часть (по К.М.Байпакову); 2 – общий план; 3 – вариант реконструкции; 4 – общий вид (реставрация; 5 – портал, и михраб (реставрация).
Fig. 41. Mosque at Otrar: 1 – southern part (after K.M. Baipakov); 2 – general view; 3 – variant of reconstruction; 4 – general view (restoration; 5 – portal and mihrab (restoration).

2

Рис. 42. Мечеть Коялыка: 1 – план;
2 – аэрофотосъемка (по К.М.Байпакову, Д.А.Воякину).
Fig. 42. Mosque at Koialyk: 1 – plan;
2 – aerial photograph (after K.M. Baipakov and D.A. Voiakin).

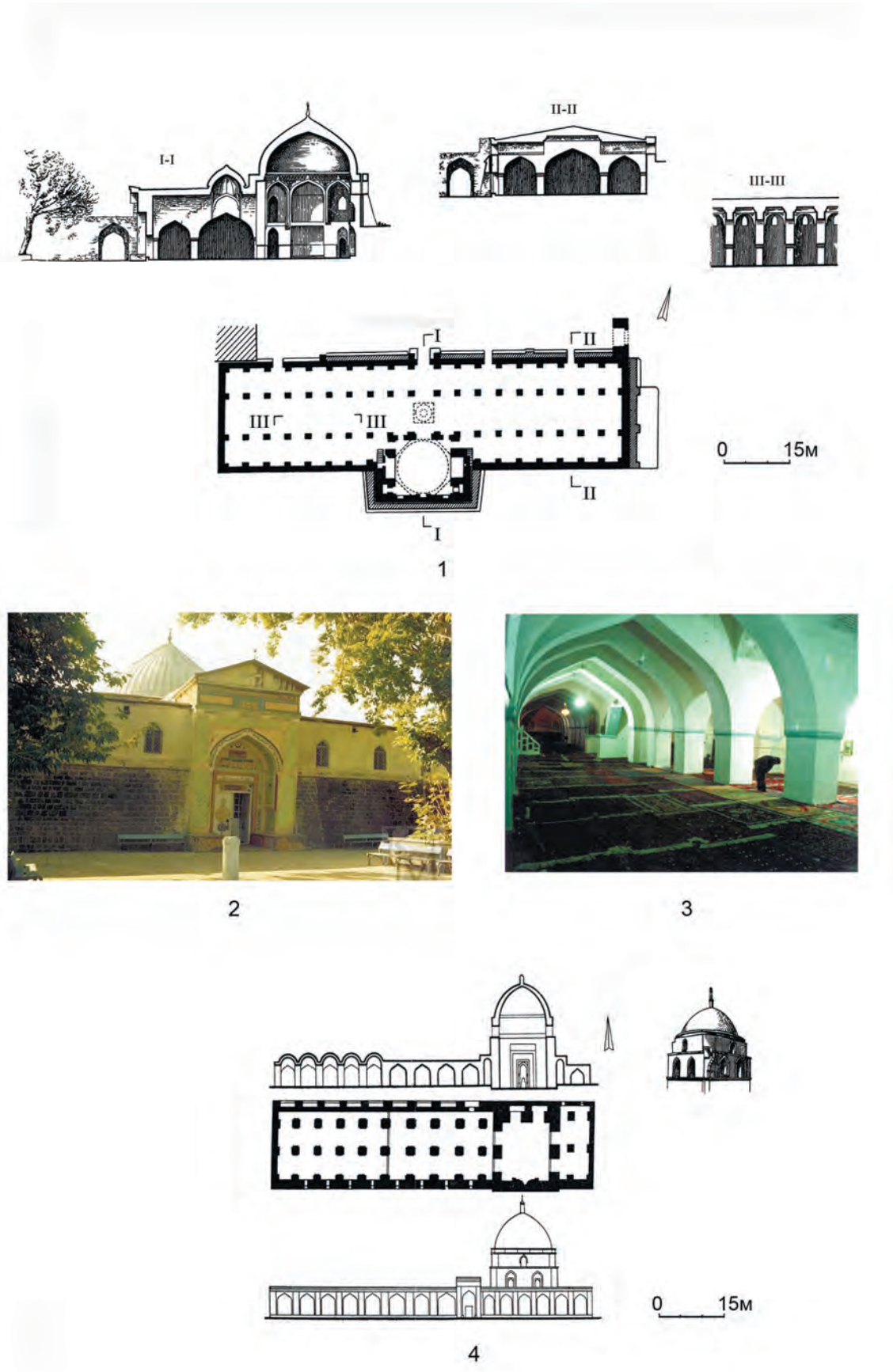
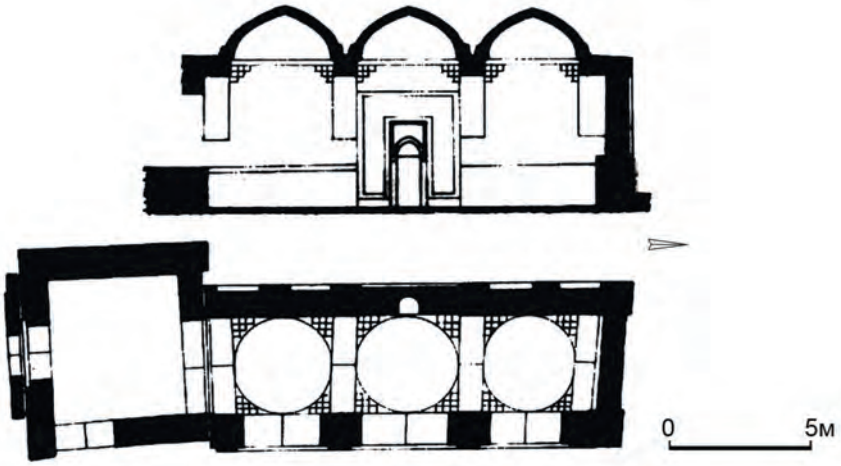

Рис. 43. Мечети Кавказа и Закавказья: 1-3– Джума мечеть Дербента VIII в;
4 – Джума-мечеть в Урмии XIII-XIV вв. (по Л.С.Бретаницкому).
Fig. 43. Mosques of the Caucasus and Transcaucasia: 1-3– Juma mosque at Derbend (the 8th century CE); 4 – Juma Mosque at Urmiyya (13th – 14th centuries CE) (after L.S. Bretanitsky).

1

2

3

Рис. 44. Столпные мечети: 1-2 – мечеть при мавзолее Хаким-ат-Термези XI в. (по С.Г.Хмельницкому); 3 – Малая мечеть Верхнего Джулата (реконструкция В.А.Кузнецова).
Fig. 44. Pillar mosques: 1-2 – mosque attached to Hakim al-Termezi mausoleum (11th century) (after S.G. Khmel'nitsky);
3 – The Lesser Mosque of the Upper Julat (reconstruction by V.A. Kuznetsov).

Рис. 45. Минареты Сирии, Магриба и Испании: 1 – Дамаск IX в.; 2 – Алеппо XI в.; 3 – Карввийон в Фесе IX в.; 4 – Сфакс IX в.; 5 – Кайруан IX в.; 6 – Касба в Тунисе XIII в.; 7 – Кордова X в.; 8 – Хиральда в Севилье XII в.

Fig. 45. Minarets of Syria, Maghreb and Spain: 1 – Damascus (9th century); 2 – Aleppo (11th century); 3 – Karawiyyon at Fez (9th century); 4 – Sfax (9th century); 5 – Kairuan (9th century); 6 – Kasbah in Tunisia (13th century); 7 – Córdova (10th century); 8 – Giralda tower in Seville (12th century).

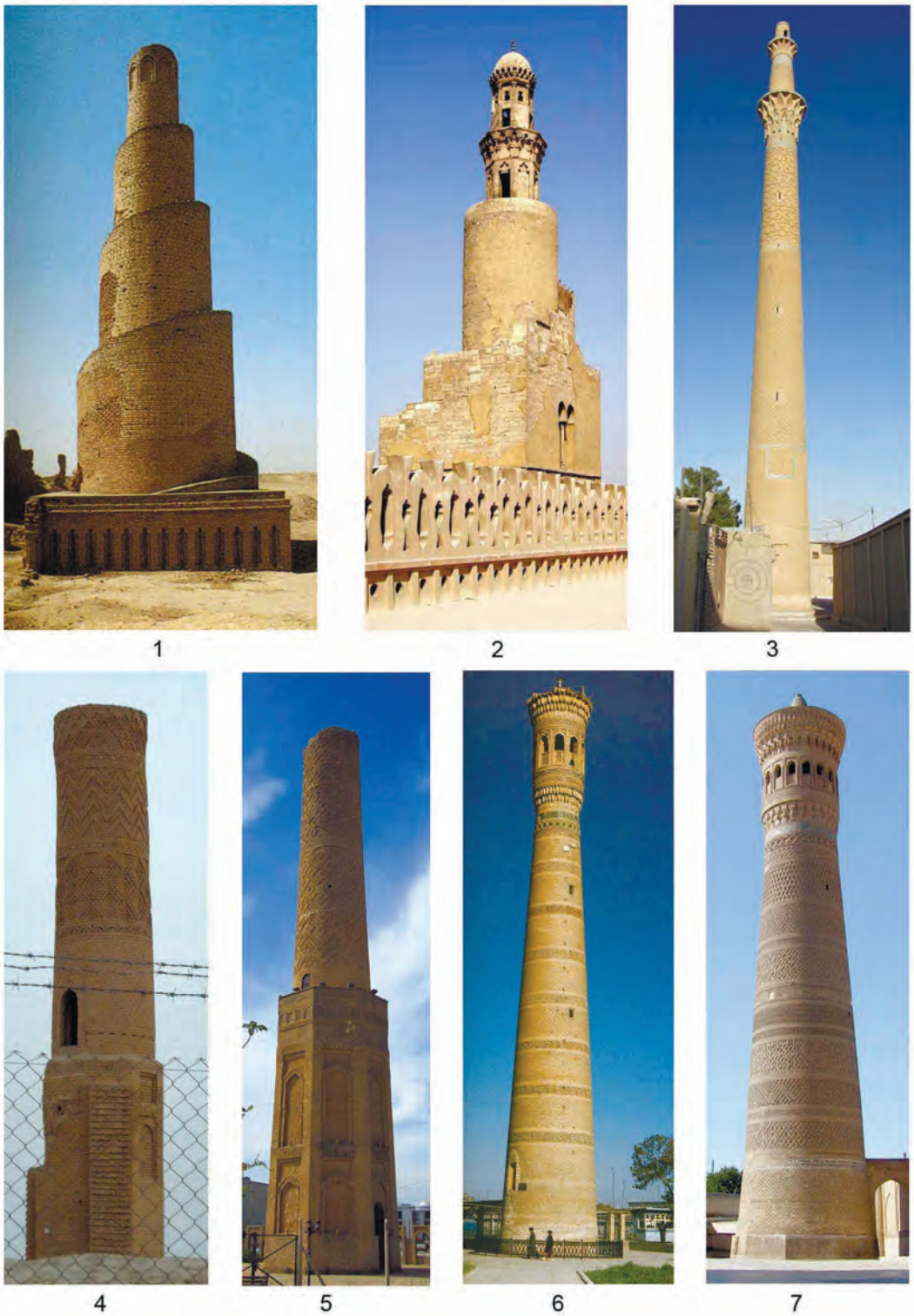

Рис. 46. Минареты Ирака (1), Египта (2), Ирана (3-5) и Средней Азии (6-7):
1 – в Самарре IX в.; 2 – Ибн Тулуна в Каире IX в.; в Дакуке XII в;
2 – в Ирбиле XII в.; 3 – Саребан в Исфахане XII в.; 4 – в Вабкенте XII в.;
5 – Калян в Бухаре XII в.(по Р.Хилленбранду, Г.Стирлину и Г.А.Пугаченковой).
Fig. 46. Minarets of Iraq (1), Egypt (2), Iran (3-5) and Central Asia (6-7):
1 – at Samarra (9th century); 2 – of Ibn Tulun's Mosque in Cairo (9th century);
at Dakuk (12th century); 2 – at Irbil (12th century);
3 – Sareban in Isfahan (12th century); 4 – at Vabkent (12th century);
5 – Kalan at Bukhara (12th century) (after R. Hillenbrand, H. Stierlin and G.A. Pugachenkova).

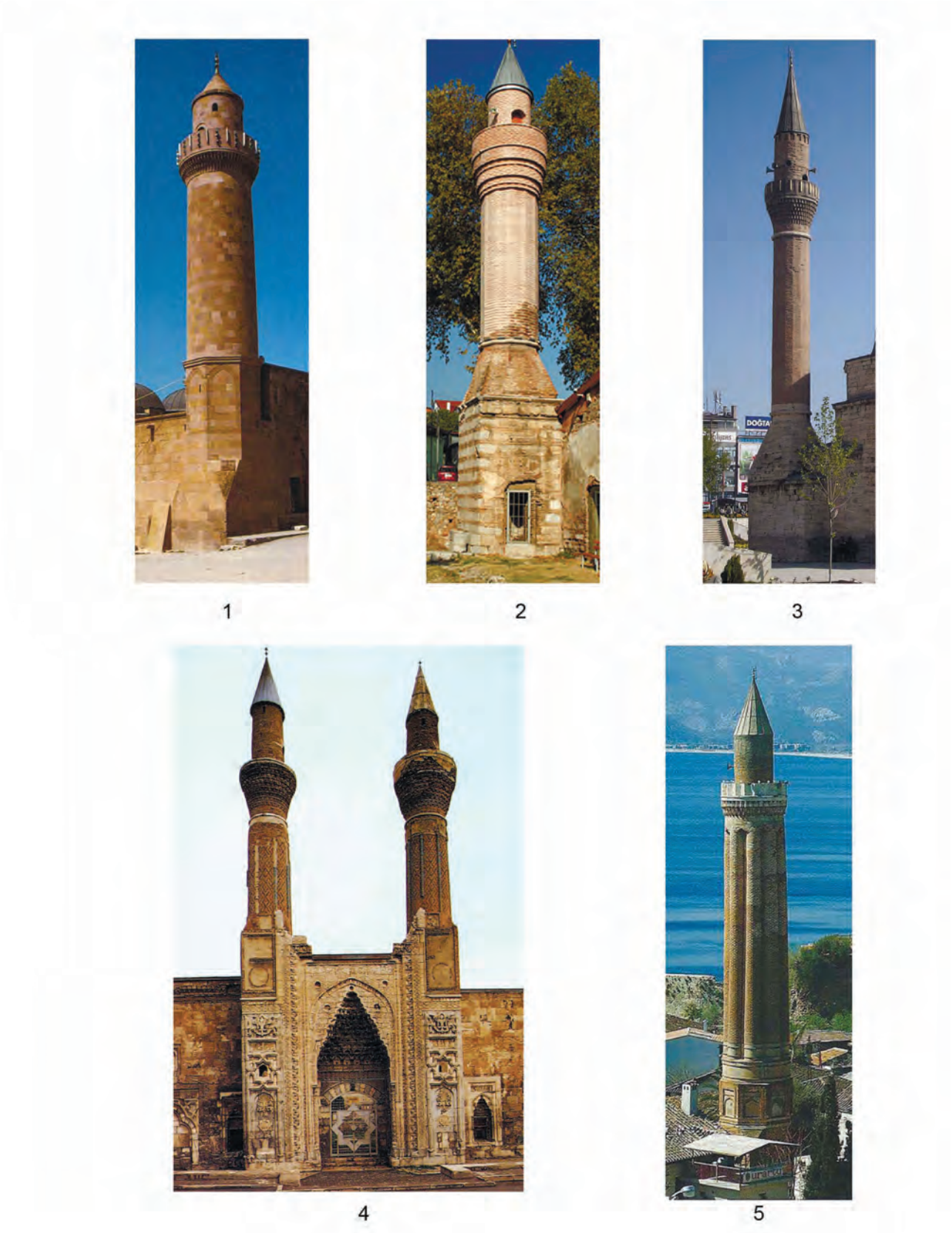

Рис. 47. Минареты Малой Азии XII-XIV вв.: 1 – мечеть Алаеддин Джами в Нигде; 2 – мечеть в Изнике; 3 – Джами мечеть в Сивасе; 4 – Гёк-медресе в Сивасе; 5 – Ивли-минар в Анталье (по Г.Стирлину).

Fig. 47. Minarets of Asia Minor (12th – 14th centuries): 1 – Congregational Mosque of Alaeddin (Alaeddin Cami) at Nigda; 2 – Mosque at Iznik; 3 – Cami mosque at Sivas; 4 – Gök-madrasah at Sivas; 5 – Ivli-minar at Antalya (after H. Stierlin).

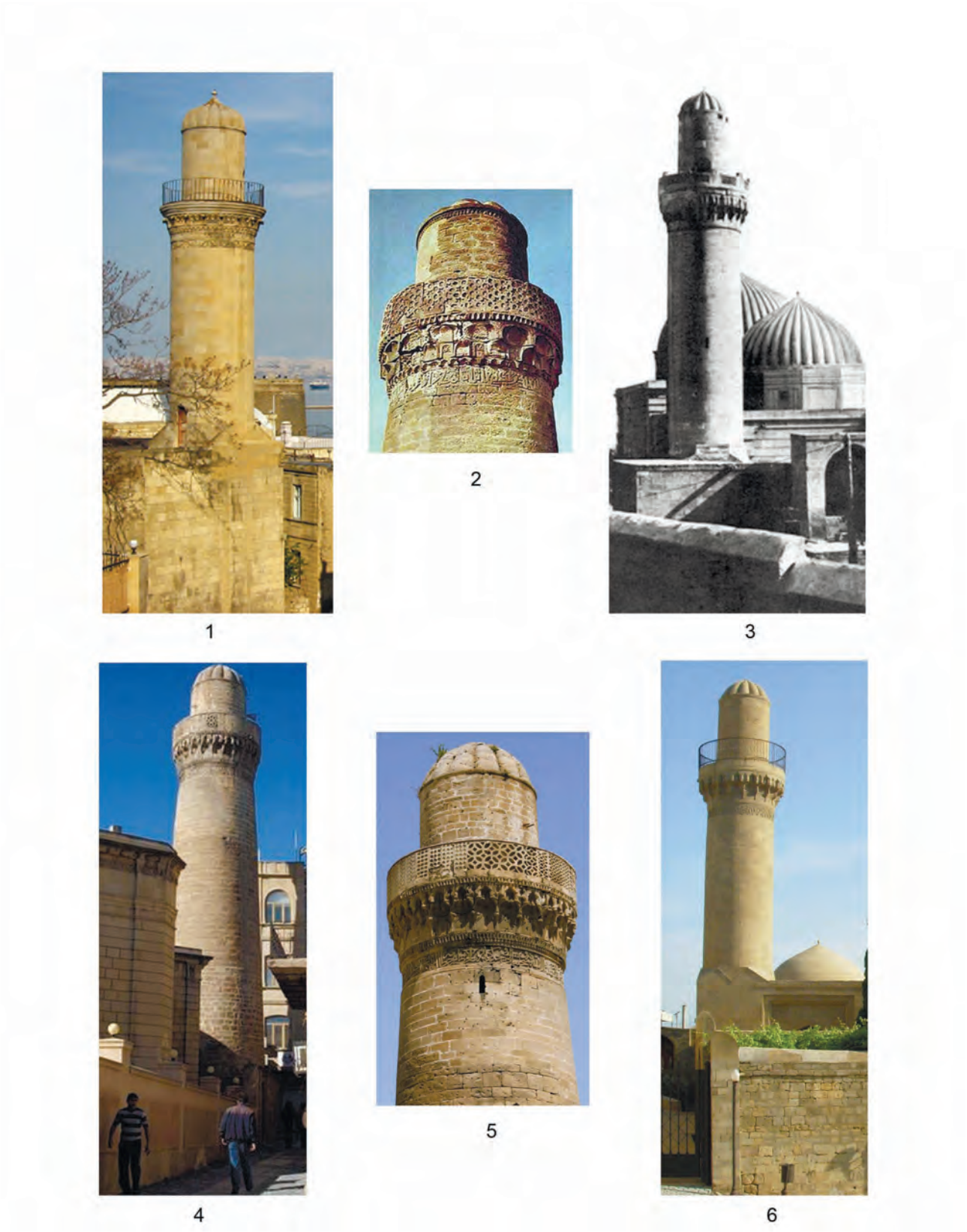

Рис. 48. Минареты Азербайджана. 1-2 – мечеть Мухаммеда или Сынык-калав в Баку XI в.; 3 – мечеть Биби-Эйбат или Махмуд ибн Са'д в поселке Ханлара в Баку XII в.; 4-5 – минарет Джума-мечети в Баку XV в.; 6 – дворцовая мечеть в Баку XV в. (по Л.С.Бретаницкому).
Fig. 48. Minarets of Azerbaijan: 1-2 – Mosque of Muhammad or Synyk-kalav in Baku (11th century); 3 – Bibi-Eibat or Mahmoud ibn Sa'd mosque at the Khanlara township in Baku (12th century); 4-5 – minaret of Juma Mosque in Baku (15th century); 6 – palace mosque in Baku (15th century) (after L.S. Bretanitsky).

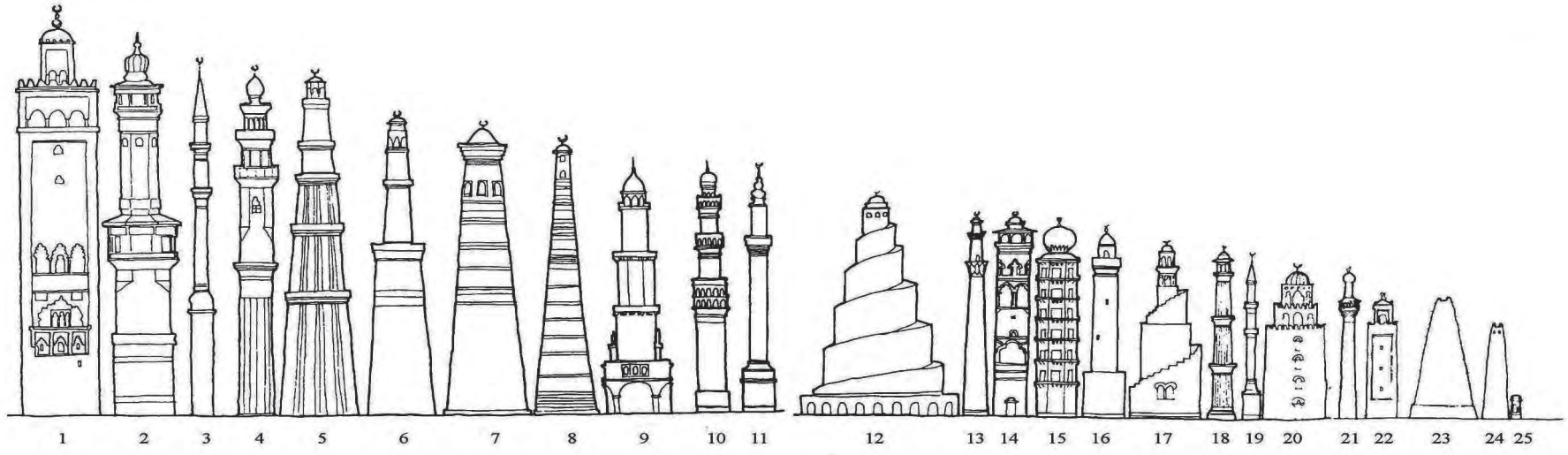

Рис. 49. Минареты различных частей мусульманского мира (по Р.Хилленбранду):
1 – Рабат, мечеть Хасана; 2 – Мекка, ал-Харам; 3 – Каир, мечеть Мухаммеда Али, оттоманский период; 4 – Каир, мечеть-медресе Султан-Хасан; 5 – Дели, Кутб минар; 6 – Афганистан, Джам; 7 – Хива, Калян; 8 – Ургенч; 9 – Леднице, Чехия; 10 – Хайдерабад, Чар Минар; 11 – Бурса, Большая мечеть; 12 – Самарра, Большая мечеть; 13 – Исфахан, Сарабан; 14 – Алеппо, Большая мечеть; 15 – Биджапур, Джума Масджид; 16 – Мосул Джами ал-Нури; 17 – Каир, ибн Тулун; 18 – Дели, Джума Масджид; 19 – Бурса, Мечеть Мурада I; 20 – Каравийон; 21 – Карбала, ал Масшад ал Хусайни; 22 – Алжир, Джами ал-Саммак; 23 – Нигер, Агадез мечеть; 24 –Гардайа Джами; 25 – Йемен, Ал-Янад.
Fig. 49. Minarets from different parts of the Islamic world (after R. Hillenbrand): 1 – Rabat, mosque of Hasan; 2 – Mecca, al-Haram; 3 – Cairo, mosque of Muhammad Ali, Ottoman times;
4 – Cairo, mosque-madrasah Sultan-Hasan; 5 – Delhi, Kutb-minar; 6 – Afghanistan, Jam; 7 – Khiva, Kalan; 8 – Urgench; 9 – Lednice, Czech Republic; 10 – Hyderabad, Char Minar; 11 – Bursa, Great Mosque; 12 – Samarra, Great Mosque; 13 – Isfahan, Sareban; 14 – Aleppo, Great Mosque; 15 – Bijapur, Juma Masjid; 16 – Mosul, Jami al-Nuri; 17 – Cairo, Ibn Tulub; 18 – Delhi, Juma Masjid; 19 – Bursa, Mosque of Murad I; 20 – Karawiyyon; 21 – Karbala, al Masshad al Husaini; 22 – Algeria, Jami al-Sammak; 23 – Niger, Agadez mosque; 24 – Ghardaia Jami; 25 – Yemen, Al-Yanad.

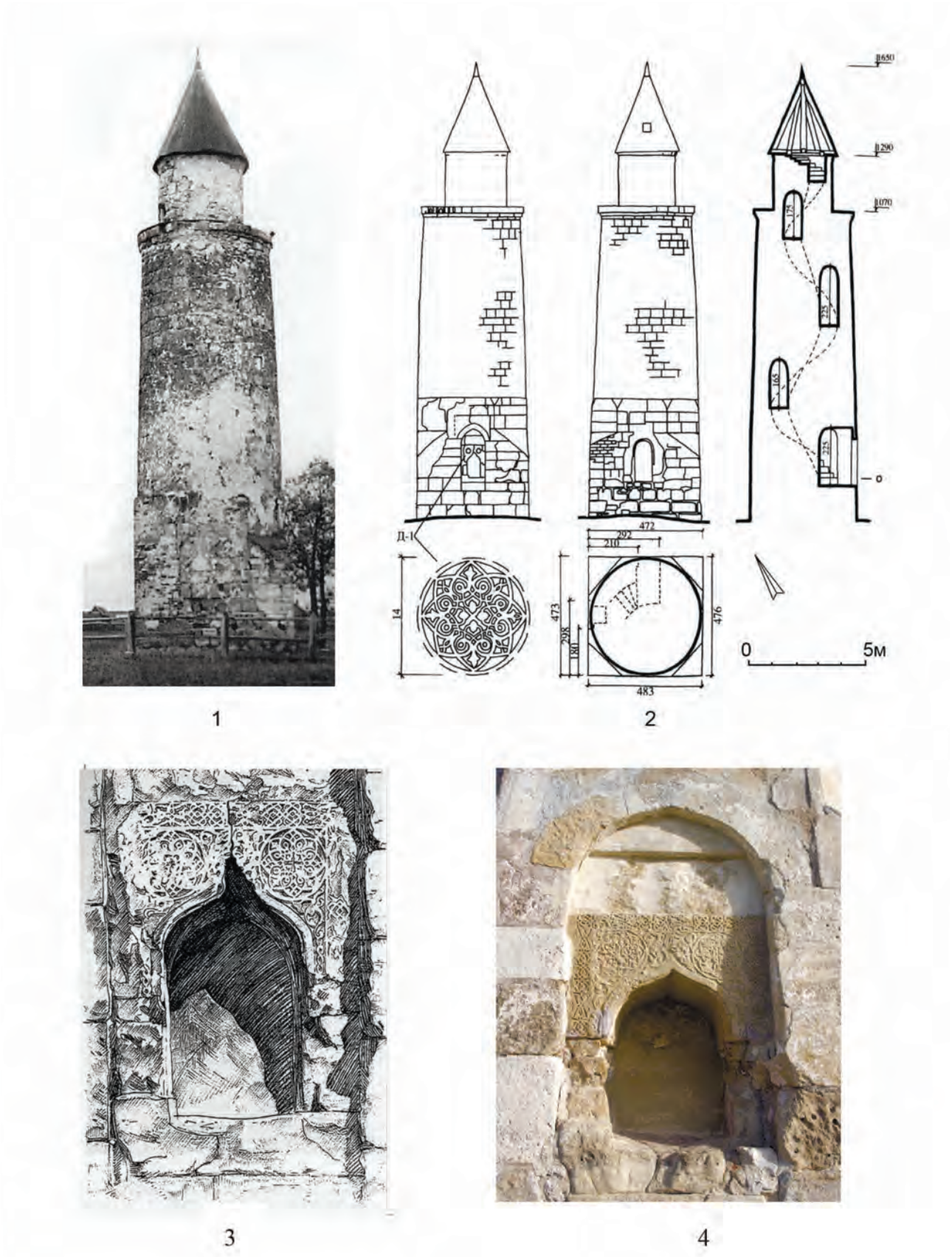

Рис. 50. Малый минарет в Болгаре: 1 – фото(1950-е гг.); 2– архитектурные обмеры (1950-е гг.); 3 – ниша с резным узором на западном фасаде (рисунок 1950-х гг.); 4 – ниша, современный вид после реставрации.

Fig. 50. Lesser minaret at Bolgar: 1 – photograph (the 1950s); 2– architectural measurement (the 1950s); 3 – niche with carved design on the west side (drawing of the 1950s); 4 – niche, contemporary outlook after restoration.

Рис. 51. Малый минарет в Болгаре: 1 – общий вид после реставрации; 2 – оформление двери; 3 – треугольные скосы.
Fig. 51. Lesser minaret at Bolgar: 1 – general view after restoration; 2 – door styling; 3 – triangular bevels.

Рис. 52. Большой минарет в Болгаре: 1 – рисунок П.С.Палласа 1768 г.; 2 – рисунок Н.Г. и Г.Г. Чернецовых 1838 г.; 3 – Литография К.А. Тилли 1868 г.; 4 – современный вид, реконструкция.

Fig. 52. Great minaret at Bolgar: 1 – drawing of 1768 by P.S. Pallas; 2 – drawing of 1838 by N.G. and G.G. Chernyshev; 3 – litograph of 1868 by K.A. Tilly; 4 – contemporary outlook after reconstruction.

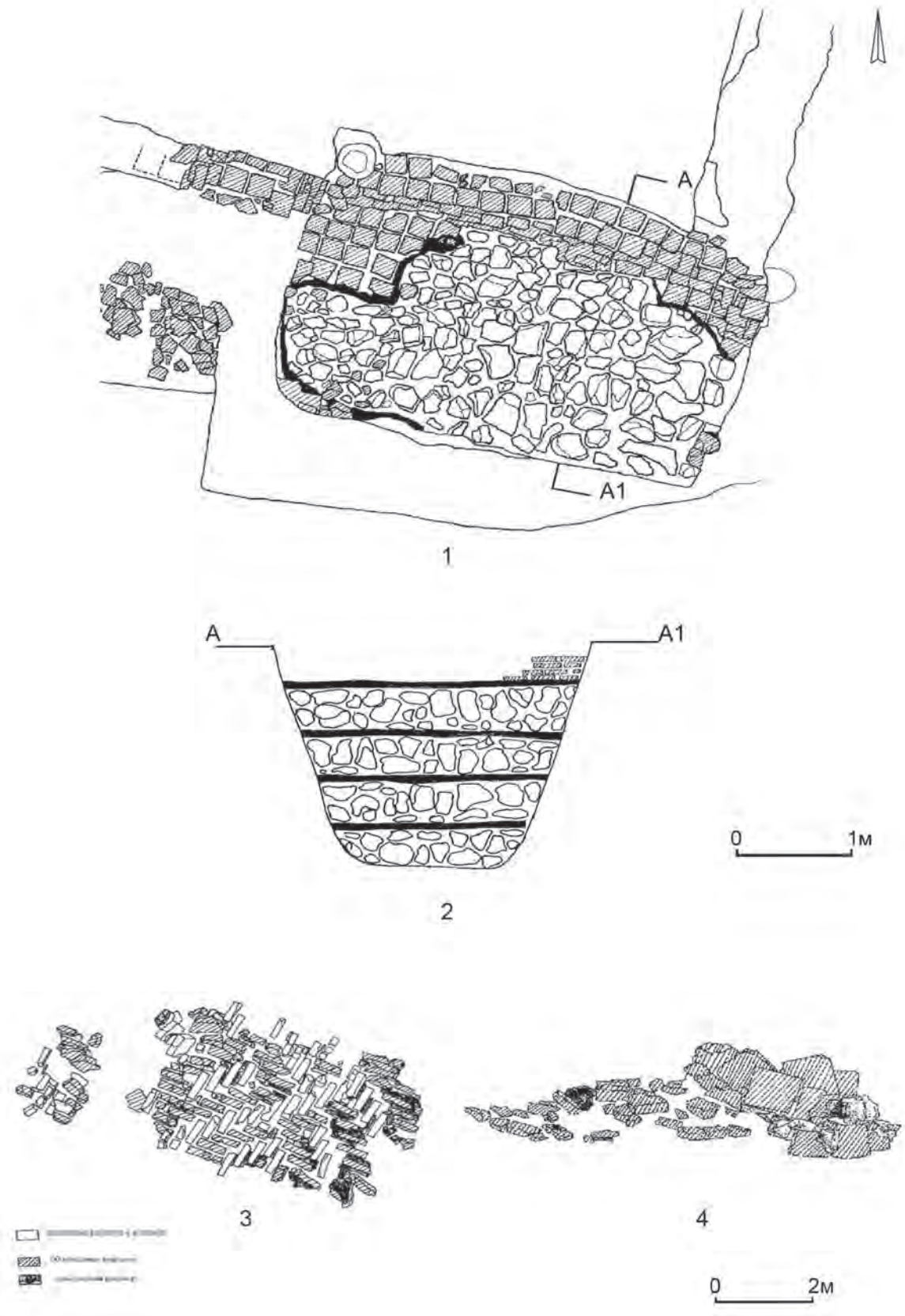

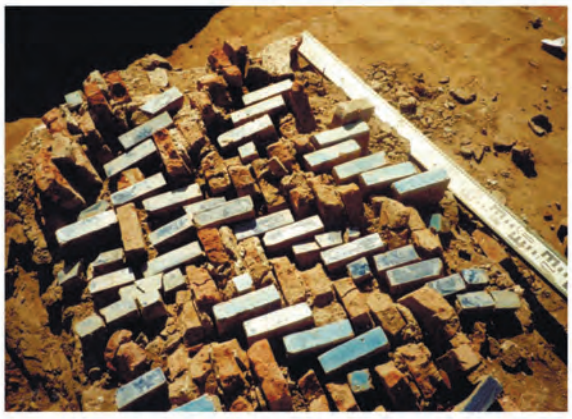
Рис. 53. Остатки минарета в Сарае: 1 – фундамент; 2 – разрез ямы фундамента; 3 – облицовка цоколя; 4 – ствол.
Fig. 53. Minaret remains at Saray: 1 – foundations; 2 – section of foundations pit; 3 – socle facing; 4 – shaft.

1

2

3

4

Рис. 54. Остатки минарета в Сарае: 1 – нижние слои кладки; 2 – фундамент; 3 – облицовка цоколя; 4 – ствол.

Fig. 54. Minaret remains at Saray: 1 – bottom courses of brickwork; 2 – foundations; 3 – socle facing; 4 – shaft.

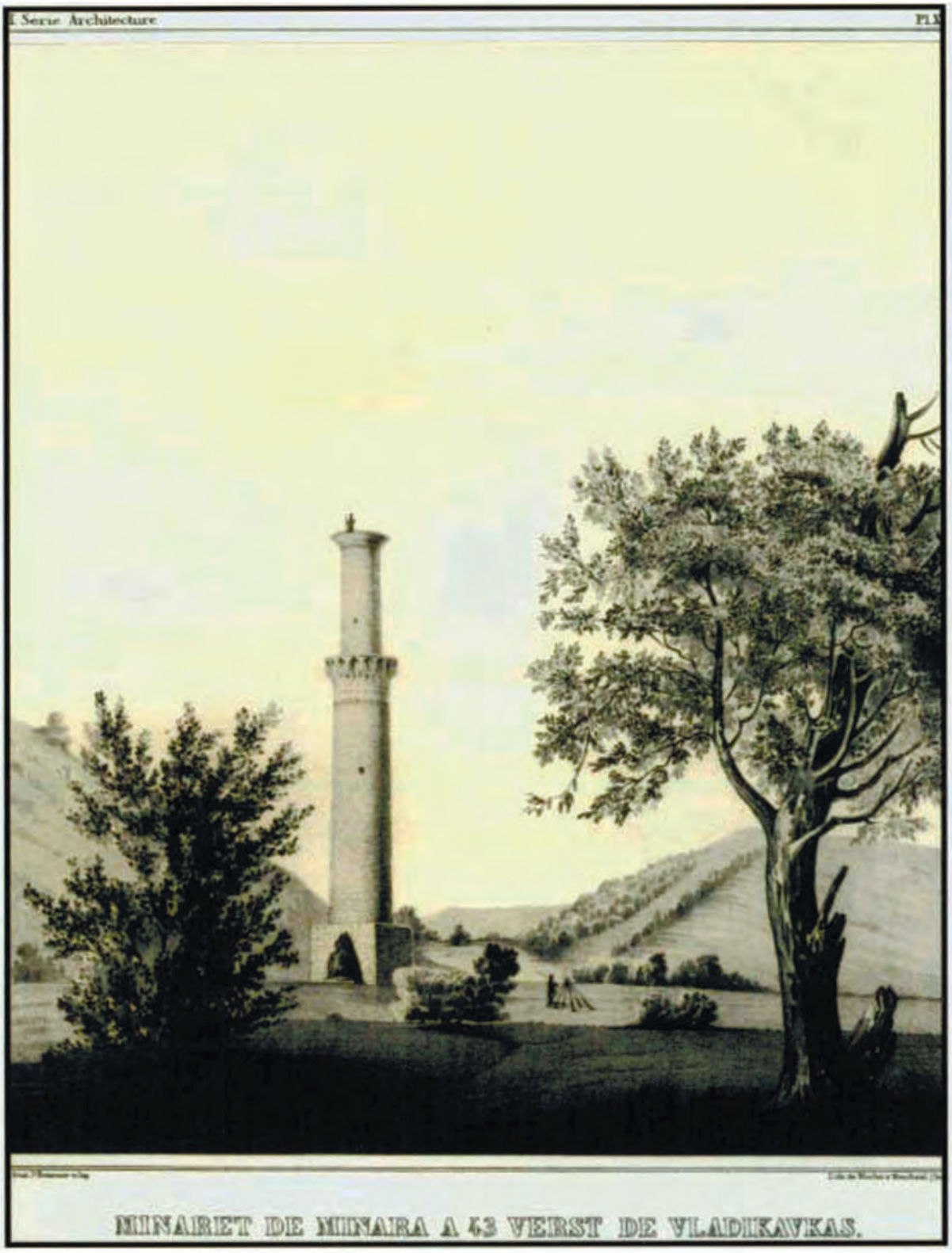

Рис. 55. Татартупский минарет, рисунок Дюбуа де Монпере (1843 г.).
Fig. 55. Tatartup minaret, drawing by Dubois de Montpereux (1843).

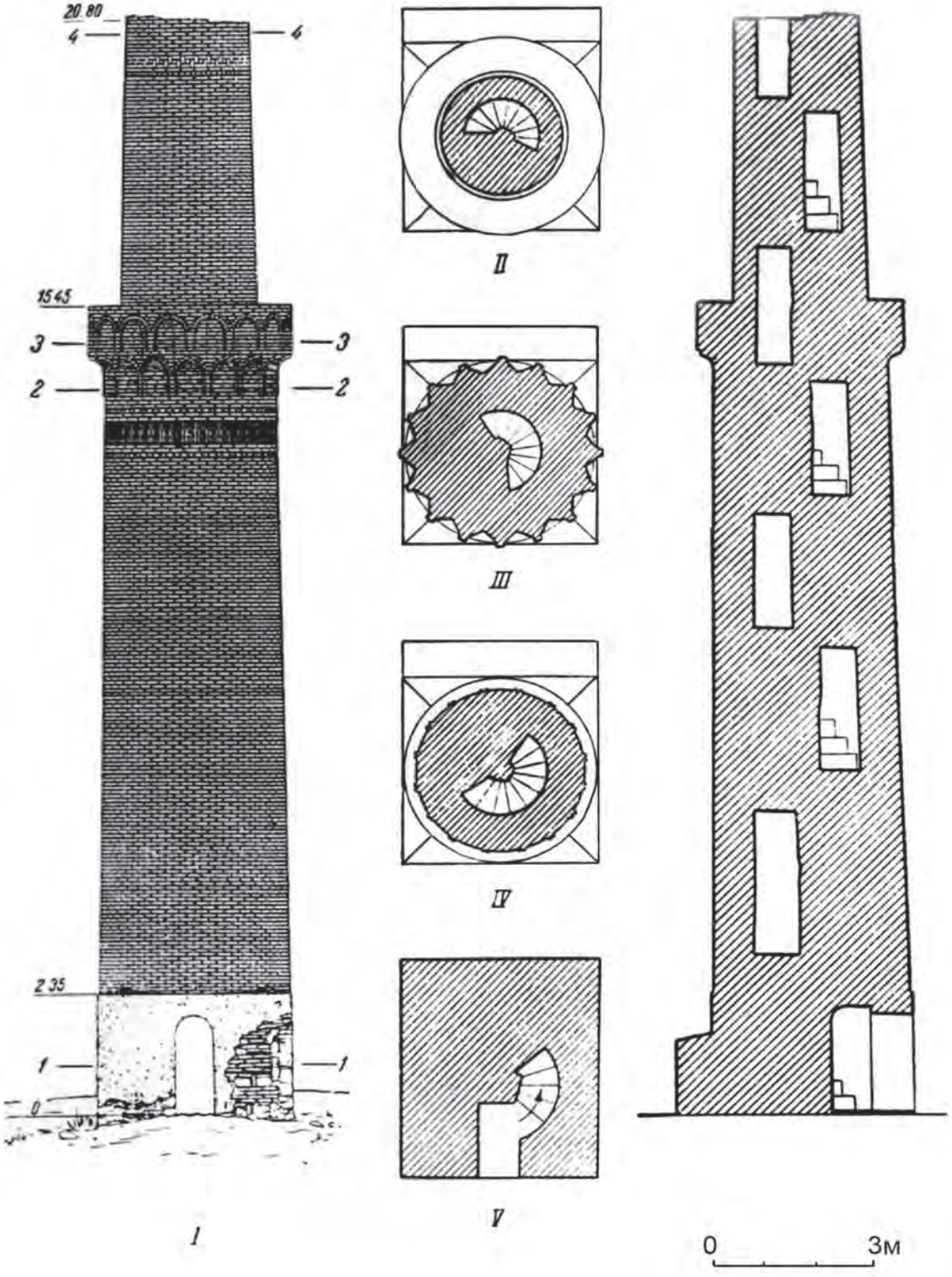

Рис. 56. Татартупский минарет, общий вид, разрезы (по О.В.Милорадович).
Fig. 56. Tatartup minaret, general view and sections (after O.V. Miloradovich).

1

2

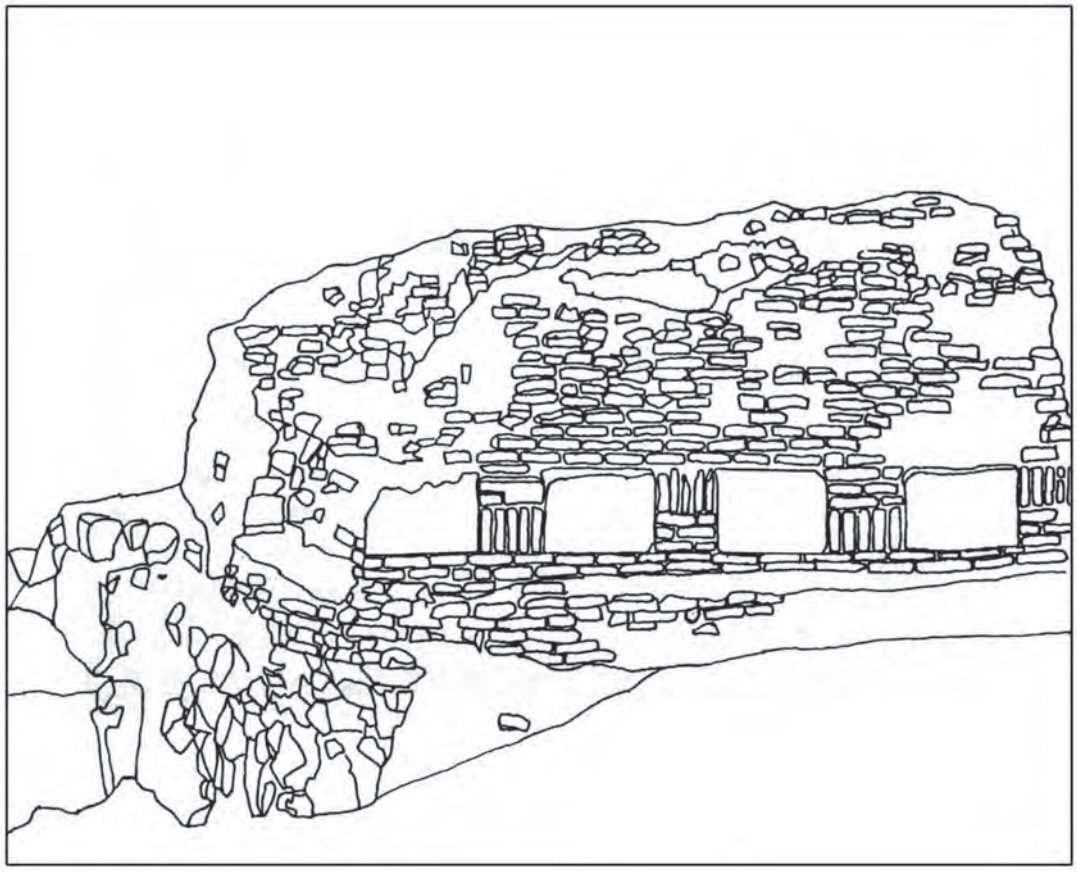

3

4

Рис. 57. Татартупский минарет: 1 – общий вид; 2 – сталактитовый пояс; 3 – цоколь; 4 – цоколь с входом (фото 1958 г.).
Fig. 57. Tatartup minaret: 1 – general view; 2 – stalactite belt; 3 – socle; 4 – socle with entrance (photograph of 1958).

1

2

Рис. 58. Минарет Нижнего Джулата, цоколь: 1– вид сбоку; 2 – фотография.
Fig. 58. Minaret at the Lower Julat, socle: 1– side-view; 2 – photograph.

Рис. 59. Изображение минаретов Верхнего и Нижнего Джулатов на карте, составленной подполковником Штедером в конце XVIII в.
Fig. 59. Representation of minarets of the Upper and Lower Julat on the map drawn by colonel-lieutenant Steder in the late 18th century.

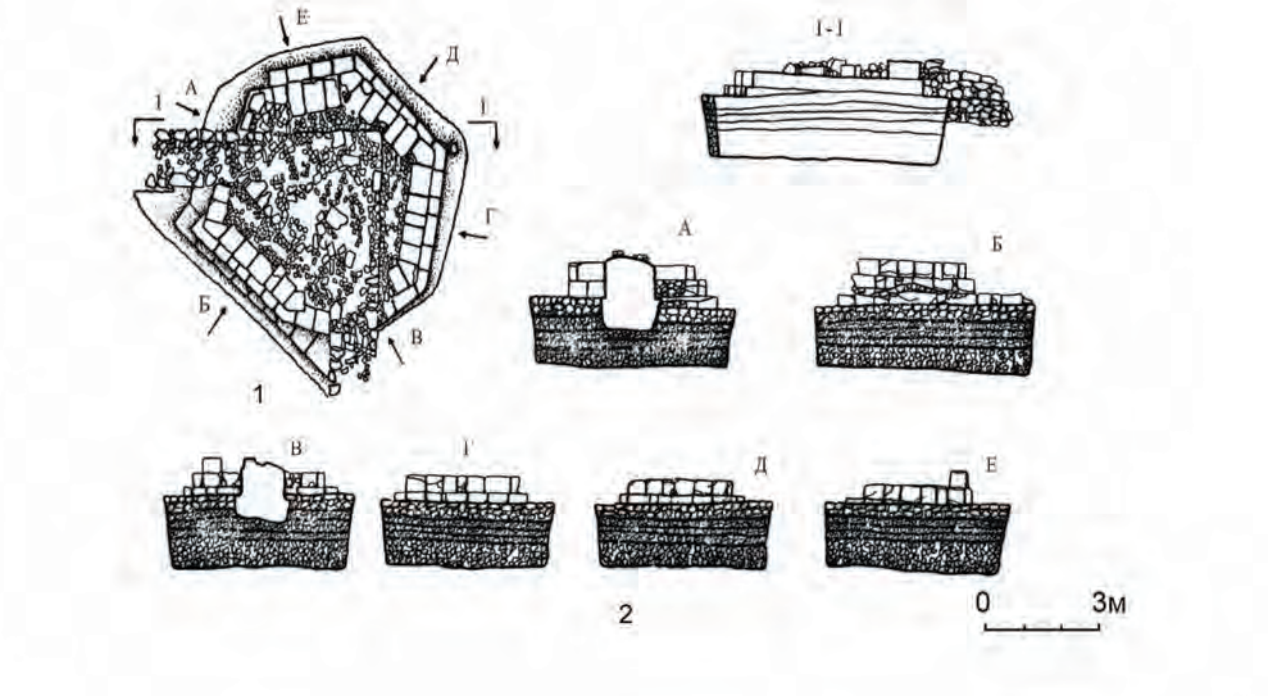

Рис. 60. Цоколь минарета в Старом Орхее: 1 – план; 2 – разрезы (по П.П.Бырне).
Fig. 60. Socle of minaret at the Old Orkhey: 1 – plan; 2 – sections (after P.P. Bîrnea).

Рис. 61. Мечеть Отрара. Пилон портала и цоколь минарета, современный вид.
Fig. 61. Mosque at Otrar. Pylon of portal and socle of minaret, contemporary outlook.

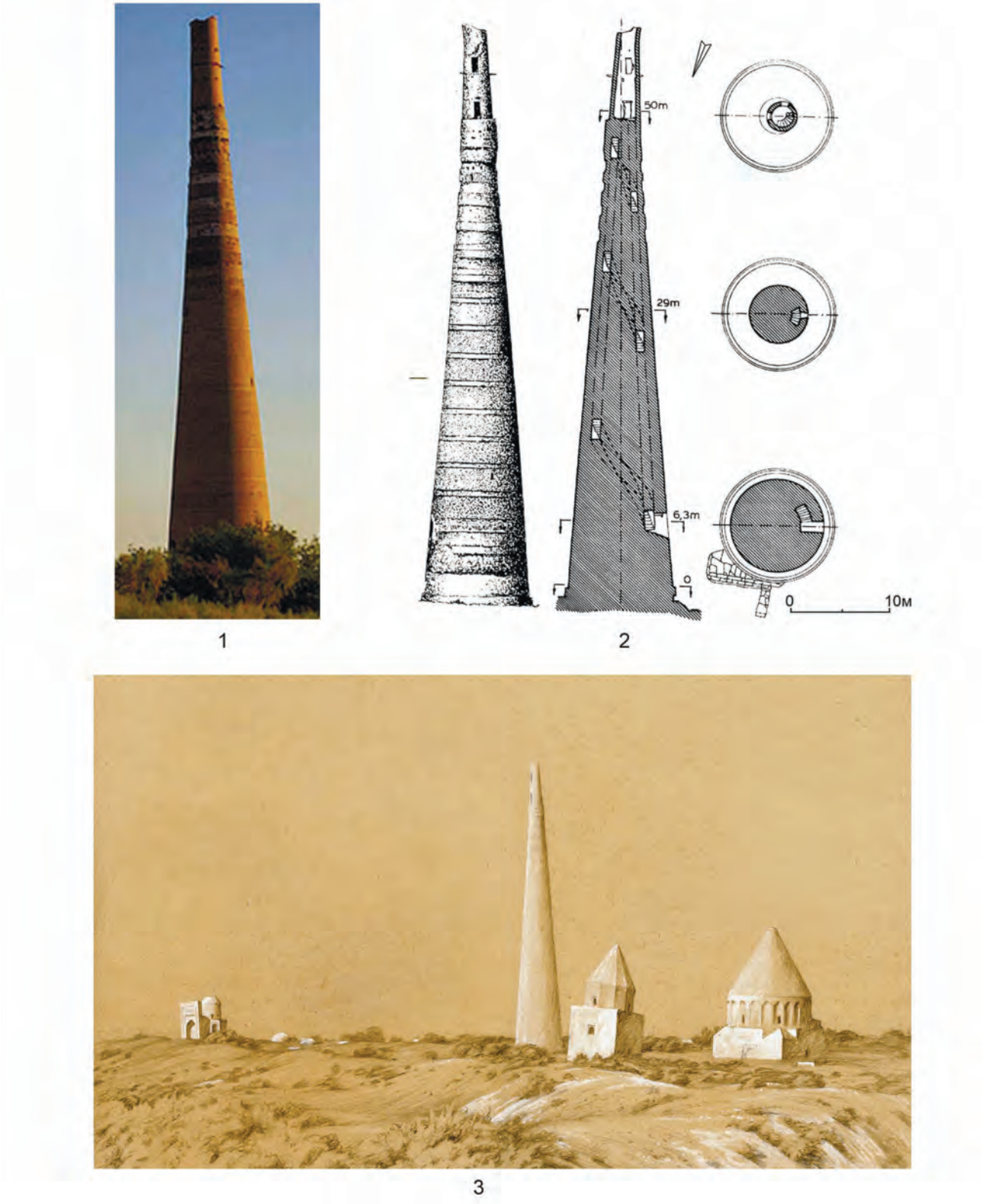

Рис. 62. Минарет Кутлуг-Тимура в Куня-Ургенче: 1 – фото; 2 – общий вид, разрезы (по С.Г.Хмельницкому); 3 – минарет и мавзолеи, рисунок А. Райхштейна (карандаш, белила), 1983 г.

Fig. 62. Minaret of Kutlug-Timur at Kunya-Urgench: 1 – photograph; 2 – general view and sections (after S.G. Khmel'nitsky); 3 – minaret and mausoleums, drawing by A. Reichstein (pencil and white), 1983.

1

2

Рис. 63. Минарет в Шамхоре: 1 – рисунок Дюбуа де Монпере;
2 – рисунок князя Г.Г. Гагарина (XIX в.).
Fig. 63. Minaret at Shamkhor: 1 – drawing by Dubois de Montpereux;
2 – drawing by prince G.G. Gagarin (19th century).

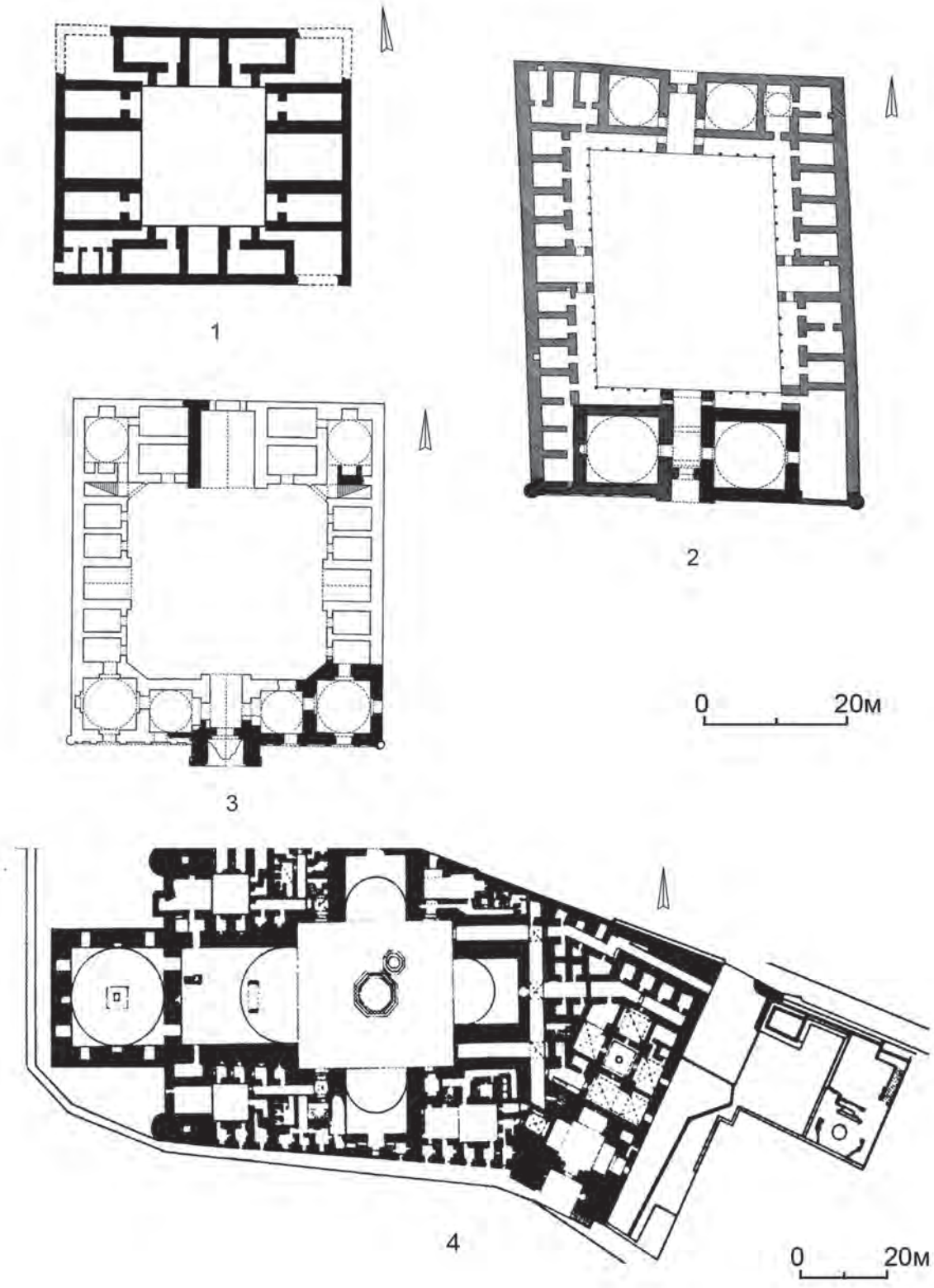

Рис. 64. Медресе Хорасана и Египта: 1 – в Рее XI в.; 2 – Ходжа-Машад XI в.; 3 – Шахи-Машад XII в.; 4 – султана Хасана в Каире XIV в. (по Р. Хилленбрандту и С.Г. Хмельницкому).

Fig. 64. Madrasah's of Khorasan and Egypt: 1 – at Rey (11th century); 2 – Khoja-Mashad (11th century); 3 – Shahi-Mashad (12th century); 4 – Sultan Hasan's in Cairo (14th century) (after R. Hillenbrandt and S.G. Khmel'nitsky).

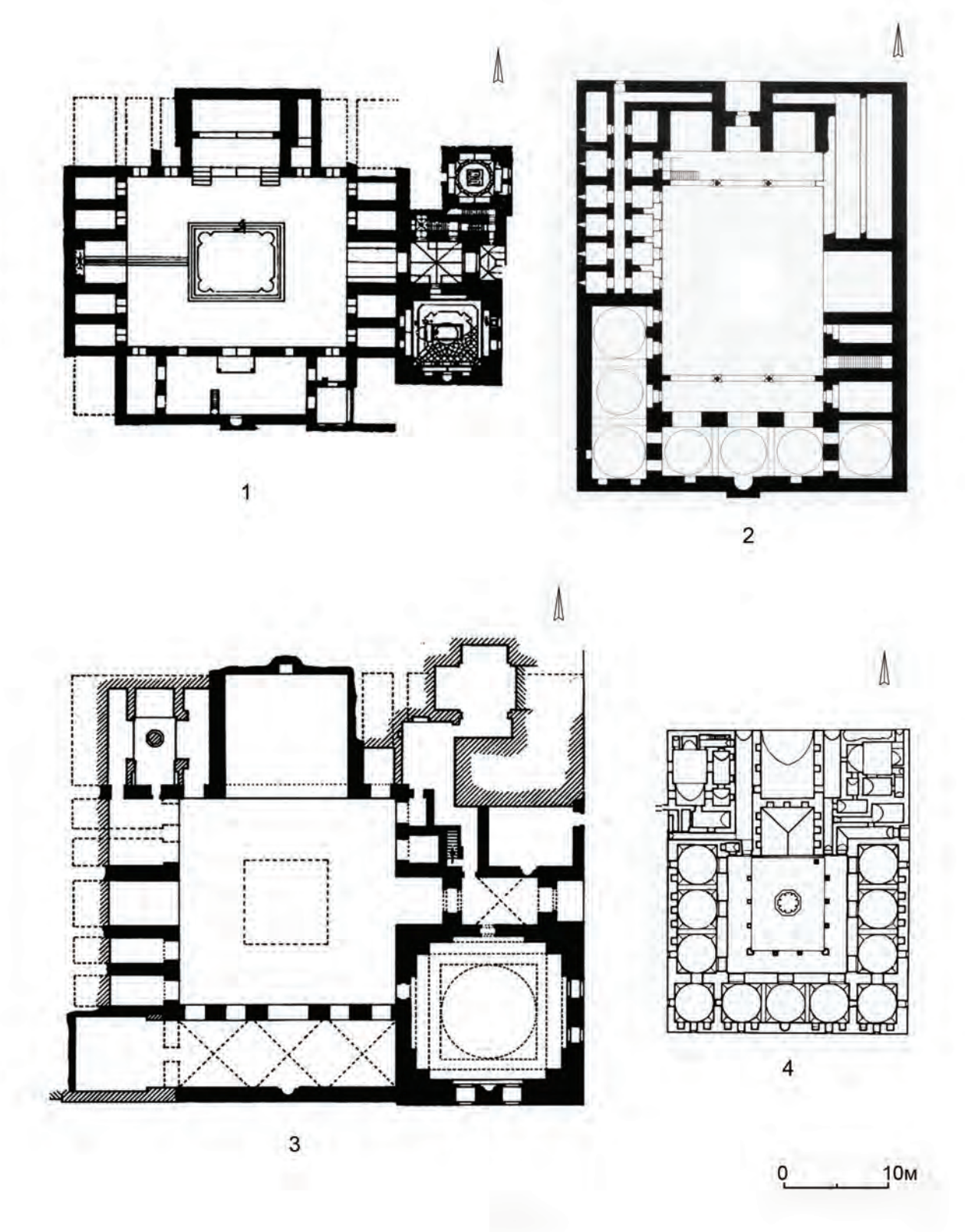

Рис.65. Медресе Сирии: 1 – Нур ад-Дина в Дамаске 1167-68 гг.;
2 – Захирийя в Алеппо 1219 г.; 3 – Адиллийя в Дамаске 1123г.;
4 – Фирдоус в Алеппо 1235-36 гг. (по Р. Эттингхаузену и О. Грабару).
Fig. 65. Madrasah's of Syria: 1 – Nur al-Din in Damascus (1167-68);
2 – Zahiriyya in Aleppo (1219); 3 – Adilliya in Damascus (1123);
4 – Firdous in Aleppo (1235-36) (after R. Ettinghausen and O.Grabar).

1

2

Рис.66. Медресе Сирии и Ирака: 1 – Фирдоус в Алеппо XIII в.;
2 – Мустансирия в Багдаде XIII в. (по L'Art…).
Fig.66. Madrasah's of Syria and Iraq: 1 – Firdous in Aleppo (1235-36);
2 – Mustansiriyya in Baghdad (13th century) (after L'Art…).

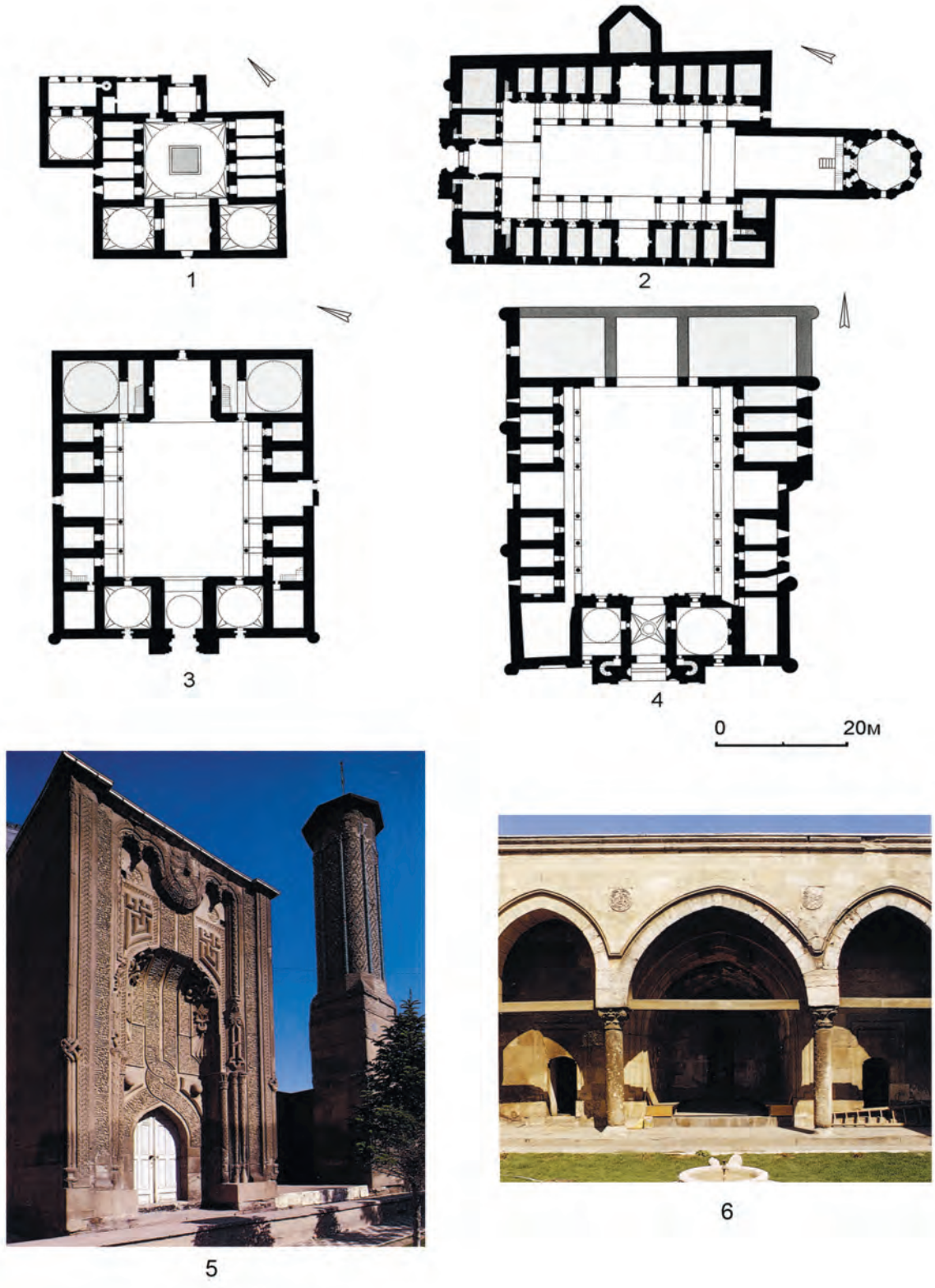

Рис. 67. Медресе Малой Азии сельджукского периода: 1,5 – Инджe Минаре в Конье; 2 – Чифте Минаре в Эрзеруме; 3 – Гёк-медресе в Сивасе; 4,6 – медресе Музаффара Бюрюджийе в Сивасе (по Г. Стирлину).

Fig. 67. Madrasah's of Asia Minor of the Seljuk period: 1,5 – Ince Minare at Konya; 2 – Çifte Minare at Erzerum; 3 – Gök-madrasah at Sivas; 4,6 – Madrasah of Muzaffar Bürüciye at Sivas (after H. Stierlin).

1

2

3

4

Рис. 68. Медресе Малой Азии сельджукского периода: 1 – Гёк-медресе в Сивасе; 2-4 – Чифте Минаре в Эрзеруме (по Г. Стирлину).
Fig. 68. Madrasah's of Asia Minor of the Seljuk period: 1 – Gök-madrasah at Sivas; 2-4 – Çifte Minare at Erzerum (after H. Stierlin).

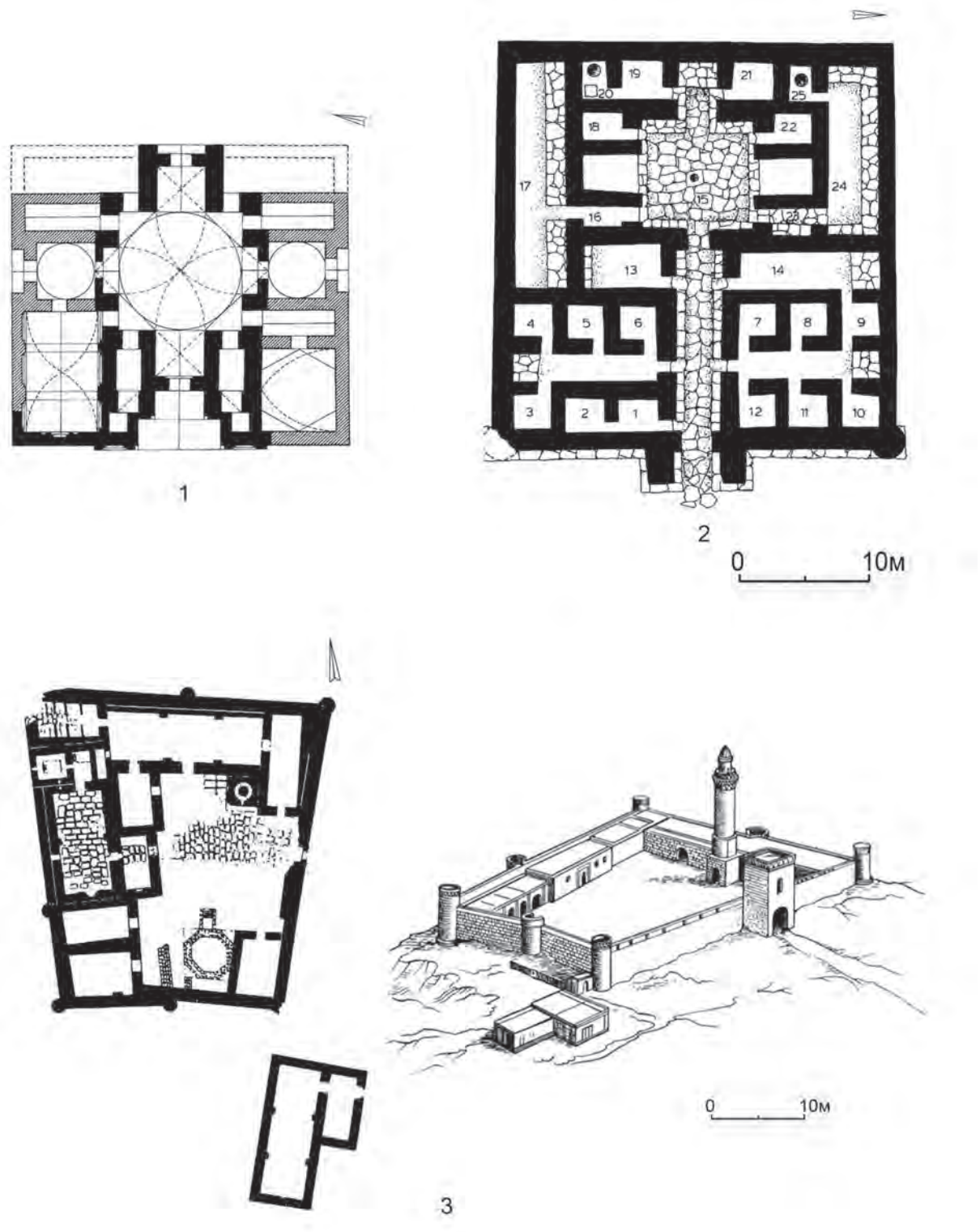
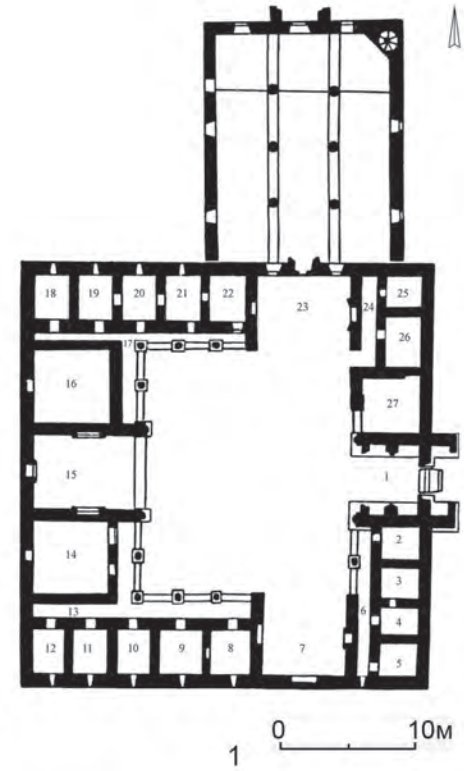

Рис. 69. Ханака Средней Азии и Азербайджана: 1 – Султан-саадат XI-XII вв.;
2 – Таш-рабат X-XI вв.; 3 – ханега на р. Пирсагат XII-XIV вв
(по С.Г. Хмельницкому и Л.С. Бретаницкому).
Fig. 69. Khāneqāh's of Central Asia and Azerbaijan: 1 – Sultan-saadat (11th – 12th century);
2 – Tash-rabat (10th – 11th century); 3 – khāneqāh on the Pirsagat River (12th – 14th centuries)
(after S.G. Khmel'nitsky and L.S. Bretanitsky).

1

2

3

Рис. 70. Медресе Узбека в Солхате:
1 – план комплекса мечети-медресе (по М.Г.Крамаровскому);
2 – портал медресе Узбека (рис. М.М. Иванова); 3 – медресе, фотография 20-х годов.
Fig. 70. Uzbek's madrasah at Solkhat:
1 – layout of the mosques-madrasah complex (after M.G. Kramarovsky); 2 – portal of Uzbek's madrasah (drawing by M.M. Ivanov); 3 – madrasah, photograph of the 1920s.

1

2

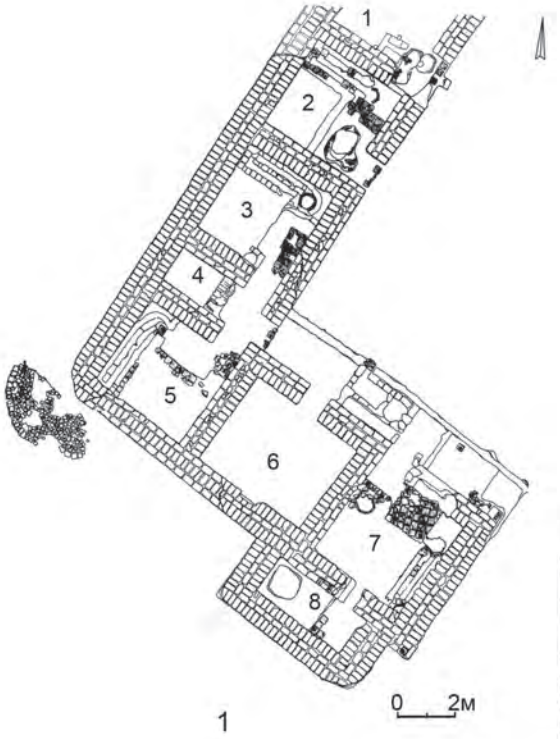
3

4

Рис. 71. Медресе Узбека в Солхате, современный вид: 1 – южная часть; 2 – северный айван; 3 – база колонны; 4 – пилон портала.

Fig. 71. Uzbek's madrasah at Solkhat, contemporary outlook: 1 – south part; 2 – north iwan; 3 – pillar base; 4 – pylon of portal.

1

2

3

Рис. 72. Ханака или медресе Сарая: 1 – план; 2 – мечеть;
3 – юго-восточная часть (по Г.А.Федорову-Давыдову).
Fig. 72. Khāneqāh or madrasah at Saray: 1 – plan; 2 – mosque;
3 – southeast part (after G.A. Fyodorov-Davydov).

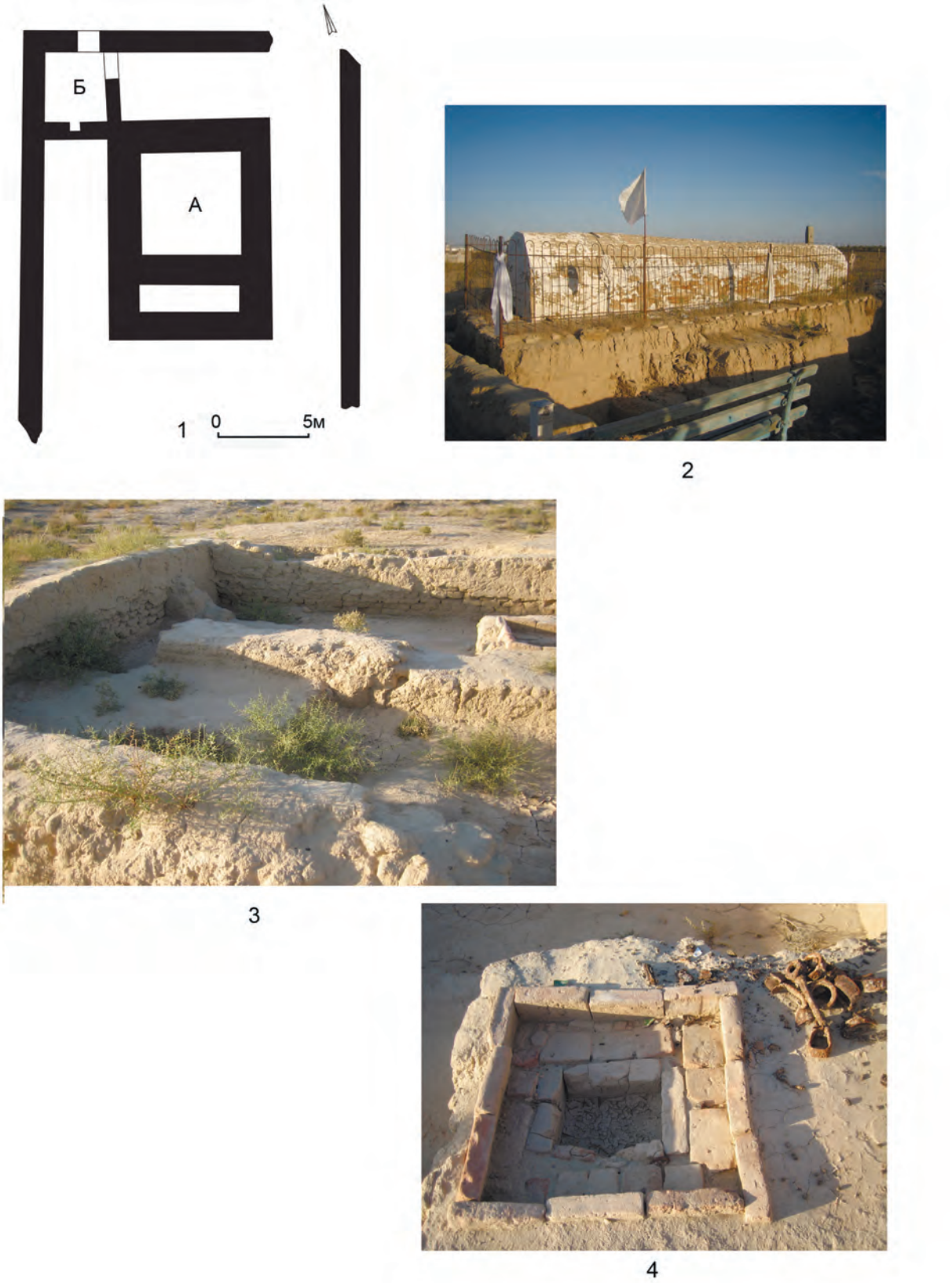
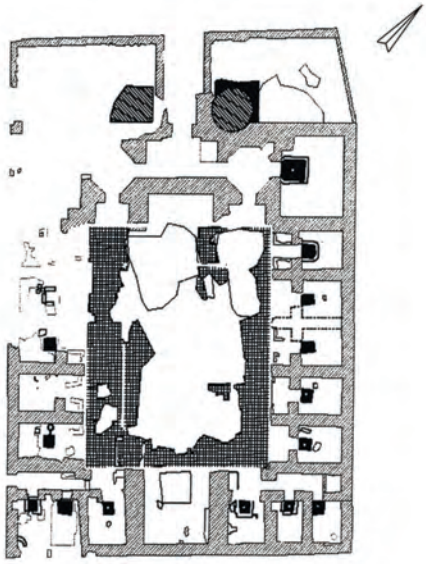

Рис. 73. Аулия: 1 – культовый комплекс возле пос. Комсомольский (А – мавзолей, Б – мусалла) (по В.В. Плахову); 2 – могила Саудакас-Ата в Южном Казахстане; 3,4 – жилые помещения при гробнице.

Fig. 73. Auliyya's: 1 – cult complex near the Komsomol'skii township (А – mausoleum, Б – musalla) (after V.V. Plakhov); 2 – Saudakas-Ata's tomb in Southern Kazakhstan; 3,4 – living quarters attached to the tomb.

1

2

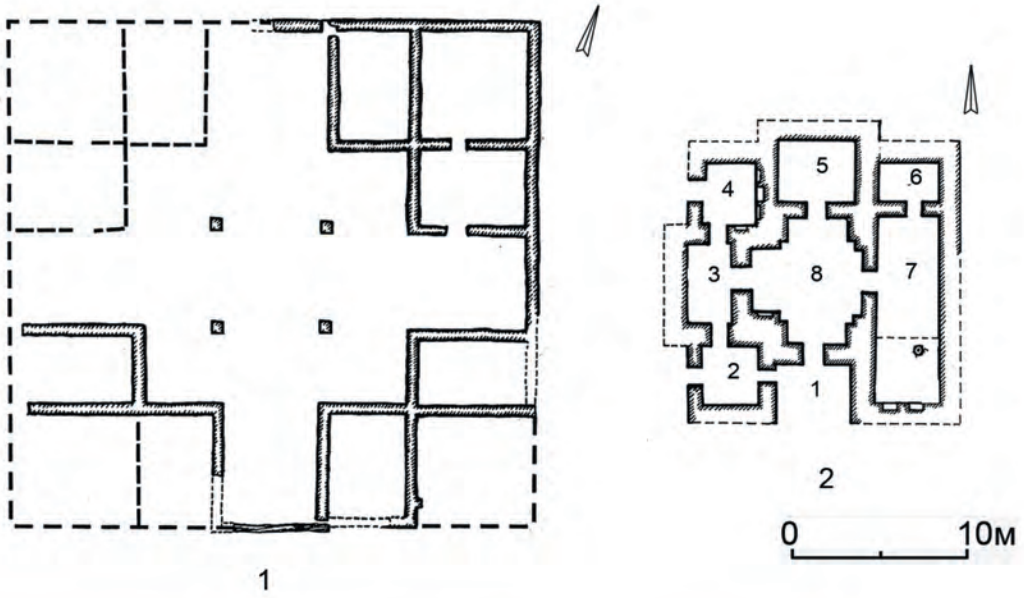

3

4

Рис.74. Медресе Саурана: 1 - план (по К.М. Байпакову и С.Ш. Акылбеку); 2 – худжра; 3 – общий вид; 4 – вид с северо-восточного угла (реставрация).
Fig.74. Madrasah's at Sauran: 1 – layout (after K.M. Baipakov and S.Sh. Akylbek); 2 – khujra; 3 – general view; 4 – view from the northeast corner after restoration.

3

4

Рис.75. Ханака Южного Казахстана: 1 – в Каялыке; 2-4 – в окрестностях Саурана (по К.М. Байпакову, Д.А. Воякину и С.Ш. Акылбеку).
Fig.75. Khāneqāh's of Southern Kazakhstan: 1 – at Kaialyk; 2-4 – in the vicinity of Sauran (after K.M. Baipakov, D.A. Voiakin and S.Sh. Akylbek).

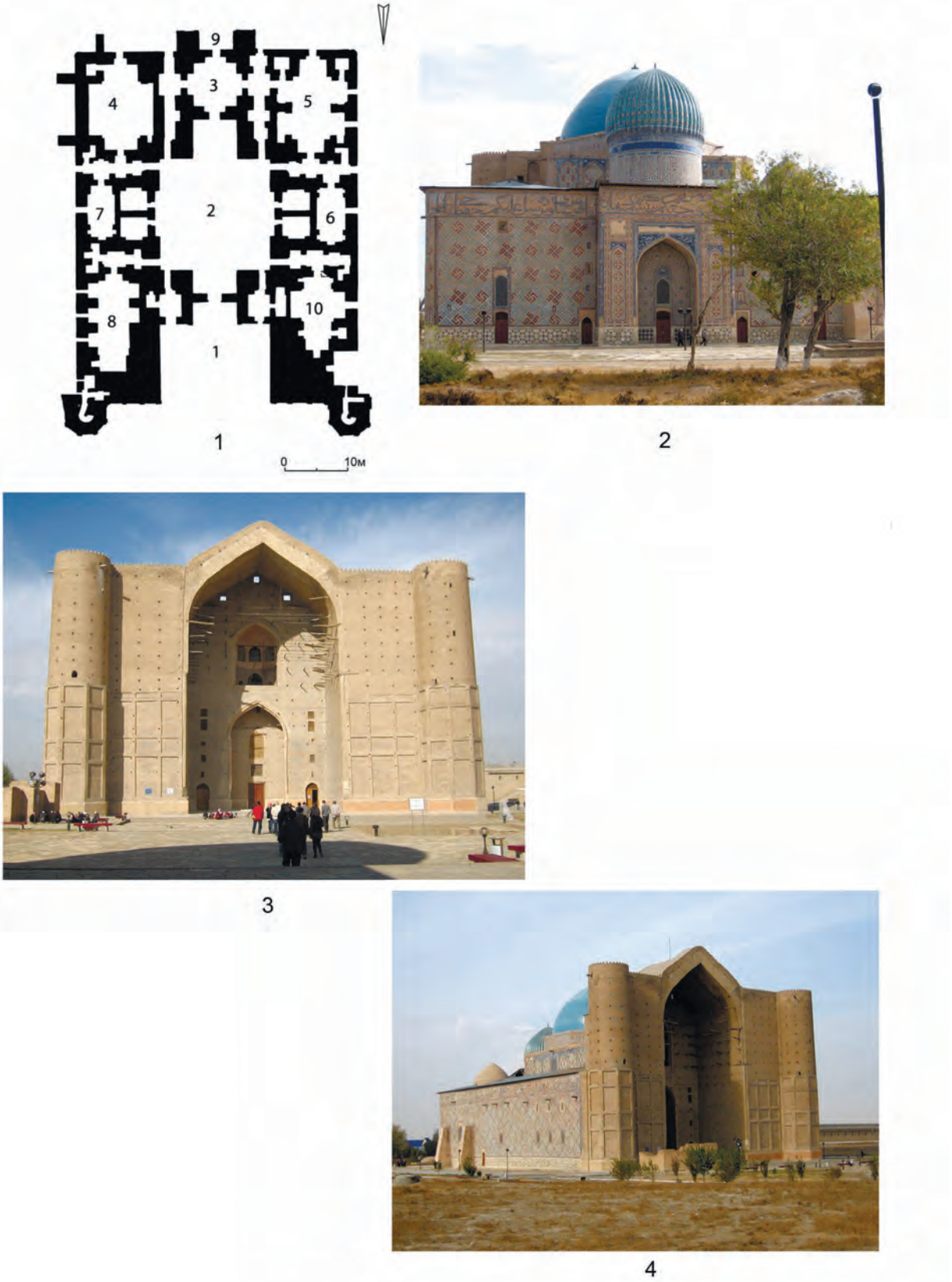
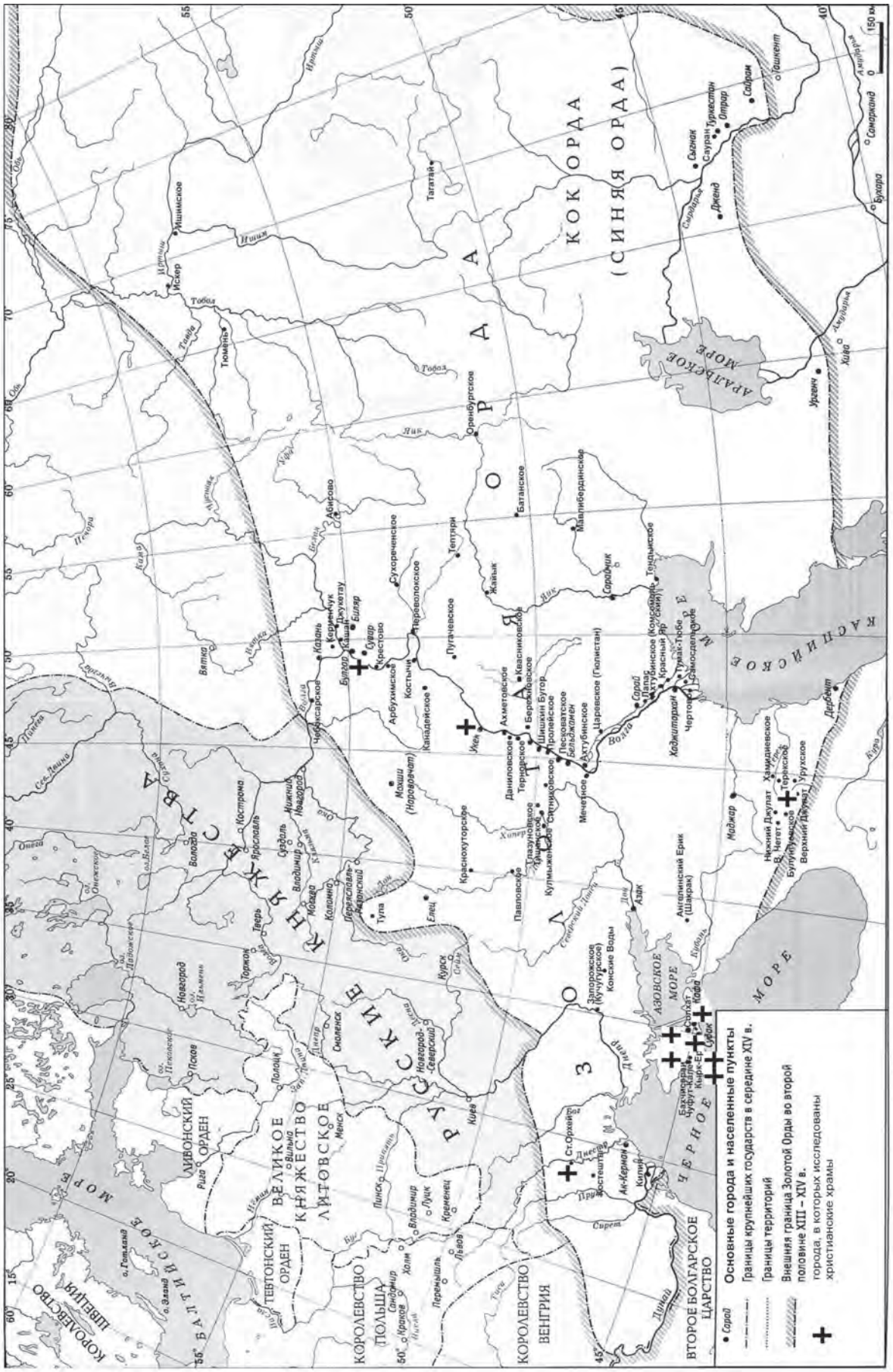

Рис. 76. Ханака Ахмеда Ясави: 1 – план (по Т. Рыскелдиеву); 2 – южный фасад; 3 – северный фасад; 4 – общий вид.
Fig. 76. Khāneqāh of Ahmad Yasawi: 1 – plan (after T. Ryskeldiev); 2 – south side; 3 – north side; 4 – general view.

ЗОЛОТАЯ ОРДА
(СИНЯЯ ОРДА)
Основные города и населенные пункты
Границы крупнейших государств в середине XIV в.
Границы территорий
Внешняя граница Золотой Орды во второй половине XIII – XIV в.
города, в которых исследованы христианские храмы
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬША
КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ
ВТОРОЕ БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО РЯЗАНСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ТВЕРСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО НИЖЕГОРОДСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО СМОЛЕНСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО РЯЗАНСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ТВЕРСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО НИЖЕГОРОДСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО СМОЛЕНСКОЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Ревель
Рига
Вильна
Минск
Полоцк
Смоленск
Новгород
Псков
Торжок
Тверь
Москва
Владимир
Суздаль
Ярославль
Кострома
Нижний Новгород
Переяславль-Рязанский
Коломна
Тула
Елец
Курск
Новгород-Северский
Путивль
Киев
Чернигов
Брянск
Луцк
Владимир
Кременец
Львов
Перемышль
Холм
Краков
Сандомир
Ст.Орхей
Днестр
Ак-Кермен
Килия
Сучава
Сирет
Прут
Дунай
Запорожское (Кучугурское)
Конские Воды
Азак
Дон
Керчь
Таманский п-ов
Судак
Алтынский Ерик (Шакрак)
Кубань
Ахтуба
Волга
Царевское (Джистан)
Сарай
Сарай Берке
Красный Яр (Ленинский)
Ходжитархан
Чертомлык
Самосделанное
Тендыковское
Сарайчик
Маджибердинское
Батанское
Тентяги
Жайык
Пугачевское
Оренбургское
Яик
Тобол
Тюмень
Ишим
Ишимское
Иртыш
Обь
Тагатай
Сыгнак
Сауран
Туркестан
Отрар
Сабран
Ташкент
Джанд
Самарканд
Бухара
Хивинский
Урганч
Хива
Амударья
Аму-Дарья
Сырдарья
Кама
Вятка
Казань
Керменчук
Булгар
Джукотау
Билляр
Сувар
Крестово
Сухореченское
Перевалокское
Арбухимской
Костычи
Каиадельское
Можш (Новодачат)
Укек
Ахматовское
Даниловское
Тернеровское
Берлекевское
Квасниковское
Шишкин Бугор
Пролейское
Песоватское
Бельджамен
Ахтубинское
Меченое
Красноярское
Хопер
Дон
Краснохуторское
Павловское
Глазуновское
Сытниковское
Купмыжское
Северский Донец
Ливны
Ольга
Онега
Оз. Онежское
Оз. Ладожское
Оз. Пейпус
Оз. Чудское
Оз. Ильмень
Оз. Плещеево
Оз. Неро
Оз. Селигер
Оз. Волго
Оз. Ростовское
Оз. Клещино
Оз. Переславское
Оз. Неро
Оз. Плещеево
Оз. Ростовское
Оз. Клещино
Оз. Переславское
Оз. Селигер
Оз. Волго

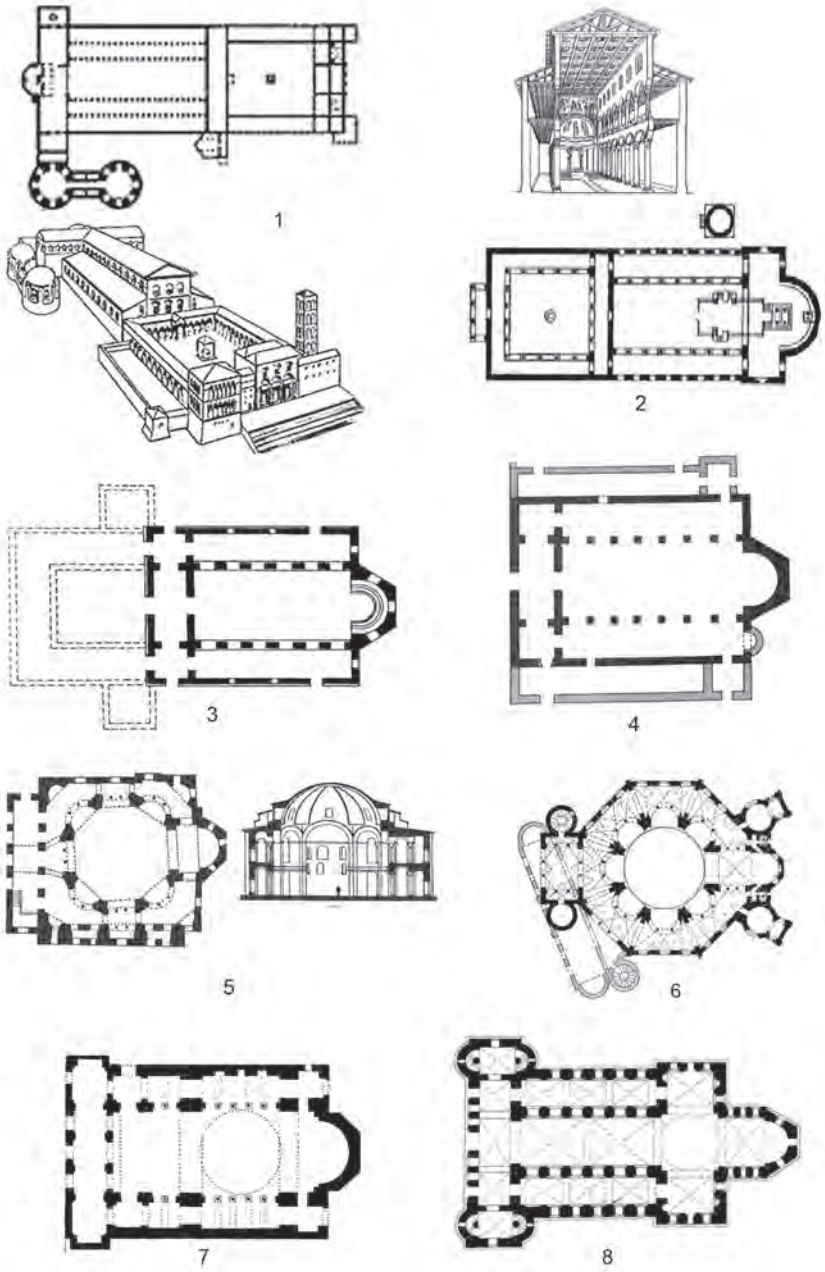

Рис. 78. Основные типы христианских храмов(базилики 1-4; центрические 5-6; купольные базилики 7-8): 1– базилика Св. Петра в Риме (IV в.); 2 – базилика Христа Продрома в Студийском монастыре (V в.) в Константинополе; 3 – Старая базилика в Месемврии. (IV–V вв.); 4 – Большая базилика Мангупа (VI-X вв.); 5– Церковь Сергия и Вакха в Константинополе (VI в.); 6 – Сан-Витале в Равенне (VI в.); 7 – церковь Св. Ирины в Константинополе (VI в.); 8 – Церковь Св. Софии Премудрости Божией в Софии (V в.) (по О Шуази, ВИА, В.Л.Мыцу, А.Л.Якобсону).

Fig. 78. Main types of Christian churches (basilicas 1-4; centric basilicas 5-6; domed basilicas 7-8): 1– basilica of St. Peter in Rome (4th century); 2 – basilica of Christ Prodromos at the monastery of Studium (5th century) in Constantinople; 3 – Old Basilica at Mesembria (4th – 5th century); 4 – Great Basilica at Mangup (6th – 11th centuries); 5– Church of Sts Sergius and Bacchus in Constantinople (6th century); 6 – Church of San Vitale at Ravenna (6th century); 7 – Church of Ste Irene in Constantinople (6th century); 8 – Church of Ste Sophia in Sofia (5th century) (after A. Choisy, ВИА, V.L. Myts and A.L. Jakobson).

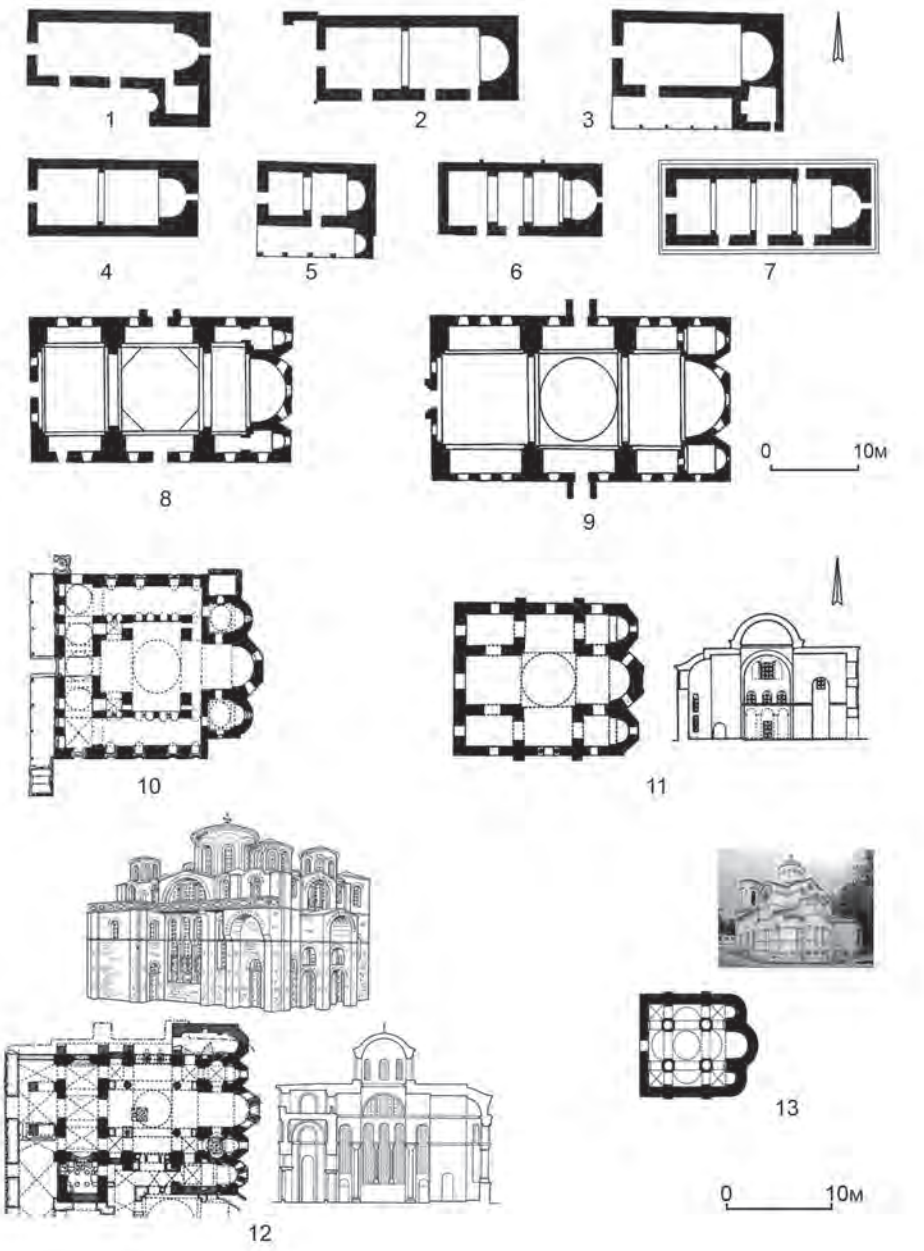

Рис. 79. Основные типы христианских храмов (зальные IV-VI вв. в Армении 1-7; зальные с куполом VI-VII вв. в Армении 8-9; крестово-купольные 10-13): 1 – в Диракларе; 2 – Св. Степана в Танаате; 3 – в Егварде; 4 – в Аване; 5 – в Вагаршапате; 6 – в Агараке; 7 – в Ширванджуге; 8 – в Птгни; 9 – в Аруче; 10 – Св. Софии в Фессалониках (V-VIII вв.); 11 – Атик Джами в Константинополе (IX в.); 12 – церковь Богородицы в монастыре Липса в Константинополе (X в.); 13 – Иоанна Предтечи в Керчи (IX-X вв) (по ВИА, О.И.Ионесяну, А.Л.Якобсону).

Fig. 79. Main types of Christian churches (1-7 – hall churches of the 4th – 6th centuries in Armenia; 8-9 – hall churches with a dome of the 4th – 6th centuries in Armenia; 10-13 – cross-domed churches): 1 – at Diraklar; 2 – Church of St. Stephen at Tanaat; 3 – at Egvard; 4 – at Avan; 5 – at Vagarshapat; 6 – at Agarak; 7 – at Shirvanjug; 8 – at Ptgni; 9 – at Aruch; 10 – Ste Sophia in Thessaloniki (5th – 8th centuries); 11 – atik Cami in Constantinople (9th century); 12 – Holy Virgin Church at the Lipsa monastery in Constantinople (10th century); 13 – Church of John the Baptist at Kerch (9th – 10th century) (after ВИА, O.I. Ionesian and A.L. Jakobson).

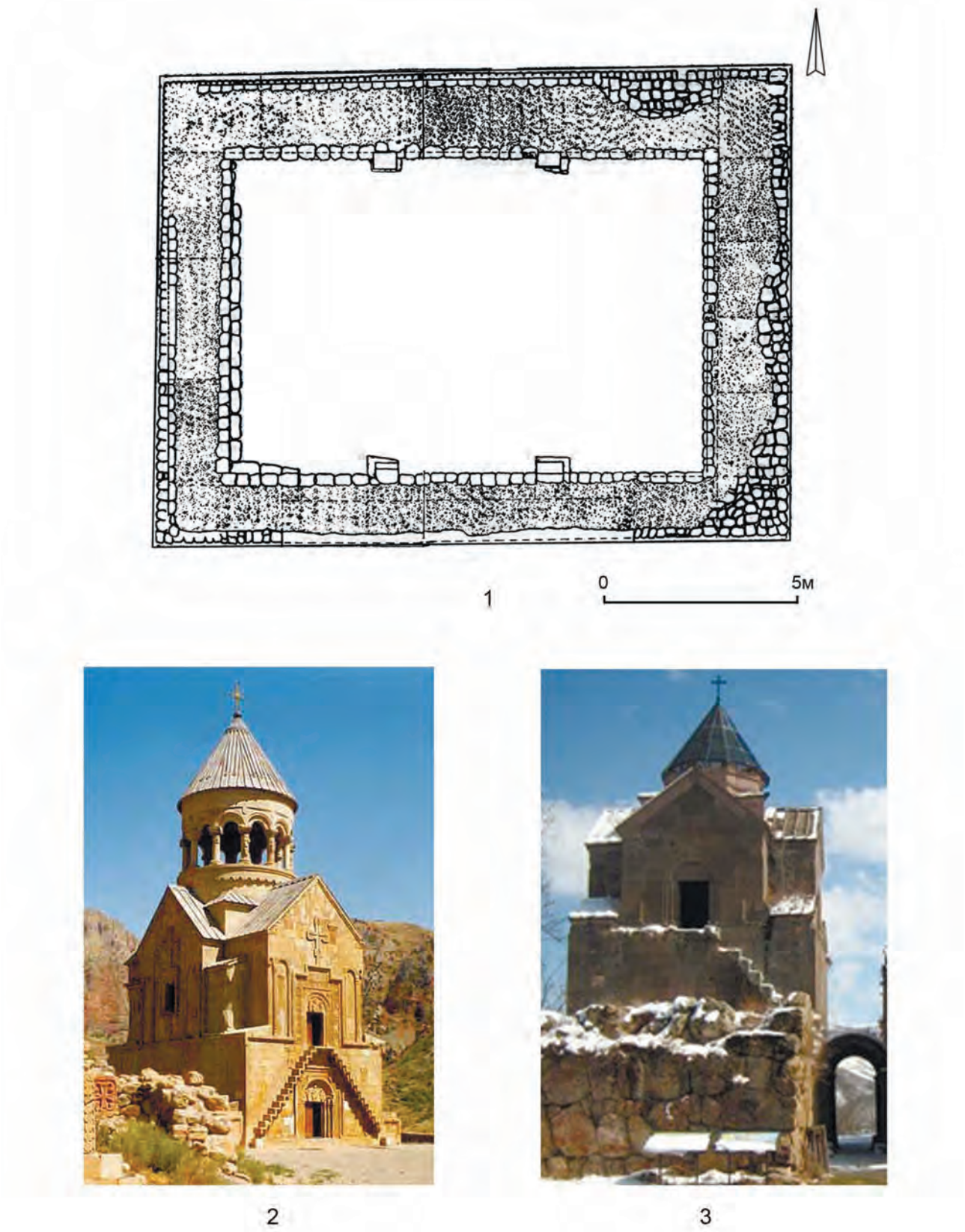

Рис. 80. Греческая палата в Болгаре и ее аналоги: 1 – Греческая палата, план (по А.П.Смирнову); 2 – церковь Богородицы в монастыре Нораванк XIII-XIVвв.; 3 – колокольня монастыря в Нор-Гетик XII-XIII вв.

Fig. 80. Greek chamber at Bolgar and its analogies: 1 – Greek Chamber, plan (after A.P. Smirnov); 2 – church of the Virgin at the Noravank monastery (13th – 14th century); 3 – bell-tower of the monastery at Nor-Getik (12th – 13th century).

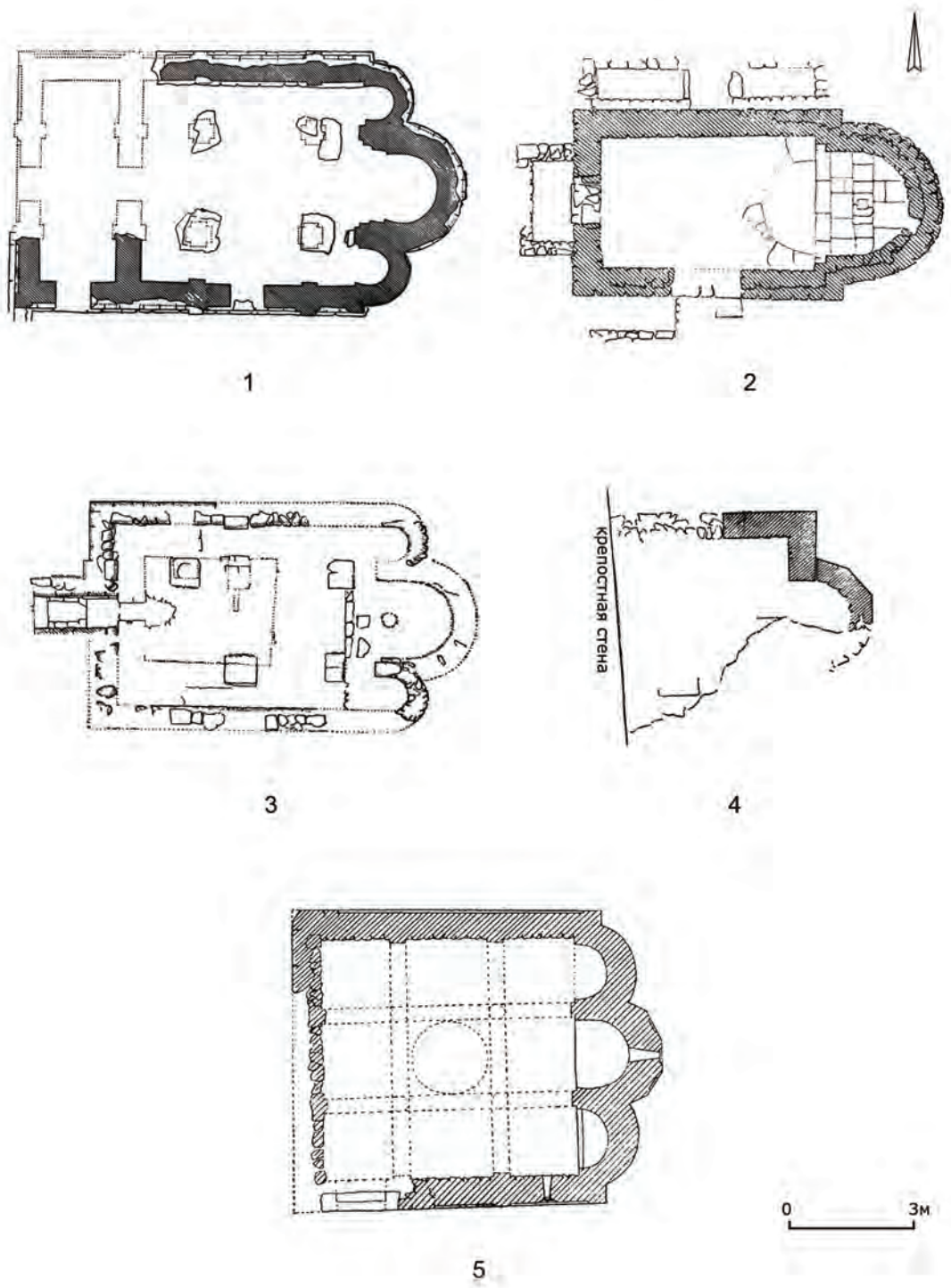
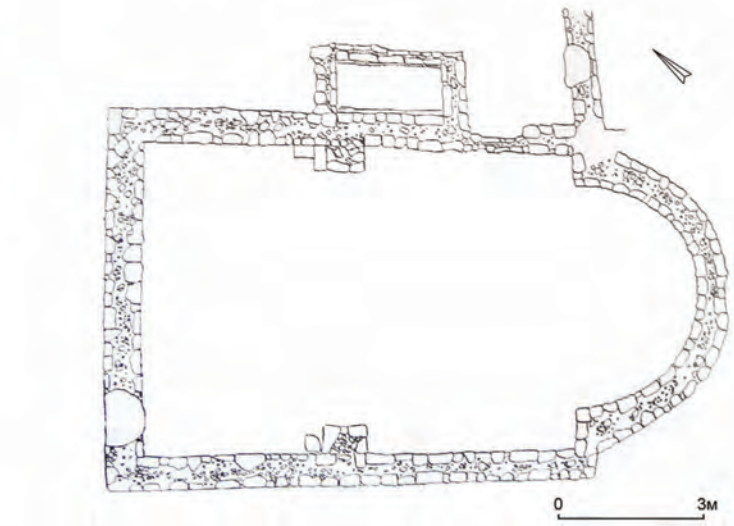

Рис. 81. Церкви в Херсонесе (1-4) и Лаках (5): 1 – храм № 21; 2 – церковь № 6; 3 – часовня возле «восточной» базилики; 4 – часовня возле башни Зинона; 5 – храм Троицы в селе Лака (по А.Л.Якобсону).

Fig. 81. Churches at Chersonesos (1-4) and Laka (5): 1 – temple 21; 2 – church 6; 3 – chapel near the 'eastern' basilica; 4 – chapel near Zeno's Tower; 5 – Trinity Church at the village of Laka (after A.L. Jakobson).

1

2

3

Рис. 82. «Консульская церковь» в Чембало: 1 – план по (С.В. Дьячкову); 2 – вид с СЗ; 3 – вид с СВ.

Fig. 82. 'Consular church' at Cembalo: 1 – plan (after S.V. Diachkov); 2 – view from the northwest; 3 – view from the southeast.

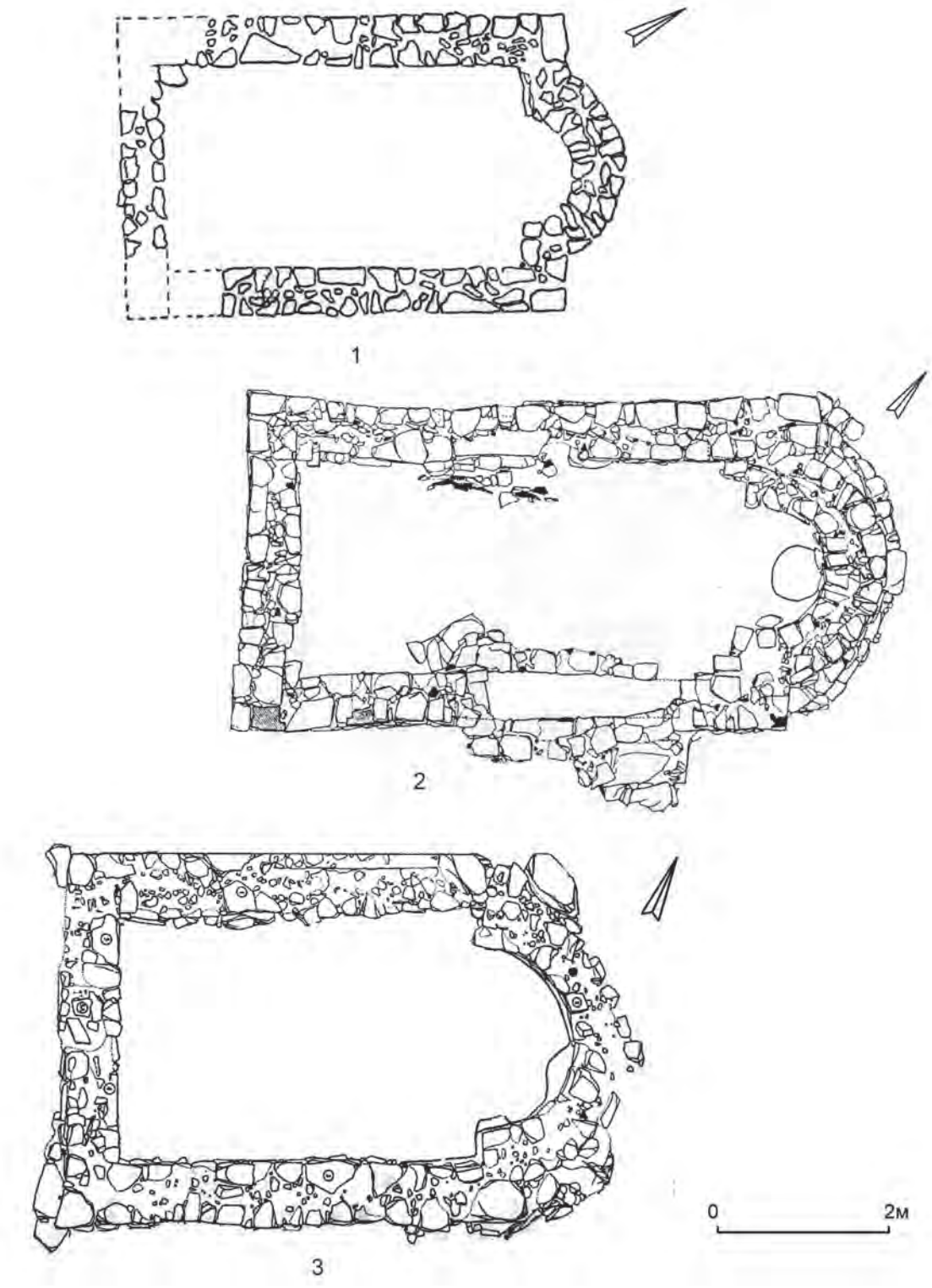
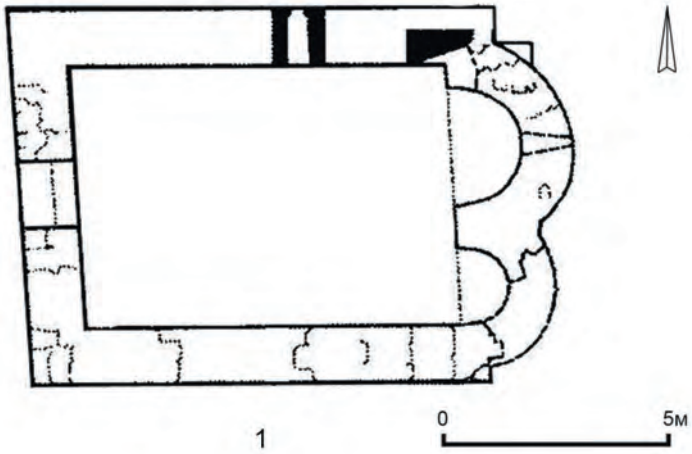

Рис. 83. Церкви южного берега Крыма: 1 – в Ореанде; 2 – на северо-западном склоне Аю-Дага; 3 – на юго-восточном склоне горы Ай-Тодор
(по Е.А.Паршиной И.Б.Тесленко, А.В.Лысенко).
Fig. 83. Churches of the south coast of the Crimea: 1 – at Oreanda; 2 – on the northwest slope of Ayu-Dag; 3 – on the southeast slope of Ay-Todor
(after E.A. Parshina, I.B. Teslenko and A.V. Lysenko).

1

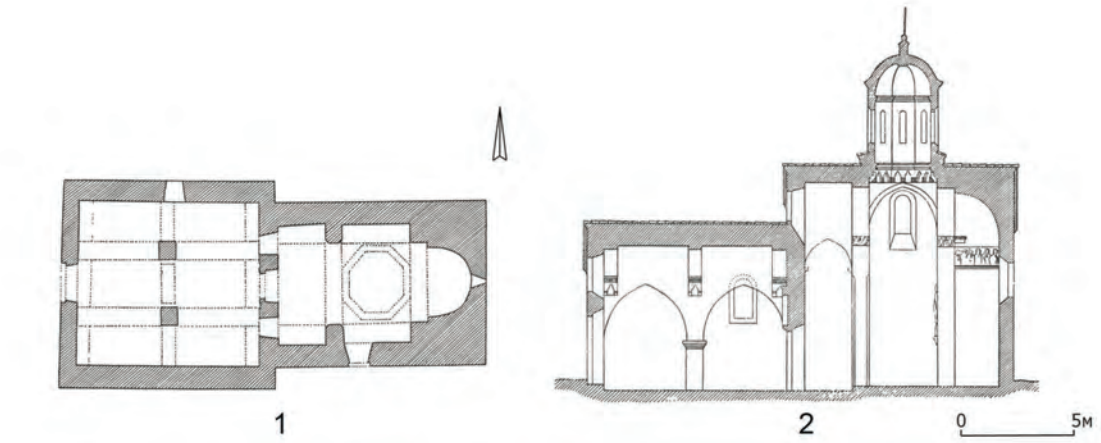
2

3

Рис. 84. Судак, «Храм на консолях»: 1 – план (по В.П.Кирилко); 2 – вид с СЗ; 3 – интерьер, вид с З.

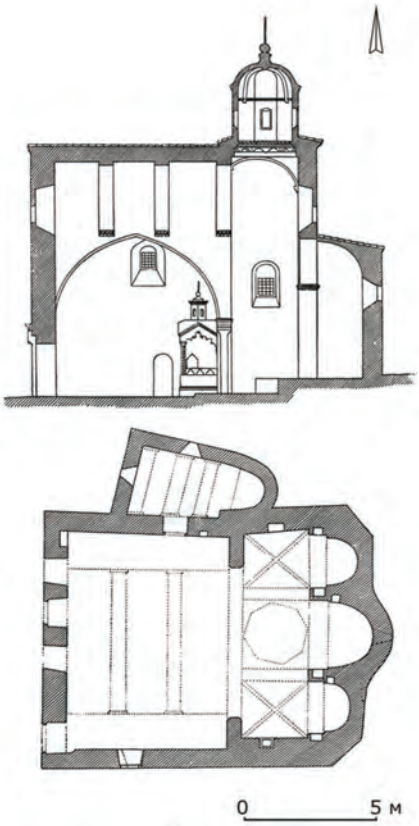
Fig. 84. Sudak, the ‘Temple on cantilevers’: 1 – plan (after V.P. Kirilko); 2 – view from the northwest; 3 – interior, view from the west.

3

4
5

Рис. 85. Каффа, храм Иоанна Предтечи: 1 – план; 2 – разрез (по А.Л.Якобсону); 3 – вид с ЮЗ; 4 – интерьер; 5 – декор алтарной части.
Fig. 85. Caffa, church of John the Baptist: 1 – plan; 2 – section (after A.L. Jakobson); 3 – view from the southwest; 4 – interior; 5 – decoration of the altar part.

1

2

3

4

Рис 86. Каффа, церковь Михаила и Гавриила: 1 – план и разрез (по А.Л.Якобсону); 2 – вход; 3 – общий вид с запада; 4 – колокольня.
Рис 86. Caffa, church of Sts Michael and Gabriel: 1 – plan and section (after A.L. Jakobson); 2 – entrance; 3 – general view from the west; 4 – bell-tower.

1

2

3

Рис. 87. Каффа, церковь Св. Сергия (Саркиса): 1 – вид с севера; 2 – фасад южной церкви; 3 – интерьер южной церкви.

Fig. 87. Caffa, church of St. Sergius/Sargis: 1 – view from the north; 2 – façade of the south church; 3 – interior of the south church.

1

2

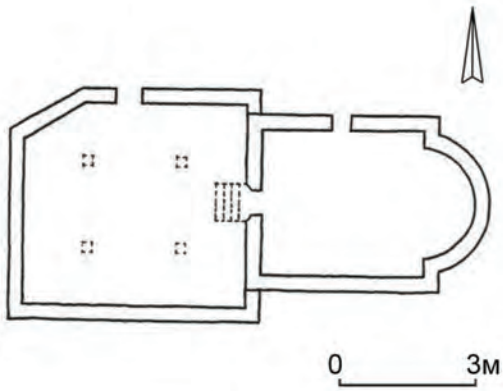

3

4

Рис. 88. Каффа, церковь Св. Сергия (Саркиса): 1 – интерьер северной церкви;
2 – колонна в алтарной части; 3 – крестовый свод над алтарной частью; 4 – крещальная ниша.
Fig. 88. Caffa, church of St. Sergius/Sargis: 1 – interior of the north church;
2 – pillar in the altar part; 3 – cross dome over the altar part; 4 – baptismal niche.

1

2

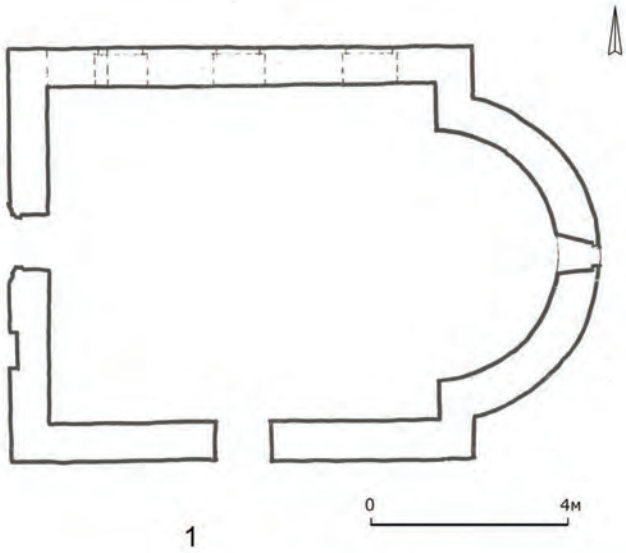

3

4

Рис. 89. Каффа, церковь Иоанна Богослова: план (по А.Л.Якобсону и Ю.А.Таманяну); 2 – фасад с входом; 3 – общий вид с северо-запада; 4 – вид с северо-востока.
Fig. 89. Caffa, church of John the Apostle: plan (after A.L. Jakobson and Yu.A. Tamanian); 2 – façade with the entrance; 3 – general view from the northwest; 4 – view from the northeast.

1

2

3

Рис. 90. Каффа, церковь Св. Дмитрия Солунского: план (по А.Л.Якобсону и Ю.А.Таманяну); 2 – вид с юго-запада; 3 – вид с севера.

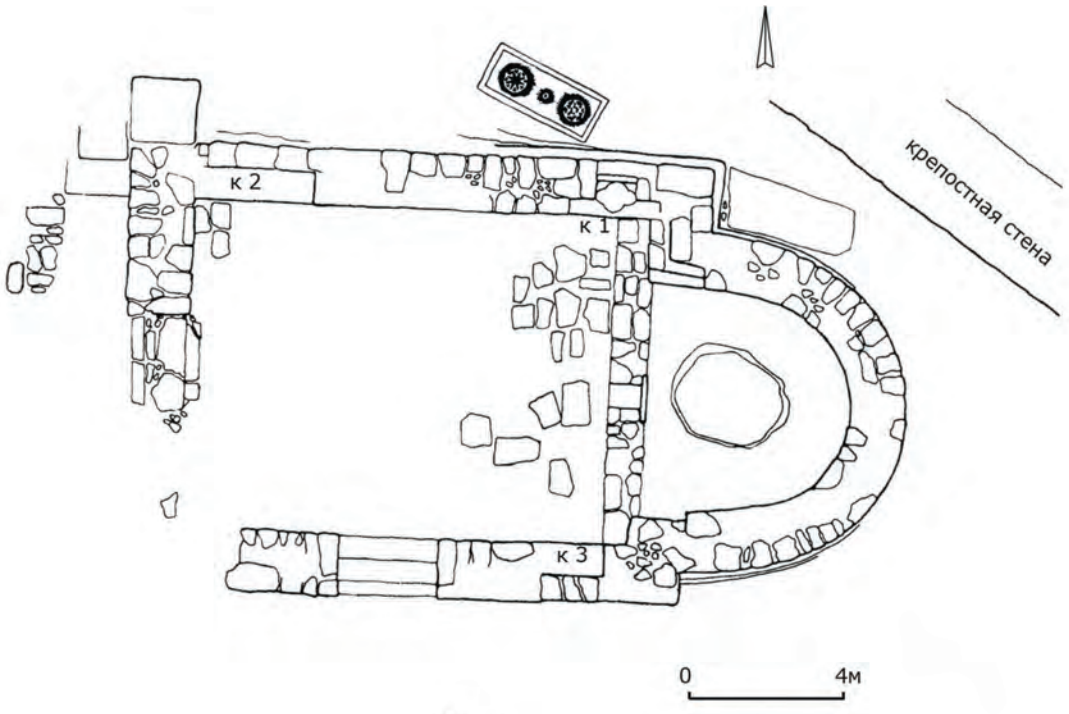
Fig. 90. Caffa, church of St. Demetrius of Thessaloniki: plan (after A.L. Jakobson and Yu.A. Tamanyan); 2 – view from the southwest; 3 – view from the north.

1

2

3

Рис. 91. Каффа: 1-2 – церковь Св. Георгия;
3 – церковь Св. Стефана, план по (Е.А. Айбабиной и С.Г. Бочарову).
Fig. 91. Caffa: 1-2 – church of St. George;
3 – church of St. Stephen, plan (after E.A. Aibabina and S.G. Bocharov).

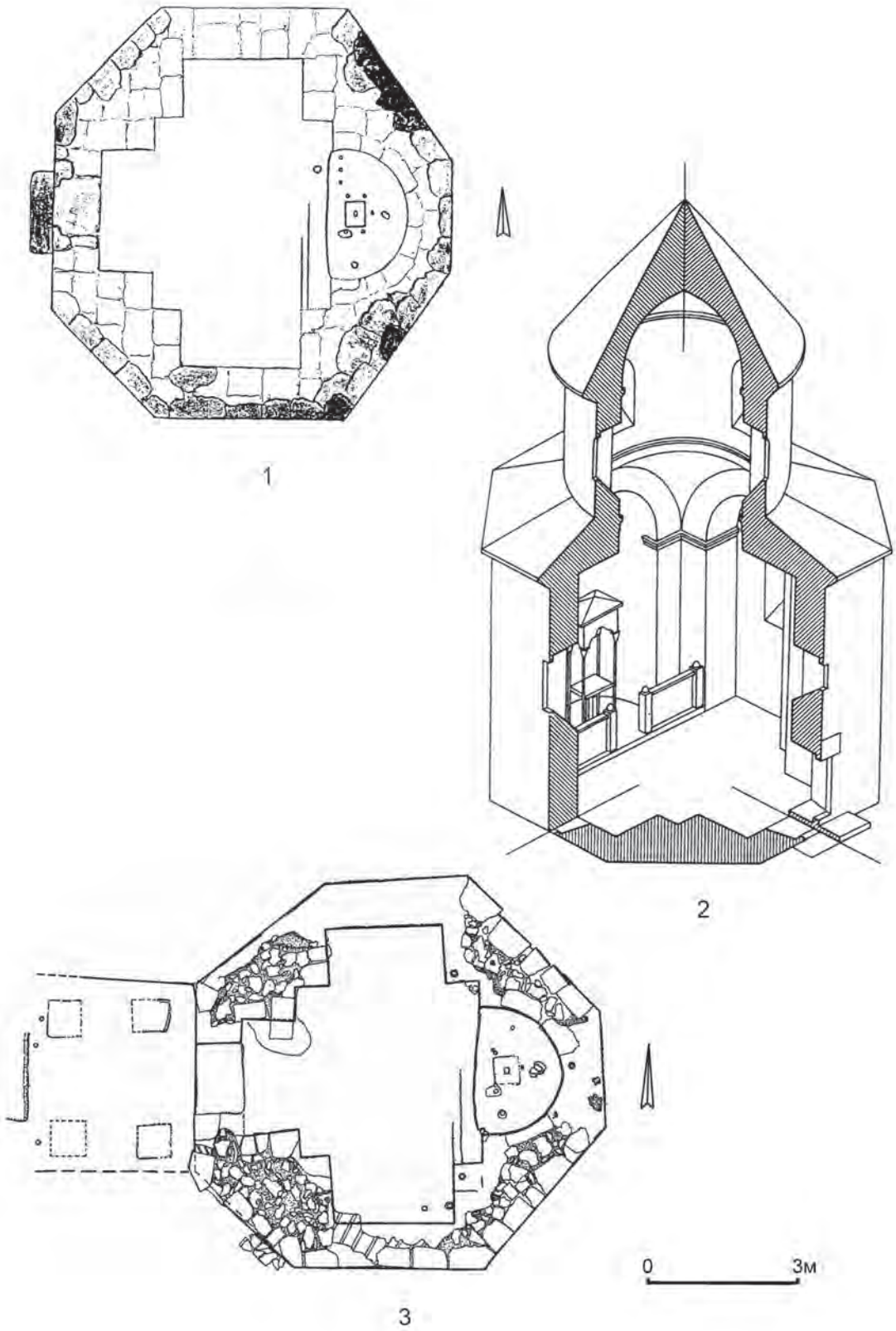

Рис. 92. Мангуп, «октагон»: 1 – план по В.Л.Мыцу; 2 – реконструкция В.П.Кироилко; 3 – план (по А.Г. Герцену, В.Е. Науменко).
Fig. 92. Mangup, the ‘Octagon’: 1 – plan (after V.L. Myts); 2 – reconstruction of V.P. Kirilko; 3 – plan (after A.G. Herzen and V.E. Naumenko).

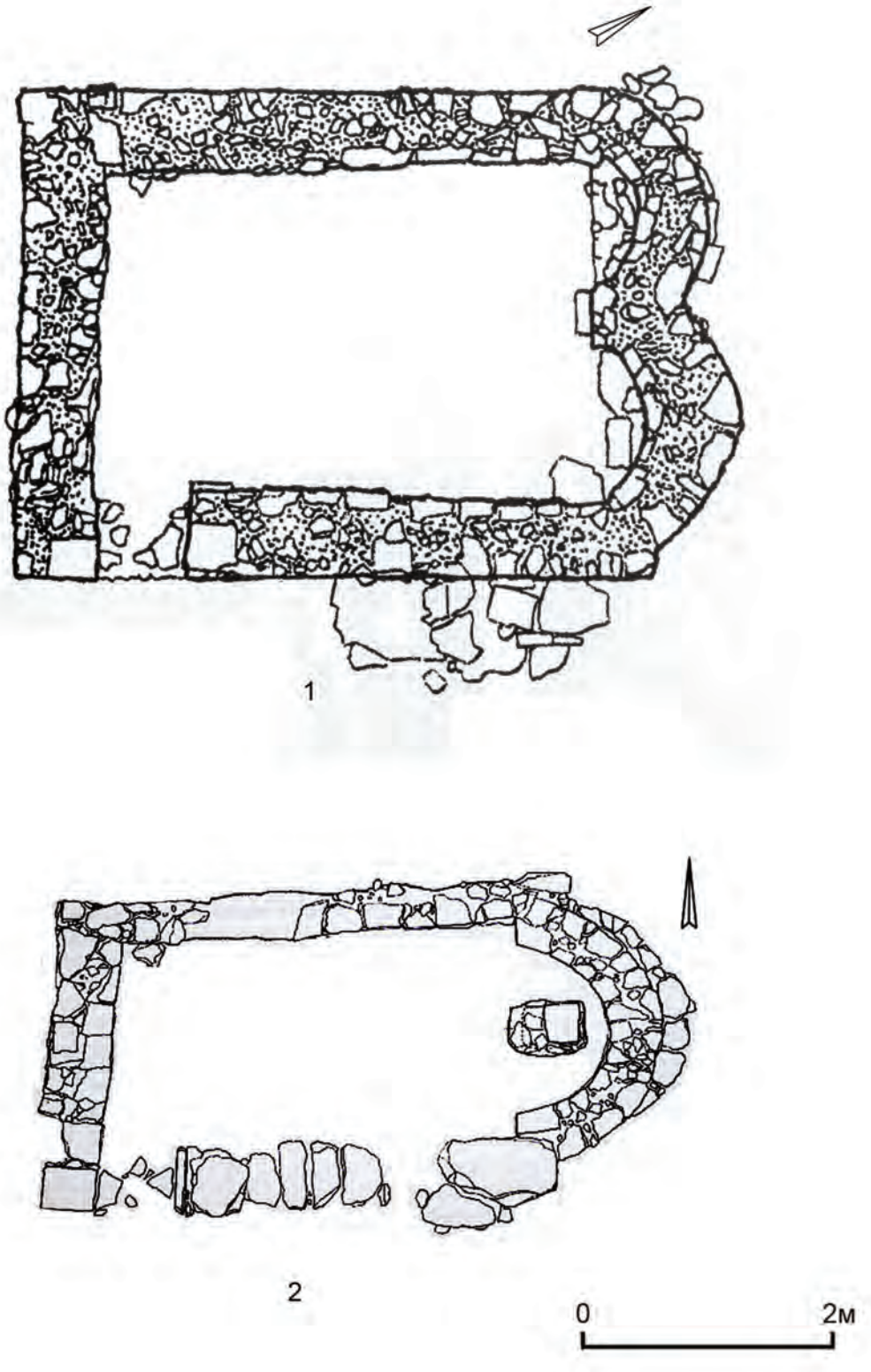
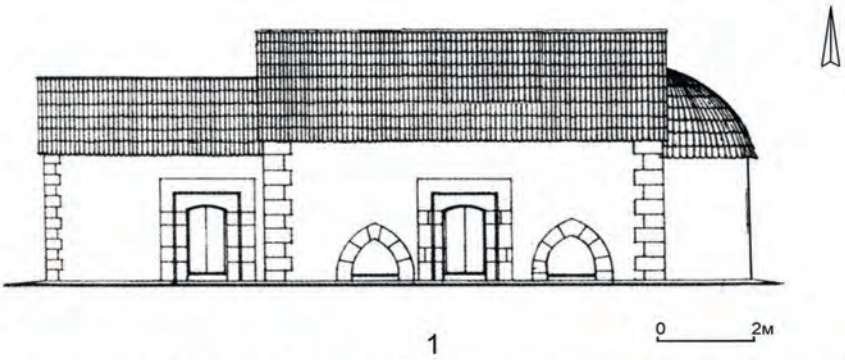

Рис. 93. Фуна: 1 – двухапсидная церковь (по Е.А. Айбабиной);
2 – часовня № 1 (по В.П. Кирилко).
Fig. 93. Funa: 1 – biapsidal church (after E.A. Aibabina); 2 – chapel 1 (after V.P. Kirilko).

1

2

3

4

Рис. 94. Солхат, греческая церковь: 1 – реконструкция (по М.Г.Крамаровскому с коррективами); 2 – вид с северо-запада; 3 – вид с запада; 4 – интерьер, южная стена.
Fig. 94. Solkhat, the Greek church: 1 – reconstruction (after M.G. Kramarovsky, with modifications); 2 – view from the northwest; 3 – view from the west; 4 – interior, south wall.

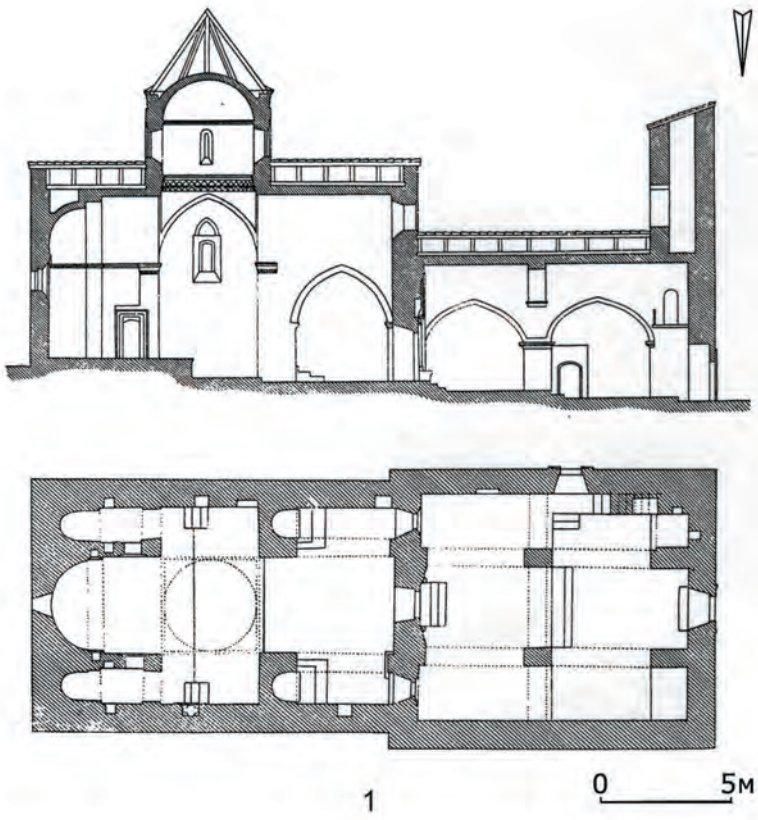

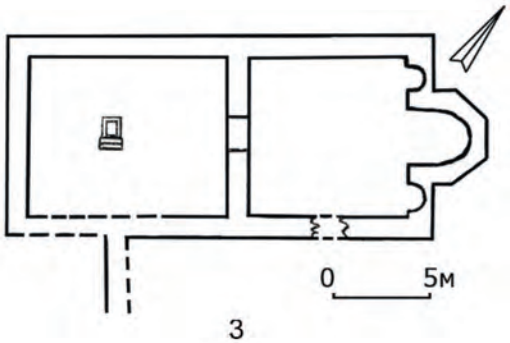
Рис. 95. Сурб Хач: 1 – план, разрез (по А.Л.Якобсону); 2 – вид с юго-востока.
Fig. 95. Surb Hach: 1 – plan and section (after A.L. Jakobson); 2 – view from the southeast.

1

2

3

Рис. 96. Армянские монастыри – Сурб Хач (1-2) и Сурб Стефанос (3):
1 – интерьер церкви; 2 – ниша над входом в храм;
3 – план церкви в Сурб Стефанос (по А.Л.Якобсону и Ю.А.Таманяну).
Fig. 96. Armenian monasteries – Surb Hach (1-2) and Surb Stephanos (3):
1 – church interior; 2 – niche above the church entrance;
3 – plan of the church at Surb Stephanos (after A.L. Jakobson and Yu.A. Tamanyan).

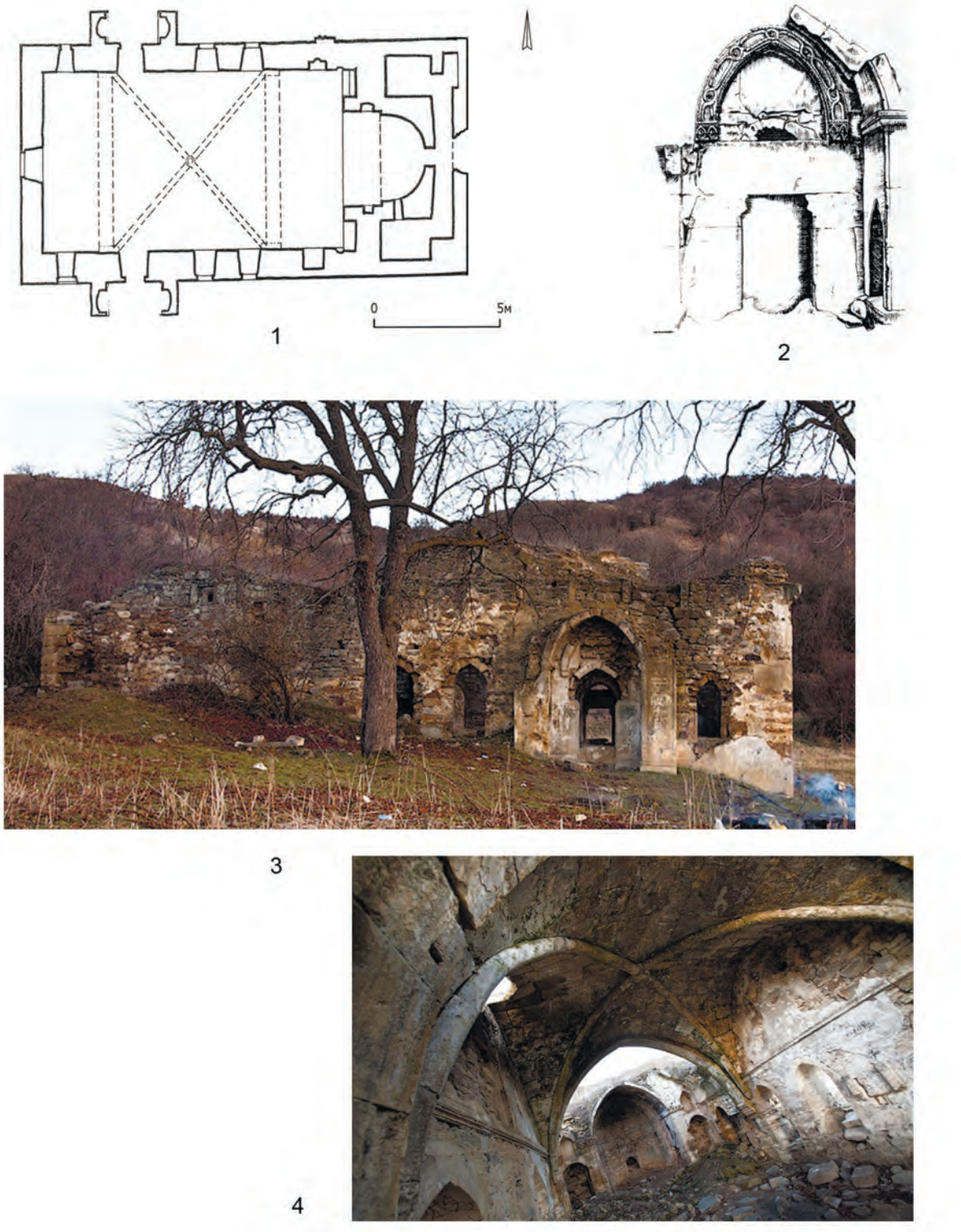

Рис. 97. Церковь монастыря Св. Ильи: 1 – план (по А.Л.Якобсону и Ю.А.Таманяну); 2 – портал (по Е.А.Айбабиной); 3 – вид с севера; 4 – интерьер.
Fig. 97. Church of the monastery of St. Elias: 1 – plan (after A.L. Jakobson and Yu.A. Tamanyan); 2 – portal (after E.A. Aibabina); 3 – view from the north; 4 – interior.

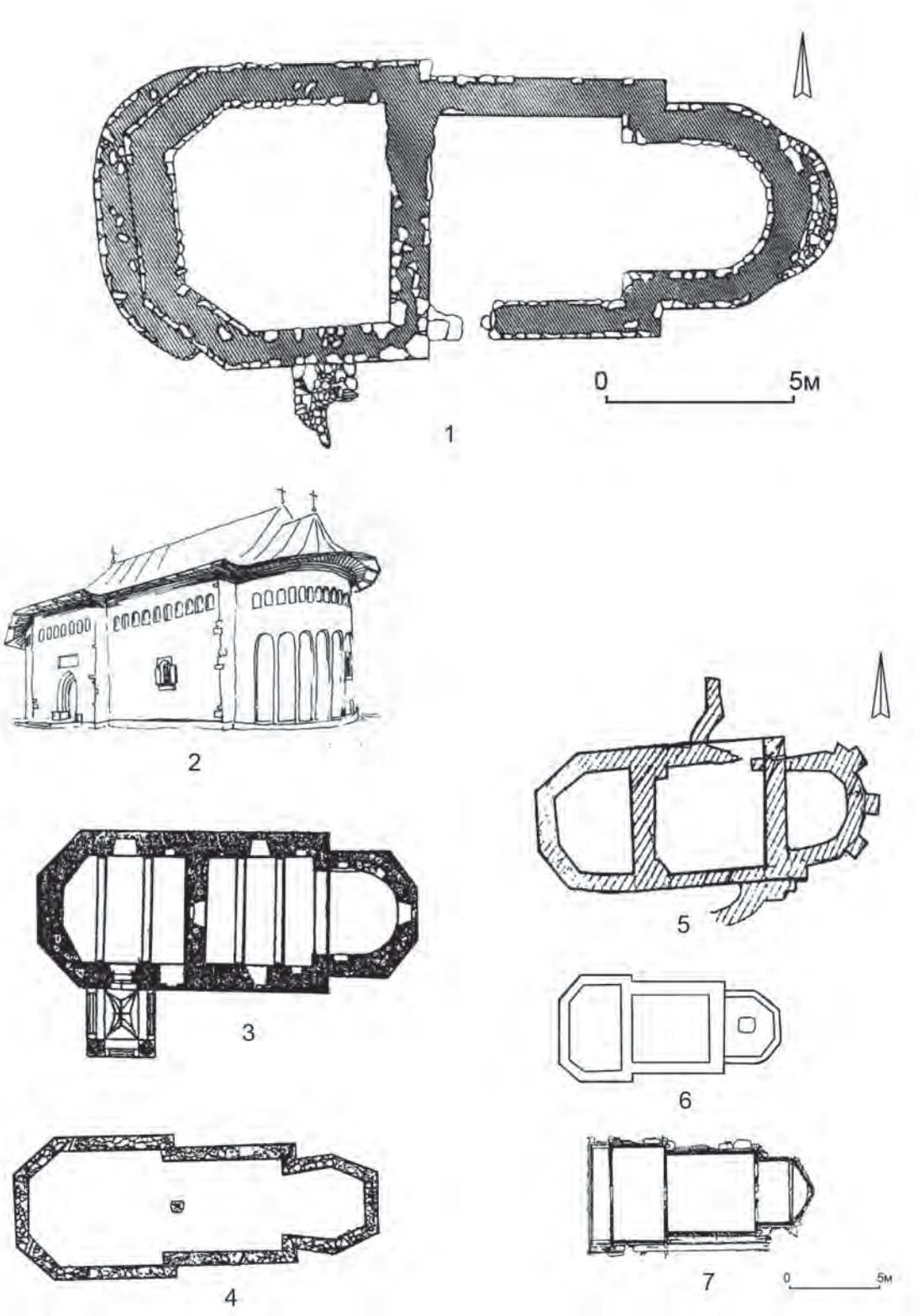

Рис. 98. Церковь Старого Орхея и церкви Румынии: 1- план церкви Старого Орхея (по Г.Д.Смирнову); 2 – реконструкция Т.Нестеровой; 3 – церковь в Балинешти; 4 – церковь в Вадул Сорешти; 5 – Св. Николая в Бакау; 6 – в Карпинис; 7 – в Питешти (по Т.Нестеровой).
Fig. 98. Church of the Old Orkhey and churches of Rumania: 1– plan of the church of Old Orkhey (after G.D. Smirnov); 2 – reconstruction by T. Nesterova; 3 – church at Balineşti; 4 – church at Vadul Soreşti; 5 – church of St. Nicolas at Bacău; 6 – at Carpinis; 7 – at Piteşti (after T. Nesterova).

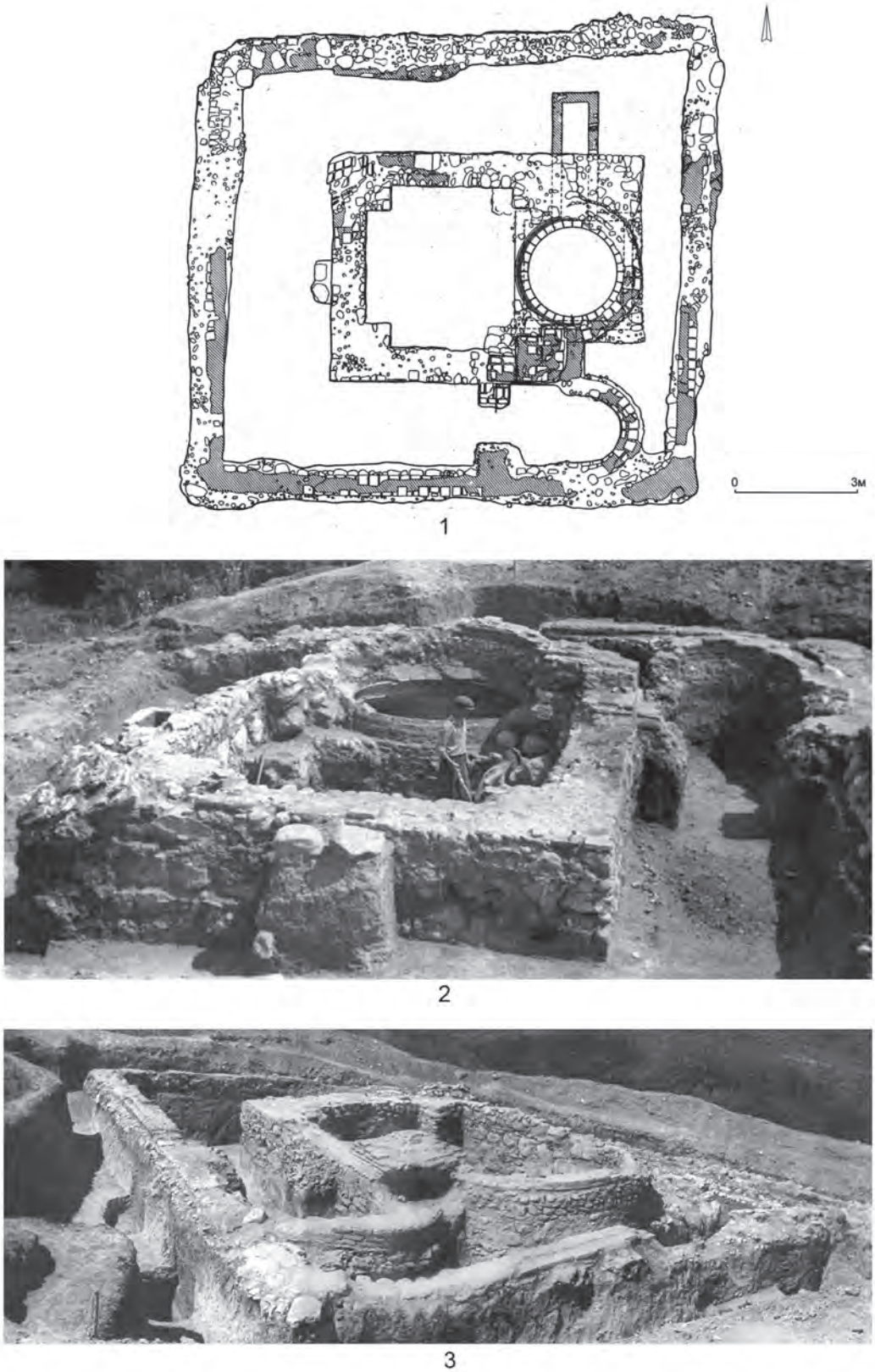

Рис. 99. Верхний Джулат, церковь № 1: 1 – план (по Е.И.Крупнову); 2 – вид с запада; 3 – вид с юго-востока.

Fig. 99. The Upper Julat, church 1: 1 – plan (after E.I. Krupnov); 2 – view from the west; 3 – view from the southeast.

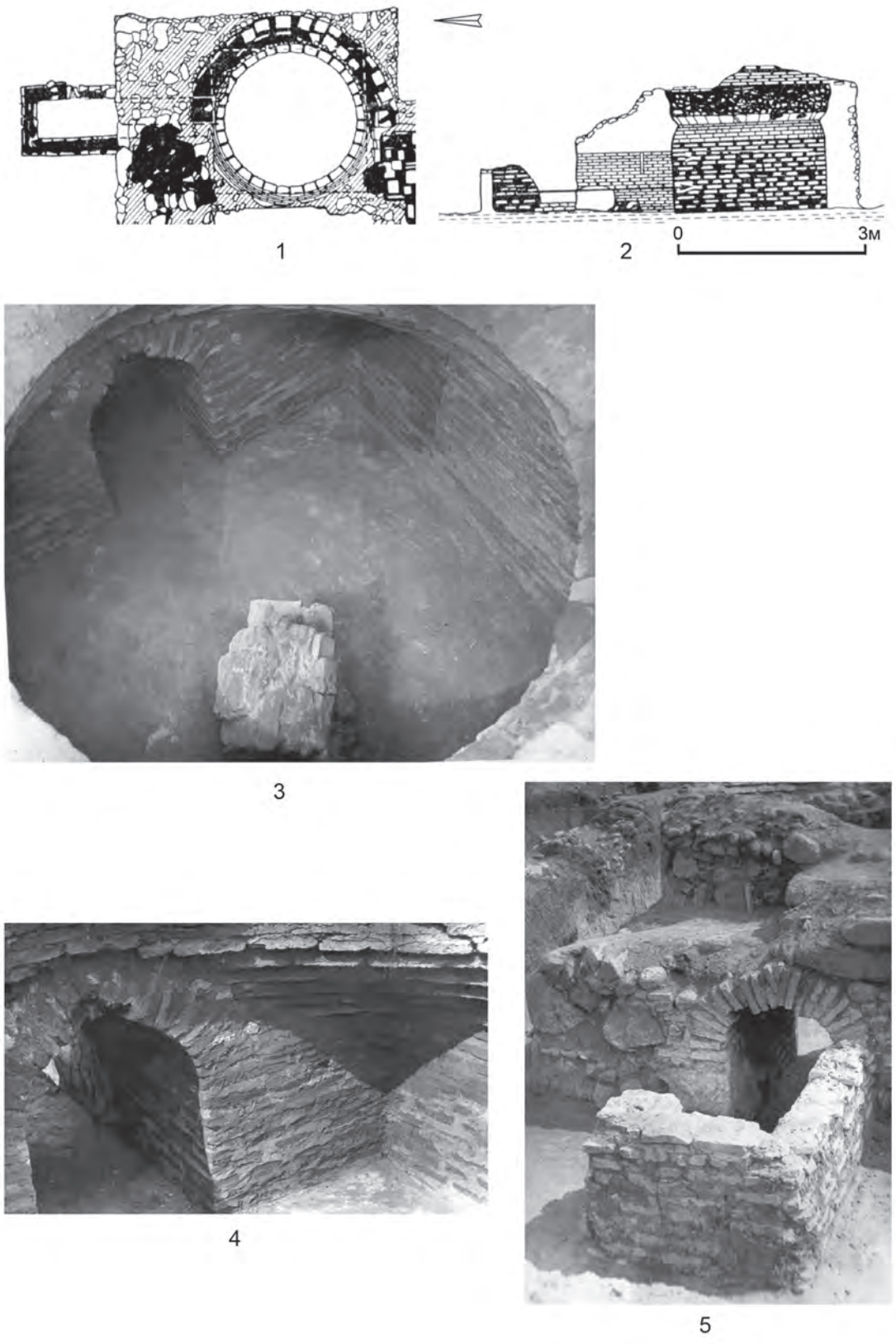
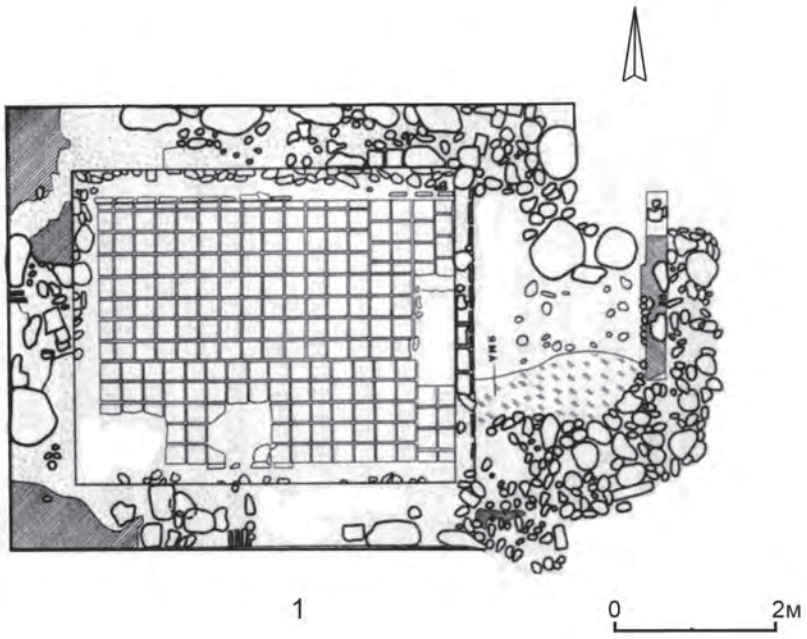

Рис. 100. Верхний Джулат, церковь № 1, склеп: 1 – план; 2 – вид сбоку (по Е.И.Крупнову); 3 – вид с юго-запада; 4 – тромп; 5 – вход.
Fig. 100. The Upper Julat, church 1, crypt: 1 – plan; 2 – side-view (after E.I. Krupnov); 3 – view from the southwest; 4 – trompe; 5 – entrance.

Рис. 101. Верхний Джулат, церковь № 2: 1 – план (по В.А.Кузнецову); 2 – вид с запада; 3 – вид с востока.

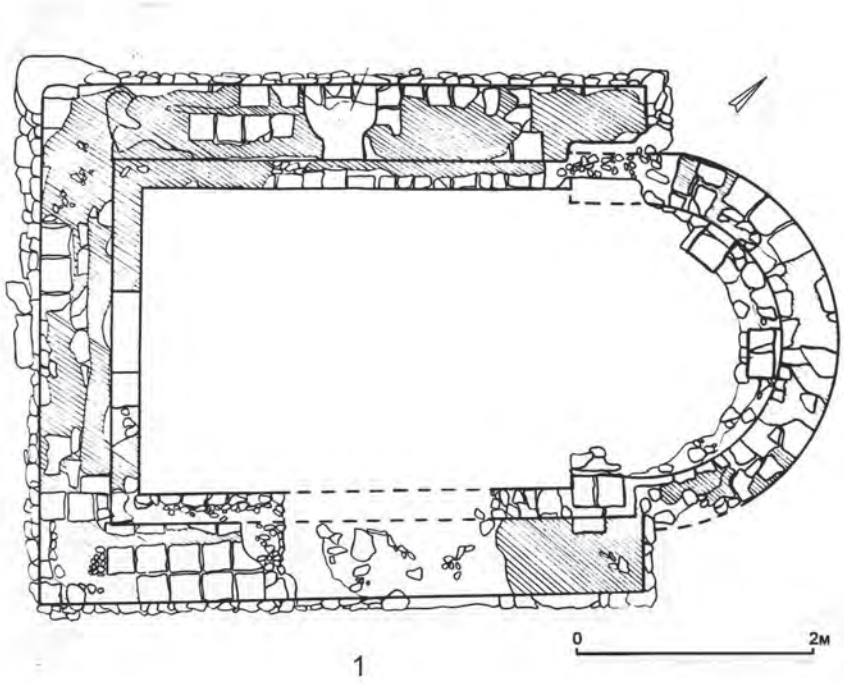
Fig. 101. The Upper Julat, church 2: 1 – plan (after V.A. Kuznetsov); 2 – view from the west; 3 – view from the east.

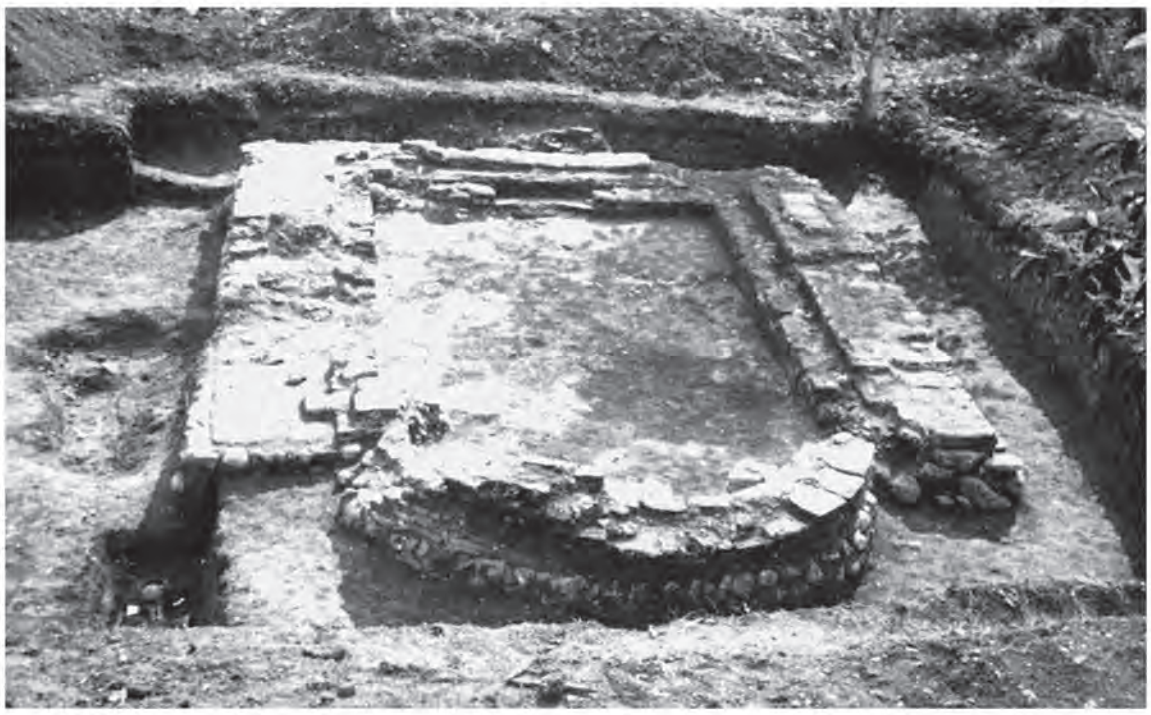

2

Рис. 102. Верхний Джулат, церковь № 3: 1 – план (по В.А.Кузнецову); 2 – вид с востока.
Fig. 102. The Upper Julat, church 3: 1 – plan (after V.A. Kuznetsov); 2 – view from the east.

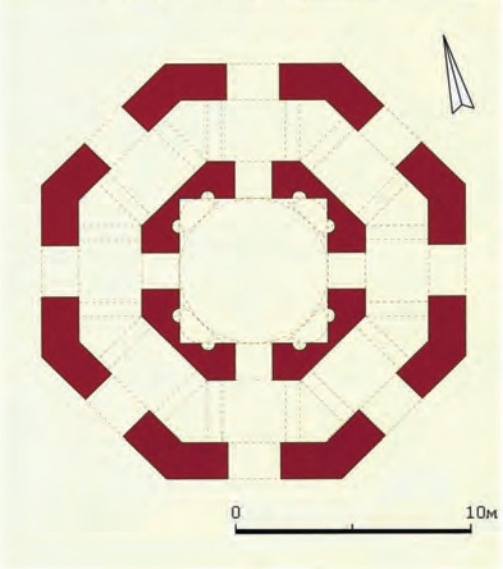
1

2

Рис. 103. Верхний Джулат, церковь № 4: 1 – план (по В.А.Кузнецову); 2 – вид с востока.
Fig. 103. The Upper Julat, church 4: 1 – plan (after V.A. Kuznetsov); 2 – view from the east.

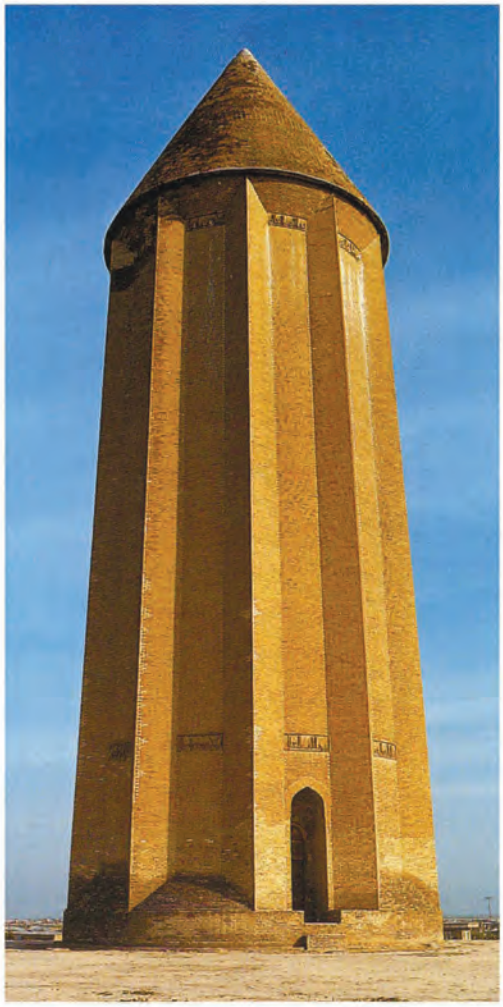

1

2

4

3

Рис. 104. Ранние мавзолеи: 1 – кубба аль Сулабийа (IX в.); 2 – мавзолей Саманидов (X в.); 3 – Араб-ата в Тиме (X в.); 4 – Гунбад-и Кабус (начало XI в.) (по Г.Стирлину и Р. Хилленбранду).

Fig. 104. Early mausoleums: 1 – Kubba al-Sulabiyya (9th century); 2 – Mausoleum of Samanids (10th century); 3 – Arab-ata at Tim (10th century); 4 – Gunbad-i Kabus (early 11th century) (after H. Stierlin and R. Hillenbrand).

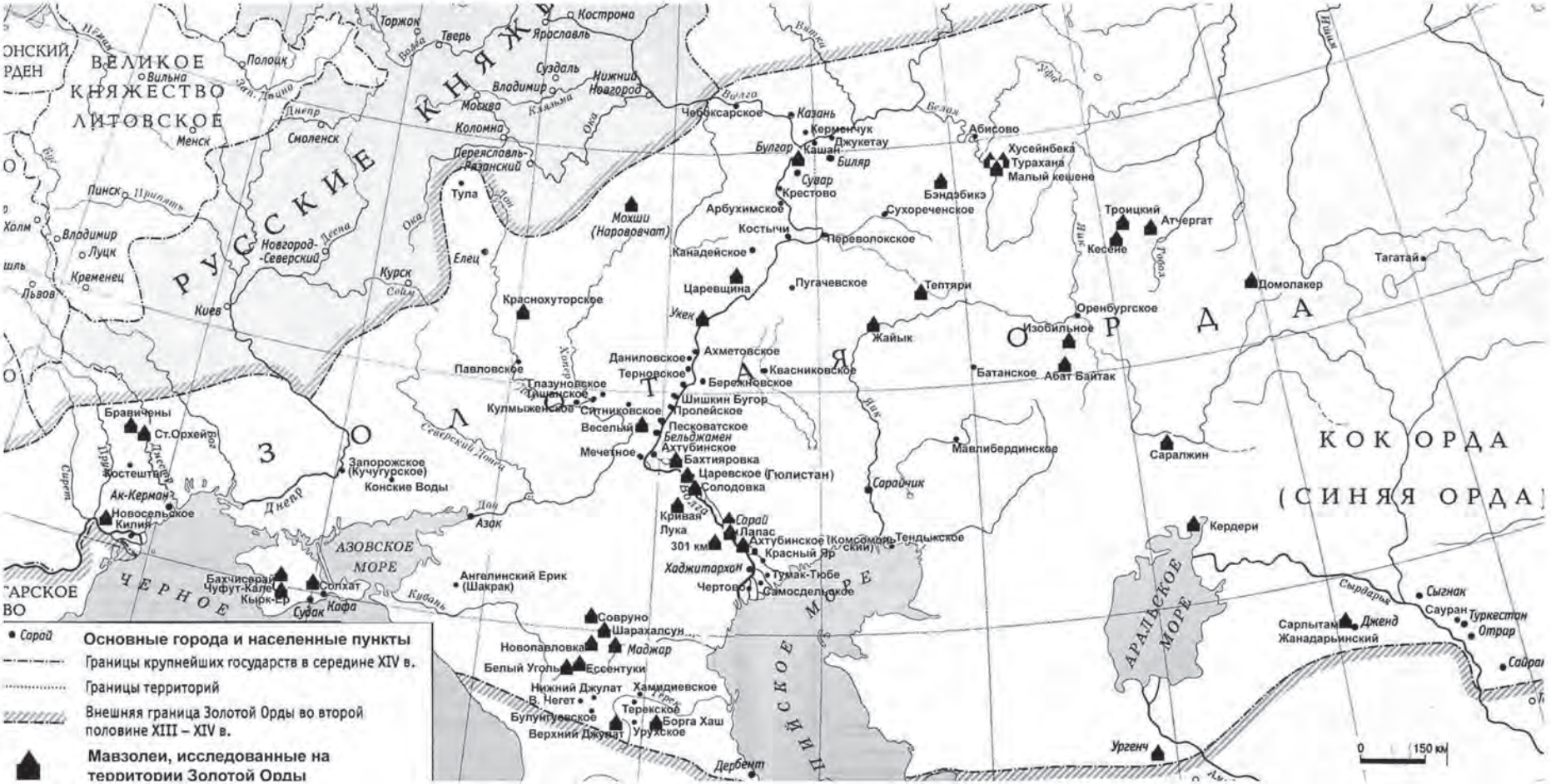

Рис. 105. Карта распространения золотоордынских мавзолеев.
Fig. 105. Spread of the Golden Horde mausoleums.

1

2

3

Рис. 106. Черная палата на рисунках XVIII-XIX вв.: 1 – из сочинений П.С.Палласа 1768 г.; 2 – из сочинений Ф.Х.Эрдмана 1825 г.; 3 – литография К.А.Тилли 1868 г.

Fig. 106. Black Chamber from drawings of the 18th – 19th centuries: 1 – from collected works of P.S. Pallas 1768; 2 – from collected works of F.H. Erdmann 1825; 3 – litograph by K.A. Tilly 1868.

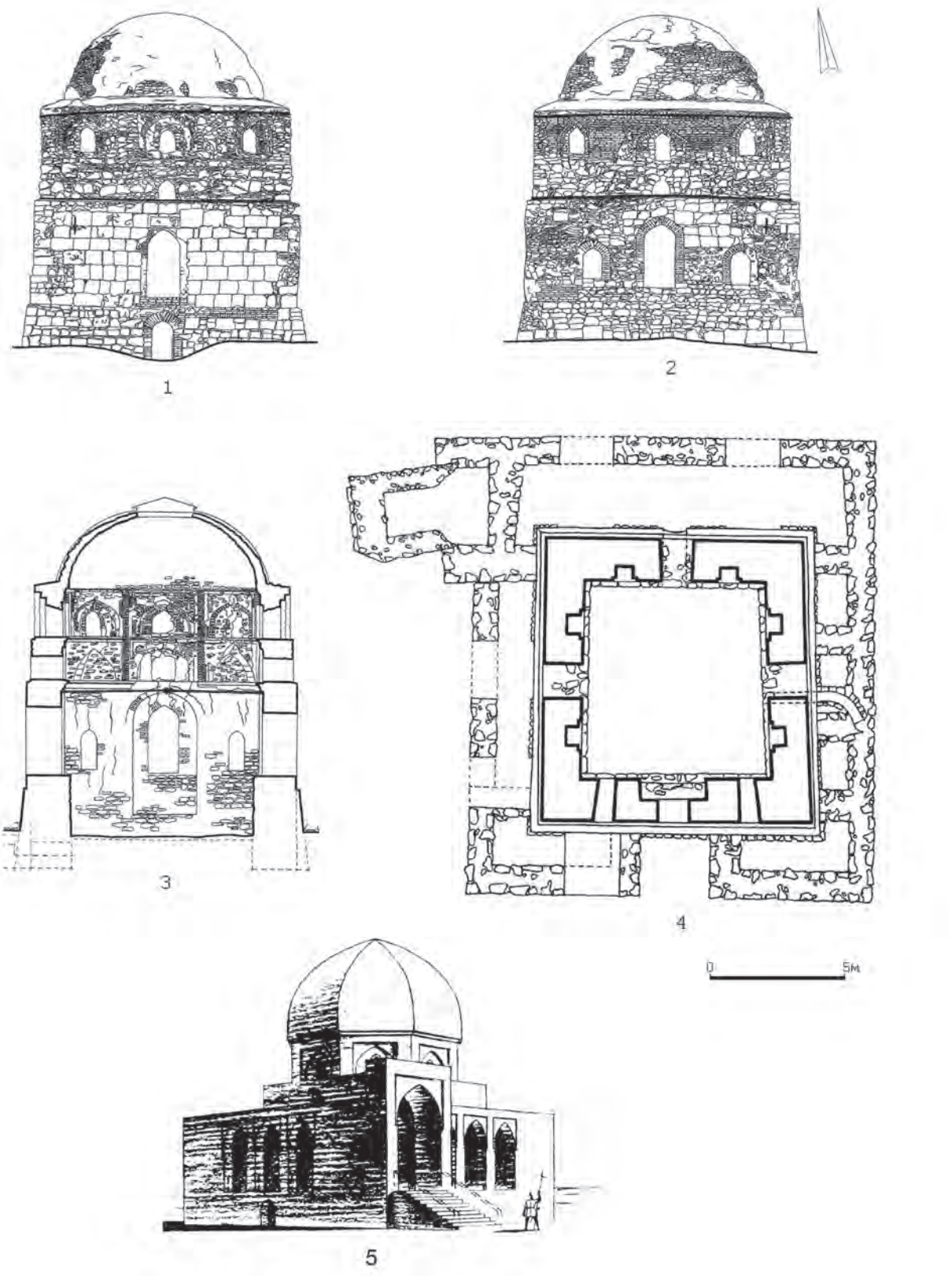

Рис. 107. Черная палата: 1 – южный фасад; 2 – северный фасад; 3 – разрез; 4 – план нижнего яруса (обмеры 50-х гг., по С.С.Айдарову); 5 – реконструкция С.С.Айдарова.
Fig. 107. Black Chamber: 1 – south side; 2 – north side; 3 – section; 4 – plan of the lower tier (measurements of the 1950s, after S.S. Aidarov); 5 – reconstruction by S.S. Aidarov.

1

2

Рис. 108. Черная палата: 1 – фото 1980-х гг.; 2 – вид с юго-востока.
Fig. 108. Black Chamber: 1 – photograph of the 1980s; 2 – view from the southeast.

Рис. 109. Черная палата, интерьер: 1 – вид на север; 2 – арочный тромп; 3 – купол; 4 – вид на юг.
Fig. 109. Black Chamber, interior: 1 – view facing north; 2 – arch trompe; 3 – dome; 4 – view facing south.

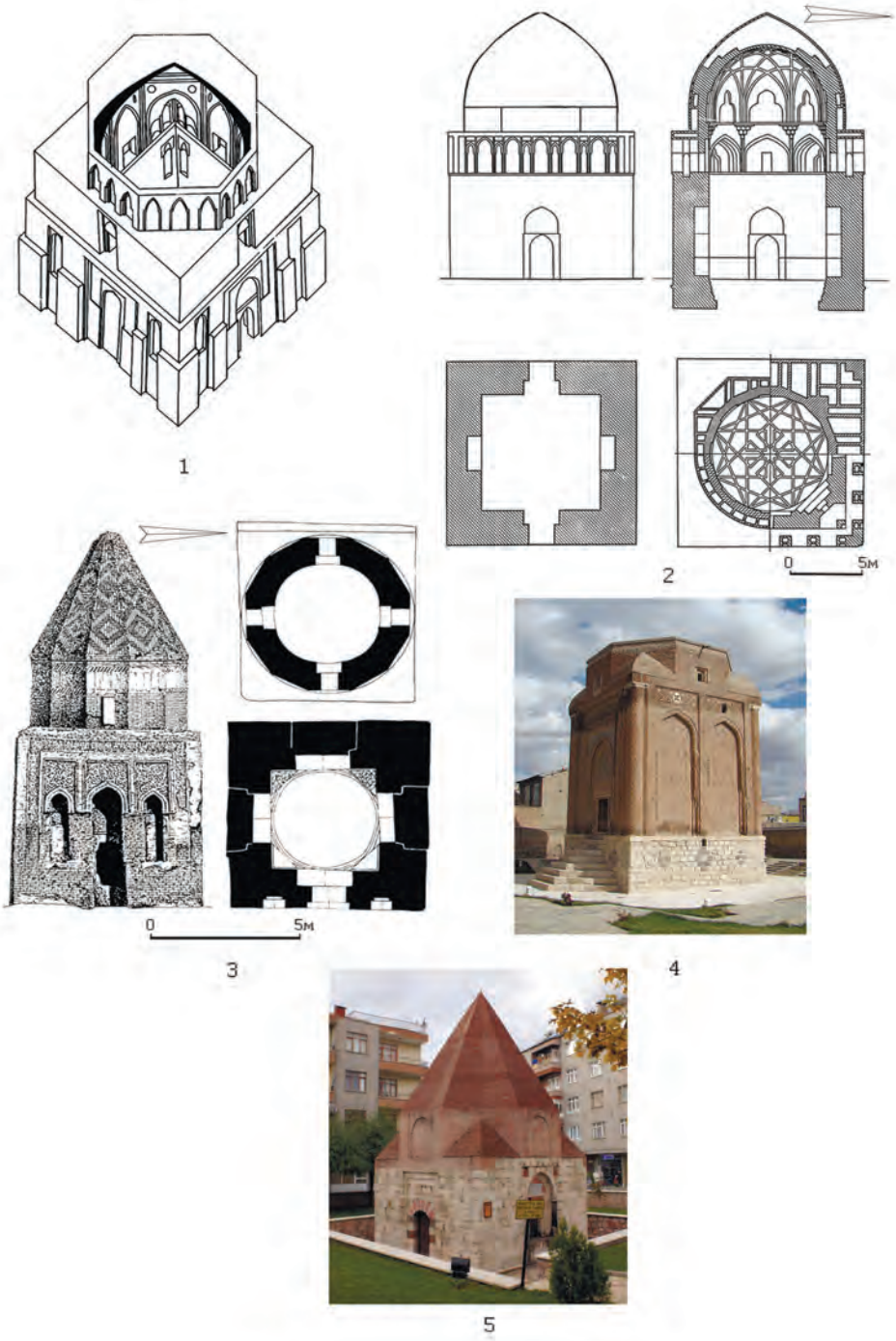

Рис. 110. Мавзолеи сельджукской традиции: 1 – мавзолей Дарваздах имама в Иезде XI в; 2 – мавзолей султана Санджара в Мерве XII в., фасад, разрез, планы первого и второго ярусов; 3 – Мавзолей Фахреддина Рази в Куня Ургенче XII в., фасад, планы первого и второго ярусов; 4 – мавзолей Гунбад-е Сурх в Мараге XII в.; 5 – мавзолей Нур ал-Дина бея Сентимура в Токате XII в. (по Р. Хилленбранду, Г.А.Пугаченковой, С.Хмельницкому, М.Уссейнову).

Fig. 110. Mausoleums of Seljuk tradition: 1 – Mausoleum of imam Darvazdah at Yezd (11th century); 2 – Mausoleum of sultan Sanjar at Merv (12th century): façade, section and plans of the first and second tiers; 3 – Mausoleum of Fahreddin Razi at Kunya Urgench (12th century): façade and plans of the first and second tiers; 4 – Mausoleum Gunbad-e Surkh at Maraga (12th century); 5 – Mausoleum of Nur al-Din bey Sentimur at Tokat (12th century) (after R. Hillenbrand, G.A. Pugachenkova, S. Khmel’nitsky and M. Usseinov).

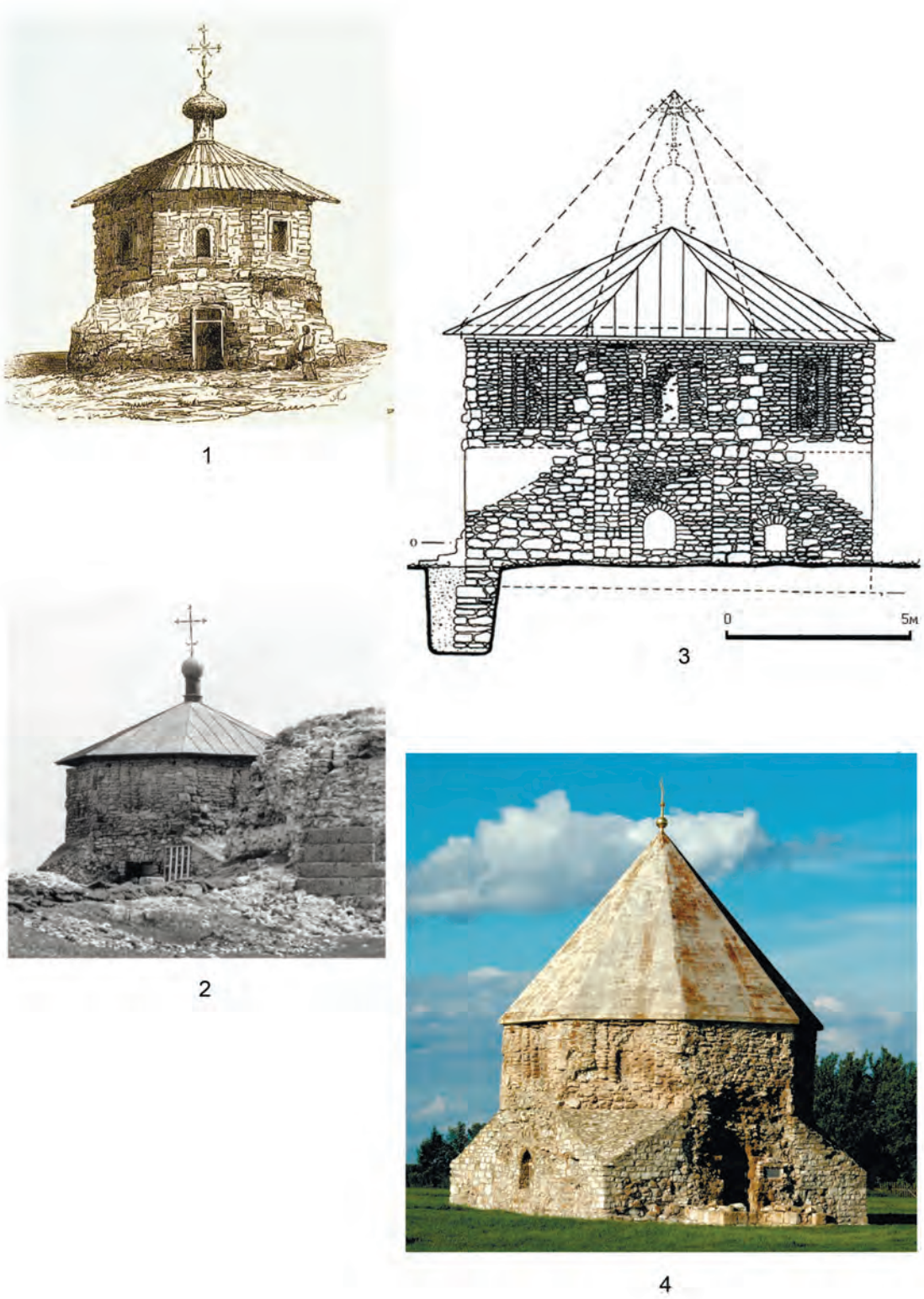

Рис. 111. Восточный мавзолей (Никольская церковь):
1 – рисунок из сочинений Ф.Х.Эрдмана 1825 г.; 2 – фото 1980-х гг.;
3 – архитектурный обмер (по С.С.Айдарову); 4 – вид после реставрации.
Fig. 111. East Mausoleum (Church of St. Nicolas):
1 – drawing from collected works of F.H. Erdmann 1825; 2 – photograph of the 1980s;
3 – architectural measurement (after S.S. Aidarov); 4 – view after restoration.

1

2

Рис. 112. Восточный мавзолей, интерьер: 1-2 – треугольные тромпы при переходе к куполу.
Fig. 112. East Mausoleum, interior: 1-2 – triangular trompes changing into the dome.

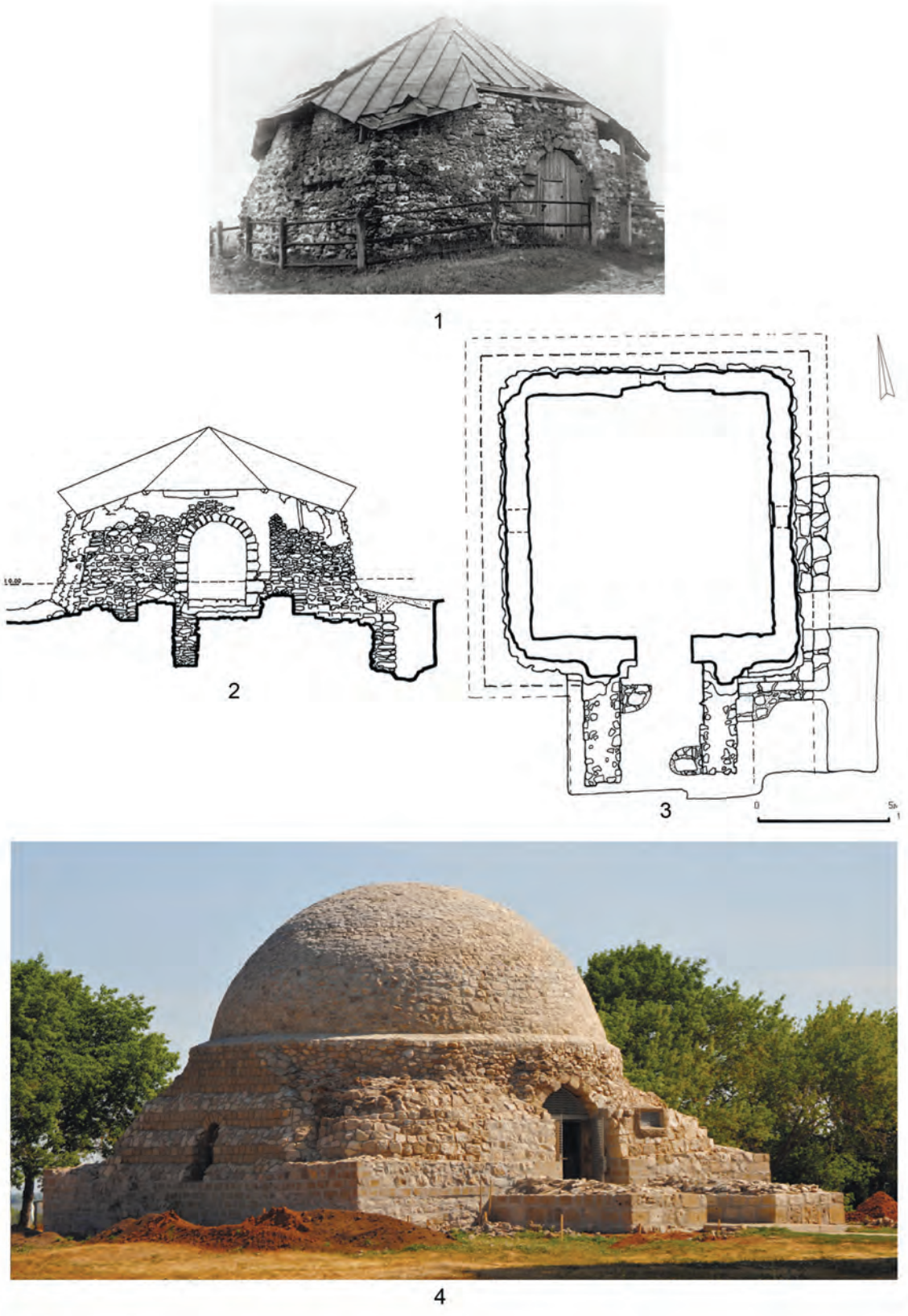

Рис. 113. Северный мавзолей (Монастырский погреб): 1 – фото 1980-х гг.;
2– обмер южного фасада; 3 – план (по С.С.Айдарову); 4 – вид после реставрации.
Fig. 113. North Mausoleum (Monastery cave): 1 – photograph 1980-х гг.;
2– measurement of south side; 3 – plan (after S.S. Aidarov); 4 – view after restoration.

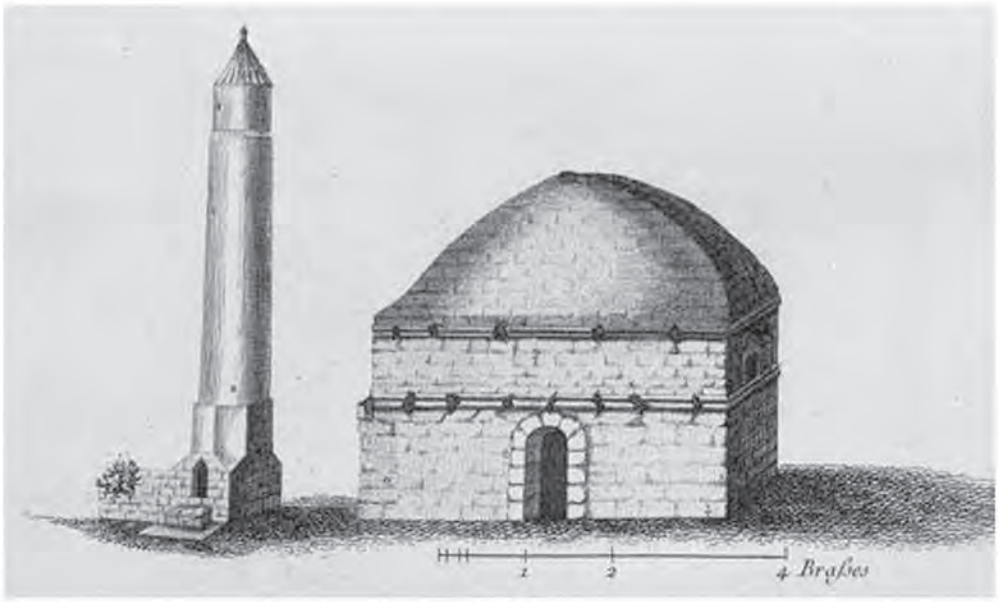

1

2

Рис. 114. Северный мавзолей: 1 – интерьер; 2 – треугольный тромп.
Fig. 114. North Mausoleum: 1 – interior; 2 – triangular trompe.

1

2

Рис. 115. Ханская усыпальница и Малый минарет на рисунках XVIII-XIX вв.:
1 – из сочинений П.С.Палласа 1768 г.; 2 – альбом братьев Н.Г. и Г.Г. Чернецовых. 1838 г.
Fig. 115. Khans' family shrine and the Lesser Minaret from drawings of the 18th – 19th centuries:
1 – from collected works of P.S. Pallas 1768; 2 – album of brothers N.G. and G.G. Chernetsov, 1838.

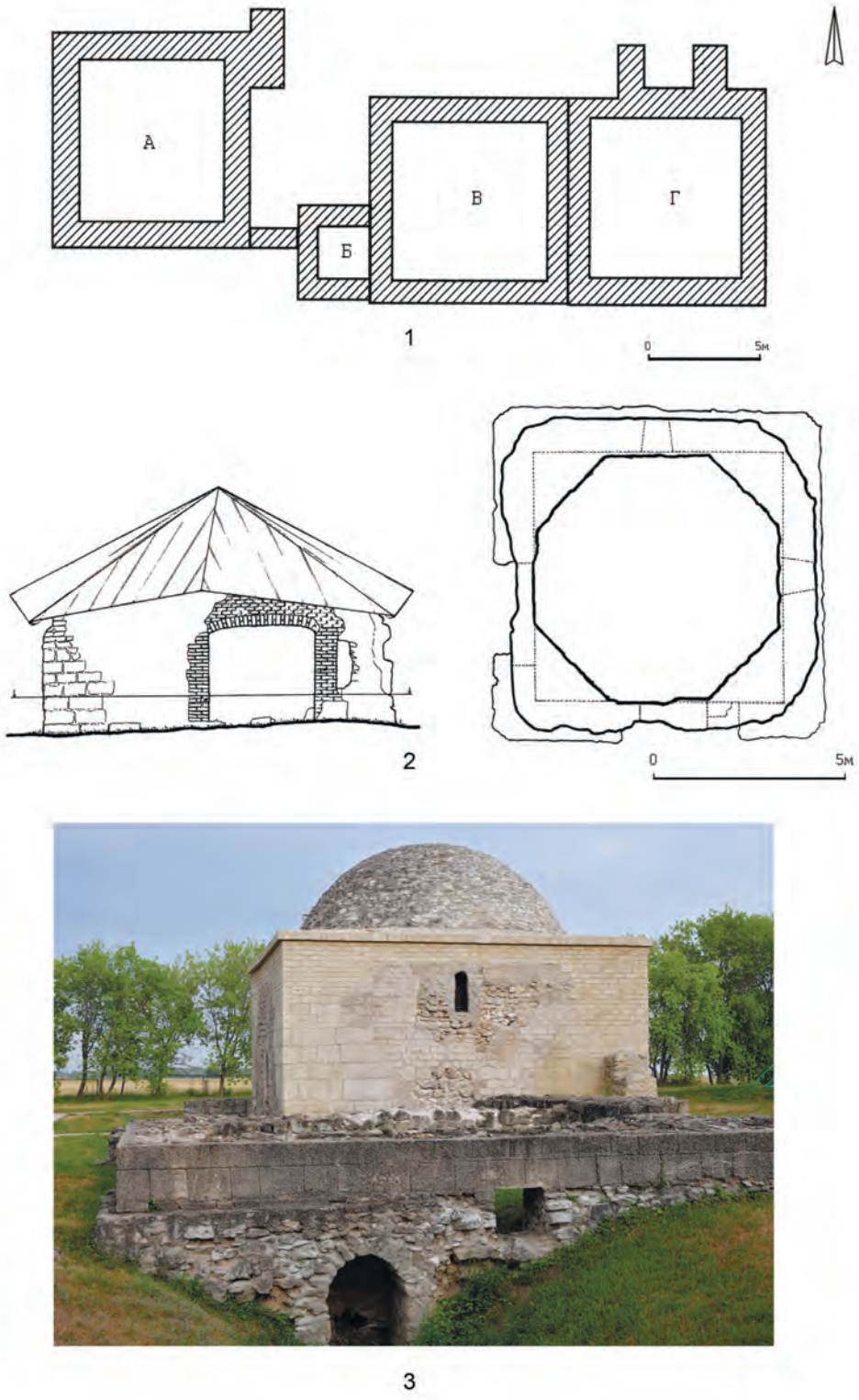

Рис. 116. Комплекс мавзолеев Ханской усыпальницы: 1 – план комплекса (А – Ханская усыпальница; Б – Малый западный мавзолей; В – Восточный мавзолей; Г – Большой западный мавзолей (по Н.Д.Аксеновой); 2 – Ханская усыпальница, архитектурный обмер (по С.С.Айдарову); 3 – современный вид с востока.

Fig. 116. Complex of mausoleums of khans' family shrine: 1 – plan of the complex (А – Khans' family shrine; Б – Lesser West Mausoleum; В – East Mausoleum; Г – Greater West Mausoleum (after N.D. Aksenova); 2 – Khans' family shrine, architectural measurements (after S.S. Aidarov); 3 – contemporary view from the east.

1

2

Рис. 117. Ханская усыпальница: 1 – вид с севера; 2 – интерьер.
Fig. 117. Khans' family shrine: 1 – view from the north; 2 – interior.

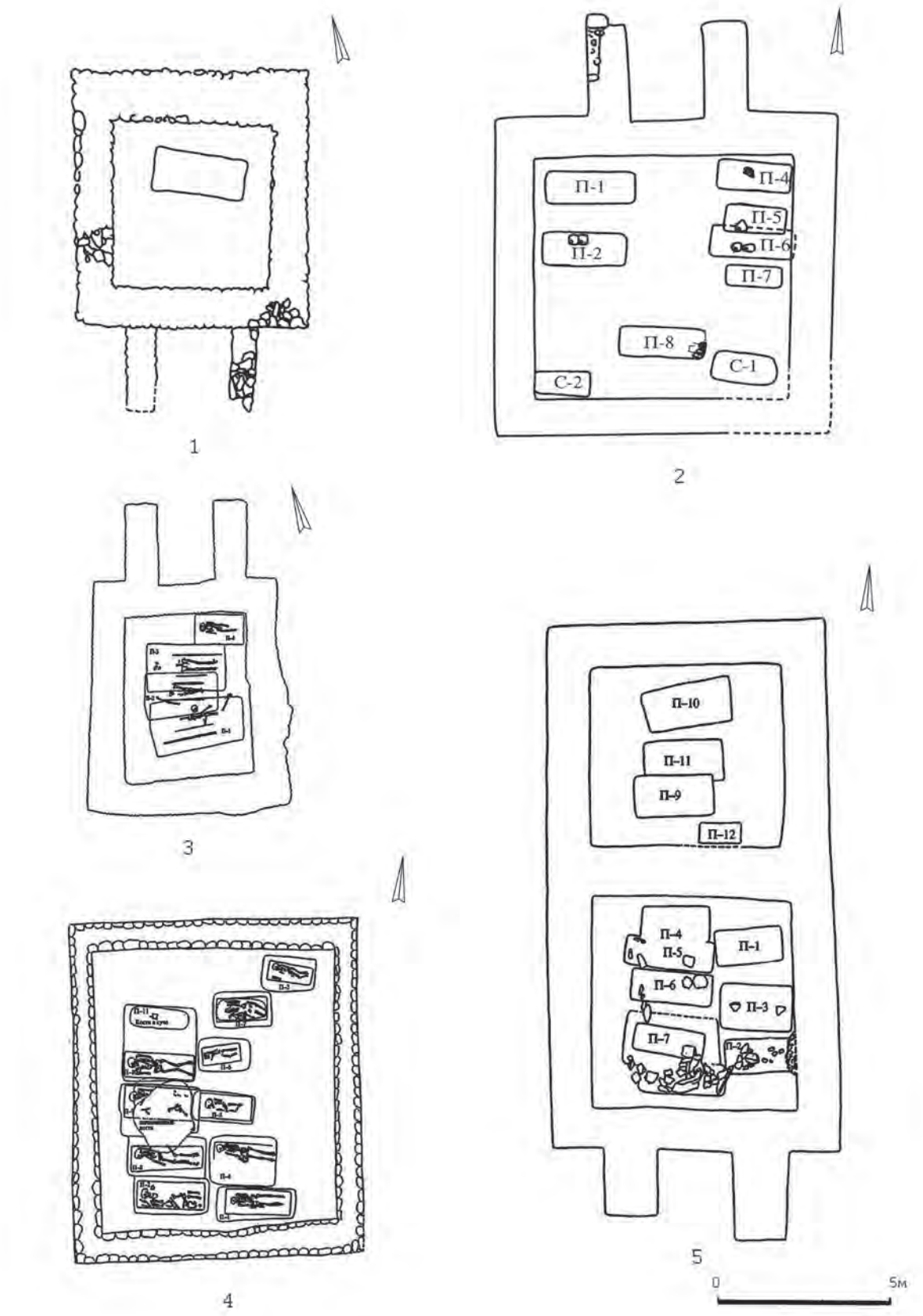

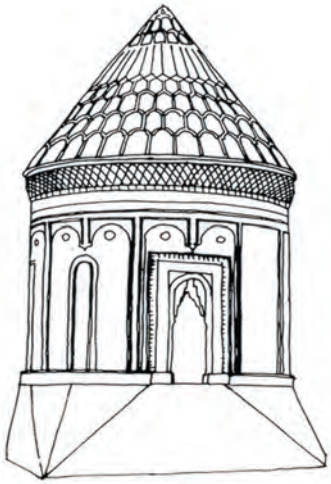
Рис. 118. Мавзолеи в юго-восточной и северо-восточной части городища:
1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – № 4; 5 – № 5 (по Н.Д.Аксеновой).
Fig. 118. Mausoleums in the southeast and northeast parts of the site:
1 – no. 1; 2 – no. 2; 3 – no. 3; 4 – no. 4; 5 – no. 5 (after N.D. Aksenova).

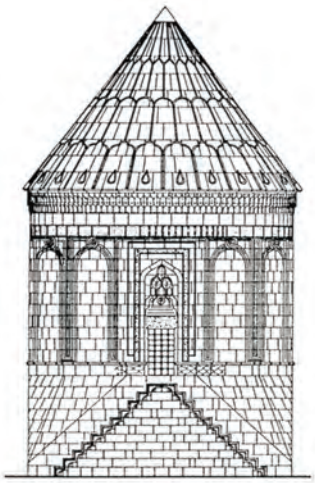
1

2

3

4

5

Рис. 119. Мавзолеи Малой Азии и Азербайджана с квадратным цоколем XII-XIII вв.:
1 – Мелик Гази в Акшехире; 2 – Дёнер Кюмбет в Кайсери; 3 – Улу Кюмбет в Ахлате;
4 – в Гуроймаке ; 5 – Гюлистан у с. Джуга (по Р.Хилленбранду и Л.С.Бретаницкому).

Fig. 119. Mausoleums of Asia Minor and Azerbaijan with a square socle (12th – 13th centuries):
1 – Melik Gazi at Akşehir; 2 – Döner Kümbet at Kayseri; 3 – Ulu Kümbet at Ahlat;
4 – at Guroymak; 5 – Gülistan near the village of Juga (after R. Hillenbrand and L.S. Bretanitsky).

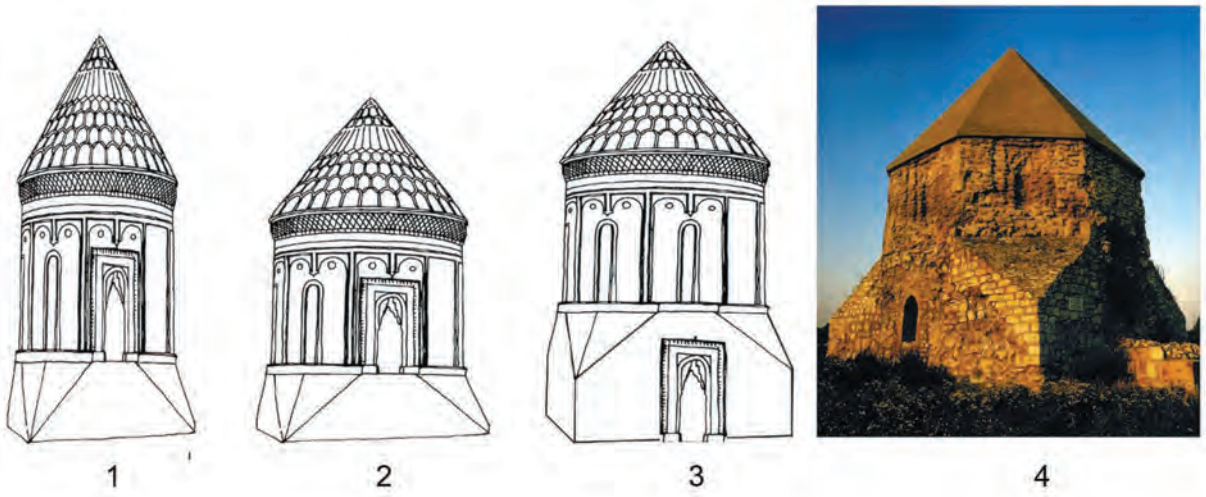

Рис. 120.Схема трансформации малоазийского башенного мавзолея в болгарский:
1 – малоазийский башенный мавзолей; 2,3 – изменение пропорций;
4 – Восточный мавзолей Болгара.
Fig. 120. Scheme of transformation of Anatolian tower mausoleum into that of Bolgar:
1 – Anatolian tower mausoleum; 2,3 – change of proportions; 4 – East Mausoleum at Bolgar.

Рис. 121. Пирамидальные тромпы: 1 – в Ханской усыпальнице; 2 – в Зеленой мечети в Бурсе.
Fig. 121. Pyramidal trompes: 1 – at the Khans' family shrine; 2 – at the Green Mosque at Bursa.

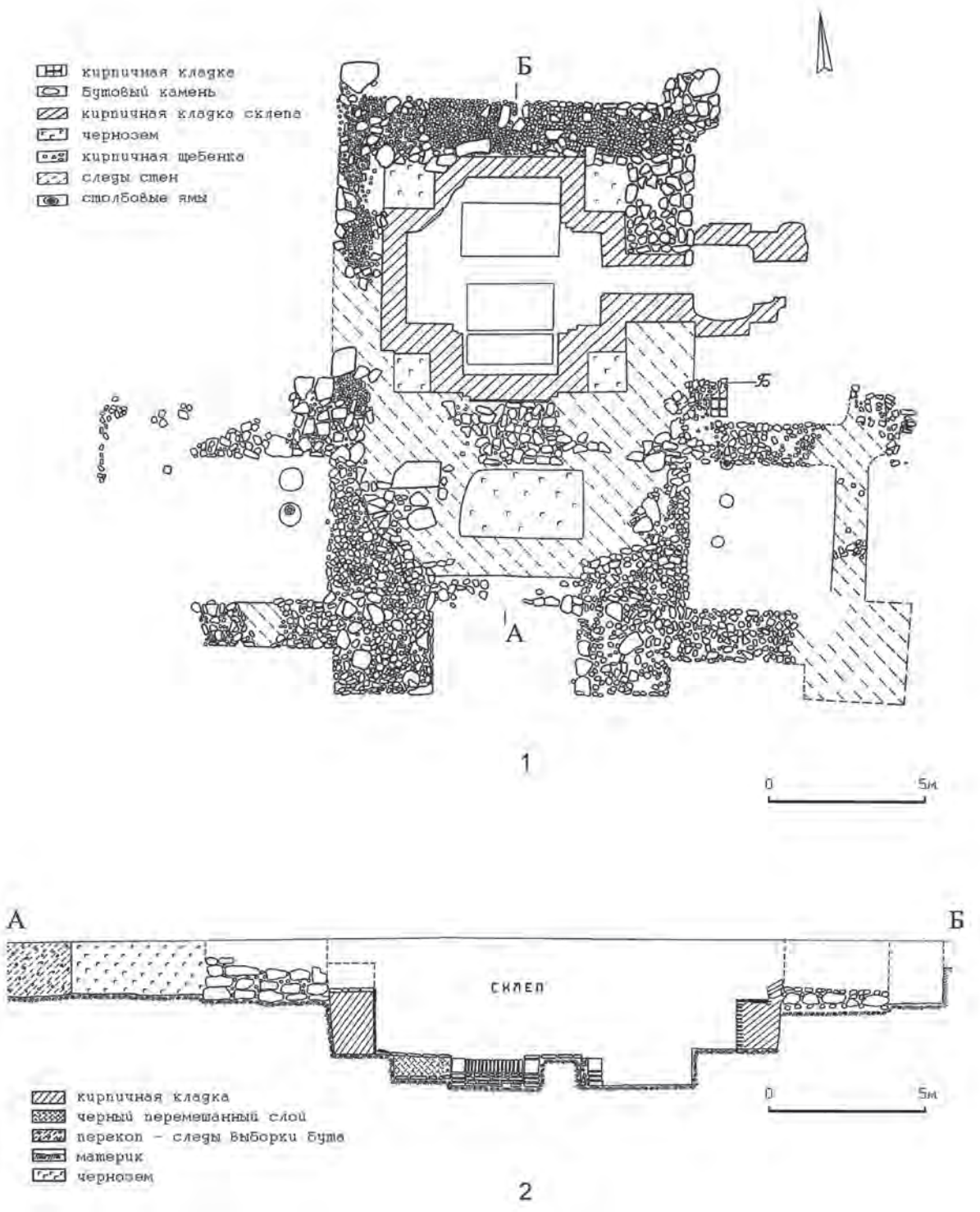

Рис. 122. Мавзолея № 1 в Мохши, общий план (1) и разрез (2) (по А.Е.Алиховой).
Fig. 122. Mausoleum 1 at Mokhshi, general plan (1) and elevation (2) (after A.E. Alikhova).

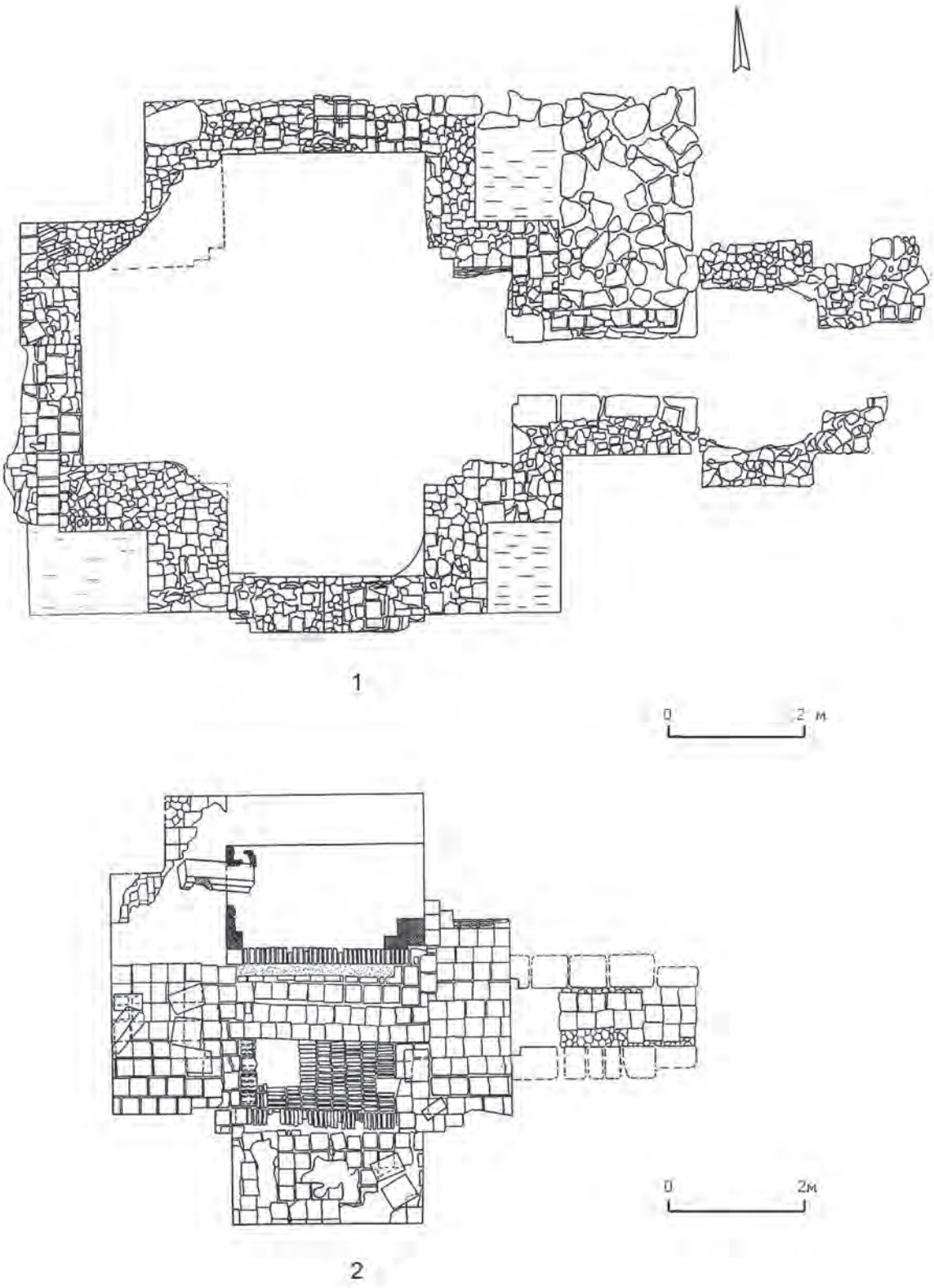

Рис. 123. Склеп мавзолея № 1 в Мохши: 1 – план;
2 – кирпичный пол склепа (по А.Е.Алиховой).
Fig. 123. Crypt of mausoleum 1 at Mokhshi: 1 – plan;
2 – brick floor of the crypt (after A.E. Alikhova).

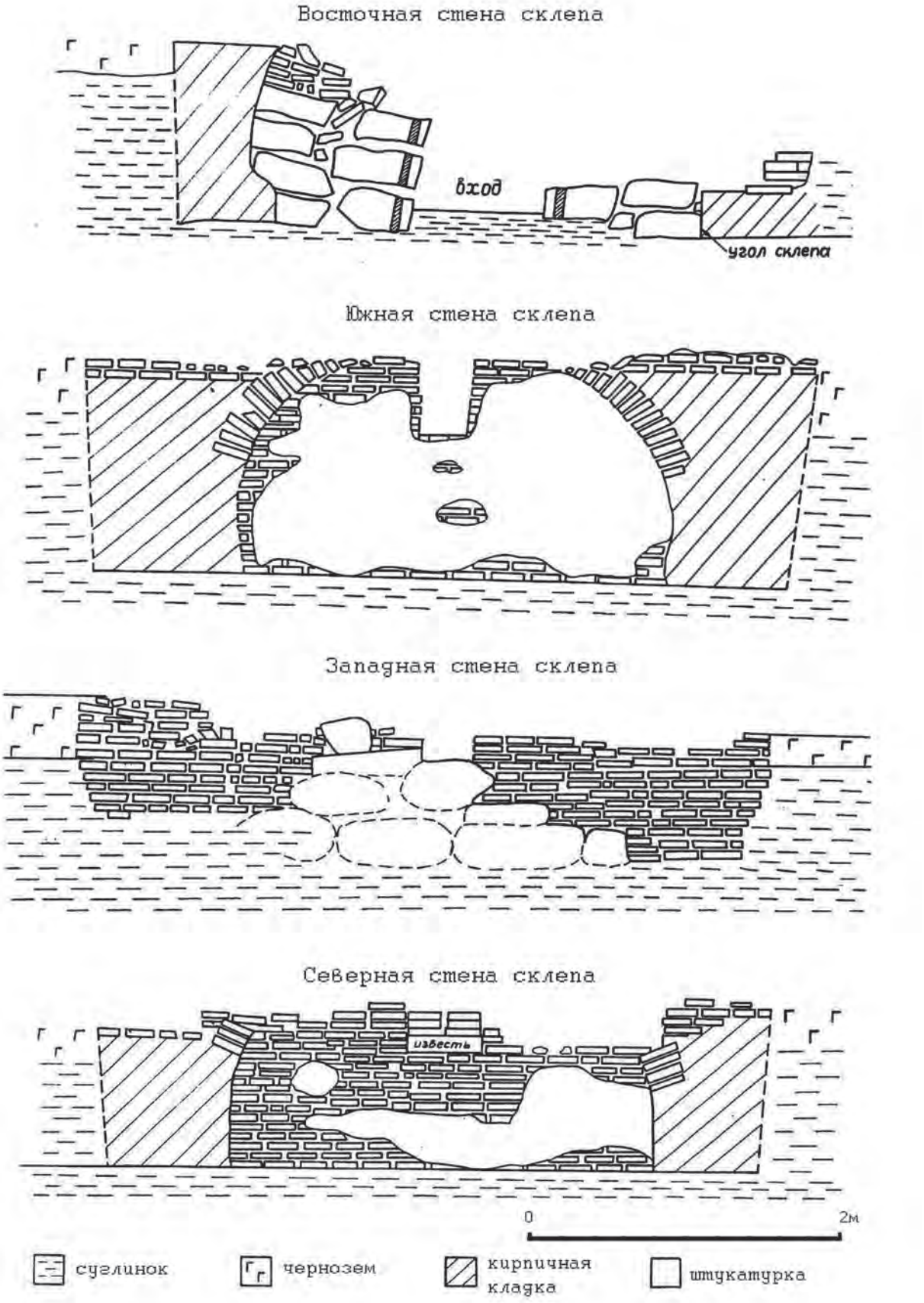

Рис. 124. Мавзолея № 1 в Мохши, разрезы склепа (по А.Е.Алиховой).
Fig. 124. Mausoleum 1 at Mokhshi, sections of the crypt (after A.E. Alikhova).

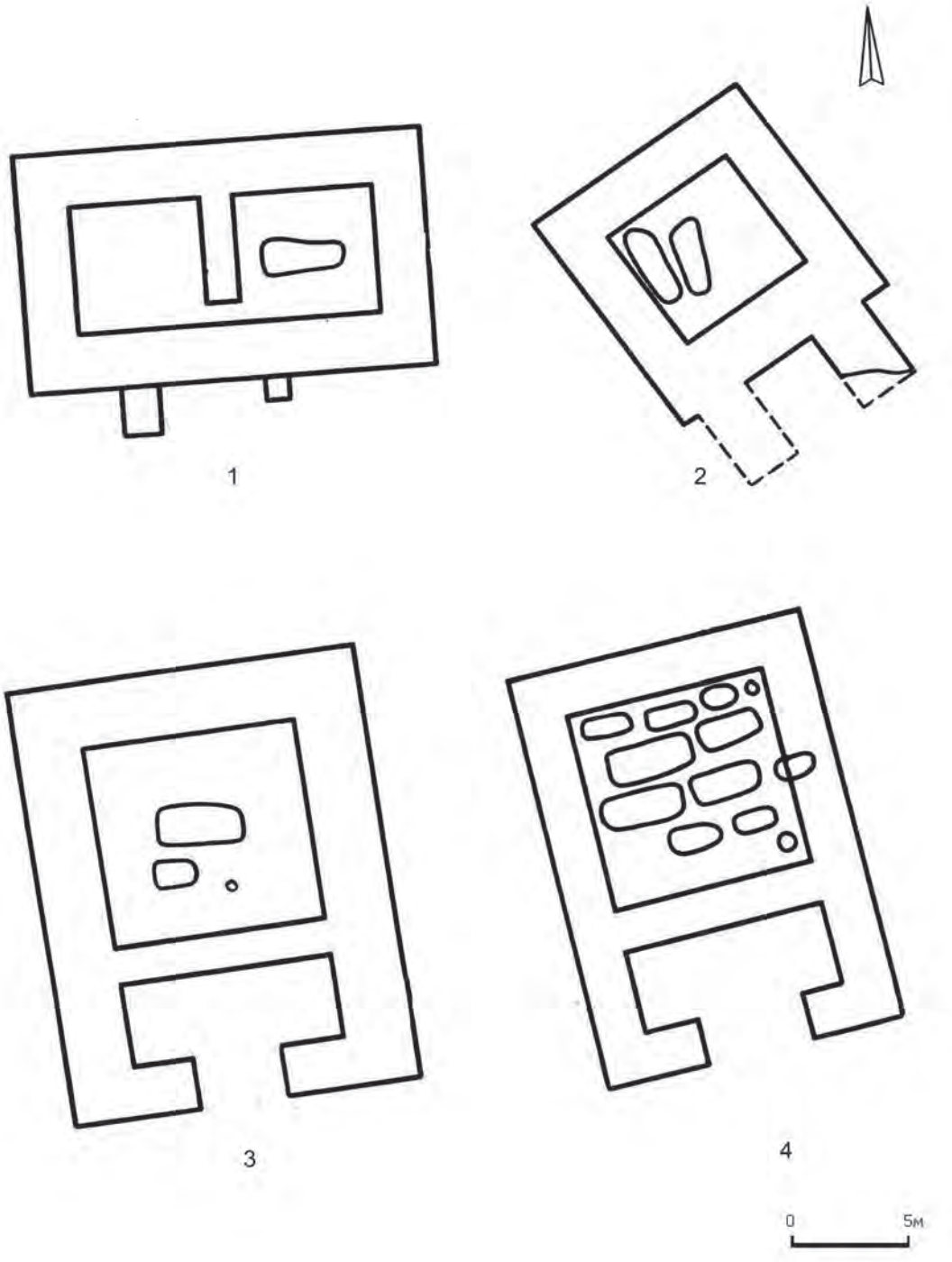

Рис. 125. Мавзолеи в Мохши: 1 – № 2; 2 – № 3; 3 – № 4; 4 – № 5 (по А.Е.Алиховой).
Fig. 125. Mausoleums at Mokhshi: 1 – no. 2; 2 – no. 3; 3 – no. 4; 4 – no. 5 (after A.E. Alikhova).

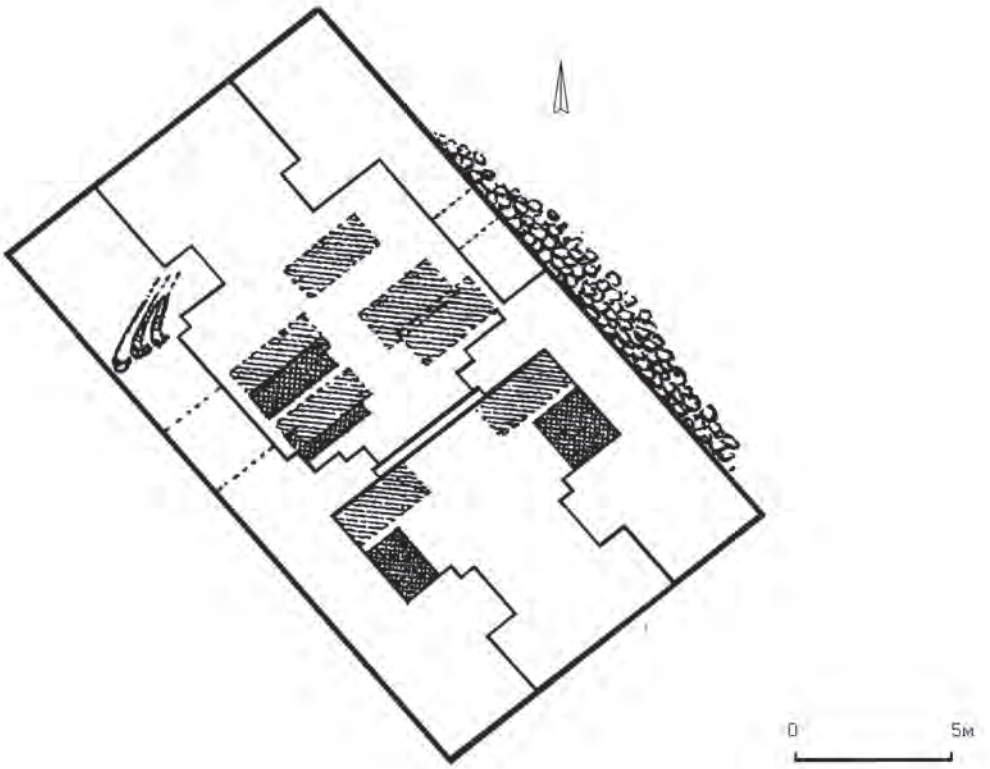

Рис. 126. Мавзолей в Укеке (по Ф.В.Баллоду).
Fig. 126. Mausoleum at Ukek (after F.V. Ballod).

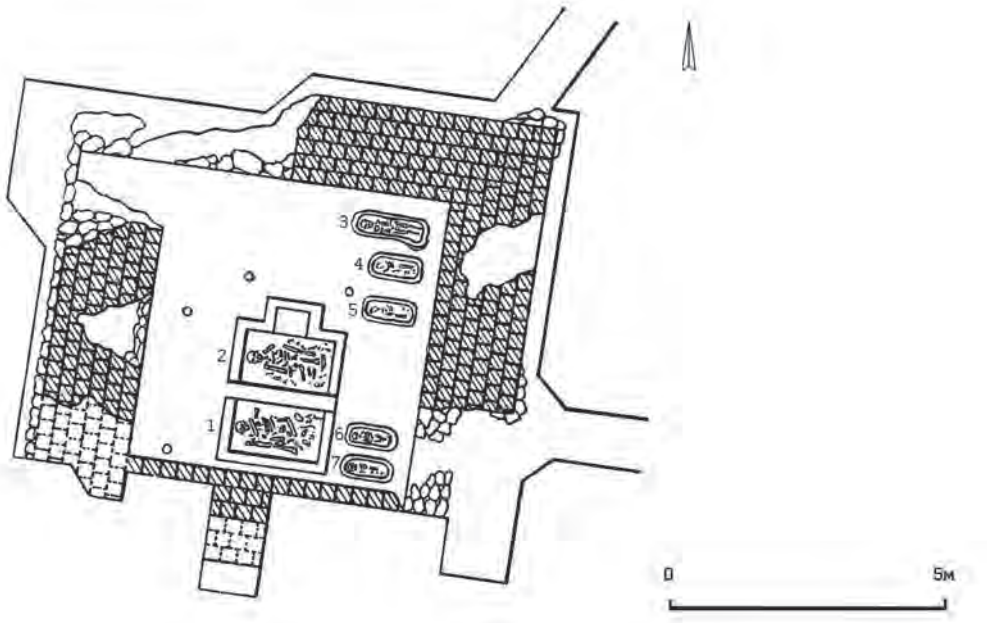

Рис. 127. Мавзолей на Мечетном городище (по Ф.В.Баллоду).
Fig. 127. Mausoleum at the Mechetnoe site (after F.V. Ballod).

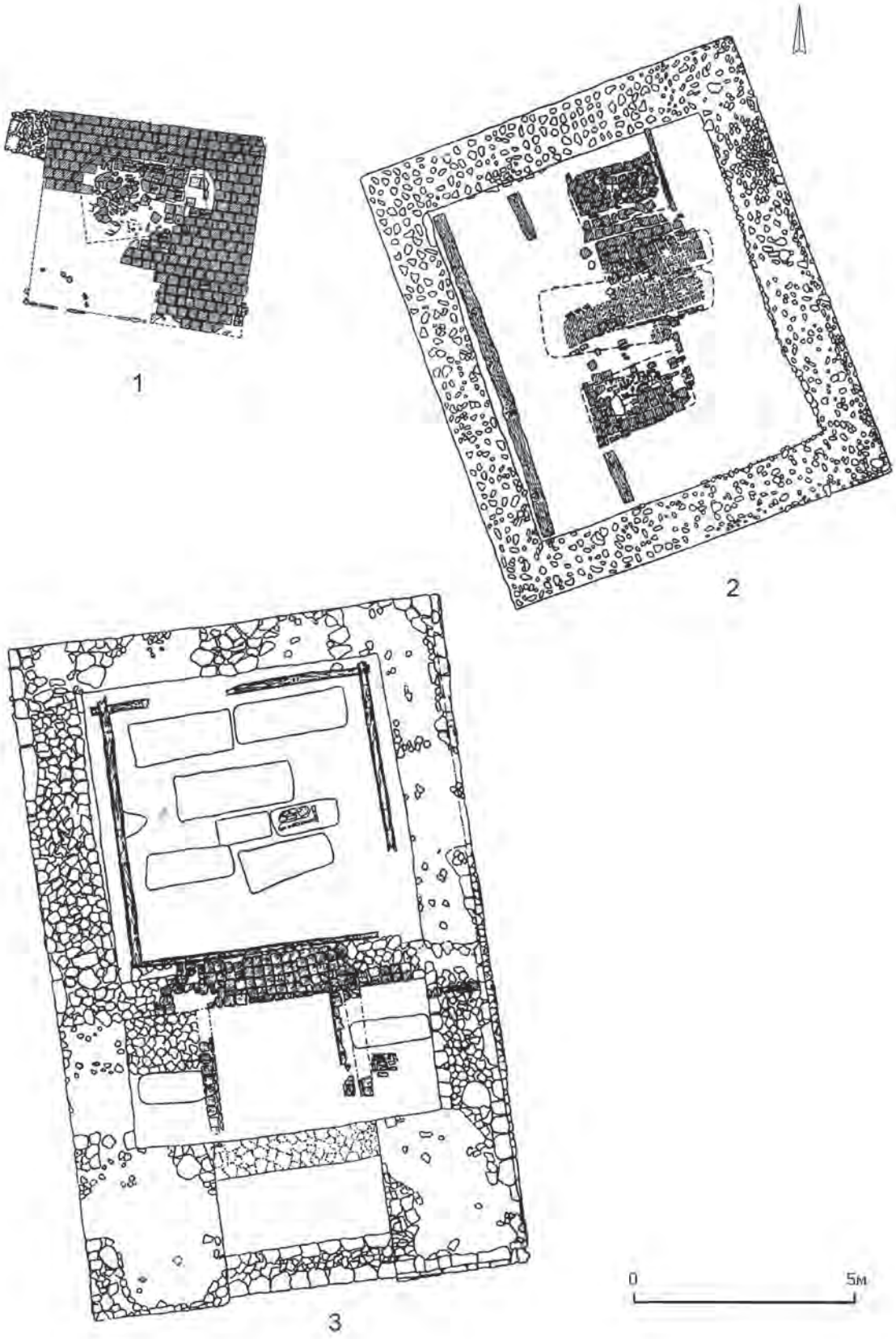

Рис. 128. Мавзолеи Водянского городища: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3 (по В.Л.Егорову).
Fig. 128. Mausoleums at the Vodianskoe site: 1 – no. 1; 2 – no. 2; 3 – no. 3 (after V.L. Egorov).

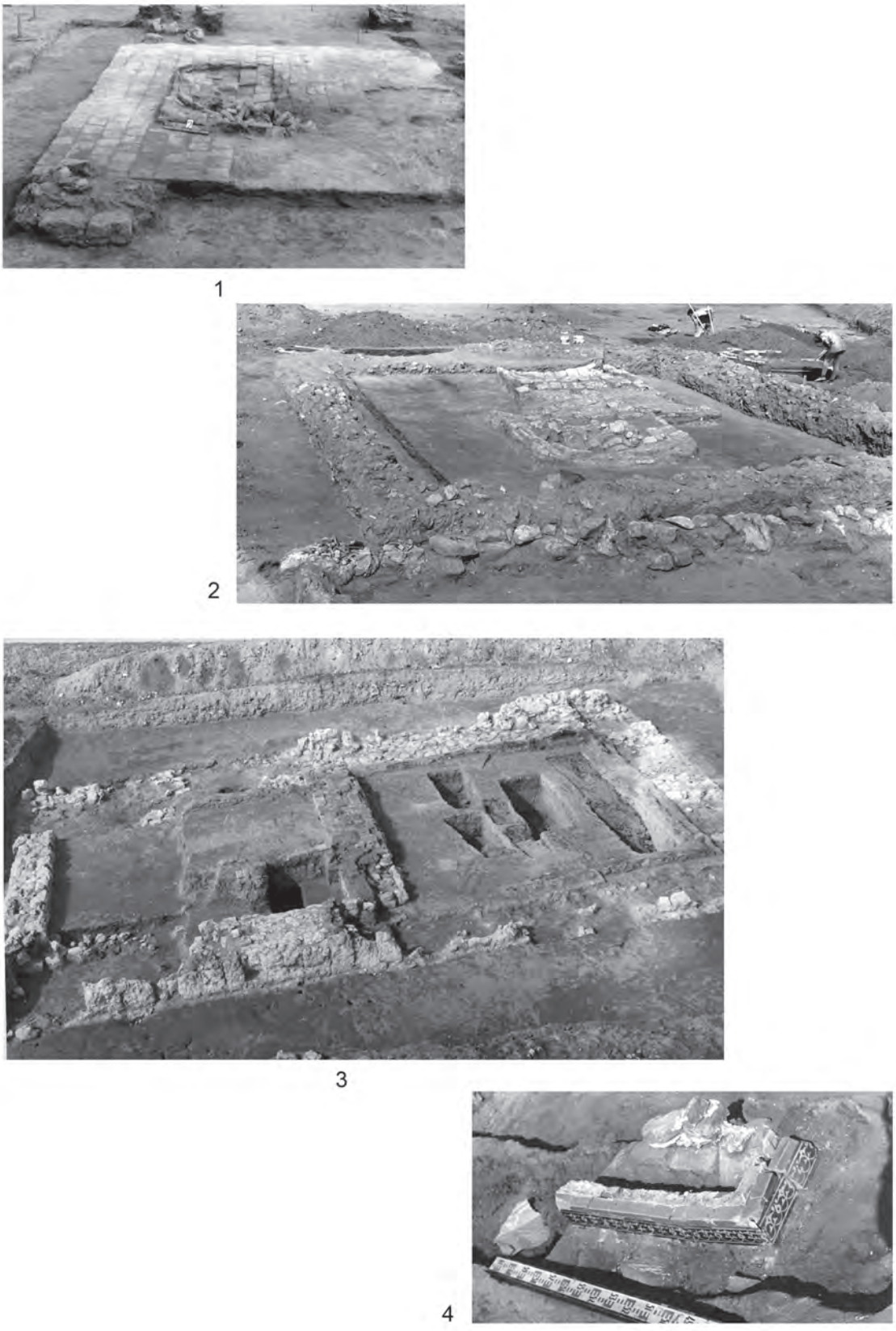

Рис. 129. Мавзолеи Водянского городища: 1 – № 1, вид с запада; 2 – № 2, вид с юга; 3 – № 3, вид с востока; 4 – надгробие в мавзолее № 3.

Fig. 129. Mausoleums at the Vodianskoe site: 1 – no. 1, view from the west; 2 – no. 2, view from the south; 3 – no. 3, view from the east; 4 – tombstone in Mausoleum no. 3.

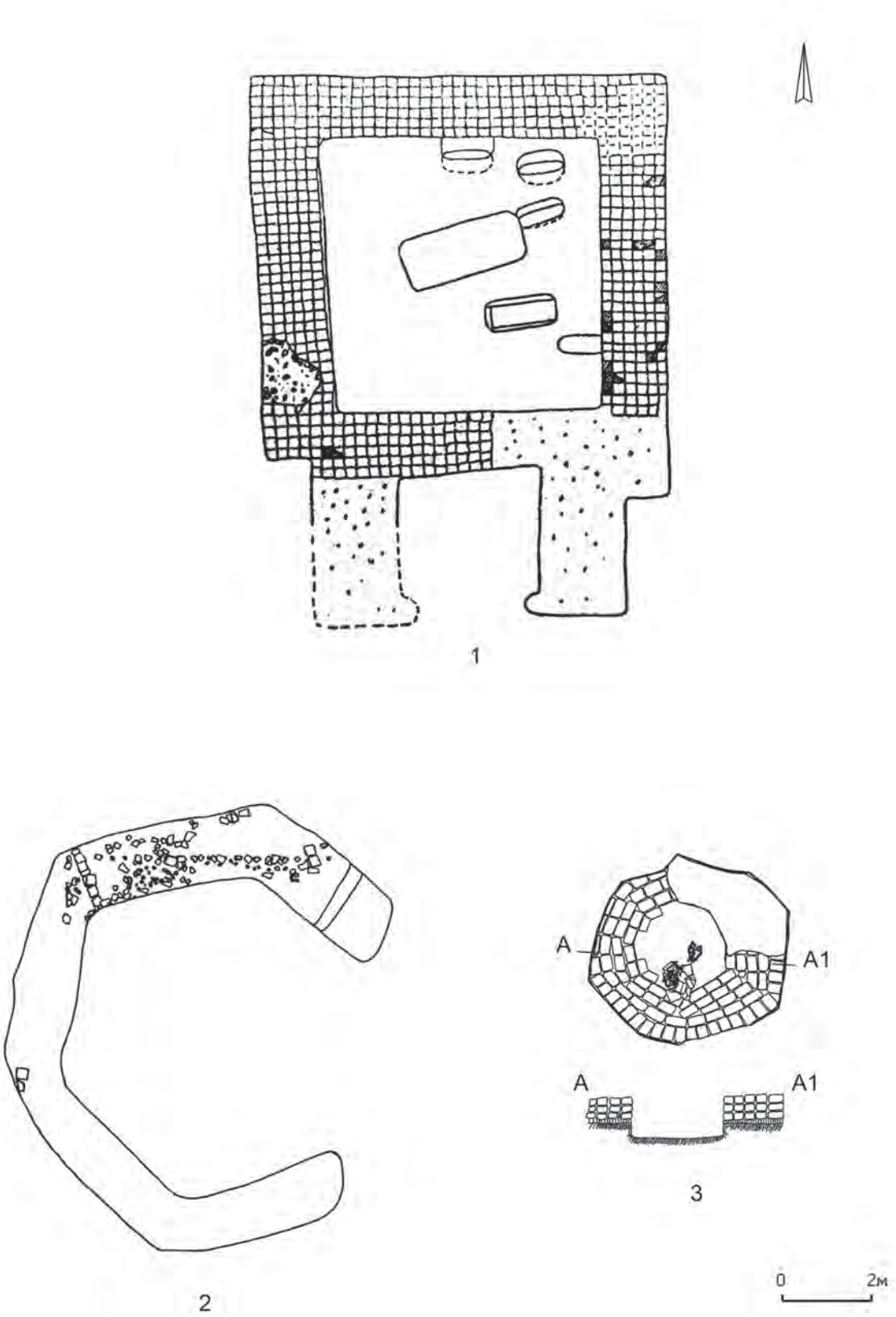

Рис. 130. Мавзолеи Царевского городища и его окрестностей: 1 – д. Бахтияровка (по И.А.Ким); 2 – на юго-западной окраине Царевского городища (по В.Г.Блохину); 3 – у хут. Веселый (по С.В. Демиденко).

Fig. 130. Mausoleums at the Tsarevskoe site and its vicinity: 1 – at the Bakhtiyarovka village (after I.A. Kim); 2 – at the southwest outskirts of the Tsarevskoe site (after V.G. Blokhin); 3 – near the village of Veselyi (after S.V. Demidenko).

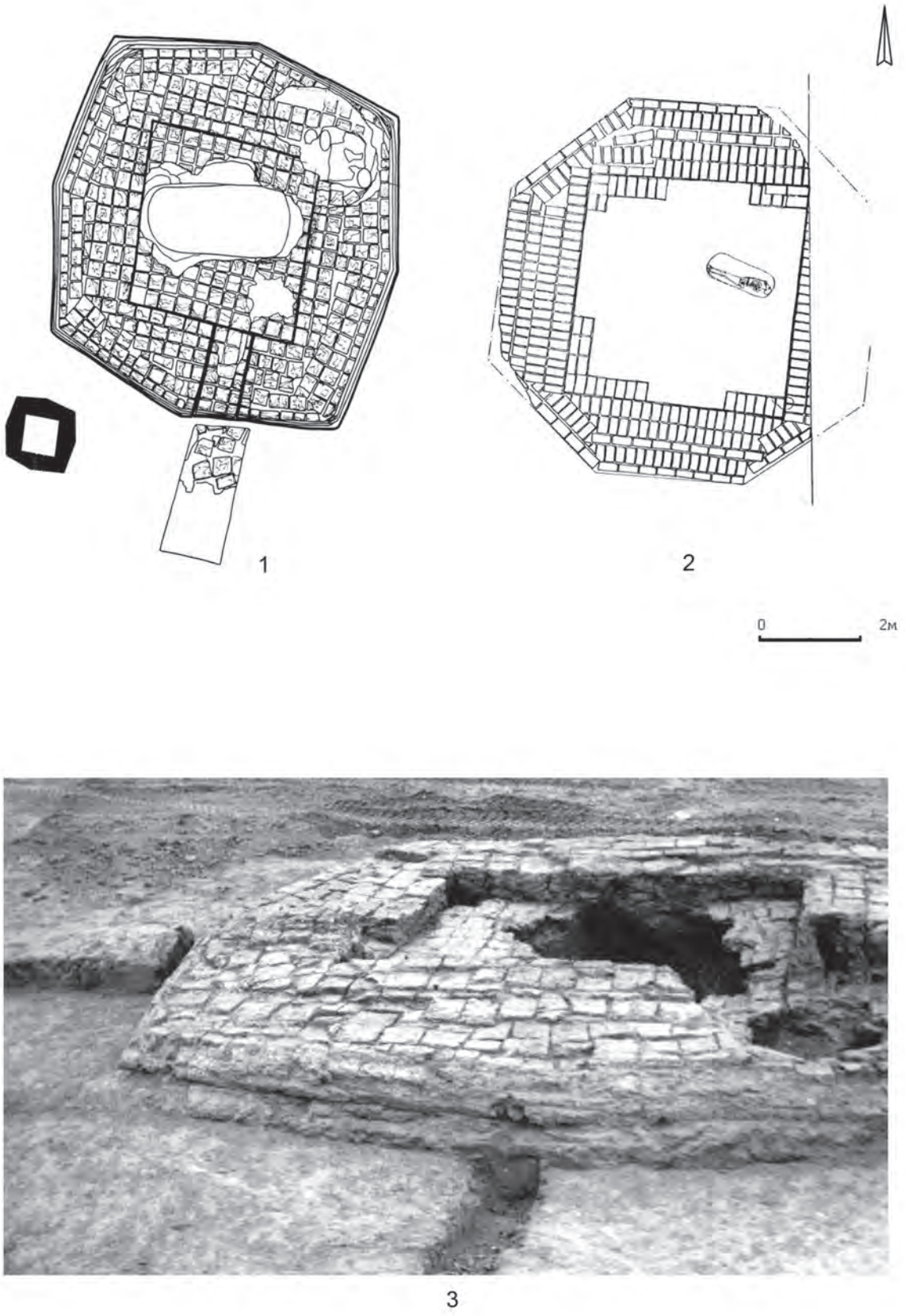

Рис. 131. Мавзолеи на урочище Кривая Лука: 1 – план мавзолея № 1; 2 – план мавзолея № 2 (по В.В.Дворниченко и Э.Д.Зиливинской); 3 – мавзолей № 1, вид с северо-востока.
Fig. 131. Mausoleums at the Krivaia Luka site: 1 – plan of Mausoleum 1; 2 – plan of Mausoleum 2 (after V.V. Dvornichenko and E.D. Zilivinskaya); 3 – Mausoleum 1, view from the northeast.

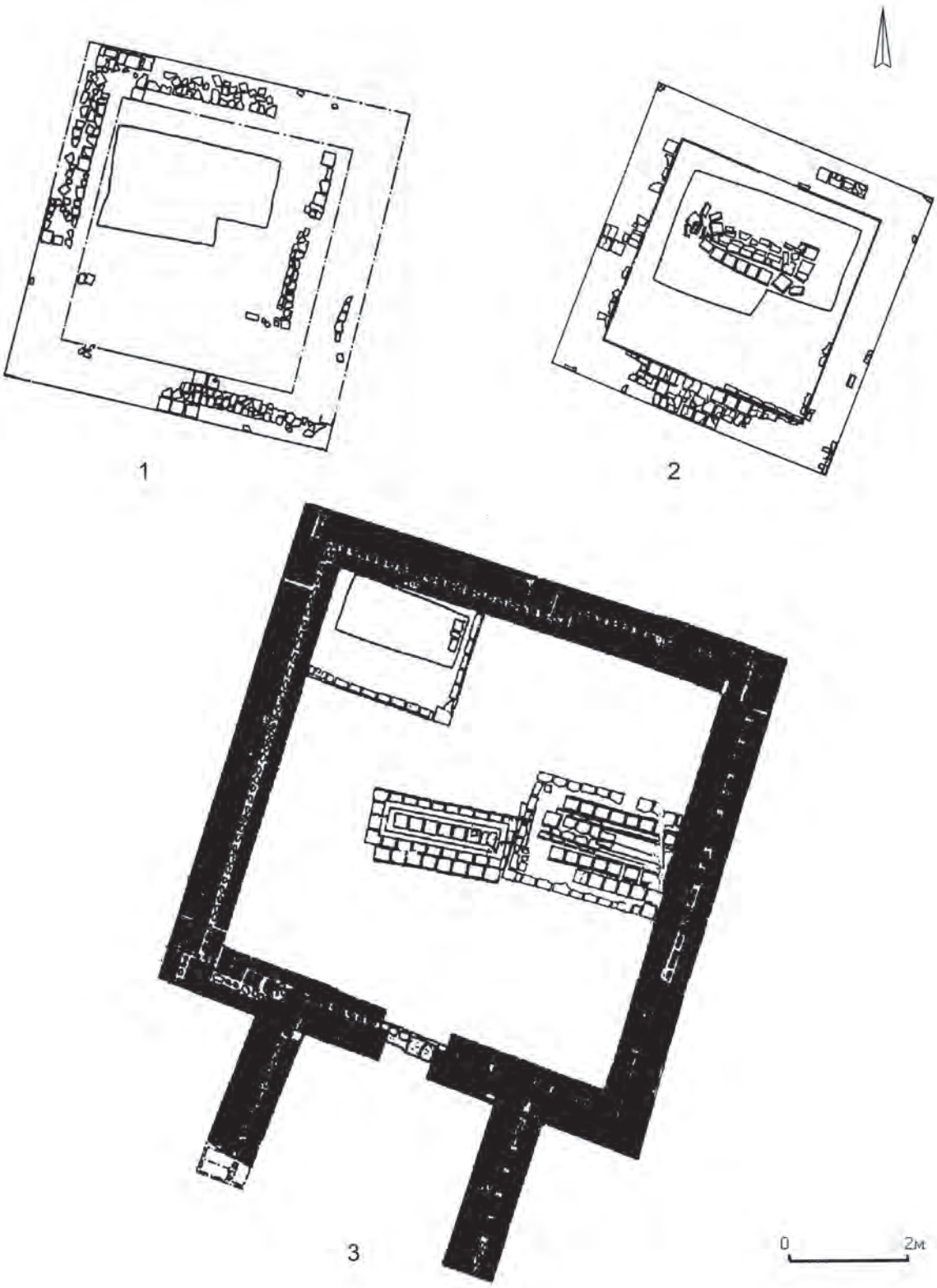

Рис. 132. Мавзолеи Селитренного городища: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3 (по Г.А.Федорову-Давыдову и др.).
Fig. 132. Mausoleums at the Selitrennoe site: 1 – no. 1; 2 – no. 2; 3 – no. 3 (after G.A. Fyodorov-Davydov et al.).

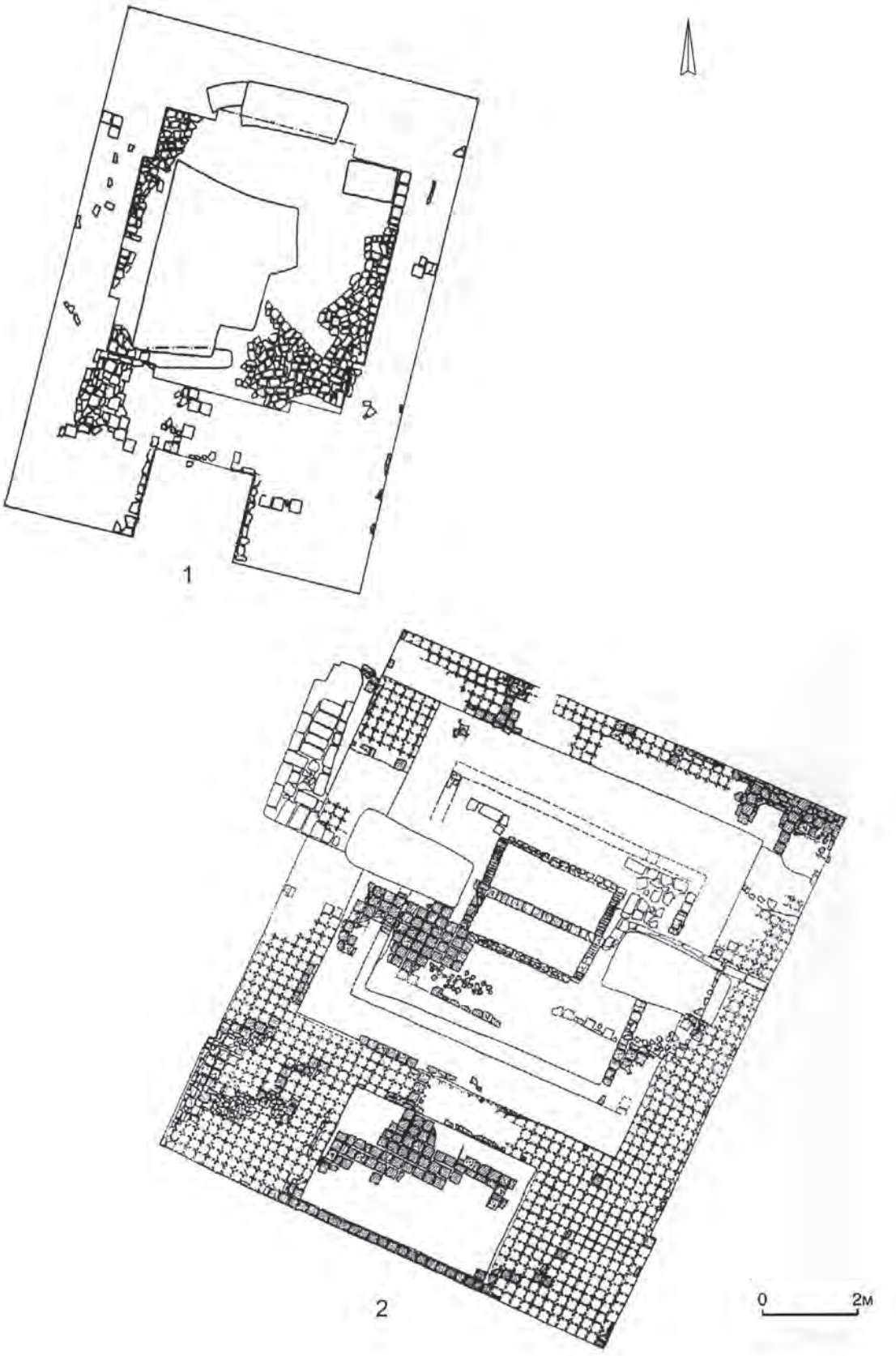

Рис. 133. Мавзолеи Селитренного городища: 1 – № 4;
2 – № 5 (по Г.А.Федорову-Давыдову и др.).
Fig. 133. Mausoleums at the Selitrennoe site: 1 – no. 4;
2 – no. 5 (after G.A. Fyodorov-Davydov et al.).

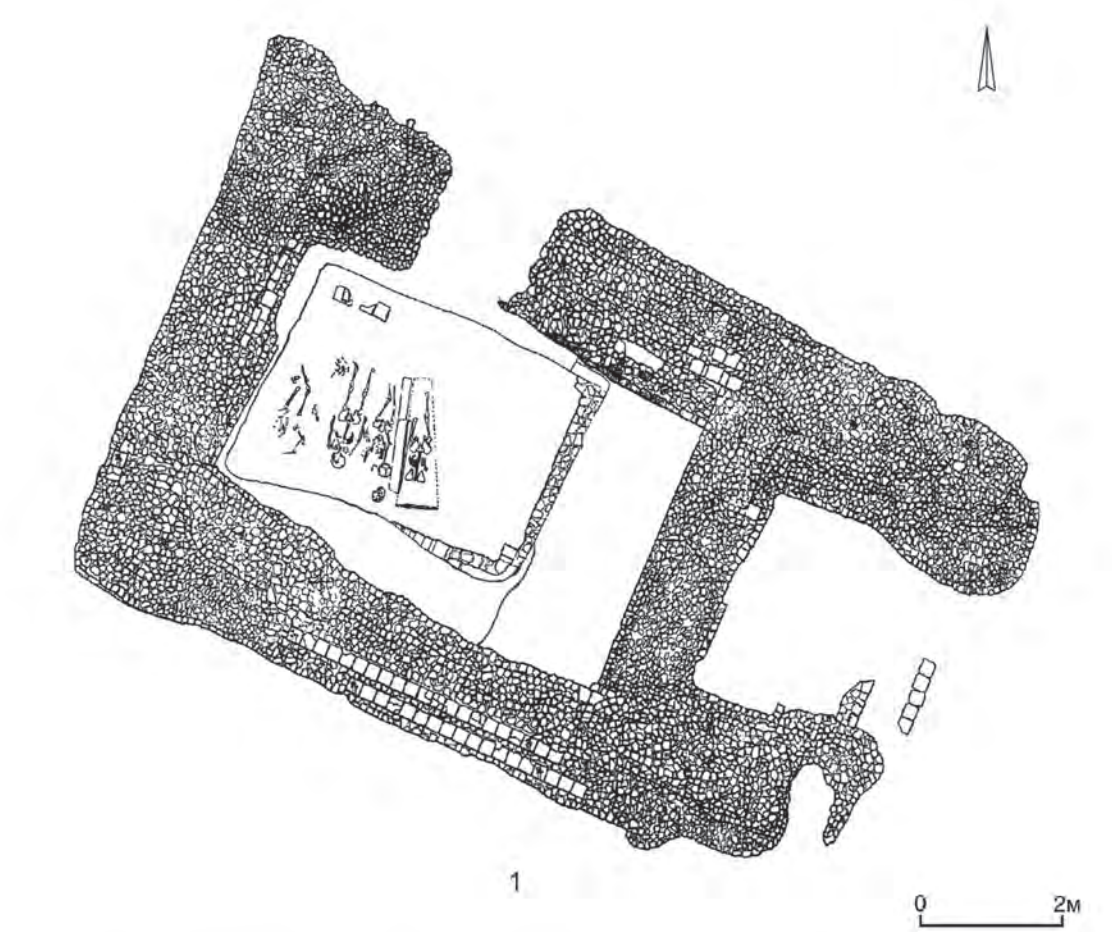

Рис. 134. Мавзолей № 6 Селитренного городища: 1 – план;
2 – вид с юго-востока (по Г.А.Федорову-Давыдову и др.).
Fig. 134. Mausoleum 6 at the Selitrennoe site: 1 – plan;
2 – view from the southeast (after G.A. Fyodorov-Davydov et al.).

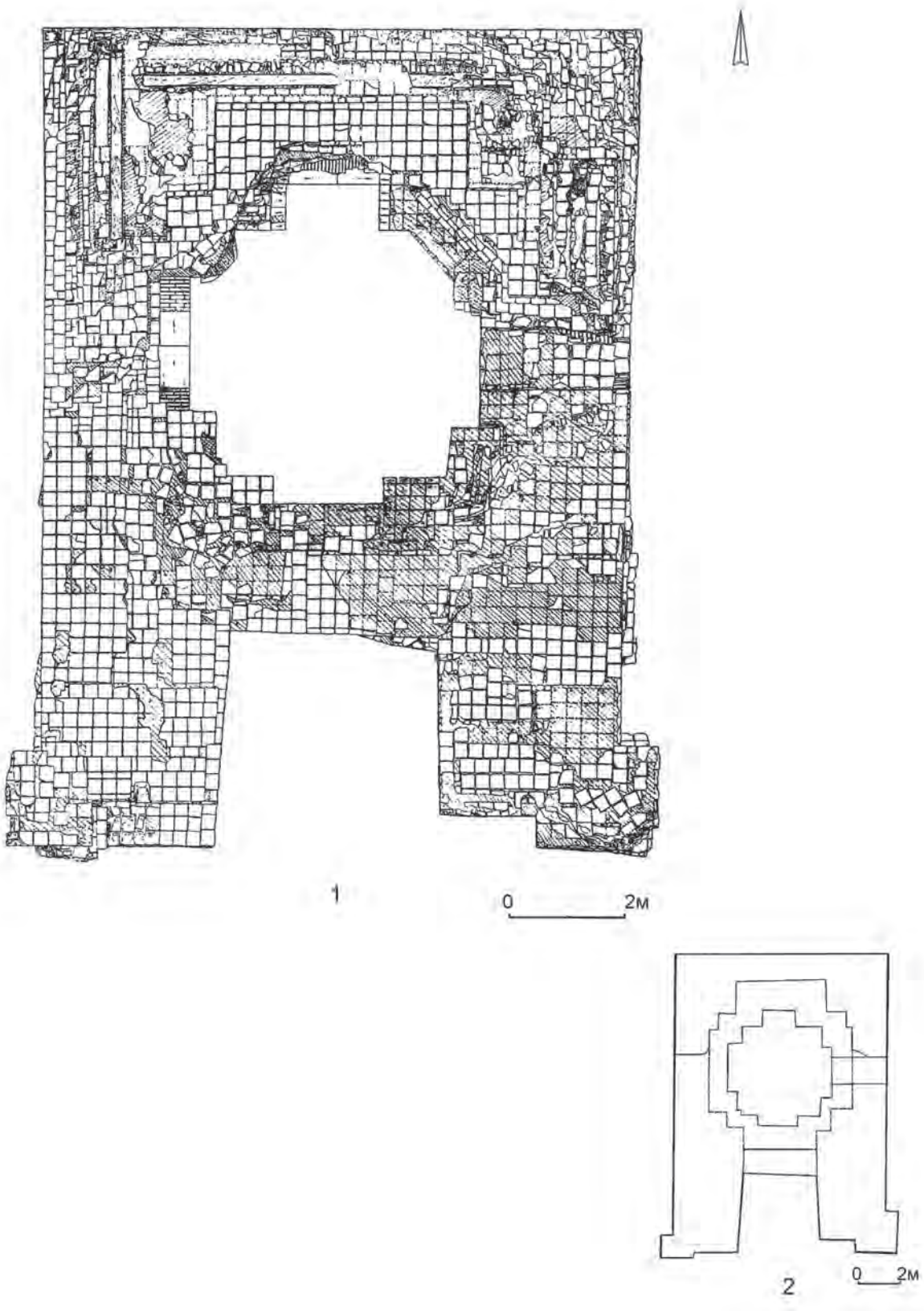

Рис. 135. Мавзолей № 1 у пос. Комсомольский: 1 – общий план (по В.В.Плахову); 2 – схема плана с элементами реконструкции.
Fig. 135. Mausoleum 1 near the Komsomolskii township: 1 – general plan (after V.V. Plakhov); 2 – schematic plan with elements of reconstruction.

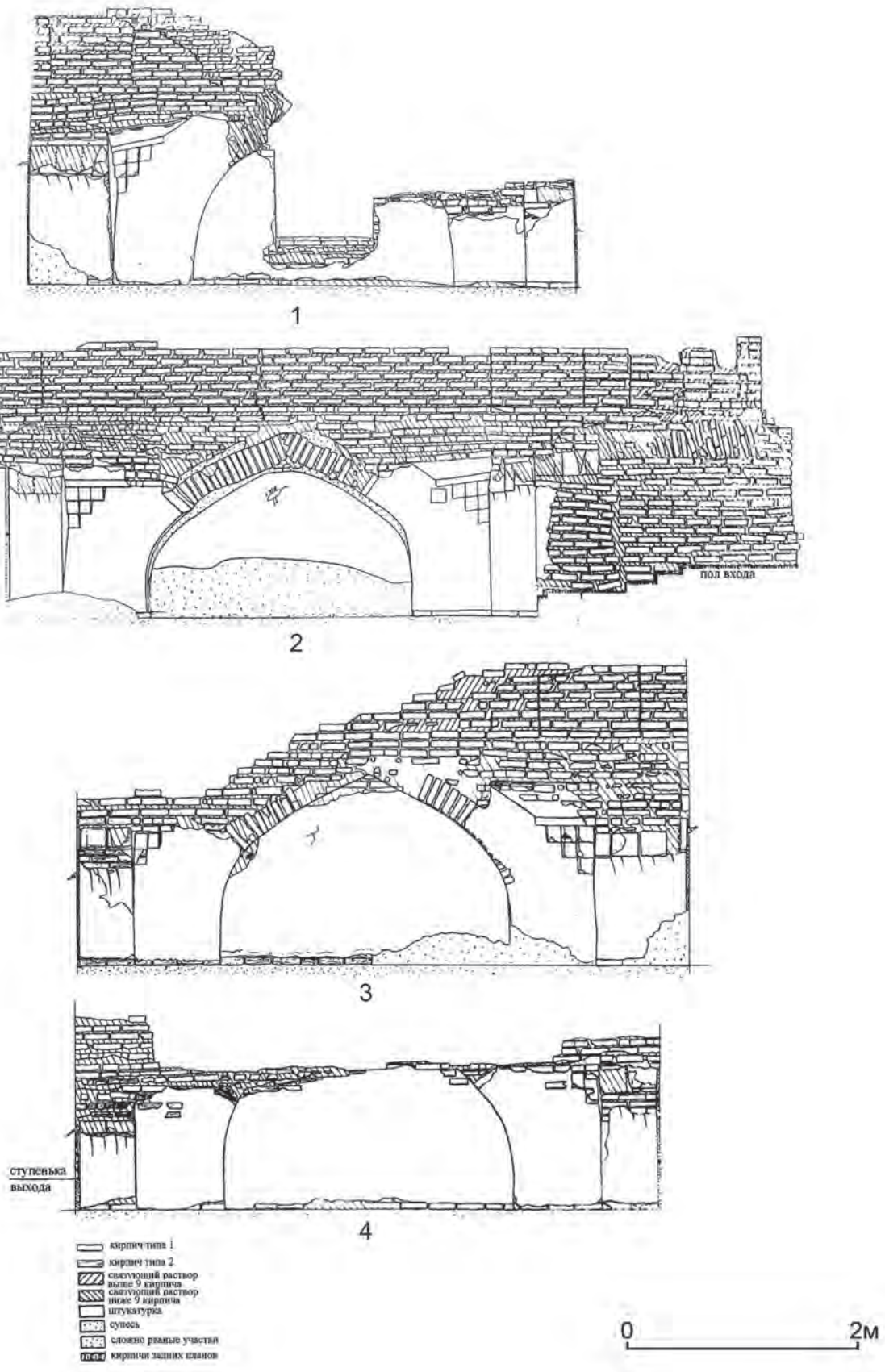

Рис. 136. Мавзолей № 1 у пос. Комсомольский. Виды склепа: 1 – восточная стенка; 2 – северная стенка; 3 – западная стенка; 4 – южная стенка (по В.В.Плахову).
Fig. 136. Mausoleum 1 near the Komsomolskii township. Views of the crypt: 1 – east wall; 2 – north wall; 3 – west wall; 4 – south wall (after V.V. Plakhov).

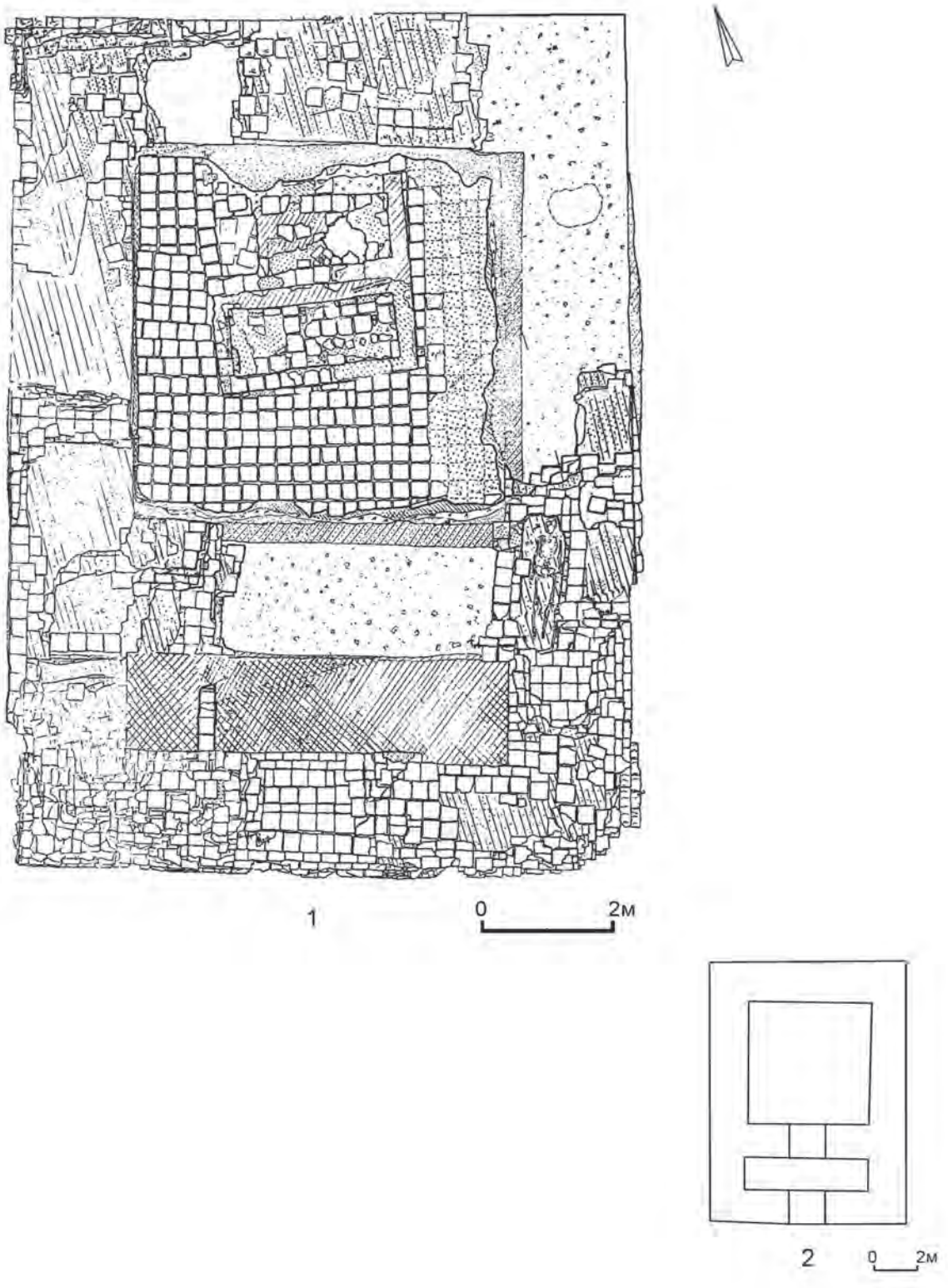

Рис. 137. Мавзолей № 2 у пос. Комсомольский: 1 – общий план;
2 – схема плана с элементами реконструкции (по В.В.Плахову).
Fig. 137. Mausoleum 2 near the Komsomolskii township: 1 – general plan;
2 – schematic plan with elements of reconstruction (after V.V. Plakhov).

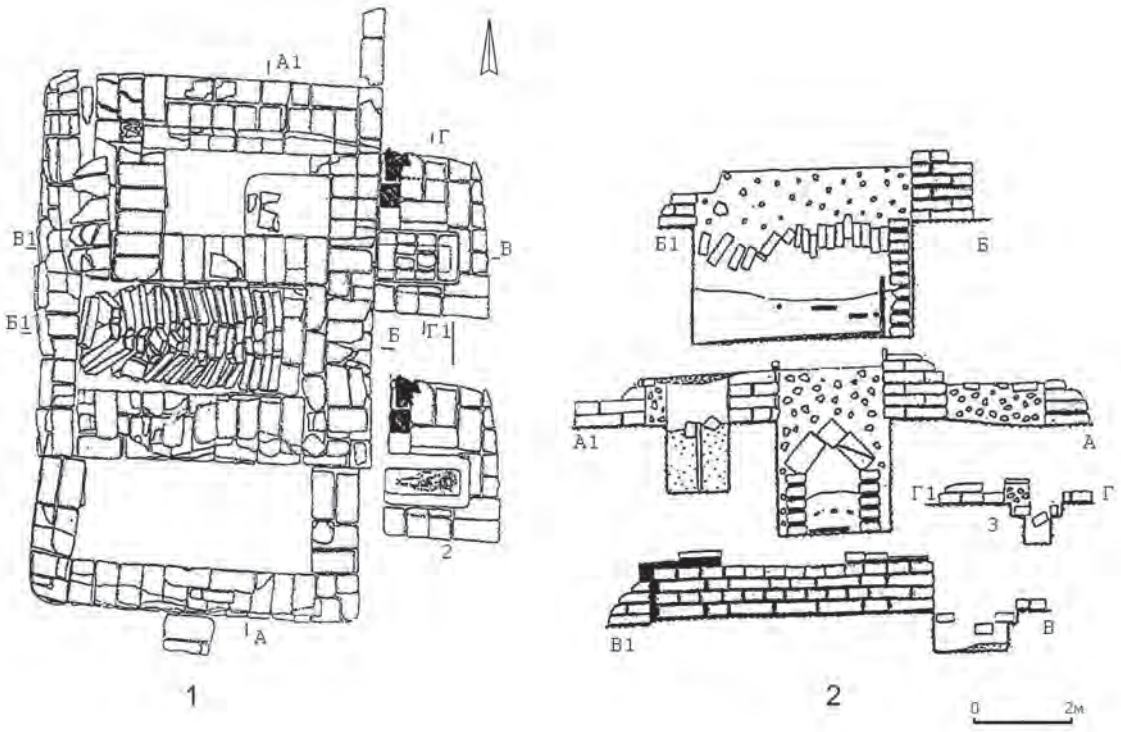

Рис. 138. Надмогильное сооружение на могильнике Маячный бугор (по Д.В.Васильеву).
Fig. 138. Sepulchre at the Maiachnyi Bugor cemetery (after D.V. Vasiliev).

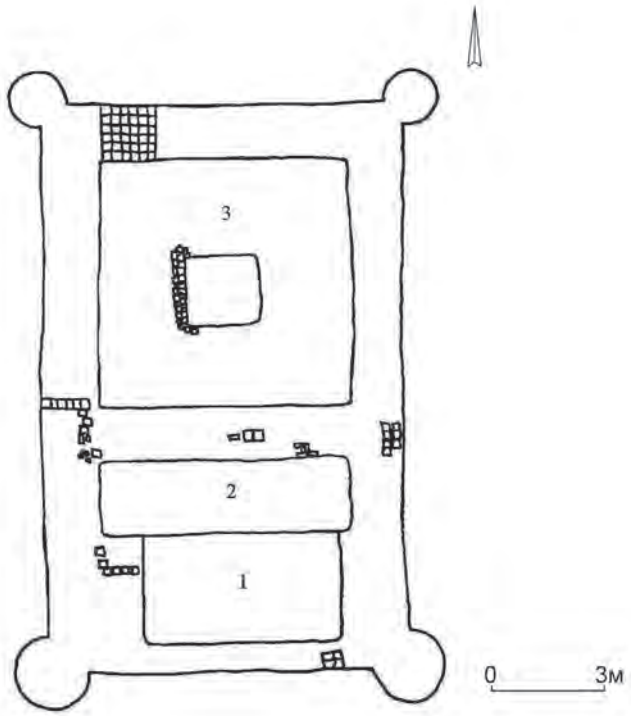

Рис. 139. Мавзолей на могильнике «301 км» (по Е.В.Шнадштейн).
Fig. 139. Mausoleum at the '301st kilometre' cemetery (after E.V. Schnadstein).

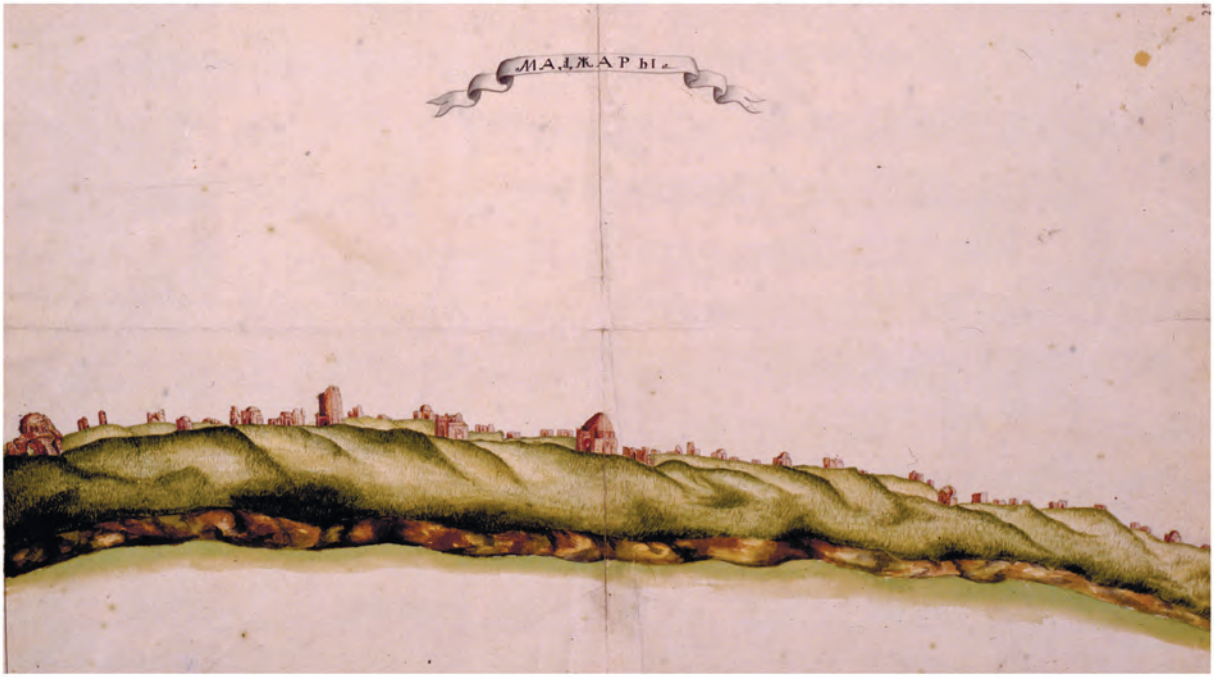

Рис. 140. Рисунок развалин старого города Маджара, находящегося при впадении р. Буйволы в Куму. Автор Мих. Некрасов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760).
Fig. 140. Drawing of 'ruins of the old town of Majar situated where Buivola flows into Kuma'. By M. Nekrasov, 1742 (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760).

Рис. 141. План остатков г. Маджара с ситуацией. Автор А. Голохвостов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 868).
Fig. 141. Plan of ruins of the town of Majar with scenery. By A. Golokhvostov, 1742 (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 868).

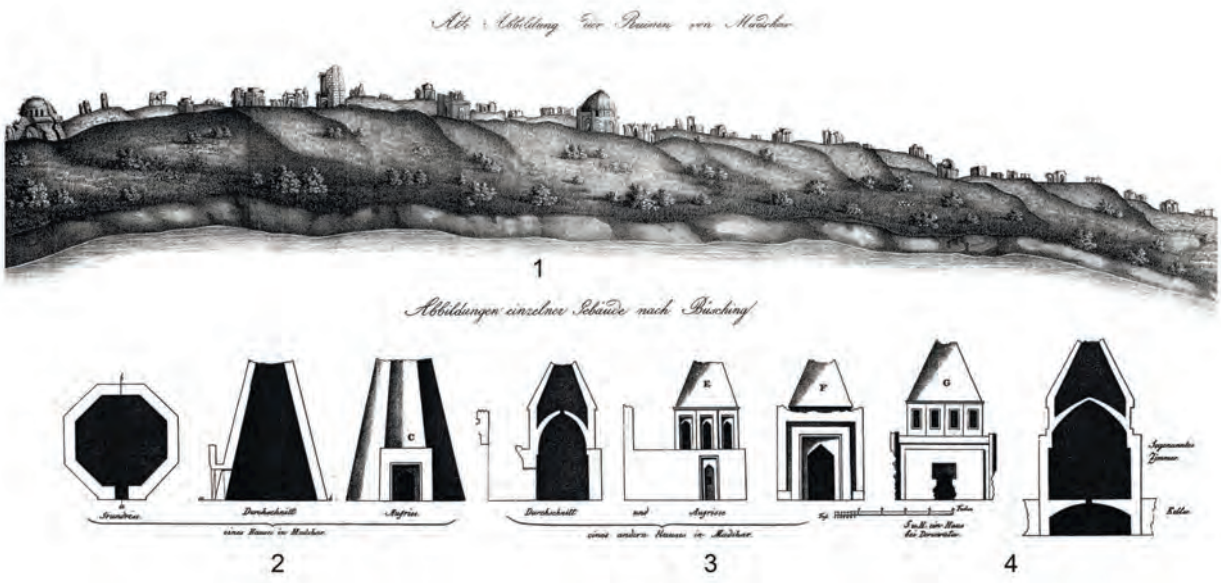

Рис. 142. Гравюра из альманаха А.Ф. Бюшинга 1771 г.:
1 – воспроизведение рисунка М.Некрасова; 2 – пирамидальный мавзолей в Маджаре; 3 – портальный мавзолей с шатровым покрытием в Маджаре; 4 –фасадный мавзолей с шатровым покрытием в местности Дерсовата.
Fig. 142. Etching from A.F. Büsching's almanach of 1771: 1 – reproduction of M. Nekrasov's drawing; 2 – pyramidal mausoleum at Majar; 3 – portal mausoleum with a hip roof at Majar; 4 – façade mausoleum with a hip roof at Dersovat.

Рис. 143. Последние сохранившиеся мавзолеи Маджара по П.С.Палласу.
Fig. 143. Last surviving mausoleums at Majar after P.S. Pallas.

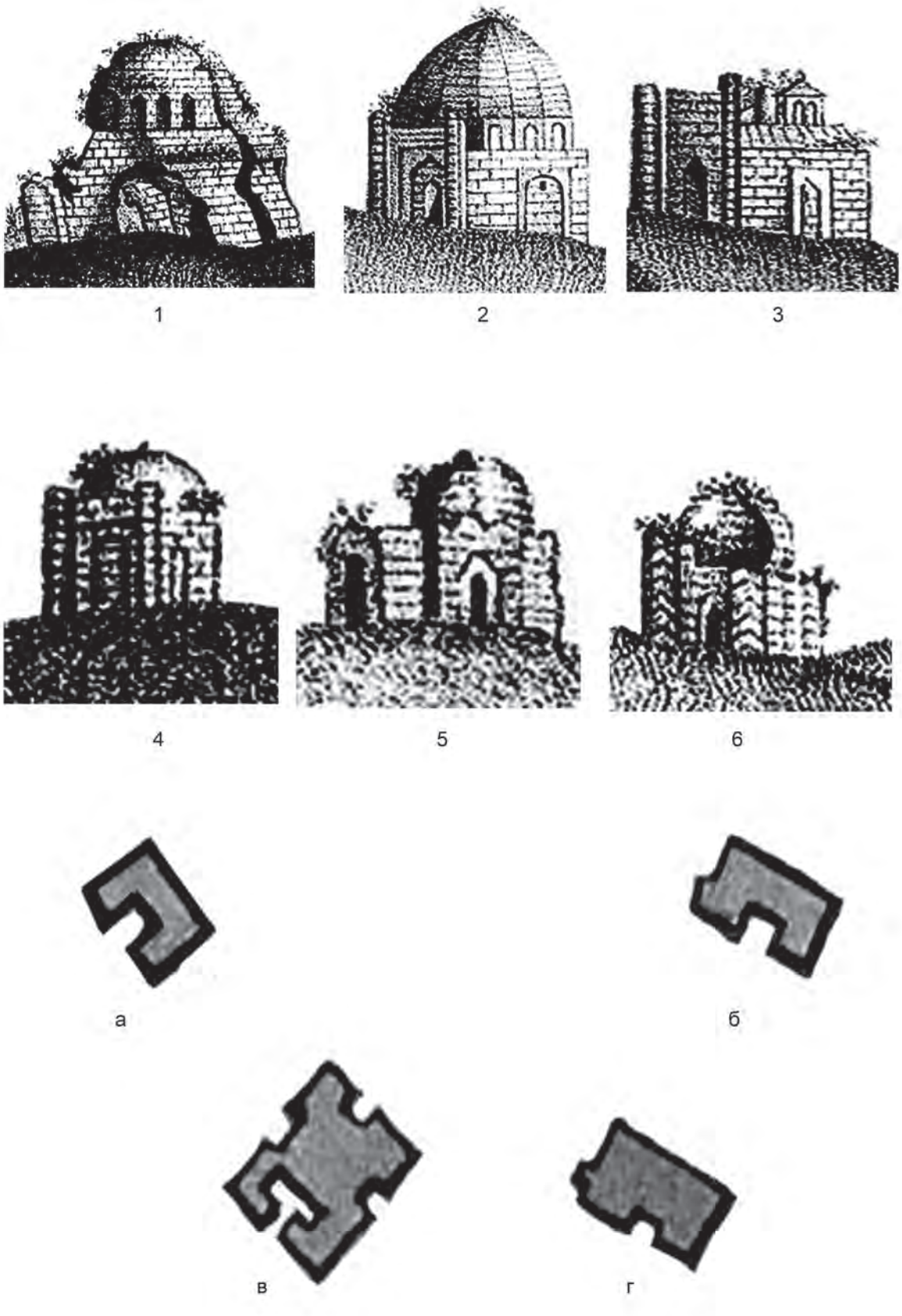

Рис. 144. Портальные мавзолеи Маджара: 1-6 – на рисунке М.Некрасова; а-г – на плане А.Голохвостова.
Fig. 144. Portal mausoleums at Majar: 1-6 – drawing by M. Nekrasov; а-г – plan by A. Golokhvostov.

Рис. 145. Мавзолей в Маджаре на гравюре П.С.Палласа.
Fig. 145. Mausoleum at Majar on the etching of P.S. Pallas.

Рис. 146. Мавзолей в Маджаре на гравюре П.С.Палласа.
Fig. 146. Mausoleum at Majar on the etching of P.S. Pallas.

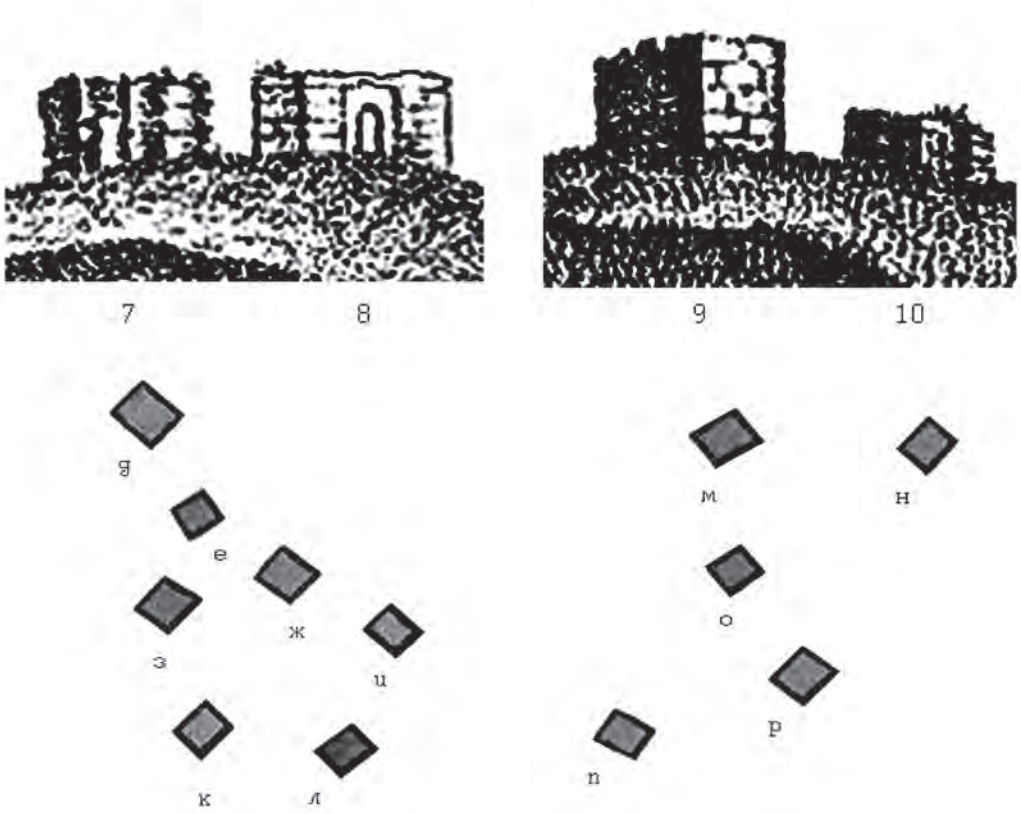

Рис. 147. Фасадные мавзолеи Маджара: 7-10 – на рисунке М.Некрасова; д-р – на плане А.Голохвостова.
Fig. 147. Façade mausoleums at Majar: 7-10 – drawing by M. Nekrasov; д-р – plan by A. Golokhvostov.

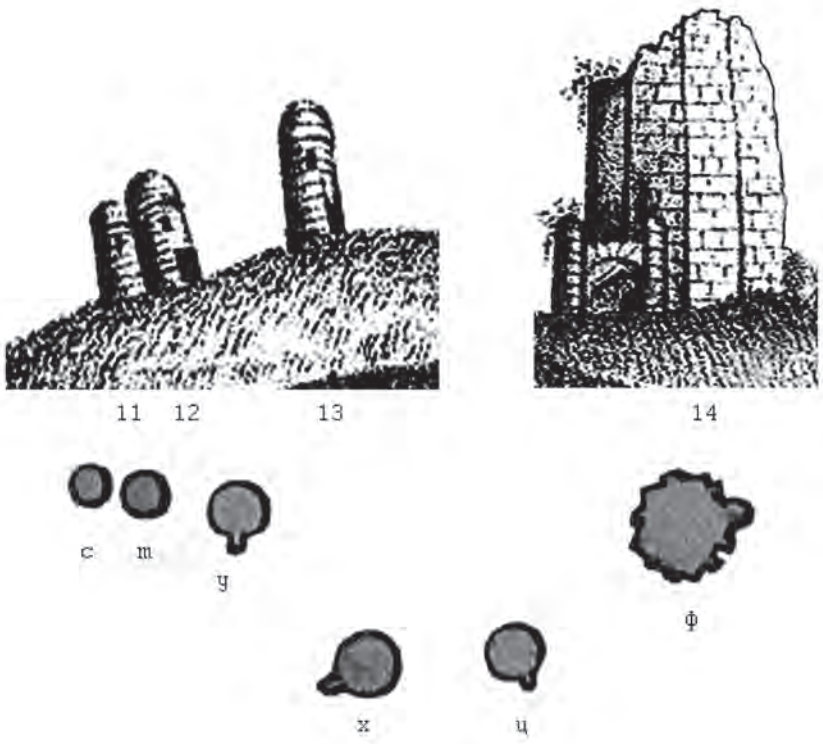

Рис. 148. Башенные мавзолеи Маджара: 11-14 – на рисунке М.Некрасова; с-ц – на плане А.Голохвостова.
Fig. 148. Tower mausoleums at Majar: 11-14 – drawing by M. Nekrasov; с-ц – plan by A. Golokhvostov.

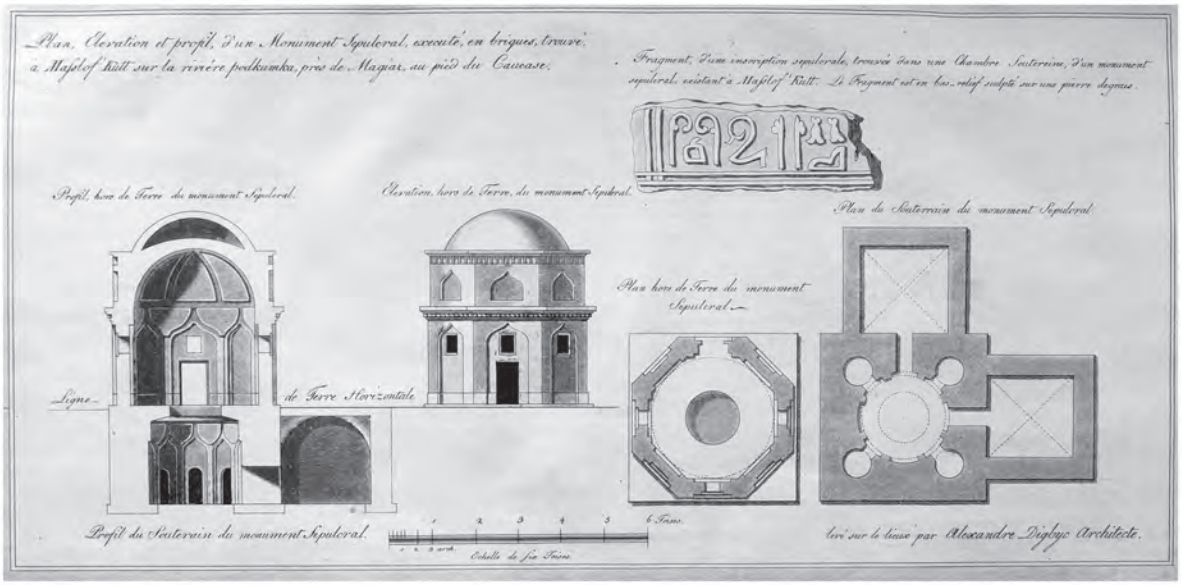

Рис. 149. Башенный мавзолей в селе Маслов Кут по П.С.Палласу.
Fig. 149. Tower mausoleum at the Maslov Kut village after P.S. Pallas.

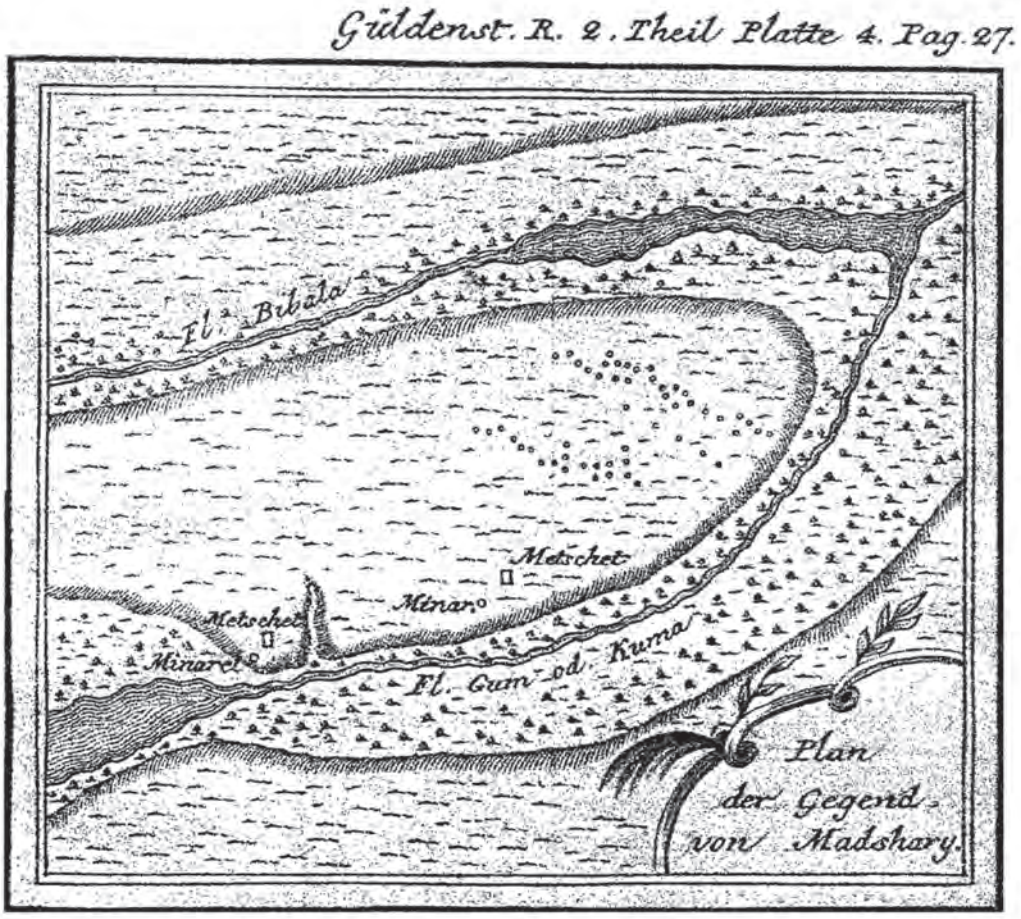

Рис. 150. План Маджара И.А.Гюльденштета 1773 г.
Fig. 150. Plan of Majar by I.A. Güldenstedt, 1773.

15

16

17

18

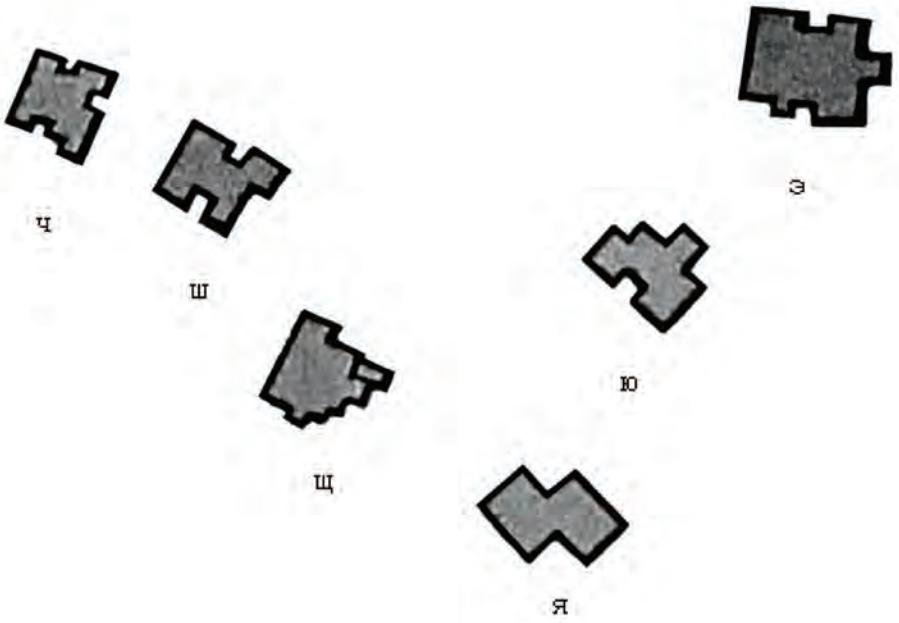

Рис. 151. Мавзолеи Маджара сложного плана: 15-18 – на рисунке М.Некрасова; ч-я – на плане А.Голохвостова.
Fig. 151. Complex-planned mausoleums at Majar: 15-18 – drawing by M. Nekrasov; ч-я – plan by A. Golokhvostov.

Рис. 152. Иванов М.М. Дорога от Егорьевской крепости к Мажарам. Отдел рисунка ГРМ. Р-30009.
Fig. 152. M.M. Ivanov. Road from the Egoryevskaia fortress to Majary. State Russian Museum, St. Petersburg, Department of Drawing. P-30009.

Рис. 153. Иванов М.М. Мажарские древности. Отдел рисунка ГРМ. Р-30010.
Fig. 153. M.M. Ivanov. Antiquities of Majary. State Russian Museum, St. Petersburg, Department of Drawing. P-30010.

Рис. 154. Иванов М.М. Древние развалины. Отдел рисунка ГРМ. Р-30011.
Fig. 154. M.M. Ivanov. Ancient ruins. State Russian Museum,
St. Petersburg, Department of Drawing. P-30011.

Рис. 155. Иванов М.М. Река Байвал. Отдел рисунка ГРМ. Р-30012.
Fig. 155. M.M. Ivanov. Baival river. State Russian Museum,
St. Petersburg, Department of Drawing. P-30012.

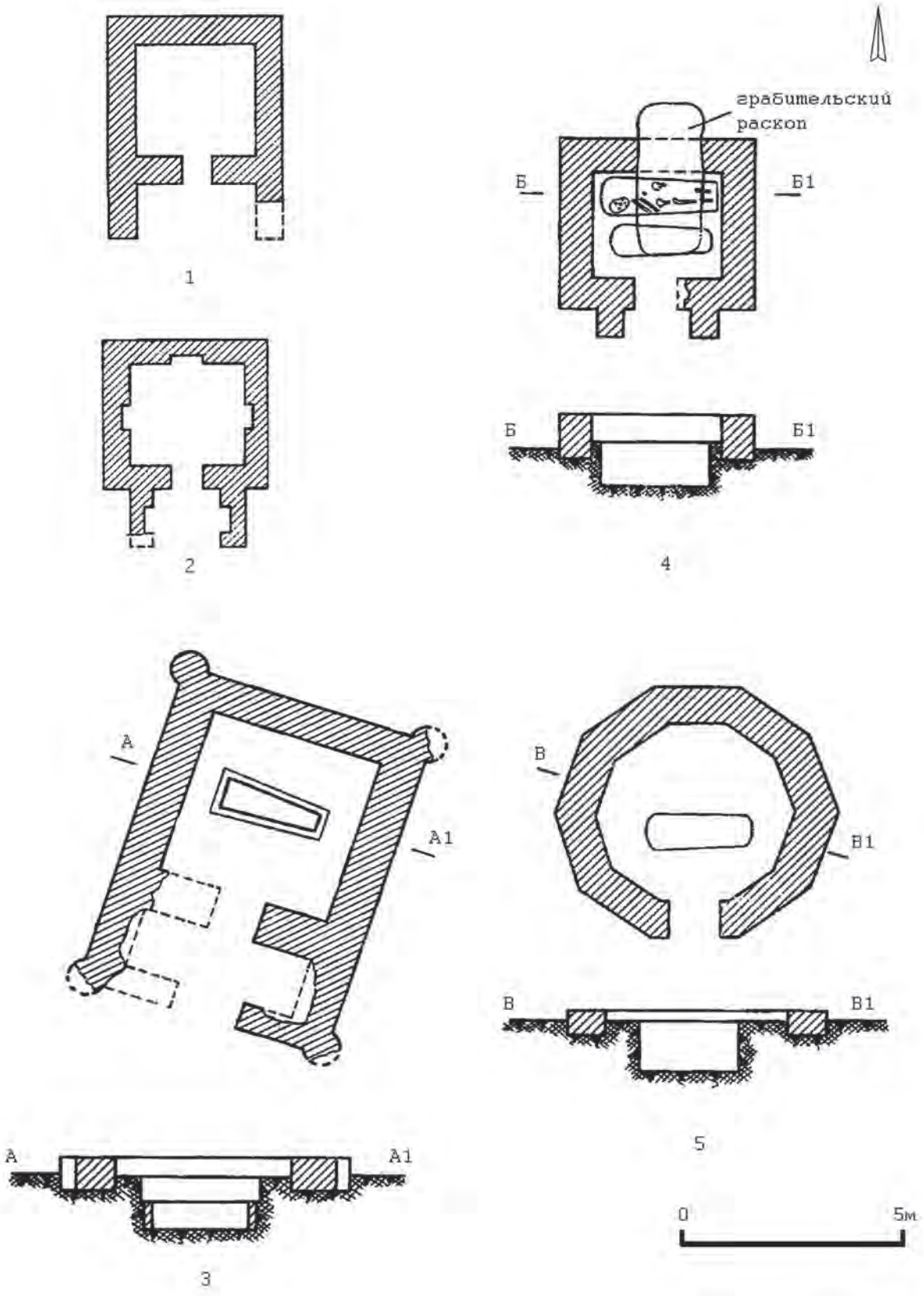

Рис. 156. Мавзолеи в окрестностях Ессентуков: 1,2 – №1 и №2 по Э.В.Ртвеладзе; 3-5 – №3, №5, №8 (по Т.Б.Палимпсестовой и А.П.Руничу).
Fig. 156. Mausoleums in the vicinity of Essentuki: 1,2 – nos.1 and 2 after E.V. Rtveladze; 3–5 – nos. 3, 5 and 8 (after T.B. Palimpsestova and A.P. Runich)

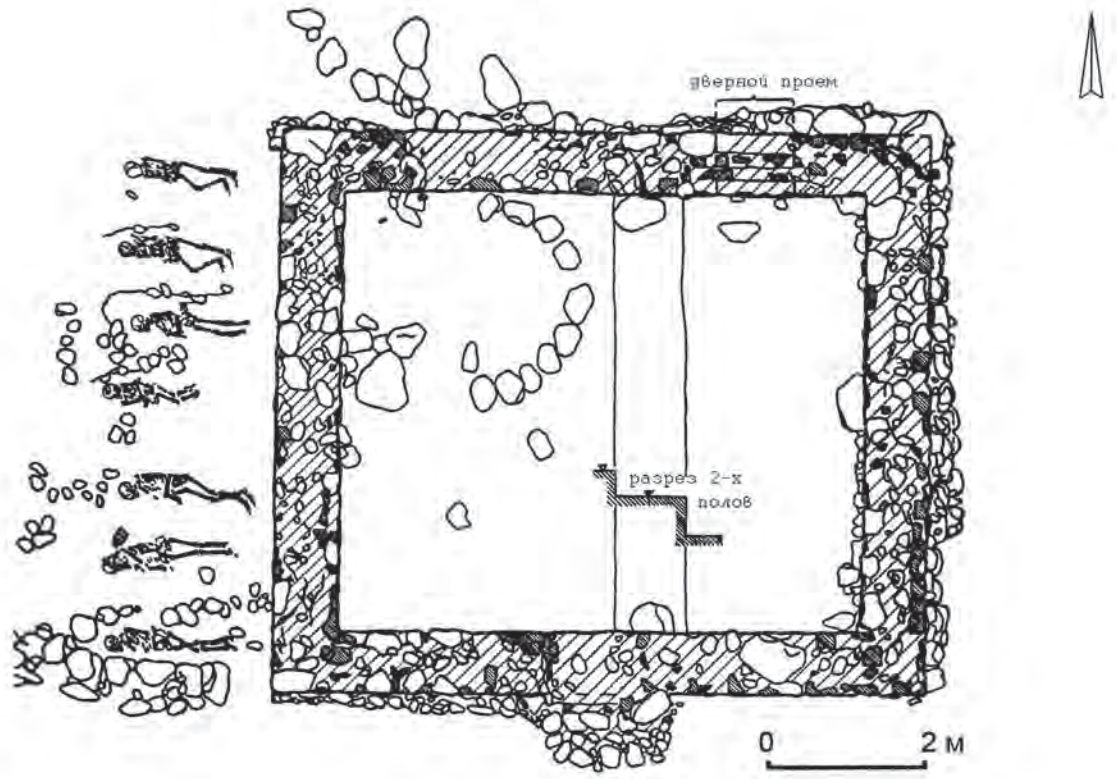

Рис. 157. Мавзолей (?) в Верхнем Джулате (по Е.И.Крупнову и др.).
Fig. 157. Borga-Khash Mausoleum (?) at the Upper Julat (after E.I. Krupnov et al.).

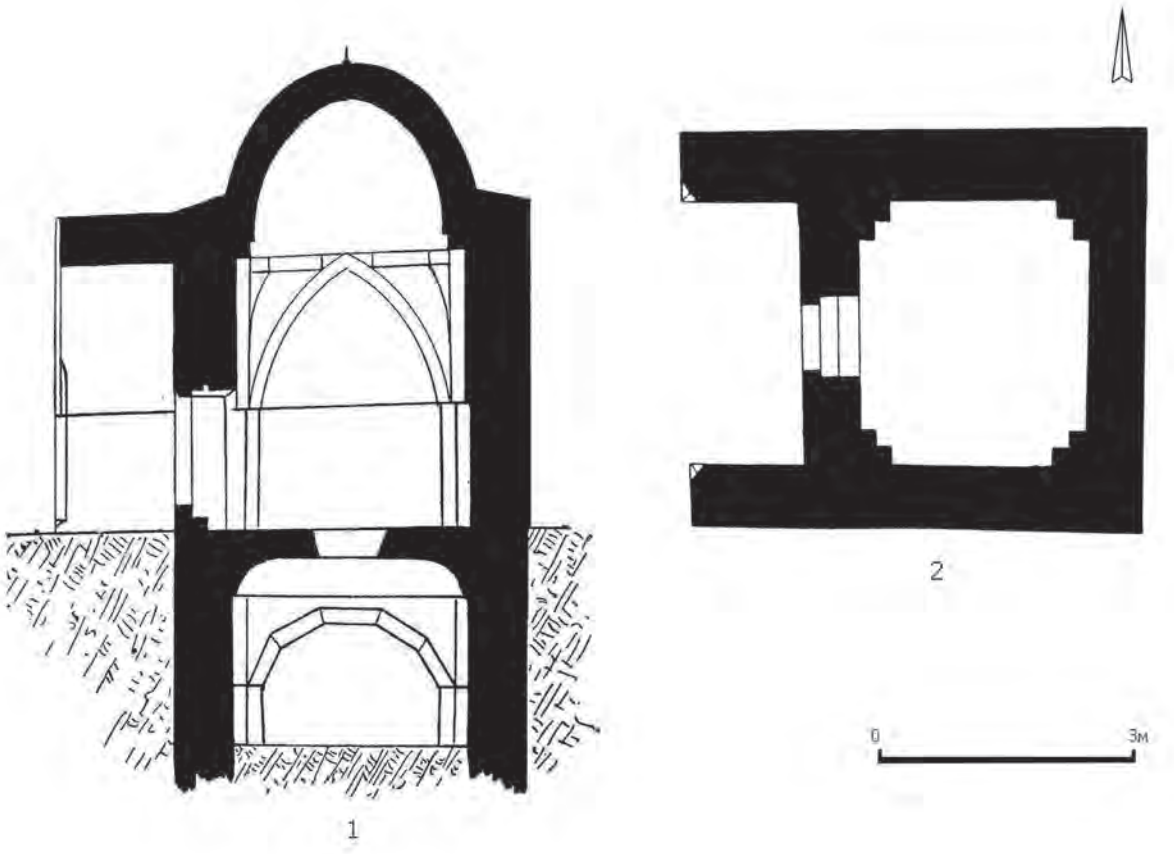

Рис. 158. Мавзолей Борга-Хаш: 1 – разрез; 2 – план (по И.П.Щеблыкину).
Fig. 158. Borga-Khash Mausoleum: 1 – section; 2 – plan (after I.P. Shcheblykin).

1

2

Рис. 159. Мавзолей Борга-Хаш: 1 – общий вид; 2 – интерьер. (Фото А. Казаряна, 2008 г.).
Fig. 159. Borga-Khash Mausoleum: 1 – general view; 2 – interior (photograph by A. Kazarian, 2008).

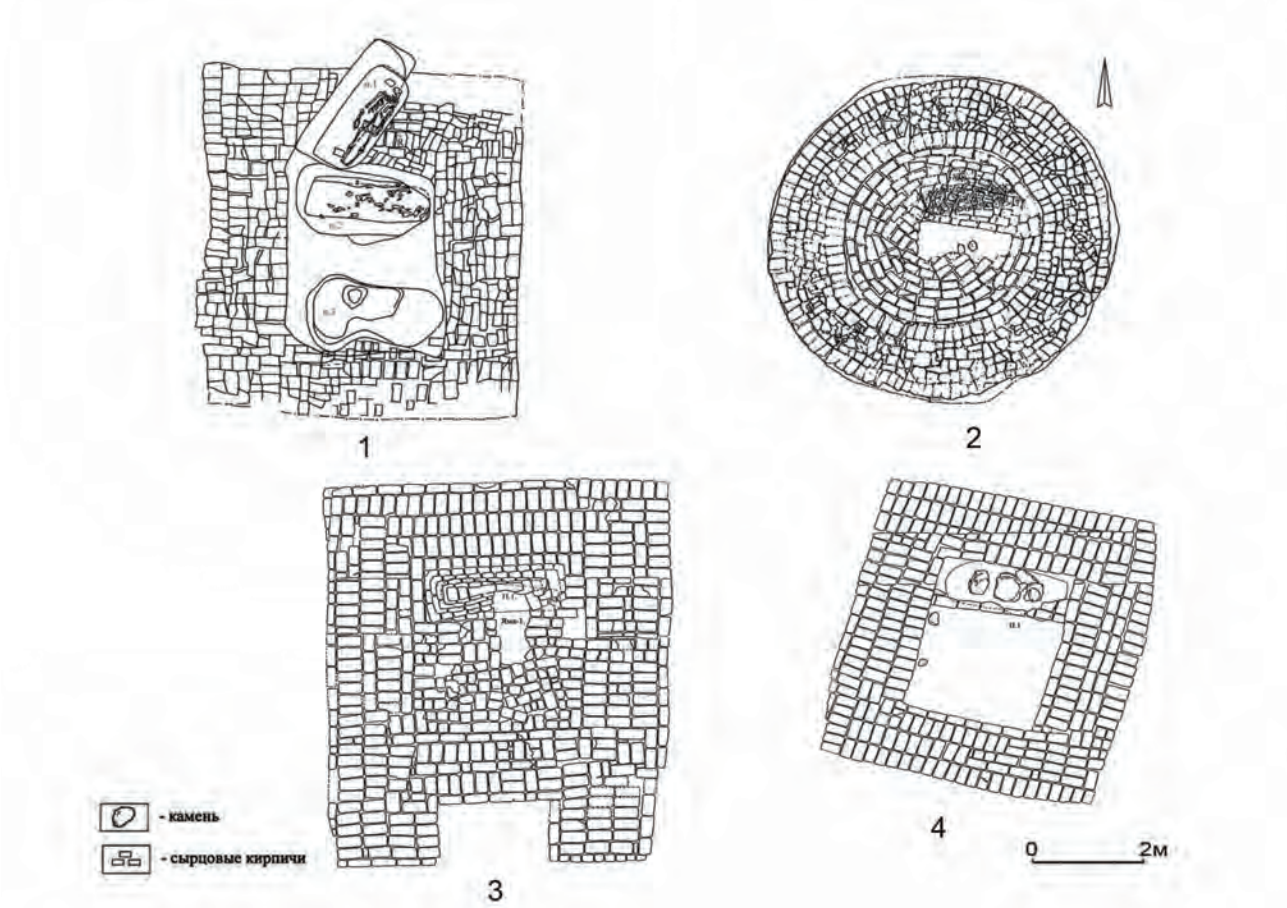

Рис. 160. Мавзолеи Ставрополья: 1 – могильник Золотаревка 5; 2 –Шарахалсун 5; 3 – Совруно 1, № 1; 4 – Совруно 1, № 2 (по В.А.Бабенко).
Fig. 160. Mausoleums of the Stavropol Region: 1 – Zolotarevka cemetery 5; 2 – Sharakhalsun 5; 3 – Sovruno 1, no. 1; 4 – Sovruno 1, no. 2 (after V.A. Babenko).

Рис. 161. Мавзолей могильника Шарахалсун.
Fig. 161. Mausoleum at the Sharakhalsun cemetery.

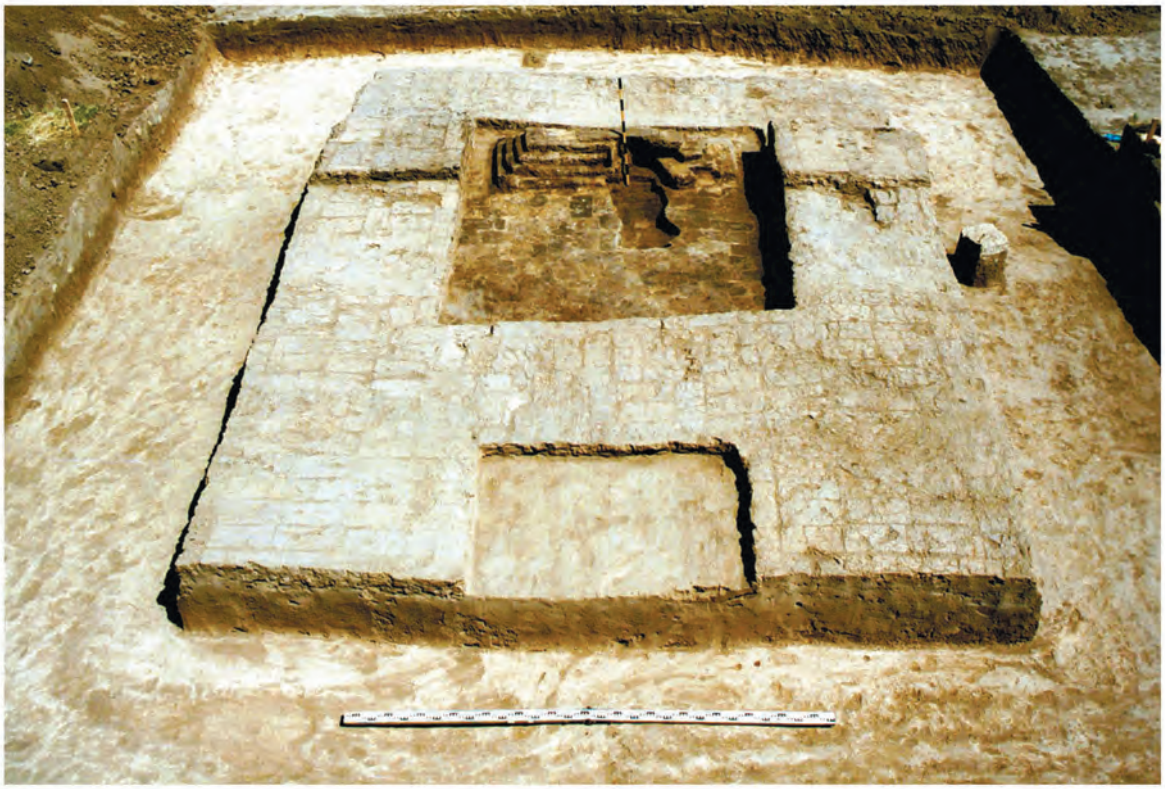

Рис. 162. Мавзолей № 1 могильника Совруно 1.
Fig. 162. Mausoleum 1 at the Sovruno 1 cemetery.

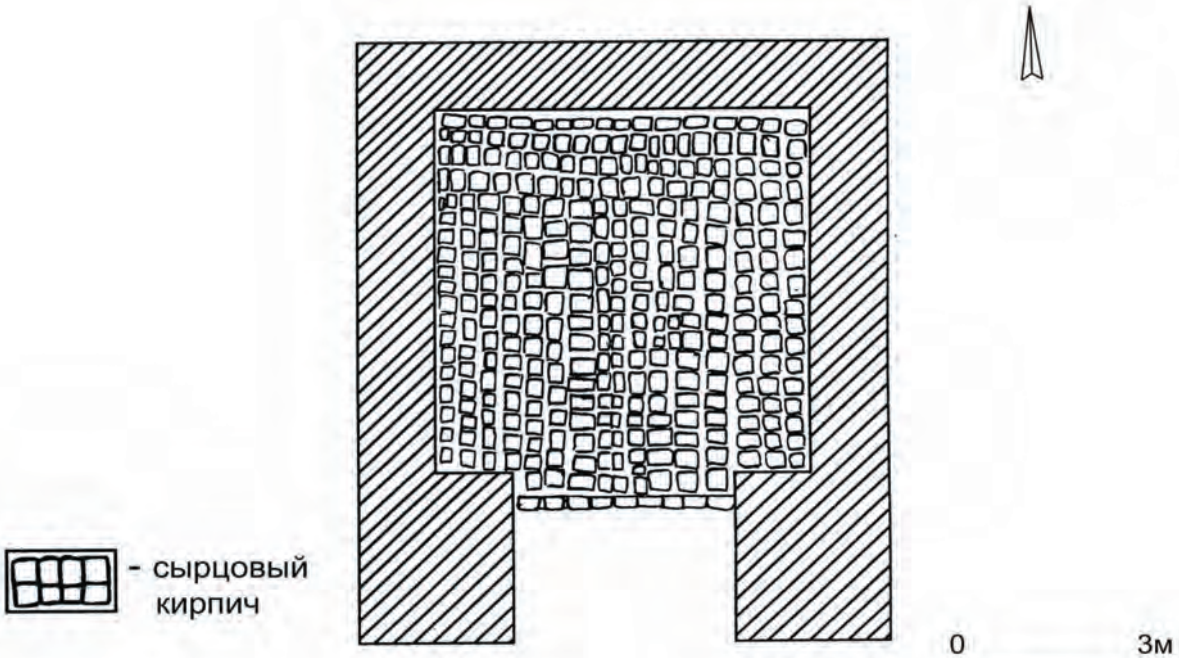

Рис. 163. Мавзолей в Новопавловском могильнике (по Е.И.Нарожному, Н.А.Охонько).
Fig. 163. Mausoleum at the Novopavlovskoe cemetery (after E.I. Narozhny and N.A. Okhon'ko).

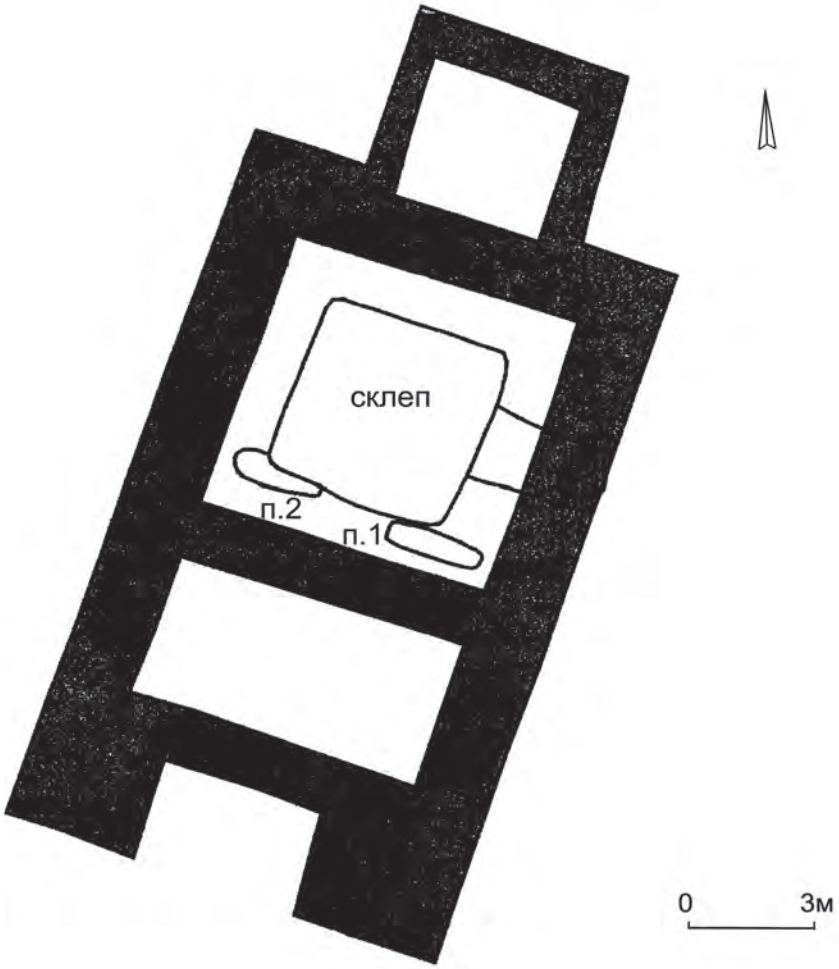

Рис. 164. Мавзолей у пос. Красный в Воронежской области (по М.В.Цыбину).
Fig. 164. Mausoleum near the Krasnyi township in the Voronezh Region (after M.V. Tsybin).

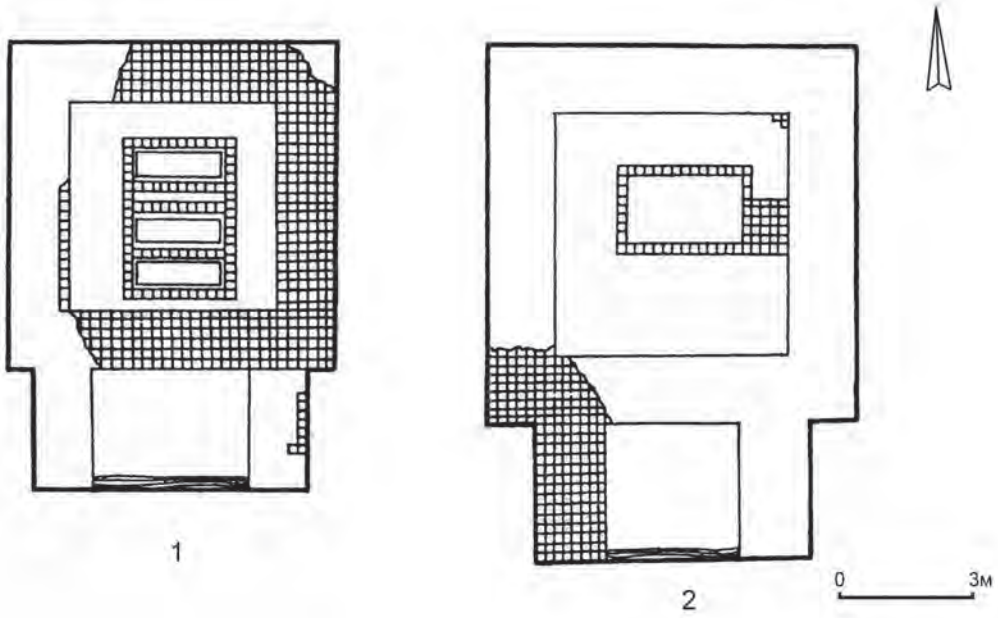
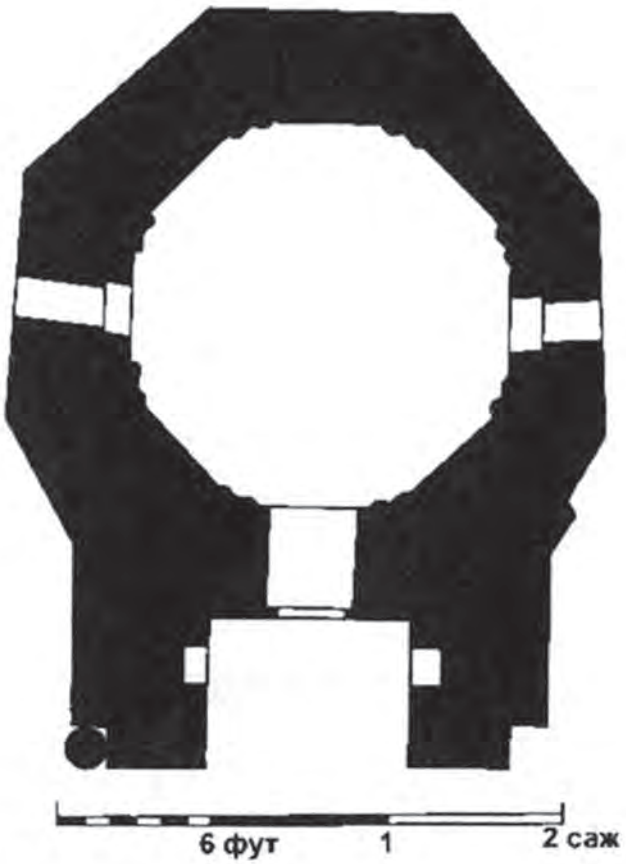

Рис. 165. Мавзолеи на урочище Мечеть: 1 – № 1; 2 – № 2 (по О.Б.Супруненко).
Fig. 165. Mausoleums at the Mechet' site: 1 – no. 1; 2 – no. 2 (after O.B. Suprunenko).

1

2

Рис. 166. Мавзолей вблизи городища Конские Воды: 1 – фасад; 2 – план (по М.В.Ельникову).
Fig. 166. Mausoleum near the Konskie Vody site: 1 – façade; 2 – plan (after M.V. El'nikov).

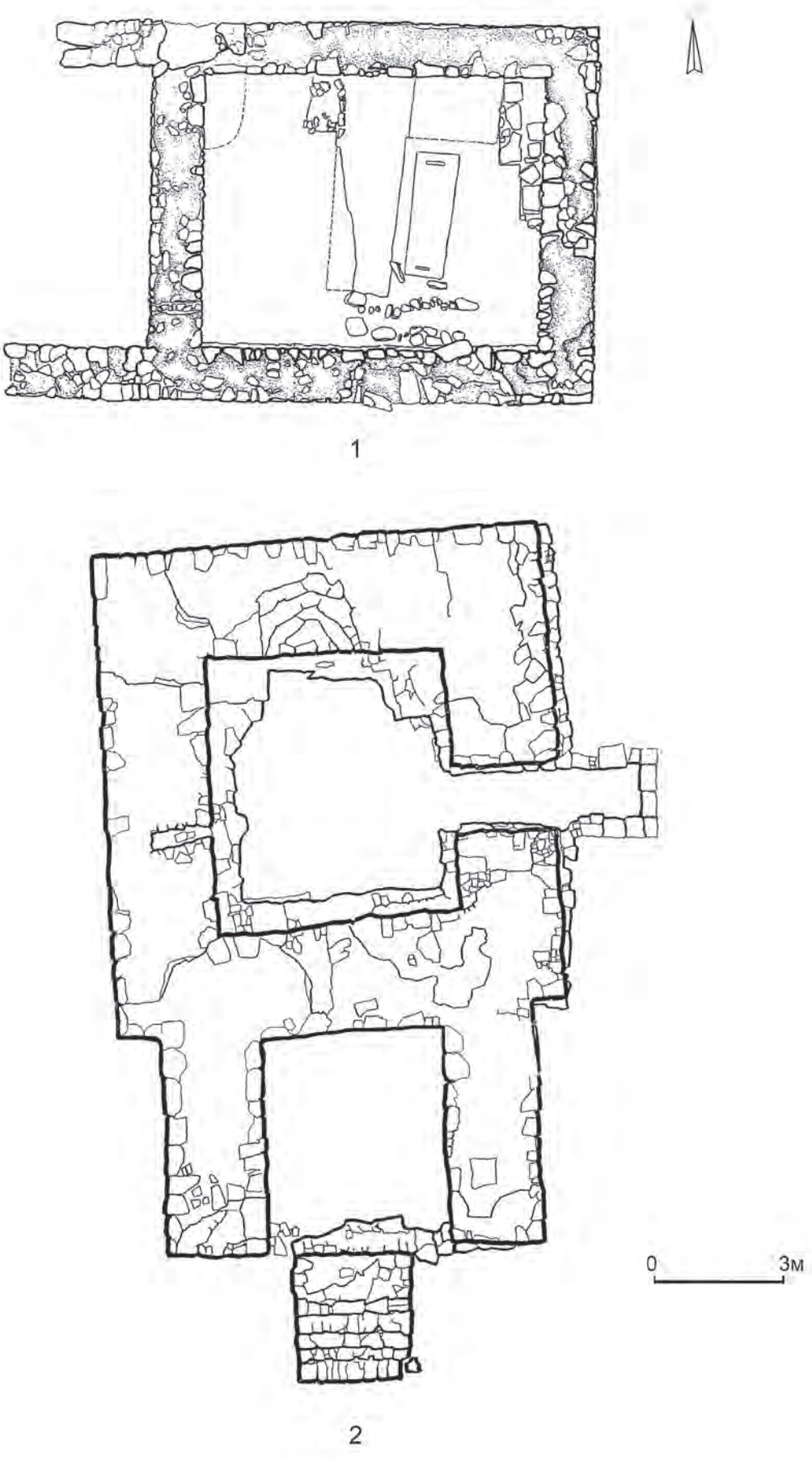

Рис. 167. Мавзолеи Солхата: 1 – № 1; 2 – № 2 (по М.Г.Крамаровскому).
Fig. 167. Mausoleums at Solkhat: 1 – no. 1; 2 – no. 2 (after M.G. Kramarovsky).

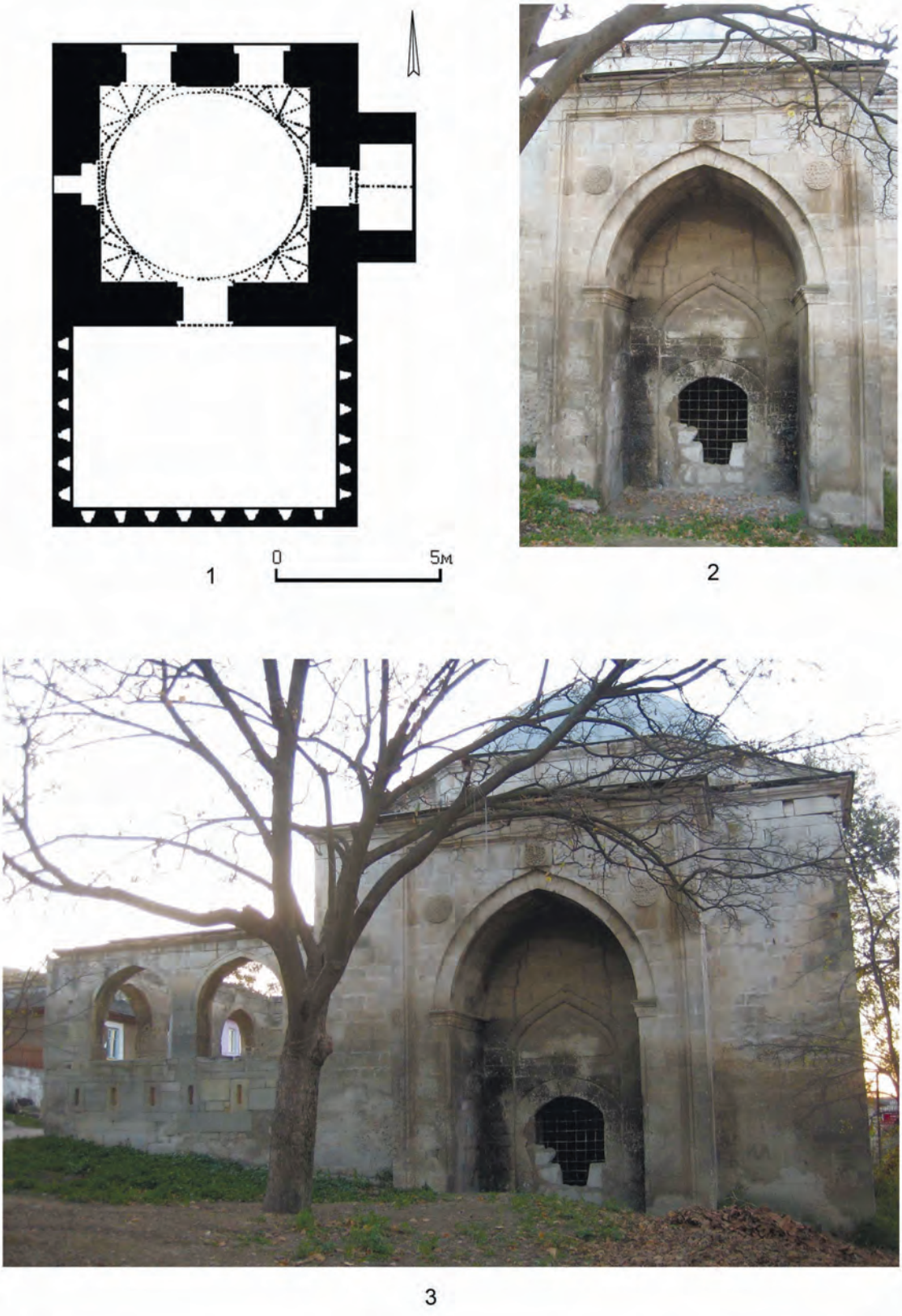

Рис. 168. Эски-дюрбе в Бахчисарае: 1 – план (по Б.Н.Засыпкину); 2 – портал; 3 – вид с востока.
Fig. 168. Eski-dürbe at Bakhchisaray: 1 – plan (after B.N. Zasypkin); 2 – portal; 3 – view from the east.

1

2

3

Рис. 169. Эски-дюрбе в Бахчисарае: 1 – тимпан арки портала; 2 – карниз портала; 3 – общий вид с юго-запада.

Fig. 169. Eski-dürbe at Bakhchisaray: 1 – tympan of the portal arch; 2 – cornice of portal; 3 – general view from the southwest.

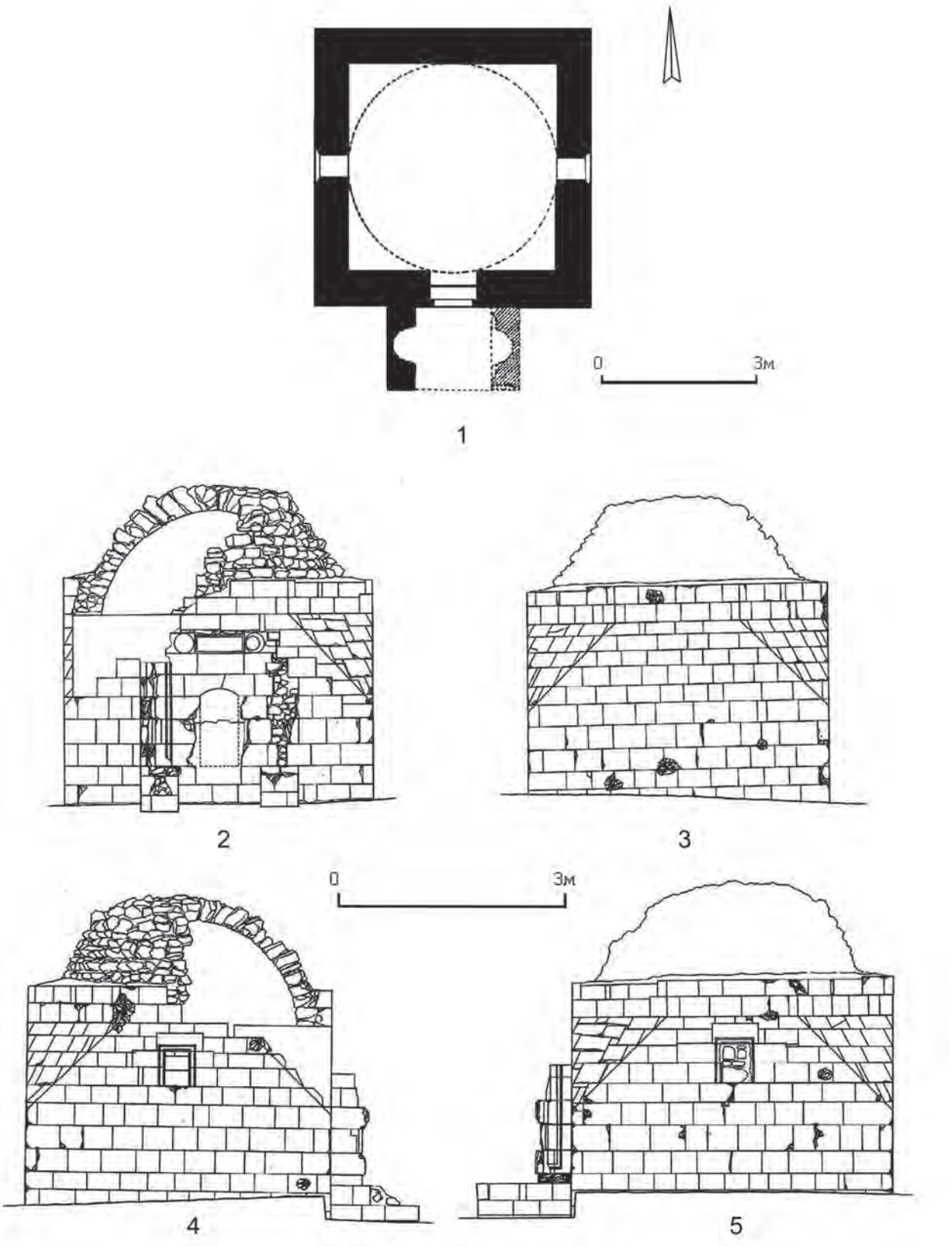

Рис. 170. Дюрбе № 1 в Асизе близ Бахчисарая: 1 – план (по Б.Н.Засыпкину) ; 2 – южный фасад; 3 – западный фасад; 4 – северный фасад; 5 – восточный фасад (по В.П.Кирилко).
Fig. 170. Dürbe 1 at Asiz near Bakhchisaray: 1 – plan (after B.N. Zasypkin) ; 2 – south side; 3 – west side; 4 – north side; 5 – east side (after V.P. Kirilko).

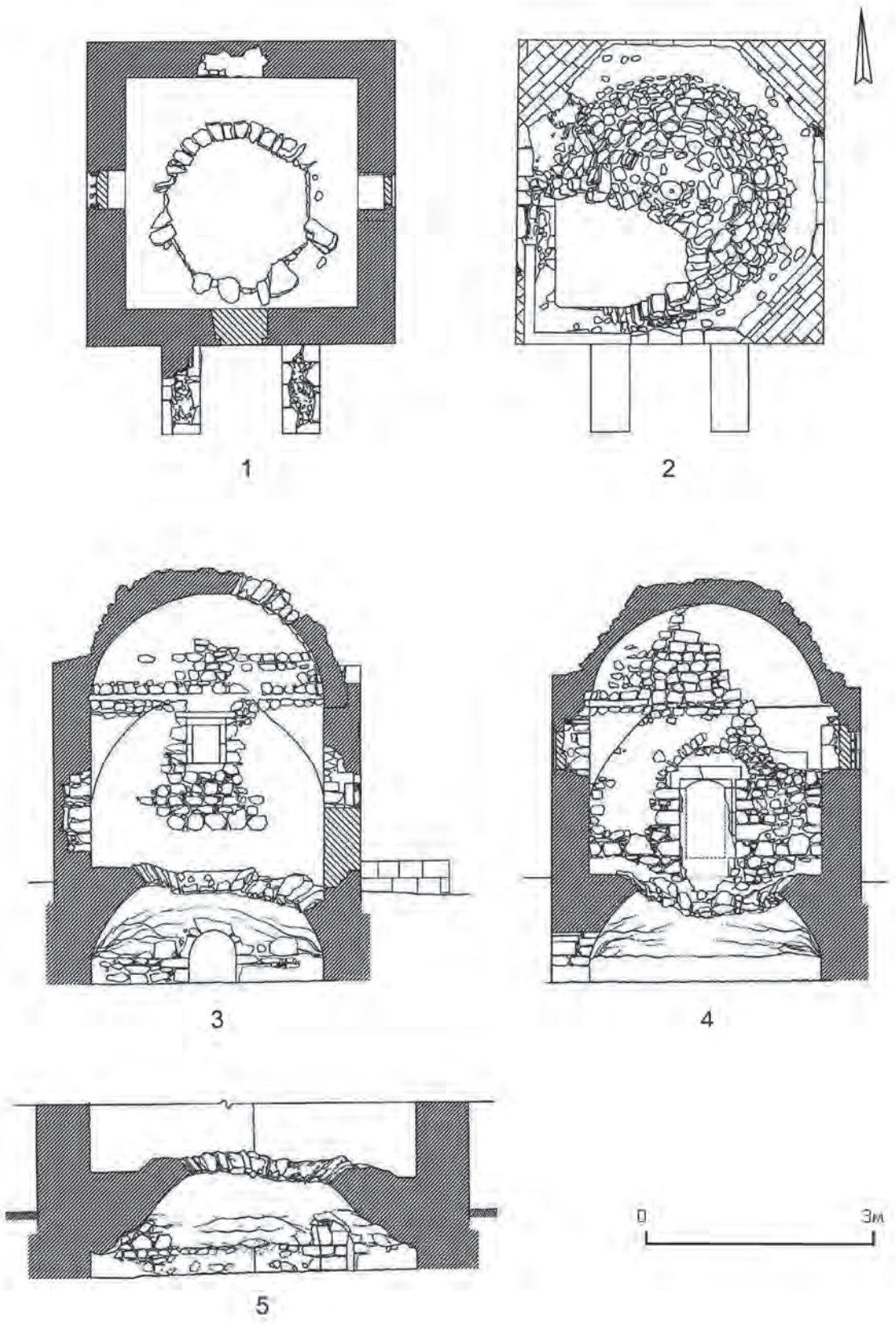

Рис. 171. Дюрбе № 1 в Асизе близ Бахчисарая: 1 – план; 2 – план перекрытия; 3 – продольный разрез; 4 – поперечный разрез; 5 – диагональный разрез погребальной камеры (по В.П.Кирилко).
Fig. 171. Dürbe 1 at Asiz near Bakhchisaray: 1 – plan; 2 – plan of ceiling; 3 – longitudinal section; 4 – transverse section; 5 – diagonal section of the burial chamber (after V.P. Kirilko).

1

2

3

Рис. 172. Дюрбе № 1 в Асизе близ Бахчисарая: 1 – вид с северо-запада; 2 – плита с надписью над входом; 3 – вход и остатки портала.
Fig. 172. Dürbe 1 at Asiz near Bakhchisaray: 1 – view from the northwest; 2 – inscribed plate above the entrance; 3 – entrance and portal remains.

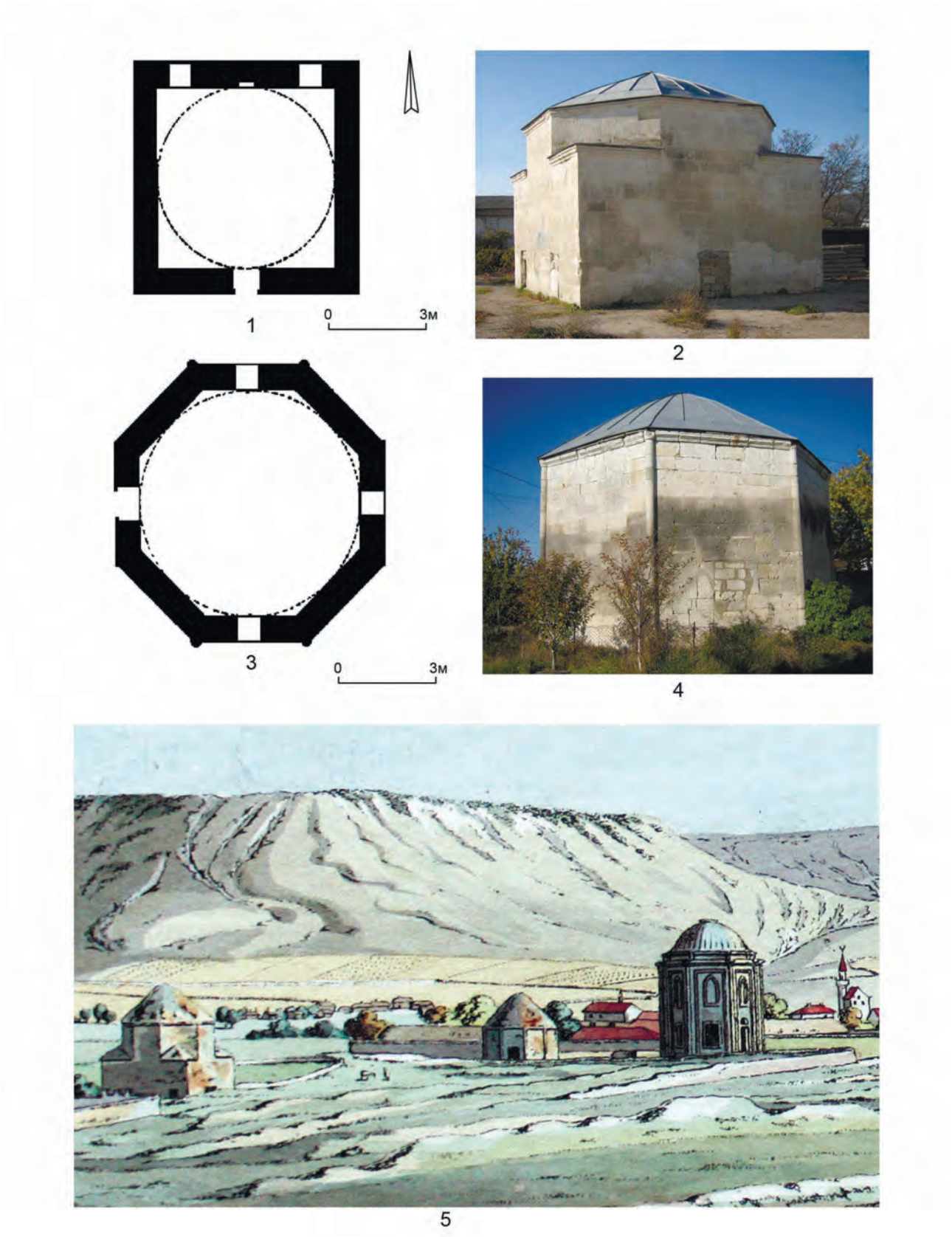

Рис. 173. Дюрбе в окрестностях Азиса: 1 – № 4, план (по Б.Н.Засыпкину); 2 – современный вид; 3 – «малый восьмигранник», план (по Б.Н.Засыпкину); 4 – современный вид; 5 – рисунок из сочинений П.С.Палласа.

Fig. 173. Dürbe's in the vicinity of Asiz near Bakhchisaray: 1 – no. 4, plan (after B.N. Zasypkin); 2 – contemporary outlook; 3 – 'Lesser Octahedron', plan (after B.N. Zasypkin); 4 – contemporary outlook; 5 – drawing from collected works of P.S. Pallas.

1

2

3

Рис. 174. Мавзолей Джанике ханым в Чуфут-Кале: 1 – портал, современный вид; 2 – рисунок XIX в. (по А.Г.Герцену и Ю.М.Могаричеву); 3 – ниша в стене портала.
Fig. 174. Mausoleum of Janike khanym at Chufut-Kale: 1 – portal, contemporary outlook; 2 – nineteenth-century drawing (after A.G. Herzen and Yu.M. Mogarichev); 3 – niche in the portal wall.

1

2

3

4

Рис. 175. Мавзолей Джанике ханым в Чуфут-Кале: 1 – общий вид; 2 – декор пилона портала; 3 – резная колонка; 4 – резное обрамление входа.

Fig. 175. Mausoleum of Janike khanym at Chufut-Kale: 1 – general view; 2 – decoration of a portal pylon; 3 – carved pillar; 4 – carved entrance decoration.

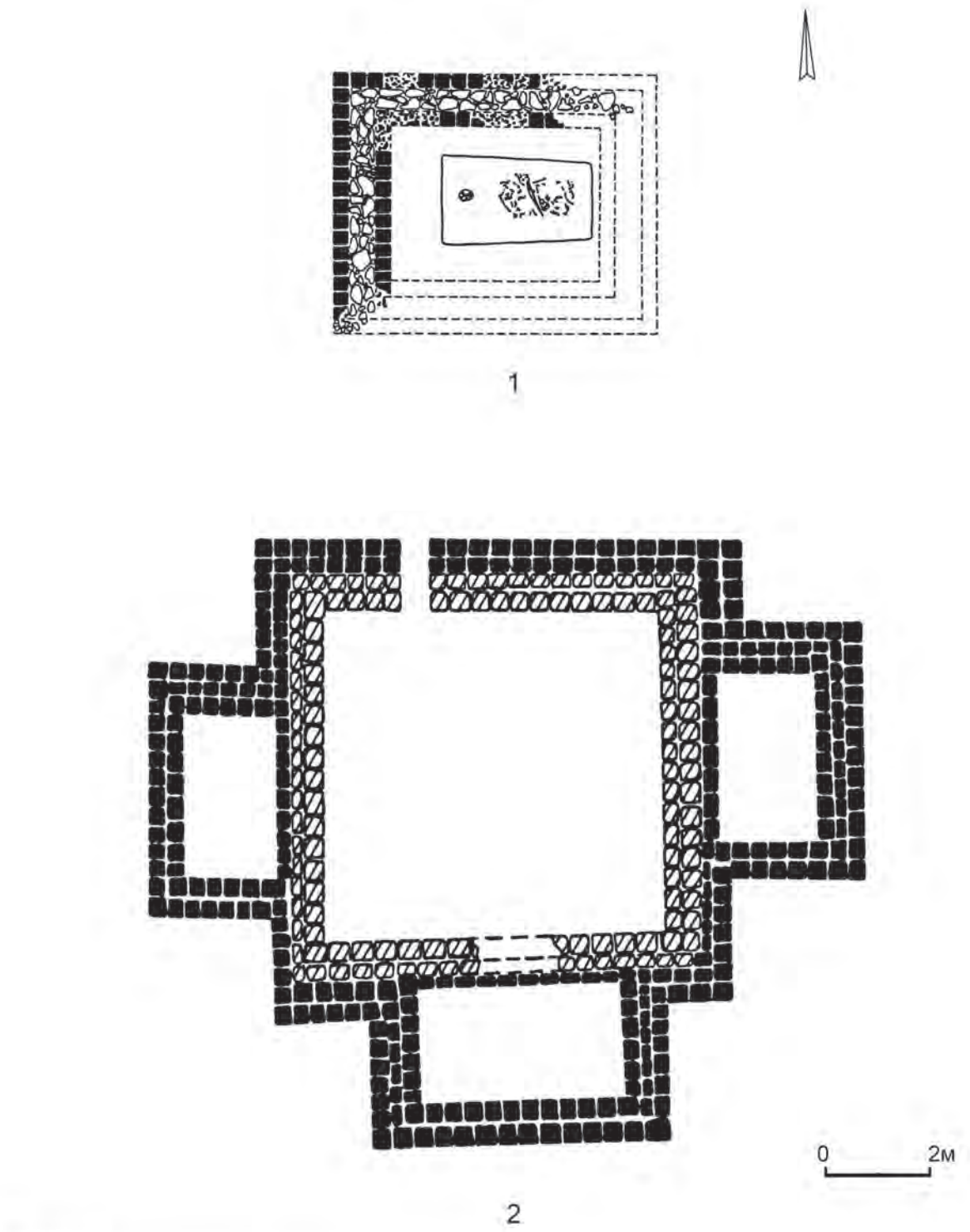

Рис. 176. Мавзолеи Старого Орхея: 1 – № 1; 2 – № 2 (по П.П.Бырне и Т.Ф.Рябой).
Fig. 176. Mausoleums of the Old Orkhey: 1 – no. 1; 2 – № 2 (after P.P. Bîrnea and T.F. Riabaia).

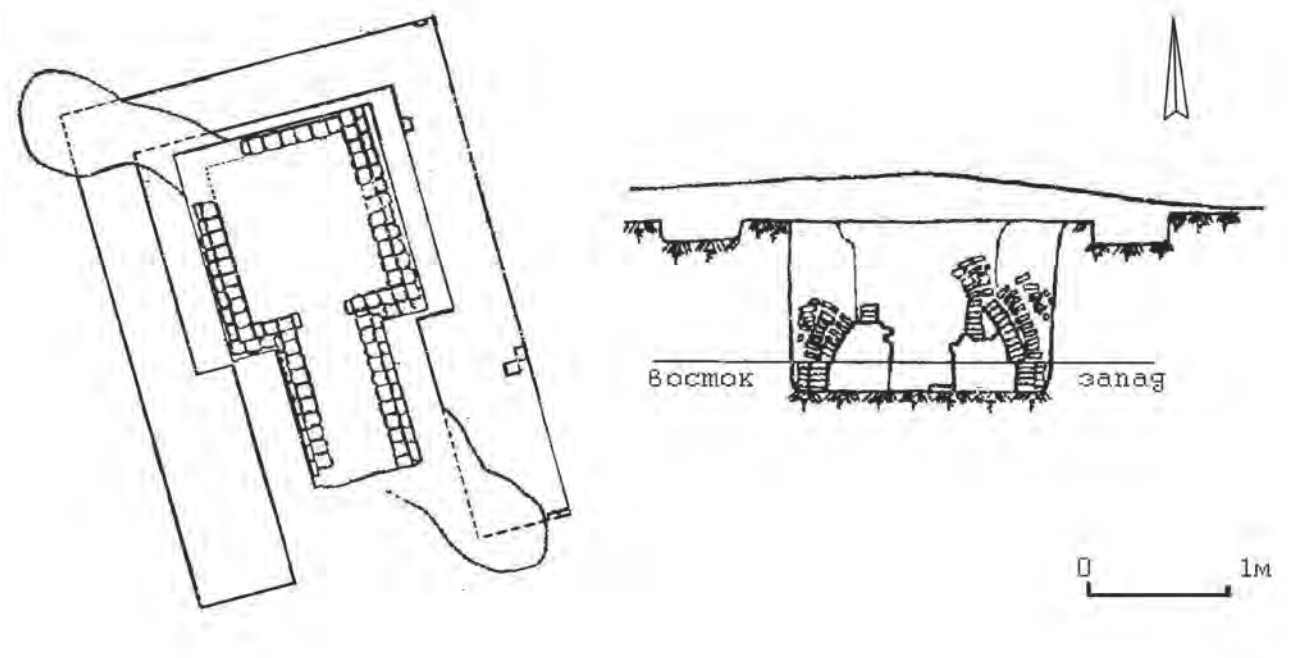

Рис. 177. Мавзолей № 1 у с. Бравичены: 1 – план;
2 – разрез (по Чеботаренко Г.Ф. и П.П.Бырне).
Fig. 177. Mausoleum № 1 near the village of Braviceni: 1 – plan;
2 – section (after G.F. Chebotarenko and P.P. Bîrnea).

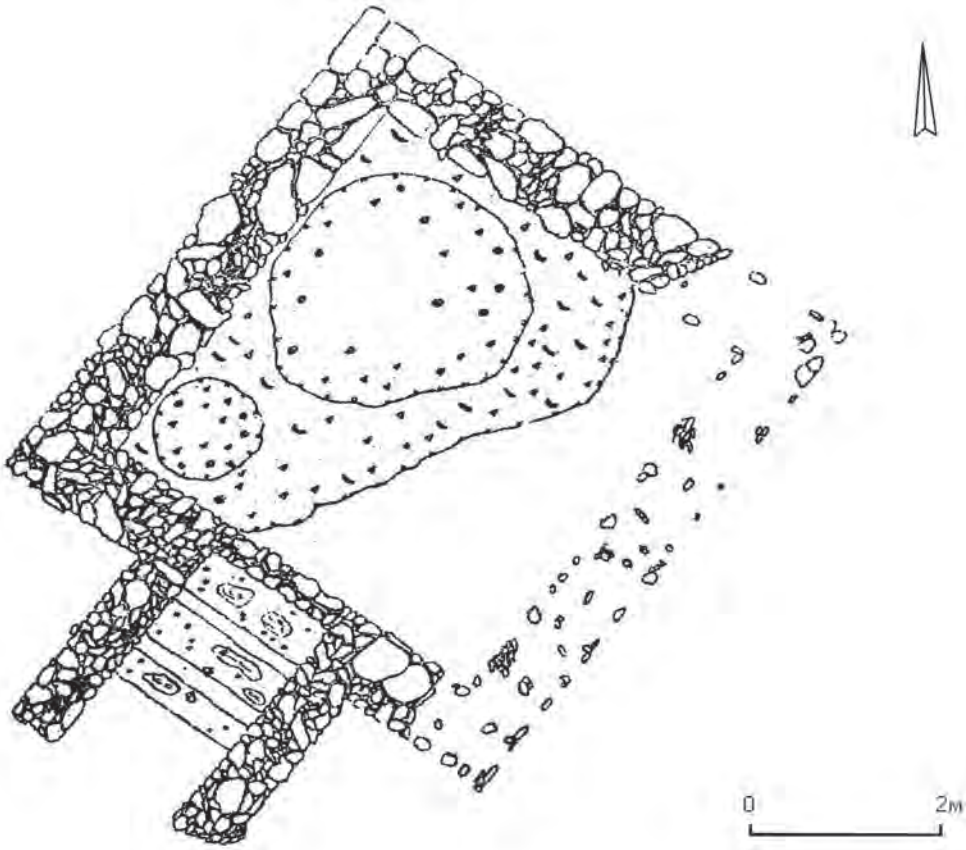

Рис. 178. Мавзолей у с. Новосельское (по А.О.Добролюбскому и В.М.Кожокару).
Fig. 178. Mausoleum near the village of Novosel'skoe (after A.O. Dobroliubsky and V.M. Cojocaru).

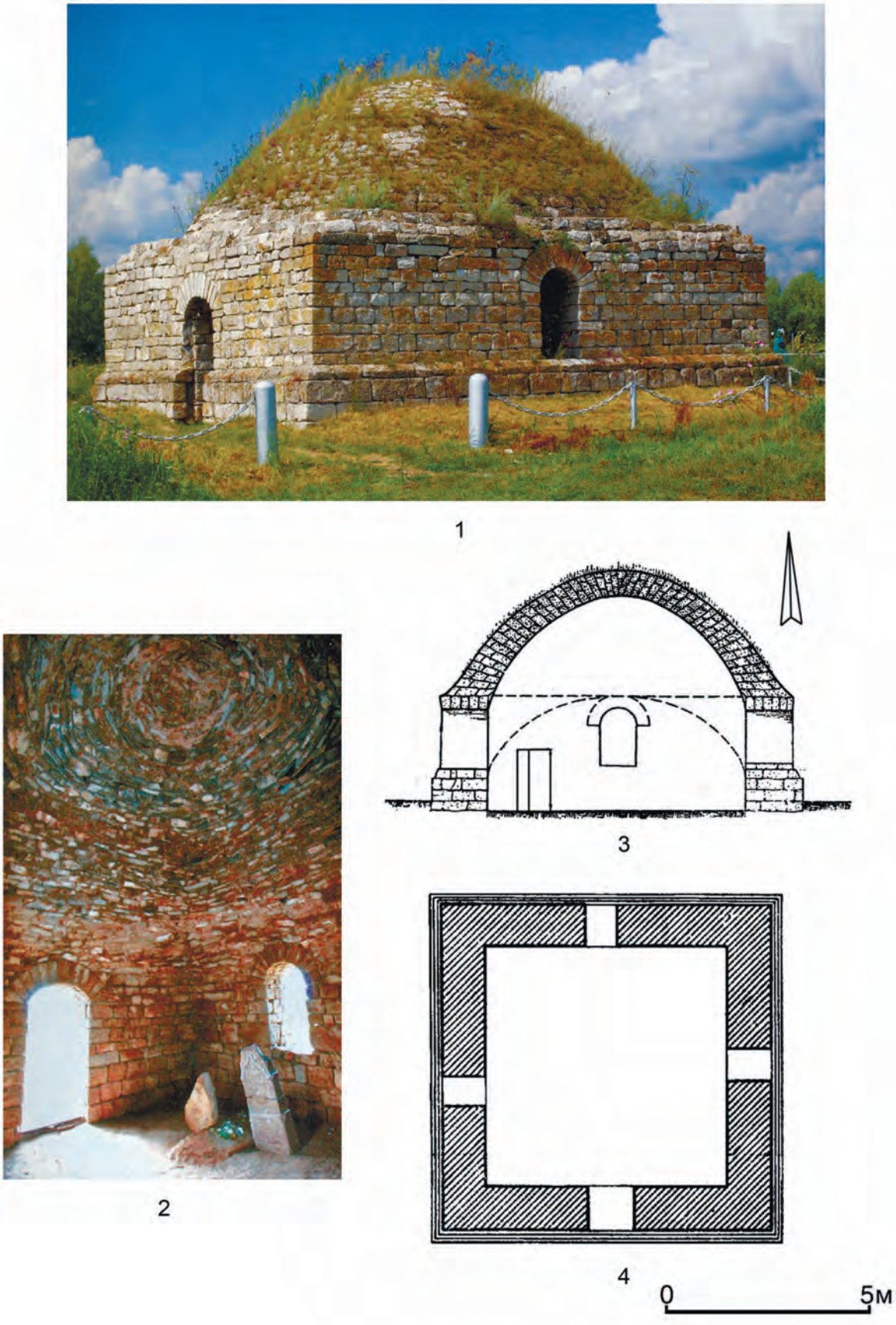

Рис. 179. Мавзолей Хусейн-бека: 1 – современный вид; 2 – интерьер; 3 –разрез; 4 – план (по Б.Г.Каллимуллину).
Fig. 179. Mausoleum of Husein-bek: 1 – contemporary outlook; 2 – interior; 3 – section; 4 – plan (after B.G. Kalimullin).

1

2

Рис. 180. Мавзолей Тура-хана, современный вид; 1 – фасад; 2 – вид сбоку.
Fig. 180. Mausoleum of Tura-khan, contemporary outlook; 1 – façade; 2 – side-view.

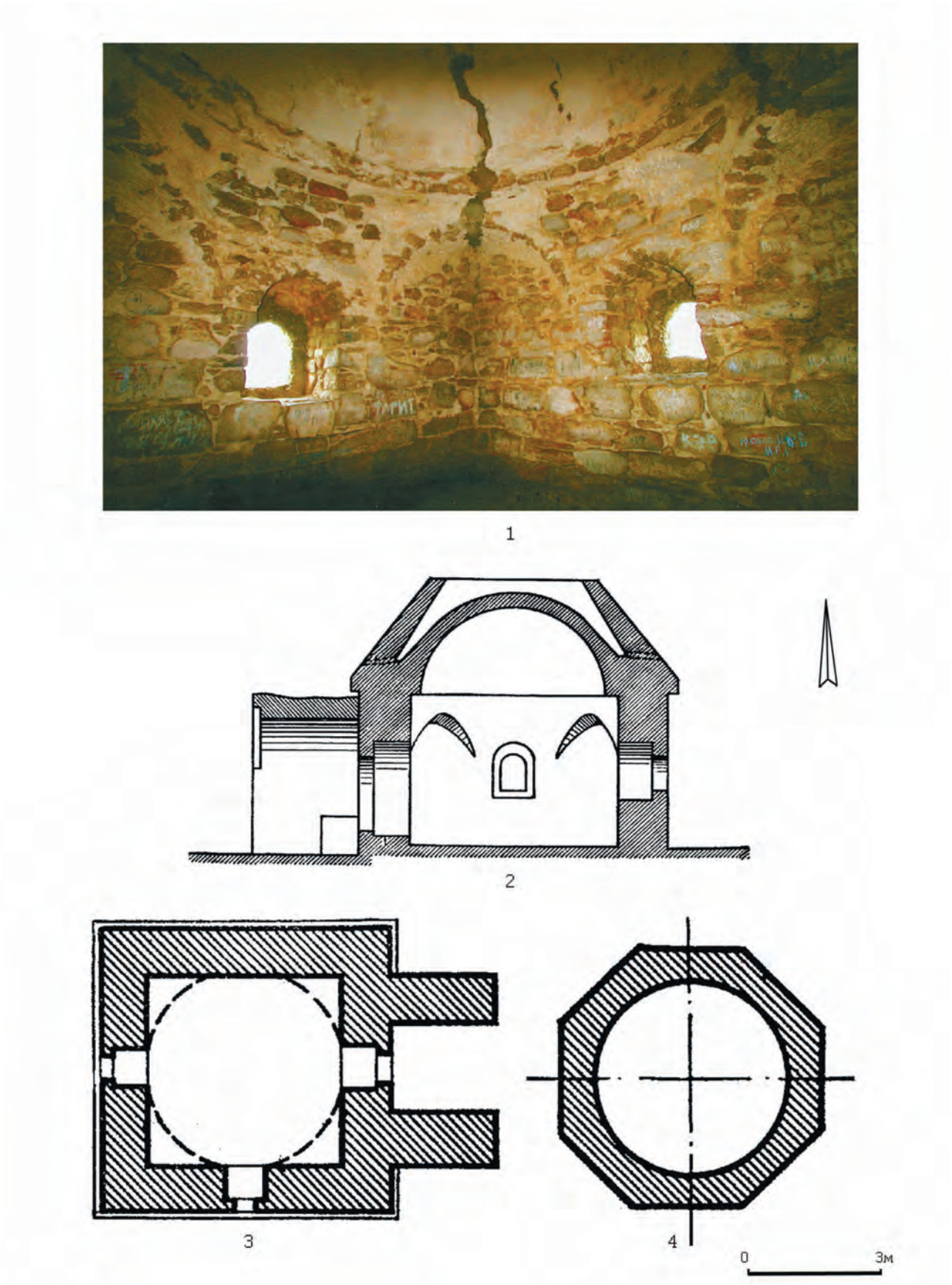

Рис. 181. Мавзолей Тура-хана: 1 – интерьер; 2 – разрез; 3 – план в нижней части; 4 – план восьмигранника (по Б.Г.Каллимуллину).
Fig. 181. Mausoleum of Tura-khan: 1 – interior; 2 – section; 3 – plan in the bottom part; 4 – plan of Octahedron (after B.G. Kalimullin).

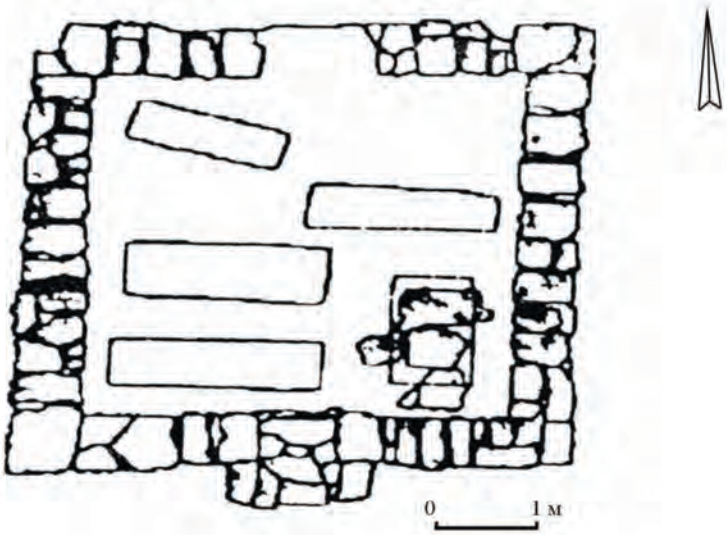

Рис. 182. Мавзолей Малый кешене (по Г.Н. Гарустовичу).
Fig. 182. Lesser Keshene Mausoleum (after G.N. Garustovich).

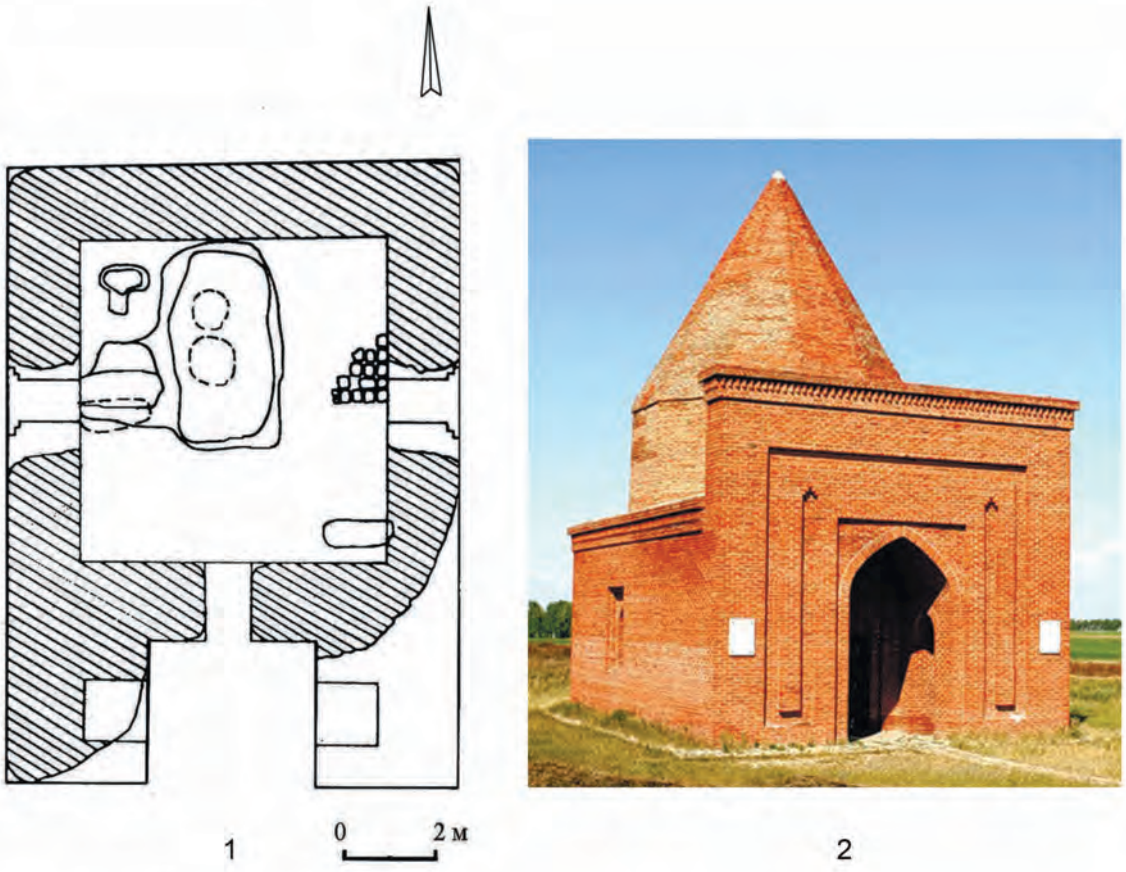

Рис. 183. Мавзолей Кесене: 1 – план (по Г.С.Боталову и Г.Я.Маламуду);
2 –.современный вид.
Fig. 183. Kesene Mausoleum: 1 – plan (after G.S. Botalov and G.Ya. Malamud);
2 – contemporary outlook.

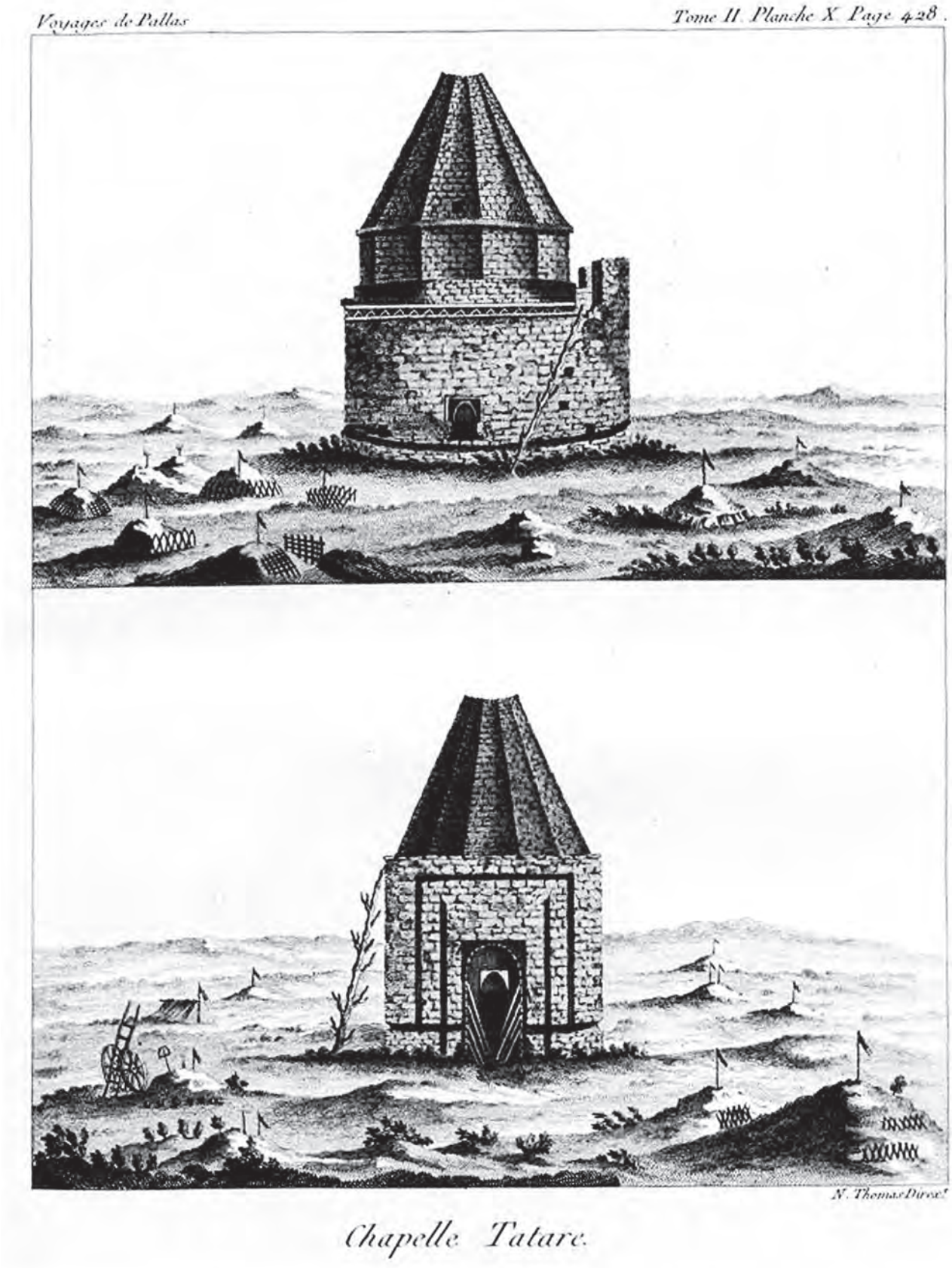
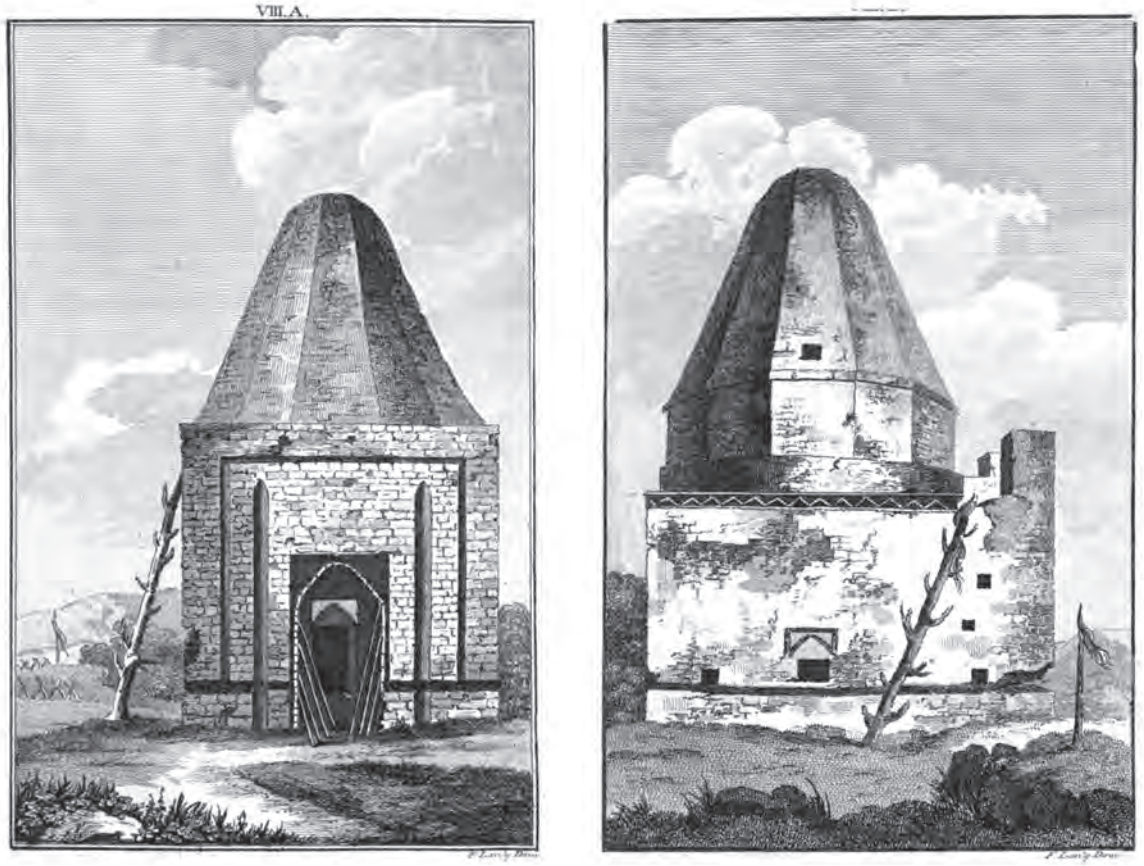
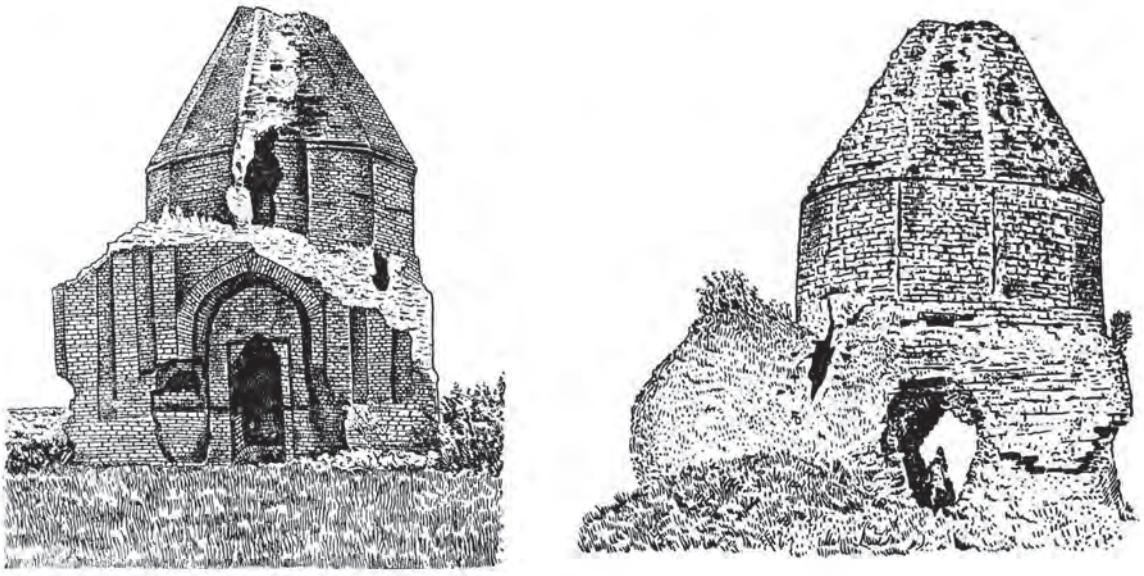

Рис. 184. Мавзолей Кесене, литография (N.Thomas Dirac)
из сочинений П.С.Палласа 1789-93 гг.
Fig. 184. Kesene Mausoleum, lithograph (N. Thomas Dirac)
from collected works of P.S. Pallas, 1789-93.

1

2

Рис. 185. Мавзолей Кесене: 1 – литография (F.Lardy Dirac) из сочинений П.С.Палласа 1795 г.; 2 – фото 1908 г. инженера Подъяконова (по И.А.Кастанье).
Fig. 185. Kesene Mausoleum: 1 – lithograph (F. Lardy Dirac) from collected works of P.S. Pallas, 1795; 2 – photograph by engineer Pod''iakonov, 1908 (after I.A. Castagnet).

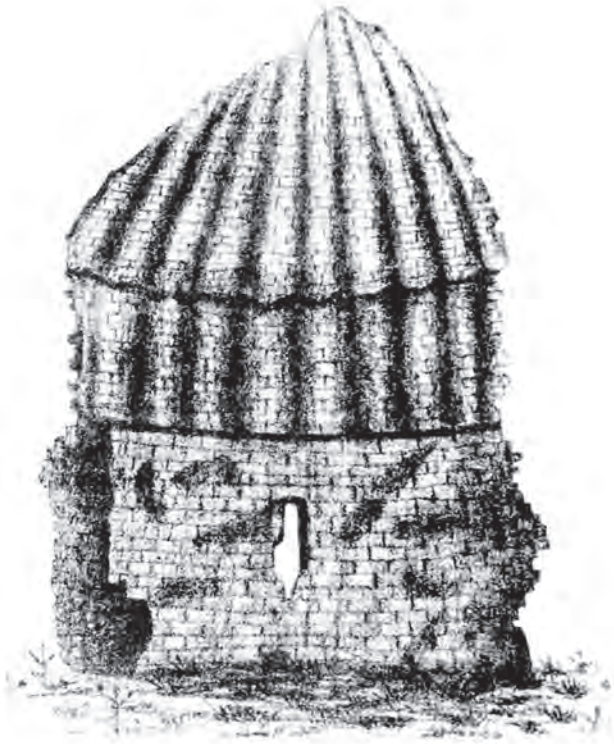

Рис. 186. Мавзолей «Башня Болгасын» (по И.А.Кастанье).
Fig. 186. ‘Tower Bolgasyn’ Mausoleum (after I.A. Castagnet).

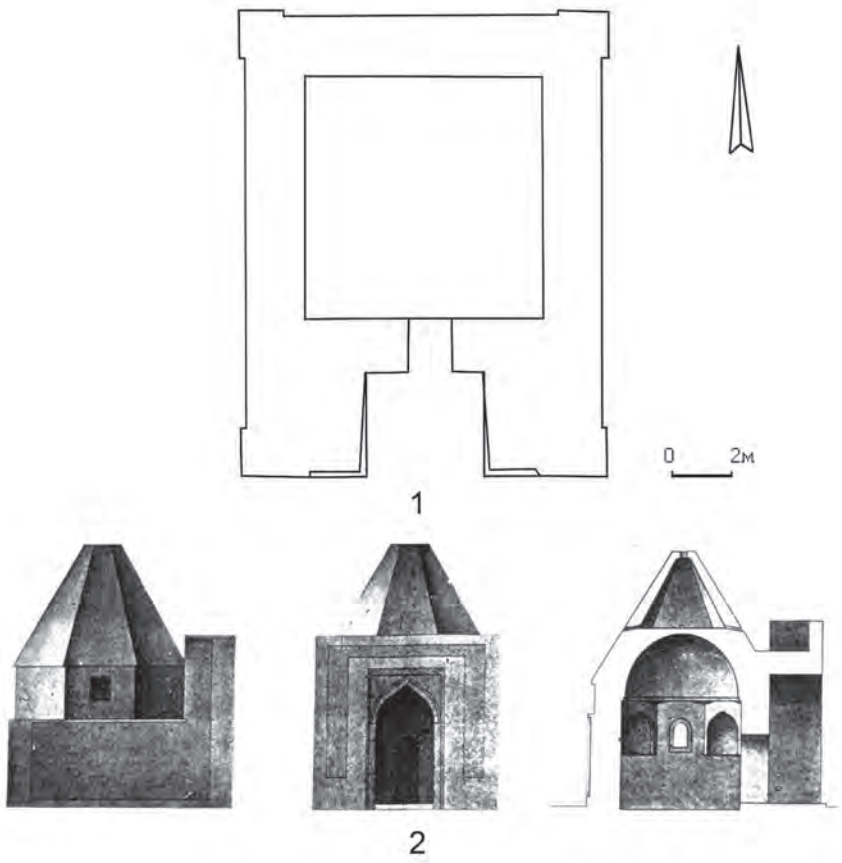

Рис. 187. Мавзолей Бэндэбикэ: 1 – план; 2 – реконструкция (по Н.А.Мажитову).
Fig. 187. Bendebike Mausoleum: 1 – plan; 2 – reconstruction (after N.A. Mazhitov).

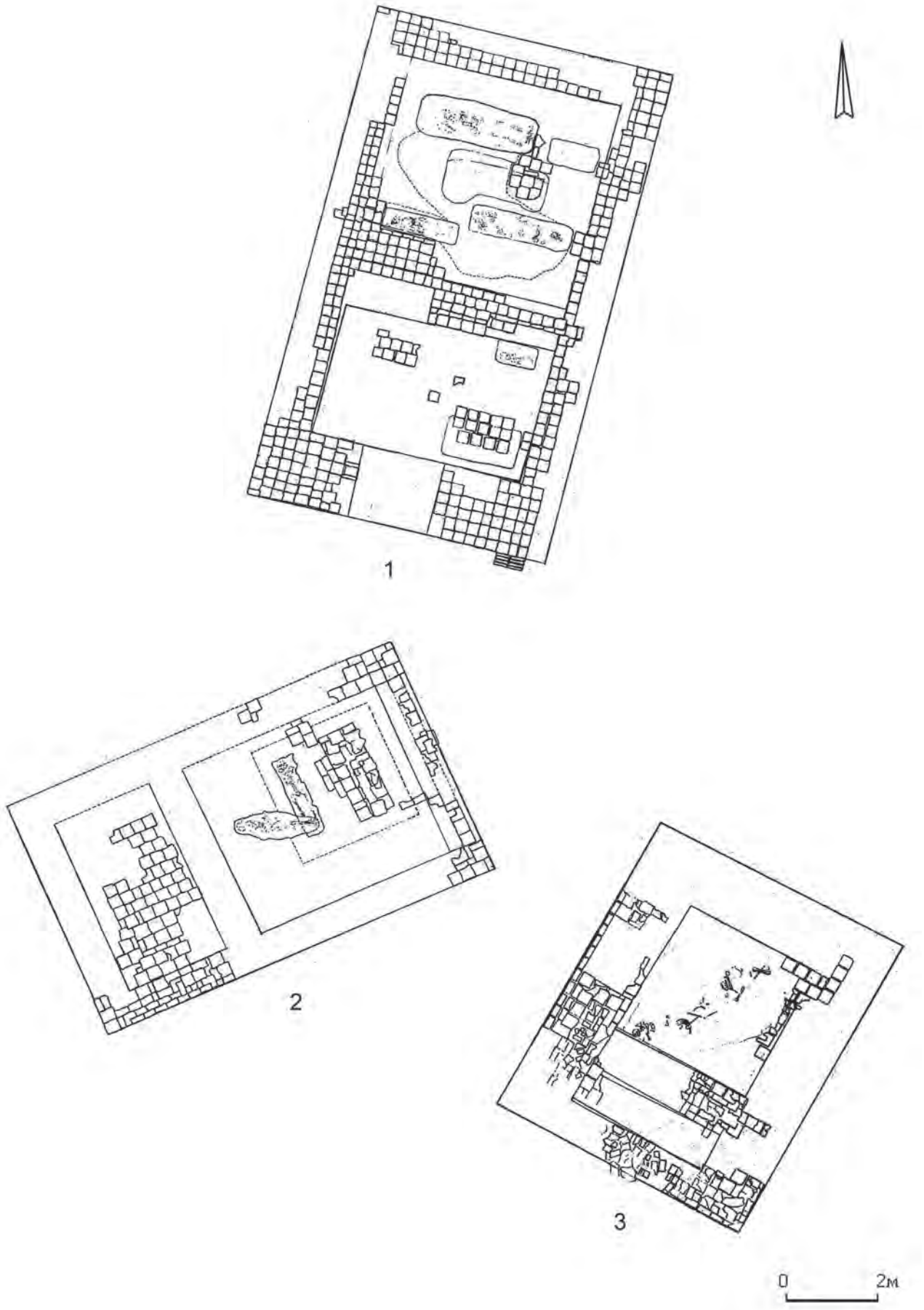

Рис. 188. Мавзолеи у пос. Тептяри; 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3 (по С.А.Попову).
Fig. 188. Mausoleums near the village of Teptiari; 1 – no. 1; 2 – no. 2; 3 – no. 3 (after S.A. Popov).

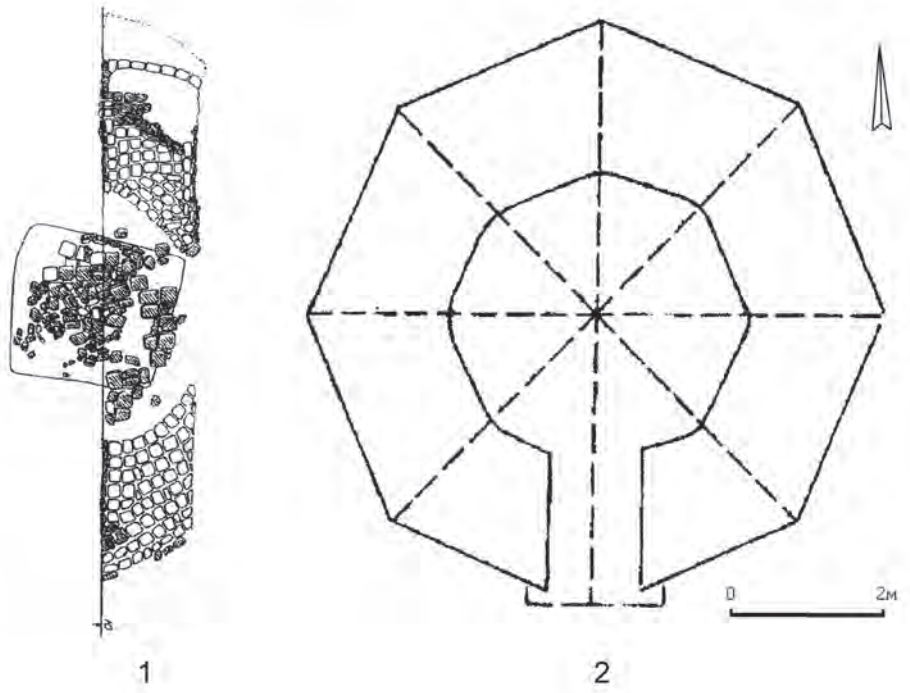

Рис. 189. Мавзолей у с. Изобильное: 1 – план;
2 – реконструкция (по Г.Н. Гарустовичу, М.А. Турецкому).
Fig. 189. Mausoleum near the village of Izobil'noe: 1 – plan;
2 – reconstruction (after G.N. Garustovich and M.A. Turetsky).

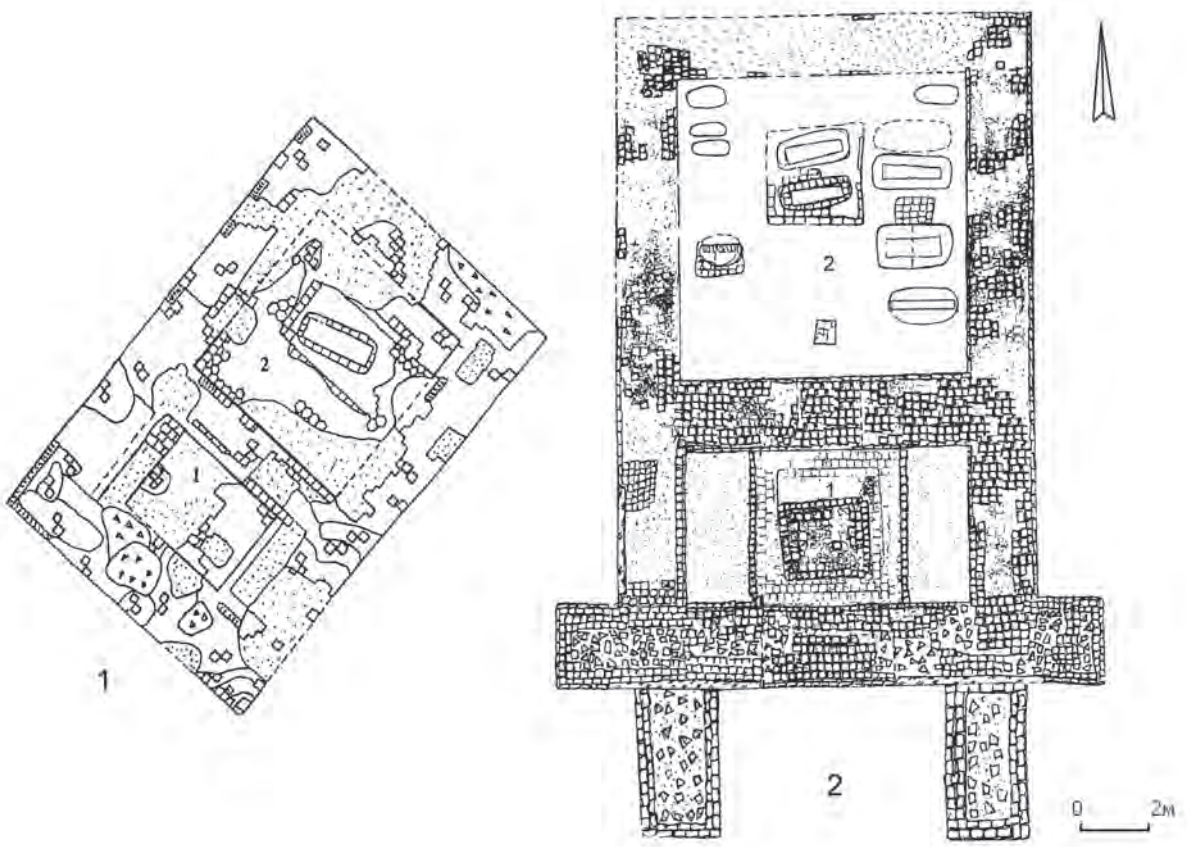
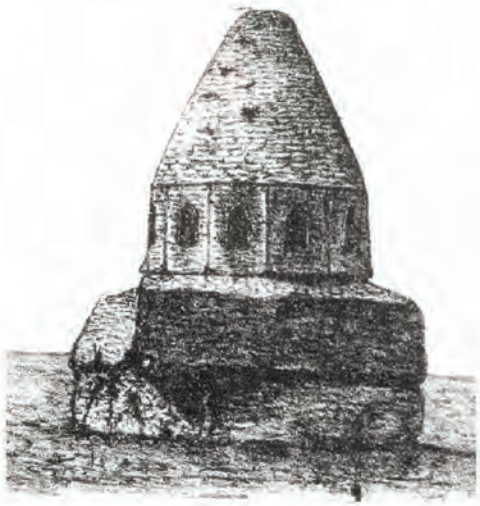

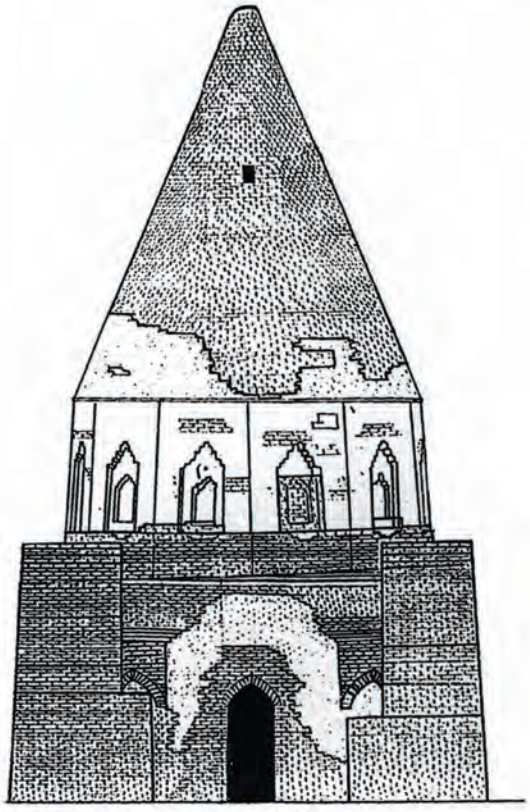
Рис. 190. Мавзолеи Жайыка: 1 – Малый; 2 – Большой (по К.М.Байпакову и др.).
Fig. 190. Mausoleums of Zhaiyk: 1 – Lesser Mausoleum;
2 – Greater Mausoleum (after K.M.Baipakov et al.).

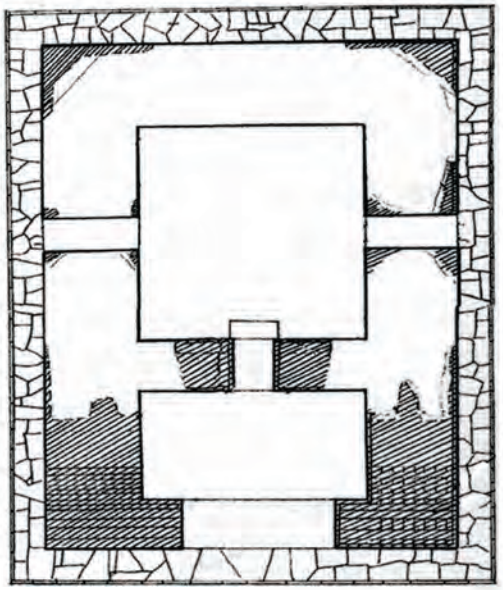
1

2

3

4

Рис. 191. Мавзолей Абат Байтак: 1 – рисунок И.А.Кастанье; 2 – фото 2000 г., вид с востока; 3 – южный фасад; 4 – план (по С.Е.Ажигали).

Fig. 191. Abat Baitak Mausoleum: 1 – drawing by I.A. Castagnet; 2 – photograph 2000 г., view from the east; 3 – south façade; 4 – plan (after S.E. Azhigali).

1

2

Рис. 192. Мавзолей Абат Байтак, современный вид: 1 – южный фасад; 2 – вид с востока.
Fig. 192. Abat Baitak Mausoleum, contemporary outlook: 1 – south façade; 2 – view from the east.

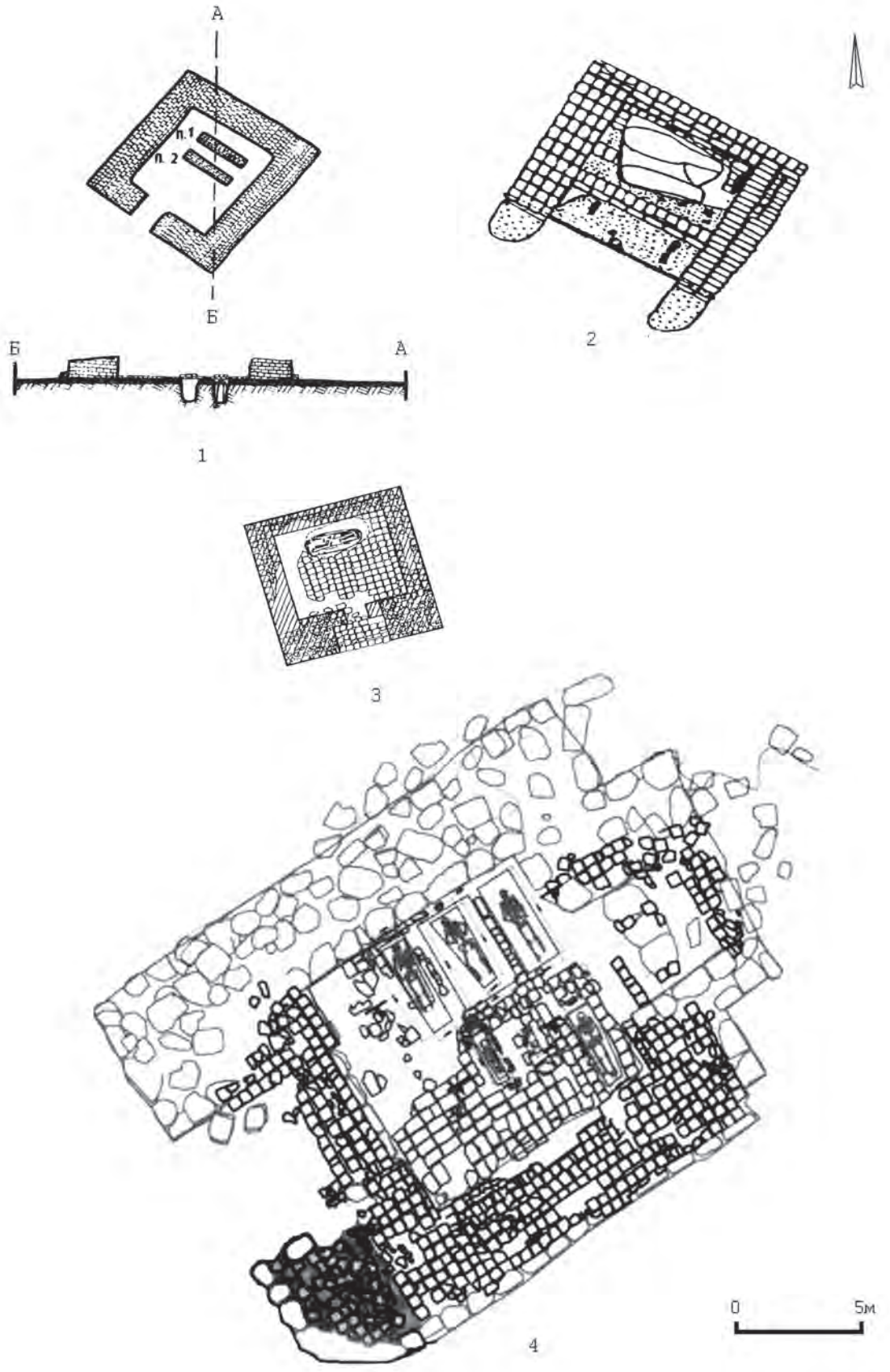

Рис. 193. Мавзолеи Казахстана: 1 – у пос. Саралжин (по Г.Н. Гарустовичу); 2 – Атчергат; 3 – Домолакер (по Г.С.Боталову и др.); Кердери 2 (по К.М.Байпакову и др.).
Fig. 193. Mausoleums of Kazakhstan: 1 – near the village of Sarajin (after G.N. Garustovich); 2 – Atchergat; 3 – Domolaker (after G.S. Botalov et al.); Kerderi 2 (after K.M. Baipakov et al.).

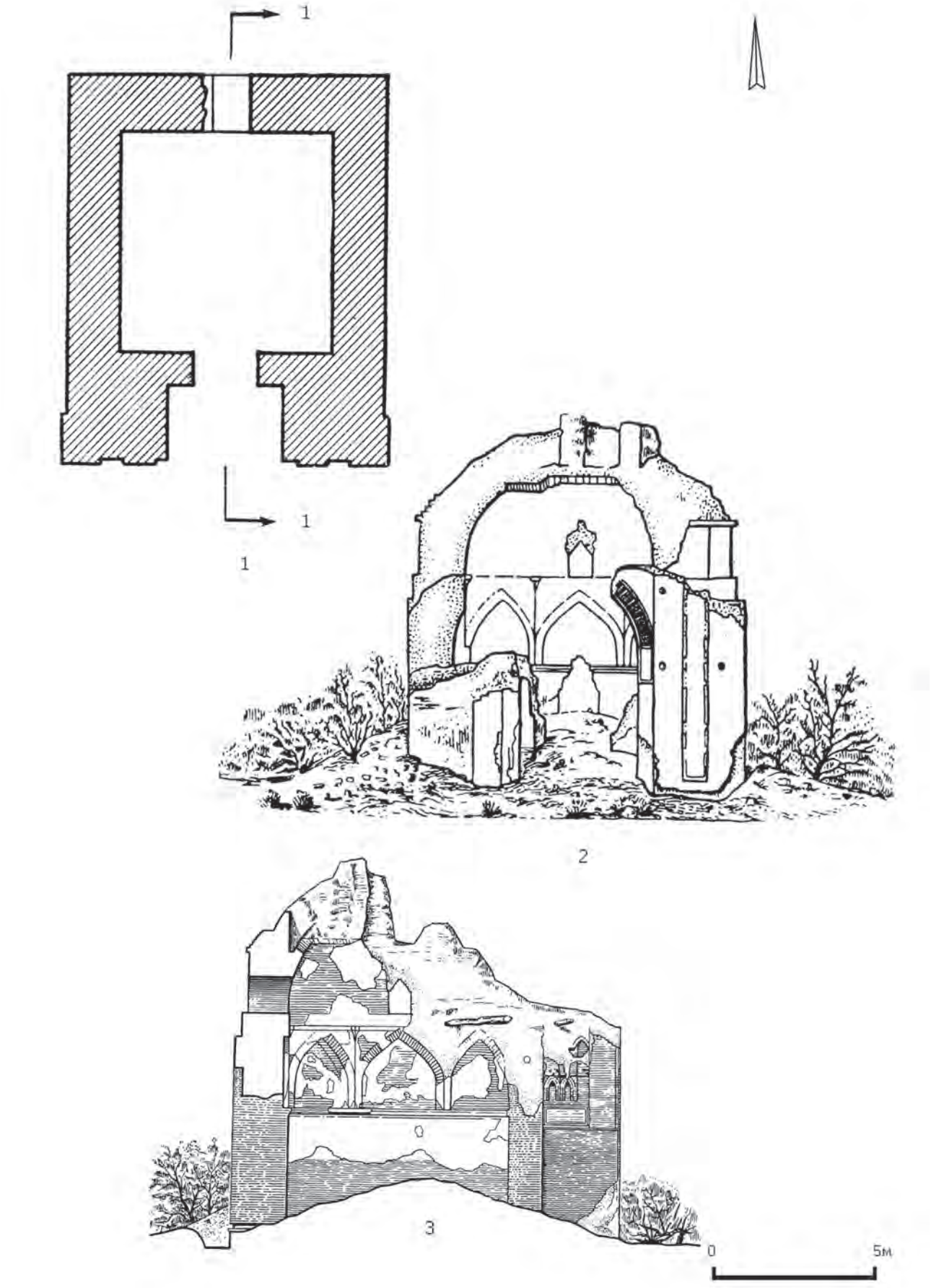
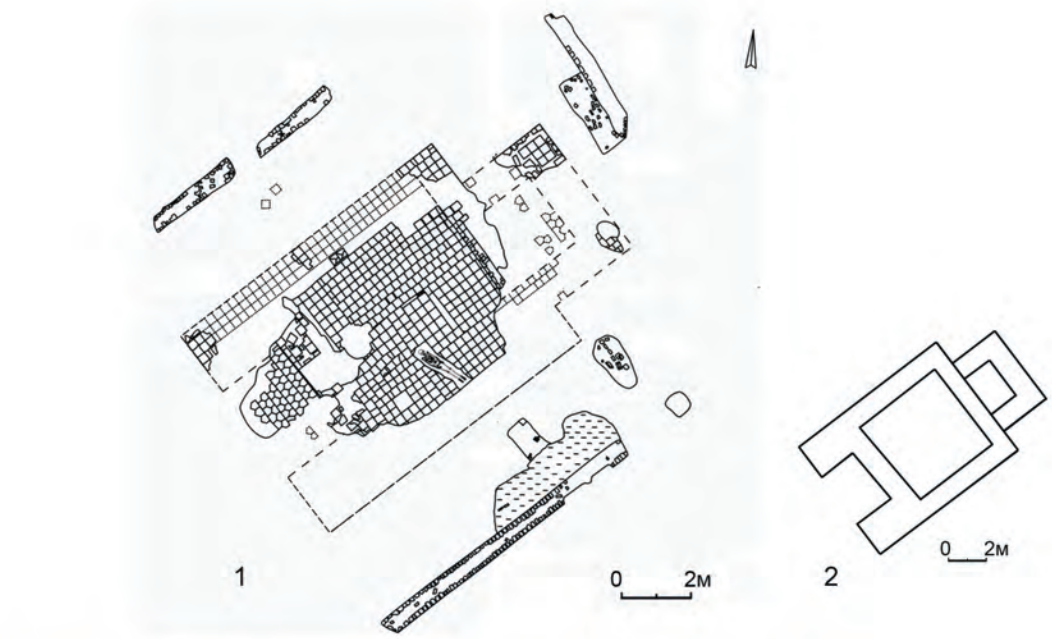
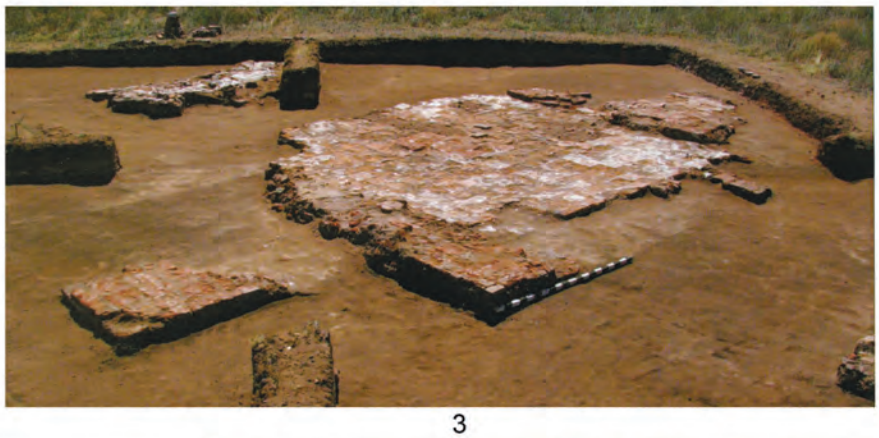

Рис. 194. Мавзолей Сарлытам Жаныдарьинский: 1 – план; 2 – фасад; 3 – разрез (по С.П.Толстову).
Fig. 194. Sarlytam Zhanydarya Mausoleum: 1 – plan; 2 – façade; 3 – section (after S.P. Tolstov).

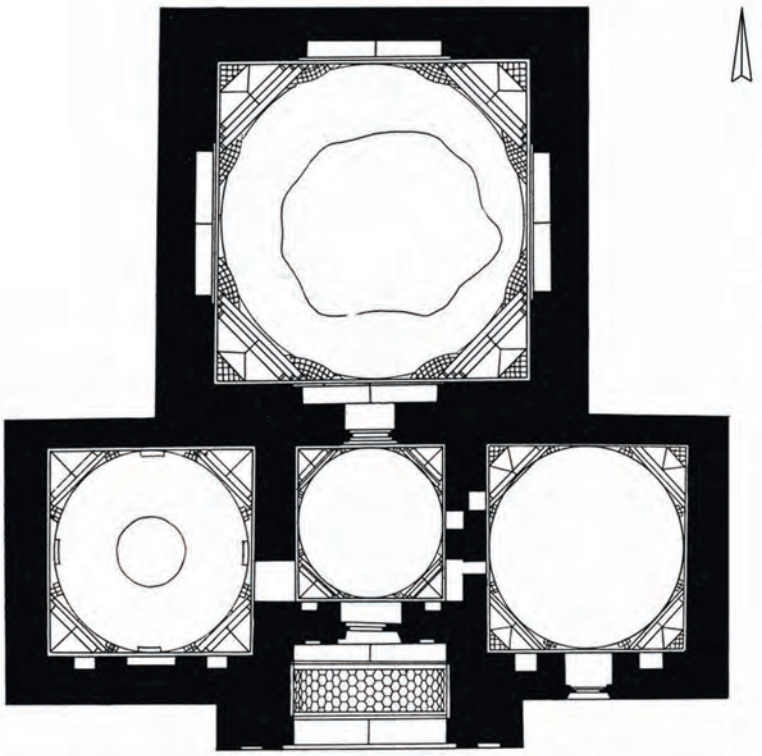
3

4

Рис. 195. Мавзолей у Жаныбек-Шалкар с. Коргалжин Акмолинской области; 1 – план; 2 – схема плана; 3 – вид с севера; 4 – вид с запада (по К.М.Байпакову, М.К.Хабдулиной, В.В.Варфоломееву).

Fig. 195. Mausoleum near Zhanybek-Shalkar at Korgalzhin, Akmolla Region; 1 – plan; 2 – schematic plan; 3 – view from the north; 4 – view from the west (after K.M. Baipakov, M.K. Habdulina and V.V.Varfolomeev).

1

2

Рис. 196. Мавзолей Наджмеддина Кубра в Ургенче: 1 – план (по Г.А.Пугаченковой); 2 – современный вид.

Fig. 196. Mausoleum of Najmeddin Kubra at Urgench: 1 – plan (after G.A. Pugachenkova); 2 – contemporary outlook.

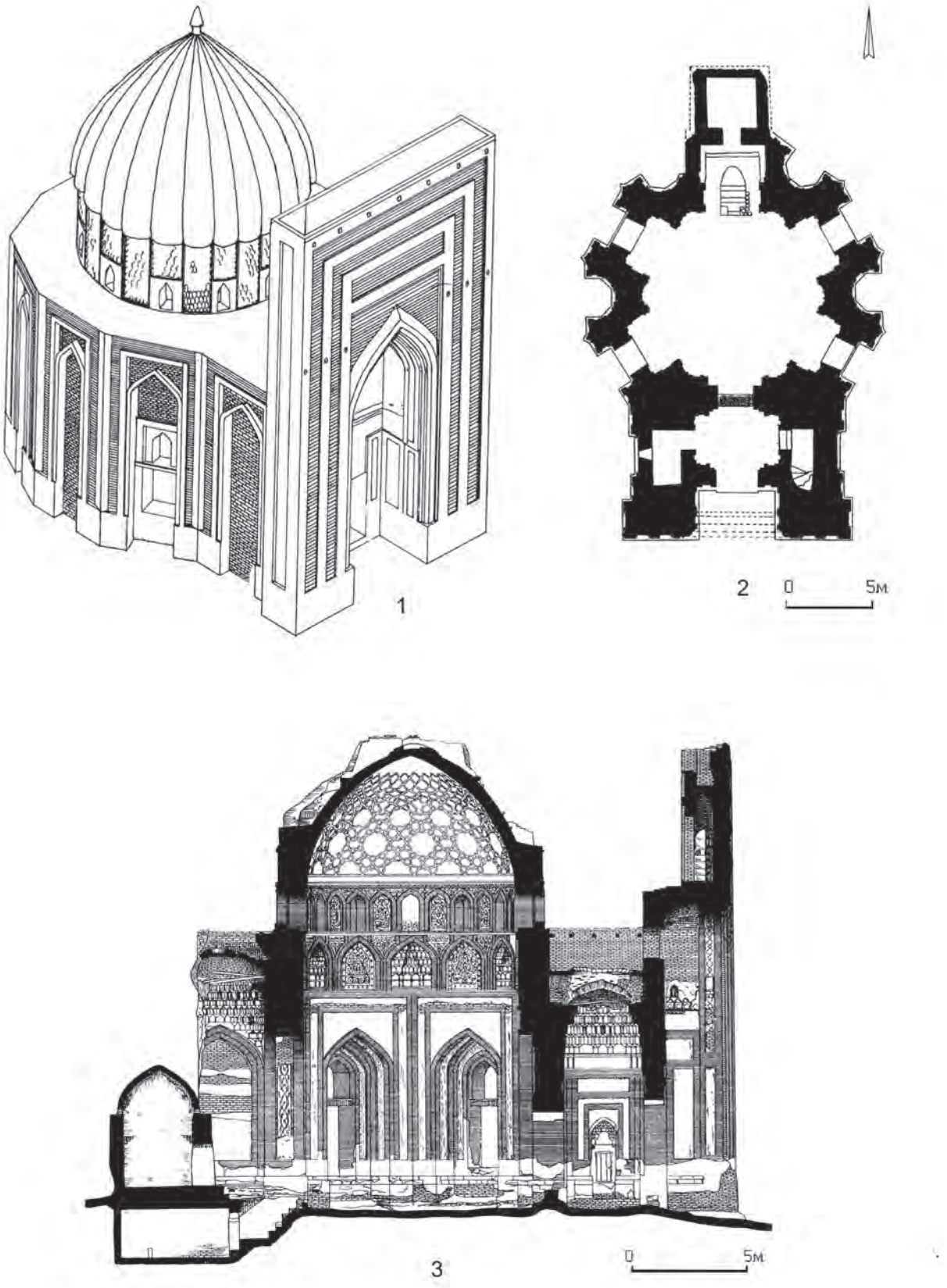
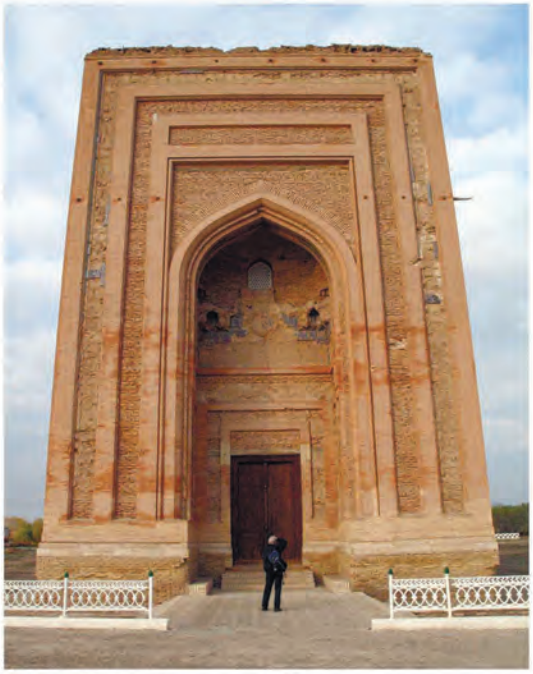

Рис. 197. Мавзолей Тюрабек-ханым: 1 – аксонометрия (по Р.Хилленбранду); 2 – план; 3 – разрез (по Г.А.Пугаченковой).
Fig. 197. Mausoleum of Türabek-khanym: 1 – axonometry (after R. Hillenbrand); 2 – plan; 3 – section (after G.A. Pugachenkova).

1

2

3

Рис. 198. Мавзолей Тюрабек-ханым, современный вид: 1 – вид сбоку; 2 – портал; 3 – купол в интерьере.

Fig. 198. Mausoleum of Türabek-khanym, contemporary outlook: 1 – side-view; 2 – portal; 3 – dome from the interior.

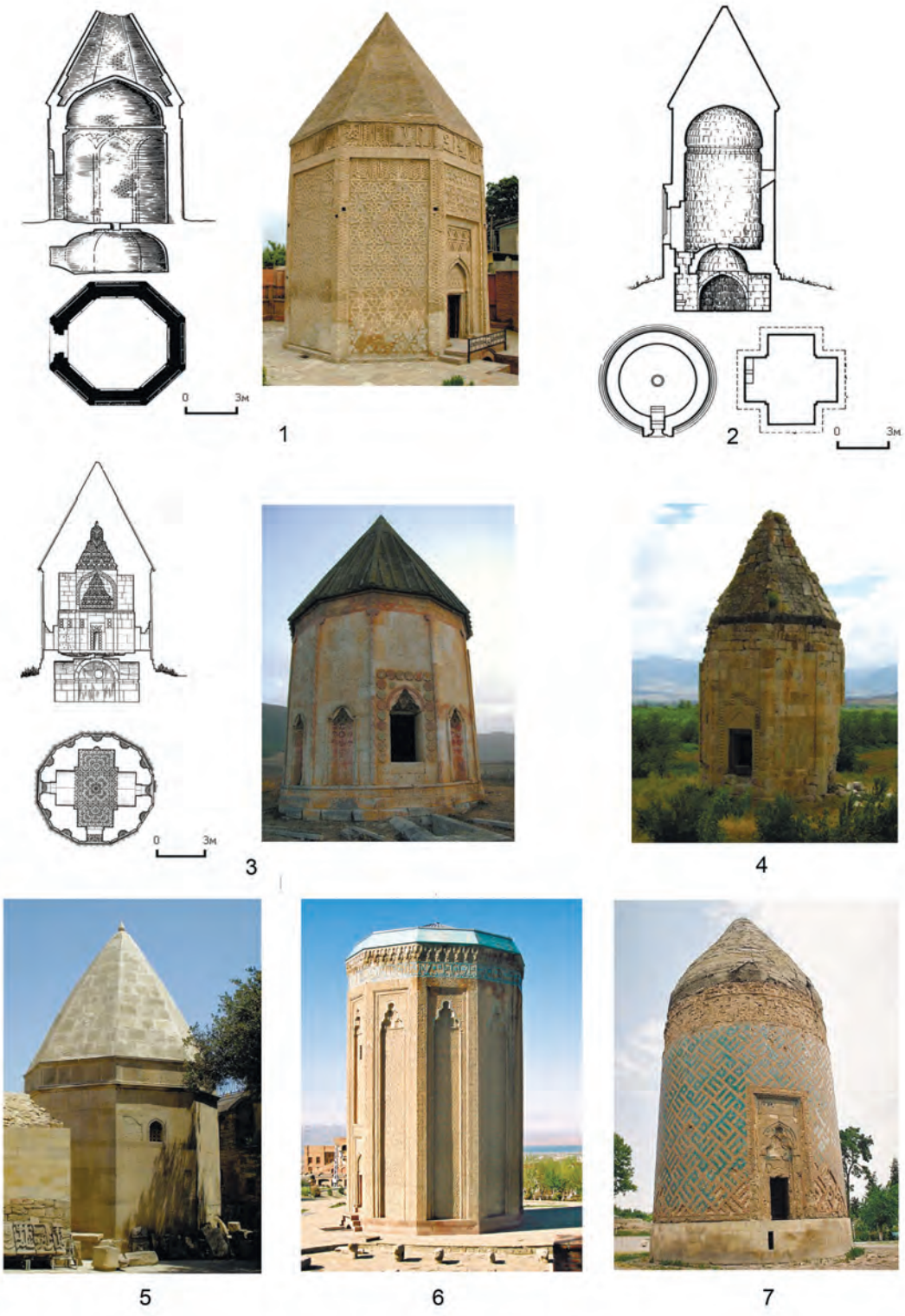

Рис. 199. Башенные мавзолеи Азербайджана: 1 – Юсуфа ибн Кусейра (XII в.); 2 – Мир Али (XIV в.); 3 – Хачин-Дорбатлы (XIV в.); 4 – мавзолей Йахйи ибн Мухаммада ал-Хаджа, 1305 г.; 5 – мавзолей Сейида Яхья Бакуви (XV в.); 6 – Момине Хатун (XII в.); 7 – мавзолей в Барде (XIV в.) (планы и разрезы по Л.С.Бретаницкому).

Fig. 199. Tower mausoleums of Azerbaijan: 1 – Mausoleum of Yusuf ibn Kuseir (12th century); 2 – Mausoleum of Mir Ali (14th century); 3 – Khachin-Dorbatly (14th century); 4 – Mausoleum of Yahya ibn Muhammad al-Haj, 1305; 5 – Mausoleum of Seyid Yahya Bakuvi (14th century); 6 – Momine Hatun (12th century); 7 – Mausoleum at Barda (14th century) (plans and sections after L.S. Bretanitsky).

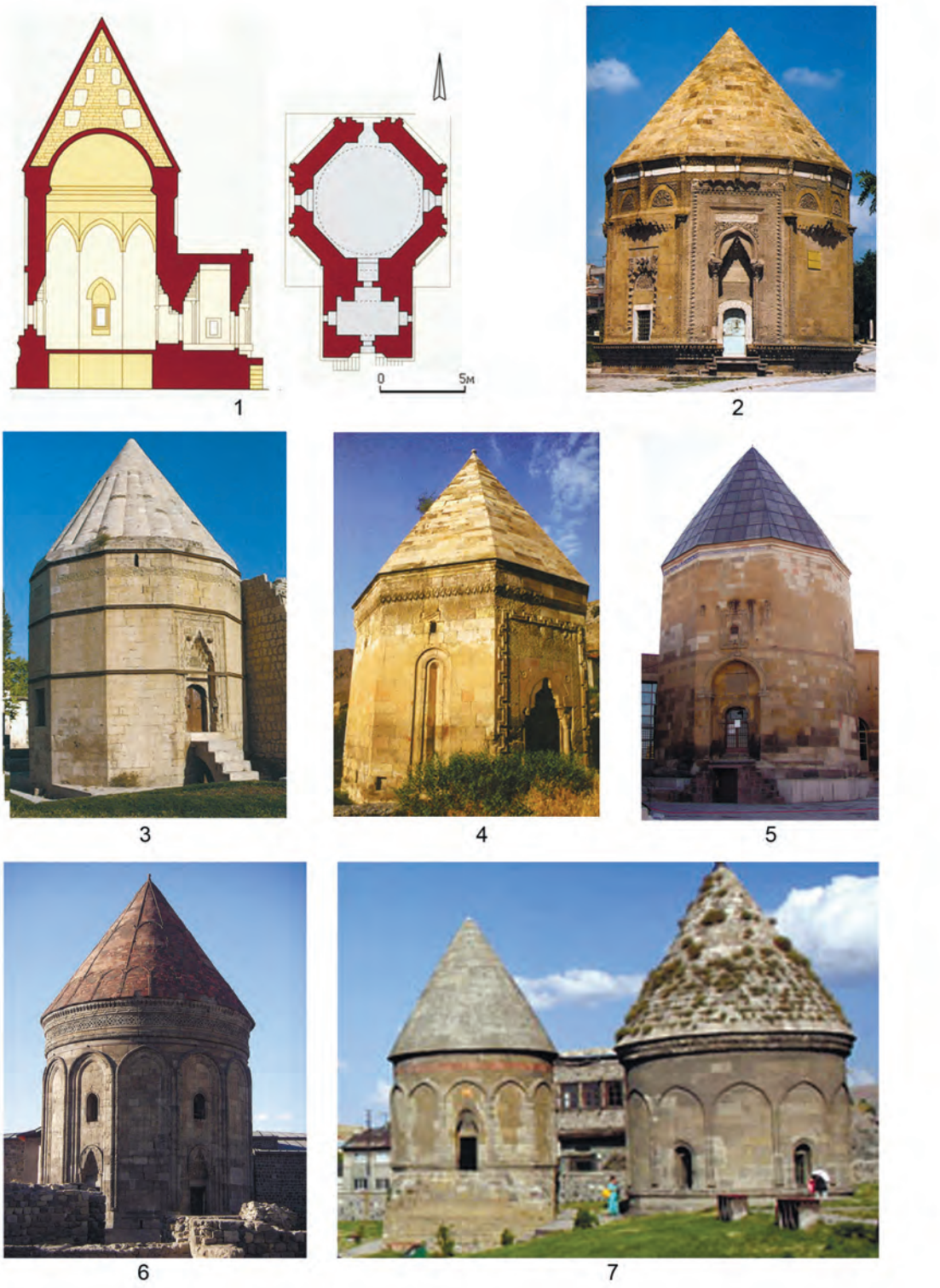

Рис. 200. Башенные мавзолеи Малой Азии: 1 – Али Кафер в Кайсери (XIII в.); 2 – Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.); 3 – дюрбе Худавент хатун в Нигде (начало XIV в.); 4 – Ситте Мелик в Дивриги (XII в.); 5 – Кылыч Арслана в Конье (XII в.); 6 – в Эрзеруме (XIII- XIV в.); 7 – Юч Кюмбетлер, Эрзерум (XIV в.) (по и Г.Стирлину).
Fig. 200. Tower mausoleums of Asia Minor: 1 – Ali Kafer at Kayseri (13th century); 2 – Karamanoğlu Alaeddin bey's mausoleum at Karaman (13th century); 3 – dürbe of Hudavent hatun at Nigda (early 14th century); 4 – Sitte Melik at Divrigi (12th century); 5 – Kılıç Arslan's mausoleum at Konya (12th century); 6 – mausoleum at Erzerum (13th – 14th century); 7 – Üç Kümbetler, Erzerum (14th century) (after H. Stierlin).

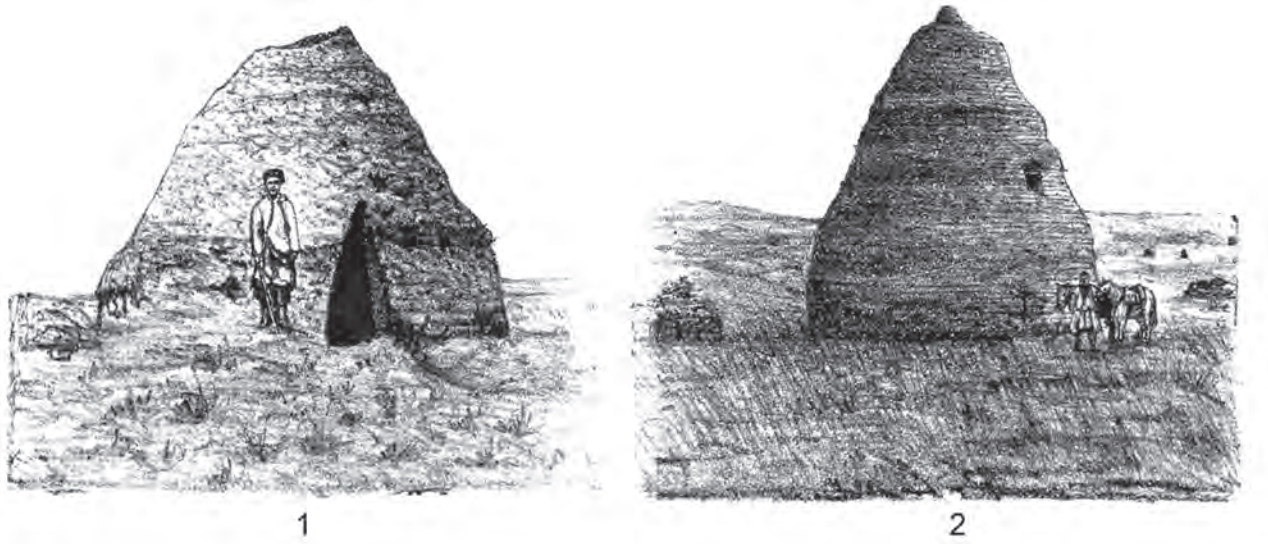

Рис. 201. Пирамидальные сырцовые мавзолеи Центрального Казахстана 1-2 (по И.А.Кастанье).
Fig. 201. Pyramidal mudbrick mausoleums of Central Kazakhstan: 1–2 (after I.A. Castagnet).

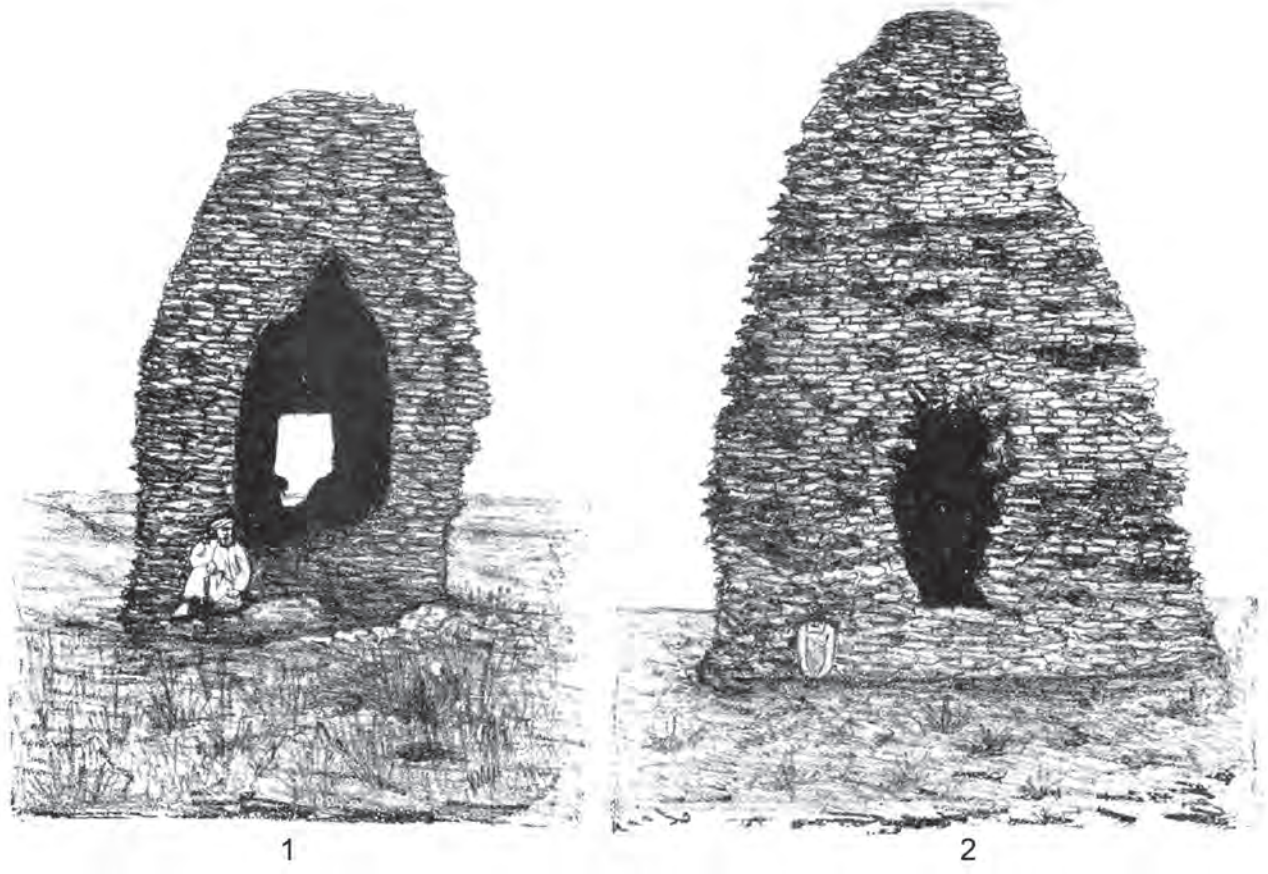

Рис. 202. Пирамидальные каменные мавзолеи в Семиречье: 1 – Дынгек; 2 – Козу Корпеч (по И.А.Кастанье).
Fig. 202. Pyramidal stone mausoleums in the Jetysu area: 1 – Dyngek; 2 – Kozu Korpech (after I.A. Castagnet).

Рис. 203. Башня Сараман-Коса в Низовьях Сырдарьи.
Fig. 203. Saraman-Kosa tower on the Lower Syr-Darya.

Рис. 204. Пирамидальный сырцовый мавзолей на современном некрополе Ешкикырган в Мангистаунской области.
Fig. 204. Pyramidal mudbrick mausoleum at the modern cemetery of Eshkikyrgan in the Mangistau region.

Рис. 205. Мазар Шилков- Мейрама (XVIII-XIX вв. ?) в Западном Казахстане. (по З.Самашеву и др.)
Fig. 205. Mazar of Shilkov-Meiram (18th – 19th centuries?) in western Kazakhstan (after Z. Samashev et al.)

Рис. 206. Пирамидальный сырцовый мавзолей (XIX в. ?) на могильнике Абат Байтак в Западном Казахстане.
Fig. 206. Pyramidal mudbrick mausoleum (19th century?) in the Abat Baitak cemetery in Western Kazakhstan.

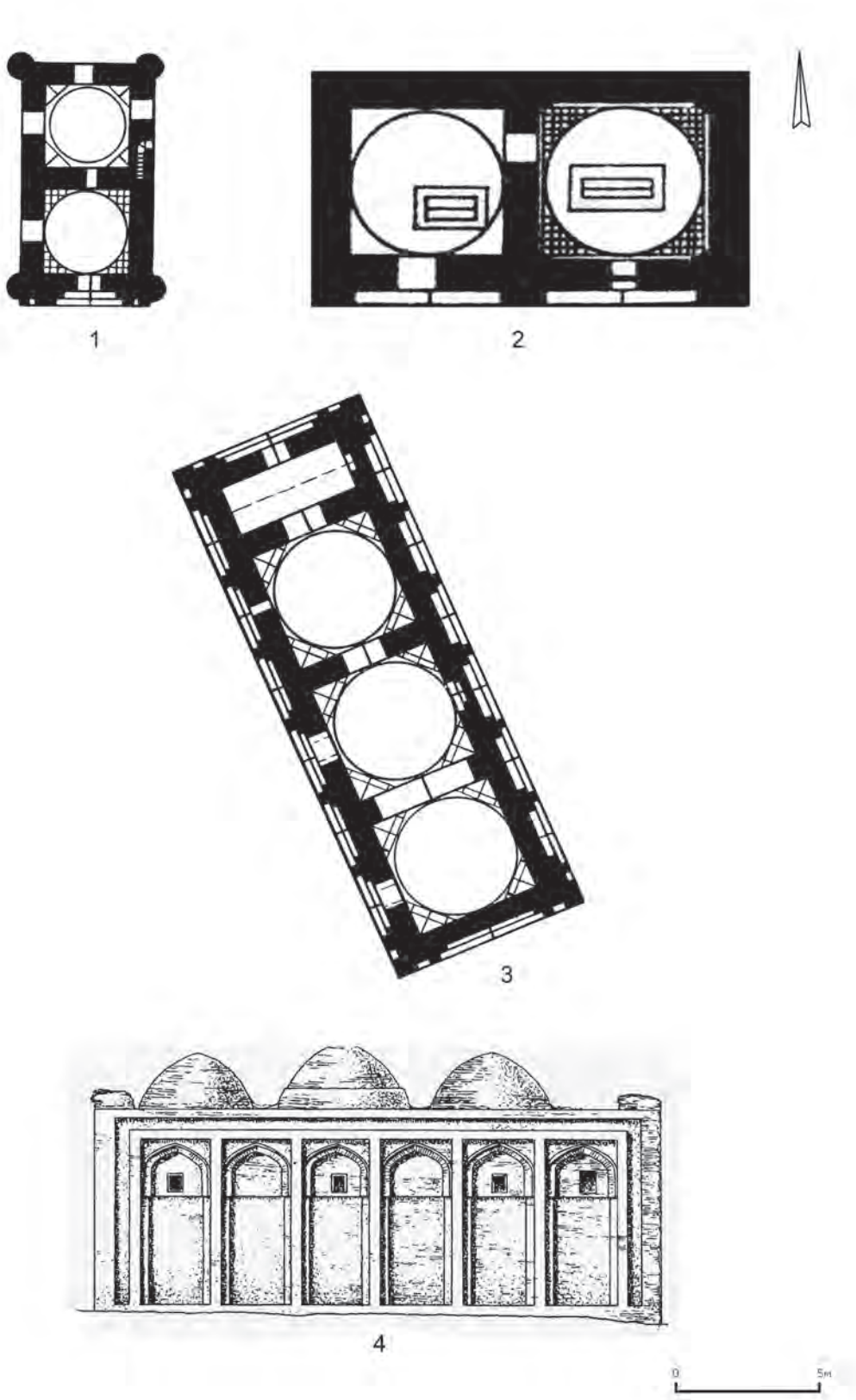

Рис. 207. Многокамерные продольноосевые и поперечноосевые мавзолеи Средней Азии: 1 – мавзолей в Гузаре (XI-XII вв.); 2 – в комплексе Ходжа Карлык (XI в.); 3-4 – Ходжа Иса (XI-XII вв.), план и западный фасад (по Л.Ю.Маньковской и С.Г.Хмельницкому).

Fig. 207. Longitudinal- and cross-axial multicameral mausoleums of Central Asia: – mausoleum at Guzar (11th – 12th century); 2 – mausoleum in the Khoja Karlyk complex (11th century); 3-4 – Khoja Isa (11th – 12th century), plan and west side (after L.Yu. Man'kovskaia and S.G. Khmel'nitsky).

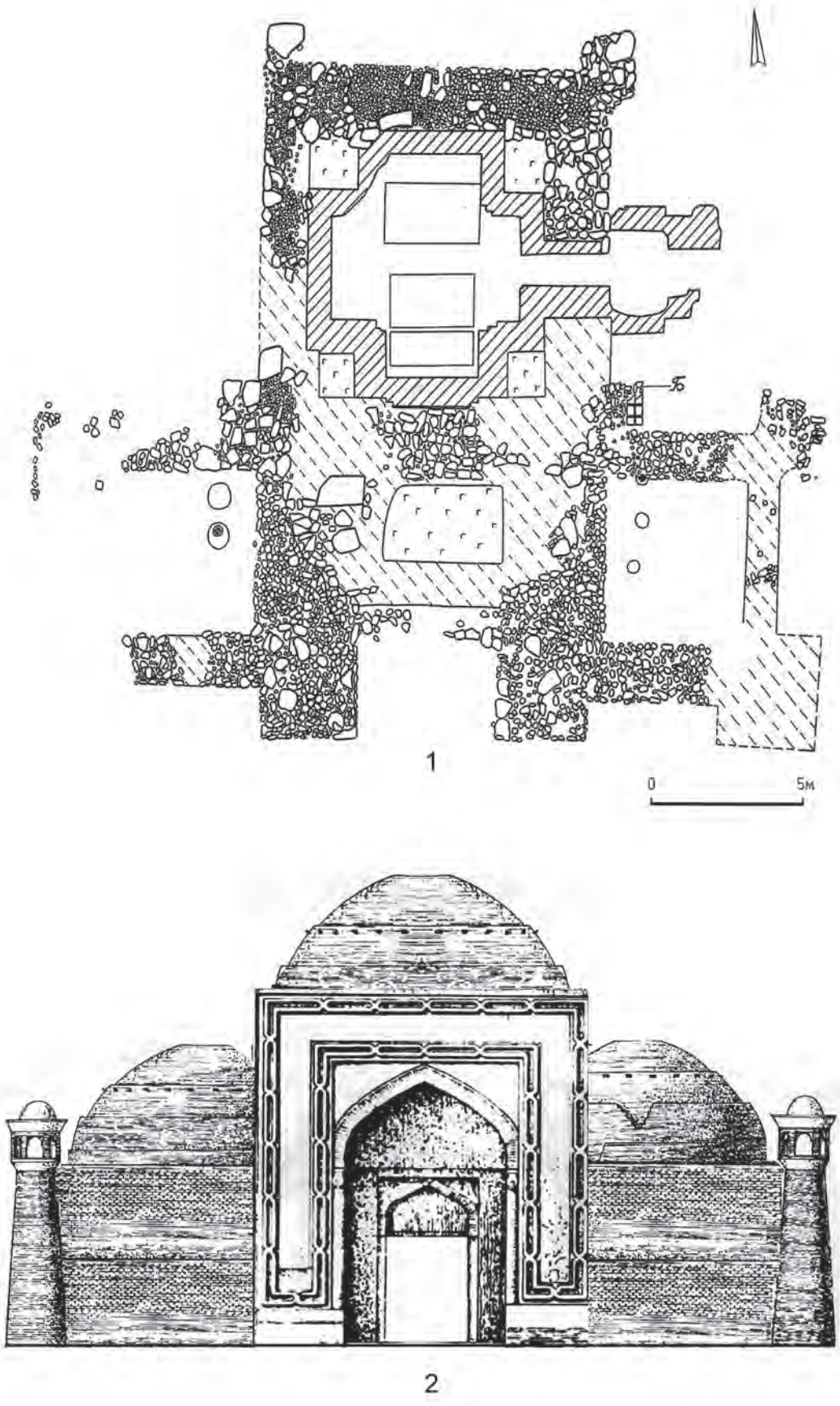

Рис. 208. Мавзолей № 1 в Мохши: 1 – план; 2 – вариант реконструкции.
Fig. 208. Mausoleum 1 at Mokhshi: 1 – plan; 2 – a variant of reconstruction.

Рис. 209. Черная палата и ее аналоги: 1 – Черная палата; 2 – мечеть Хаси Узбека в Изнике (1333 г.); 3 – Зеленая мечеть в Изнике (конец XIV в.); 4 – Мурад Паша Джами в Бурсе (1378 г.); 5 – мавзолеи при мечети Мурад Паша в Бурсе (по Г.Стирлину).

Fig. 209. Black Chamber and its analogies: 1 – Black Chamber; 2 – Mosque of Hasi Uzbek at Iznik (1333); 3 – Green Mosque at Iznik (late 14th century); 4 – Murad Paşa Cami at Bursa (1378); 5 – mausoleums attached to Murad Paşa Cami at Bursa (after H. Stierlin).

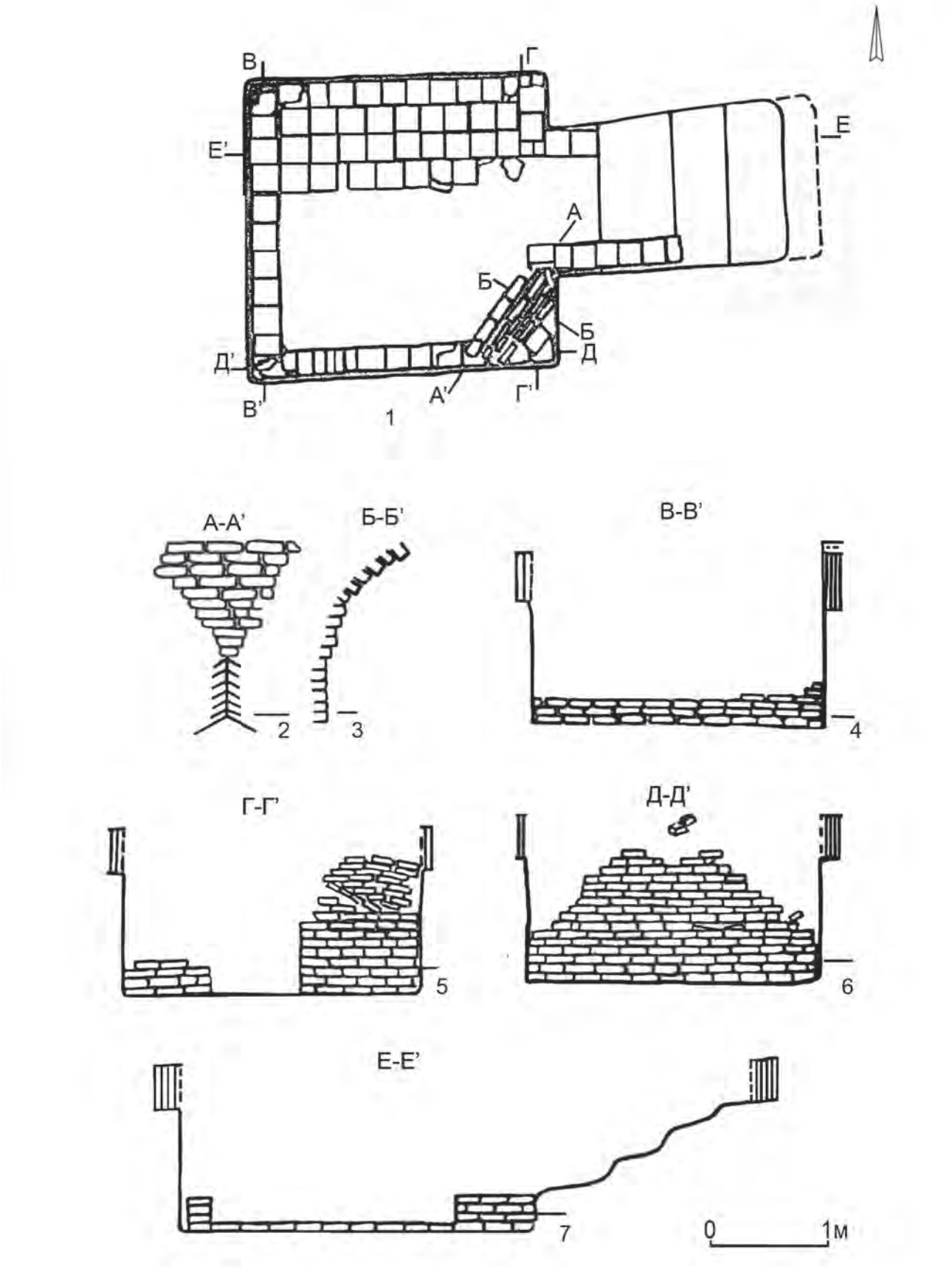

Рис. 210. Склеп разрушенного мавзолея у х. Шляховской в Волгоградской области: 1 – план; 2-7 фасы стен.

Fig. 210. Crypt of a ruined mausoleum near Shliakhovskoi in the Volgograd Region: 1 – plan; 2–7 – faces of walls.

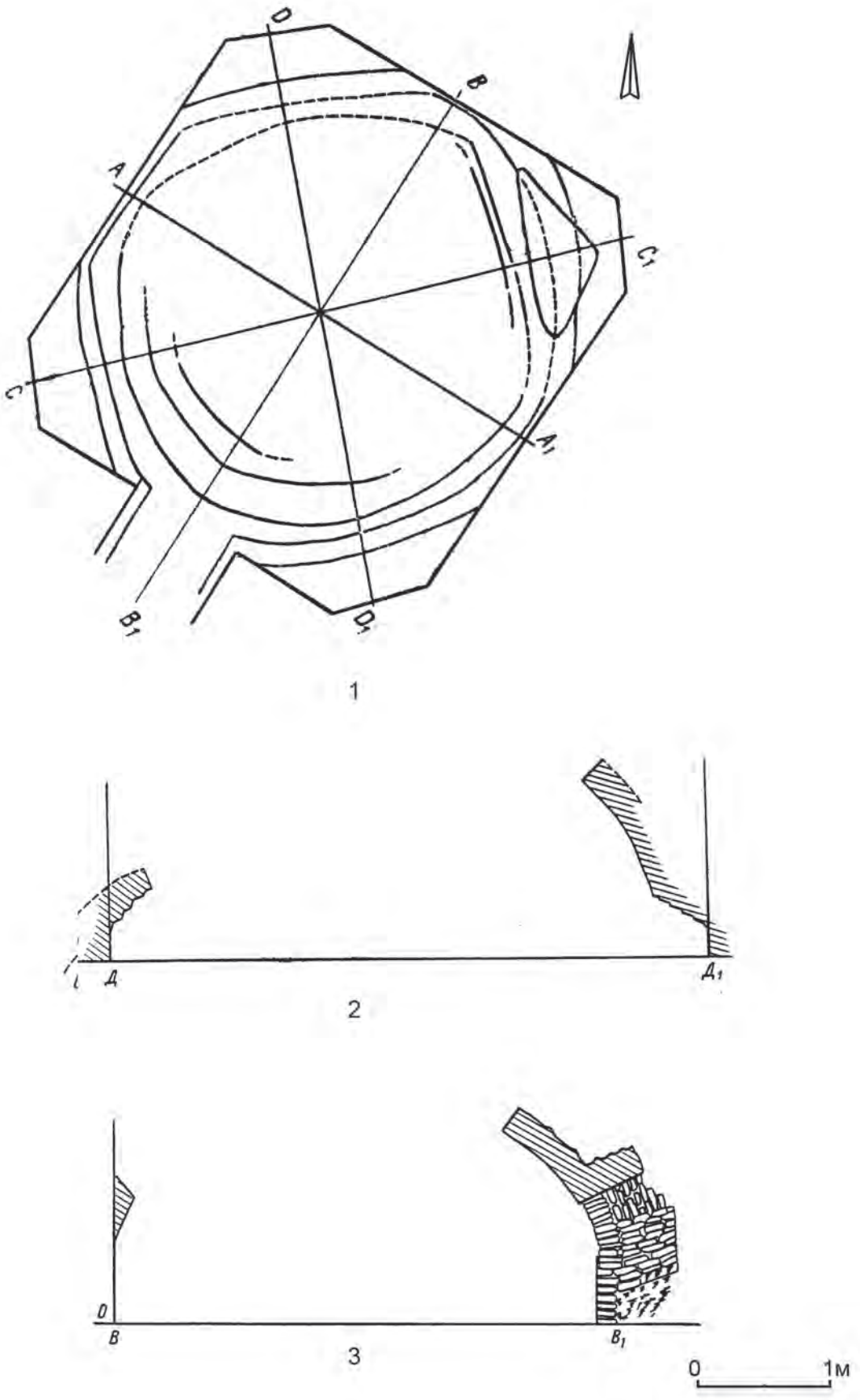
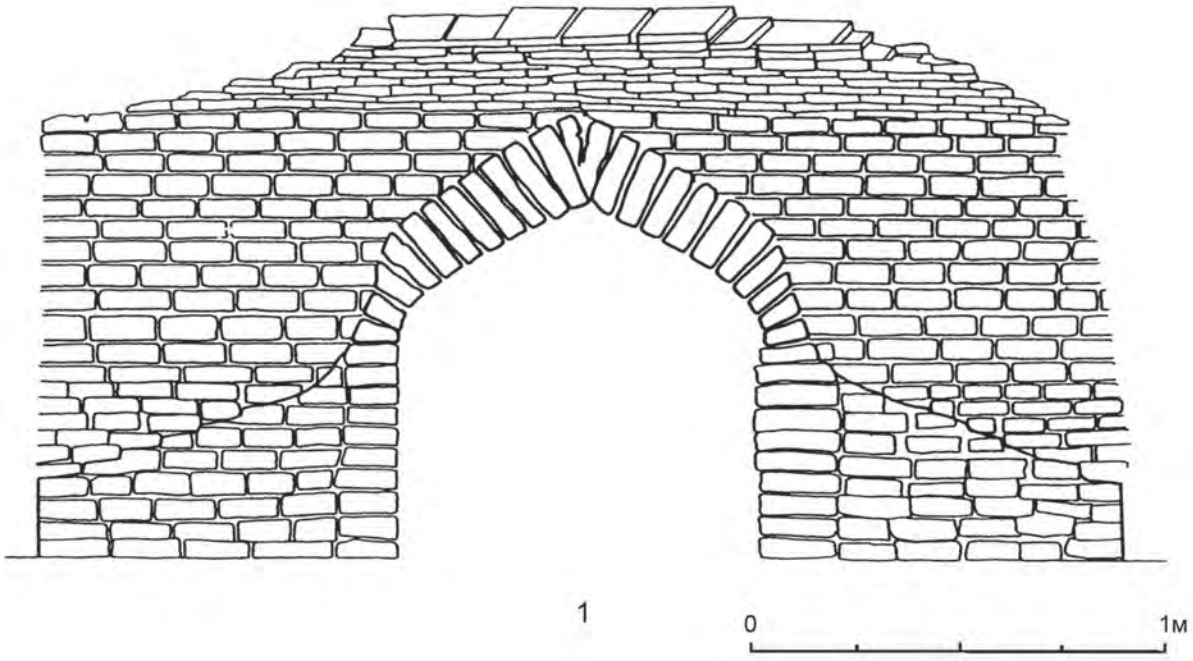
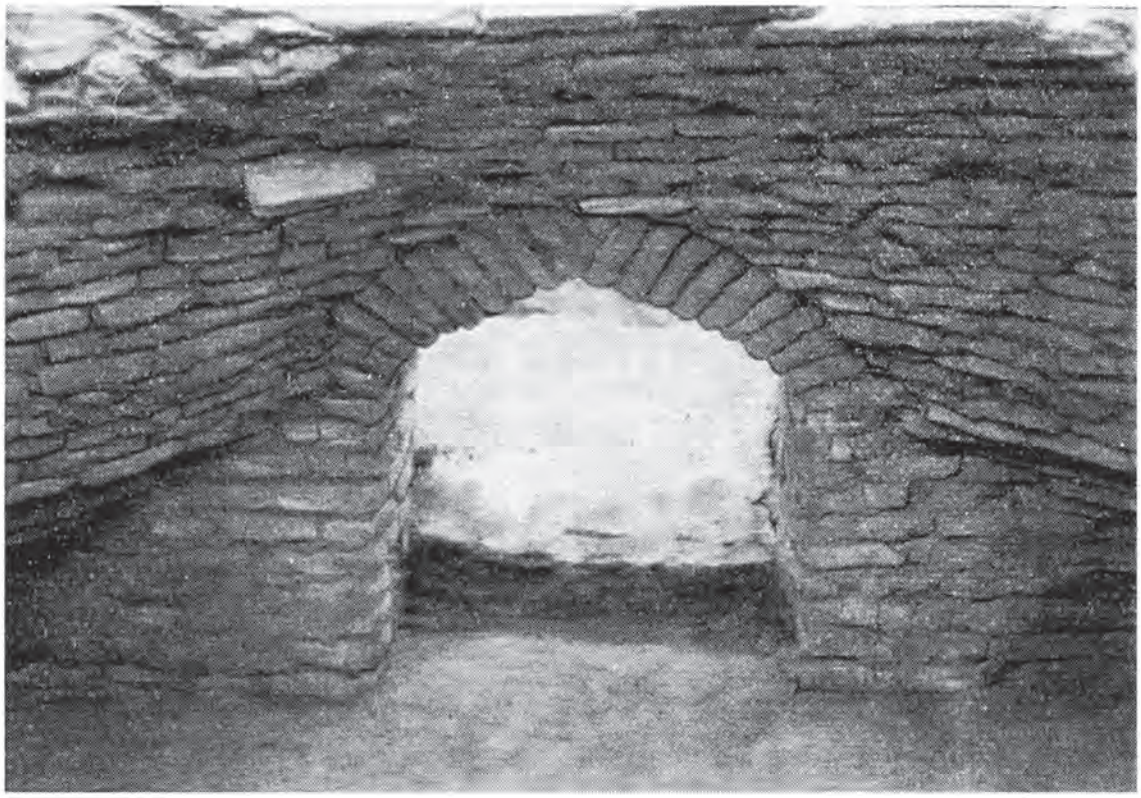

Рис. 211. Склеп 1 на Селитренном городище: 1 – план;
2 – разрезы (по Г.А. Федорову-Давыдову и др.).
Fig. 211. Crypt 1 at the Selitrennoe site: 1 – plan;
2 – sections (after G.A. Fyodorov-Davydov et al.).

2

Рис. 212. Склеп 1 на Селитренном городище, вид юго-западной стены: 1 – чертеж; 2 – фото (по Г.А. Федорову-Давыдову и др.).
Fig. 212. Crypt 1 at the Selitrennoe site, view of southwest wall: 1 – draft; 2 – photograph (after G.A. Fyodorov-Davydov et al.).

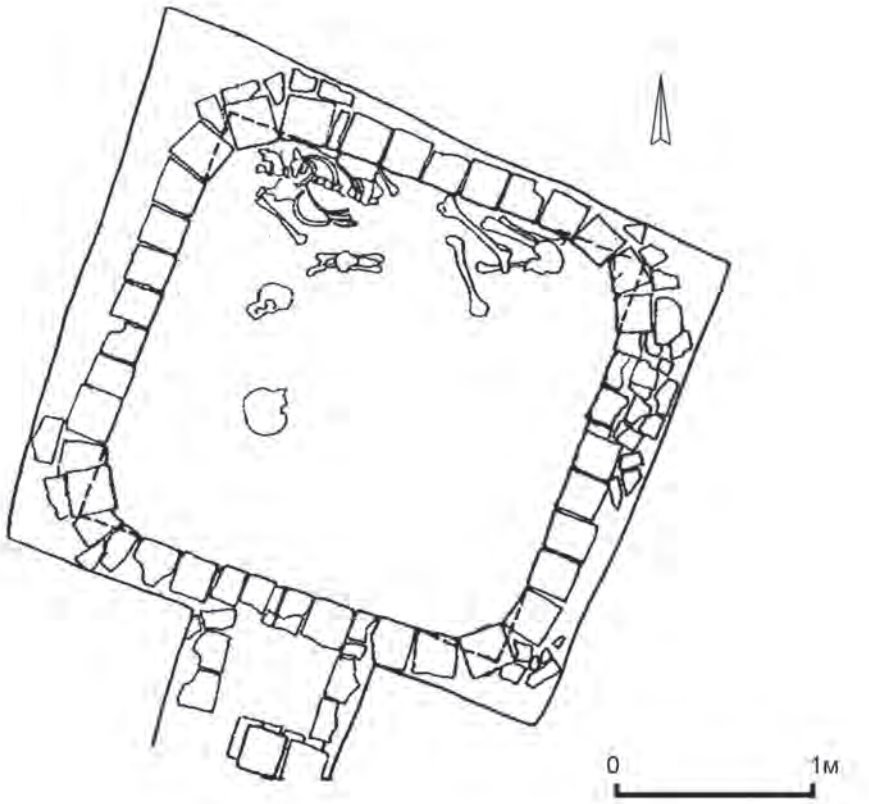

Рис. 213. Склеп 2 на Селитренном городище (по Г.А. Федорову-Давыдову и др.).
Fig. 213. Crypt 2 at the Selitrennoe site (after G.A. Fyodorov-Davydov et al.).

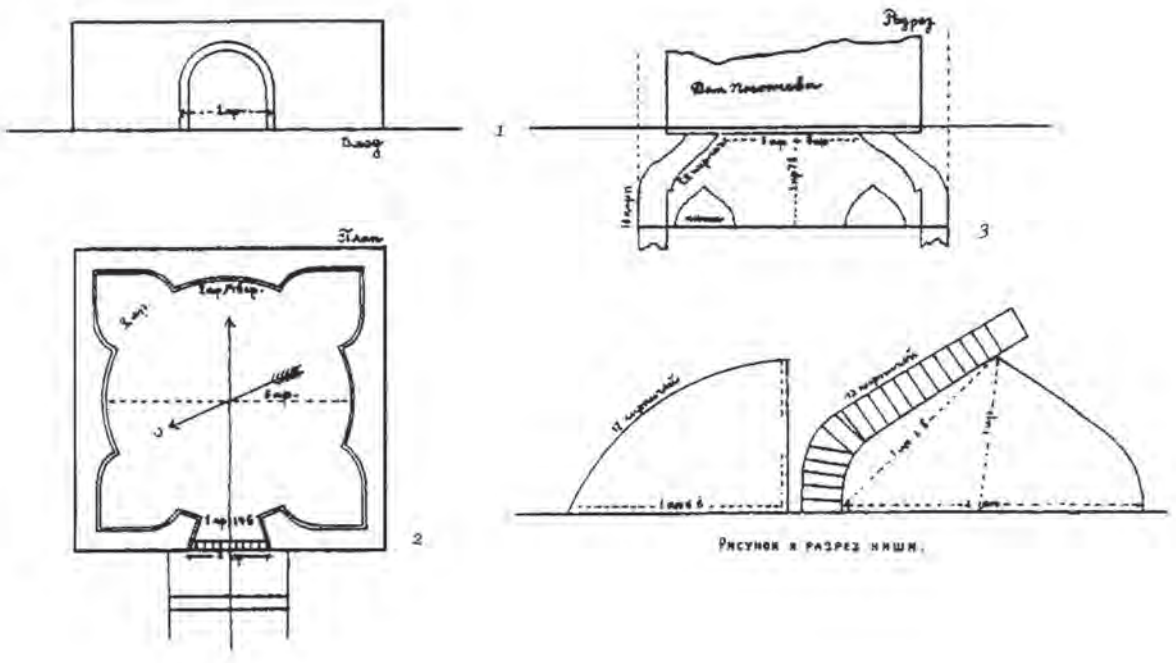

Рис. 214. Склеп 3 на Селитренном городище, план и разрезы Ф.Баллода 1922 г. (по Ф. Баллоду, 1923).
Fig. 214. Crypt 3 at the Selitrennoe site, plan и sections by F. Ballod 1922 г. (after F. Ballod, 1923).

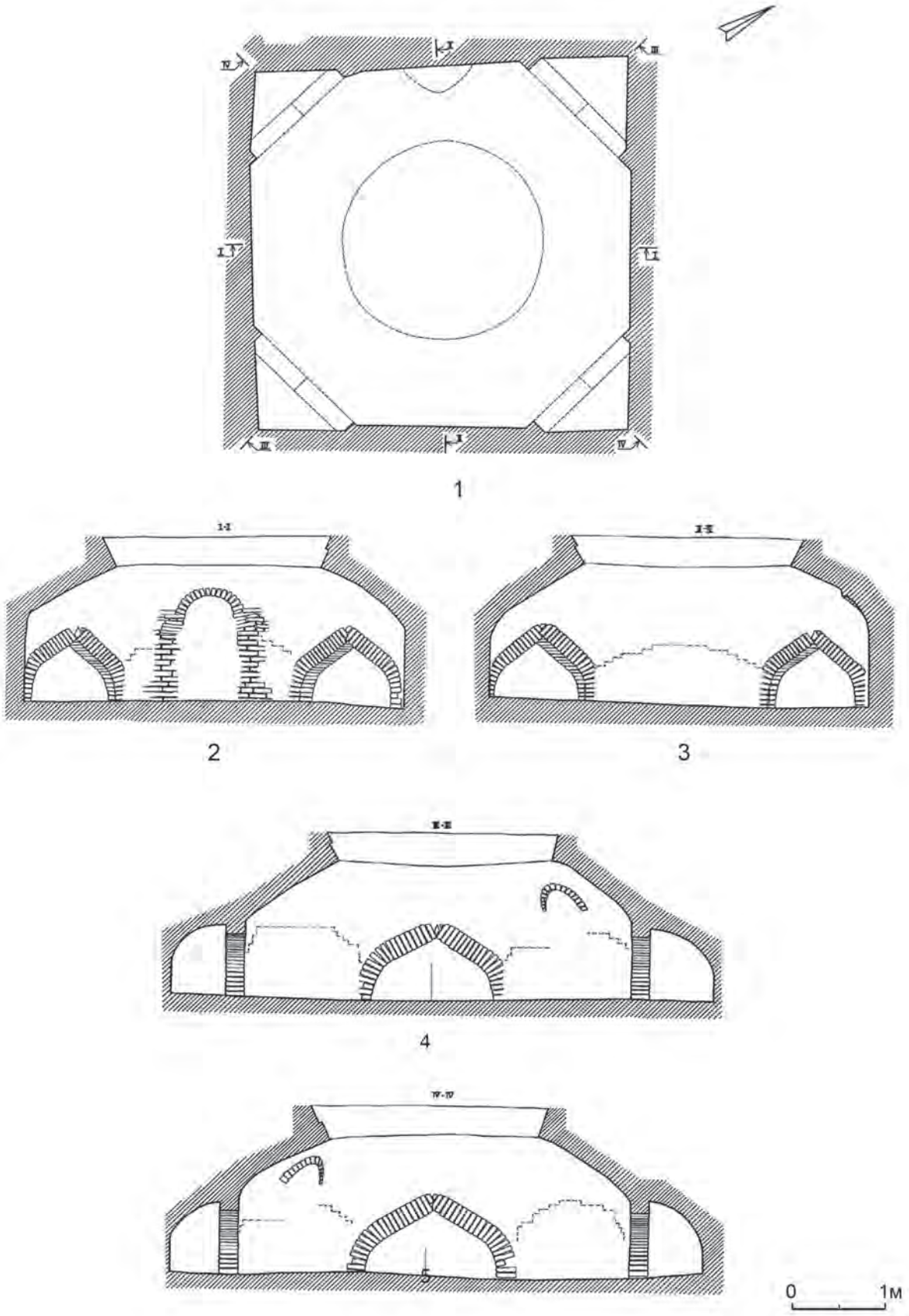

Рис. 215. Склеп 3 на Селитренном городище: 1 – план;
2-5 – разрезы (по В.Г. Рудакову и Л.Д. Мазур, 2011).
Fig. 215. Crypt 3 at the Selitrennoe site: 1 – plan;
2–5 – sections (after V.G. Rudakov and L.D. Mazur, 2011).

1

2

Рис. 216. Склеп 3 на Селитренном городище: 1 – заложенный вход; 2 – тромп.
Fig. 216. Crypt 3 at the Selitrennoe site: 1 – walled up entrance; 2 – trompe.

Рис. 217. Склеп 5 на Селитренном городище (фото Е.М. Пигарева).
Fig. 217. Crypt 5 at the Selitrennoe site (photograph by E.M. Pigarev).

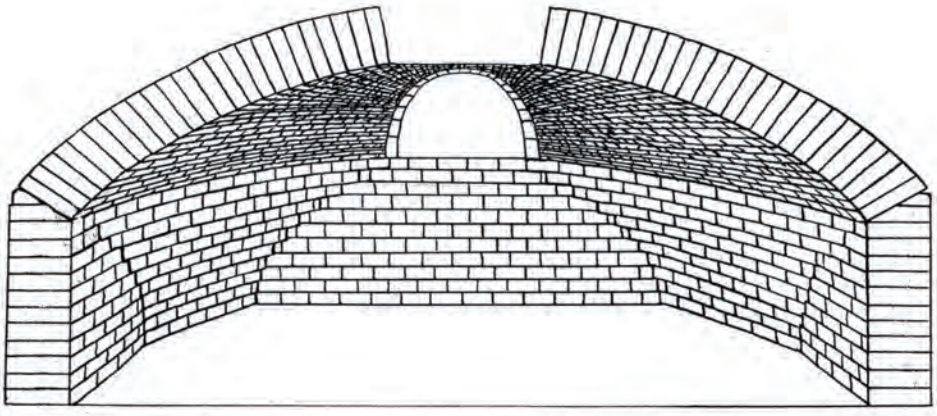

Рис. 218. Склеп на Каменном бугре (по В.В. Филипченко, 1952).
Fig. 218. Crypt at Kamennyi Bugor (after V.V. Filipchenko, 1952).

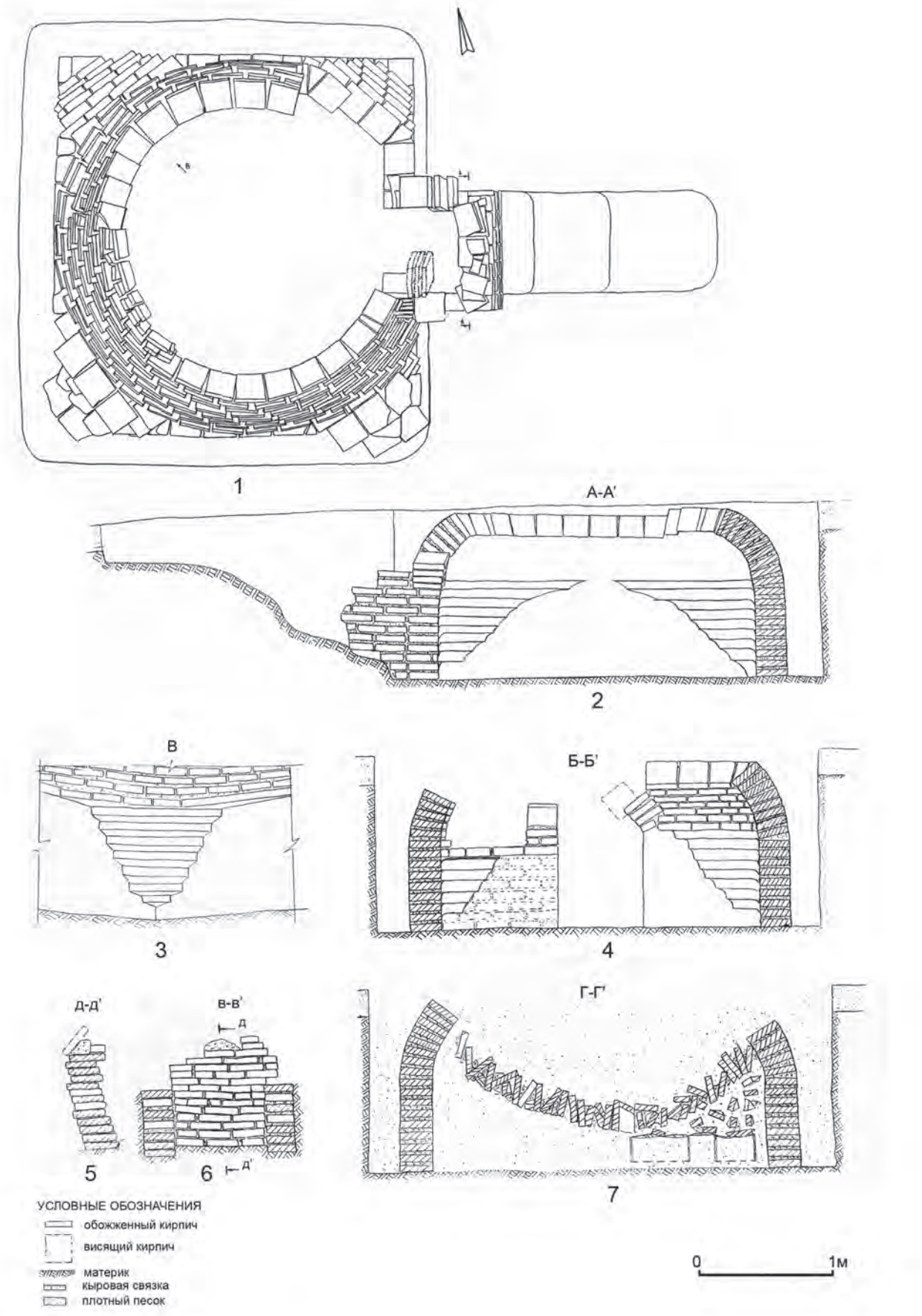
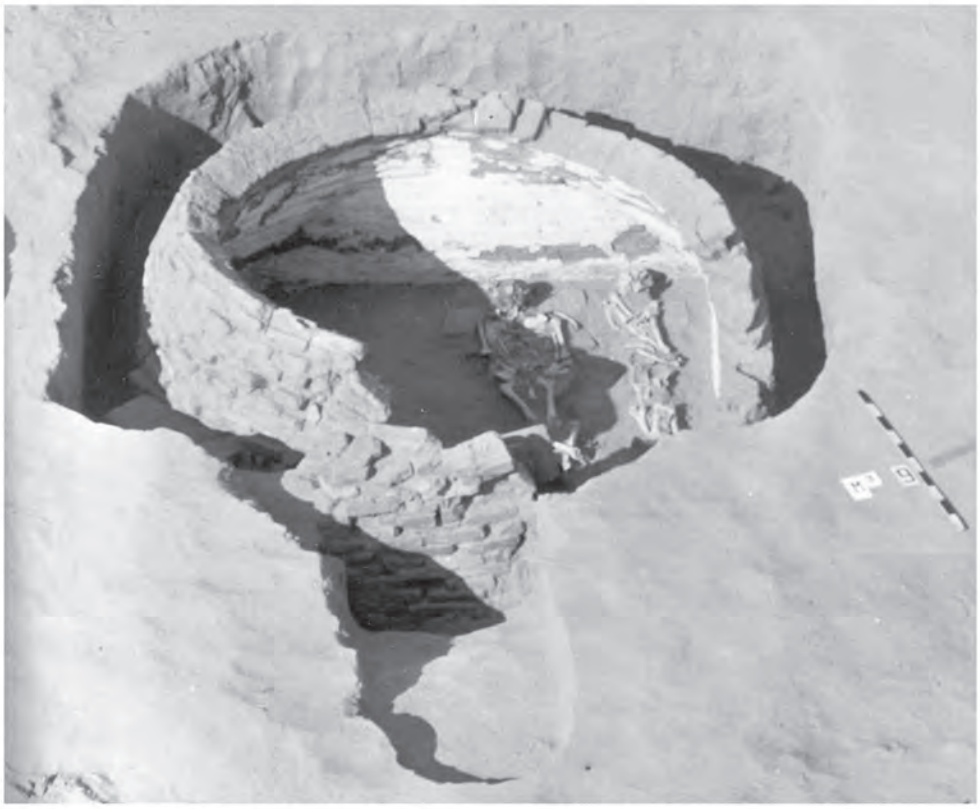
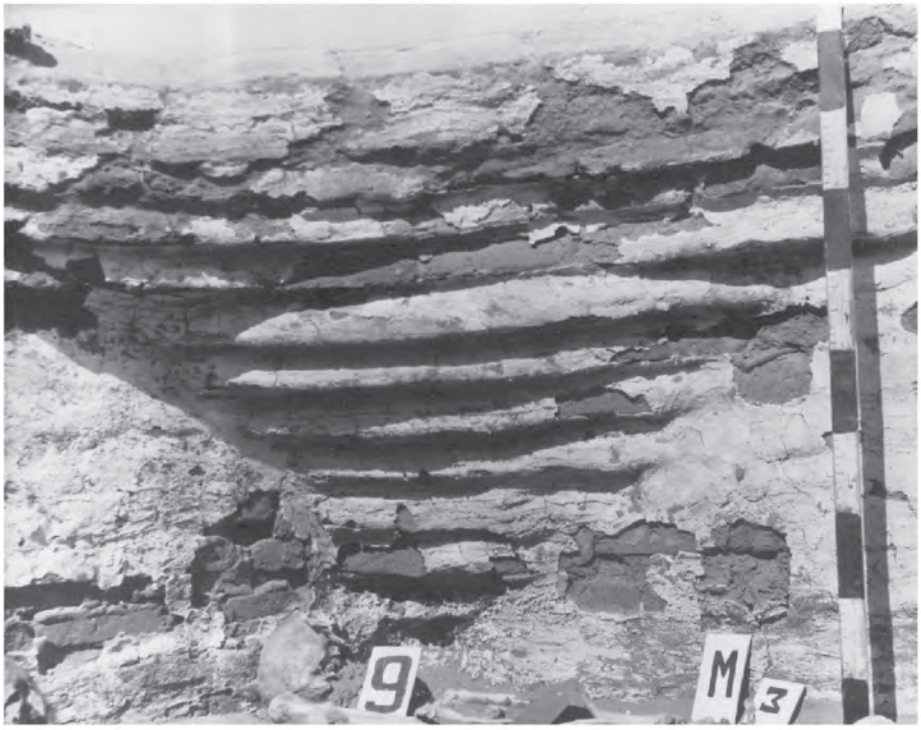

Рис. 219. Склеп № 1 на городище Ахтубинском: 1 – план; 2-7 разрезы (по В.В.Плахову).
Fig. 219. Crypt 1 at the Akhtubinskoe site: 1 – plan; 2-7 sections (after V.V. Plakhov).

1

2

Рис. 220. Склеп № 1 на городище Ахтубинском: 1 – общий вид с востока; 2 – парус (по В.В.Плахову).
Fig. 220. Crypt 1 at the Akhtubinskoe site: 1 – general view from the east; 2 – pendentive (after V.V. Plakhov).

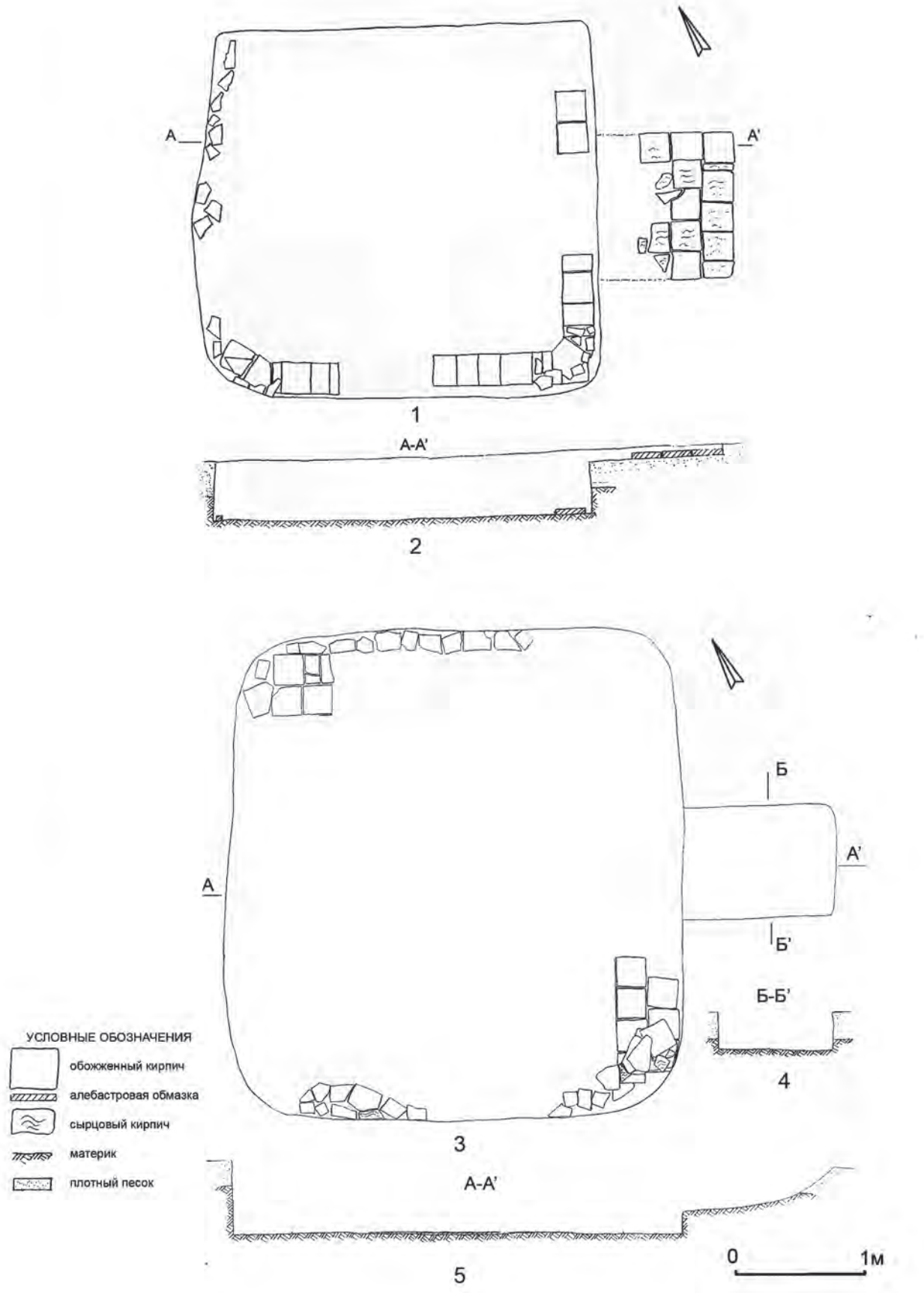

Рис. 221. Склепы №№ 1 и 2 на городище Ахтубинском: 1 – склеп № 2 – план; 2 – склеп № 2 разрез; 3 – склеп № 3 – план; 4 – склеп № 3 разрез; (по В.В.Плахову).
Fig. 221. Crypts 1 and 2 at the Akhtubinskoe site: 1 – Crypt 2, plan; 2 – Crypt 2, section; 3 – Crypt 3, plan; 4 – Crypt 3, section; (after V.V. Plakhov).

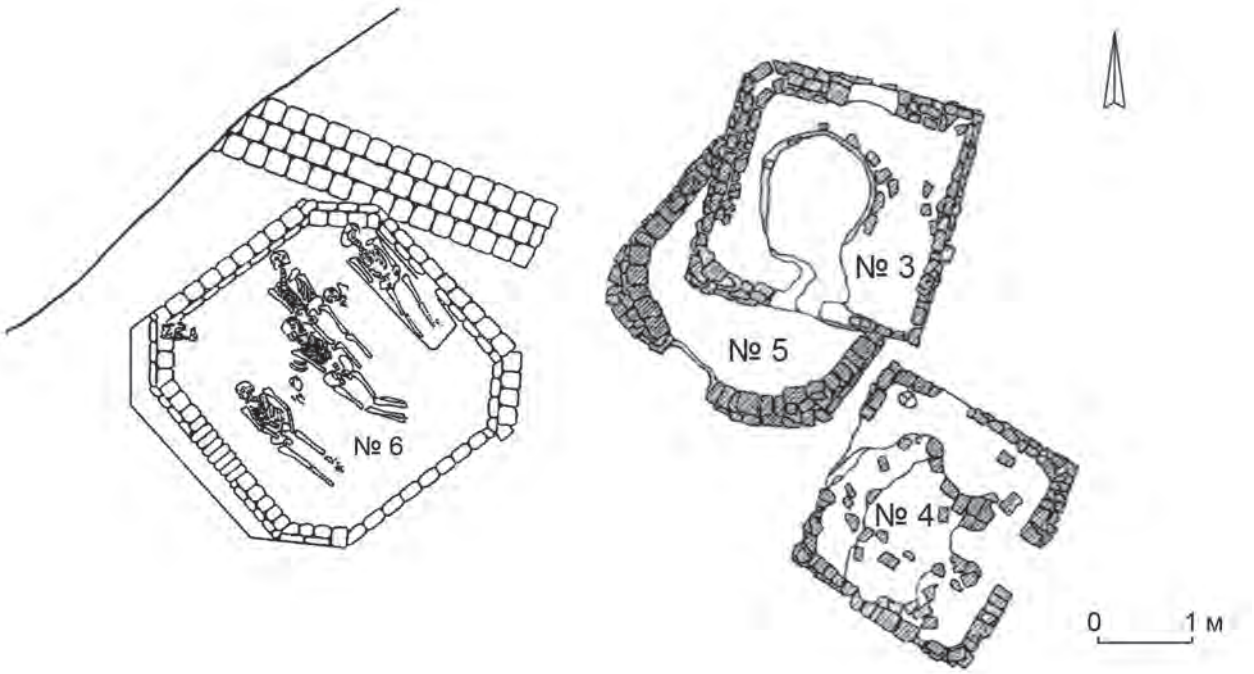

Рис. 222. Склепы в Сарайчике (по А.А. Бисембаеву).
Fig. 222. Crypts at Saraychik (after A.A. Bisembaev).

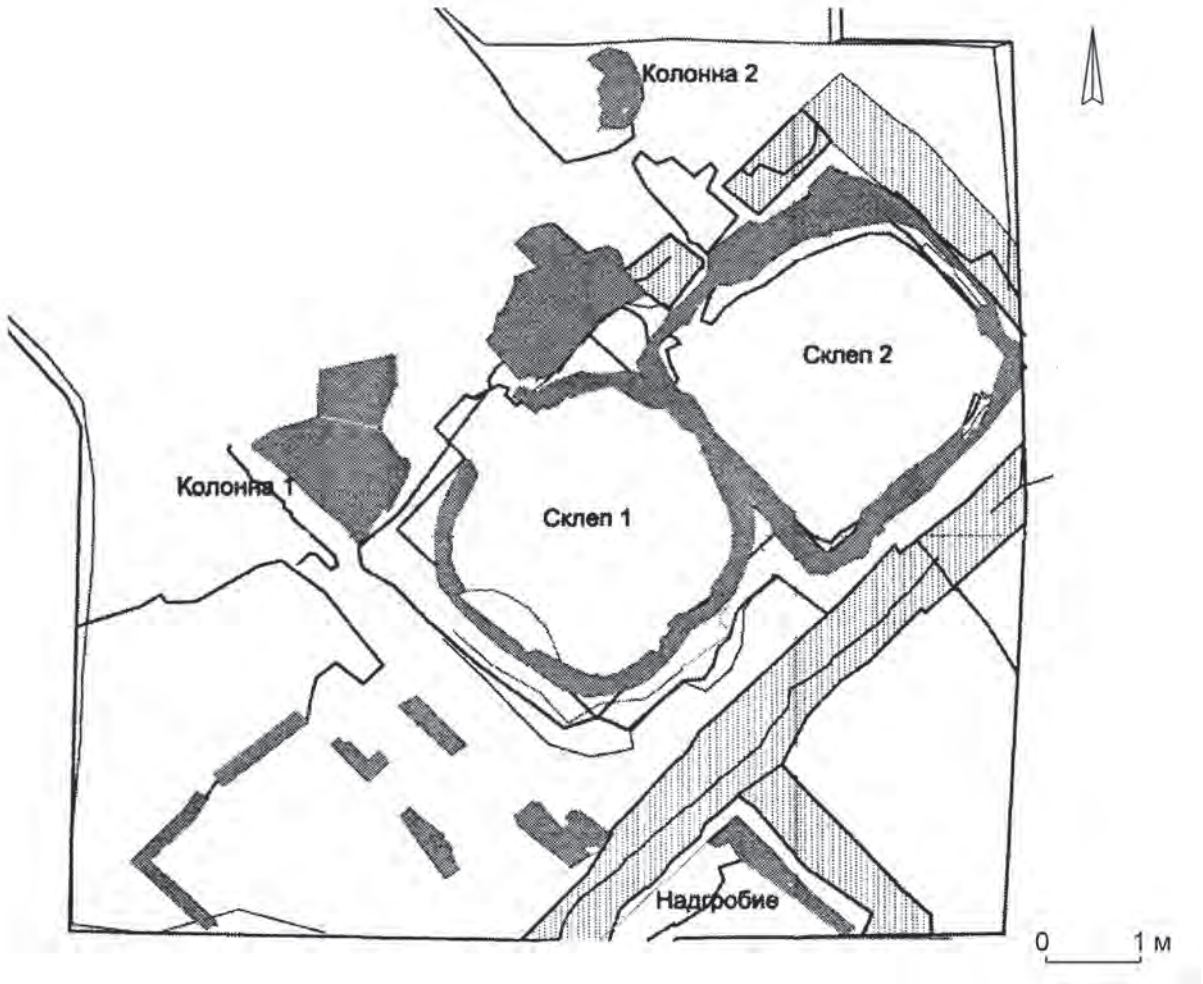

Рис. 223. Склепы 1 и 2 в Сарайчике (по З. Самашеву и М. Кожа, 2007).
Fig. 223. Crypts 1 и 2 at Saraychik (after Z. Samashev and M. Kozha, 2007).

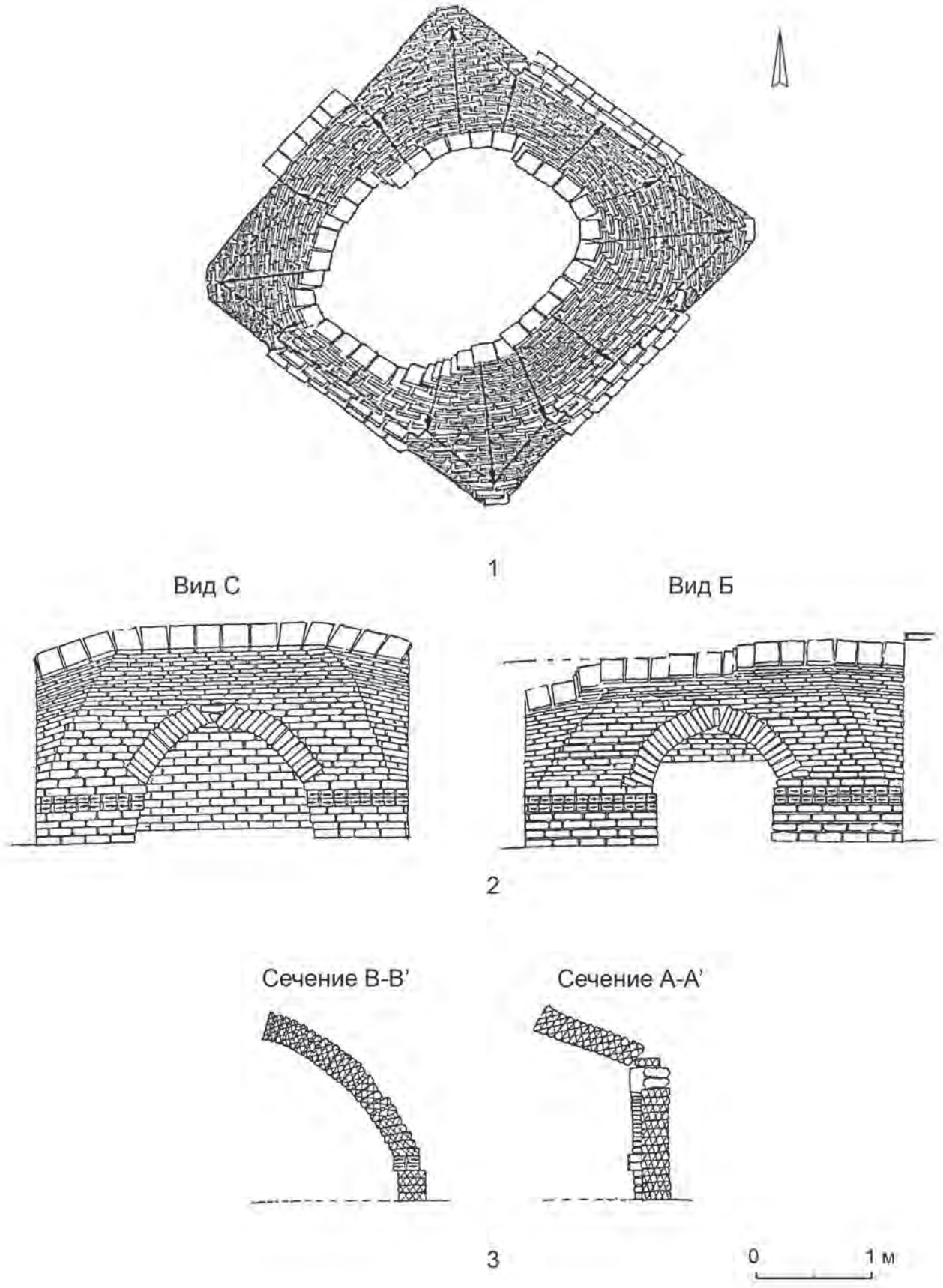

Рис. 224. Склеп 1 в Сарайчике: 1 – план; 2 – фасы стен;
3 – разрезы (по З. Самашеву и М. Кожа).
Fig. 224. Crypt 1 at Saraychik: 1 – plan; 2 – faces of walls;
3 – sections (after Z. Samashev and M. Kozha).

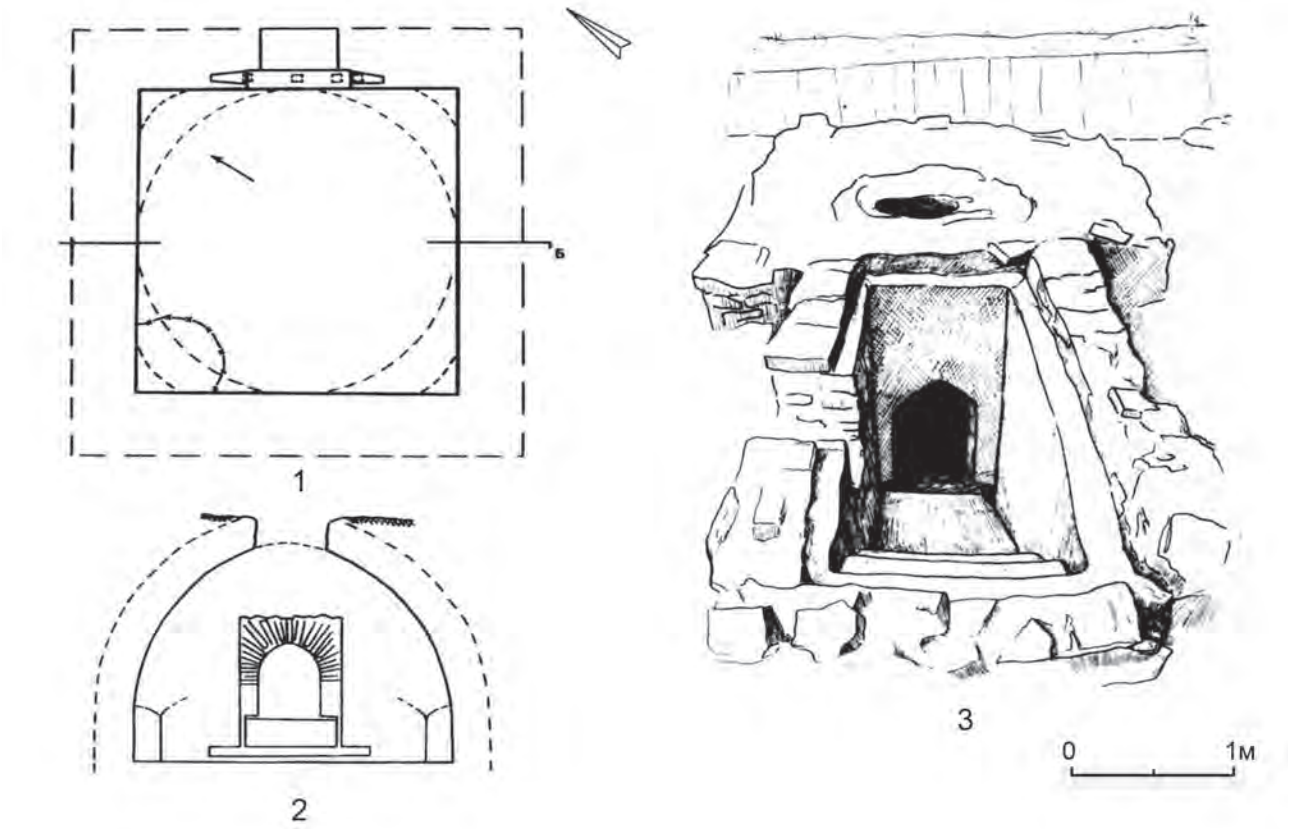

Рис. 225. Склеп возле церкви 4 в Верхнем Джулате: 1 – план без дромоса; 2 – поперечный разрез; 3 – общий вид с дромосом (по В.А. Кузнецову, 2003).
Fig. 225. Crypt near Church 4 at the Upper Julat: 1 – plan without the dromos; 2 – transverse section; 3 – general view with the dromos (after V.A. Kuznetsov, 2003).

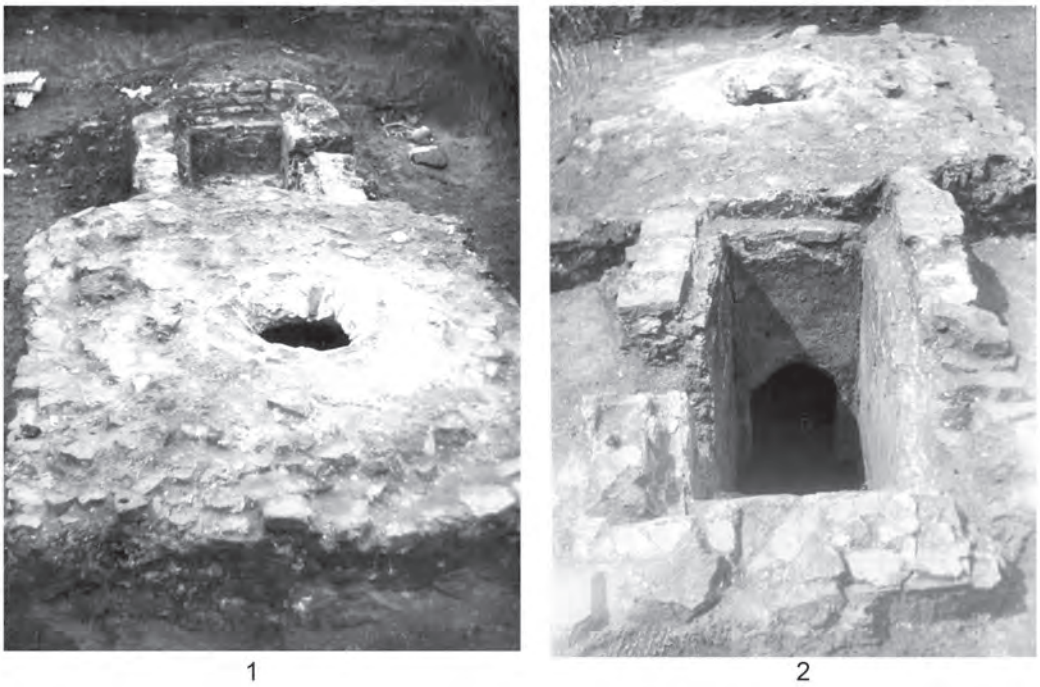

Рис. 226. Склеп возле церкви 4 в Верхнем Джулате: 1 – вид с северо-востока; 2 – вид с юго-запада.
Fig. 226. Crypt near Church 4 at the Upper Julat: 1 – view from the northeast; 2 – view from the southwest.

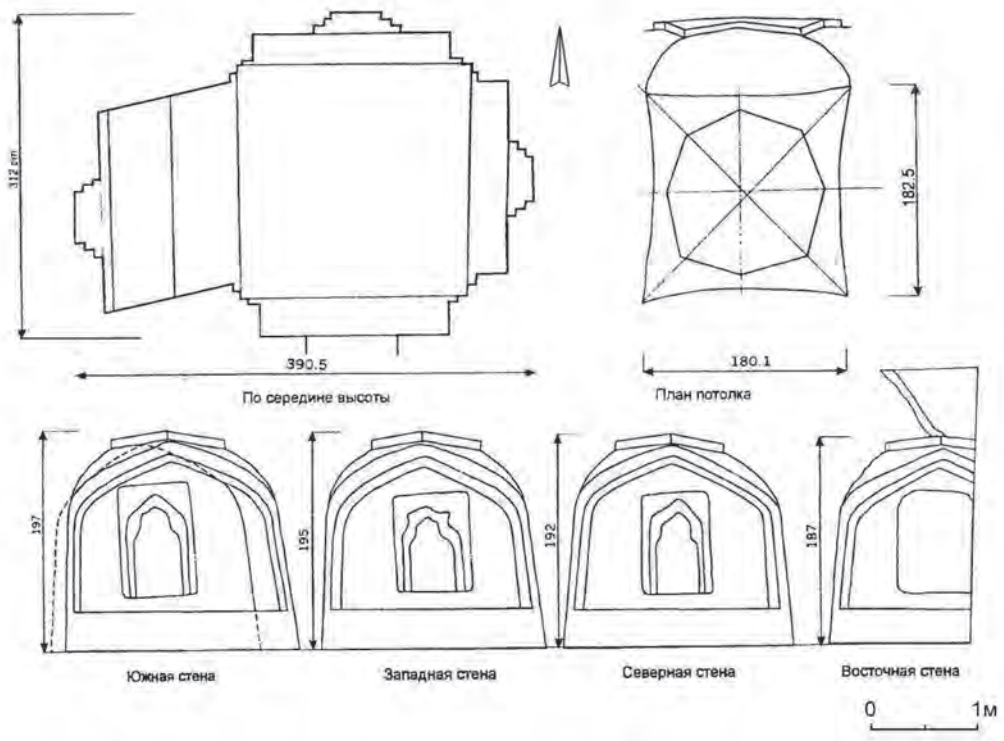

Рис. 227. Склеп в Нижнем Джулате, план и фасы стен (чертеж О.Т. Кретова).
Fig. 227. Crypt at the Lower Julat, plan and faces of walls (draught by O.T. Kretov).

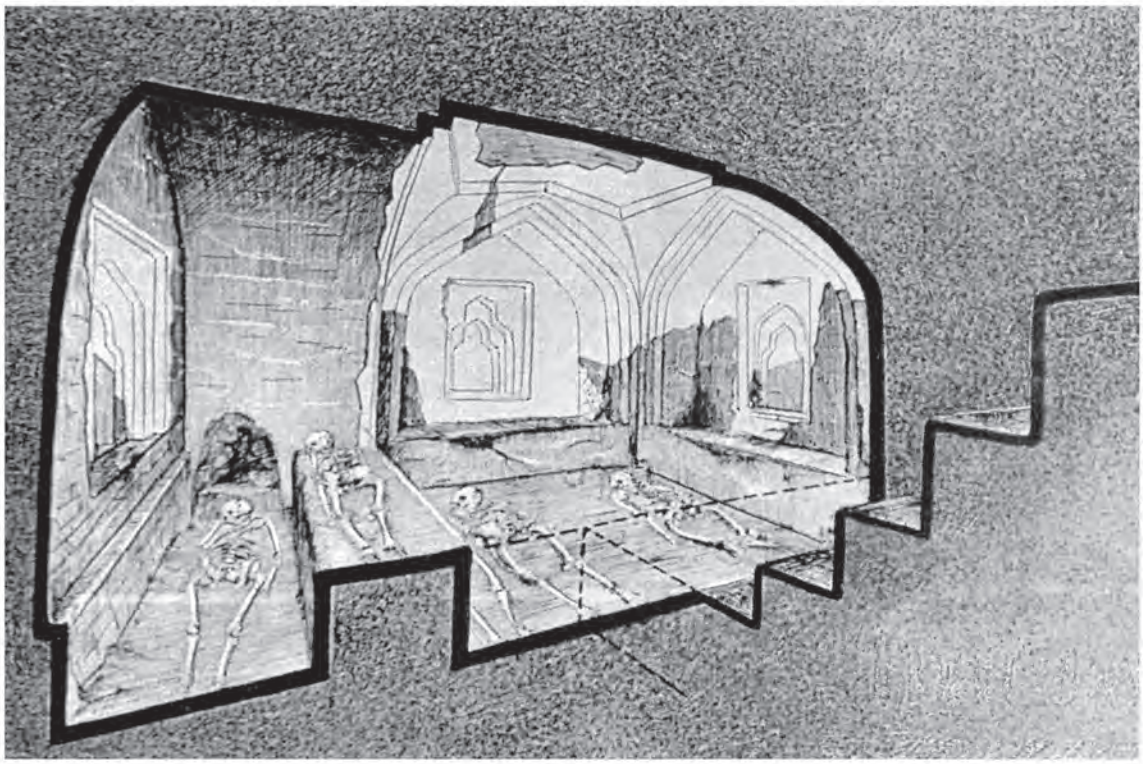

Рис. 228. Склеп в Нижнем Джулате, вид с востока (рис. О.Т. Кретова).
Fig. 228. Crypt at the Lower Julat, view from the east (drawing by O.T. Kretov).

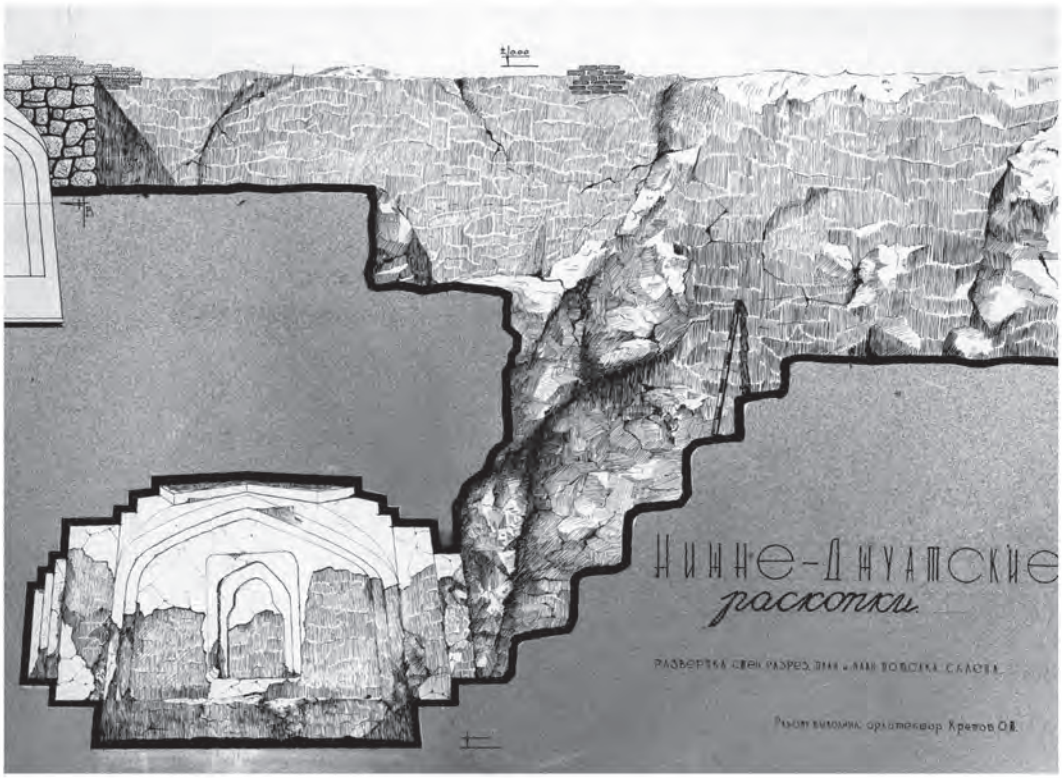

Рис. 229. Склеп в Нижнем Джулате, вид с юга (рис. О.Т. Кретова).
Fig. 229. Crypt at the Lower Julat, view from the south (drawing by O.T. Kretov).

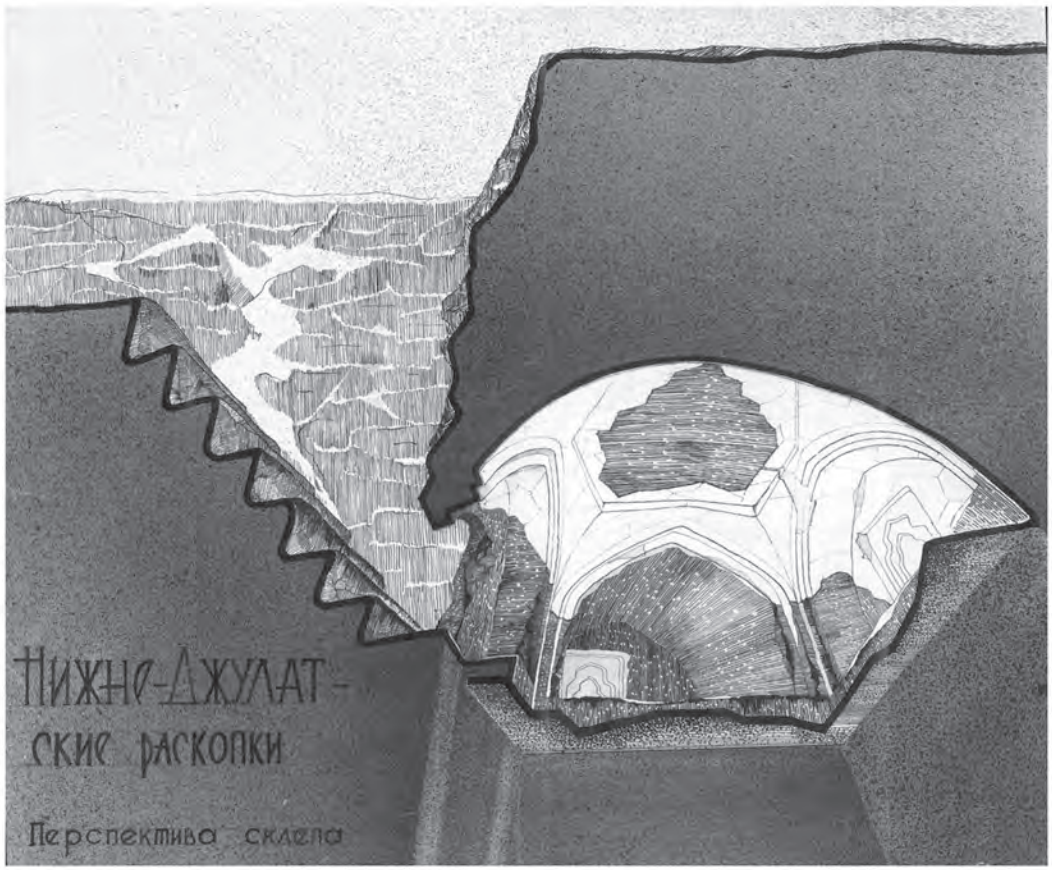
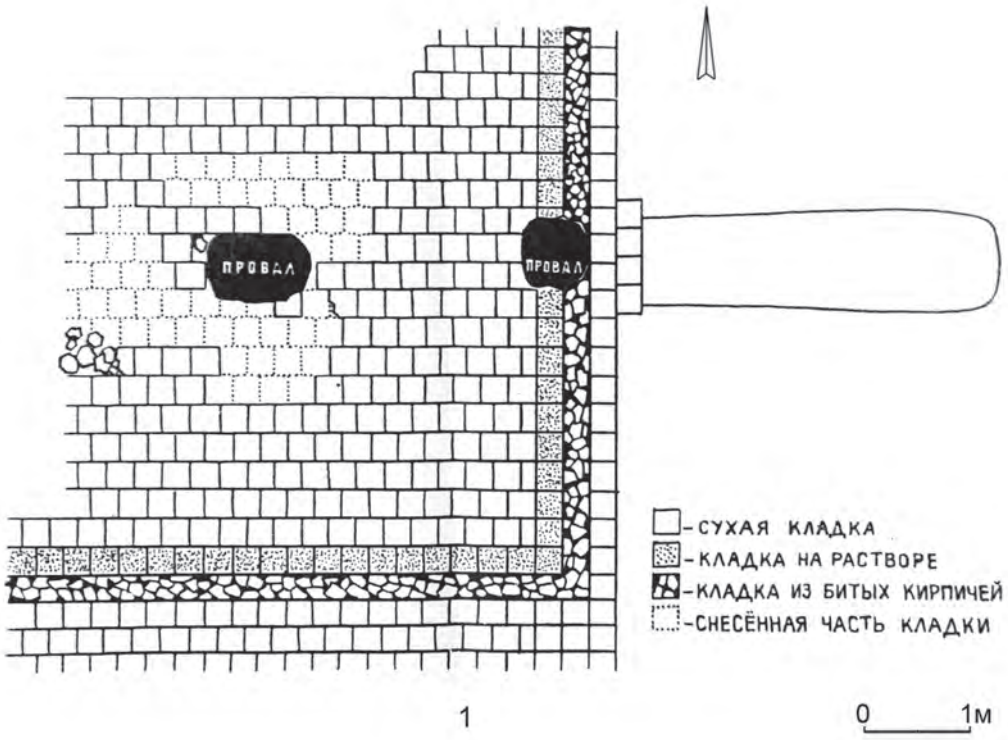

Рис. 230. Склеп в Нижнем Джулате, вид с севера (рис. О.Т. Кретова).
Fig. 230. Crypt at the Lower Julat, view from the north (drawing by O.T. Kretov).

1

2

Рис. 231. Вымостка над склепом у южной границы Нижнего Джулата: 1 – план; 2 – вид с запада (по В.М. Батчаеву).

Fig. 231. Pavement above a crypt near the southern border of the Lower Julat: 1 – plan; 2 – view from the west (after V.M. Batchaev).

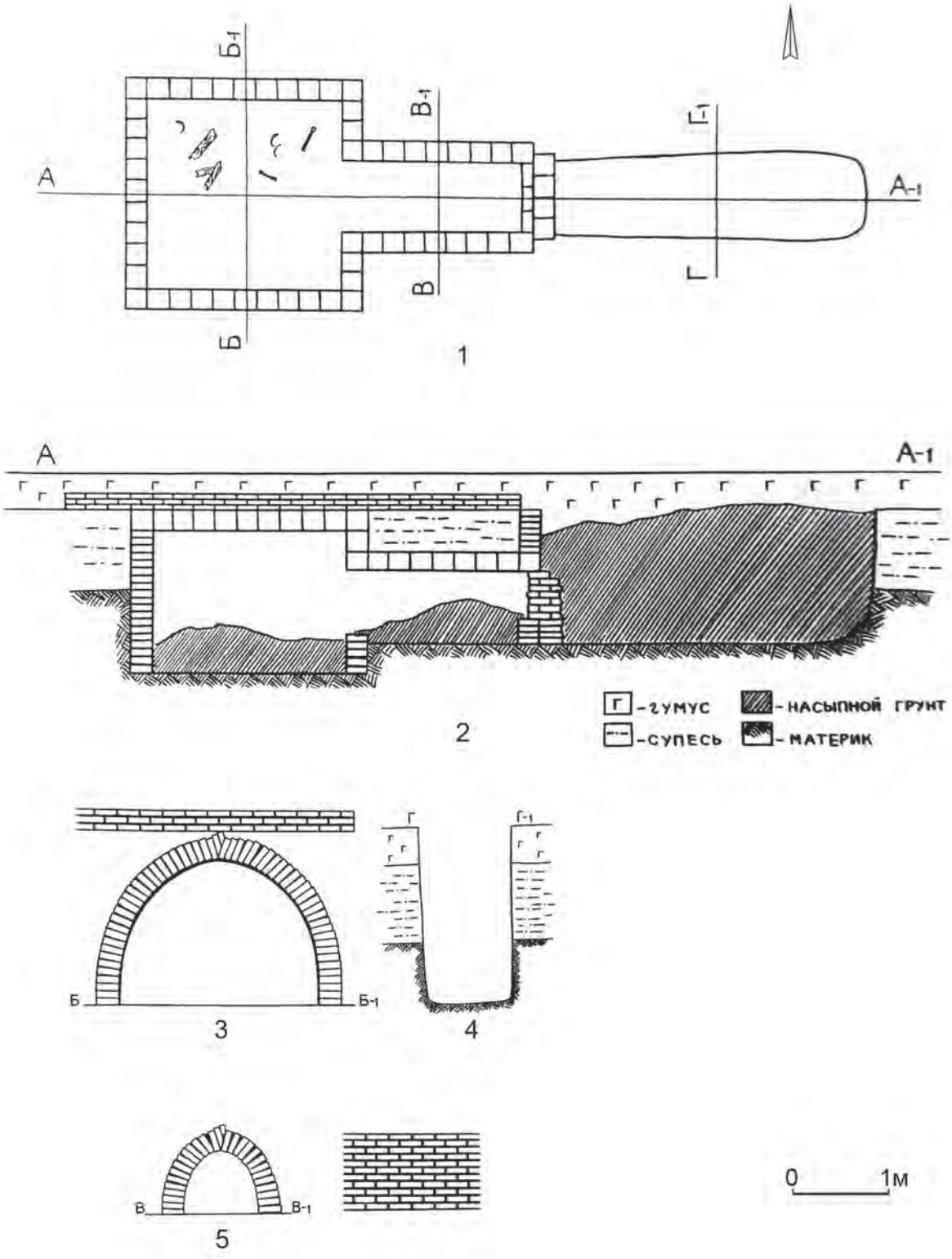

Рис. 232. Склеп у южной границы Нижнего Джулата: 1 – план;
2-5 разрезы (по В.М. Батчаеву).
Fig. 232. Crypt near the southern border of the Lower Julat: 1 – plan;
2–5 – sections (after V.M. Batchaev).

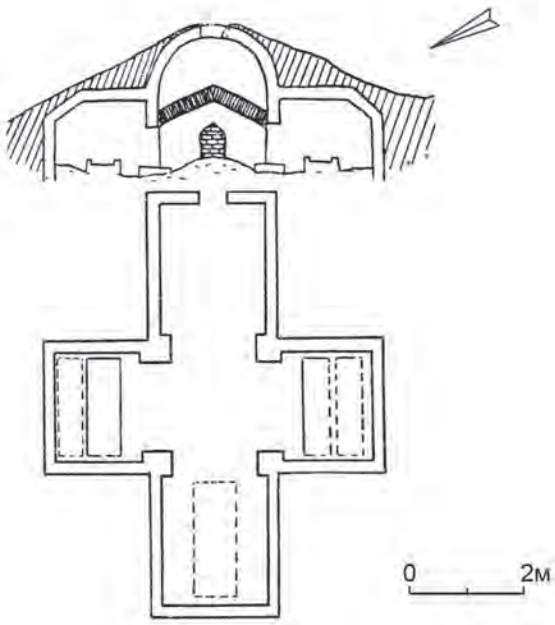

Рис. 233. Разрез и план склепа на кладбище Пакир-Ших в Туркмении (по С.П. Полякову, 1973).
Fig. 233. Section and plan of a crypt in the Pakir-Shikh cemetery in Turmenistan (after S.P. Poliakov, 1973).

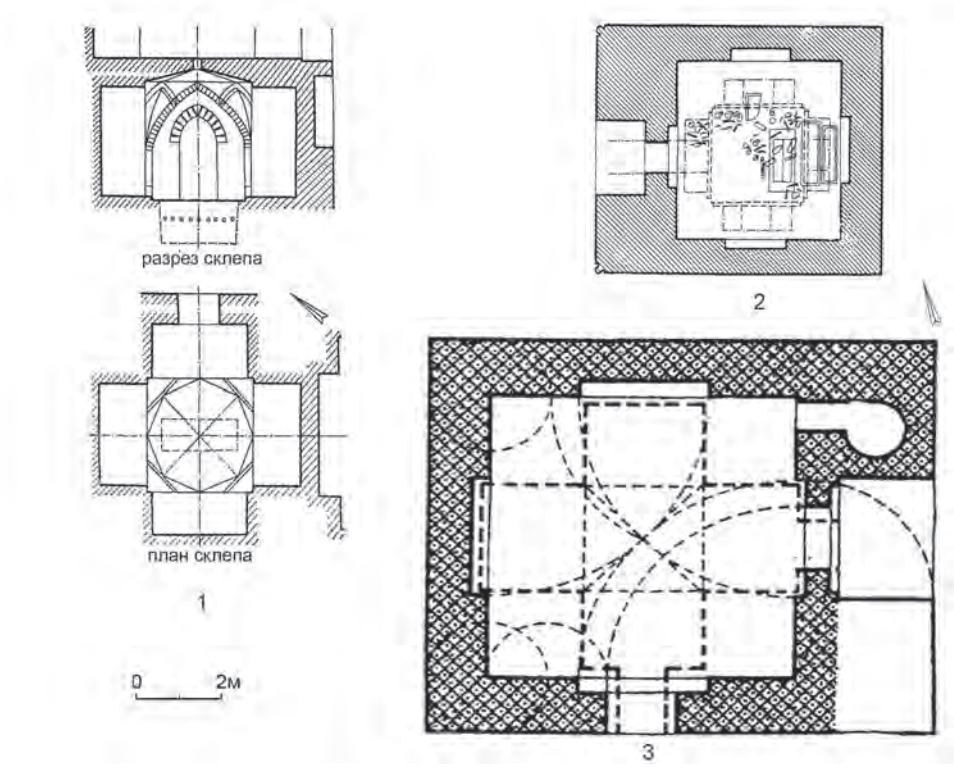

Рис. 234. Мавзолеи некрополя Шах-и Зинда со склепами крестового плана: 1 – разрез и план склепа двухкупольного мавзолея; 2 – мавзолей Ширинбек-ака; 3 – мавзолей эмира Бурундука (по Н.Б. Немцевой и Ю.З. Шваб, 1979).
Fig. 234. Cross-planned crypts: 1 – Shah-i Zindaa, Mausoleum ‘Bezymiannyi 2’; 2 – Crypt of the Gur-Emir Mausoleum at Samarkand; 3 – Crypt of Timur at Shahrisabs; 4 – Crypt of Ishrat-khan mausoleum at Samarkand; 5 – Crypt of Barda mausoleum in Azerbaijan (after N.B. Nemtseva and Yu.Z. Schwab, 1973 and L.S. Bretanitsky, 1966).

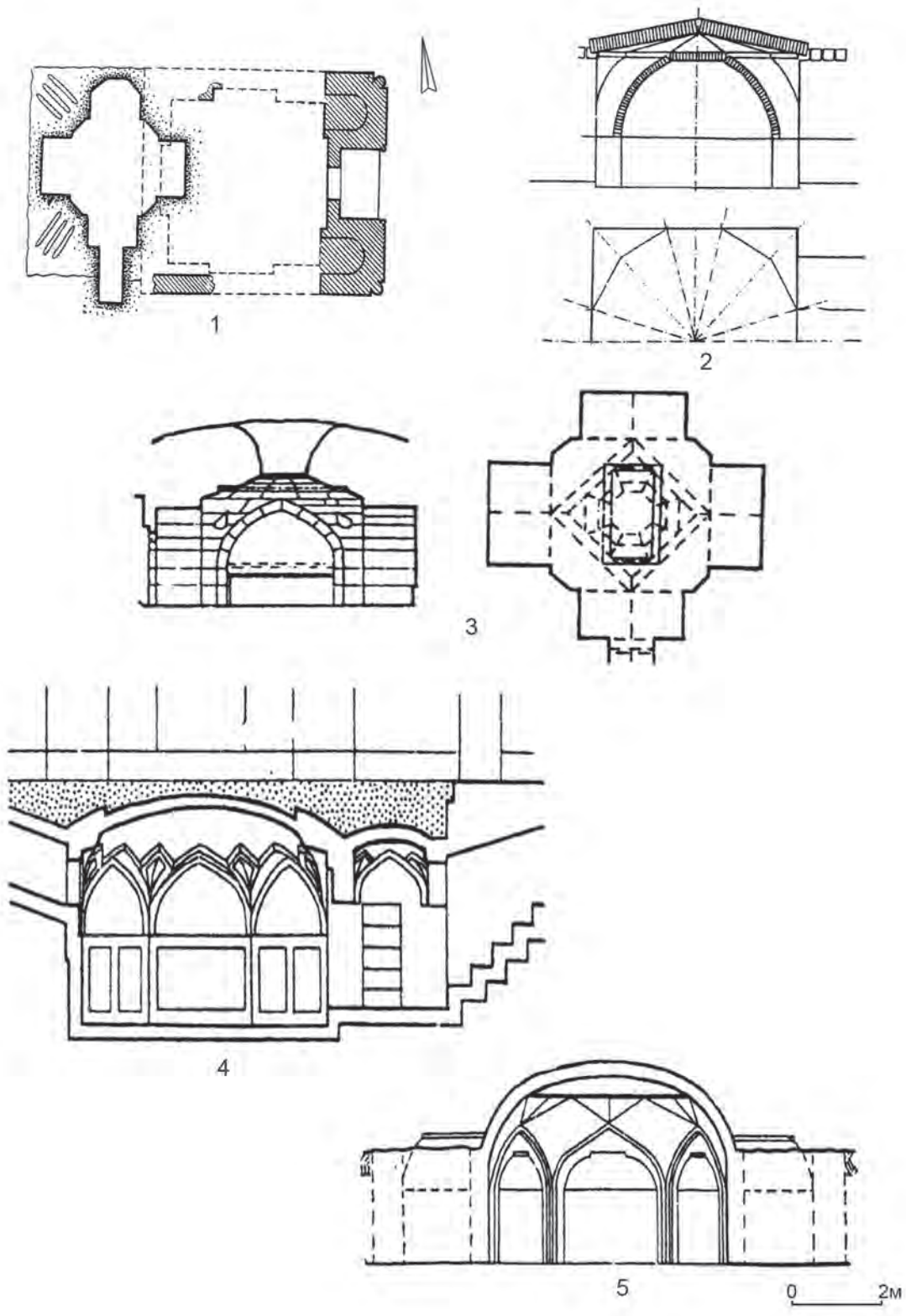

Рис. 235. Склепы крестового плана: 1 – Шах-и Зинда, мавзолей «Безымянный 2»; 2 – склеп мавзолея Гур-Эмир в Самарканде; 3 – склеп Тимур в Шахрисябсе; 4 – склеп мавзолея Ишрат-хана в Самарканде; 5 – склеп мавзолея Барда в Азербайджане (по Н.Б. Немцевой, Ю.З. Шваб, 1973, Л.С. Бретаницкому, 1966).

Fig. 235. Cross-planned crypts: 1 – Shah-i Zindaa, Mausoleum ‘Bezymiannyi 2’; 2 – Crypt of the Gur-Emir Mausoleum at Samarkand; 3 – Crypt of Timur at Shahrisabs; 4 – Crypt of Ishrat-khan mausoleum at Samarkand; 5 – Crypt of Barda mausoleum in Azerbaijan (after N.B. Nemtseva and Yu.Z. Schwab, 1973 and L.S. Bretanitsky, 1966).

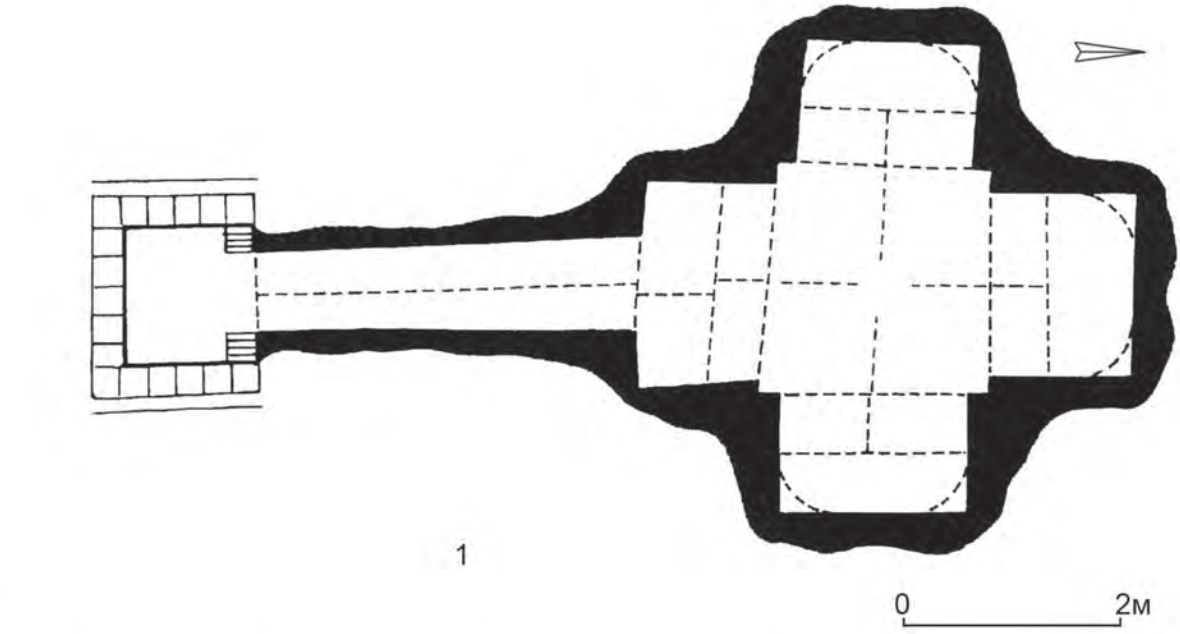

Рис. 236. Склеп в Сари Тале: 1 – план; 2 – купол; 3 – перекрытие входного коридора (по С.Г. Хмельницкому, 1996).
Fig. 236. Crypt at Sari Tal: 1 – plan; 2 – dome; 3 – ceiling of entrance passageway (after S.G. Khmel'nitsky, 1996).

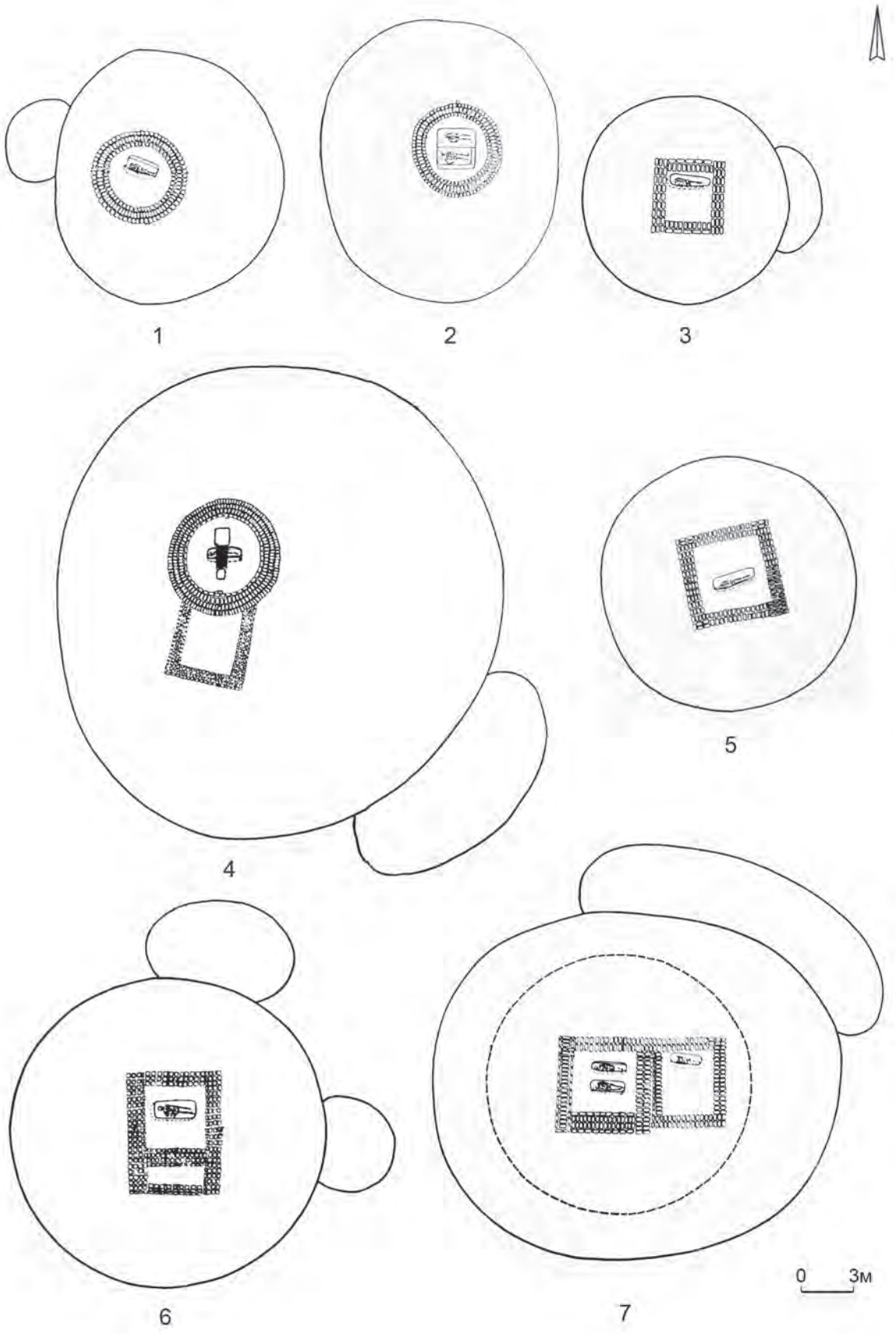

Рис. 237. Сырцовые оградки в могильнике «301 км» в Астраханской области (по Е.В.Шнадштейн).
Fig. 237. Mudbrick enclosures in the '301st kilometre' cemetery in the Astrakhan region (after E.V. Schnadstein).

1

2

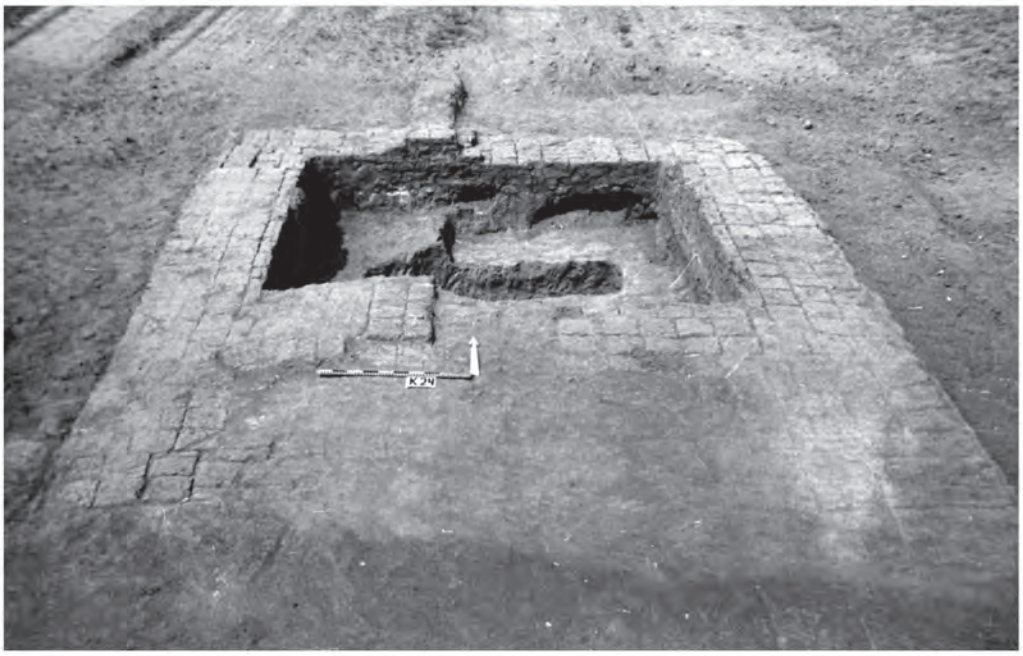

3

Рис. 238. Сырцовые оградки в могильнике «301 км» в Астраханской области (по Е.В.Шнадштейн).
Fig. 238. Mudbrick enclosures in the '301st kilometre' cemetery in the Astrakhan region (after E.V. Schnadstein).

1

2

3

Рис. 239. Сырцовые оградки в могильнике «301 км» в Астраханской области (по Е.В.Шнадштейн).
Fig. 239. Mudbrick enclosures in the '301st kilometre' cemetery in the Astrakhan region (after E.V. Schnadstein).

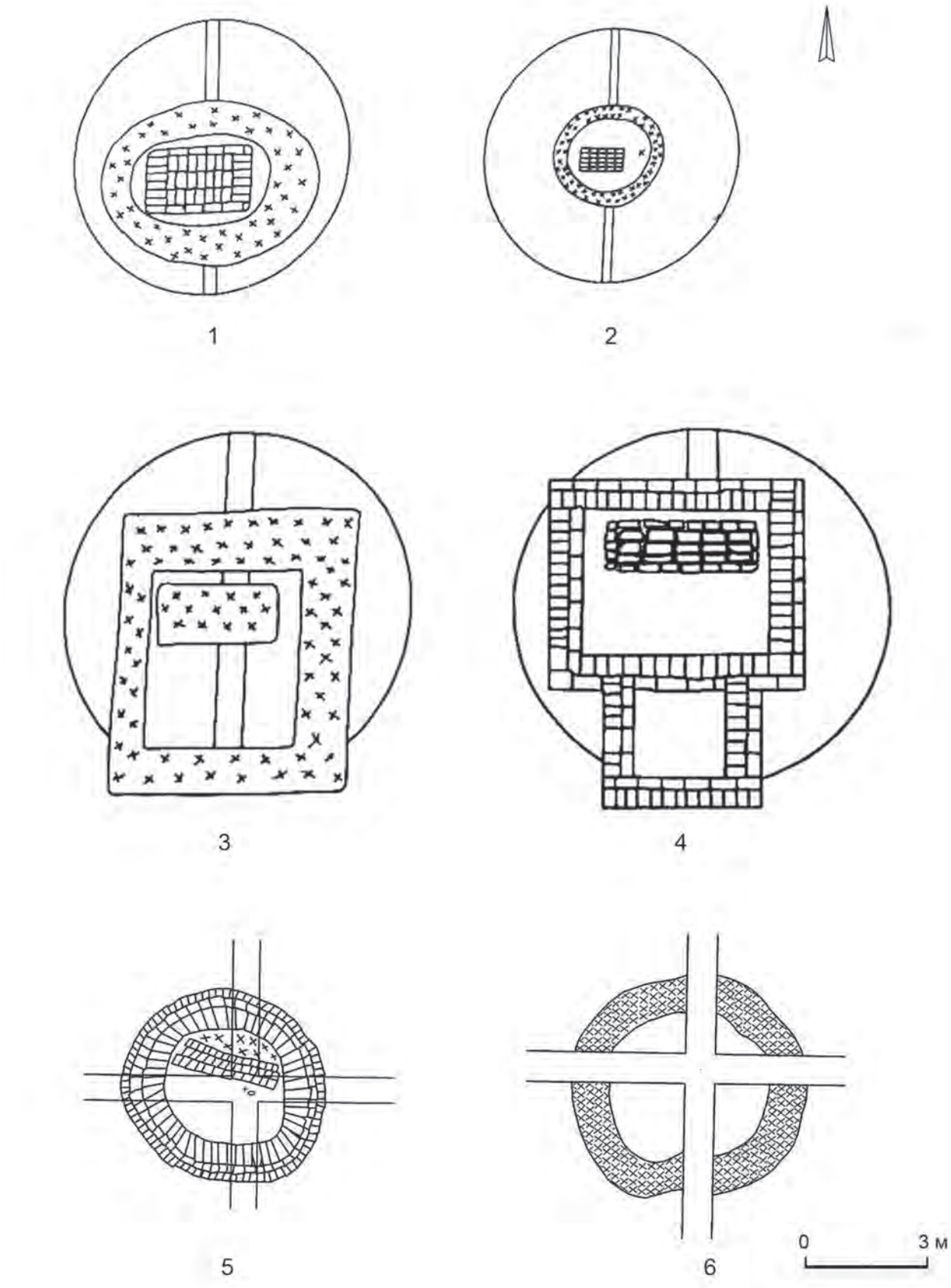

Рис. 240. Сырцовые оградки в могильнике Караултобе I в Западном Казахстане (по В.А.Кригеру и Д.В. Марыксину).
Fig. 240. Mudbrick enclosures in the Karaultobe I cemetery in Western Kazakhstan (after V.A. Kriger and D.V. Maryksin).

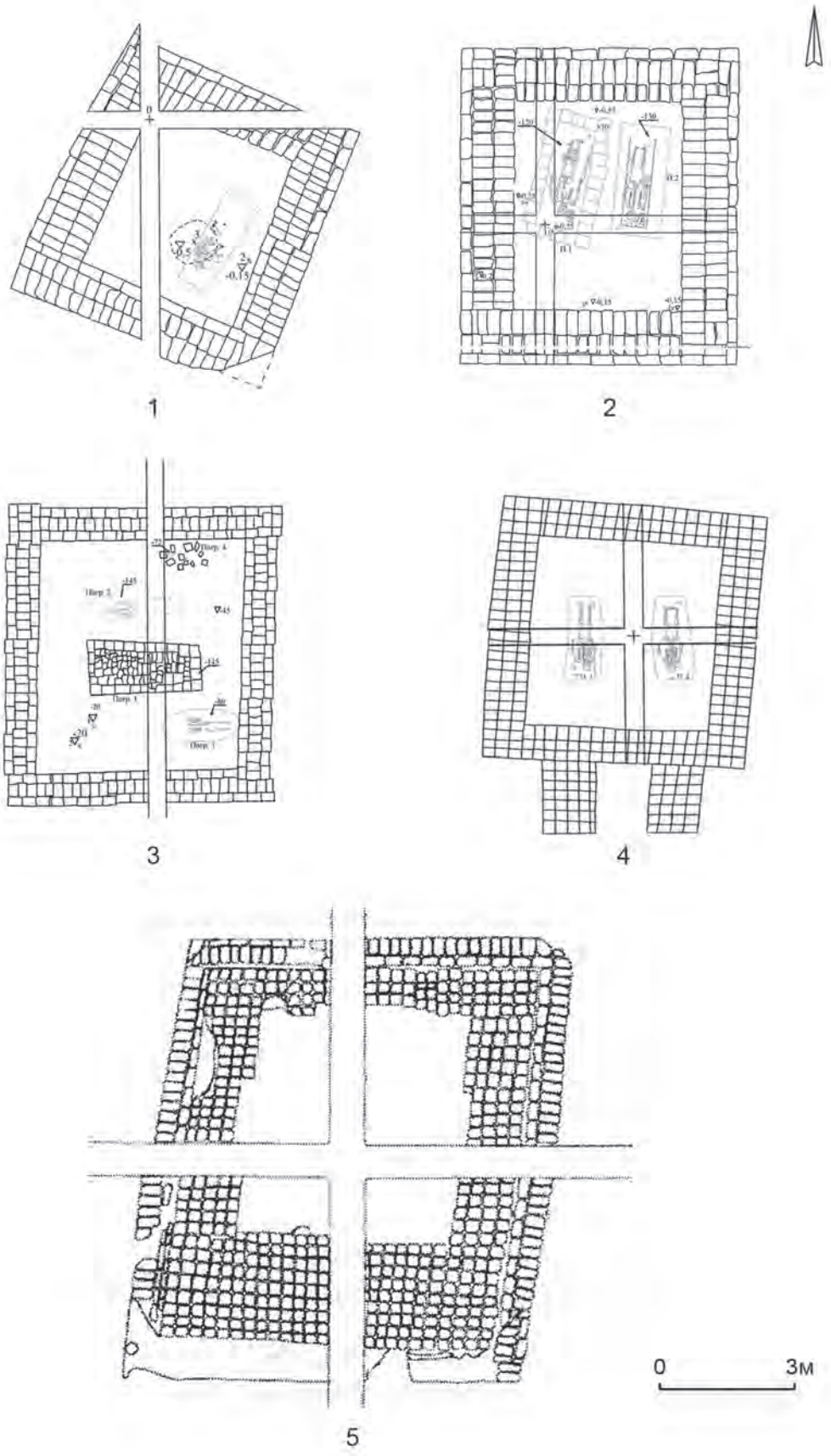

Рис. 241. Сырцовые оградки в могильнике Мокринский I в Западном Казахстане (по Д.В. Марыксину).
Fig. 241. Mudbrick enclosures in the Mokrinskii I cemetery in Western Kazakhstan (after D.V. Maryksin).

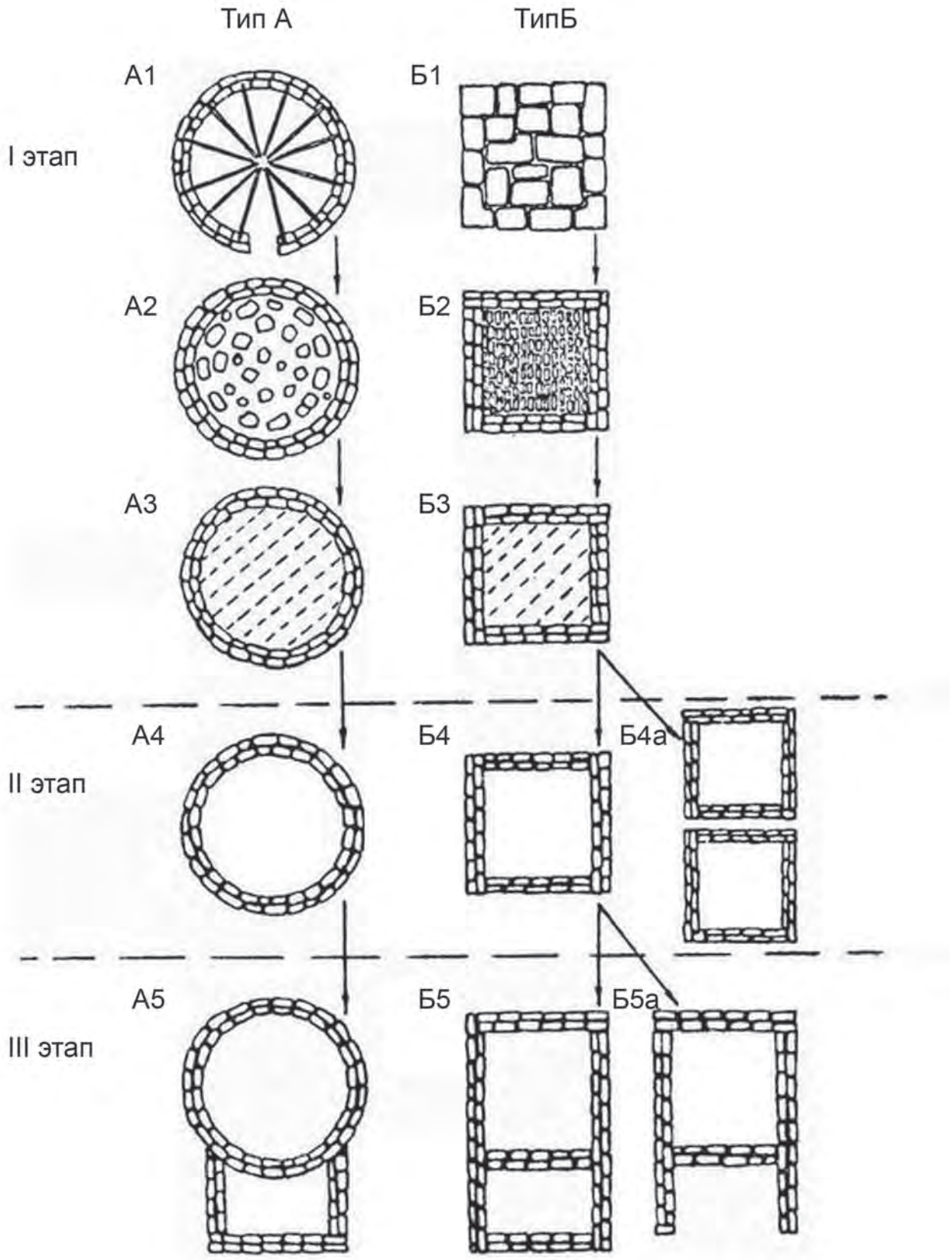

Рис. 242. Классификация сырцовых оградок по А.И. Ракушину.
Fig. 242. Classification of mudbrick enclosures after A.I. Rakushin.

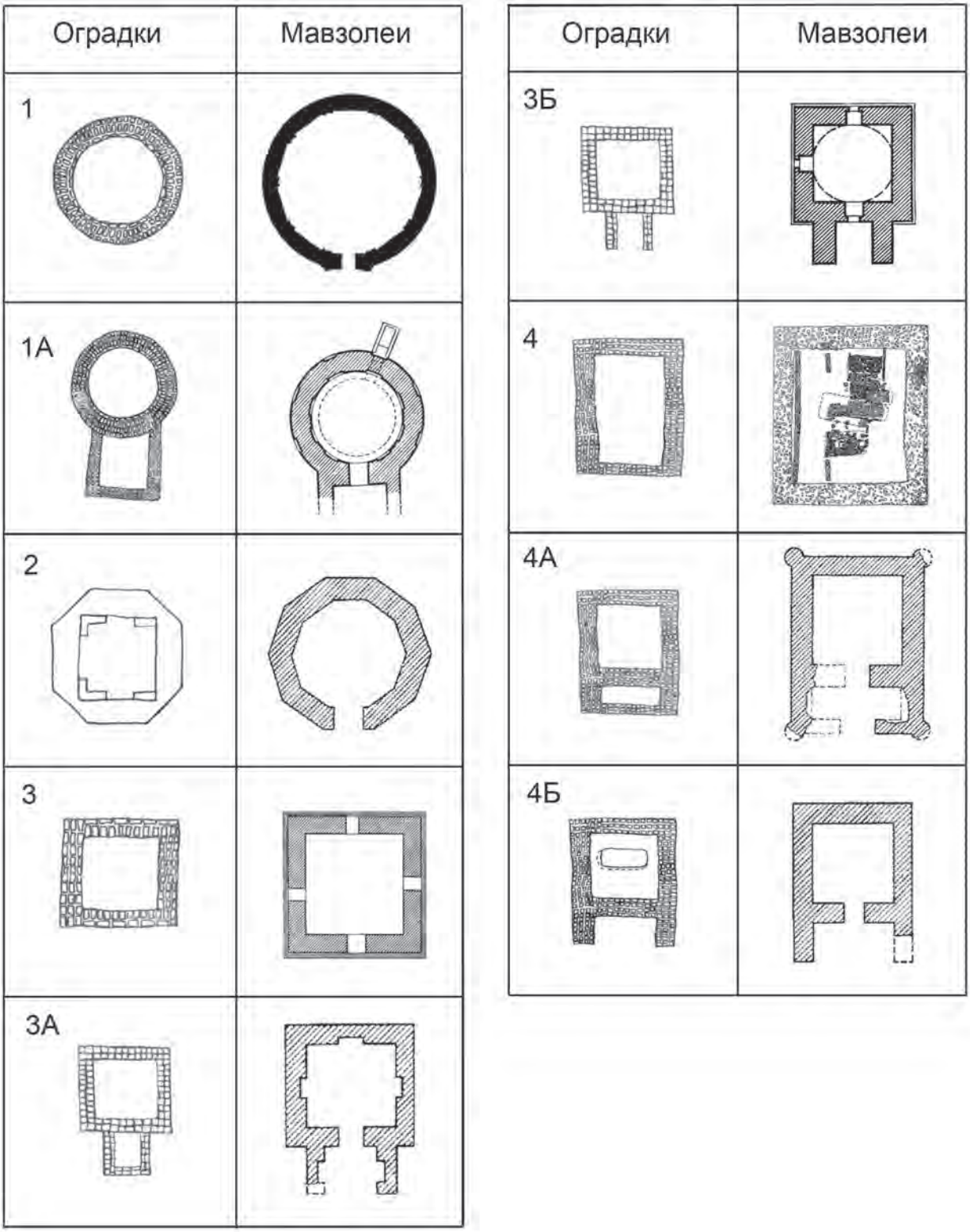

Рис. 243. Классификация сырцовых оградок и соотнесение их планировки с мавзолеями (по В.В. Дворниченко и Э.Д. Зиливинской).
Fig. 243. Classification of mudbrick enclosures и and comparison of their layout with that of mausoleums (after V.V. Dvornichenko and E.D. Zilivinskaya).

1

2

Рис. 244. Некрополь Карашуггыл в прикаспийских Каракумах XVIII-XX вв. (по С.У.Ажигали).

Fig. 244. Karashuggyl cemetery in Caspian Kara-Kum (18th – 20th centuries) (after S.U. Azhigali).

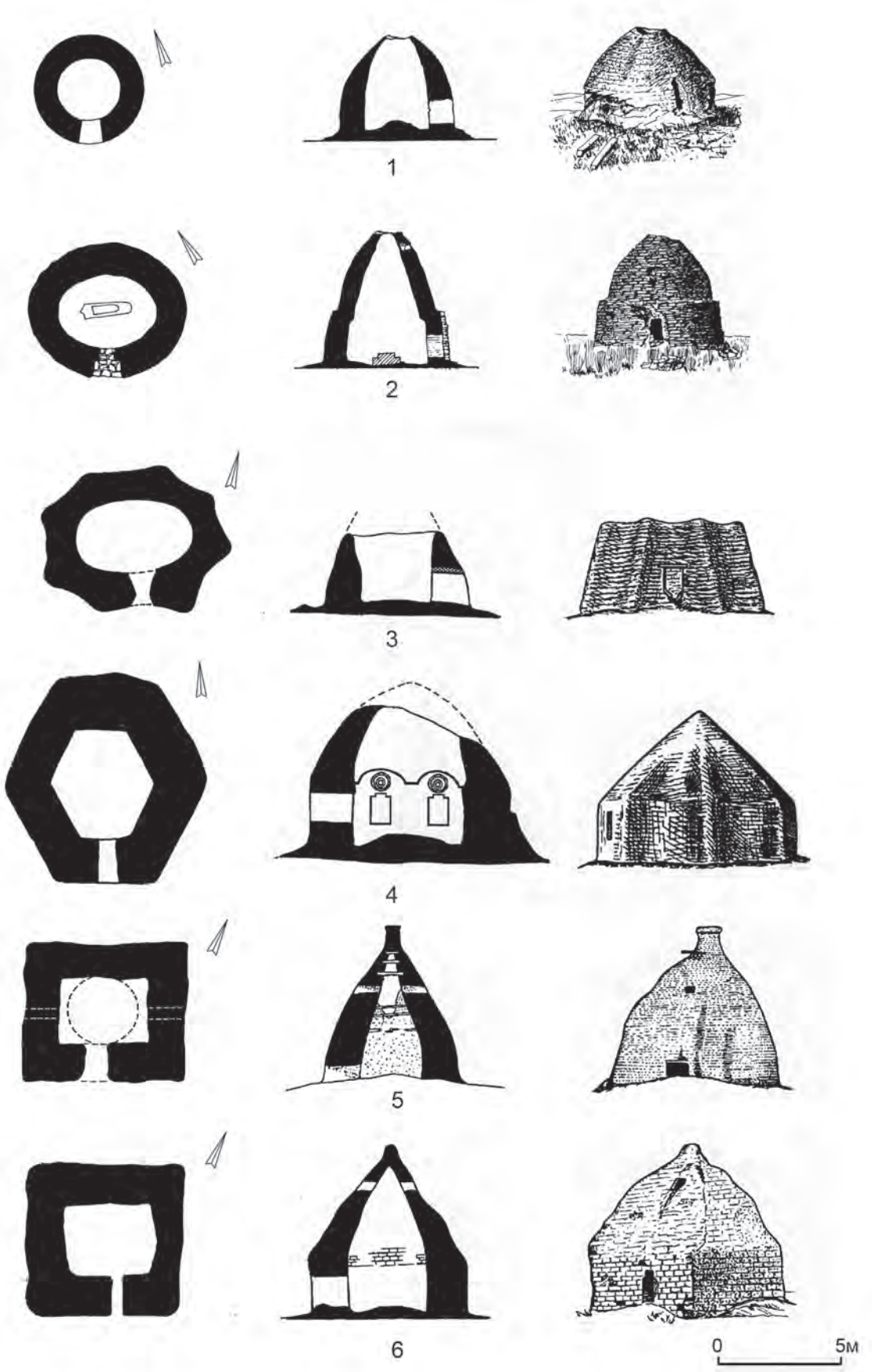

Рис. 245. Сырцовые мавзолеи некрополей Западного Казахстана; 1,2 – круглые в плане; 3,4 – многогранные; 5,6 – квадратные в плане (по С.У.Ажигали).
Fig. 245. Mudbrick mausoleums at cemeteries of Western Kazakhstan; 1,2 – circular-planned; 3,4 – polyhedral; 5,6 – square-olanned (after S.U. Azhigali).

1

2

3

4

5

Рис. 246. Сырцовые мавзолеи некрополей Западного (фото автора) и Центрального Казахстана (по М.К.Хабдулиной).
Fig. 246. Mudbrick mausoleums at cemeteries of Western (photograph by the present author) and Central Kazakhstan (after M.K. Habdulina).

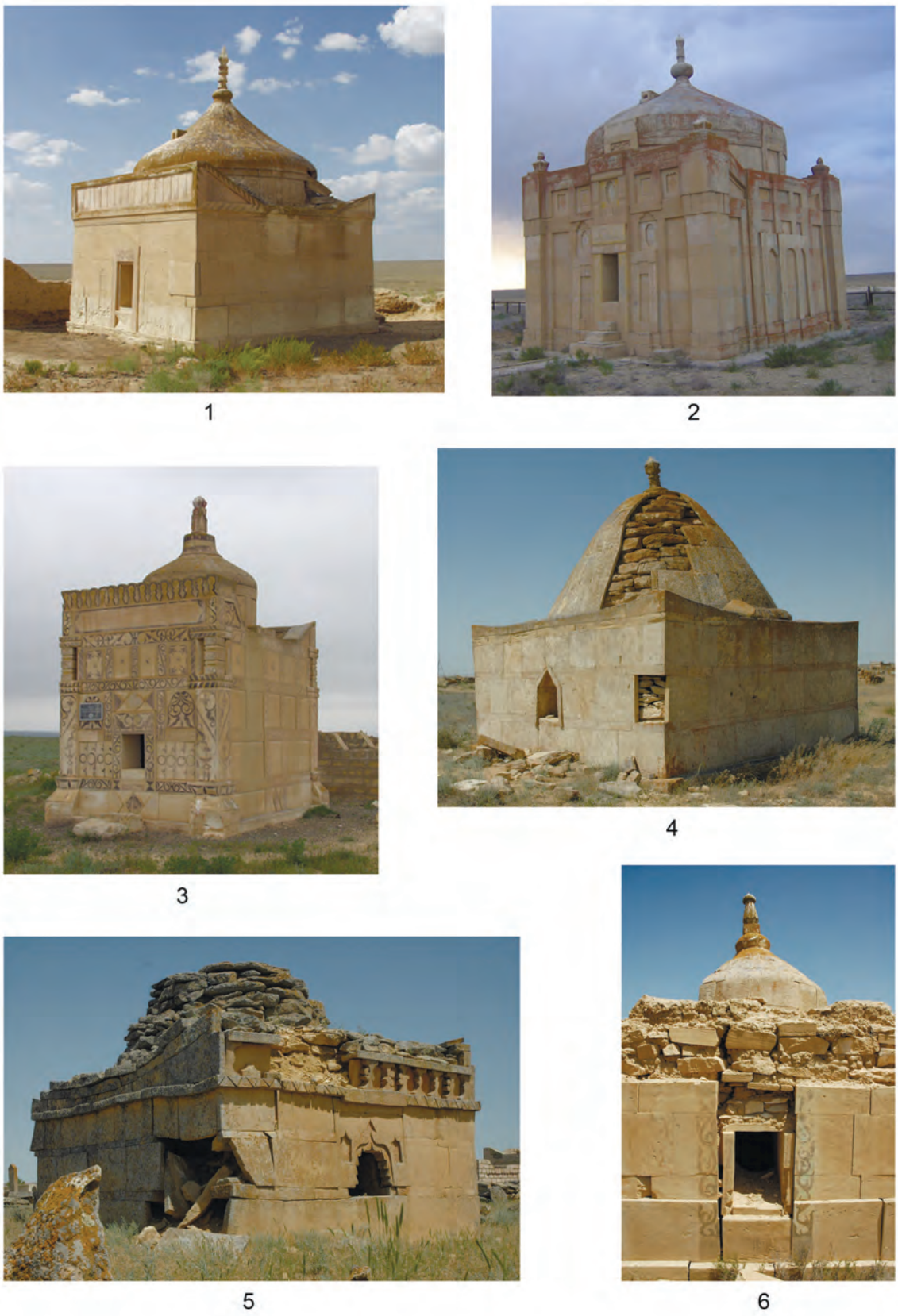

Рис. 247. Мавзолеи XIX в. Западного Казахстана с высоко расположенным входом (лазом): 1 – Омар-Тур; 2 – Мамышказган; 3 – Нурмагамбет; 4 – некрополь Уали; 5, 6 – некрополь Сисем-Ата (фото М.Д.Калменова).

Fig. 247. Nineteenth-century mausoleums in Western Kazakhstan with a highly placed entrance/manhole: 1 – Omar-Tur; 2 – Mamyshkazgan; 3 – Nurmagambet; 4 – Uali cemetery; 5, 6 – Sisem-Ata cemetery (photograph by M.D.Kalmenov).